Русская Жизнь

Январь

1884 г.

В. О. Ѣ.

Каждая книжка Журнала, в назначенное число, должна быть возвращена к Н. Ф. Чудову

1. Рыбинский Ив. Ден. 25–1.
2. Муравьев Ив. Петр. 1–8.
3. Родин Анат. Ал. – 8–15.
4. Овчинина Юлия Васил. 15–22.
5. Чудов Ал. Ив. 22–29
6. Юрмина Л. И. – 29–7.
7. Семевская Анна Вас. 7–14
8. Гречина Евфросин. Яковл. 14–21.
9. Васильев Пав. Прок. 21–28.
10. Непенина Юлия Ив. 25–1.
11. Соловская Люб. Ив. 4–11
12. Лоницкий Ал. Ст. 11–18
13. Бурмахтов Ал. Ив. 18–25.
14. Волчков Дм. Ник. 25–2
15. Тихомиров Вл. В. 2–9.
16. Пустошинцева Н. П. 9–16.
17. Неровский Вас. Фед. 16–23
18. Корнилов Круговский 23–30
19. Каменский Мих. Ал. 6–13.
20. Пономарева М. П. 13–20.
21. Немировский Н. М. 20–27.
22. Олимпич Ив. Ил. 27–4
23. Рыманов Ник. Ал. 4–11
24. Семенов Вас. Ил. 11–19.

5-90
2б1

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

23632
Пров. 50

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій переулокъ, № 5.
1884.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

РАСПОРЯЖЕНІЕ Г. МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

I. МАЗЕПИНЦЫ. Гл. I и II.—**Н. И. Костомарова**. 1

II. РАБОТЫ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА ПО ВОПРОСУ О ВЫДАЧѢ ПРЕСТУПНИКОВЪ.—**Гр. Л. Л. Комаровскаго** 34

III. ОЧЕРКИ НАРОДНАГО НАСТРОЕНІЯ. Гл. I и II.—**Н. Н. Златовратскаго** 82

IV. НОВЫЯ ДАННЫЯ О ПРЕБЫВАНІИ ПЕТРА ВЪ ПАРИЖѢ.—**М. М. Ковалевскаго** 104

V. ЗАПРОСЫ И ПРОЯВЛЕНІЯ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВЪ РАСКОЛѢ.—**А. С. Пругавина**. 161

VI. КАИНОВО ПЛЕМЯ. Романъ. Гл. I—VI.—**В. И. Немировича-Данченко**. 200

VII. СИЛЬВЕКЪ. Романъ Элизы Ожешковой. Гл. I и II.—Переводъ съ польскаго 253

VIII. Э. ЛИТТРЕ И ПОЗИТИВИЗМЪ. Гл. I и II.—**Г. Каро**. Переводъ съ французскаго 295

IX. ФИЛИНЪ. Романъ въ двухъ частяхъ **Фридриха Шпильгагена**. Ч. I, гл. I—IV.—Переводъ съ нѣмецкаго 336

X. ИВА. Поэма Альфреда де-Мюссэ.—**П. А. Козлова** 364

XI. ПЕРЕСЕЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ. Гл. I.—**В. Н. Григорьева** 1

XII. БИБЛІОГРАФІЯ:

Русскія книги.

«Народная жизнь на Сѣверѣ». *С. А. Приклонскаго*. Москва, 1884 г.—«Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи». *Н. Звѣрева*. Москва. 1883 г.—«Наша новѣйшая литература объ экономическомъ состояніи Россіи». *Д. И.* Москва, 1883 г.—«Исторія XIX вѣка до 18 брюмера». *Мишле*. Томъ II. Переводъ подъ редакціей М. Цебриковой.—«Жизнь и счастіе». *Изслѣдованія Владиміра Баранова*. С.-Пб., 1884 г.—**В. А. Гольцева** 41

Иностранныя книги.

«Вопросъ о народномъ образованіи во Франціи». (Jean Macé et la fondation de la ligue de l'enseignement. *Dessoye;* Essai des droits et des devoirs de la famille et de l'état en matière d'enseignement et d'éducation. *Abbé Jn. Crozat;* L'éducation des enfants aux Etats-Unis. *Marie Loizillon*).—**В. А. Гольцева** . . 49

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

КНИГА I.

МОСКВА.

1884.

Редакція и главная контора журнала. Леонтьевскій пер., 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ — Петровскія торгорыя линіи.

Въ С.-Петербургѣ—при книжномъ Магазинѣ Н. Фену и К°.

Въ Кіевѣ—при типографіи И. Н. Кушнерева и К°, Елисаветинская улица, д. Михельсона.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ПОЛИТИКИ

ГОДЪ ПЯТЫЙ

КНИГА I.

МОСКВА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

РАСПОРЯЖЕНІЕ Г. МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

I. МАЗЕПИНЦЫ. Гл. I и II.—**Н. И Костомарова** 1

II. РАБОТА ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА ПО ВОПРОСУ О ВЫДАЧѢ ПРЕСТУПНИКОВЪ.—**Гр. Л. Л. Комаровскаго** 34

III. ОЧЕРКИ НАРОДНАГО НАСТРОЕНІЯ. Гл. I и II.—**Н. Н. Златовратскаго** 82

IV. НОВЫЯ ДАННЫЯ О ПРЕБЫВАНІИ ПЕТРА ВЪ ПАРИЖѢ.—**М. М. Ковалевскаго** 104

V. ЗАПРОСЫ И ПРОЯВЛЕНІЯ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВЪ РАСКОЛѢ.—**А. С. Пругавина**. 161

VI. КАИНОВО ПЛЕМЯ. Романъ. Гл. I—VI.—**В. И. Немировича-Данченко.** 200

VII. СИЛЬВЕКЪ. Романъ Элизы Ожешковой. Гл. I и II.—Переводъ съ польскаго 253

VIII. Э. ЛИТТРЕ И ПОЗИТИВИЗМЪ. Гл. I и II.—**Г. Каро.** Переводъ съ французскаго 295

IX. ФИЛИНЪ. Романъ въ двухъ частяхъ **Фридриха Шпильгагена.** Ч. I, гл. I—IV.—Переводъ съ нѣмецкаго 336

X. ИВА. Поэма Альфреда де-Мюссэ.—**П. А. Козлова** 364

XI. ПЕРЕСЕЛЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ. Гл. I.—**В. Н. Григорьева** 2

XII. БИБЛІОГРАФІЯ:

Русскія книги.

«Народная жизнь на Сѣверѣ». *С. А. Приклонскаго.* Москва, 1884 г.—«Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи». *Н. Звѣрева.* Москва. 1883 г.—«Наша новѣйшая литература объ экономическомъ состояніи Россіи». *Д. И.* Москва, 1883 г.—«Исторія XIX вѣка до 18 брюмера». *Мишле.* Томъ II. Переводъ подъ редакціей М. Цебриковой.—«Жизнь и счастіе». *Изслѣдованія Владиміра Баранова.* С.-Пб., 1884 г.—**В. А. Гольцева** 41

Иностранныя книги.

«Вопросъ о народномъ образованіи во Франціи» (Jean Macé et lafondation de la ligue de l'enseignement. *Dessoye;* Essai des droits et des devoirs de la famille et de l'état en matière d'enseignement et d'éducation. *Abbe Jn. Crozat;* L'éducation des enfants aux Etats-Unis. *Marie Loizillon*).—**В. А. Гольцева** . . 49

Стр.

XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Съ какимъ чувствомъ мы встрѣтили истекающій годъ. — Что онъ принесъ намъ и какая существуетъ разница въ настроеніи нашемъ тогда и теперь.— Толки о золотой рентѣ и нашъ взглядъ на этотъ заемъ.—Значеніе мѣропріятій, принимаемыхъ для востановленія цѣнности кредитнаго рубля 57

Приложеніе: МАКБЕТЪ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. В. Шекспира. Пер. **С. А. Юрьева** . . . . . 1—32

Распоряженіе г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

16 декабря 1883 года.

Принимая въ соображеніе, что въ журналѣ *Русская Мысль* появлялись въ теченіе послѣдняго времени статьи, несомнѣнно свидѣтельствующія о вредномъ его направленіи, которое, между прочимъ, особенно рѣзко выразилось въ статьѣ *Петербургскія письма*, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ означеннаго изданія,—Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 50 прилож. къ ст. 4 (примѣч.) Уст. Ценз. Св. Зак. Т. XIV, по продолж. 1876 г., и согласно заключенію Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, *опредѣлилъ:* объявить журналу *Русская Мысль первое* предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора Потомственнаго Почетнаго Гражданина Вукола Лаврова и редактора Коллежскаго Секретаря Сергѣя Юрьева.

МАЗЕПИНЦЫ.

I.

Федеративность и московская политика.—Мазепа какъ полякъ.—Народъ малороссійскій противъ Мазепы. — Малочисленность мазепиной партіи. — Лебединъ. — Судъ и расправа надъ мазепинцами. — Опоченокъ. — Дубяга. — Лохвицкій сотникъ Яременко. — Гамалія и Мартосенко. — Данило Таращенко и Яковъ Кудинъ.—Попъ Мловскій.—Сельскій попъ изъ Лубенскаго полка. — Люди Ломиковскаго. — Городецкій и Пекалицкій.—Миргородскій полковникъ и другіе переходятъ обратно отъ Мазепы къ Петру.—Полтавскій полковникъ Левенецъ.—Гамалія и Андрей Горленко.

Въ 1882 году, въ журналѣ *Русская Мысль* печаталась наша историческая монографія: *Мазепа*. Въ ней было указано, что замыселъ измѣнить царю Петру и перейти на сторону его непріятелей не вырабатывался и не созрѣвалъ въ теченіе многихъ предшествовавшихъ лѣтъ, а возникъ уже не задолго до событія, такъ громко и вмѣстѣ такъ позорно обезсмертившаго память Мазепы. Этотъ малороссійскій гетманъ былъ по своей натурѣ эгоистъ; онъ былъ искренно вѣренъ царю Петру до тѣхъ поръ, пока Петръ былъ силенъ, пока Петру не угрожалъ могучій врагъ, въ многолѣтней борьбѣ съ нимъ достигшій такихъ успѣховъ, что уже можно было, казалось, смѣло пророчить ему скоро окончательное торжество. Онъ уже уничтожилъ въ прахъ польскаго короля Августа, Петрова союзника, и готовился расправиться съ послѣднимъ своимъ врагомъ—съ русскимъ государемъ. Вся Европа посылала шведскому герою поздравленія и пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ. Самъ Петръ уже терялъ надежду на успѣхъ и просилъ мира; но гордый побѣдитель не хотѣлъ мириться иначе, какъ на условіяхъ, унизительныхъ для Россіи. Ничто не допускало опасаться, чтобъ слава шведскаго короля скоро затмилась. Шведскій король заранѣе объявлялъ постав-

ленному отъ него польскому королю Станиславу, что намѣренъ, побѣдивши Петра, возвратить Польшѣ отнятыя отъ нея Россіею области. Въ числѣ такихъ областей была и Малороссія, гдѣ управлялъ Мазепа въ званіи гетмана войска запорожскаго. Легко было разсудить, что, вмѣсто невольнаго присоединенія къ Польшѣ, лучше было заранѣе изъявить желаніе соединиться съ нею добровольно. У тогдашнихъ культурныхъ малороссіянъ, получавшихъ всѣ задатки образованности не иначе, какъ изъ Польши или черезъ Польшу, давно уже засѣли въ головѣ принципы знаменитаго гадяцкаго договора съ его неудавшимся русскимъ княжествомъ, съ его самостоятельностью Украины, федеративно связанной съ Польшею. Народъ украинскій не принялъ этого договора, потому что отъ него отвращала каждаго истаго малороссіянина одна мысль о какомъ бы то ни было единеніи съ поляками, заклятыми врагами; заключившій этотъ договоръ гетманъ Иванъ Выговскій былъ изгнанъ, а его сотоварищъ и, какъ намъ кажется, истинный авторъ этого договора, Юрій Немиричъ, заплатилъ за него жизнію. Съ своей стороны и тогдашніе поляки находили этотъ договоръ невыгоднымъ для своей шляхетской Рѣчи Посполитой и сами, при самомъ зачаткѣ, содѣйствовали его неосуществимости. Впослѣдствіи, однако, поляки сознали свою ошибку и стали понимать, что этотъ договоръ представлялъ наилучшій способъ удержать въ связи съ Рѣчью Посполитою отходившую отъ ней южную Русь и тѣмъ предохранить свое отечество отъ неминуемаго и скораго разложенія, такъ какъ уже тогда видно было, что если уже начали отъ Рѣчи Посполитой отпадать однѣ области, то со временемъ станутъ отпадать и другія и, наконецъ, придетъ тотъ страшный часъ, когда вся Рѣчь Посполитая разобьется въ дребезги. Въ видахъ предотвращенія отъ своего отечества грядущихъ бѣдъ, поляки стали мирволить козацкому желанію самостоятельности въ федеративной связи съ другою страною, хотѣли только, чтобъ эта страна была Польша и выставляли козакамъ гадяцкій договоръ желаннымъ идеаломъ для Украины, а когда приходилъ случай снова близкаго осуществленія этого идеала, то старались оставить въ этомъ договорѣ только то, что было удобно для нихъ самихъ, и выкинуть изъ него то, что имъ было не по душѣ. Такъ сдѣлалось при Дорошенкѣ, когда, согласившись съ послѣднимъ на примиреніе на основаніи гадяцкаго договора, они предпочли сойтись съ соперникомъ Дорошенка, Ханенкомъ, который соглашался

мириться, выбросивши изъ гадяцкаго договора то, что поляки считали неудобнымъ. Правду сказать, суть этого гадяцкаго договора, т. е. федеративная самобытность Украины, по духу не была противна малороссіянамъ. Богданъ Хмельницкій, освободившій козаковъ отъ шляхетскаго господства, не только не былъ противенъ федеративной идеѣ, но полагалъ ее въ основу будущимъ политическимъ стремленіямъ Украины. Если мы припомнимъ, каковы были требованія Богдана Хмельницкаго, предъявленныя посламъ Рѣчи Посполитой, прибывшимъ къ нему послѣ первыхъ успѣховъ его надъ поляками, то найдемъ, что они были очень умѣренны и представляли въ очертаніи то, что оформилось болѣе выпукло въ гадяцкомъ договорѣ. Послѣдующія событія научили Хмельницкаго и всѣхъ вообще малороссіянъ не вѣрить полякамъ и искать союза и опоры у другихъ, но принципъ въ основѣ лежалъ все тотъ же. Малороссіяне легко понимали, что ни ихъ внутреннія силы, ни географическія условія положенія ихъ края и ихъ сосѣдства не дадутъ имъ возможности образовать изъ себя самобытно-отдѣльнаго, ни съ кѣмъ не связаннаго государства, но ихъ самобытность можетъ держаться только въ связи и въ постоянномъ союзѣ съ другою державою, такъ, чтобъ этотъ союзъ поддерживался обоюдною выгодою для двухъ сторонъ находиться въ такомъ союзѣ. Такой державы не находилось, и независимость Украины въ федеративной связи съ другимъ политическимъ тѣломъ осталась только идеаломъ и Хмельницкаго и послѣ него на долю всѣхъ его соотечественниковъ, которымъ дозволялъ ихъ умственный кругозоръ думать о политическомъ строѣ ихъ отечества. Хмельницкій дѣлалъ попытки устроить федеративную связь то съ Турціею, то съ Московскимъ государствомъ, то даже съ тою же Польшею, еслибъ только эта Польша могла сколько нибудь измѣниться. Невозможность уладить дѣла ни съ турками, которыхъ малороссіяне боялись, ни съ поляками, которымъ малороссіяне не вѣрили, заставляла ихъ предпочитать связь съ Московскимъ государствомъ и съ его народомъ, для украинцевъ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ. Если бы Московское государство сочувственно и притомъ искренно отнеслось къ федеративному идеалу малороссіянъ, то, безъ сомнѣнія, оно въ понятіи украинцевъ не нашло бы себѣ опаснаго соперничества ни въ Польшѣ, ни въ Турціи и, вѣроятно, ни въ какой иной державѣ. Но московская политика не допускала такого идеала и присоединеніе Украины къ Москов-

скому государству понимала не иначе, какъ въ смыслѣ обращенія вольныхъ козаковъ въ царскихъ холопей, такъ чтобы народъ южнорусскій усвоилъ себѣ народность сѣверорусскую и слился съ народомъ Московскаго государства до потери собственнаго личнаго бытія, чтобы не представлялось разницы ни въ администраціи, ни въ задачахъ внутренней общественной жизни, чтобы всякія этнографическія особенности изгладились. Таковъ былъ идеалъ московской политики по отношенію къ Украинѣ послѣ присоединенія послѣдней къ Московской державѣ,—идеалъ, часто по благоразумію скрываемый, но почти всегда прозрачновидимый и всегда противный малороссіянамъ всѣхъ званій и состояній. Противъ этого-то московскаго идеала стоялъ, такъ сказать, ребромъ другой своеобразный идеалъ, выработанный предшествовавшею исторіею Украины,—идеалъ федеративной связи. Но съ кѣмъ возникнуть могла такая связь послѣ того, какъ Московская держава, принявшая Украину въ свое лоно, не хотѣла знать того, чего желала Украина? Конечно, съ тѣмъ, кто бы согласился принять Украину съ искреннимъ намѣреніемъ уважать ея политическій федеративный идеалъ. Но такого союзника не было; приходилось терпѣть московскую власть, особенно, когда она была сильна.

Успѣхи Карла XII заставляли думать, что сила московской власти скоро пошатнется и сама судьба стеченіемъ обстоятельствъ укажетъ Украинѣ, что наступаетъ часъ подумать самой о себѣ. Для Мазепы, какъ для бывшаго покоёваго при дворѣ польскаго короля Яна Казимира, который посылалъ этого покоёваго въ Украину въ качествѣ королевскаго агента, когда шелъ вопросъ объ удержаніи такъ или иначе Украины подъ властію Рѣчи Посполитой—какой идеалъ могъ быть желаннѣе соединенія Украины съ Польшею на основаніяхъ болѣе или менѣе близкихъ къ гадяцкому договору! Но въ своихъ тайныхъ сношеніяхъ со Станиславомъ Лещинскимъ и его покровителемъ, шведскимъ королемъ, уступая Украину Польшѣ, а себѣ выговаривая удѣльное княженіе въ Бѣлоруссіи, Мазепа долженъ былъ скрывать это отъ малороссіянъ, а между тѣмъ возбуждать ихъ противъ Московской державы, чтобы, когда придетъ время, найти ихъ готовыми пристать къ его замыслу. Онъ манилъ ихъ призракомъ независимости. Не мало было способныхъ увлечься такимъ призракомъ, по крайней мѣрѣ, въ кругу тогдашнихъ генеральныхъ и полковыхъ старшинъ и войсковыхъ товарищей, составлявшихъ въ краѣ интел-

лигентный классъ, для котораго былъ доступенъ политическій кругозоръ. Съ самаго вступленія своего въ гетманскій санъ, Мазепа старался расположить къ себѣ этотъ классъ и за то во все продолженіе двадцати-двухлѣтняго его гетманства не терпѣли этого гетмана простолюдины, бѣдняки, всегда ненавидѣвшіе знатныхъ и богатыхъ по общей человѣческому существу завистливости: Мазепу считали покровителемъ и потатчикомъ своевольства значныхъ и ихъ гнета надъ людьми простыми и убогими. Никто изъ гетмановъ не надавалъ столько универсаловъ на маетности, подтвержденныхъ потомъ царскими грамотами, никто, какъ Мазепа, черезъ это не наплодилъ въ Украинѣ столько такъ называемыхъ пановъ, отдавая имъ въ распоряженіе живущихъ на ихъ земляхъ посполитыхъ. Во многихъ своихъ отпискахъ въ Приказъ гетманъ Мазепа часто обвинялъ простой украинскій народъ (поспольство) въ склонности грабить пановъ и вообще зажиточныхъ людей, и тутъ же отвергалъ справедливость слуховъ, будто паны владѣльцы маетностей дѣлаютъ живущимъ на ихъ земляхъ крестьянамъ какія-то насилія и угнетенія. Какъ бы въ отместку Мазепѣ, малороссійское поспольство заявило себя противъ него въ самыя критическія для него минуты. Въ 1708 г., какъ только разнесся въ народѣ слухъ, что гетманъ измѣняетъ царю и переходитъ къ царскимъ непріятелямъ, въ разныхъ мѣстахъ начались бунты противъ старшинъ и посягательства грабить и бить значныхъ и богатыхъ людей. Между прочимъ, такъ произошло въ Полтавѣ. Полтавскій сотникъ Зеленейскій привезъ въ Полтаву извѣстіе о переходѣ Мазепы къ шведамъ. Тотчасъ стали въ городѣ скопляться мужики изъ окрестныхъ селъ и деревень и кричать, что вотъ, наконецъ, пришла пора обдирать старшинъ и всѣхъ значныхъ и богатыхъ; отъ этого все, что было тамъ значнаго и богатаго, бѣжало искать себѣ спасенія въ иныхъ мѣстахъ. Такъ убѣжало тогда изъ Полтавы семейство Герциковъ. Люди значные, сыновья бывшаго нѣкогда полковникомъ полтавскимъ, владѣльцы маетностей въ полтавскомъ полку, Герцики убѣжали отъ разъяренной толпы чернаго люда за Днѣпръ, съ намѣреніемъ укрыться въ Корсунѣ, гдѣ у нихъ былъ собственный дворъ, но когда доѣхали до Чигирина, оттуда по настоянію соумышленниковъ Мазепы, Гамалѣи, Кандыбы и Мокіевскаго, послѣдовали они снова на лѣвую сторону Днѣпра и очутились въ Ромнахъ при Мазепѣ [1]). Такихъ во всей Гетман-

[1]) Кіев. Стар. 1883 г., мартъ, стр. 599. (Допросъ Герцика. Изъ Арх. Иностр. Дѣлъ).

щинѣ явилось бы, можетъ быть, гораздо болѣе того, сколько ихъ набралось тогда, если бы Мазепѣ не пришлось имѣть дѣло съ государемъ великаго ума и непреклонной энергіи, какимъ былъ Петръ Первый. Но партія Мазепы не могла разростись еще и оттого, что Мазепа не прилагалъ старанія, чтобъ дать возможность разростись ей. Мазепа, какъ всѣ эгоисты, былъ трусливъ за свою шкуру, крайне остороженъ и не твердо увѣренъ въ осуществимости своей цѣли, въ дѣйствительности избранныхъ средствъ. Да и времени у него было мало, такъ какъ и замыселъ измѣнить Петру возникъ у него не раньше года до событія. Мазепа въ свои планы посвятилъ только немногихъ, почему-либо стоявшихъ близко къ нему, преимущественно своихъ родственниковъ и свойственниковъ. Многіе старшины генеральные и полковые не знали о его замыслѣ. Отъ этого и число соучастниковъ отпаденія отъ царя оказалось невелико. Правда, мы почти не въ состояніи произнести о такомъ числѣ хотя бы самый приблизительный приговоръ, тѣмъ болѣе, что тѣ, которые заявили себя его соучастниками, а потомъ попадались въ руки царскаго правосудія или сами заранѣе прибѣгали къ царскому милосердію, обыкновенно выставляли себя не знавшими истинныхъ замысловъ Мазепы, а винились только въ томъ, что повиновались гетману и должны были слѣдовать туда, куда онъ велъ ихъ или посылалъ, не смѣя у него допрашиваться о дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ. Были и такіе, что съ перваго раза съ сочувствіемъ пристали къ замысламъ своего гетмана, но послѣ, замѣтивши, что нельзя надѣяться на удачу предпріятія, въ пору припрятались и показывали видъ, что не знали ни о чемъ, и ни мало не сочувствовали тому, что было противно царю государю. Само собою разумѣется, никто не въ силахъ теперь открыть такихъ, а такихъ-то было безъ сомнѣнія очень много. Можемъ, слѣдовательно, говорить только о тѣхъ, которые, ставши соумышленниками и соучастниками гетмана Мазепы, бѣжали вмѣстѣ съ нимъ послѣ полтавскаго боя, или же о тѣхъ, которые сами сознались въ своемъ соучастіи съ Мазепою—добровольно или невольно. О такихъ только лицахъ мы и сообщимъ теперь свѣдѣнія, почерпнутыя изъ оффиціальныхъ и частныхъ архивовъ.

Мы упомянемъ прежде всего объ одномъ соумышленникѣ Мазепы и притомъ, какъ можно думать, немаловажномъ, умершемъ во время стоянки Мазепы съ Карломъ XII въ Ромнахъ и этой смертію избѣжавшемъ вѣроятной возможности понести жестокую

кару отъ московской власти. Это былъ Згура, родомъ грекъ, или молдаванинъ, вообще кто-то изъ христіанъ Балканскаго полуострова. Онъ уже давно поселился въ Украинѣ и былъ неоднократно посылаемъ гетманомъ въ турецкія владѣнія съ разными порученіями. Мазепа выставлялъ его московской власти, какъ человѣка сметливаго, ловкаго и преданнаго царю.

Но втайнѣ Згура присталъ къ замыслу Мазепы и тогда исполнялъ такія порученія, о которыхъ самъ не посмѣлъ бы нигдѣ заикнуться. Не задолго до прибытія шведскихъ войскъ въ Украину, Згура былъ посылаемъ къ Сераскиру-пашѣ [1]). Хотя въ донесеніи Мазепы говорится о посольствѣ этого человѣка, въ видахъ пользы для московскаго правительства, но такъ какъ въ это время Мазепа уже былъ окончательно готовъ встрѣчать въ Украинѣ враговъ Петра, то очень можетъ быть, что Згура у Сераскира исправлялъ отъ Мазепы порученія, полезныя болѣе для шведскаго короля, чѣмъ для русскаго царя. Подобныя порученія возлагались и на какого-то болгарскаго эксъ-архіерея, передававшаго извѣстія отъ Мазепы шведскому королю и Станиславу Лещинскому и привозившаго извѣстія отъ нихъ къ Мазепѣ. Не знаемъ, что сталось съ этимъ эксъ-архіереемъ.

Изъ открытыхъ соумышленниковъ гетмана Мазепы болѣе извѣстными намъ стали тѣ, надъ которыми производились слѣдствіе и судъ. Это происходило въ Лебединѣ, гдѣ была главная царская квартира въ концѣ 1708 и въ началѣ 1709 годовъ. Въ *Исторіи Руссовъ* приписываемой бѣлорусскому архіепископу, Георгію Конисскому, разсказывается, будто въ Лебединѣ происходили страшныя казни и погибло множество малороссіянъ, не только дѣйствительно виновныхъ, но и невинныхъ, казненныхъ по одному подозрѣнію. Это извѣстіе принадлежитъ къ разряду такихъ, о которыхъ можно сказать, что хотя они вѣроятны, но невѣрны. Это извѣстіе вполнѣ совпадаетъ съ суровостію Петра, безъ всякаго состраданія казнившаго государственныхъ преступниковъ и своихъ недруговъ; но это извѣстіе встрѣчается только въ одномъ источникѣ, не современномъ и чрезвычайно мутномъ, преисполненномъ невѣроятностями и позднѣйшими выдумками; оно не подтверждается никакими другими, болѣе достовѣрными источниками. Кромѣ того, въ *Исторіи Руссовъ* сообщается, что казненныхъ хоронили на особомъ кладбищѣ, которое въ народной памяти осталось съ названіемъ гетманцевъ [1]). Если бы тутъ была какая-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ подлинн. 1708 г., май.

нибудь правда и если бы въ народной памяти мѣстность, гдѣ погребены были казненные, носила такое названіе, то оно бы удержалось у мѣстныхъ жителей въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, между тѣмъ въ этихъ именно годахъ мы встрѣчали старожиловъ лебединскихъ и спрашивали о томъ, что начитали въ знакомой намъ тогда еще по рукописи *Исторіи Руссовъ*. Намъ отвѣчали, что ничего подобнаго не знаютъ и ни о какихъ гетманцахъ, погребенныхъ гдѣ-то въ Лебединѣ, не слыхали. Если старики тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія, проведшіе юность свою въ концѣ XVIII, не слыхали о томъ, что выдается намъ за народное преданіе о событіяхъ, совершившихся не ранѣе начала XVIII вѣка, то какъ не усомниться въ существованіи когда-либо такого воспоминанія у народа? [1]).

Къ большому сожалѣнію, мы не имѣли подъ руками всѣхъ дѣлъ, производившихся въ Лебединѣ; быть можетъ, они гдѣ-нибудь и сохранились, но ожидаютъ счастливца, которому суждено будетъ открыть этотъ кладъ. Намъ извѣстны только отрывки изъ показаній нѣкоторыхъ изъ судимыхъ тамъ лицъ и приговоры надъ этими лицами, сохранившіеся въ дѣлахъ архива юстиціи и въ дѣлахъ архива иностранныхъ дѣлъ.

Въ числѣ лицъ, ранѣе другихъ поступившихъ въ Лебединъ на расправу за участіе въ измѣнѣ Мазепы, были войтъ шептаковской волости Опоченокъ и канцелярист Дубяга [2]).

Шептаковская волость подарена была царемъ гетману Мазепѣ въ потомственную собственность и находилась въ его владѣніи уже восемнадцать лѣтъ. Управителемъ или намѣстникомъ владѣльца былъ тамъ Быстрицкій, полякъ по происхожденію, родственникъ или свойственникъ гетмана. Въ октябрѣ 1708 года носился въ народѣ страхъ скораго вступленія непріятельскихъ войскъ. Заволновались обыватели Шептаковъ. Управитель Быстрицкій призываетъ къ себѣ войта и говоритъ: «Войдутъ къ намъ шведы; они дѣлать худаго народу не будутъ; объяви же мужикамъ, чтобъ не боялись шведовъ; пусть остаются у себя въ домахъ и сидятъ спокойно; разоренія никому не учинятъ». Сказавши это, Быстрицкій уѣхалъ въ Стародубъ по какому-то дѣлу. Прошло послѣ того дня два,—и вотъ, въ среду, вступаетъ въ Шептаки шведскій конный отрядъ. Опоченокъ ушелъ въ Новгородокъ-Сѣверскій извѣстить новгородъ-сѣверскаго сотника

[1]) Ист. Руссовъ, 212.
[2]) Арх. Иностр. дѣлъ 1708, дек., № 52.

о вступленіи шведовъ. По его показанію, данному въ Лебединѣ при допросѣ, сотникъ, выслушавъ донесеніе шептаковскаго войта, хотѣлъ отправить въ Шептаки отрядъ козаковъ, но тутъ съ войтомъ шептаковскимъ встрѣчается служитель Быстрицкаго, по прозвищу Усовичъ, и говоритъ: «Вотъ приходятъ москали съ Меншиковымъ, они будутъ поопаснѣе шведовъ». Далѣе Опоченокъ на судѣ показывалъ, что послѣ того онъ воротился въ Шептаки и засталъ тамъ Быстрицкаго, уже успѣвшаго воротиться изъ Стародуба. У Быстрицкаго увидалъ онъ шведскаго генерала и Быстрицкій сказалъ войту: «Проведи генерала на большую дорогу, а самъ ступай въ Новгородокъ-Сѣверскій и скажи сотнику: пусть не велитъ стрѣлять по шведамъ, а когда придетъ московская пѣхота, пусть велитъ ее рубить». Войтъ, прибывши въ Новгородокъ-Сѣверскій, передалъ приказаніе Быстрицкаго тамошнему сотнику черезъ городничаго, сотникъ отправилъ войта къ черниговскому полковнику, а тотъ отослалъ его къ русскому фельдмаршалу.

Снявши съ Опоченка такое показаніе, усомнились въ его искренности и подвергли его два раза пыткѣ. Подъ пытками онъ сознался, что, явившись въ Новгородокъ-Сѣверскій, онъ кричалъ по улицамъ, чтобъ люди не боялись шведовъ, а потомъ добавилъ, что и сотникъ новгородъ-сѣверскій въ соумышленіи съ Мазепою. Опоченка казнили смертью.

Въ одинъ и тотъ же день снимали показаніе съ канцеляриста Дубяги. Онъ показалъ, что находился за три мили отъ Батурина въ селѣ и тамъ услыхалъ, что гетманъ ѣдетъ къ царю въ Новгородокъ-Сѣверскій и намѣренъ переправиться черезъ Десну у Оболони. О шведахъ носились слухи, что они пошли къ Чернигову. «По всѣмъ этимъ вѣстямъ (говорилъ Дубяга) я поѣхалъ въ Батуринъ. Тамъ начальствовали сердюцкій полковникъ Чечелъ и гарматный асаулъ Кенигсенъ. Они сказали, что гетманъ уѣхалъ къ государю, а имъ двоимъ поручилъ надзирать надъ Батуриномъ и не велѣлъ пускать въ замокъ великороссійскихъ ратныхъ людей, потому что они чинятъ великое разореніе малороссійскому народу. Я тогда же хотѣлъ уѣхать изъ Батурина, но меня они не пустили: сказали, что уже вечеръ и скоро настанетъ ночь, а гетманъ приказалъ никого не выпускать изъ города въ ночное время. Такъ я пробылъ въ Батуринѣ до утра; утромъ выпустили меня, я намѣревался догнать гетмана и направился на Коропъ. Тамъ сказали, что гетманъ уже перепра-

вился черезъ Десну и поѣхалъ другимъ берегомъ въ Новгородокъ-Сѣверскій къ государю. По такимъ слухамъ я поѣхалъ къ Оболонской переправѣ, а тамъ схватили меня и доставили къ генералъ-майору Беку».

Неизвѣстно, какъ поступлено было съ Дубягою.

Въ тотъ же день, когда происходилъ допросъ двухъ вышепоказанныхъ лицъ (то было въ одномъ изъ первыхъ чиселъ декабря 1708 года), подвергнутъ былъ допросу запорожскій атаманъ Тимоѳей Полугеръ, который со ста товарищами сѣчевиками перешелъ за Десну съ Мазепою, а потомъ посланъ былъ гетманомъ съ письмомъ къ Скоропадскому, котораго Мазепа хотѣлъ склонить на свою сторону. Полугеръ попался и былъ приведенъ въ Лебединъ на расправу. Онъ въ сдѣланномъ ему допросѣ не показалъ ничего особенно важнаго, кромѣ того, что указалъ ничтожность силъ козацкихъ, перешедшихъ съ Мазепою за Десну къ шведамъ: съ гетманомъ было не болѣе тысячи изъ трехъ охотницкихъ полковъ — Кожуховскаго, Андріяша, Кгалагана, да человѣкъ двѣсти изъ трехъ городовыхъ полковъ: Прилуцкаго, лубенскаго и миргородскаго съ полковниками этихъ полковъ. Неизвѣстна судьба, постигшая Полугера.

Замѣчательно дѣло, производившееся 8 декабря 1708 года о лохвицкомъ сотникѣ Яременкѣ. Изъ этого дѣла мы узнаемъ, что нѣкоторое время жители городковъ Лохвицы, Прилукъ, Варвы, Лубенъ находились во власти шведскаго войска, занявшаго этотъ край. Старшины вообще склонялись на сторону Мазепы, а простой народъ стоялъ за царскую власть. Сотника Яременка схватилъ и доставилъ въ Лебединъ атаманъ мѣстечка Сенчи, въ то время, когда этотъ сотникъ разъѣзжалъ по селамъ своей сотни и собиралъ провіантъ на шведовъ. Подвергнутый допросу, этотъ сотникъ сознался, что по зову гетмана Мазепы онъ вмѣстѣ съ другими сотниками и атаманами: лубенскими, лукомскими, чигриндубровскими, пирятинскими, чернухскими, сѣнецкими—былъ въ Ромнахъ у Мазепы. Гетманъ приказалъ имъ всѣмъ собрать для шведскихъ войскъ провіантъ 24,000 воловъ, 40,000 свиней и сто тысячъ осьмачекъ муки; но исполнить такого приказанія было невозможно, потому что, при вступленіи шведовъ въ малороссійскій край, народъ разбѣгался, покидая жилыя мѣста. Въ Лохвицу вступилъ шведскій генералъ Меерфельдъ съ четырьмя тысячами шведскаго войска и послалъ сотника собирать для своего отряда запасы. Сотникъ пріѣхалъ въ Сенчу,

гдѣ не засталъ въ домахъ почти никого изъ обывателей. Тамъ его задержали и препроводили къ царскому генералу князю Волконскому, стоявшему въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ, а князь Волконскій отправилъ его въ Лебединъ за карауломъ.

Порѣшили этого сотника сослать въ каторжную работу въ Петербургъ. Неизвѣстно, привлечены ли были къ отвѣту сотники и атаманы, ѣздившіе съ Яременкомъ въ Ромны къ Мазепѣ. Вѣроятно, если и они бывали въ Лебединѣ, то ихъ постигла та же участь.

Разомъ съ дѣломъ о сотникѣ лохвицкомъ Яременкѣ, въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ сохранился другой документъ, касающійся того же города Лохвицы. Это челобитная обывателей этого города къ царю, въ которой челобитчики заявляютъ свою вѣрность во время бывшей смуты. Тамъ разсказывается, что генеральный асаулъ Мазепы Гамалѣя прибылъ въ Лохвицу вмѣстѣ съ лохвицкимъ сотникомъ Павломъ Мартосенкомъ, и они уговаривали народъ послать значныхъ людей въ Ромны поклониться пану гетману Мазепѣ; а когда въ Лохвицу пришла царская увѣщательная грамота—они ругались надъ нею, приказали посадить въ тюрьму тѣхъ, которые привезли эту грамоту, грозили даже отрубить имъ руки и ноги и повѣсить. «На завтрее день» (разсказывается въ челобитной) обыватели «въ церкви стояли и въ службы (у обѣдни) были, и вѣдомо намъ учинилося, что хотятъ насъ бить смертнымъ боемъ и повѣшать. Божіею помощію зъ церкви подъ часъ таинъ христовыхъ втеклисьмо и чрезъ килька дней крылись з домовъ нашихъ, покамѣстъ послѣ насъ и жоны наши з дѣтми з домовъ нашихъ поутикали, оставя всѣ пожитки свои. И они, асаулъ Гамалѣя да сотникъ Мартосенко, приказали разорить всю нашу худобу нажитковъ нашихъ; и разорено все до конца, и мы, утѣкаючи черезъ степы и поля пахотные до войска его царскаго величества, на дорогѣ встрѣтили двохъ змѣнниковъ Мазепы шпѣжниковъ и единъ з межи ихъ отъ насъ утикалъ, а другого поймалисмо и отвели въ Сорочинцы ко князю Григорію Семеновичу Волконскому» [1]).

Изъ двухъ документовъ, относящихся къ одному и тому же городу Лохвицѣ, видно, что тамъ происходили быстрыя смѣны начальства. Въ декабрѣ являются два лохвицкихъ сотника—Яременко и Мартосенко. Второй былъ, какъ видно, временно по-

[1]) Арх. Иностр. дѣлъ 1708, декабрь, № 128.

сланъ въ Лохвицу, быть можетъ, послѣ выбытія Яременка, потому что этотъ самый Павло Мартосенко былъ полковымъ обознымъ лубенскимъ и въ сентябрѣ того же 1709 года подписался на повинной челобитной къ царю отъ всего лубенскаго полка. Въ Гетманщинѣ нерѣдко назначались временно для управленія полками лица изъ генеральныхъ старшинъ, а для управленія сотнями изъ полковыхъ. Здѣсь, вѣроятно, былъ такой же случай.

Укажемъ еще на нѣсколько дѣлъ, болѣе или менѣе характеристическихъ, изъ производившихся въ Лебединѣ. Вотъ два человѣка изъ черкасъ, то-есть малороссіянъ: глуховскій обыватель Данило Таращенко и челядникъ писаря черниговскаго полка Булавки—Яковъ Кудинъ. Послѣдній давалъ въ Лебединѣ такое показаніе: «Сошлись мы въ Глуховѣ съ Даниломъ Таращенкомъ дней назадъ тому семь или восемь и стояли вмѣстѣ. Приходитъ челядникъ Даниловъ и говоритъ: «жители бѣгутъ, Москва вездѣ грабитъ и нашихъ людей разоряетъ». Данило на такую рѣчь сказалъ: «Москва Батуринъ разорила и людей тамошнихъ перебила, даже и малыхъ дѣтей не пощадила; за это и мы не зарекаемся въ московской крови по колѣна бродить, потому что за разореніе Батурина вся Украина встанетъ». Яковъ показывалъ, что онъ, Яковъ, замѣтилъ тогда ему, Данилу, что такія рѣчи непристойны, а Данило сталъ его, Якова, бить по щекамъ и Яковъ ушелъ отъ него, но потомъ, когда Яковъ снова воротился, Данило приказалъ его связать возжами и связаннаго бросить въ погребъ и говорилъ ему при этомъ: «Коли никому не скажешь, что я про Москву говорилъ—выпущу тебя, а станешь доносить — велю голову отсѣчь!» Яковъ будто бы не захотѣлъ дать обѣщанія никому не разсказывать того, что сейчасъ слышалъ, и Данило приказалъ вытащить его изъ погреба, снова бить возжами и запереть въ пекарной избѣ. Яковъ ушелъ изъ своего новаго заключенія и явился съ доносомъ къ князю Меншикову. Призванный по этому поводу къ отвѣту Данило Таращенко заперся во всемъ, что на него показывалъ Яковъ Кудинъ, и объяснялъ все дѣло, бывшее у него съ этимъ человѣкомъ, въ такомъ видѣ: «Я увидалъ, что Яковъ въ нетрезвомъ видѣ безчинствуетъ и приказалъ запереть его, чтобъ тогда, какъ онъ проспится, объявить о немъ его господину Булавкѣ».

Чѣмъ кончилось это дѣло,—нѣтъ извѣстія, но оно достаточно показываетъ намъ вообще, какого рода дѣла въ то время производились въ Лебединѣ.

Любопытно по чертамъ того времени показаніе прилуцкаго попа Мловскаго отъ 6 декабря о томъ, какъ шведы вели себя, установившись на постоѣ въ городахъ Гадячѣ, Лохвицѣ, Варвѣ, Прилукахъ. «Я видѣлъ,—говорилъ этотъ попъ,—какъ прилуцкій полковникъ привелъ въ свой полкъ шведскаго генерала Крейца съ его отрядомъ и шведы наложили собрать съ прилуцкаго полка 12,000 воловъ, 17,000 свиней, 20,000 барановъ, 30,000 осьмачекъ овса и ржаной муки, до 7,000 бочекъ соли, все это на одинъ мѣсяцъ, а на другой приказывали изготовить столько же всего этого». «Я видѣлъ,—говорилъ тотъ же попъ,—какъ въ домѣ мѣщанина Лихопеки на образъ Пресвятыя Богородицы шведы своя ветхая испражняли и тотъ образъ выкинули». Прилуцкіе жители ходили жаловаться шведскому командиру, находившемуся въ Прилукахъ, а тотъ имъ сказалъ, что поступать такимъ образомъ съ деревомъ нѣтъ грѣха. Другой попъ—изъ одного села въ Лубенскомъ полку,—въ Лебединѣ, на сдѣланномъ ему допросѣ, показалъ, что лубенскій полковникъ Зеленскій, у котораго въ полку жилъ священникъ, вызвалъ его къ себѣ въ Ромны, гдѣ самъ тогда находился при гетманѣ Мазепѣ. Священникъ засталъ у него генеральнаго асаула Максимовича. Зеленскій спрашивалъ попа: «ну что мои маетности, цѣлы ли? Не разграбила ли ихъ Москва? Ахъ колибъ только Днѣпръ скорѣе сталъ и поляки подоспѣли бы къ намъ. Тогда мы скоро бы разогнали московскія войска!»—«Не хвались,—замѣтилъ сидѣвшій съ нимъ Максимовичъ,—Богъ одинъ вѣдаетъ, что впередъ станется». Попъ присовокупилъ, что лубенскій и прилуцкій полковники, живучи въ Ромнахъ, оба какъ-то «зѣло смутны». На дворѣ, гдѣ жилъ полковникъ лубенскій, стоитъ шведскій караулъ. Челядники лубенскаго полковника говорили попу, что, послѣ ухода миргородскаго полковника, ихъ господинъ хотѣлъ было, по примѣру миргородскаго полковника, и самъ уйти, да шведы, подмѣтивши, что у него есть такое намѣреніе, поставили караулъ въ сѣняхъ его помѣщенія, никуда его не выпускали, а когда пріѣхала къ Зеленскому жена его вмѣстѣ съ женою Максимовича, то ихъ обоихъ стали выпускать, только женъ разомъ съ мужьями не выпускали, когда же выходили со двора жены, то мужья должны были оставаться дома. И у прочихъ старшинъ стояло по два человѣка шведовъ на караулѣ. Мазепа «зѣло болѣнъ». Дальнѣйшая судьба этого попа, какъ и прилуцкаго попа Мловскаго, неизвѣстна.

Былъ въ томъ же Лебединѣ допросъ людямъ Ломиковскаго, которые ушли отъ своего господина изъ Роменъ. Ихъ показанія были во многомъ схожи съ показаніемъ попа изъ лубенскаго полка.—Мазепа зѣло болѣнъ—сообщали они,—лечитъ его шведскій аптекарь. У Максимовича и у Зеленскаго поставлены шведскіе караулы и за ними шведы политично присматриваютъ, потому что вслѣдъ за миргородскимъ полковникомъ и они думали уйти. Къ Мазепѣ теперь близки: ихъ господинъ Ломиковскій, судья Чуйкевичъ, бунчужный Ѳедоръ Мировичъ, Семенъ Лизогубъ, Зеленскій, Максимовичъ, но болѣе всѣхъ—Орликъ, Горленко и ихъ господинъ; прочіе «гораздо не въ такой конфиденціи». Ломиковскій говорилъ имъ, что король шведскій думаетъ идти съ войскомъ въ Московскую землю, а Мазепу оставить въ Украинѣ.

Изъ дѣлъ, производившихся въ Лебединѣ и намъ отчасти извѣстныхъ, бросаются въ глаза, по оригинальности и важности данныхъ при допросѣ показаній, дѣла конюшаго Мазепина, Ѳомы Городецкаго, и писаря Шептаковской волости, Пекалицкаго. Первый, по своей обязанности, ѣздилъ съ возами и лошадьми въ разныхъ мѣстахъ, а во время слѣдованія Мазепы со шведами изъ-за Десны къ Ромнамъ, явился къ своему господину въ его имѣніи въ Бахмачѣ, гдѣ Мазепа останавливался на день или на два. Тамъ гетманъ отдалъ его въ услуженіе шведскому генералу Крейцу и конюшій Мазепы былъ у послѣдняго до великаго поста, а тогда ушелъ отъ него и былъ доставленъ русскими въ Лебединъ. Другой, шептаковскій писарь Пекалицкій, Пархомъ, показывалъ, что Мазепинъ управитель въ Шептаковской волости Быстрицкій, уѣзжая по порученію Мазепы въ шведскій станъ извѣстить, что гетманъ самъ намѣренъ туда прибыть, приказалъ своимъ челядникамъ разглашать по Шептаковской волости, что онъ, Быстрицкій, попался въ плѣнъ къ шведамъ. Пархомъ, услышавши такую вѣсть и считая ее за правду, поспѣшилъ въ Батуринъ, гдѣ, какъ онъ слышалъ, находилась жена Быстрицкаго. Она сказала ему, что дѣйствительно мужъ ея въ плѣну у шведовъ, а Мазепа въ Борзнѣ, но что шведы уже вступили въ Шептаки. По этой вѣсти Пекалицкій поспѣшилъ назадъ въ свои Шептаки, но на дорогѣ встрѣчаетъ его Быстрицкій и приказываетъ ѣхать вмѣстѣ съ собою въ Батуринъ. Въ Батуринѣ Быстрицкій отдалъ его подъ караулъ, приказавши помѣстить въ избѣ вмѣстѣ съ Мазепиными пѣвчими. На другой день явился въ Батуринѣ самъ гетманъ Мазепа. Онъ переночевалъ въ Батуринѣ одну только

ночь и на другой день утромъ уѣхалъ къ шведамъ. Когда русскіе подступили къ Батурину, Пекалицкій нашелъ возможность ускользнуть изъ Батурина вмѣстѣ съ какими-то другими лицами въ село Городище, за милю отъ Батурина, но потомъ въ селѣ Обмочевѣ мужики схватили его и отвезли къ Мазепѣ, а Мазепа передалъ его Быстрицкому. До праздника Рождества Христова Пекалицкій находился при Мазепиныхъ возахъ, а потомъ, улучивши удобный случай, убѣжалъ и не безъ труда достигъ царскаго войска.

Крупными событіями, въ ряду отпаденій отъ Мазепы приставшихъ къ нему козацкихъ старшинъ, были побѣги изъ шведскаго стана миргородскаго полковника Апостола, компанейскаго—Кгалагана и генеральнаго хоружаго Ивана Сулимы. Двое первыхъ пришли въ царскій станъ не по собственному побужденію, а были подосланы самимъ гетманомъ Мазепою, по крайней мѣрѣ съ бо́льшею вѣроятностью можно это сказать о первомъ. Мазепа соображалъ, что счастіе уже не везетъ шведамъ, какъ прежде, а, главное, видѣлъ ясно, что малороссіяне не пристаютъ къ шведамъ, не вѣрятъ, чтобъ они являлись къ нимъ въ ихъ край для освобожденія отъ московскаго ига, а, напротивъ, повсюду встрѣчаютъ пришельцевъ, какъ непріятелей; поэтому Мазепа пытался помириться съ царемъ и обѣщать ему загладить свою измѣну важною услугою—передать шведскаго короля во власть русскаго царя. Такое порученіе велѣлъ Мазепа передать царю. Отправляя тайно миргородскаго полковника, онъ сообщилъ ему о томъ только словесно: письменныхъ сношеній не рѣшался начинать Мазепа въ этомъ родѣ, не будучи увѣренъ, что можетъ вести ихъ безопасно для своей особы. Есть извѣстіе, что и прибывшій въ царскій станъ другой полковникъ изъ мазепинцевъ, Григорій Кгалаганъ, имѣлъ такое же порученіе отъ Мазепы. Коварная затѣя Мазепы не удалась, хотя царь Петръ благосклонно, если и не совсѣмъ довѣрчиво, отнесся къ этому. Самъ Мазепа испортилъ себѣ дѣло. Не дождавшись за мѣсяцъ отвѣта на свое секретное предложеніе и не зная, какъ примутъ его, онъ продолжалъ начатыя сношенія во вредъ царю Петру и въ пользу его противниковъ, они открылись—и были опубликованы русскимъ государемъ. Царь Петръ имѣлъ тогда, болѣе чѣмъ прежде, поводовъ не довѣрять ни въ чемъ тому, что исходило отъ Мазепы; узналъ это Мазепа; да и со стороны шведской за нимъ такой былъ надзоръ, что трудно было ему, и безъ того всегда крайне осторож-

ному и трусливому, отважиться на слишкомъ опасное дѣло, притомъ же онъ рѣшительно терялъ послѣднее здоровье и явно опускался къ могилѣ. Такъ попытка примириться съ Петромъ, цѣною выдачи Петру новаго своего союзника и протектора, не состоялась, а лица, принявшія на себя званіе посредниковъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, Апостолъ и Кгалаганъ, увидѣвши къ себѣ чрезвычайную милость Петра, стали искренно и полезно служить ему противъ Карла и Мазепы, не заботясь болѣе объ устройствѣ примиренія царя съ отпавшимъ гетманомъ. О третьемъ лицѣ изъ старшинъ, перешедшемъ тогда изъ мазепинскаго стана въ царскій — о генеральномъ хоружемъ Иванѣ Ѳедоровичѣ Сулимѣ, мы не знаемъ ничего, кромѣ того, что онъ былъ принятъ царемъ ласково [1]), сообразно объявленной прежде амнистіи всѣмъ, кто явится въ опредѣленный срокъ съ повинною.

Шведскій историкъ Нордбергъ, передавши извѣстіе объ уходѣ миргородскаго полковника, говоритъ еще о какомъ-то полковникѣ, ушедшемъ отъ Мазепы, прибавляя, что гетманъ никакъ не ожидалъ этого, будучи особенно увѣренъ въ преданности къ себѣ этого полковника. О комъ здѣсь идетъ рѣчь,—неизвѣстно: разумѣть ли нужно кого-нибудь изъ двухъ, о которыхъ мы говорили, или тутъ говорится о комъ-то иномъ,—мы того рѣшить не можемъ по нашимъ источникамъ. Былъ, однако, въ то время еще одинъ полковникъ, но не изъ тѣхъ, которые перешли за Мазепою въ шведскій станъ, а изъ тѣхъ, которые оставались на своихъ урядахъ, и о вѣрности котораго происходило долго сомнѣніе,—это полковникъ полтавскій Левенецъ. Въ ноябрѣ 1708 года, когда измѣна стараго гетмана стала совершенно ясно извѣстна царю и его приближеннымъ государственнымъ сановникамъ, канцлеръ Головкинъ писалъ къ Левенцу приглашеніе прибыть въ Глуховъ для выбора новаго гетмана, вмѣсто измѣнившаго Мазепы. Левенецъ отъ 10 ноября отвѣчалъ канцлеру, что онъ послалъ созывать всѣхъ сотниковъ своего полка, и когда они съѣдутся, онъ вмѣстѣ съ ними немедленно отправится по назначенію. При этомъ Левенецъ извѣщалъ, что къ нему привозилъ запорожецъ письмо отъ Мазепы, которое онъ, не читая, тогда же препровождалъ къ канцлеру. Но тутъ начались разныя заявленія о неискренности полтавскаго полковника. Вдова Кочубея, казненнаго при Мазепѣ за доносъ на послѣдняго, которую канцлеръ Головкинъ звалъ съ семействомъ въ Глуховъ для полученія царскихъ ми-

[1]) Ригельмана. Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. V, 15.

лостей, отвѣчала, что на пути своемъ встрѣтила препятствіе отъ полковника полтавскаго и его полковыхъ старшинъ, которыхъ всѣхъ съ своимъ полковникомъ обвиняла въ измѣнѣ царю. Затѣмъ, 30 ноября 1708 года, ахтырскій полковникъ Осиповъ, пріобрѣвшій царскую милость во время процесса надъ Кочубеемъ и Искрою, извѣщалъ письмомъ Головкина, что въ Полтавѣ замѣтны признаки шатости; полковникъ собиралъ полковыхъ старшинъ и совѣтовался съ ними, слѣдуетъ ли ѣхать къ царю въ Глуховъ, и когда старшины сказали, что ѣхать слѣдуетъ, полковникъ, напротивъ, отнесся къ этому неохотно и произнесъ: кто къ намъ скорѣе—тотъ намъ и панъ. Въ Полтавѣ, по словамъ Осипова, находились тогда Мазепины и Орликовы пріятели; полтавскимъ полковымъ писаремъ былъ родной братъ судьи генеральнаго Чуйкевича, и онъ всему былъ тамъ голова, а зять Левенца Иванъ Герцикъ съ двадцатью козаками зимою убѣжалъ изъ Полтавы въ Ромны къ Мазепѣ. Въ апрѣлѣ 1709 года, Меншиковъ, неувѣренный въ преданности престолу полтавскаго полковника, вытребовалъ его съ женою и дѣтьми въ Харьковъ. Левенецъ отдалъ дѣтей своихъ въ харьковскія словесныя школы и дѣти эти служили какъ бы залогомъ вѣрности ихъ родителя [1]).

Миргородскій полковникъ Апостолъ, послѣ своего возвращенія въ царскій станъ, старался загладить свое преступленіе противъ царя и ревностно дѣйствовалъ къ ущербу шведовъ и мазепинцевъ, отличаясь во многихъ битвахъ противъ нихъ. Въ одной изъ такихъ битвъ онъ взялъ въ плѣнъ одного изъ своихъ зятьевъ, сына прилуцкаго полковника Горленка, и вмѣстѣ съ нимъ генеральнаго асаула гетмана Мазепы Гамалѣю. Препроводивъ ихъ обоихъ въ русскій станъ, Апостолъ ходатайствовалъ за нихъ и, по его ходатайству, они не были отправлены въ Сибирь, а тотчасъ по ихъ доставленіи въ главную царскую квартиру, имъ объявили, что они присуждаются жить въ Москвѣ на свободѣ, наравнѣ съ отправленнымъ уже туда Андреемъ Кандыбою, бывшимъ корсунскимъ полковникомъ, также соучастникомъ Мазепы. Однако, Андрей Горленко не былъ долго отправляемъ въ Москву по назначенію и жилъ въ Украинѣ до января 1711 года, когда Головкинъ приказалъ доставить его въ Москву, но и то произошло потому, что возникло подозрѣніе существованія сношеній между нимъ и его родителемъ, прилуцкимъ полковникомъ,

[1]) Государств. архивъ, письма Меншикова. Апрѣль 1709 г.

находившимся въ Турціи и дѣйствовавшимъ враждебно царю [1]). И Гамалѣя оставался въ Украинѣ. Въ январѣ 1711 года, его потребовали въ Москву по дѣлу о сосланномъ участникѣ измѣны Мазепы, Гречаномъ, который подавалъ челобитную, увѣряя въ ней, что, если онъ былъ нѣкоторое время съ Мазепою, то оттого, что Мазепа держалъ его по неволѣ. Въ этомъ онъ слался на свидѣтельство Гамалѣи [2]).

II.

Переходъ мазепинцевъ къ царю въ день полтавской битвы. — Судьба ихъ. — Андріяшъ.—Невінчаный.—Запорожцы. Бѣглецы малороссійскіе въ турецкихъ владѣніяхъ. — Избраніе Орлика въ гетманы. — Его договоръ съ запорожцами и украинскими бѣглецами.—Протекторатъ шведскаго короля.—Помощь отъ Турціи.—Покушеніе Орлика.—Свирѣпства и вѣроломство татаръ.—Мѣры, предпринятыя противъ Орлика.—Прутскій миръ.— Какъ понимали его смыслъ малороссійскіе эмигранты.

Въ роковой день полтавской битвы нѣкоторые изъ мазепинцевъ уже заранѣе сообразили, что дѣло Карла будетъ проиграно, и явились въ царскій станъ съ повинною. Въ нашей исторической монографіи (напечатанной въ *Русской Мысли* 1882 года) мы привели ихъ показанія. Припомнимъ здѣсь, что всѣ эти показанія съ перваго вида отличаются неискренностію; господа, ихъ писавшіе, старались выставить себя жертвами обмана и насилія и извинить свой проступокъ незнаніемъ тайныхъ замысловъ своего гетмана, которому повиноваться обязаны были они по царской волѣ. Увертки ихъ не помогли имъ. Срокъ, назначенный царемъ въ 1708 году для явки въ царскій станъ съ увѣренностію получить прощеніе, давно истекъ. Слишкомъ было видно, что только одна крайность побудила ихъ теперь явиться съ повинною. Царскою милостію должны были они считать для себя уже и то, что избѣгли смертной казни и она для нихъ была замѣнена ссылкою.

Указомъ 8 августа 1709 года опредѣлено было: генеральнаго судью Чуйкевича, генеральнаго асаула Максимовича, полковниковъ Зеленскаго, Кожуховскаго и Покотилу, Антона Гамалѣю, Семена Лизогуба, писаря Гречаного и канцеляриста Григоровича отправить въ Москву, для водворенія въ ссылкѣ въ разныхъ мѣстахъ. Но они оставались въ Украинѣ въ тюремномъ заключеніи до апрѣля 1711 года. Тогда Головкинъ написалъ къ гетману

[1]) Судьенка, Матеріалы. II, 165.
[2]) Судьенка, Матер. II, 169.

Скоропадскому, чтобъ ихъ препроводили въ Москву и вмѣстѣ съ ними выслали бы ихъ семьи [1]). Головкинъ прибавлялъ, что, сколько помнится, былъ еще «седьмой» кто-то, котораго также слѣдовало отправить въ Москву, но имени его въ Москвѣ не помнятъ, и этого седьмаго требовалось также прислать съ женою и дѣтьми. Этимъ седьмымъ считали въ Москвѣ нѣсколько времени Гречаного, но послѣ довѣдались, что то долженъ быть Кожуховскій, уже отправленный въ Сибирь; оставалось доставить ему жену его, но это было невозможно, потому что жена его еще прежде умерла.

Украинскіе города, приставшіе къ Мазепѣ по неволѣ, тогда только, когда къ нимъ приходили шведскія войска, спѣшили при первой возможности посылать царю челобитныя о прощеніи. Послѣднимъ, запоздалымъ въ такомъ заявленіи повинной городомъ были Лубны. Челобитная о прощеніи подана была гетману Скоропадскому только 27 августа 1709 года, за подписомъ полковаго обознаго Павла Мартосенка и нѣсколькихъ сотниковъ Лубенскаго полка [2]).

Уже въ сентябрѣ 1709 года явилось съ повинною еще двое изъ мазепинцевъ: компанейскій полковникъ Андріяшъ и чигиринскій сотникъ Невінчаный, состоявшій временно въ должности полковника. Андріяшъ показывалъ, что не зналъ ничего о замыслахъ Мазепы, да и не могъ знать, потому что передъ вступленіемъ шведовъ онъ находился въ посылкѣ. Впослѣдствіи, хотя Мазепа отправлялъ его компанію въ военныя посылки, но его самого уже не посылалъ ни разу. На полтавской битвѣ онъ не былъ, хотя Мазепа и понуждалъ его къ тому: онъ убѣжалъ тогда въ степь. Тамъ поймали его татары и доставили къ своему хану, а крымскій ханъ, освѣдомившись, что онъ родомъ

[1]) Измѣнниковъ его царскаго величества изъ генеральной старшины Чуйкевича, Максимовича, полковниковъ Зеленскаго и Покотила, Гамалѣю, Гречаного, что писаремъ былъ при Мазепѣ, и Грицка, которые до полтавской баталіи, усмотря тогда невозможность уйти отъ войскъ царскаго величества, пришли сами, и хотя довелись они за измѣну смертной казни, но царское величество пожаловалъ—велѣлъ ихъ послать въ ссылку нѣкоторыхъ въ Сибирь, а другихъ къ городу Архангельску. А понеже въ 1710 году, на Украинѣ было моровое повѣтріе, того ради не мочно было ихъ къ Москвѣ для ссылки взять. Нынѣ же тѣхъ измѣнниковъ прислать за карауломъ и женъ и дѣтей ихъ велѣть Протасьеву за карауломъ въ Москву отправить (Арх. Иностр. Дѣлъ 1711 г., апрѣль).

[2]) Ижъ якіе наши есть преступленія и вина благоволи ваша вельможность, подражая корене милости человѣколюбиваго Бога, простити намъ тотъ грѣхъ и по своемъ панскомъ милосердіи приказать учинити насъ отъ нынѣшняго задержанія свободными даби его милость панъ полковникъ на насъ яко на своихъ полчанъ былъ ласковымъ. а мы его милости будемъ по прежнему покорятися (Арх. Иностр. Дѣл. 1709 г., № 67),

изъ волоской земли, отпустилъ его на родину. Теперь онъ заявлялъ, что снова желаетъ служить русскому государю. Андріяшъ сообщилъ, что въ Бендерахъ видѣлъ онъ Мазепу, который былъ такъ боленъ, что не могъ уже и говорить. Вѣроятно, Андріяшъ видѣлъ стараго гетмана не за долго до кончины. Показанія Невінчанаго мы не имѣли въ рукахъ. Оба получили прощеніе. О Невінчаномъ мы узнаемъ, что ему велѣно жить въ Москвѣ, но на слѣдующую зиму его отпустили въ Украину, откуда онъ послалъ въ Москву доносъ, что, возвращаясь изъ Москвы, онъ встрѣтился на дорогѣ съ посланцемъ гетмана Скоропадскаго, Подольскимъ, ѣхавшимъ въ Москву, и этотъ Подольскій говорилъ ему, Невінчаному: «Въ Украинѣ носятся слухи, будто царское величество хочетъ переселить малороссійскій народъ за Москву, а въ Украину перевести на поселеніе русскихъ». Невінчаный думалъ, вѣроятно, своимъ доносомъ угодить правительству и жестоко обманулся. Поставили его на очную ставку съ Подольскимъ. Послѣдній заперся и увѣрялъ, что подобныхъ рѣчей не говорилъ. Невінчанаго, какъ уже бывшаго виновнымъ въ измѣнѣ, подвергли три раза пыткѣ огнемъ; онъ и подъ пыткою показывалъ все то же на Подольскаго. По государственнымъ законамъ и уложеніямъ, послѣ того какъ доносчикъ подъ пыткою подтвердилъ свое обвиненіе, слѣдовало подвергнуть пыткѣ обвиняемаго; но Петръ оказалъ Подольскому особую милость и не велѣлъ его пытать; царю было донесено, что родственники Подольскаго издавна всѣ служили вѣрно, братъ Подольскаго былъ убитъ подъ Полтавою, да и самъ онъ участвовалъ въ полтавской битвѣ и получилъ тамъ рану. Однако, Подольскій все-таки не избѣгъ тогда царскаго гнѣва: представили царю, что Подольскій, сидя въ Петербургѣ подъ карауломъ, разглашалъ какія-то «бездѣльницы» и за это царь указалъ сослать его въ Соловецкій монастырь, держать его тамъ безъ ареста и давать пропитаніе. Судьба Невінчанаго осталась нерѣшонною по причинѣ скораго отъѣзда царскаго въ походъ: Головкинъ писалъ о немъ гетману Скоропадскому, что, вѣроятно, ему будетъ учинена смертная казнь или, по послѣдней мѣрѣ, вѣчная каторжная работа [1]).

Самые вѣрные сторонники Мазепы и заклятые царскіе противники были запорожцы. Этотъ народъ, какъ показываетъ вся его предшествовавшая исторія, всегда отличался крайнимъ не-

[1]) Судьенка. Матер. II, 168.

постоянствомъ и также легко могъ возмущаться, какъ, возмутившись и забурливши, утишаться и смиряться. Когда Мазепа перешелъ на сторону Карла XII и его подручника Станислава Лещинскаго, онъ старался склонить на свою сторону запорожцевъ. Запорожцы колебались. Сперва немногочисленна была между ними партія, рѣшавшаяся на явное отпаденіе отъ православнаго царя. Но рѣшительныя и суровыя мѣры, предпринятыя царскимъ правительствомъ противъ запорожцевъ, озлобили ихъ до крайнихъ предѣловъ. Царь Петръ какъ-то особенно не взлюбилъ ихъ и относился къ нимъ безжалостнѣе, чѣмъ къ преступникамъ изъ Гетманщины. Недостаточно было страшнаго разоренія Сѣчи и погони за разбѣжавшимися по днѣпровскимъ плавнямъ запорожцами, гдѣ отличался свирѣпостію Кгалаганъ, бывшій сѣчевикъ, хотѣвшій пролитіемъ крови прежнихъ товарищей загладить передъ царемъ свое короткое увлеченіе призраками, выставленными Мазепою. Много удалыхъ сѣчевиковъ, если вѣрить запорожцамъ, погибло тогда, въ мучительныхъ истязаніяхъ. Но и этого всего было недостаточно. Послѣ пораженія шведовъ подъ Переволочною происходила новая бойня надъ тѣми запорожцами, которые не успѣли въ пору переправиться черезъ Днѣпръ. Не пощадили даже и тѣхъ, которые сами остались и являлись съ повинною; шведскій историкъ съ особеннымъ ужасомъ отмѣтилъ ихъ казни въ своемъ повѣствованіи. Въ послѣдующемъ году еще продолжали совершаться жестокія кары надъ запорожцами. Изъ тѣхъ, которые были пойманы Кгалаганомъ, послѣ разоренія Сѣчи, гетманъ Скоропадскій, во исполненіе царской воли, приказалъ десятаго казнить смертію, а прочихъ сослать на вѣкъ въ каторжныя работы; но и послѣ, когда миргородскій полковникъ поймалъ еще толпу запорожцевъ, покусившихся сдѣлать набѣгъ на Кременчугъ, то верховная власть повелѣла гетману предать смертной казни двадцать четыре человѣка [1]). Обыкновенный способъ казни, совершаемый надъ запорожцами, было посаженіе на колъ. Но всѣ жестокія мѣры только ожесточали тѣхъ, которые оставались еще въ живыхъ. Тогда запорожцы составляли единственную военную силу изъ малороссіянъ, готовую бороться за дѣло, начатое Мазепою. Лишившись своего прежняго гнѣзда, запорожцы основали себѣ новую Сѣчь на устьѣ рѣки Каменки, впадающей въ Днѣпръ, ниже того мѣста, гдѣ была прежняя Сѣчь. Тамъ запо-

---

[1]) Судьенка. Матер. II, 158.

рожцы жили до 1711 года, когда Петръ, преслѣдовавшій существованіе запорожцевъ на свѣтѣ, приказалъ гетману Скоропадскому и генералу Бутурлину разорить ихъ новое пристанище. Тогда запорожцы вышли изъ предѣловъ Русской державы и поселились на татарской землѣ, въ Алешкахъ на Днѣпрѣ же, и пробыли тамъ до 1734 года. Потерявши Мазепу, запорожцы служили Орлику, признанному гетманомъ послѣ Мазепы всѣми враждебными Россіи малороссіянами, и признали шведскаго короля протекторомъ надъ Украиною.

Орлика, бывшаго генеральнымъ писаремъ при Мазепѣ, избрали гетманомъ въ апрѣлѣ 1710 года. Избиратели были запорожцы и кружокъ малороссійскихъ бѣглецовъ, послѣдовавшихъ за Мазепою послѣ полтавскаго погрома. Тогда новоизбранный гетманъ заключилъ съ избирателями своими договоръ, или статьи на подобіе того, какъ всегда и прежде при выборѣ гетмана постановлялись статьи, или правила, на которыхъ обязывался управлять новый гетманъ. Конечно, мало знаменательны и неважны въ исторіи могутъ казаться статьи, постановленныя при избраніи въ гетманы Орлика, такъ какъ новый гетманъ избирался въ чужой сторонѣ не всѣмъ козачествомъ и не съ согласія всей Украины, избирался только кружкомъ людей, преслѣдуемыхъ законною верховною властію. Тѣмъ не менѣе, эти статьи замѣчательны по своему содержанію, какъ выраженіе политическихъ стремленій тогдашнихъ старшинъ.

Эти статьи, собственно говоря, и заключались съ запорожцами, потому что запорожцевъ, при выборѣ Орлика въ гетманы, вѣроятно, было болѣе, чѣмъ украинскихъ бѣглецовъ. Главными воротилами были тогда между послѣдними, кромѣ Орлика, Войнаровскій, племянникъ Мазепы, соперникъ Орлика, прилуцкій полковникъ Димитрій Горленко, два брата Ломиковскіе, Ѳедоръ Мировичъ, Климъ Довгополенко, трое братьевъ Герцики: Григорій, Иванъ и Аѳанасій, Нахимовскій и Третьякъ. Орликъ въ своемъ договорѣ говорилъ съ земляками гораздо открытѣе и прямѣе, чѣмъ Мазепа, который, постоянно опасаясь, чтобъ его тайные замыслы не стали преждевременно извѣстны московскому правительству, то и дѣло что притворялся и таился отъ окружающей его среды. Послѣдующія событія открыли, что Мазепа не высказывалъ всей правды даже и тому небольшому кружку малороссійскихъ старшинъ, которымъ, казалось, особенно довѣрялъ передъ прочими; Орликъ же смѣло и прямо высказывалъ, чего

онъ желалъ для Украины и какой, по его взгляду, порядокъ былъ для ней пригоденъ, когда удастся освободить ее отъ Московской державы. При Мазепѣ ничего подобнаго не только явно, но и тайно не дѣлалось. Гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа требовалъ полнѣйшаго довѣрія къ своему уму и безусловной покорности своей волѣ. Въ договорѣ, состоявшемся при избраніи Орлика, высказывалось, что прежніе гетманы Войска Запорожскаго присвоивали себѣ самодержавную власть и черезъ то надвередили старинные порядки, права и вольности войсковыя не безъ всенародной тягости. Теперь же генеральные старшины и кошевой низоваго запорожскаго войска, находясь подъ протекціею шведскаго короля, «для исправленія и воздвигновенія павшихъ правъ своихъ» постановляли правила, которыми должны руководствоваться и новоизбираемый гетманъ, и будущіе по немъ гетманы Войска Запорожскаго. По достиженіи Украиною освобожденія отъ «невольническаго ярма московскаго», гетманъ будетъ признавать православіе господствующею религіею и не допускать ни явнаго, ни тайнаго внѣдренія какого-либо иновѣрія въ Украинѣ, а наипаче зловѣрія жидовскаго, но будетъ стараться, чтобы «вѣчно процвѣтала единая православная восточная церковь въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха при расширеніи научнаго просвѣщенія между свободными сынами Малороссіи». Украина въ границахъ отъ Польши по рѣку Случь, проведенныхъ еще при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, должна быть признана навсегда самобытнымъ государствомъ подъ вѣчнымъ протекторствомъ шведскаго короля и его преемниковъ, которые будутъ оборонять ее и не дозволять никому нарушать какъ границъ ея, такъ равно ея правъ и вольностей; при заключеніи мира съ Московскимъ государствомъ шведскій король потребуетъ, чтобы Москва возвратила всѣхъ украинцевъ, доставшихся ей въ плѣнъ въ военное время и вознаградила всѣ убытки и вредъ, причиненный въ странѣ московскими войсками.

По отношенію къ внутренней политикѣ въ этомъ договорѣ проектированы такія соображенія. Нѣкоторые прежніе гетманы,—замѣчалось въ немъ,—присвоили себѣ и узаконили право: такъ я хочу, такъ и повелѣваю. Отсюда происходили всякія нарушенія правъ и вольностей и отягощеніе поспольства. Чтобъ этого не было впередъ, устанавливается такой порядокъ главнаго управленія: первенствующими совѣтниками при гетманѣ будутъ генеральные старшины и полковники, но, сверхъ того, изъ

каждаго полка будутъ избираться по одной особѣ, совѣтники—старинные значные и благоразумные козаки; они будутъ засѣдать съ генеральными старшинами, и безъ общей воли такого совѣта гетманъ не будетъ имѣть права собственною волею ни начинать, ни рѣшать, ни приводить въ исполненіе какого-либо мѣропріятія. Назначаются въ годъ три собранія, народныя или генеральныя рады — первая о праздникѣ Рождества Христова, вторая о праздникѣ Свѣтлаго Воскресенія Христова и третья о праздникѣ Покрова Пресвятой Богородицы. На этихъ генеральныхъ радахъ участвовать будутъ не только генеральные чины и всѣ полковники съ своими полковыми старшинами и съ сотниками своихъ полковъ, но и всѣ генеральные совѣтники, выбранные отъ полковъ, а также послы отъ войска запорожскаго низоваго, которые будутъ присылаться по гетманскому ординансу въ назначенный срокъ. Старшины и генеральные совѣтники должны оказывать гетману почитаніе какъ своему начальнику, но имѣютъ право дѣлать гетману выговоры публично на радѣ, и гетманъ не долженъ тѣмъ оскорбляться. Чтобъ преградить гетманамъ на будущее время возможность распоряжаться по своему произволу войсковымъ скарбомъ, возстановляется существовавшая прежде, а впослѣдствіи упавшая должность генеральнаго подскарбія, который будетъ избранъ изъ значныхъ, зажиточныхъ и заслуженныхъ особъ для завѣдыванія войсковымъ скарбомъ, мельницами и всякими статьями доходовъ, относящимися до войсковаго достоянія. Подъ его вѣдѣніемъ будутъ находиться полковые подскарбіи: ихъ будетъ въ каждомъ полку по два; они будутъ избираться полковниками, полковыми старшинами и посполитымъ одобреніемъ (посполитою ухвалкою) также изъ значныхъ и зажиточныхъ особъ своего полка, для завѣдыванія полковымъ скарбомъ и всѣми источниками его доходовъ. Всѣ чины Войска Запорожскаго должны быть выборные и, въ случаѣ какого-нибудь совершеннаго ими проступка, подлежатъ расправѣ генеральнаго суда, а безъ приговора этого суда гетманъ произвольно не можетъ никого подвергать наказаніямъ. Ни гетманъ, ни подчиненные ему козацкіе чины, какъ большіе, такъ и малые, не имѣютъ права распоряжаться работами козаковъ и посполитыхъ людей, неподлежащихъ непосредственно ихъ урядамъ. Аренды и стаціи для содержанія охотныхъ полковъ, компанейскихъ и сердюцкихъ, какъ учрежденія, отяготительныя для поспольства, отмѣнятся, а вмѣсто нихъ, для пополненія скарба,

который чрезъ такую отмѣну понесетъ ущербъ, на генеральной радѣ будутъ учинены распоряженія.

Была при этомъ показана заботливость объ удовлетвореніи старинныхъ претензій Запорожья. По счастливомъ окончаніи войны, гетманъ обязывался стараться, чтобъ уничтожены были крѣпости, построенныя московскимъ правительствомъ на грунтахъ, принадлежавшихъ изстари низовому запорожскому войску, чтобъ городъ Терехтемировъ съ госпиталемъ для содержанія престарѣлыхъ и увѣчныхъ козаковъ запорожскихъ и съ перевозомъ на Днѣпрѣ поступилъ въ вѣдѣніе Запорожской Сѣчи, чтобъ города: Переволочна, Келеберда и мельницы на рѣкѣ Ворсклѣ, сообразно давнимъ правамъ и привилегіямъ сѣчеваго товарищества, пребывали при низовомъ запорожскомъ войскѣ и, наконецъ, чтобы Днѣпръ, со всѣми рыбными промыслами на всемъ теченіи его отъ Переволочны до Очакова, находился въ исключительномъ владѣніи низоваго запорожскаго войска. Это были статьи, которыя уже прежде служили предметомъ споровъ между Сѣчью и гетманскимъ правительствомъ. Уступка ихъ въ пользу запорожцевъ была неизбѣжнымъ плодомъ того положенія, въ какомъ находился Орликъ, избранный въ гетманы на чужой сторонѣ изгнанниками и не имѣвшій за собою никакой дѣйствующей силы, кромѣ сѣчевиковъ [1]).

10 мая того же 1710 года, этотъ договоръ былъ утвержденъ шведскимъ королемъ Карломъ XII, въ качествѣ признаннаго малороссіянами протектора [2]) Король шведскій хотя своими посланіями и поддерживалъ у запорожцевъ надежду на помощь отъ Турціи [3]), хотя и направлялъ крымскаго хана содѣйствовать козакамъ, враждебнымъ Россіи [4]), но за перемѣнами, происходившими тогда при константинопольскомъ дворѣ, не могъ долго получить оттуда обѣщанныхъ денегъ для раздачи запорожцамъ [5]). Онѣ были доставлены шведскому королю только осенью и Карлъ XII звалъ къ себѣ въ Бендеры запорожцевъ для полученія присланнаго пособія [6]). Тогда предположено было Орлику вмѣстѣ съ запорожцами, при содѣйствіи крымской орды, двинуться въ походъ

---

[1]) Чтенія Имп. Общ. Ист. и Древн. 1848 г. Переписка на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Стр. 1—17.—Чтенія 1859 г., книга I, стр. 242—257.

[2]) Переписка, стр. 17—19.—Чтенія 1859 г., I, 255—257.

[3]) Переписка, стр. 21, 24—27.

[4]) Ibid., стр. 22, 25–26.

[5]) Ibid., стр. 24.

[6]) Ibid., стр. 25.

съ цѣлію отобрать Украину отъ Московской державы. Составлены были договоры съ крымскимъ ханомъ отъ Карла XII [1]) и отъ Орлика и запорожцевъ [2]). Ханъ со всѣмъ своимъ царствомъ обязывался сохранять союзъ съ Войскомъ Запорожскимъ по тому образу, какъ нѣкогда состоялся союзъ Богдана Хмельницкаго съ крымскимъ ханомъ Исламъ-Гиреемъ, безъ всякихъ притязаній на господство надъ козаками и украинскими землями Ханъ долженъ былъ только освободить козаковъ отъ Московской державы и въ продолженіе военныхъ походовъ строго запретить своимъ татарамъ брать плѣнниковъ изъ малороссійскаго народа и разорять церкви въ Украинѣ. Предполагалось вмѣстѣ съ Гетманщиною освободить изъ-подъ Московской державы Слободскую Украину и присоединить ее къ Гетманщинѣ, а въ случаѣ невозможности, по крайней мѣрѣ, способствовать выселенію оттуда малороссіянъ въ Гетманщину по ихъ желанію. Предположено было дѣйствовать разомъ на правобережный и лѣвобережной Украинѣ.

Послѣ такихъ договоровъ, въ мартѣ 1711 года Орликъ двинулся на правобережную Украину съ татарами бѣлогородскими и буджацкими, бывшими подъ начальствомъ салтана, сына крымскаго хана, при содѣйствіи хана, который тѣмъ временемъ долженъ былъ съ ордою идти на Слободскую Украину. Съ Орликомъ шелъ также отрядъ поляковъ, признававшихъ польскимъ королемъ Станислава Лещинскаго и служившихъ шведскому королю. Ими начальствовали кіевскій воевода Іосифъ Потоцкій и панъ Галецкій. Посланы были впередъ агенты съ возмутительными воззваніями, въ которыхъ убѣждали малороссіянъ ополчиться противъ московской власти. Въ такомъ же духѣ отправилъ Орликъ письмо и къ гетману Скоропадскому, убѣждалъ стать за одно съ нимъ противъ Москвы, въ надеждѣ устроить въ Украинѣ свободную, ни отъ кого независимую республику, сообразивши, что, въ противномъ случаѣ, отчизна падетъ въ такую «руину», что послѣдующія поколѣнія съ ужасомъ будутъ вспоминать судьбу своихъ предковъ. «Если васъ, — говорилъ въ своемъ письмѣ Орликъ, — останавливаетъ носимый мною въ настоящее время санъ, то будьте увѣрены, что, для общаго блага, я уступлю его вамъ, какъ старѣйшему, надѣясь, что и вы не захотите губить меня въ вознагражденіе собственныхъ заботъ и трудовъ. Не вѣрьте тѣмъ, которые станутъ говорить, будто Оттоманская

[1]) Ibid., стр. 43—47.
[2]) Ibid., 47—49.

Порта думаемъ господствовать надъ Украиною. Нѣтъ. Блистательная Порта, его величество король шведскій и ханъ крымскій уже поставили между собою такое условіе, чтобъ Украина не подлегала ни отъ кого вассальной зависимости, но пребывала бы на всегда независимою державою» [1]).

Ни письмо Орлика къ Скоропадскому, ни его универсалы, разосланные по лѣвобережной Украинѣ, не имѣли никакого успѣха. Скоропадскій выслалъ на правую сторону Днѣпра противъ Орлика генеральнаго асаула Бутовича, а самъ выступалъ съ генераломъ царскимъ Бутурлинымъ противъ крымскаго хана. Дошедшіе въ Переяславскій полкъ универсалы Орлика были сожигаемы палачомъ [2]). Впрочемъ, для осторожности (такъ какъ государь вообще тогда все-таки мало довѣрялъ преданности малороссіянъ) приказано было собрать въ Глуховъ женъ всѣхъ полковниковъ, дабы онѣ служили залогомъ вѣрности своихъ мужьевъ, а чтобы скрыть настоящую цѣль такого распоряженія, приказано было самому гетману и всѣмъ чинамъ генеральной старшины оставить женъ своихъ въ Глуховѣ, какъ будто ради безопасности [3]). Замѣчательно, что такая судьба постигла тогда Анну Обидовскую, вдову племянника Мазепы, умершаго давно уже въ походѣ противъ шведовъ въ Лифляндіи. Она была дочь Василія Леонтьевича Кочубея, котораго семейство было такъ милостиво обласкано царемъ, какъ бы въ вознагражденіе за ошибку правительства, учиненную противъ Кочубея. Анна Обидовская не только не была участницею царскаго благоволенія къ роду Кочубея, но по какому-то неизвѣстному намъ дѣлу, касающемуся измѣны Мазепы, она содержалась въ Полтавѣ подъ карауломъ, а въ мартѣ 1711 года была доставлена въ Глуховъ, гдѣ опредѣлено было ей жить хотя безъ караула, но съ обязательствомъ никуда не отлучаться изъ Глухова [4]). Кіевскій губернаторъ князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ также поступилъ съ женами правобережныхъ полковниковъ—чигиринскаго Кгалагана, бѣлоцерковскаго Танскаго, недавно заступившаго мѣсто своего тестя, знаменитаго Палія, уже умершаго, и брацлавскаго Григораша, вызвавши всѣхъ ихъ въ Кіевъ во время вступленія Орлика въ правобережную Украину [5]).

---

[1]) Переписка, стр. 36
[2]) Судьенка. Матер. II, 182.
[3]) Судьенка. Матер. II, 173—177.
[4]) Судьенка. Матер. II, 155.
[5]) Судьенка. Матер. II, 23.

Если на лѣвобережной Украинѣ воззванія Орлика рѣшительно не имѣли успѣха между обывателями, то на правобережной не остались онѣ безъ вліянія. Въ Черкасахъ, въ Каневѣ, въ Мошнахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоцерковскаго полка, а также полковъ Корсунскаго и Уманскаго, жители склонялись на сторону царскихъ противниковъ [1]). Сынъ богуславскаго полковника Самусь прибылъ въ Кіевъ и извѣщалъ, что жители рвутся къ Орлику [2]). Высланный противъ Орлика, генеральный асаулъ Бутовичъ потерпѣлъ подъ Лисянкою пораженіе и былъ взятъ въ плѣнъ [3]). Объ этомъ человѣкѣ возникали тогда подозрѣнія въ его вѣрности. Поданъ былъ на него доносъ отъ нѣкоего Жадковича. Головкинъ въ концѣ января 1711 года писалъ Скоропадскому, что лучше бы замѣнить Бутовича другимъ лицомъ, болѣе надежнымъ [4]). Послѣ Прутскаго мира, въ томъ же 1711 году, въ сентябрѣ, освободился Бутовичъ изъ плѣна и сообщалъ о намѣреніяхъ Орлика, вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ, опять начать войну [5]).

Послѣ побѣды, одержанной надъ высланнымъ отъ Скоропадскаго Бутовичемъ, дѣло Орлика пошло еще успѣшнѣе: городки сдавались ему безъ боя одинъ за другимъ. Оставалась въ царской власти одна Бѣлая Церковь да нѣкоторыя мѣстечки Бѣлоцерковскаго полка [6]). Орликъ осадилъ Бѣлую Церковь. Съ нимъ, кромѣ татаръ, былъ тамъ и кошевой съ запорожцами. Уже сѣчевики успѣли овладѣть нижнимъ городомъ, вывели тамъ шанцы и собирались громить верхній городъ или замокъ. Защищали его царскія силы подъ начальствомъ бригадира Анненкова и бѣлогородскіе вѣрные царю козаки [7]). Ночью сдѣлали осажденные вылазку, овладѣли запорожскими шанцами и прогнали запорожцевъ. Орликъ отступилъ, не взявши Бѣлой Церкви. Поляки, помогавшіе Орлику, бывшіе съ нимъ подъ Бѣлой Церковью подъ начальствомъ Галецкаго, отошли въ Полѣсье, а татары, не слушаясь Орлика, разсыпались загонами и стали набирать ясыръ по украинскимъ селамъ. Самъ Орликъ скоро также удалился за Днѣстръ, откуда явился въ Украину [8]). Тогда Орликъ написалъ

1) Судьенка. Матер. II, 11.
2) Арх. Югоз. Росс. III, 2—181.—Судьенка. Матер. II. 28.
3) Судьенка. Матер. II, 29.
4) Судьенка. Матер. II, 172—173.
5) Судьенка. Матер. II, 346.
6) Судьенка. Матер. II, 30.
7) Судьенка. Матер. II, 35.
8) Арх. Югоз. Россіи. III, 2—189.

шведскому королю письмо, въ которомъ изъяснялъ, что виною неудачи его предпріятія были коварные союзники—татары; въ противность договору Орлика съ крымскимъ ханомъ, они брали въ плѣнъ жителей и варварски разоряли край, и это происходило тогда уже, когда этотъ край готовъ былъ добровольно подчиниться ему, Орлику [1]). Салтанъ, бывшій съ Орликомъ подъ Бѣлою Церковью, вдругъ оттуда бѣжалъ съ своею ордою къ Бугу; Орликъ погнался за нимъ, умолялъ остановиться, просилъ оставить ему хоть часть орды, хоть тысячъ десять, — салтанъ обѣщалъ, но не сдержалъ обѣщанія. Не смотрѣли татарскіе мурзы на представленія Орлика и его старшинъ, ссылавшихся на договоръ съ ханомъ, распустили свои чамбулы во всѣ стороны по украинской землѣ. «Какихъ неслыханныхъ подъ луною свирѣпствъ не учинили тогда дикіе татары!—выражается въ своемъ письмѣ къ шведскому королю Орликъ. —Они обдирали и опустошали церкви, — однѣ превращали въ лошадиныя стойла, другія сожигали въ пепелъ, иныя умышленно предавали всяческому осквернению: опрокидывали престолы церковные, топтали ногами св. дары, издѣвались надъ иконами, насиловали недорослыхъ дѣвочекъ, замучивали людей обоего пола, уже ранѣе лишенныхъ мечемъ, огнемъ и грабежемъ всего своего достоянія. На всемъ пространствѣ отъ Днѣстра до Роси нахватали они въ яссыръ нѣсколько тысячъ духовныхъ и мірскихъ людей, козаковъ, поспольства, женщинъ и дѣтей, и погнали въ свои бѣлогородскія, буджацкія и ногайскія жилища, опустошили огнемъ и мечемъ весь край отъ Роси до Тетерева и до Днѣпра, въ полкахъ Бѣлоцерковскомъ и Каневскомъ истребили города и мѣстечки, а малыхъ дѣтей, неспособныхъ быть взятыми въ яссыръ, кидали въ воду или разсѣкали пополамъ. Перомъ трудно описать безчеловѣчія, какія совершалъ съ своими своевольными татарами сынъ Дзяунъ-бея въ Германовкѣ, несмотря на оберегательные универсалы, выданные отъ меня, отъ кіевскаго воеводы и даже отъ самого салтана. Его впустили въ городъ по его просьбѣ подъ предлогомъ дружбы, а онъ предалъ весь городъ съ святыми церквами расхищенію и пожару, болѣе пяти тысячъ туземцевъ и обывателей сосѣднихъ селъ, искавшихъ въ городѣ безопасности, татары погнали въ яссыръ, малолѣтнихъ дѣвочекъ насиловали и потомъ бросали въ огонь, охватившій весь городъ; до пятидесяти младенцевъ было оторвано отъ матернихъ

[1]) Переписка, стр. 38—42.

грудей и брошено въ огонь, другихъ раздирали пополамъ или, бравши за ножки, разбивали головками объ стѣны. Несмотря на мои представленія, за такія варварства виновные не подвергались наказаніямъ; напротивъ, когда я требовалъ обузданія татарской наглости, салтановъ визирь Муртаза-ага отвѣчалъ, что татарамъ дано дозволеніе обращать въ пепелъ города, мѣстечки и села и брать яссыръ на пространствѣ отъ Роси до Тетерева и Днѣпра, такъ какъ этотъ край сосѣдствуетъ съ Кіевомъ и Бѣлой Церковью и намъ враждебенъ, за одно съ этими городами. Это неправда. Всѣ жители этого края оказались мнѣ вѣрны и послушны и за свое послушаніе приняли отъ татаръ такое опустошеніе, что едва ли одинъ человѣкъ на мѣстѣ своего жительства цѣлъ и невредимъ. Во время своего бѣгства назадъ, татары, разсыпавшись по тремъ полкамъ: Кальницкому, Уманскому и Тарговицкому, а отчасти по Брацлавскому и Корсунскому, причинили такое же разореніе невинному народу; все разорено, разграблено, выжжено, народъ загнанъ въ неволю, только городъ Умань съ своими предмѣстьями одинъ остался оплакивать бѣдствіе, постигшее Украину. Довольно того сказать, что у меня было болѣе шестнадцати тысячъ козаковъ Войска Запорожскаго, кромѣ мѣщанъ, въ полкахъ Чигиринскомъ, Уманскомъ, Тарговицкомъ, Кальницкомъ, Корсунскомъ, Богуславскомъ, Каневскомъ, и нѣсколько сотенъ въ полку Бѣлоцерковскомъ, теперь же едва три тысячи осталось: не только мѣщане, но и козаки, имѣвшіе въ этихъ полкахъ свои домы и семьи, узнавши о непріятельскихъ поступкахъ татаръ, разошлись отъ меня въ разныя стороны, думая спасать своихъ женъ и дѣтей, а тѣ, что еще при мнѣ остаются, оплакиваютъ потерю своихъ семействъ, братій и друзей!» Посылая такое письмо, Орликъ просилъ шведскаго короля принять къ сердцу вопль несчастной Украины и ходатайствовать предъ падишахомъ какъ о возмездіи татарамъ за бѣдствія, нанесенныя краю, такъ и объ освобожденіи угнаннаго изъ Украины яссыра. Дѣйствительно, Карлъ исполнилъ желаніе Орлика, такъ какъ 31 іюля 1711 года (по мухамеданскому лѣтосчисленію въ послѣдніе дни мѣсяца Ремазіеле увеле 1123 года) послѣдовалъ указъ падишаха Сераскиру нашѣ бендерскому отыскать, собрать и передать Орлику, вождю козацкому, плѣнныхъ, какіе найдутся въ краѣ, управляемомъ этимъ пашею, изъ взятыхъ татарами въ прошлый ихъ походъ въ Украинѣ [1]).

[1]) Переписка, стр. 42

Такимъ образомъ, неудача предпріятія на правобережной Украинѣ постигла Орлика и его соумышленниковъ отъ союзниковъ, которыхъ они пригласили.

Такъ же мало помогъ мазепинскому дѣлу и ханъ крымскій, покусившійся на Слободскую Украину въ то время, когда Орликъ подвизался въ правобережныхъ полкахъ Гетманщины. Сперва хану повезло, казалось, счастье. Онъ удачно расправился съ русскимъ городомъ Сергіевскимъ. Великороссійскіе ратные люди не въ силахъ были оборонять городъ. Малороссійскіе жители сдали городъ татарамъ и выдали имъ царскихъ солдатъ въ неволю. Послѣ этой побѣды, ханъ съ ордою вступилъ въ Слободскую Украину. Онъ дошелъ до мѣстечка Водолагъ Харьковскаго полка. Обыватели этого мѣстечка и другихъ слободъ встрѣчали крымскаго хана съ хлѣбомъ-солью. Ханъ, однако, не рѣшался слѣдовать далѣе въ глубь Гетманщины и повернулъ съ ордою назадъ. Передавшіеся ему слобожане отправлены были къ Вольному, вѣроятно, съ цѣлію разселить ихъ на пустопоросшихъ степяхъ, составлявшихъ владѣніе крымскаго хана. Но за ними отправился въ погоню съ козаками полтавскій полковой судья Петръ Кованько, завернулъ ихъ назадъ и пригналъ къ Полтавѣ. Такъ какъ они хотѣли отбиваться оружіемъ въ то время, когда ихъ догналъ Кованько, то за измѣну царю и за поднятіе оружія противъ государевыхъ воиновъ приговорили десятаго изъ нихъ по жеребью казнить смертью, а остальныхъ, съ женами и дѣтьми, собравши всѣхъ, отправить въ Москву, дабы оттуда по назначенію Приказа разослать въ ссылку [1]). То же постигло и тѣхъ, что сдали Сергіевскій татарамъ.

Въ іюлѣ того же 1711 года произошло знаменитое въ исторіи Прутское дѣло. Царь россійскій Петръ Первый съ своимъ войскомъ былъ окруженъ многочисленными турецкими силами и принужденъ былъ заключить съ визиремъ унизительный для себя миръ. Московскій государь очутился въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ когда-то польскій король Янъ Казимиръ подъ Зборовомъ, когда его съ польскимъ войскомъ окружили Хмельницкій съ козаками и союзникъ Хмельницкаго, крымскій ханъ съ своими ордами. И теперь, противъ московскаго государя стояли такіе же козаки, только уже составлявшіе малый обломокъ той воинственной силы, которая такъ недавно наводила страхъ своею

[1]) Судьенка. Матер. II, 186

многочисленностію и отвагою. За то этотъ обломокъ козачества находилъ себѣ опору въ такой мусульманской силѣ, которая была въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ завлечена Богданомъ Хмельницкимъ противъ поляковъ. Одинъ лѣтописецъ, передающій дѣянія Хмельницкаго, по поводу союза его съ татарами, замѣтилъ, что дружба христіанина съ мусульманиномъ также несостоятельна, какъ дружба между бараномъ и волкомъ. Тоже можно было произнесть и теперь. Политика мусульманскаго двора, вмѣшиваясь въ дѣла христіанскихъ обществъ, всегда имѣетъ въ виду только свои корыстныя цѣли. И на этотъ разъ то же оказалось. Козаки были близки къ достиженію своихъ цѣлей: Петръ былъ уже въ рукахъ ихъ союзниковъ турокъ; ради спасенія жизни и своей державы, онъ долженъ былъ на все согласиться, что бы ему ни предложили, еслибъ онъ только сталъ плѣнникомъ турокъ. Но визирь не довелъ войны до того, чтобы взять русскаго царя въ плѣнъ. Визирь заранѣе согласился на миръ, предложенный побѣжденнымъ царемъ. Все обдѣлали деньги и обѣщанія денегъ, которыя всегда были всесильны у всѣхъ турецкихъ визирей, даромъ что едва ли не каждый изъ визирей платился за свое корыстолюбіе сверженіемъ съ своего достоинства, а нерѣдко и жизнію. Многочисленные примѣры, слѣдовавшіе одинъ за другимъ непрерывно, не могли измѣнить порока, укоренившагося изъ поколѣнія въ поколѣніе. Впрочемъ, хотя по великодушію визиря царь россійскій съ своимъ воинствомъ могъ безопасно воротиться въ отечество, но договоръ, состоявшійся на берегахъ Прута, все-таки, оставлялъ козакамъ-мазепинцамъ нѣкоторую надежду въ будущемъ. Въ числѣ условій, какія у царя вынудили турки, было такое: царь обязывался не вмѣшиваться какъ въ дѣла Польши, такъ и въ дѣла козаковъ и не безпокоить послѣднихъ. Эти неясныя выраженія Орликъ и его товарищи толковали такъ, что царь совершенно отрекся отъ Украины, и она теперь можетъ считать себя самобытнымъ, ни отъ кого не зависимымъ государствомъ. Недоразумѣнія, возникшія въ дипломатическихъ сношеніяхъ, препятствовали утвержденію мира Турціи съ Россіею, заключеннаго на берегахъ Прута. Царь медлилъ уничтоженіемъ таганрогской крѣпости и возвращеніемъ Азова, требуя прежде удаленія шведскаго короля изъ турецкихъ предѣловъ, а турки были съ своей стороны недовольны неисполненіемъ договора по вопросу о невмѣшательствѣ царя въ дѣла Польши и козаковъ. Зимою война готова была вспыхнуть снова. По отношенію къ козакамъ спорный

вопросъ состоялъ въ томъ: обязываетъ ли Прутскій договоръ россійскаго царя считать себя отрекшимся отъ Украины, потому что статья, относящаяся непосредственно къ этому вопросу, въ мирномъ договорѣ выражена была не ясно и подавала поводъ къ толкованіямъ на всякіе лады [1]). Бывшій тогда въ Константинополѣ царскій вице-канцлеръ Шафировъ, поддерживаемый послами англійскимъ и голландскимъ, указывалъ, что если бы при заключеніи мирнаго договора шло дѣло объ уступкѣ всей Украины, то зачѣмъ же было говорить объ уничтоженіи крѣпостей Каменнаго-Затона и Новобогородска: если признавать этотъ край уступленнымъ Россіею Турціи, то само собою во владѣніе послѣдней переходили и эти крѣпости [2]). На это козаки съ своей стороны указывали на прежде состоявшееся условіе между королемъ шведскимъ, протекторомъ козаковъ, и крымскимъ ханомъ, вѣрнымъ вассаломъ Турціи; тамъ объ этихъ именно крѣпостяхъ, построенныхъ Москвою, было сказано, что онѣ должны принадлежать Войску Запорожскому, которое должно быть объявлено ни отъ кого независимою державою, слѣдовательно если бы даже Московская держава дѣйствительно въ договорѣ съ Турціею отрекалась отъ владѣнія краемъ, въ которомъ построила эти крѣпости, то это не уничтожало бы права козаковъ считать эти крѣпости принадлежащими Украинѣ уже потому, что Москва уступила ихъ Турціи, а Турція заранѣе отдавала ихъ козакамъ.

Н. Костомаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

1) Соловьевъ: Истор. XVI, 92.—Въ перепискѣ, бывшей между лицами той эпохи, напечатанной Обществомъ исторіи и древностей въ 1848 г. по латыни: Poloniae atque ei adhaerentibus cosaciis et zaporoviensibus et iis cosacis qui serenissimo Hano Crymeae domino Deuletgeraj confederati sunt ex parte Cari nulla in posterum molestia fiat, sedut a longa annorum serie nullumius habuit in illis locis ita modo ex iis omnibus sese subtrahere debeat (стр. 50).

2) Соловьевъ: Истор. XVI, 106.

Работы института международнаго права по вопросу о выдачѣ преступниковъ.

Изъ всей обширной области уголовнаго права и процесса, институтъ прежде всего остановилъ свое вниманіе на вопросѣ *о выдачѣ преступниковъ*. Вопросъ этотъ съ точки зрѣнія международной не только одинъ изъ наиболѣе важныхъ и интересныхъ, даже въ практическомъ отношеніи, но и выдвигается печальными событіями нашихъ дней на первый планъ. О немъ толкуютъ всюду, пишутъ и спорятъ много, но, при его обсужденіи, даже учеными юристами, преобладаетъ точка зрѣнія извѣстной партіи, пожалуй, государства, а не *международная*, единственно вѣрная и строго безпристрастная. Пока мы будемъ стоять на почвѣ только уголовнаго права и не возвысимся до международнаго, мы не придемъ къ удовлетворительному рѣшенію всѣхъ сложныхъ вопросовъ, связанныхъ съ выдачею преступниковъ. Въ этомъ насъ убѣждаютъ и пренія, которыя были въ Оксфордѣ.

I.

Въ томъ же циркулярномъ обращеніи къ членамъ института 6 іюня 1877 г., въ которомъ излагались первыя общія заключенія по гражданскому праву, подкоммиссія по уголовному представила нѣсколько заключеній относительно уголовной подсудности вообще и наказуемости лица, выданнаго за иныя преступленія, кромѣ того, которое вызвало его выдачу [1]). Эти заключенія по первому пункту соотвѣтствовали работѣ *Броше*, помѣ-

[1]) Annuaire 1878, p. 51—54.

щенной имъ въ Revue 1875 г. [1]), а по второму передавали выводы, къ которымъ приходитъ Баръ въ статьѣ, напечатанной въ 1877 г. въ томъ же журналѣ [2]).

Институтъ занялся уголовнымъ правомъ лишь въ Брюсселѣ. Докладчикъ по этой части, *Броше*, представитъ ему двѣ весьма обстоятельныя и ученыя записки *Объ общихъ началахъ подсудности* [3]) и *О выдачѣ и о взаимномъ содѣйствіи судовъ въ сферѣ уголовнаго правосудія* [4]).

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ работъ, поступили также замѣчанія отъ Горнунга [5]), Мартенса [6]) и Сарипо́лоса [7]).

На основаніи этого матеріала институтъ посвятилъ въ Брюсселѣ не менѣе пяти засѣданій (3, 4, 5 и 6 сентября 1879 г.) обсужденію вопросовъ, поднятыхъ въ докладахъ Броше и, хотя пренія были весьма продолжительны и оживленны [8]), но, кромѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ заключеній, они въ результатѣ повели къ отстрочкѣ рѣшеній какъ по подсудности, такъ и по выдачѣ. Независимо отъ трудности самихъ вопросовъ, мы объясняемъ себѣ такой результатъ двумя обстоятельствами: во-первыхъ, Броше представилъ свои изслѣдованія, не снесшись предварительно съ товарищами по его подкоммиссіи; когда началось обсужденіе его мыслей, между ними явились несогласія и противорѣчія по основнымъ пунктамъ. Это затянуло пренія и затруднило принятіе рѣшеній.

Во-вторыхъ, выводы, къ которымъ пришелъ Броше, отличаются характеромъ по преимуществу отвлеченнымъ, научнымъ; они и по формѣ и отчасти по содержанію мало обращаютъ вниманія собственно на *практическую* сторону дѣла, особенно важную въ вопросахъ, имъ изучаемыхъ; поэтому его выводы не соотвѣтствуютъ цѣли, которую въ этомъ отношеніи преслѣдуетъ институтъ, т. е. они не могутъ служить образцами для предполагаемыхъ статей трактата или закона.

---

1) Etude sur les conflits de législation en matière de droit pénal (p. 22—56 и 169—193).

2) Interprétation divergentes du traité d'extradition de 1842 entre l'Angleterre et les Etats-Unis (p. 5—17).

3) Annuaire 3 et 4 années. T. I (1880), p. 50—86.

4) Ib., p. 202—262.

5) Ib., p. 262—265.

6) Ib., p. 265—271.

7) Ib., p. 271—276. Эти замѣчанія Горнунга, Мартенса и Сарипо́лоса напечатаны также въ *Revue* 1879, p. 518—526.

8) Ib., p. 276—296.

Но, несмотря на это, пренія, бывшія въ Брюсселѣ, не лишены въ научномъ отношеніи интереса.

Самый продолжительный и горячій споръ, поведшій и къ отсрочкѣ всего проекта Броше, былъ вызванъ его пятымъ пунктомъ третьей статьи, посвященнымъ *политическимъ преступленіямъ* [1]). Броше выступилъ, относительно ихъ, поборникомъ принципа невыдачи. «Политическіе побѣжденные,—говоритъ онъ,—должны пользоваться правомъ убѣжища, но подъ двоякимъ условіемъ, чтобы они, во-первыхъ, уважали данное имъ гостепріимство и ни въ чемъ не посягали на внутреннюю или внѣшнюю безопасность государства, ихъ принявшаго, и, во-вторыхъ, не пользовались политическими дѣяніями какъ щитомъ для прикрытія общихъ преступленій. Дѣяніе получаетъ политическій характеръ, когда оно направлено противъ верховенства государства, противъ тѣхъ учрежденій, собраній и лицъ, которыя олицетворяютъ это верховенство и чрезъ которыя оно дѣйствуетъ. Убійство главы государства будетъ вообще политическое преступленіе, хотя бы средства, употребленныя для его достиженія, оказали дѣйствіе далеко за предѣлы самой особы государя. Впрочемъ, надо удостовѣриться при этомъ, не лежала ли причина преступленія въ обстоятельствахъ, не выходящихъ изъ области общаго уголовнаго права».

Броше идетъ еще далѣе: онъ требуетъ невыдачи даже для *преступленій политическихъ сложныхъ* или *смѣшанныхъ*, т. е. осложненныхъ преступленіями противъ общаго права, въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія были средствомъ, послѣдствіемъ или прямымъ и естественнымъ добавленіемъ (accessoire) къ политическому дѣянію. Тотъ же принципъ онъ прилагаетъ къ преступленіямъ и проступкамъ противъ религіи, къ высказыванію идей путемъ слова или печати, къ отказу въ поступленіи на воен-

---

[1]) Въ немъ сказано: „Выдача предполагаетъ преступленія, достаточно тяжкія, которыя могли бы оправдать столь суровое средство.

«Естественно въ ней отказать или даровать ее на извѣстныхъ условіяхъ, когда наказаніе представляется незаконнымъ или чрезмѣрнымъ.

«То же самое слѣдуетъ сказать о тѣхъ случаяхъ, когда чрезъ выдачу лицо подверглось бы обращенію безчеловѣчному или излишне рискованному (procedure hasardeuse).

«Не существуетъ основанія требовать, чтобы оба народа, между коими идетъ рѣчь о выдачѣ, имѣли одинаковый и общій интересъ въ наказаніи преступника, или чтобы преступленіе было всегда предусмотрѣно въ законахъ обѣихъ сторонъ или же облагаемо равными наказаніями.

«Выдача не должна примѣняться къ преступленіямъ и проступкамъ политическимъ, даже осложненнымъ преступленіями общими".

ную службу и къ дезертирству, за исключеніемъ развѣ побѣга матросовъ.

Къ такимъ же выводамъ приходитъ другой швейцарецъ, *Горнунгъ*, товарищъ Броше по женевскому университету. По его мнѣнію, убійство главы государства есть въ принципѣ политическое преступленіе, которое не должно вести къ выдачѣ преступника. Въ видахъ же устраненія безнаказанности, онъ полагаетъ, что каждое государство обязано всегда карать само и по своимъ законамъ нарушенія международнаго права, совершонныя на его территоріи.

Идти же далѣе этого и наказывать преступленія подданныхъ и даже иностранцевъ, совершонныя за границею, едва ли возможно [1]).

Словомъ, государства обязаны взаимно оберегать другъ друга собственною юстиціею. Вопросъ о выдачѣ въ наше время стремится перейти изъ области международнаго права на почву внутренняго, публичнаго. Прежде въ его рѣшеніи преобладали трактаты и дипломатическій путь, теперь они начинаютъ уступать мѣсто закону и судамъ.

Въ послѣднемъ мнѣніи лежитъ доля правды: дипломатическій путь дѣйствительно призванъ постепенно преобразоваться въ юридическій, но столько же въ смыслѣ международномъ, сколько и государственномъ.

Противъ основнаго воззрѣнія Броше на политическія преступленія выступилъ *Мартенсъ*.

Называя его работу «одною изъ наиболѣе удачныхъ въ числѣ представленныхъ институту», онъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, полагаетъ, однако, что докладчикъ невольно «поддался духу рутины, столь удобному, что ему всегда дѣлаютъ большія уступки, хотя въ сущности его слѣдуетъ не одобрять, а ограничивать». Мартенсъ согласенъ съ тѣмъ, что «право убѣжища» съиграло большую роль въ исторіи европейской цивилизаціи. Благодаря ему, *политическіе преступники* могли укрываться на нейтральной почвѣ отъ преслѣдованій и ненависти политическихъ партій. Но необходимо этотъ классъ людей строго отличать отъ *политическихъ преступниковъ*. Въ наше время число первыхъ сокра-

---

1) Нѣмецкій кодексъ наказываетъ преступленія противъ иностранныхъ государей нѣмцевъ внѣ Германіи. Подобную статью находимъ въ австрійскомъ кодексѣ.

Бельгійскій законъ 1858 г. преслѣдуетъ покушенія противъ главы иностраннаго правительства.

щается, а вторыхъ увеличивается въ ужасающей пропорціи. Изгнанники стремились къ тому, чтобы даровать торжество извѣстной политической партіи и замѣнить установленное правительство другимъ. Часто проникнутые горячею любовію къ отечеству и къ своему народу, они боролись то за извѣстную форму правленія, то за падшую династію, то за законы, которые попиралъ ногами какой-либо диктаторъ. Словомъ, они отстаивали идеи, въ истинѣ которыхъ были глубоко убѣждены и которыя могли разсчитывать на уваженіе со стороны каждаго безпристрастнаго человѣка и становились побѣжденными, нерѣдко благодаря одному стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Совершенно иное представляютъ намъ политическіе преступники. Это лица, которыя, какъ члены интернаціоналки, французской коммуны, нигилисты и соціалисты, стремятся путемъ убійствъ и поджоговъ не къ замѣнѣ одной политической формы другою, но къ водворенію анархіи и къ торжеству животныхъ инстинктовъ человѣка. Они объявили отчаянную войну не тому или иному конкретному общественному строю, но общему порядку, самому принципу правительствъ и европейской цивилизаціи. По отношенію къ нимъ право убѣжища немыслимо; выдача становится не только справедливою, но и необходимою. Всѣ государства и всѣ правительства, въ виду этихъ обстоятельствъ, обязаны соединить свои силы для противодѣйствія злу, угрожающему, безъ малѣйшаго исключенія, имъ всѣмъ, и слиться какъ бы въ одно большое общество взаимнаго страхованія.

Становясь на точку зрѣнія Броше, мы естественно приходимъ къ выводу, что послѣдній гражданинъ пользуется большею безопасностью, предоставляемою ему законами, нежели глава государства и органы правительства. Но это стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ текстомъ большинства трактатовъ и законовъ.

Эти мысли Мартенса оказали вліяніе на дальнѣйшія рѣшенія института, потому что въ сущности вѣрно намѣтили исходную точку всего спора о выдачѣ преступниковъ: великія преступленія, — таковъ голосъ совѣсти, все громче раздающійся въ наше время, — требуютъ наказанія, хотя бы они прикрывались политическими мотивами и цѣлями. Въ этомъ отношеніи Мартенсъ только подтвердилъ мнѣніе, высказанное извѣстною англійскою коммиссіею 1877 г., созванною для изученія именно вопроса о выдачѣ. Мы говоримъ, однако, что онъ лишь намѣтилъ дальнѣйшее обсужденіе всего этого вопроса, на томъ осно-

ваніи, что онъ даетъ о политическихъ преступленіяхъ слишкомъ общее и широкое понятіе, не различая въ немъ конкретныхъ случаевъ, и сравнительно мало обращаетъ вниманія на его международную сторону.

Записка Горнунга вызвала критическія замѣчанія *Сарполоса*. Онъ совершенно согласенъ съ ученымъ женевцемъ въ томъ, что предоставленіе судебной власти обсуждать вопросы о выдачѣ составляетъ, сравнительно съ дипломатическимъ путемъ, большой прогрессъ, ибо власть эта въ образованныхъ государствахъ даетъ бо̀льшія ручательства безпристрастія, чѣмъ дипломатія, такъ легко увлекаемая политическими интересами, господствующими въ данную минуту. Но въ убійствѣ главы государства онъ видитъ не исключительно политическое, а сложное преступленіе (délit complexe) и таковымъ оно остается, кѣмъ бы оно ни было совершено: отдѣльнымъ ли лицомъ, или народомъ. «Осужденія къ смерти Карла I и Людовика XVI остаются преступленіями. Исторія свидѣтельствуетъ намъ и о безполезности такихъ дѣяній. Всѣ наслѣдники убитыхъ монарховъ царствовали, а потомки удаленныхъ съ престола лишались его». Онъ вполнѣ понимаетъ, что и партію анархистовъ нельзя уничтожить одною строгостью законовъ, но что главнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ ней должно явиться возможно бо̀льшее распространеніе въ массахъ здравыхъ нравственныхъ идей, серьезнаго образованія и воспитанія въ нихъ духа бережливости и взаимнаго содѣйствія въ формѣ кооперативныхъ обществъ. Но этому движенію международное право не можетъ оставаться чуждымъ. Когда преступникъ будетъ знать, что бѣгство въ какую-либо чужую страну не освободитъ его отъ кары, въ случаѣ посягательства имъ на жизнь либо частнаго лица, либо главы государства, мы можемъ быть увѣрены, что онъ два раза поразмыслитъ прежде, чѣмъ дастъ волю своимъ преступнымъ намѣреніямъ».

Всѣ эти противоположныя мнѣнія естественно проявились и въ засѣданіи института 6 сентября. На разсмотрѣніе его поступило четыре формулы относительно опредѣленія преступленій политическихъ и такъ называемыхъ сложныхъ. Одну внесли Вестлекъ, Блунчли и Мартенсъ. Она установляетъ, что «совершеніе преступленія съ политическою цѣлію само по себѣ не освобождаетъ виновнаго отъ выдачи. Нельзя признать политическій характеръ за преступленіемъ противъ общаго права, если оно,

будучи совершено во время междуусобной войны, не заслуживало бы оправданія, какъ дѣяніе войны». Бульмеринкъ, выставивъ принципъ невыдачи за политическія преступленія, требовалъ противоположнаго правила для преступленій общихъ, но осложненныхъ политическимъ характеромъ. Сариполосъ немного видоизмѣнилъ эту мысль въ редакціонномъ отношеніи, а Монлюкъ, въ противоположность имъ, высказался за невыдачу для дѣяній чисто политическихъ и соединенныхъ съ нарушеніями общаго права (crimes connexes à des crimes ou délits de droit commun). Отъ нихъ онъ отличаетъ еще преступленія сложныя (délits complexes), относительно которыхъ рекомендуетъ ограничительное перечисленіе ихъ въ трактатахъ. Въ виду важности всѣхъ этихъ вопросовъ, даже въ наукѣ далеко еще не разработанныхъ, и приближавшагося уже окончанія брюссельской сессіи, институтъ, по предложенію Ассера, рѣшилъ весь вопросъ о выдачѣ отложить до слѣдующаго съѣзда. Но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ попросилъ *Рено* взять на себя должность втораго докладчика.

II.

Рено принялся за дѣло весьма осмотрительно и практично: онъ составилъ программу, по которой хотѣлъ работать, съ подробными вопросами и разослалъ ее заблаговременно ко всѣмъ своимъ товарищамъ по коммиссіи. Получивъ ихъ мнѣнія, онъ свелъ ихъ въ систему и мѣстами развилъ собственными мыслями, мѣстами подкрѣпилъ новыми мотивами. Такой трудъ, очевидно, стоя ближе къ жизни, могъ скорѣе, нежели единичныя мысли Броше, разсчитывать на санкцію со стороны института.

Между тѣмъ, въ *Брюссельскомъ Обозрѣніи* явилась статья базельскаго профессора *Тейхманна,* очень обстоятельно изучающая вопросъ о политическихъ преступленіяхъ [1]) и не задолго до сессіи въ Оксфордѣ (25 іюля 1880 г.) Блунчли написалъ мотивированное мнѣніе о выдачѣ политическихъ преступниковъ [2]).

Всѣ эти изысканія способствовали установленію между членами института большаго единодушія и, какъ можно было ожи-

---

[1]) *Teichmann*: Les délits politiques, le régicide et l'extradition (Revue 1879, p. 475—516).

[2]) De l'extradition des refugiés politiques (Ib. 1881, p. 72. Annuaire. 5 année. 1881—82, p. 102—105).

дать, именно въ смыслѣ выдачи политическихъ преступниковъ, конечно, при извѣстныхъ условіяхъ и опредѣленныхъ гарантіяхъ.

Записка Рено, заслуживающая полнаго вниманія, распадается на четыре отдѣла: первый говоритъ объ *общемъ принципѣ* выдачи; второй о *субъектахъ* или *лицахъ, подвергающихся ей;* третій объ *объектахъ* или преступныхъ *дѣяніяхъ* и четвертый о *процедурѣ* выдачи и ея послѣдствіяхъ [1]).

Исходною точкою своей работы Рено беретъ мысль, что институтъ въ своихъ рѣшеніяхъ не долженъ стремиться къ выработкѣ какого-либо проекта закона или международнаго договора о выдачѣ. Это завело бы его въ массу излишнихъ подробностей, рѣшаемыхъ на практикѣ политическими, юридическими и даже часто географическими особенностями отдѣльныхъ государствъ. «Мы же,—говоритъ Рено,—должны стараться отыскать основные принципы, которые стоятъ выше разнообразія положительныхъ законодательствъ и, въ свою очередь, опредѣляютъ содержаніе и примѣненіе законовъ и трактатовъ».

I. *Основной принципъ* выдачи институтъ высказалъ уже въ Брюсселѣ въ слѣдующихъ словахъ: обязанность выдачи покоится на общемъ интересѣ государствъ и на требованіяхъ хорошаго отправленія правосудія, или, выражаясь иначе, выдача есть дѣйствіе, которое одинаково соотвѣтствуетъ идеѣ справедливости и интересу государствъ, имѣя въ виду дѣйствительное предупрежденіе и пресѣченіе нарушеній уголовнаго закона.

Это положеніе получаетъ юридическую силу только въ предѣлахъ международнаго права, когда государства возвышаются до сознанія, и въ области права, солидарности между собою, въ силу которой они признаютъ себя обязанными взаимно содѣйствовать другъ другу въ отправленіи правосудія. Броше видитъ въ этомъ ихъ общій долгъ предъ человѣчествомъ и говоритъ, что выдача по природѣ есть двойственный актъ — суверенитета съ одной и содѣйствія съ другой стороны. Выдавая преступника, государство прежде всего само судитъ о справедливости и цѣлесообразности этой мѣры, но оно принимаетъ ее именно въ видахъ содѣйствія правосудію другой страны, никогда, однако, не снисходя до слѣпаго орудія или служителя послѣдней.

Обязанность выдачи, вытекая изъ международнаго права, не

---

[1]) Annuaire, ib., p. 70—102.—Извлеченіе изъ нея и обзоръ преній, ею вызванныхъ на оксфордскомъ съѣздѣ, даетъ г. *Даневскій* въ *Юрид. Вѣстн.* 1881, дек., стр. 517—563.

создается трактатами, какъ думали прежде многіе писатели и утверждала Англія, но существуетъ ранѣе положительныхъ нормъ и независимо отъ нихъ. Въ этомъ смыслѣ высказались англійская коммиссія 1877 г. и большинство членовъ настоящей коммиссіи [1]). Но въ силу практическихъ соображеній такія нормы необходимы и должны быть предпочтены обычаямъ.

«Долгое время,—говоритъ Рено,—правительства видѣли въ выдачѣ простую мѣру полиціи, которую они принимали смотря по обстоятельствамъ, и даже до сихъ поръ многимъ писателямъ нравится это воззрѣніе». «Трактаты,—замѣчаетъ Ф. Эли,—ставятъ извѣстныя условія и границы примѣненію права, между тѣмъ какъ обычаи не такъ стѣснительны и лучше соотвѣтствуютъ интересамъ уголовнаго преслѣдованія». Нечего и говорить о несостоятельности этого мнѣнія: будучи актомъ правосудія, выдача не можетъ быть предоставлена случайностямъ минуты, но требуетъ всесторонняго и строгаго опредѣленія. Вотъ почему мы видимъ въ изданіи положительныхъ нормъ—успѣхъ. Только онѣ обезпечиваютъ этому дѣйствію быстроту и согласіе, особенно необходимыя. Кромѣ того, отсутствіе трактата открываетъ возможность для болѣе могущественнаго государства производить давленіе на слабѣйшее, между тѣмъ какъ точныя условія трактата внесутъ болѣе равенства въ ихъ взаимныя обязанности.

И такъ, положительныя нормы необходимы; къ нимъ относятся трактаты и внутренніе законы государствъ. Первые особенно важны: они создаютъ, по отношенію къ выдачѣ, вполнѣ распознаваемое и опредѣленное право, которое, по словамъ Арнца, предупреждаетъ произволъ правительствъ, облегчаетъ ихъ отвѣтственность и ставитъ заинтересованныхъ частныхъ лицъ въ извѣстныя, также опредѣленныя, условія. Кромѣ того, трактаты

---

[1]) Кромѣ Рено,—Баръ, Блунчли, Бруза, Дюбуа, Мартенсъ, Нейманнъ, Горнунгъ и Геснеръ. Этого же мнѣнія держатся Гроцій, Ваттель, Бернеръ, Бульмеринкъ и Моль. Послѣдній, въ своей классической монографіи «Die völkerrechtliche Lehre vom Asyle» (въ Staatsrecht, Völkerrecht und Politik; 1860, B. I, S. 637 — 764), говоритъ, что между всѣми цивилизованными государствами долженъ существовать общій или міровой юридическій порядокъ (Weltrechtsordnung), нарушеніе котораго лицемъ, даже за границею, есть какъ бы нарушеніе его отечественныхъ законовъ. Выдача же совершается на томъ основаніи, что государство, ее требующее, наиболѣе заинтересовано и наиболѣе способно постановить справедливый приговоръ.

Въ отличіе отъ этихъ писателей, одни отвергаютъ совершенно юридическую обязанность государствъ выдавать преступниковъ (Мартенсъ, Клюберъ, Оппенгеймъ, Гефтеръ, Филлиморъ и пр.), а другіе видятъ въ выдачѣ одну нравственную обязанность, которая лишь трактатами превращается въ юридическую (Марквардсенъ, Оливекрона и др.).

приводятъ къ сближенію воззрѣній сторонъ, сокращаютъ медлительность производства и увеличиваютъ предупредительную силу уголовнаго закона.

Неудивительно, что эти выгоды, вытекающіе изъ трактатовъ, стали болѣе и болѣе сознаваться государствами; число заключаемыхъ ими соглашеній о выдачѣ умножается съ каждымъ годомъ: между тѣмъ какъ Англія до 1870 г. имѣла всего три подобныхъ договора (съ С. Штатами 1842 г., съ Франціею 1843 г. и съ Даніею 1862 г.), она въ одномъ истекшемъ десятилѣтіи заключила ихъ не менѣе 12 [1]). По словамъ Гольцендорфа, до 1880 г. Бельгія заключила 18 трактатовъ о выдачѣ съ европейскими и отчасти даже внѣ-европейскими странами, а Италія—27 [2]). Что касается Россіи, то она имѣетъ такихъ трактатовъ, по мнѣнію Бульмеринка, 8 [3]).

Но трактаты сами по себѣ недостаточны: они требуютъ восполненія со стороны внутреннихъ законовъ государствъ. Есть много вопросовъ о выдачѣ, которые рѣшить удовлетворительно можетъ только законъ. Его задача начертить границы, въ предѣлахъ которыхъ правительство уполномочивается заключать трактаты о выдачѣ, и установить порядокъ производства оной. Объ эти цѣли и указываются законами: бельгійскимъ 1874 г., англійскимъ 1870 и 73 гг. и голландскимъ 1875 г., между тѣмъ какъ актъ 1848 г. С. Штатовъ опредѣляетъ лишь дѣлопроизводство. До сихъ поръ, замѣчаетъ Рено, законы о выдачѣ не изданы въ Германіи, въ Австріи, въ Италіи и, добавимъ отъ себя, въ Россіи. Что касается Франціи, то 2 мая 1878 г. Дюфоръ внесъ проектъ подобнаго закона въ сенатъ, но онъ доселѣ не разсмотрѣнъ еще палатою депутатовъ [4]). Рено касается также *начала взаимности*, которымъ государства на практикѣ часто обусловли-

---

[1]) *Bulmerincq*: Auslieferungsverträge въ Holtzendorff's Rechtslexikon 3 Aufl. (1880). B. II, S. 196—203. О выдачѣ вообще см. обстоятельныя изложенія у *Calvo*: Le Droit international. 3 édit. (1880). T. II, p. 315—440, и у *Fiore*: Traité de dr. pénal international trad. par Antoine (1880). I, p. 285; II, p. 736.

[2]) *Holtzendorff*: Die Auslieferung der Verbrecher und das Asylrecht. S. 28 und 41. Весьма интересный этюдъ съ международной и уголовной точки зрѣнія.

[3]) Съ Швейціаріею, 1873 г.; съ Испаніею, 1877 г.; съ Италіею, 1871 г.; съ Австріею, 1874 г.; съ Бельгіею, 1872 г.; съ Даніею, 1866 г.; съ Баваріею, 1869 г. и съ Гессеномъ, 1869 г. Недавно Россія заключила еще такую конвенцію съ Нидерландами и обмѣнялась деклараціею по этому же вопросу съ Бельгіею. (*Дипломатическій Ежегодникъ* на 1883 г.).

[4]) *Renault*: Etude sur l'extradition en Angleterre 1879, p. 4. О значеніи трактатовъ и законовъ для занимающаго насъ вопроса говоритъ подробно и хорошо Броше въ своемъ докладѣ о выдачѣ.

ваютъ выдачу. Въ этомъ смыслѣ выражается и сейчасъ названный нами французскій проектъ. Но вопросъ о взаимности долженъ быть отнесенъ къ области политики, практической пользы, а не права. Государство, отказывая въ выдачѣ другому, которое и ему не выдаетъ преступниковъ, не совершаетъ несправедливости, какъ и въ случаѣ согласія. Взаимность не есть существенный принципъ законодательства и по отношенію къ ней должно правительству предоставить свободу выбора.

Сводя вышеизложенныя мысли къ общему результату, Рено говоритъ: «Выдача можетъ совершаться самымъ правильнымъ и вѣрнымъ способомъ, подъ условіемъ существованія трактатовъ о ней, и надо желать, чтобы число послѣднихъ росло. Но не эти трактаты сами по себѣ обращаютъ выдачу въ дѣйствіе, соотвѣтствующее праву; она можетъ совершаться и при отсутствіи всякихъ договорныхъ узъ. Законъ долженъ въ каждой странѣ опредѣлять производство ея и указывать на условія, при которыхъ лица, требуемыя какъ преступники, подлежатъ выдачѣ правительствамъ, съ коими не заключено договора. Взаимность въ этихъ дѣлахъ можетъ быть предписываема политикою, но она не требуется правомъ».

Соглашаясь съ мыслями докладчика о значеніи трактатовъ, мы должны, однако, повторить вполнѣ вѣрное замѣчаніе Гооса, что «сходство и тождество этихъ договоровъ даютъ надежду на установленіе въ будущемъ такого порядка, который и представляется идеальнымъ, чтобы всѣ цивилизованныя государства высказали начала, управляющія выдачею, въ *одной общей деклараціи*, которая и сдѣлала бы излишними спеціальные между ними договоры».

II. Относительно *лицъ*, подвергающихся выдачѣ, много спорятъ до сихъ поръ о томъ, обязано ли государство выдавать своихъ гражданъ? Положительные законы почти вездѣ отвѣчаютъ на это отрицательно и предпочитаютъ, чтобы виновные, по совершеніи преступленія за границею и въ случаѣ неотбытія тамъ наказанія, подлежали суду въ отечествѣ. Въ этомъ же смыслѣ рѣшаетъ этотъ вопросъ судебная практика тамъ, гдѣ законъ молчитъ объ этомъ, какъ, напр., во Франціи. Впрочемъ, проекты новѣйшаго французскаго закона о выдачѣ и итальянскаго уголовнаго уложенія прямо воспрещаютъ выдавать гражданъ [1]). Весьма

[1]) Исключеніе составляютъ только двѣ державы: Англія и С. Штаты, но и это на практикѣ не имѣетъ значенія, потому что обѣ эти страны выдаютъ лишь на

авторитетные писатели (Моль, Арнцъ, Баръ, Геснеръ, Гоосъ) поддерживаютъ это воззрѣніе. «Основаніе его,—говоритъ Баръ,—лежитъ не въ недовѣріи къ иностраннымъ судамъ (тогда вообще выдача не могла бы имѣть мѣста) и не въ томъ, что выдачею собственныхъ гражданъ государство нарушаетъ свое достоинство и обязанность охранять ихъ, а въ слѣдующихъ соображеніяхъ: каждый человѣкъ имѣетъ естественное право на пребываніе въ своемъ отечествѣ; если имъ совершено какое-либо дѣйствіе, вызывающее преслѣдованіе со стороны властей, то природный судья его долженъ быть отечественный, а не иностранный» [1]). Въ сущности Баръ воспроизводитъ въ этихъ словахъ постановленіе большинства конституцій, требующихъ, чтобы никто не былъ лишенъ покровительства своихъ природныхъ судей. Нарушеніе этого начала Геснеру представляется несовмѣстимымъ съ судебнымъ верховенствомъ государства. Но въ наше время, по вѣрному замѣчанію Гольцендорфа, обстоятельства, которыя прежде оправдывали это правило, измѣнились: противоположность началъ уголовнаго производства (съ одной стороны, устности и публичности, съ другой—письменности и таинственности), ревнивое поддержаніе собственнаго полновластія, наконецъ, частое приложеніе смертной казни,—все это заставляло государства въ прежнія эпохи относиться къ иностраннымъ судамъ съ величайшимъ недовѣріемъ. Но по мѣрѣ того, какъ ихъ уголовные кодексы болѣе приблизились другъ къ другу, вслѣдствіе коренныхъ преобразованій и улучшеній какъ въ области процесса, такъ и относительно содержанія осужденныхъ, въ наукѣ стало прокладывать себѣ путь то мнѣніе, что абсолютное приложеніе обсуждаемаго нами правила можетъ противорѣчить интересамъ государствъ и даже самихъ частныхъ лицъ, привлекаемыхъ къ суду [2]). Весьма хорошо высказалась на этотъ счетъ англійская коммиссія 1877 г. «Государства,—читаемъ мы въ ея докладѣ,—которыя стремятся установить между собою на правильныхъ основаніяхъ систему выдачи, не могутъ питать взаимнаго недовѣрія къ судамъ. Въ противоположномъ случаѣ имъ не слѣдуетъ выдавать ни своихъ гражданъ, ни даже иностранцевъ. *По природѣ вещей преступленія должны быть судимы по законамъ страны, гдѣ они*

основаніи трактатовъ и по началу взаимности отказываютъ выдавать своихъ гражданъ тѣмъ государствамъ, которыя и по отношенію къ нимъ не держатся этого начала. Впрочемъ, какъ увидимъ, бываютъ и нарушенія этого правила.

1) *Bahr*: Das internationale Privat- und Strafrecht.

2) Назв. соч.

совершены. Только ея суды компетентны. Имъ всего удобнѣе констатировать факты, выслушать свидѣтелей. *Гдѣ право нарушено, тамъ оно должно быть и возстановлено*. Переводить свидѣтелей въ отечество преступника требуетъ много времени и издержекъ. Отъ этого болѣе всего пострадаетъ самъ обвиняемый. Отобраніе же свидѣтельскихъ показаній на мѣстѣ и пересылка ихъ въ отечество осуждаемаго для него неудобны въ виду того, что свидѣтели допрашиваются тогда не въ его присутствіи и онъ лишается возможности собственнаго удостовѣренія въ ихъ добросовѣстности и знакомствѣ съ дѣломъ» [1]). На этомъ основаніи коммиссія совѣтуетъ въ будущихъ трактатахъ опускать условіе о томъ, что государство собственныхъ гражданъ не выдаетъ.

Доводы ея Рено считаетъ неопровержимыми и полагаетъ, что со временемъ они будутъ приняты большинствомъ цивилизованныхъ народовъ. «Ни одинъ народъ,—говоритъ онъ,—не оберегаетъ такъ ревниво свою національную честь, какъ англичане. Поэтому правило, признаваемое ими справедливымъ, не можетъ казаться посягательствомъ на національное достоинство или уклоненіемъ со стороны государства отъ его прямой обязанности охранять своихъ гражданъ. Но при теперешнемъ состояніи международныхъ отношеній это правило, быть можетъ, еще преждевременно возводить на степень аксіомы. Нельзя требовать отъ дипломатовъ и законодателей, чтобъ они вдругъ на сей счетъ отказались отъ утвердившейся системы и прямо перешли къ противоположной. Достаточно, если юристы будутъ пріучать общественное мнѣніе къ тому воззрѣнію, что выдача государствомъ своихъ гражданъ соотвѣтствуетъ требованіямъ хорошаго уголовнаго правосудія и можетъ быть рекомендована народамъ въ той степени, въ какой различія между ихъ уголовными системами будутъ согласоваться и сами они проникнутся большимъ и большимъ довѣріемъ къ отправленію у каждаго изъ нихъ правосудія».

Въ томъ же направленіи высказалось большинство товарищей Рено [2]). Спеціально Гольцендорфъ выражаетъ надежду на упроченіе новаго взгляда, когда въ будущемъ государства вмѣнятъ себѣ за честь, чтобы иностранцы пользовались предъ ихъ судами всѣми правами наравнѣ съ туземцами, и когда путемъ между-

---

1) *Renault*: Etude sur l'extradition en Angleterre.

2) Броше, Фіоре, Ассеръ, Вестлекъ, Гольцендорфъ, Блунчли, Мартенсъ, Бруза, Дюбуа, Голландъ, Оливекрона, Горнунгъ и Сариполосъ.

народныхъ соглашеній будетъ достигнуто, съ одной стороны, извѣстное однообразіе въ наказаніяхъ за одни и тѣ же преступленія, а съ другой—проведена въ жизнь реформа всего тюремнаго дѣла.

Какъ бы переходную степень между двумя системами по занимающему насъ вопросу представляютъ тѣ трактаты, въ которыхъ государства отступаютъ отъ начала взаимности: въ договорѣ 1878 г. между Англіею и Испаніею мы видимъ, что первая согласилась выдавать всякаго виновнаго безразлично (all persons), а послѣдняя за исключеніемъ собственныхъ гражданъ.

Но уже теперь можно сказать, что національность, пріобрѣтенная лицомъ послѣ совершенія имъ преступленія, не должна быть препятствіемъ къ его выдачѣ. Во-первыхъ, перемѣна подданства дѣлается иногда очень легко (напр., для женщины посредствомъ брака) и, во-вторыхъ, можетъ служить преступнику предлогомъ для избѣжанія наказанія. Нѣтъ препятствій къ выдачѣ и въ томъ случаѣ, когда обвиняемый—подданный третьяго, въ дѣлѣ не заинтересованнаго государства. Спрашивать о согласіи послѣдняго нечего и достаточно одного простаго извѣщенія. Новѣйшіе трактаты объ этомъ часто даже не упоминаютъ [1]).

III. Изученіе преступныхъ *дѣяній*, за которыя виновные выдаются, лучше всего знакомитъ насъ съ существомъ выдачи. Общимъ правиломъ здѣсь признается, что выдаются виновные въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ общаго права и въ преслѣдованіи которыхъ болѣе или менѣе заинтересованы всѣ государства. Напротивъ, эта мѣра не прилагается къ совершителямъ преступленій политическихъ или имѣющихъ лишь мѣстный характеръ. Немыслимо, чтобы государства прибѣгали къ ней въ случаѣ маловажныхъ проступковъ: она всегда соединена для нихъ съ затруднительными дипломатическими переговорами и издержками, а, съ другой стороны, является настолько стѣснительною для

---

[1]) Такъ говоритъ Рено; но Бульмеринкъ (въ назв. ст.) замѣчаетъ, что трактаты требуютъ въ этихъ случаяхъ обращенія съ запросомъ къ отечественному правительству, причемъ либо согласіе послѣдняго необходимо, либо просимое о выдачѣ государство удерживаетъ за собою право выдать обвиняемаго по своему усмотрѣнію его отечеству или государству, требующему его выдачи. Когда о выдачѣ одного и того же лица за различныя преступленія просятъ одновременно нѣсколько государствъ, предпочтеніе даютъ либо первенству требованія (дог. Англіи съ Ит.), либо важности преступленія и бо́льшей легкости передачи обвиняемаго для дальнѣйшаго производства (дог. Россіи съ Ит.). При равной тяжести преступленій перевѣсъ даютъ чаще всего отечеству обвиняемаго, иногда же тому, кто ранѣе заявилъ свое требованіе.

частныхъ лицъ, что лишь самыя серьезныя основанія могутъ ее оправдать.

Кромѣ того, требуется, чтобы дѣяніе, ведущее къ выдачѣ, наказывалось уголовными законами *обѣихъ* странъ, какъ требующей ея, такъ и той, въ которой преступникъ укрылся. «Въ этомъ принципѣ,—говоритъ Гольцендорфъ,—лежитъ для каждаго государства предостереженіе противъ излишняго растяженія преступныхъ категорій. Если какое-либо правительство, не обращая вниманія на общественное мнѣніе цивилизованнаго міра, вздумало бы по своему капризу сочинять и умножать статьи своего уголовнаго кодекса, оно не должно, при ихъ приложеніи, разсчитывать на содѣйствіе другихъ государствъ. На практикѣ возможны, однако, такіе случаи, что хотя извѣстныя дѣянія и признаются государствомъ безнравственными, но не предусматриваются въ его законодательствѣ по той простой причинѣ, что они не могутъ по своей природѣ совершиться на его территоріи. Отказъ въ выдачѣ при этихъ условіяхъ былъ бы излишнимъ примѣненіемъ начала взаимности. Напримѣръ, хотя уголовные законы Швейцаріи не караютъ пиратства, но было бы несправедливо, если бы она на этомъ основаніи отказалась выдавать виновныхъ въ семъ преступленіи» [1]).

Какія же, такъ сказать, *общечеловѣческія* преступленія заслуживаютъ выдачу? Рено полагаетъ, что тутъ нельзя выставить никакой абсолютной нормы. Дѣло трактатовъ опредѣлить ихъ съ точностью, причемъ, однако, слѣдуетъ избѣгать слишкомъ общихъ категорій, могущихъ имѣть неодинаковое значеніе въ различныхъ странахъ. Характеръ и количество перечисляемыхъ дѣяній естественно измѣняются по географическому положенію контрагентовъ, степени развитія ихъ уголовныхъ законодательствъ и т. п. Въ цивилизованномъ мірѣ установилась въ наше время, говоритъ Гольцендорфъ, извѣстная общая *нравственная* оцѣнка тяжкихъ преступленій, но такого единства далеко еще не существуетъ при *оцѣнкѣ юридической*. Классификація преступленій и слѣдуемыхъ за нихъ наказаній еще весьма различна въ уголовныхъ кодексахъ даже европейскихъ народовъ. Каза-

[1]) Поэтому Рено рекомендуетъ статью, принятую объ этомъ институтомъ еще въ Брюсселѣ: „По общему правилу должно требовать, чтобы дѣяніе было предусмотрѣно законами обѣихъ странъ, за исключеніемъ того случая, когда, въ силу особыхъ мѣстныхъ учрежденій или топографическаго положенія страны, въ которую укрылся преслѣдуемый, въ ней не могутъ проявиться фактическіе признаки (les circonstances de fait) преступнаго дѣянія".

лось бы, такое преступленіе, какъ убійство, должно бы вездѣ подлежать одинаковой юридической оцѣнкѣ, а, между тѣмъ, мы видимъ различіе въ ней не только между Англіею и Германіею [1]), но даже между странами, столь близкими другъ къ другу, какъ Германія и Австро-Венгрія.

Прежніе трактаты упоминали о весьма немногихъ преступленіяхъ, которыя влекли за собою выдачу. Одинъ американскій трактатъ 1798 г. говоритъ лишь объ убійствѣ. Но съ умноженіемъ сношеній между государствами и частными лицами и съ усовершенствованіемъ путей сообщенія, въ нашемъ столѣтіи трактаты начинаютъ упоминать о все большемъ числѣ преступленій, ведущихъ къ выдачѣ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія трактаты Италіи, которая болѣе другихъ государствъ старается объ опредѣленіи договорнымъ путемъ всѣхъ вопросовъ, относящихся къ уголовной юстиціи. Трактаты, заключенные Италіею съ другими странами, перечисляютъ до 60 преступныхъ дѣяній, могущихъ вызвать выдачу. Англія по договорамъ выдаетъ теперь въ 40 случаяхъ, Соединенные Штаты въ 24 и т. д. [2]).

Гольцендорфъ ставитъ весьма интересный вопросъ: какія лица и виновныя по какимъ преступленіямъ стараются чаще всего, по указаніямъ опыта, избѣгнуть наказанія посредствомъ бѣгства? Неудовлетворительное положеніе уголовной статистики не даетъ намъ возможности отвѣтить на этотъ вопросъ съ полною достовѣрностію, но уже теперь мы можемъ сказать, что ходячее мнѣніе, принятое въ уголовной полиціи и государственной прокуратурѣ о томъ, будто каждый, совершившій преступленіе, долженъ быть заподозрѣнъ въ намѣреніи бѣжать и поэтому какъ

[1]) Онъ приводитъ въ своей интересной брошюрѣ нѣсколько характерныхъ примѣровъ: мать, убившая своего ребенка въ Германіи, присуждается къ двухъ-лѣтнему тюремному заключенію, а въ Англіи, какъ обыкновенная убійца, къ висѣлицѣ; эта строгость причиною тому, что присяжные обыкновенно въ такихъ случаяхъ не постановляютъ обвинительнаго вердикта. Если двое влюбленныхъ рѣшили покончить съ собою, но одному изъ нихъ эта попытка нечаянно не удалась и онъ остался въ живыхъ — въ Германіи его ожидаетъ, по крайнѣй мѣрѣ, трехлѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ, въ Англіи же смертная казнь. То же наказаніе угрожаетъ въ послѣдней странѣ тому, кто даетъ своему другу пистолетъ, зная, что онъ замышляетъ самоубійство, между тѣмъ какъ въ Германіи это дѣйствіе вовсе не подлежитъ наказанію.

[2]) Бульмеринкъ говоритъ, что, за исключеніемъ политическихъ и религіозныхъ преступленій, государства обязываются въ наше время выдавать виновныхъ почти по всѣмъ видамъ преступленій, а именно: за убійство, дѣтоубійство, отравленіе, поддѣлку монетъ и кредитныхъ билетовъ, подлогъ, лжесвидѣтельство, злостное банкротство, лжеприсягу, кражу, разбой, плотскія преступленія и преступленія по службѣ (Auslieferungsverträge).

можно скорѣе заключенъ въ тюрьму предварительнаго слѣдствія; это мнѣніе невѣрно въ силу многихъ и важныхъ соображеній психологическаго, экономическаго и умственнаго характера. На основаніи опыта, слѣдуетъ признать, что попытки къ бѣгству дѣлаются болѣе всего послѣ тѣхъ преступленій, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ современнымъ развитіемъ денежныхъ и торговыхъ оборотовъ, т. е. послѣ расхищенія кассъ въ кредитныхъ установленіяхъ и торговыхъ домахъ, поддѣлки монетъ и векселей, злостнаго банкротства. Въ этихъ случаяхъ преступники обыкновенно люди въ умственномъ отношеніи весьма развитые, знакомые съ иностранными языками и заграничными порядками, во всемъ изворотливые и желающіе пожить на чужбинѣ въ удовольствіе на похищенное добро [1]).

Въ заключеніе замѣтимъ, что нельзя согласиться съ мнѣніемъ англійской коммиссіи 1877 г. о томъ, что различія въ уголовныхъ наказаніяхъ и въ судопроизводствѣ не составляютъ препятствія для выдачи. Съ точки зрѣнія международнаго права, государство можетъ отказать въ выдачѣ преступника его отечеству, если ему угрожаетъ сравнительно съ его законами наказаніе излишне-строгое или жестокое.

Довѣріе къ юстиціи государства, требующаго выдачи,—первое предположеніе, говоритъ Рено, для исполненія его желанія. Если политическое положеніе извѣстной страны повело къ установленію въ ней чрезвычайныхъ судовъ, если права защиты въ ней не уважаются, то, понятно, ей откажутъ въ выдачѣ лицъ, замѣшанныхъ въ ея политическихъ волненіяхъ, хотя бы этихъ лицъ обвиняли въ самыхъ преступныхъ дѣяніяхъ.

Въ послѣднее время почти на степень аксіомы возведено правило, что *политическіе преступники* не выдаются. Ни древность, ни средніе вѣка не знали этого различія между преступленіями политическими и общими. На практикѣ, если государства рѣшались въ прежнія времена, послѣ долгихъ переговоровъ, выдать преступника, то чаще именно виновнаго въ политическомъ отношеніи. Такія лица считались, въ періодъ неограниченнаго абсолютизма, личными врагами монарховъ и укрывательство ихъ признавалось чуть не косвеннымъ объявленіемъ войны. Въ дѣлахъ выдачи все зависѣло тогда отъ политическихъ соображеній и разсчетовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; даже Англія до

---

[1]) *Гольцендорфъ*, назв. соч., стр. 43 и сл.

начала XIX ст. требовала выдачи политическихъ преступниковъ. Германскій союзъ, и особенно Пруссія и Австрія, а также Россія держались того же правила почти до нашихъ дней [1]).

Трактаты и писатели [2]) согласны между собою относительно невыдачи политическихъ преступниковъ. Правило это [3]) установилось съ 1830 г., какъ извѣстно, въ періодъ стремленій европейскихъ народовъ къ либеральнымъ учрежденіямъ. Впрочемъ, въ Англіи оно было признано ранѣе іюльской революціи, а въ Швейцаріи получило силу закона въ 1848 г.

Въ чемъ его разумное основаніе и согласимо ли оно съ принципомъ выдачи?

Нельзя сказать вообще, какъ думаютъ многіе (Ф. Эли, Блунчли, Тейхманнъ), будто политическіе преступники отличаются скорѣе своею смѣлостью, чѣмъ извращенностью, будто они часто болѣе фанатики, чѣмъ преступники, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ иныхъ случаяхъ это положеніе можетъ быть вѣрно, но оно грѣшитъ снисходительностью къ тѣмъ, которые прибѣгаютъ къ насиліямъ для перемѣны существующихъ въ ихъ отечествѣ учрежденій, и склоняется оправдать употребленіе, ради предполагаемой хорошей цѣли, безнравственныхъ средствъ. Не слѣдуетъ забывать, что во время политическихъ переворотовъ рядомъ съ немногими безкорыстными патріотами, которые для блага отечества жертвуютъ всѣмъ, выступаютъ часто на сцену личности самыя темныя и мелкія, движимыя мотивами столь же презрѣнными, какъ и тѣ, которые воодушевляютъ обыкновенныхъ разбойниковъ и убійцъ.

---

[1]) *Teichmann*, назв. ст. Онъ указываетъ на практику по занимающему насъ вопросу до XIX ст. Извѣстна конвенція 1834 г. между этими тремя державами о взаимной выдачѣ политическихъ преступниковъ, въ видахъ усмиренія польскихъ провинцій. Послѣ возстанія Венгріи въ 1849 г., Турція отказала Австріи выдать Кошута и другихъ венгерцевъ, укрывшихся на ея территоріи, что вызвало, между прочимъ, извѣстную депешу (отъ 6 октября 1849 г.) лорда Пальмерстона къ англійскому посланнику въ Петербургѣ, Блумфильду: «Если существуетъ какое-либо правило, читаемъ мы въ ней, принятое въ новѣйшее время всѣми независимыми государствами, большими и малыми, цивилизованнаго міра, то оно состоитъ въ томъ, чтобы не выдавать политическихъ изгнанниковъ, кромѣ развѣ случаевъ прямой обязанности по трактатамъ. Но таковыхъ немного, если вообще они существуютъ. Законы гостепріимства и человѣколюбія, а равно и прирожденныя человѣку чувства, осуждаютъ выдачу такихъ лицъ, и всякое независимое правительство, которое по собственному почину на нее согласилось бы, справедливо обезчестило бы себя въ глазахъ всѣхъ».

[2]) Между новѣйшими исключеніе составляетъ только *Дольманъ* (въ Bluntschli's Staatswörterbuch).

[3]) Оно принято даже между кантонами Швейцаріи (по конституціи 1874 г.), но Баръ, Блунчли и Бернеръ полагаютъ, что оно непримѣнимо къ федераціямъ.

Нечего также указывать въ оправданіе невыдачи на разногласіе законодательствъ: дѣянія, говорятъ, строго караемыя въ одной странѣ въ силу ея политическаго строя, не преслѣдуются часто въ другой. Но это соображеніе для вопросовъ о выдачѣ не имѣетъ значенія: выше мы уже сказали, что оно приложимо лишь къ дѣяніямъ преступнымъ и по законамъ страны, въ которую укрылся бѣглецъ.

Съ другой стороны, мы видимъ, что самая опасность политическихъ преступленій значительнѣе вреда, причиняемаго преступленіями обыкновенными. Они не только не ограничиваются извѣстнымъ лицомъ или мѣстностью, но поражаютъ нерѣдко цѣлую страну и имѣютъ гибельныя послѣдствія для сосѣдей. Очевидно, въ интересахъ государствъ преслѣдовать и выдавать виновныхъ въ такихъ дѣяніяхъ [1]).

Несмотря, однако, на эти соображенія, писатели высказываются за невыдачу политическихъ преступниковъ на основаніи слѣдующихъ вѣскихъ доводовъ: 1) Каждое государство прежде всего призвано само заботиться о поддержаніи своего политическаго строя. Различіе формъ правленія не имѣетъ значенія для занимающаго насъ вопроса и нельзя согласиться съ тѣми которые утверждаютъ, что, съ установленіемъ демократическаго начала во всѣхъ государствахъ Европы, между ними возникнетъ *солидарность политическихъ интересовъ*, естественнымъ послѣдствіемъ которой явится взаимная выдача между ними и политическихъ преступниковъ [2]). Какъ бы ни были тождественны формы правленія,—справедливо замѣчаетъ но это Рено,—но практическія ихъ дѣйствія и значеніе могутъ въ дѣйствительности чрезвычайно быть различны, смотря по характеру правителей, населенія и т. д.

2) Въ каждой политической борьбѣ бо́льшею частью трудно, даже для жителей страны, гдѣ она происходитъ, опредѣлить, на чьей сторонѣ право и справедливость. Формальная, исключительно легальная точка зрѣнія расходится далеко съ нравственною оцѣнкою событій, основанною на живой правдѣ. Кромѣ того, результаты борьбы измѣняютъ и искажаютъ сужденія людей. Побѣдителей превозносятъ, хотя бы они были преступны, а несчастныхъ побѣжденныхъ, но, быть можетъ, истинныхъ патріотовъ, ожидаетъ строжайшая кара.

---

[1]) *Renault*: Des crimes politiques en matières d'extradition. (Journal du Droit international privé; 1880, № I—II).

[2]) *Mailfer*: De la démocratie dans les rapports avec le droit international 1875.

Вотъ почему *международная оцѣнка политическихъ преступниковъ совершенно иная, чѣмъ государственная*. Третьи, въ политической борьбѣ не участвующія государства, некомпетентны для ея обсужденія. «Вполнѣ справедливымъ судьею надъ нею,—говоритъ Гольцендорфъ,—является исторія, а не ученые юристы или выборные изъ народа присяжные. Всякая партія, какъ таковая, уже пристрастна и вслѣдствіе этого расположена къ злоупотребленіямъ силою по отношенію къ своимъ политическимъ противникамъ».

3) На основаніи этого, именно въ политическихъ дѣлахъ трудно ожидать для виновныхъ безпристрастнаго, вполнѣ справедливаго суда. «Весьма часто,—продолжаетъ Гольцендорфъ,—и судья, назначаемый правительствомъ для охраны общественнаго строя, является, самъ того не сознавая, покорнымъ орудіемъ власти, господствующей партіи или общественнаго мнѣнія».

Кромѣ того, уголовный законъ, по части политическихъ дѣлъ, имѣетъ въ виду не столько требованія справедливости, сколько потребности безопасности. Многія дѣянія, по общимъ правиламъ ненаказуемыя, караются имъ, когда рѣчь заходитъ объ измѣнѣ отечеству. Таковы приготовительныя дѣйствія или заговоръ. Наконецъ, при привлеченіи къ отвѣтственности политическихъ преступниковъ, обыкновенно устраняются многія формы и гарантіи современнаго процесса, вслѣдствіе учрежденія военныхъ судовъ съ суммарнымъ производствомъ, или въ силу удаленія присяжныхъ, или же, наконецъ, изданіе спеціальныхъ законовъ съ усиленною карательною властію [1]).

Очевидно, государство, соглашаясь на выдачу политическихъ преступниковъ, становится какъ бы судьею надъ дѣйствіями другаго и вовлекается въ смуты чужой для него политической борьбы. Пока мы имѣемъ дѣло съ *чисто* политическими преступниками (о преступленіяхъ сложныхъ мы говоримъ ниже), нельзя не согласиться съ словами докладчика англійской коммиссіи 1877 г.: «Уже и безъ того немаловажное лишеніе и нелегкое наказаніе—изгнаніе изъ отечества для человѣка, который, ради его блага, не побоялся принести въ жертву свою жизнь. Пусть онъ остается въ странѣ, въ которой нашелъ убѣжище. Можетъ быть, на основаніи этихъ соображеній, общее сознаніе человѣчества осуждаетъ смертную казнь или вся-

[1]). Назв. соч., стр. 31.

кое иное тяжкое наказаніе по отношенію къ политическимъ изгнанникамъ» [1]).

Самое понятіе и объемъ политическихъ преступленій быстро измѣняются по времени и мѣстностямъ. Этою измѣнчивостью они рѣзко отличаются отъ преступленій общихъ, которыя одинаково осуждаются нравственнымъ сознаніемъ народовъ, достигшихъ болѣе или менѣе равнаго уровня цивилизаціи. Многіе изъ тѣхъ передовыхъ людей Германіи, которые, послѣ неудавшихся попытокъ къ ея объединенію въ 1849 и 50 г., были тогда приговорены къ смерти или должны были бѣжать изъ отечества, достигли въ наше время высшихъ почестей и мѣстъ. Въ виду практическаго значенія всего этого вопроса, желательно поэтому дать твердое опредѣленіе самому понятію политическаго преступленія, о которомъ ученые до сихъ поръ далеко не согласны между собою. Многіе отрицаютъ даже существованіе политическихъ преступленій, но этому противорѣчатъ какъ воззрѣнія большинства ученыхъ, такъ и явленія практики. Нельзя также согласиться съ тѣми, которые (какъ, напр., Гольцендорфъ) отчаяваются въ возможности найти научное опредѣленіе. Тейхманнъ, въ статьѣ, о которой мы не разъ упоминали, приводитъ опредѣленія наиболѣе извѣстныхъ криминалистовъ и писателей: Ортолана, Гаусса, Фіоре, Билльо, Милля, Глазера и отдаетъ предпочтеніе формулѣ Гаусса. «Политическія преступленія и проступки,—говоритъ послѣдній,—имѣютъ своею отличительною чертою посягательство на политическій строй страны (atteinte à l'ordre politique). Послѣдній съ *внѣшней* стороны касается независимости государства, неприкосновенности его территоріи и отношеній его къ другимъ государствамъ или сношеній международныхъ, а со стороны *внутренней* онъ простирается на форму правленія, политическія власти (т. е. палаты, монарха и его министровъ), наконецъ, на политическія права гражданъ». Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе отдѣльныхъ категорій преступленій по бельгійскому кодексу. Главное условіе преступности извѣстнаго дѣянія Гауссъ видитъ исключительно въ его политическомъ характерѣ, а не въ томъ, чтобы оно,

---

[1]) Еще Гизо сильно высказался противъ смертной казни политическихъ преступниковъ (De la peine de mort en matière politique. Paris, 1822. Ср. *Teichmann*, назв. ст., стр. 487 и 484,) и то же самое постановила ст. 5 французской конституціи 1849 г. Повторяемъ, здѣсь идетъ рѣчь объ *исключительно* политическихъ осужденныхъ.

угрожая общественному строю, требовало кары въ интересахъ послѣдняго [1]).

Поэтому не всякое преступленіе противъ государства есть политическое: чиновникъ, присвоившій себѣ изъ корыстолюбія извѣстную сумму изъ ввѣренной ему государственной кассы, или судья, постановившій лицепріятный и несправедливый приговоръ, не совершаютъ политическихъ преступленій.

Рено, въ статьѣ, посвященной спеціально этимъ преступленіямъ, говоритъ, что къ нимъ относятся безспорно слѣдующія дѣянія: поднятіе оружія противъ отечества, сообщеніе о немъ свѣдѣній врагу, воззваніе къ возстанію, заговоръ съ цѣлію ниспроверженія установленнаго порядка, покушеніе на жизнь государя, принадлежность къ тайнымъ сообществамъ, неповиновеніе властямъ, нарушенія законовъ о печати, о выборахъ, о собраніяхъ публичныхъ и т. д. Сюда же онъ относитъ нарушеніе новѣйшихъ, такъ называемыхъ религіозныхъ законовъ, вродѣ майскихъ 1873 г. въ Пруссіи, или тѣхъ, которые въ нѣкоторыхъ странахъ уничтожаютъ духовные ордена или возбраняютъ имъ обученіе молодежи. Оговариваясь, что дѣлаемое имъ перечисленіе не можетъ претендовать на полноту, Рено замѣчаетъ, однако, что названныя имъ преступленія суть чисто-политическія, въ силу того, что права и интересы, ими нарушаемые, имѣютъ исключительно политическій характеръ [2]).

Другимъ критеріемъ при классификаціи преступленій является наказаніе, которымъ караютъ преступное дѣяніе, и въ этомъ отношеніи говорятъ, что дѣянія, угрожаемыя смертною казнію, каторжною работою и заточеніемъ (reclusion), не суть политическія преступленія [3]).

Главное препятствіе при рѣшеніи споровъ, вызываемыхъ этими преступленіями, заключается безспорно въ томъ, что на практикѣ они рѣдко представляются въ *чистомъ* видѣ, появляются *смѣшанными*, т. е. *осложняются еще тяжкими нарушеніями общаго права*. Которому изъ двухъ элементовъ, когда возникаетъ вопросъ о выдачѣ, дать перевѣсъ? Это наиболѣе жгучая сторона вопроса. Трактаты разсѣкаютъ его тѣмъ, что распространяютъ условіе о невыдачѣ и на дѣянія, стоящія съ

---

[1]) *Teichmann*, назв. соч, стр. 488 и сл. Онъ напоминаетъ, что терминъ délits et crimes politiques впервые возникъ на французскомъ юридическомъ языкѣ.

[2]) Des crimes politiques etc., стр. 13 и 14 (особой брошюры).

[3]) *Teichmann*, назв. ст.

политическими преступленіями въ связи (crimes et délits connexes à des faits politiques). Но это воззрѣніе слишкомъ широко и не имѣетъ въ свою пользу никакого внутренняго оправданія. Неужели, какъ мы нерѣдко видѣли въ послѣднее время, самые тяжкіе преступники, убійцы, поджигатели, отравители не должны выдаваться лишь на томъ одномъ основаніи, что преступленія, ими совершонныя, находятся въ какой-либо связи съ политическою цѣлью или мотивомъ? Таково мнѣніе, однако, Ф. Эли (Hélie): «Коль скоро,—говоритъ онъ,—обыкновенное преступленіе стоитъ въ связи съ политическимъ дѣяніемъ, являясь его дополненіемъ или слѣдствіемъ, оно раздѣляетъ его участь и покрывается даруемою ему привилегіею» [1]). Послѣ подавленія коммуны въ Парижѣ, въ 1871 г., иностранныя правительства не выказали склонности выдать Франціи коммунистовъ, даже замѣшанныхъ въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ, и сама Франція поступила позднѣе такъ же относительно карлистовъ, укрывшихся на ея территоріи. Но общественная совѣсть въ наши дни протестуетъ все громче и рѣшительнѣе противъ подобныхъ явленій. Три обстоятельства, какъ намъ кажется, особенно требуютъ усиленія строгости по отношенію къ виновнымъ разсматриваемой категоріи:

1) Нѣкоторый упадокъ нравственнаго чувства въ массахъ вообще и искаженіе въ нихъ нравственныхъ идей. «Люди нашего времени,—замѣчаетъ Рено,—и безъ того очень склонны относиться снисходительно къ тѣмъ, которые пытаются силою измѣнить или ниспровергнуть существующій порядокъ вещей, особенно въ томъ случаѣ, когда этотъ порядокъ не пользуется всею ихъ симпатіею и не доставляетъ имъ лично всѣхъ желаемыхъ благъ.

«Нечего мирволить этому чувству. Въ интересахъ всѣхъ честныхъ людей, къ какой бы странѣ или партіи они ни принадлежали, противостоять и въ этомъ отношеніи печальному правилу, будто цѣль можетъ оправдывать средства. Словомъ, истинные патріоты и политическіе дѣятели сами должны стараться о томъ, чтобы ихъ не смѣшивали съ обыкновенными преступниками, для которыхъ политическія идеи не болѣе, какъ маска».

2) Болѣе или менѣе общее распространеніе въ Европѣ либеральныхъ учрежденій, само собою разумѣется, дѣлаетъ насильственныя на нихъ посягательства тѣмъ преступнѣе и излишнѣе, чѣмъ они болѣе пустили корней въ народную почву. «Не забу-

---

[1]) Traité de l'instruction criminelle.

демъ,—говоритъ Тейхманнъ,—что въ наши дни времена существенно измѣнились сравнительно съ 1848 г. Почти всѣ народы достигли нынѣ въ широкой степени тѣхъ правъ и вольностей, въ которыхъ имъ иногда такъ упорно отказывали. Новѣйшія конституціи открываютъ путь всѣмъ новымъ мѣропріятіямъ, необходимымъ для блага народнаго. Конституціонное начало водворилось вездѣ, гдѣ ему не предпочитаютъ принципъ демократическій. Монархи царствуютъ, но не управляютъ. Исчезъ ихъ личный абсолютизмъ, въ силу котораго они руководились однимъ своимъ усмотрѣніемъ, вовсе не обращая вниманія на предупрежденія, желанія и просьбы общественнаго мнѣнія или выборныхъ собраній. Словомъ, чѣмъ бо́льшею свободою пользуются въ странѣ слово и печать, чѣмъ серьезнѣе организовано на разумномъ основаніи и въ границахъ возможнаго право ассоціацій, сходокъ и т. п., тѣмъ умѣстнѣе строгость по отношенію ко всѣмъ нападеніямъ на власть и общественный порядокъ. Вотъ что объясняетъ строгость англичанъ противъ политическихъ преступниковъ, какъ только дѣло заходитъ объ ихъ отечествѣ».

3) Новѣйшія усовершенствованія въ области техники и приложеніе, напр., динамита даютъ преступнику возможность съ извѣстною безопасностью издалека поразить свою жертву и затѣмъ, воспользовавшись паромъ, быстро удалиться отъ мѣста совершенія злодѣянія за границу.

Мы не отрицаемъ, что и во время обыкновенныхъ политическихъ событій примѣшиваются извѣстныя насилія и преступленія. Напр., при возстаніи группа людей завладѣваетъ складами оружія, разрушаетъ дома и употребляетъ ихъ отчасти на возведеніе баррикадъ. Очевидно, это будетъ нарушеніемъ частной собственности, равно какъ и общественнаго порядка. Положимъ, что борьба продолжится; солдаты убиваются или имъ наносятъ раны. Но развѣ можно сказать, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ убійцами и грабителями въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова? Конечно, нѣтъ: фактъ возстанія или междуусобной войны будетъ главнымъ характеристическимъ признакомъ этого событія, а всѣ остальные — дополнительными къ нему чертами. Поэтому, если согласны не выдавать виновныхъ за главное дѣяніе, ихъ нельзя выдать также и за дѣянія прикосновенныя къ нимъ или дополнительныя.

Но одновременность дѣйствій далеко еще не обозначаетъ ихъ связи и внутренней неразрывности. Гдѣ найти критерій для

оцѣнки сложныхъ преступленій? Ни уголовное, ни государственное право его намъ дать не могутъ: на него указываетъ лишь право международное, и англійскіе юристы (Clarke, Westlake и др.) дѣлаютъ попытку его выставить, а къ нимъ присоединяются и континентальные писатели (Ортоланъ, Тейхманнъ, Рено, Блунчли и мн. др.). Рено предлагаетъ руководиться двумя слѣдующими правилами: во-первыхъ, дѣйствія, соединяющія въ себѣ всѣ черты общаго преступленія (убійство, грабежъ, подлогъ и т. п.), не покрываются невыдачею въ силу только политическихъ мотивовъ ихъ совершителей, и, во-вторыхъ, дѣйствія, совершаемыя во время возстанія, междуусобной войны, подлежатъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія права войны; если они послѣднимъ узаконяются, они покрываются невыдачею; въ противномъ случаѣ, связь съ возстаніемъ обыкновенныхъ преступленій не можетъ послужить имъ оправданіемъ и отнять присущій имъ уголовный характеръ [1]).

Противъ этого критерія возражаютъ, что онъ страдаетъ неопредѣленностью и его нельзя рекомендовать для положительнаго закона: обычаи войны сами не кодифицированы и вызываютъ на практикѣ не мало недоразумѣній и споровъ (Гольцендорфъ, Бруза). Но ничто не мѣшаетъ государствамъ ихъ кодифицировать, и давно бы слѣдовало это сдѣлать. Кромѣ того, даже при настоящихъ условіяхъ относительно многихъ актовъ и на войнѣ между цивилизованными народами не существуетъ сомнѣнія; граница между дозволеннымъ и преступнымъ обозначается все яснѣе и рекомендуемый нами международный критерій будетъ, можно надѣяться, со временемъ лишь выигрывать въ ясности и практическомъ значеніи.

Писатели, занимавшіеся въ послѣднее время вопросами о выдачѣ преступниковъ, обращаютъ еще вниманіе на одинъ видъ преступленій, который особенно получилъ жгучій характеръ—*на убійство* или *попытки къ убійству главы государства*. Мы, къ позору нашего времени, были зрителями съ 1878 г. цѣлаго ряда такихъ попытокъ, которыя въ 1881 г. повели къ царе-

[1]) Ср. подробнѣе въ его статьѣ Des crimes politiques, p. 16 suiv. Тейхманнъ предлагаетъ для будущихъ трактатовъ слѣдующую статью: „Выдача должна имѣть мѣсто по отношенію къ преступленіямъ противъ лицъ, имуществъ или общественнаго строя, если они были совершены во время внутренней политической борьбы или междуусобной войны, и должны быть признаны незаконными даже въ томъ случаѣ, если бы партія, къ которой принадлежитъ преступникъ, имѣла право на своей сторонѣ". Той же точки зрѣнія держится Гоосъ. Арнцъ полагаетъ, что не слѣдуетъ выдавать за общія преступленія, являющіяся необходимымъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма полезнымъ средствомъ для дѣянія политическаго.

убійству въ Россіи и къ убійству президента въ С. Штатахъ. Къ какой категоріи преступленій отнести эти злодѣянія? Къ преступленіямъ ли общимъ, или исключительно политическимъ, или же сложнымъ?

И въ этомъ отношеніи сказывалось доселѣ различіе точекъ зрѣнія государственнаго и международнаго права. Большинство уголовныхъ законовъ караетъ покушенія на жизнь государя не болѣе или менѣе тяжкимъ лишеніемъ свободы, какъ въ случаяхъ покушенія на жизнь частнаго лица, но, въ виду политическаго положенія монарха, смертною казнію. Кромѣ того, они наказываютъ не только покушеніе, но даже приготовленія къ нему и состоявшееся на его счетъ соглашеніе,—дѣйствія, которыя, по отношенію къ частнымъ лицамъ, признаются ими безнаказанными.

Несмотря на это капитальное различіе между покушеніемъ на главу государства и на частное лицо, многіе требуютъ, чтобы нападенія на жизнь монарховъ были признаны въ трактатахъ какъ обыкновенное убійство и, слѣдовательно, вели бы къ выдачѣ преступника [1]). Вопросъ этотъ надѣлалъ много шума по поводу покушенія противъ Наполеона III въ сент. 1854 г., когда захвачена была на французской сѣверной желѣзной дорогѣ, между Лилемъ и Кале, адская машина, долженствовавшая взорвать поѣздъ, на которомъ Наполеонъ III направлялся въ Турне. Одинъ изъ преступниковъ, Jacquin, укрылся въ Бельгіи. Франція потребовала его выдачи. Судебныя власти въ Бельгіи раздѣлились по этому вопросу: судъ первой инстанціи въ Брюсселѣ приказалъ задержать его, но обвинительная палата велѣла освободить его, усмотрѣвъ въ его дѣйствіи преступленіе политическое или, по крайней мѣрѣ, связанное съ таковымъ (connexe à un fait politique). Кассаціонный судъ, однако, кассировалъ это рѣшеніе и передалъ все дѣло на разбирательство другаго суда, въ Льежѣ. Послѣдній рѣшилъ согласно кассаціонной инстанціи, но прежде, чѣмъ правительство утвердило это рѣшеніе, Франція взяла свое требованіе назадъ.

Случай этотъ, однако, не прошелъ безслѣдно: послѣ оживленныхъ преній, бельгійскія палаты утвердили въ 1856 г. законъ, въ которомъ находится слѣдующая статья: «не признается политическимъ преступленіемъ, ни фактомъ, соединеннымъ съ нимъ, (ni fait connexe à un semblable dèlit) покушеніе противъ главы

---

[1]) *Holtzendorff.*

иностраннаго правительства, или противъ членовъ его семейства, если это дѣяніе будетъ состоять въ покушеніи на убійство или отравленіе».

Слѣдующее важное мѣсто доклада коммиссіи, выработавшей этотъ законъ, рѣшило его участь: «Убійство государя должно отнынѣ въ Бельгіи считаться, по общему желанію, безспорнымъ человѣкоубійствомъ (incontestablement réputé homicide). Жизнь иностраннаго монарха будетъ пользоваться такою же охраною, какъ жизнь всякаго иностранца безъ различія положенія, но ни болѣе, ни менѣе. Сдѣлать болѣе, значитъ возвести печальною привилегіею убійство монарха на степень политическаго преступленія и допустить то, что мы всѣ отвергаемъ—выдачу политическихъ преступниковъ. Сдѣлавъ менѣе, мы лишили бы иностраннаго государя охраны общихъ законовъ и освятили бы несправедливость» [1]).

Вскорѣ послѣ этого Франція заключила съ Бельгіею договоръ (1856 г.), въ который включена и эта статья. Мы встрѣчаемъ ее во многихъ новѣйшихъ трактатахъ какъ Франціи [2]), такъ и нѣкоторыхъ другихъ государствъ [3]). Россія, напр., заключила такіе договоры съ Голландіею въ 1867 г., Баваріею въ 1869 г., Австріею въ 1874 г. и Испаніею въ 1877 г.

Указанная статья, однако, далеко не сдѣлалась еще общимъ достояніемъ трактатовъ: она находится въ 9 бельгійскихъ договорахъ и отсутствуетъ въ такомъ же числѣ. Также не встрѣчается она въ трактатахъ Франціи съ Швейцаріею (1869), Италіею (1870), Перу (1874), Великобританіею (1876), Испаніею (1877) и въ договорѣ Россіи съ Швейцаріею (1873).

Франція, во время переговоровъ съ Италіею и Швейцаріею, при заключеніи двухъ сейчасъ нами названныхъ трактатовъ, напрасно настаивала на внесеніи въ нихъ статьи о покушеніи на монарха [4]). Отказъ Италіи Фіоре объясняетъ тѣмъ, «что правительство ея не можетъ считать абсолютнымъ правиломъ, будто

---

[1]) Teichmann и Renault (Des crimes politiques).

[2]) Съ папою въ 1859; съ Голландіею въ 1860; Чили въ 1860 (впервые республиканское правительство согласилось на это условіе); Баваріею въ 1869; Швеціею и Норвегіею въ 1869; Бельгіею въ 1869 и 74 г., Люксембургомъ въ 1875; Монако въ 1876; Даніею въ 1877. Отсюда видно, что не одно наполеоновское правительство, но и республиканское признало справедливость этого нововведенія.

[3]) Трактаты Германіи съ Бельгіею въ 1874 г., съ Люксембургомъ въ 1876; Даніи съ Люксембургомъ въ 1879; Бельгіи съ Голландіею въ 1862; Австріи съ Черногоріею въ 1872 г. и т. д.

[4]) Attentatsclausel, какъ ее называетъ Гольцендорфъ.

покушеніе на главу государства и на членовъ его семьи не составляетъ политическаго преступленія, въ виду того, что итальянское уложеніе относитъ такое покушеніе къ преступленіямъ противъ внутренней безопасности государства, а, слѣдовательно, къ преступленіямъ политическимъ. Трактаты же не могутъ давать преступленіямъ иное опредѣленіе, сравнительно съ законами». Но, справедливо замѣчаетъ Тейхманнъ, отъ чего же это обстоятельство не помѣшало другимъ правительствамъ согласиться на принятіе обсуждаемой статьи?

Что касается Швейцаріи, то она согласилась бы на выдачу цареубійцъ, если бы они судились за границею, какъ простые убійцы. Но такъ какъ остальныя европейскія страны не допускаютъ этой точки зрѣнія, она не выдаетъ ихъ, а судитъ по своимъ законамъ. Самый терминъ «цареубійца» (régicide) вноситъ въ это преступленіе элементъ политическій, указывающій, что, кромѣ идеи убійства, тутъ присоединяется еще преступленіе противъ величества (lèse-majésté). Но послѣднее понятіе совершенно чуждо швейцарскимъ законамъ. По ея республиканскому воззрѣнію всѣ люди абсолютно равны между собою [1]).

Въ послѣднее время и въ Англіи замѣтенъ поворотъ въ идеяхъ относительно выдачи, и напрасно думаютъ, что для англичанъ политическая цѣль способна покрыть всякія преступленія и повести къ невыдачѣ убійцъ и поджигателей. Для разсмотрѣнія

---

[1]) Ср. интересную статью *Roguin*: Le droit d'asile en Suisse. La nonextradition des inculpés de délits politiques (въ journal du Droit international privé 1881, № VII—VIII). Въ противоположность общепринятому мнѣнію, будто Швейцарія есть сборный пунктъ для всякаго рода нарушителей политическаго и общественнаго порядка, авторъ старается доказать, что Швейцарія въ цѣломъ всегда стремилась „не быть орудіемъ какъ неограниченныхъ правителей, съ одной стороны, такъ и иностранныхъ революціонеровъ — съ другой“ (изъ ноты союзнаго совѣта 31 января 1849 г.); что она „предоставляетъ убѣжище политическимъ изгнанникамъ (proscrits politiques) безъ различія партій, но лишь подъ условіемъ, чтобъ они заслуживали это убѣжище своимъ мирнымъ поведеніемъ и не продолжали съ ея территоріи своихъ нападокъ на безопасность и существованіе другихъ государствъ“ (изъ ноты того же совѣта 1855). Не отвергая въ нѣкоторыхъ случаяхъ вялости и медлительности властей, авторъ напоминаетъ, что это происходило отчасти вслѣдствіе дуализма политическаго строя Швейцаріи (и вызываемаго имъ антагонизма между кантональными и федеральными властями), а также по причинѣ интригъ иностранныхъ правительствъ, наводнявшихъ иной разъ ея территорію массами своихъ шпіоновъ и тайныхъ агентовъ. Рогенъ даетъ намъ весьма интересный очеркъ права убѣжища въ Швейцаріи въ нашемъ столѣтіи, приводитъ статьи о невыдачѣ политическихъ преступниковъ въ ея новѣйшихъ трактатахъ съ Франціею (1869), Россіею (1873), Германіею (1874), Португаліею (1873) и Великобританіею (1874), останавливается на судебной практикѣ и въ заключеніе говоритъ о съѣздѣ въ Бернѣ въ сентябрѣ 1880 г.) швейцарскихъ юристовъ, который, между прочимъ, обсуждалъ вопросъ о выдачѣ политическихъ преступниковъ, но никакой резолюціи объ этомъ не принялъ.

вопросовъ о выдачѣ были учреждены, между прочимъ, особыя коммиссіи въ 1868 и 77 гг. Первая предложила «актомъ парламента узаконить, чтобы трактаты не допускали выдачи лицъ, совершившихъ преступленія, которымъ ихъ противники, требующіе ихъ выдачи, будутъ придавать политическій характеръ, за исключеніемъ, однако, обвиняемыхъ въ убійствѣ или въ покушеніяхъ къ нему». Коммиссія 1877 г. заявила также, что нѣтъ основанія отказывать въ выдачѣ виновныхъ въ тяжкомъ общемъ преступленіи, хотя бы совершонномъ съ политическою цѣлію, дѣйствительною или предполагаемою (убійство главы государства или другихъ органовъ власти, поджогъ темницы и т. п.). Вестлекъ, въ запискѣ, прочитанной на ливерпульскомъ съѣздѣ (1876 г.) англійскаго общества содѣйствія соціальнымъ наукамъ, поставилъ на видъ, что политическій характеръ извѣстнаго дѣянія опредѣляется не наличностью политическихъ мотивовъ, но самымъ его внутреннимъ характерамъ: «Убійство президента Линкольна,—сказалъ онъ,—хотя внушенное политическою ненавистью, было, тѣмъ не менѣе, убійствомъ и если бы преступникъ укрылся въ нашей странѣ, я почелъ бы его выдачу нашимъ священнѣйшимъ національнымъ долгомъ». То же самое слѣдовало бы сказать, по мнѣнію автора, если бы убійство входило какъ первое дѣйствіе въ планъ возстанія [1]).

Что касается, наконецъ, писателей, то и они, подобно трактатамъ, колеблются между двумя противоположными воззрѣніями: Бильо [2]) не одобряетъ бельгійскій законъ 1856 г. и полагаетъ, что при опредѣленіи политическихъ убійствъ все должно зависѣть отъ условій конкретнаго случая. Въ этомъ смыслѣ высказывается и Фіоре. Выше мы видѣли, что Горнунгъ считаетъ цареубійство исключительно политическимъ преступленіемъ.

Болѣе вѣрнаго мнѣнія держатся Тейхманнъ и Рено, статьи которыхъ бросили такъ много свѣта на эти запутанные вопросы. Первый говоритъ: «Покушеніе на жизнь государя есть прежде всего убійство, ибо представлять государство во внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ можетъ только лицо физическое. Затѣмъ, въ виду занимаемаго имъ высокаго положенія, это дѣйствіе есть и преступленіе политическое или, скорѣе, противъ общаго права, но квалифицированное. Исключеніе должно быть

---

1) *Renault*: Des crimes politiques.
2) Авторъ извѣстнаго сочиненія: Traité de l'extradition. 1874.

сдѣлано только для дѣйствій во время междуусобныхъ войнъ и возстаній».

Рено замѣчаетъ: «Я не допускаю, чтобы преступленіе становилось политическимъ только отъ цѣли или вслѣдствіе политической страсти, руководившихъ преступникомъ. Если лицо, не въ открытой борьбѣ, въ видахъ осуществленія своихъ политическихъ идеаловъ, убьетъ кого-либо или сдѣлаетъ къ тому покушеніе, это не будетъ политическое преступленіе, а простое убійство, но внушенное политическою страстью, что совсѣмъ другое дѣло.

«Зачѣмъ политической страсти придавать болѣе значенія, чѣмъ всякой другой, быть можетъ, не менѣе ея извинительной? Съ точки зрѣнія *юридической*, не существуетъ *политическаго убійства*, также какъ и нѣтъ убійствъ изъ-за мщенія, корыстолюбія и т. д. Дѣяніе остается все однимъ и тѣмъ же, при какихъ бы обстоятельствахъ оно ни совершилось».

Рено полагаетъ, что съ точки зрѣнія международнаго права можно требовать лишь одного, чтобы виновность преступника не усиливалась вслѣдствіе политической цѣли его дѣянія или публичнаго характера его жертвы.

Кромѣ политическихъ преступниковъ, не выдаются еще лица, уклонившіяся отъ *воинской повинности* и вообще виновныя въ нарушеніи военнаго устава. Однако, это правило не признается всѣми государствами и многія изъ нихъ выдаютъ дезертировъ. Рено полагаетъ, что въ виду большаго нравственнаго различія между нарушеніями общаго права и преступленіями собственно военными, которыя (особенно же дезертирство) могутъ быть внушены и политическими мотивами, не слѣдуетъ выдавать обвиняемыхъ исключительно въ этого рода дѣяніяхъ [1]).

Напротивъ, въ случаяхъ дезертирства *моряковъ* практика не только освящаетъ выдачу, но и установила для нея суммарное производство. Это различіе довольно странно; оно объясняется, по мысли Рено, не требованіями справедливости, а соображеніями практической пользы, но и онъ согласенъ, что послѣднія не достаточно объясняютъ это исключеніе: бѣгство матроса съ купеческаго судна менѣе опасно и преступно измѣны солдата своему

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ говорятъ также Моль и Броше, но послѣдній дѣлаетъ исключеніе для моряковъ, въ виду важныхъ послѣдствій ихъ бѣгства. Баръ различаетъ два случая: «1) когда лицо укрылось за границу до поступленія въ ряды войска. Наказанія въ этихъ случаяхъ не бываютъ строги и нечего выдавать виновныхъ. 2) Иное дѣло нарушеніе вѣрности знамени. Оно должно быть наказуемо у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и выдача тутъ въ принципѣ оправдывается».

знамени, особенно въ виду врага внѣшняго или внутренняго. Поэтому нѣтъ основанія подвергать бѣглыхъ матросовъ иным наказаніямъ, сравнительно съ бѣглыми солдатами.

Не выдаются, наконецъ, *виновные въ преступленіяхъ чисто мѣстнаго характера* (нарушенія таможеннаго устава и торговля контрабандой по границѣ государства, уклоненія отъ уплаты налоговъ и т. д.), а также обвиняемые въ дѣйствіяхъ, за которыя они или были уже привлечены къ слѣдствію и оправданы, или находятся еще подъ судомъ, или уже отбываютъ наказаніе. Выдачу откладываютъ въ томъ случаѣ, если обвиняемый находится подъ слѣдствіемъ или наказаніемъ за другое, совершонное имъ преступленіе.

Чтобы покончить съ отдѣломъ о преступныхъ дѣяніяхъ, намъ остается сказать еще объ обратной силѣ трактатовъ и о давности.

Рено замѣчаетъ, что, не смотря на сомнѣнія нѣкоторыхъ, должно признать дѣйствіе трактатовъ по отношенію къ поступкамъ, совершоннымъ какъ до, такъ и послѣ вступленія ихъ въ обязательную силу. Нельзя въ опроверженіе ссылаться на то, что уголовные законы не имѣютъ обратной силы. Трактаты о выдачѣ не создаютъ новыхъ наказаній и не успливаютъ существующія: они просто опредѣляютъ, по извѣстному вопросу, отношенія между государствами, превращая нравственную обязанность въ юридическую. Такъ рѣшаютъ этотъ вопросъ одинаково наука и практика.

Труднѣе разрѣшить сомнѣнія, вызываемыя приложеніемъ *давности* Какъ поступить, когда обвиняемый по законамъ страны, требующей его выдачи, можетъ быть еще судимъ и наказанъ, но по законамъ государства, въ которомъ онъ находится, дѣяніе его уже покрылось давностью? Которому изъ двухъ законодательствъ дать перевѣсъ? «Почти всѣ договоры,—говоритъ Рено,—законы о выдачѣ, большинство писателей, а также мои товарищи Арнцъ, Баръ, Блунчли, Гоосъ, Горнунгъ, Оливекрона утверждаютъ, что въ этомъ случаѣ выдача не можетъ имѣть мѣста. Государству нечего содѣйствовать въ преслѣдованіи дѣянія, которое уже болѣе ненаказуемо по его законамъ. Дѣло касается какъ будто поступка, дозволеннаго на его территоріи. Да это и нарушило бы начало взаимности».

Рено не согласенъ, однако, съ этимъ общимъ мнѣніемъ и примыкаетъ къ противоположному воззрѣнію, высказанному Гольцендорфомъ, Фіоре, Нейманномъ, Мартенсомъ и Геснеромъ. Аналогія

въ доказательствѣ большинства ему представляется несостоятельною. Здѣсь вовсе не идетъ рѣчь о дозволенности дѣянія по законамъ мѣстности, въ которой находится обвиняемый. Поступокъ его наказуемъ по законамъ обѣихъ странъ. Спрашивается только, который изъ двухъ законовъ компетентенъ для опредѣленія срока давности? Очевидно, законъ мѣстности, гдѣ дѣяніе совершено, ибо тамъ выступили наружу и тѣ условія, которыя опредѣляютъ продолжительность и теченіе давности. Понятно, что эти условія могутъ разнообразиться по странамъ, смотря по состоянію ихъ путей сообщенія, судебной организаціи и способовъ производства слѣдствія. Законы государства, въ которомъ укрылся преслѣдуемый, тутъ не при чемъ и это очевидное преувеличеніе утверждать, что дѣяніе будто бы произошло на территоріи этого послѣдняго государства. Начало взаимности, какъ мы замѣтили выше, не имѣетъ и тутъ рѣшающаго юридическаго значенія. Ту же мысль выражаетъ мѣтко Нейманнъ: «Такъ какъ lex delicti commissi призванъ карать, то и онъ рѣшаетъ вопросъ о давности, если только не принято въ трактатѣ противоположное начало». Какъ бы среднее мнѣніе между обѣими группами высказалъ Бруза, заявивъ, что странѣ убѣжища должна быть предоставлена свобода въ выборѣ того или другаго рѣшенія, смотря по обстоятельствамъ конкретнаго случая». Это мнѣніе слишкомъ казуистично, но доводы Рено намъ представляются съ *юридической* стороны неопровержимыми.

IV. *Производство выдачи* вызываетъ также въ наукѣ и жизни много пререканій. Государства въ этомъ отношеніи распадаются на двѣ группы: большинство европейскихъ странъ производитъ выдачу исключительно *дипломатическимъ путемъ,* видя въ ней актъ высшей администраціи. Напротивъ, Англія, С. Штаты и Бельгія предоставляютъ въ вопросахъ о выдачѣ значительное вліяніе и *судебной власти,* справедливо полагая, что они касаются не однихъ интересовъ правительствъ, но и самыхъ дорогихъ правъ человѣка на свободу, а иногда и жизнь.

Намъ кажется довольно страннымъ мнѣніе Рено, который говоритъ: «Хотя дипломатическій путь при выдачѣ вызываетъ иногда жалобы изъ-за проволочекъ, но его слѣдуетъ держаться и впредь. Прямыя и непосредственныя сношенія между судебными и административными властями государствъ допустимы только для однѣхъ временныхъ мѣръ, напр., для задержанія бѣглеца». Всякое же требованіе о выдачѣ должно идти дипломатическимъ путемъ. Свое

мнѣніе Рено подтверждаетъ тѣмъ, что такое требованіе затрогиваетъ обыкновенно, съ юридической и фактической стороны, множество запутанныхъ вопросовъ, разрѣшить которые способно одно правительство, располагающее всѣми средствами для собранія свѣдѣній и несущее за свои дѣйствія отвѣтственность. Кромѣ того, оно можетъ и принимать необходимыя мѣры съ должною быстротою. Рено опасается, что судебная власть въ этихъ дѣлахъ либо компрометируетъ правительство своею «неумѣстною торопливостью», либо затянетъ дѣло, когда при полученіи требованія о выдачѣ должна будетъ обратиться, все-таки, къ нему за свѣдѣніями.

Трудно понять это недовѣріе Рено къ судебной власти. Мы полагаемъ, напротивъ, чѣмъ болѣе вопросы о выдачѣ будутъ рѣшаться подъ ея вліяніемъ, тѣмъ болѣе они станутъ на твердую почву права и сократится пагубное на нихъ воздѣйствіе политическихъ интересовъ, столь имъ по существу чуждыхъ.

Самъ Рено въ дальнѣйшемъ изложеніи допускаетъ довольно широкое вліяніе судовъ на процедуру выдачи.

Государство, требующее ея, прежде всего должно ее оправдать, и тутъ возникаетъ вопросъ: достаточно ли предъявленія съ его стороны одного приказа о задержаніи даннаго лица, или же нужно ожидать окончанія предварительнаго о немъ слѣдствія? Въ теоріи существуютъ колебанія въ виду важности выдачи и опасаются, чтобы первый путь не слишкомъ тягостно отозвался на правахъ личности, но практическія соображенія, состоящія въ томъ, что трудно производить заочно предварительное слѣдствіе, заставляютъ отдать предпочтеніе второй системѣ и, по полученіи изъ-за границы приказа о задержаніи извѣстнаго лица, правительство распоряжается временно арестовать его. Къ этой же системѣ перешли Бельгія и Люксембургъ, на опытѣ удостовѣрившись въ ея необходимости Въ чемъ состоятъ дѣйствія страны, просимой о выдачѣ? «Мы можемъ тутъ,—говоритъ Рено,—удовольствоваться одними общими указаніями, ибо все зависитъ здѣсь отъ внутреннихъ законовъ отдѣльныхъ государствъ, отъ правъ, которыми надѣляется въ нихъ личность, отъ взаимнаго соотношенія по этому вопросу администраціи къ юстиціи, отъ положенія иностранцевъ и т. п. Во всякомъ случаѣ, страна, давшая убѣжище, имѣетъ всегда право самостоятельно убѣдиться, насколько констатировано преступленіе лица, выдачи коего требуютъ. Содѣйствуя иностранному правительству въ дѣлѣ юстиціи,

государство никогда не нисходитъ до роли слѣпаго исполнителя чужой воли. Въ интересахъ правительствъ и частныхъ лицъ надо требовать, чтобы это разсмотрѣніе основательности прошенія о выдачѣ производилось не административными властями, а судомъ. Лишь этимъ способомъ государство избѣгнетъ упрека въ податливости предъ иностраннымъ правительствомъ и права преслѣдуемаго лица получатъ должную защиту. Затѣмъ уже дѣло внутреннихъ законовъ государствъ опредѣлить, какому суду будетъ предлежать эта задача». Гольцендорфъ полагаетъ, что было бы полезно назначить какое-либо отдѣльное судебное мѣсто для вѣдѣнія этихъ просьбъ о выдачѣ. Въ смыслѣ докладчика высказалось большинство его товарищей.

Разсмотрѣніе указаннаго прошенія должно ли ограничиваться одною внѣшнею стороною дѣла, т. е. сосредоточиться около вопросовъ: существуетъ ли трактатъ о выдачѣ; Дѣяніе, поведшее къ требованію послѣдней, указывается ли въ немъ; не имѣетъ ли оно политическаго характера; къ какой національности принадлежитъ преслѣдуемый, или же это разсмотрѣніе должно простираться и на самое юридическое существо дѣла и рѣшить, насколько достаточны предъявленныя противъ преслѣдуемаго улики? Мнѣнія ученыхъ разногласны на счетъ этого. Послѣдній способъ гарантируетъ лучше права лица, но впадаетъ въ нѣкоторое преувеличеніе, не оказывая достаточнаго уваженія къ иностранной юрисдикціи, въ вѣдомствѣ которой совершилось преслѣдуемое дѣяніе.

Судъ, при разсмотрѣніи требованія о выдачѣ, высказываетъ ли простое мнѣніе, или постановляетъ настоящее рѣшеніе? Докладчикъ, вмѣстѣ съ Баромъ, Арнцемъ и Гоосомъ, признаетъ наиболѣе удовлетворительною англійскую систему: если судъ найдетъ, что условія, требуемыя при выдачѣ, не на лицо, послѣдняя не совершается; въ противномъ случаѣ, рѣшеніе предоставляется правительству, которое лучше суда можетъ оцѣнить разнообразныя обстоятельства дѣла. Мы полагаемъ, однако, что лучше въ обоихъ случаяхъ безразлично рѣшеніе предоставить одной судебной власти.

Почти всѣ согласны съ тѣмъ, что государство, получившее выданнаго преступника, имѣетъ право судить и наказать его лишь за то дѣяніе, которое повело къ его выдачѣ. Такъ говоритъ и большинство товарищей Рено. Но англійская коммиссія 1877 г., въ противность существующимъ англійскимъ законамъ,

высказалась за противоположное начало. «За исключеніемъ политическихъ преступленій, —говоритъ она,—нечего требовать, чтобы лицо выданное судилось только за дѣйствіе, мотивировавшее его выдачу. Съ того момента, какъ послѣдняя произведена правильно, намъ нечего заботиться о дальнѣшей участи преслѣдуемаго. Должно только требовать, чтобы съ нимъ было поступлено по праву и справедливости. Даже согласіе государства выдающаго на это излишне. Что же касается неудобства, которое можетъ возникнуть на практикѣ и повести къ тому, что лицо, выданное за обыкновенное преступленіе, будетъ потомъ привлечено къ суду за преступленіе политическаго или чисто мѣстнаго характера, то этому можно воспрепятствовать оговоркою въ трактатахъ, чтобы выданное лицо подлежало суду за иныя преступленія лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія таковы, что могутъ повести къ выдачѣ (extraditional character). Эти заключенія коммиссіи вызвали сильныя возраженія одного изъ ея членовъ, Торренса [1]). Они противорѣчатъ, по замѣчанію Рено, и юридическому существу выдачи. Будучи актомъ содѣйствія въ области юстиціи между государствами, правительство, совершающее его, очевидно, должно знать, съ какою цѣлію оно дѣйствуетъ. А развѣ это возможно, если оно останется въ невѣдѣніи тѣхъ обвиненій, которыя взводятся на преслѣдуемаго? Весьма легко преслѣдованіе ради политическихъ цѣлей маскировать иными обвиненіями. Достоинство выдающаго государства требуетъ, чтобы оно дѣйствовало сознательно и не унижалось до органа мести иностраннаго правительства. Но ограничительный принципъ выдачи можетъ имѣть на практикѣ нѣкоторыя неудобства, которыя необходимо предвидѣть. Бываетъ такъ, что иногда послѣ выдачи лица, во время производства надъ нимъ слѣдствія, откроется, что онъ совершилъ еще другія преступныя дѣянія. Неужели за нихъ его не слѣдуетъ судить? Рено полагаетъ, что судъ возможенъ при двухъ предположеніяхъ: 1) когда правительство, его выдавшее, согласится на новый надъ нимъ судъ; въ этомъ случаѣ основной принципъ выдачи ни въ чемъ не нарушается и 2) когда выданное лицо само пожелаетъ быть судимымъ за всѣ взводимыя на него обвиненія. Иногда это лежитъ въ его интересахъ и онъ можетъ разсчитывать чрезъ это расположить въ свою пользу судей. Въ данномъ случаѣ обвиняемый какъ будто

---

[1]) *Renault*: Etude sur l'extradition en Angleterre, p. 21—27.

самъ предался въ руки правосудія или былъ задержанъ на этой территоріи и, пока давность не истекла, не существуетъ основанія не привлекать къ суду обвиняемаго. Необходимо только, чтобы послѣдній выразилъ свое согласіе сознательно и вполнѣ свободно и чтобы оно, засвидѣтельствованное кѣмъ слѣдуетъ, было препровождено къ правительству, выдавшему его. Съ докладчикомъ были согласны Баръ, Броше, Фіоре, Арнцъ, Ассеръ, Блунчли, Голландъ и только Сариполосъ полагалъ, что согласіе выдаваемаго лица не должно имѣть никакого дѣйствія.

Правительство, получившее выданнаго, въ свою очередь, не можетъ выдать его третьему государству безъ согласія того, отъ котораго оно его получило [1]). Это вытекаетъ изъ того же ограничительнаго дѣйствія принципа выдачи, въ силу котораго лицо выдаваемое можетъ быть судимо, какъ мы сказали, за тѣ лишь дѣйствія, которыя вызвали эту мѣру. Иное дѣло, если лицо, послѣ того какъ оно было либо оправдано, либо наказано, само вступитъ на территорію этого третьяго государства, требующаго его выдачи; въ этомъ случаѣ предъидущая его выдача не имѣетъ дѣйствія. Для этого слѣдовало бы установить въ законахъ и трактатахъ, съ момента освобожденія лица, извѣстный справедливый срокъ, напр., въ одинъ мѣсяцъ.

Послѣдній вопросъ касается положенія выданнаго предъ судомъ, призваннымъ его судить. Прежде всего желательно, чтобы выданный былъ снабженъ документомъ, констатирующимъ дѣянія, за которыя онъ подвергся этой мѣрѣ, и условія ея осуществленія. Такой актъ, полезный для обоихъ правительствъ и для самого обвиняемаго, поставилъ бы суду извѣстныя границы.

Можетъ ли самъ выдаваемый оспаривать правильность выдачи? Многіе писатели отвѣчаютъ на это отрицательно, говоря, что выдача есть мѣра международная, не подлежащая обсужденію судовъ, что условія, выражаемыя относительно ея въ конвенціяхъ, дѣлаются въ интересахъ правительствъ, а не частныхъ лицъ, и что послѣднія, въ случаѣ бѣгства на чужую территорію, не пріобрѣтаютъ никакого новаго права, но, напротивъ, всегда могли бы быть выданы безъ всякихъ формальностей и за отсутствіе мътрактатовъ. «Не подвергая критикѣ существующей практики,—замѣчаетъ Рено,—мы предполагаемъ, однако, что выдача

[1]) Многіе товарищи Рено высказались въ этомъ же смыслѣ, но противоположнаго начала держится Бильо.

не отдается на произволъ правительствъ, а подчиняется отнынѣ твердымъ правиламъ, и въ такомъ случаѣ кому же оберегать ихъ, какъ не правосудію? Затѣмъ кому на нихъ ссылаться, какъ не частному лицу, не въ интересахъ котораго они, правда, были высказаны, но которое, тѣмъ не менѣе, должно воспользоваться отъ ихъ приложенія? Правила о подсудности составляются не по расположенію къ подсудимымъ, но часто по высшимъ соображеніямъ общественнаго порядка и, между тѣмъ, это не мѣшаетъ заинтересованнымъ лицамъ ссылаться на нихъ. Утверждающимъ, что выдаваемые не могутъ, вслѣдствіе своего бѣгства, пріобрѣсти новое право, мы отвѣтимъ, что развѣ лицо утрачиваетъ всѣ свои права въ силу лишь того, что подвергается, основательно или нѣтъ, обвиненію и что развѣ для правосудія безразлично, какимъ способомъ ни привлекается онъ къ отвѣту или оно обязано обратить вниманіе на законность всякаго арестованія? «Такъ выражаются и Арнцъ, Баръ, Бруза, Горнунгъ. «Я думаю,—говоритъ первый,—что трактаты о выдачѣ будутъ пользоваться бо́льшимъ уваженіемъ, когда они будутъ высказывать опредѣленное и для всѣхъ, какъ для правительствъ, такъ и для индивидуумовъ, равное международное право, нежели когда они обратятся въ орудіе для захвата послѣднихъ».

Само собою разумѣется, что право выдаваемаго оспаривать законность этой мѣры не безгранично. Онъ можетъ ссылаться на существующіе въ странѣ, гдѣ онъ судится, законъ и трактатъ о выдачѣ (по скольку нормы послѣдняго не были къ нему приложены), но онъ не въ правдѣ жаловаться на нарушеніе, по отношенію къ нему, иностраннымъ правительствомъ извѣстныхъ статей тамошняго закона или договора. Суды могутъ не повиноваться незаконному дѣйствію своего правительства, но имъ не дано критиковать дѣйствія чужаго.

III.

Въ заключеніе своей интересной записки Рено представилъ *проектъ рѣшеній*, въ 28 статьяхъ прекрасно резюмирующихъ всѣ его мысли. Этотъ проектъ обсуждался институтомъ въ трехъ засѣданіяхъ (8 и 9 сент.) и, послѣ оживленныхъ и интересныхъ преній [1]), повелъ къ слѣдующимъ главнымъ измѣне-

[1]) Annuaire; V, p. 106—130.

ніямъ: опущены 3 статьи (17, 24 и 26), прибавлена одна (15) и измѣнена ст. 28. Остальныя поправки имѣли болѣе редакціонный смыслъ, касаясь того или другаго выраженія.

Послѣ того, какъ обѣ первыя статьи приняты безъ преній, *статья 3* вызвала нѣсколько возраженій. Она говоритъ, что выдача, и за отсутствіемъ трактатовъ, есть актъ, согласный съ правомъ. За ея удаленіе высказались Принсъ, Твиссъ и Гооль. «Безъ трактата,—сказалъ первый,—выдача не есть юридическое, а произвольное дѣйствіе. Въ трактатѣ лицо выдаваемое находитъ опредѣленіе своего права, полномочій государства, на территоріи котораго находится, и тѣ условія, соблюденіе коихъ, по отношенію къ себѣ, онъ можетъ требовать». За сохраненіе этой статьи высказались Мартенсъ, Роленъ-Жекменъ, Клюне, Лоримеръ, Вестлекъ, Нейманнъ, Голландъ, Черстонъ, и Бекеръ. Доводы, ими выставленные, весьма серьезны. Право выдачи существуетъ ранѣе трактатовъ (Лоримеръ). Основаніе этой мѣры коренится не въ послѣднихъ, но вытекаетъ изъ самого принципа справедливости (Клюне). Выдача покоится на сознаніи государствами ихъ взаимной солидарности. Они образуютъ или должны образовывать союзъ честныхъ людей. Это положеніе предполагаетъ существованіе между ними взаимныхъ обязанностей, для наличности которыхъ безразличенъ фактъ существованія или отсутствія трактатовъ (Мартенсъ). Необходимо высказаться съ точностью о принципѣ ст. 3. При всякомъ случаѣ надо имѣть въ виду и подтверждать, что *международное право основывается не на трактатахъ, но вытекаетъ изъ права, ранѣе ихъ существующаго*. Ст. 3 говоритъ о правѣ въ наиболѣе широкомъ его смыслѣ: о vinculum juris. Послѣднее обязываетъ государство, даже за отсутствіемъ трактатовъ. Но не слѣдуетъ идти далѣе и говорить въ послѣднемъ случаѣ не о *правѣ*, а объ *обязанности* государствъ выдавать преступниковъ. Такой обязанности не существуетъ. Государство въ правѣ и само карать преступныхъ иностранцевъ. Выдача представляется для нихъ однимъ изъ способовъ служенія идеѣ справедливости (Роленъ-Жекменъ).

Ст. 3 принята съ добавленіемъ слова *одни* къ слову *трактаты*.

Статья 5, упоминающая въ дѣлахъ выдачи о принципѣ взаимности, вызвала возраженія Лавёле и Клюне, которые высказались за необходимость этого начала. Безъ него въ сущно-

сти не бываетъ ни одного трактата (Клюне). Въ отвѣтъ Вестлекъ указалъ на послѣдній договоръ Англіи съ Испаніею. *Ст. 5* прошла съ добавленіемъ лишь слова *условіе* къ *взаимность*.

Кромѣ измѣненій въ редакціонномъ отношеніи (на которыя мы указываемъ ниже), *статья 6*, допускающая выдачу государствомъ своихъ подданныхъ, была критикована Принсомъ. «Выдача эта,—замѣтилъ онъ,—понимается въ силу англійскихъ законовъ, но не законовъ страны, которая (какъ, напр., Бельгія) караетъ преступленія, совершонныя ея гражданами за границею. Въ Бельгіи уже давно утвердилось правило, что никто не можетъ быть лишаемъ своего природнаго судьи». Онъ предложилъ къ разсматриваемой статьѣ добавить, что принципъ ея примѣнимъ лишь къ тѣмъ странамъ, которыя не держатся личнаго начала въ уголовномъ законодательствѣ. Въ отвѣтъ ему Клюне напомнилъ, что вопросъ этотъ подробно обсуждался еще въ Брюсселѣ и тогда же Вестлекъ энергично отстаивалъ принципъ территоріальной юрисдикціи. Гдѣ совершено преступленіе и былъ нарушенъ общественный порядокъ, тамъ всего удобнѣе собрать матеріальныя доказательства его, созвать и выслушать свидѣтелей и т. д.

Поправка Принса отклонена большинствомъ голосовъ.

Статья 7, говорящая, что компетенція государства, требующаго выдачи, должна быть подтверждена не только его собственнымъ закономъ, но и закономъ страны, давшей убѣжище, подверглась замѣчаніямъ со стороны Арица и Вестлека. Послѣдній возсталъ противъ втораго заключительнаго условія настоящей статьи. Англійскій законъ не признаетъ въ Англіи дѣйствія личной юрисдикціи, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы онъ абсолютно ее отвергалъ и отказывалъ въ выдачѣ всякій разъ, какъ только компетенція государства, ее требующаго, будетъ основана на одной личной юрисдикціи. Въ этомъ же смыслѣ писалъ и Броше: государствамъ пора отказаться отъ воззрѣнія, что все, несогласное съ ихъ собственными законами, достойно осужденія. Какъ поступить въ случаяхъ, когда личная подсудность по извѣстнымъ дѣламъ (напр., прелюбодѣяніе, двоеженство, дуэль) признается въ законахъ одной и отвергается въ законахъ другой страны? Отказъ въ выдачѣ не повлечетъ ли тутъ къ безнаказанному нарушенію компетентнаго закона?

Второму условію *ст. 8* дана, вмѣсто положительной, отрицательная форма: «компетенція государства требующаго... не должна стоять въ противорѣчіи съ закономъ страны убѣжища».

Наиболѣе горячія пренія, какъ и слѣдовало ожидать, происходили изъ-за *статей 14 и 15*, посвященныхъ преступленіямъ сложнымъ или смѣшаннымъ и проступкамъ исключительно военнымъ.

Подъ одно правило невыдачи, вмѣстѣ съ политическими преступленіями (ст. 13), Броше въ письмѣ своемъ желалъ подвести также: преступленія и проступки противъ религіи, нарушенія законовъ печати, свободы слова и вообще дѣянія, относящіяся къ міру идей. Хотя эта мысль не была поддержана институтомъ, но она сама по себѣ вѣрна. Пьерантони предложилъ выкинуть ст. 14. Онъ произнесъ длинную рѣчь съ разными отступленіями и странными, чтобы не сказать болѣе, нападками на Блунчли, котораго онъ, кажется, и не совсѣмъ понялъ. Онъ отказался видѣть преступниковъ въ политическихъ изгнанникахъ, могущихъ быть и героями. Для государствъ, на его взглядъ, не существуетъ международной обязанности дѣйствовать сообща противъ пиратовъ и современныхъ анархистовъ (какую бы кличку они ни носили—коммунистовъ, нигилистовъ и т. п.), преступленія которыхъ, будто бы, имѣютъ прежде всего *мѣстный* характеръ.

Дѣйствительно, это наивный аргументъ, противорѣчащій *всѣмъ* заявленіямъ самихъ анархистовъ. Это и напомнилъ ему Мартенсъ, сказавъ, что невозможно смѣшивать политическихъ изгнанниковъ, какихъ мы видѣли до сихъ поръ и преслѣдующихъ извѣстный правительственный и политическій идеалъ, съ нигилистами, пытающимися ниспровергнуть всякій общественный строй. Даже англійскіе юристы дошли теперь до пониманія этого различія.

Даневскій предложилъ измѣненіе ст. 14. Въ подробной запискѣ о преступленіяхъ политическихъ и смѣшанныхъ, онъ старался доказать, что виновные въ дѣйствіяхъ послѣдняго рода не должны быть выдаваемы, но судимы и наказываемы (только за дѣянія, противныя общему праву) по законамъ территоріи, на которой они укрылись, и притомъ не иначе, какъ по требованію заинтересованнаго въ томъ правительства, на которомъ лежитъ и onus probandi. Хотя Даневскій не скрываетъ отъ себя «величайшія практическія затрудненія» для предлагаемой имъ формулы, но она кажется ему «единственно справедливою», давая удовлетвореніе всѣмъ интересамъ: обвиняемаго, заинтересованнаго государства и всего союза народовъ.

Формула эта представляется ея автору лучшимъ выходомъ изъ двухъ противоположныхъ соображеній: съ одной стороны, лица, обвиняемыя въ преступленіяхъ смѣшанныхъ, *должны быть караемы*, но съ другой—«даже при полной добросовѣстности, государство, борющееся за формы своего политическаго и общественнаго строя, *не можетъ быть безпристрастно* въ сужденіи и наказаніи лицъ, покушающихся на эти формы».

Всѣ государства, безъ различія политическихъ формъ и во всѣ времена, оказывались пристрастными и часто слишкомъ строгими къ политическимъ преступникамъ, особенно же виновнымъ въ общихъ преступленіяхъ.

Предложеніе Даневскаго отклонено на томъ основаніи, что оно, по замѣчанію Клюне, стоитъ въ противорѣчіи съ мыслями, высказанными институтомъ относительно территоріальной юрисдикціи, и представило бы на практикѣ непреодолимыя препятствія.

Пунктъ a) ст. 14 о сложныхъ преступленіяхъ принятъ большинствомъ 21 голоса противъ 2 (Пьерантони и Клеръ). *Пунктъ b)*, о дѣяніяхъ, совершаемыхъ во время междуусобныхъ войнъ, предложилъ вычеркнуть Бернардъ и его поддержалъ Пьерантони. «Дѣянія эти,—сказалъ первый,—нечего оцѣнивать по масштабу обычаевъ войны. Если они имъ противорѣчатъ, они должны, какъ дѣянія политическія, покрываться невыдачею». Вестлекъ, Альберикъ Роленъ и Мартенсъ (усматривавшій въ этомъ пунктѣ одно желаніе) настаивали на сохраненіи его. Собраніе согласилось на это (12 голосами противъ 9), съ прибавкою словъ, предложенныхъ Пьерантони: «возстаніе политическое».

Къ ст. 14 Даневскій и Клюне внесли добавленіе, что, въ случаяхъ сложныхъ преступленій, государство, требующее выдачи виновныхъ, прежде должно дать увѣреніе, что будетъ ихъ судить обыкновенными, а не исключительными судами. Это добавленіе, поддержанное Блунчли, Нейманномъ и Мартенсомъ, принято, какъ ст. 15. Блунчли замѣтилъ, что «хотя подобныя увѣренія не представляютъ абсолютныхъ гарантій, но, все-таки, являются обѣщаніями, обязательными для государствъ. При нормальныхъ условіяхъ народы не могутъ отказать другъ другу въ довѣріи».

Ст. 15, о невыдачѣ дезертировъ и за дѣянія исключительно военныя, повела къ обмѣну нѣкоторыхъ мыслей. Блунчли поставилъ на видъ, что не слѣдуетъ выдавать какъ бѣглыхъ сол-

датъ, такъ и матросовъ съ военныхъ судовъ. Выдача же матросовъ съ купеческихъ кораблей не есть таковая въ собственномъ смыслѣ.

Новая, расширенная редакція этой статьѣ дана Клюне.

Ст. 26 отвергнута по замѣчанію Ролена.

Измѣненія, которымъ подверглись остальныя статьи, не представляютъ особаго интереса.

Приводимъ теперь сполна:

Заключенія института по вопросу о выдачѣ преступниковъ.

I. Выдача есть международный актъ, соотвѣтствующій справедливости и интересу государствъ, цѣль котораго дѣйствительное предупрежденіе и пресѣченіе нарушеній уголовнаго закона.

II. Точное и правильное приложеніе выдачи обусловливается лишь существованіемъ трактатовъ и поэтому желательно, чтобы послѣдніе заключались въ возможно бо́льшемъ числѣ.

III. Впрочемъ, не одни трактаты превращаютъ выдачу въ дѣйствіе, сообразное съ правомъ; ее можно производить и при отсутствіи всякаго договорнаго обязательства.

IV. Желательно, чтобы въ каждой странѣ законъ опредѣлялъ производство ея, а равно условія выдачи лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ правительствомъ, съ которымъ не заключено трактатовъ.

V. Условіе взаимности въ дѣлахъ этого рода можетъ быть рекомендуемо политикой, но не есть требованіе справедливости.

VI. Между странами, уголовные законы которыхъ покоятся на аналогичныхъ основаніяхъ и которыя имѣютъ взаимное довѣріе къ судебнымъ учрежденіямъ, выдача собственныхъ гражданъ была бы средствомъ обезпеченія хорошаго отправленія уголовнаго правосудія, такъ какъ желательно, чтобы юрисдикція forum delicti commissi [1]) была признана, насколько возможно, компетентною.

VII. Но даже, если принять, вмѣстѣ съ господствующею практикою, невыдачу государствомъ собственныхъ гражданъ,

---

[1]) У Рено: „такъ какъ во имя науки желательно, чтобы насколько возможно территоріальная юрисдикція была признана компетентною“.

не слѣдуетъ при этомъ обращать вниманія на пріобрѣтеніе лицомъ національности послѣ совершенія того дѣянія, на основаніи котораго требуется его выдача.

VIII. Компетентность государства, требующаго выдачи, должна быть подтверждаема собственнымъ его закономъ и не противорѣчить закону страны убѣжища.

IX. Въ случаѣ наличности нѣсколькихъ требованій выдачи за одно и то же дѣяніе, предпочтеніе слѣдуетъ оказать государству, на территоріи котораго было нарушено право.

X. Если одно и то же лицо требуется нѣсколькими государствами за различныя дѣянія, государству просимому о выдачѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на относительную тяжесть этихъ дѣяній.

Въ случаѣ сомнѣнія на счетъ послѣдняго пункта, государство просимое даетъ перевѣсъ первенству просьбы [1]*).*

XI. По общему правилу слѣдуетъ требовать, чтобы дѣянія, къ которымъ приложима выдача, были караемы по законамъ обѣихъ странъ, кромѣ случая, когда, въ силу особыхъ учрежденій или географическаго положенія страны убѣжища, въ ней не могутъ проявиться фактическія стороны преслѣдуемаго дѣянія.

XII. Выдача, какъ мѣра серьезная, прилагается къ болѣе или менѣе тяжелымъ правонарушеніямъ. Трактатамъ слѣдуетъ перечислять ихъ съ точностію, причемъ опредѣленія ихъ будутъ естественно разнообразиться по положенію договаривающихся сторонъ.

XIII. Выдача не можетъ имѣть мѣста за дѣянія политическія.

XIV. Государство просимое опредѣляетъ съ полною независимостью, смотря по обстоятельствамъ, имѣетъ или нѣтъ дѣяніе, вызвавшее требованіе о выдачѣ, политическій характеръ.

При этомъ опредѣленіи ему слѣдуетъ руководиться двумя соображеніями:

а) Дѣйствія, представляющія всѣ черты общихъ преступленій (убійства, поджоги, кражи), не должны покрываться невыдачею въ силу лишь политическаго мотива ихъ совершителей.

---

[1]) Послѣднее условіе добавлено по мысли Клюбе.

b) Для оцѣнки дѣйствій, совершонныхъ во время политическаго возстанія, мятежа или междуусобной войны, слѣдуетъ обратить вниманіе на соотвѣтствіе ихъ или противорѣчіе обычаямъ войны.

XV. Во всякомъ случаѣ выдача за дѣянія, носящія характеръ преступленій политическихъ и противъ общаго права, должна воспослѣдовать не иначе, какъ по полученіи отъ государства, ея требующаго, увѣренія въ томъ, что выданный не будетъ судиться чрезвычайнымъ судомъ.

XVI. Выдача не должна прилагаться къ побѣгу лицъ, состоящихъ въ военной, сухопутной или морской службѣ, ни къ проступкамъ чисто-военнымъ.

Принятіе этого правила не препятствуетъ выдачѣ лицъ, служащихъ матросами на государственныхъ или купеческихъ судахъ.

XVII. Законъ или трактатъ о выдачѣ могутъ примѣняться къ дѣйствіямъ, совершоннымъ до ихъ вступленія въ силу [1]*).*

XVIII. Выдача производится путемъ дипломатическимъ.

XIX. Желательно, чтобы въ странѣ убѣжища судебной власти предоставлялось разсмотрѣніе требованій о выдачѣ послѣ состязательныхъ преній.

XX. Государство просимое не должно выдавать, если, въ силу публичнаго права, судебная власть рѣшитъ, что нельзя согласиться на это требованіе.

XXI. Разсмотрѣніе относящихся сюда обязательствъ предметомъ своимъ должно имѣть общія условія выдачи и [2]*) правдоподобность обвиненія.*

XXII. Правительство, получившее выданнаго за опредѣленное дѣяніе, имѣетъ право и даже, если не существуетъ противоположной объ этомъ конвенціи, обязано судить и карать его только за это дѣяніе.

XXIII. Государство, выдавшее преслѣдуемаго, можетъ впослѣдствіи дать свое согласіе на то, чтобы онъ судился и за иныя дѣянія, кромѣ того, которое мотивировало его вы-

---

[1]) Слѣдующая за этою ст. 17 проекта: „Не слѣдуетъ отказывать въ выдачѣ на томъ лишь основаніи, что преслѣдуемое дѣяніе покрылось бы уже давностію, будь оно совершено лицомъ въ странѣ убѣжища“ — отвергнута по предложенію Пьерантони, какъ „излишне суровая“.

[2]) Вмѣсто „а не“ — какъ у Рено, по мысли Вестлека.

дачу, лишь бы только дѣянія эти сами могли вести къ выдачѣ [1]).

XXIV. Правительство, имѣющее черезъ выдачу въ своихъ рукахъ извѣстное лицо, не можетъ передать его третьему государству иначе, какъ только съ согласія того, отъ котораго оно его получило [2]).

XXV. Актъ, въ которомъ судебная власть объявляетъ о допустимости выдачи, долженъ констатировать условія, при которыхъ она совершится, и дѣянія, поведшія къ ней.

XXVI. Выданному предоставляется право дѣлать предъ судомъ, имѣющимъ судить его окончательно, въ качествѣ предварительнаго отвода, возраженія противъ неправильности выдачи, которой онъ подвергся [3]).

Мы привели цѣликомъ работы института по вопросу о выдачѣ, потому что онѣ представляютъ большой научный интересъ и въ значительной степени содѣйствуютъ разъяспенію одного изъ запутаннѣйшихъ вопросовъ уголовнаго права. Опредѣляя съ точностью современное положеніе науки и практики въ этой области, онѣ намѣчаютъ дальнѣйшее движеніе относящихся сюда идей въ будущемъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что право убѣжища, принесшее много пользы человѣчеству въ прежнія эпохи, какъ оплотъ противъ насилій и варварствъ всякаго рода, начинаетъ болѣе и болѣе отживать въ наше время, а съ тѣмъ вмѣстѣ выдача представляется общею обязанностью для государствъ, независимо отъ договорныхъ отношеній [4]). Безъ выдачи немыслимо въ средѣ цивилизованныхъ народовъ вполнѣ справедливое и обезпеченное отправленіе правосудія. Но для этого

[1]) Заключительное условіе этой статьи прибавлено по мысли Арнца. — За нею слѣдовала ст. 24: „Выданный можетъ, если согласится, быть судимъ по всѣмъ взводимымъ на него обвиненіямъ“. Она вычеркнута по предложенію Блунчли и послѣ замѣчанія Пьерантони, что „согласіе лица, содержимаго въ тюрьмѣ, представляется во всякомъ случаѣ сомнительнымъ и подозрительнымъ“.

[2]) Въ проектѣ Рено слѣдовала еще статья (26): „Оба ограничительныя условія (въ ст. 22 и 24) не имѣютъ болѣе основанія, коль скоро лицо по собственному желанію пребываетъ на территоріи, что допустимо по истеченіи для этого извѣстнаго срока (напр., мѣсячнаго) съ момента его освобожденія“. Эта статья опущена по заявленіи Альб. Роленомъ, что принципъ ея кажется ему опаснымъ. Трудно констатировать, насколько согласно лицо жить на территоріи, на которой пребываетъ послѣ своего освобожденія. Оно можетъ дѣлать это и по недостатку средствъ къ существованію.

[3]) Въ редакціи Роленъ-Жекмена. Рено же признаетъ за судомъ право и обязанность разсматривать условія, при которыхъ совершилась выдача и въ случаѣ нужды объявлять ее недѣйствительною, а выданнаго отпускать на волю. Эта постановка вопроса намъ кажется болѣе вѣрною.

[4]) *Deloume*: Principes généraux du droit international en matiere criminelle. 1882.

необходимо, чтобы она, будучи выраженіемъ международнаго принципа общенія, получила и международное признаніе и примѣненіе. По мѣрѣ того, какъ государства въ законахъ и трактатахъ юридически опредѣлятъ свои воззрѣнія на нее и установятъ извѣстную между собою, столь необходимую солидарность, имъ надо будетъ,—какъ уже указалъ Моль,—на *общемъ конгрессѣ* выработать *декларацію,* которая по своему содержанію могла бы замѣнить болѣе или менѣе спеціальные между ними трактаты [1]). Умножающіяся въ наши дни посягательства на основы политическаго и общественнаго строя,—посягательства, исходящія отъ лицъ, соединившихся въ извѣстныя международныя группы, требуютъ дружнаго коллективнаго противодѣйствія имъ со стороны всего международнаго союза. Силы отдѣльнаго государства, хотя бы и могущественнѣйшаго, оказываются недостаточными. На это указываетъ и Блунчли, справедливо ставящій современныхъ анархистовъ на одну ногу съ пиратами, которыхъ еще древность называла врагами всего человѣчества. «Для государства,—говоритъ онъ,—это есть международный долгъ оказывать взаимное содѣйствіе въ преслѣдованіи преступниковъ, опасныхъ для всѣхъ и безразлично посягающихъ на власти во всѣхъ формахъ и странахъ».

Въ виду послѣднихъ покушеній анархистовъ, мѣтко обозванныхъ динамитчиками, во Франціи, въ Англіи и Испаніи (1883 г.), въ періодическую печать проникли слухи о переговорахъ, идущихъ, будто бы, между государствами, съ цѣлію учрежденія *международной полиціи,* которая повсюду надзирала бы за этими лицами и преслѣдовала бы ихъ быстро, не стѣсняемая границами государствъ. Вѣроятно, грустная необходимость приведетъ къ этой мѣрѣ, но международная полиція сдѣлаетъ еще болѣе необходимою *международную юстицію*, въ подчиненіи которой она и должна состоять.

Мы знаемъ, что одною строгостью уголовныхъ законовъ нельзя лѣчить общественные недуги, но полагаемъ, что при современныхъ обстоятельствахъ необходимо усилить строгость противъ совершителей сложныхъ преступленій. Съ другой стороны, нельзя не согласиться съ тѣми, которые указываютъ на бо̀льшую или меньшую пристрастность судовъ въ политическихъ процессахъ. Отъ этого не свободны даже страны, въ политическомъ отношеніи

[1]) Эту мысль, какъ мы видѣли выше, высказалъ и Гоосъ.

наиболѣе развитыя. Но также неудобно предоставлять судъ надъ названными лицами государству, на территоріи котораго они укрылись. Это противорѣчитъ основному принципу уголовнаго права, территоріальности и, кромѣ того, не предохраняетъ отъ пристрастія суда, быть можетъ, въ противоположномъ направленіи. Единственно вѣрный и справедливый исходъ изъ этихъ противорѣчій мы видимъ въ учрежденіи *международной юрисдикціи*. Судъ, составленный изъ опытныхъ и безпристрастныхъ юристовъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, былъ бы наиболѣе способенъ для разсмотрѣнія виновности политическихъ преступниковъ всякихъ оттѣнковъ. Тогда вопросъ о ихъ выдачѣ упростился бы во многомъ. Государство, на территоріи котораго укрылся виновный, выдавало бы его не въ руки, какъ говорятъ теперь, публичной мести, но *безпристрастной юстиціи, судящей отъ имени не того или другаго государства, а общаго и единаго для цивилизованнаго человѣчества права*. Съ тѣмъ вмѣстѣ открылась бы возможность международнаго же опредѣленія мѣры наказаній и дальнѣйшей участи осужденныхъ названной категоріи [1]).

«Правильная организація выдачи,—говоритъ Гольцендорфъ,—на практикѣ поведетъ къ благимъ послѣдствіямъ двоякаго рода: къ бо̀льшей обезпеченности имущественныхъ правъ и къ расширенію личной свободы гражданъ. Послѣднее возникнетъ изъ того, что, съ установленіемъ путемъ трактатовъ во всемъ образованномъ мірѣ правильной системы выдачи, для преступниковъ уменьшится возможность найти гдѣ бы то ни было убѣжище и можно будетъ, въ преступленіяхъ, не особенно тяжкихъ, не стѣснять свободы предварительнымъ заключеніемъ. Практика по отношенію къ послѣднему стоитъ еще на той ступени, на которой она находилась сто лѣтъ тому назадъ, когда, напр., въ средней Германіи стоило лишь сдѣлать нѣсколько тысячъ шаговъ, чтобы укрыться на территоріи сосѣдняго князька или имперскаго города» [2]).

Вмѣстѣ съ выдачею онъ считаетъ возможнымъ *размѣнъ между государствами преступниковъ одинаковыхъ или родственныхъ категорій*: «Какая польза въ томъ, чтобы содержать въ тюрьмахъ долгіе годы иностранцевъ, для которыхъ все — мѣстные обычаи, языкъ, религія—чужды и тратить на нихъ деньги для того, чтобы, по отбытіи ими наказанія, прогонять ихъ за гра-

---

[1]) Ср. мое соч. „О международномъ судѣ". 1881 г., стр. 527.
[2]) Die Auslieferung der Verbrecher. S. 45, 46.

ницу? Не лучше ли прямо передавать ихъ отечественнымъ властямъ по приведеніи въ порядокъ соединенныхъ съ этимъ расходовъ? Мы позволили себѣ представить эти соображенія на обсужденіе спеціалистовъ, которые съѣдутся въ 1883 г. по тюремному дѣлу».

«Общеніе права между народами,—продолжаетъ онъ,—имѣетъ двоякую исходную точку: матеріальные интересы хозяйственнаго оборота съ одной стороны, вызвавшіе установленіе величавыхъ союзовъ всемірнаго почтоваго и телеграфнаго и нравственное сознаніе неправа (Unrecht),—съ другой, которое также побуждаетъ людей къ положительной, творческой дѣятельности въ области права».

Между тѣмъ какъ для науки, законодательства и правосудія понятіе о правѣ есть основной масштабъ для оцѣнки всего противозаконнаго, въ жизни человѣчества, наоборотъ, ощущеніе и сознаніе безправія является тѣмъ сильнѣйшимъ факторомъ, который вызываетъ къ жизни законъ и юридическій порядокъ. Какъ ни ограниченъ нашъ кругозоръ, омраченный еще при этомъ тучами всякаго рода, но *указанія исторіи убѣждаютъ насъ въ томъ, что принципъ солидарности и общенія между народами и въ области права съ теченіемъ времени будетъ все усиливаться и совершенствоваться*. На эту далекую цѣль, которая составляетъ требованіе нашей совѣсти и о которой свидѣтельствуетъ развитіе и права выдачи, указалъ уже одинъ великій полководецъ и царь древности въ слѣдующихъ словахъ: «Добродѣтельные люди во всѣхъ странахъ между собою братья; только преступники вездѣ чужіе» [1]).

Гр. Л. Комаровскій.

[1]) Тамъ же, стр. 64—66.

Очерки народнаго настроенія.

I.

Сила правоты.

Былъ конецъ іюля. Я только что перевалилъ черезъ рѣку на жиденькомъ, чуть связанномъ по угламъ, досчатомъ паромѣ, и, выбравшись за побережные кусты, вмѣстѣ съ пѣгой шаршавой лошаденкой и такимъ же шаршавымъ парнишкой-возницей, потонулъ въ необозримомъ, зеленомъ, душистомъ морѣ поймы... Ахъ, какой благодатью охватило всю душу! Жутко, страшно жутко было обернуться назадъ, подъ страхомъ обратиться въ соляной столбъ, какъ жена Лота. Я зналъ, чувствовалъ, что и здѣсь, вотъ въ этомъ безпредѣльномъ покоѣ поймы, тоже не Богъ знаетъ какія радости меня ожидаютъ, но... ужь этой-то чарующей благодати воздуха и простора отъ меня не отнимутъ, какъ отняли и растоптали все другое,—не отнимутъ и еще коечто, что такъ органически переплелось для меня съ этимъ просторомъ поймы, что нѣкогда освѣжило мой мозгъ, заставило увѣреннѣе биться сердце, окрылило мой духъ...

Помню, какъ лѣтъ пять-шесть тому назадъ я собирался прощаться съ поймой. *Тамъ*, впереди ждало столько свѣтлыхъ надеждъ. У самого такъ много кипѣло въ груди вѣры, такъ ключемъ била кровь, оживленная этой же поймой. Такъ страстно хотѣлось поскорѣе, поскорѣе передать эту страстность полученныхъ отъ поймы впечатлѣній и другимъ. Время не ждало; оно неслось быстро, захватывало духъ. До отъѣзда оставалась всего недѣля. Ко мнѣ въ избу входитъ вотъ этотъ самый шаршавый мальчуганъ, мой возница (тогда онъ былъ еще очень

малъ), и передаетъ, что «дѣдушка Окся (Аксенъ) прислалъ его объявить мнѣ, что у него родился внукъ».

— Ну, и слава Богу, — говорю я.—Скажи, молъ, поздравляетъ.

— Да онъ, дѣдушка-то, проситъ, чтобы ты до время не уѣзжалъ; пущай, говоритъ, денекъ-другой повременитъ... Онъ къ тебѣ самъ зайдетъ. Теперь недосугъ ему, въ поле уѣхалъ... Вернется поздно, слышь... Завтра, говоритъ, зайду.

— Хорошо, хорошо. Еще я не завтра ѣду, — скажи, подожду,—утѣшалъ я мальчугана.

Думаю, зачѣмъ бы это я понадобился дѣду Оксѣ по случаю рожденія у него внука?

Дѣда Оксю я зналъ давно; я почти съ первымъ съ нимъ познакомился въ поймѣ. Это былъ старичекъ маленькій, тоненькій, но такой кряжистый, такой живучій, что только этой живучестью и жилистостью и можно было объяснить, какимъ образомъ можно ухитриться пережить и перенспытать, что пришлось на его долю. Онъ былъ и бурмистромъ, и старостой, и въ въ острогѣ сидѣлъ, и въ ратникахъ служилъ, и у барина въ кучерахъ, и мясникомъ въ городѣ; безъ счету бывалъ сотскимъ, самъ сѣкалъ другихъ и самъ былъ сѣченъ безъ числа; пережилъ трехъ женъ, обвѣнчавшись первый разъ, когда ему было 16, а женѣ 13 лѣтъ; пережилъ двоихъ большаковъ-сыновей отъ первой жены. Это была самая ходячая мужицкая исторія за самое бурное ея время. Онъ пережилъ и перенспыталъ на своей спинѣ и подоплекѣ, т.-е., какъ прямой, непосредственный участникъ, всѣ мужицкія «вѣянія» за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, — все, начиная отъ каторги-барщины, дворовaго, до свободы собственника-хлѣбопашца; отъ власти патріарха большой семьи до положенія почти безгласнаго старичонки, отъ безконтрольнаго повелителя тысячи душъ—барскаго бурмистра до ничтожнаго мужиченки, надъ которымъ теперь смѣется, гогочетъ и издѣвается мірской сходъ его деревеньки... Жизнь свою дѣдъ Окся мнѣ разсказывалъ въ теченіе трехъ лѣтъ, но разсказалъ ли онъ еще все, что могъ припомнить, — это было сомнительно... Да, это была самая ходячая эпопея! Впрочемъ, судите сами.

Вкусилъ ли дѣдъ Окся, въ теченіе своей многообразной и многотрудной эпопеи, хотя минуту спокойствія, просто житейскаго, обычнаго спокойствія, внѣшняго довольства,—трудно было сказать. Да, впрочемъ, врядъ ли въ этомъ можетъ быть и сомнѣніе.

Даже послѣдніе, старческіе дни его жизни были отравлены, можетъ быть, болѣе, чѣмъ всѣ предъидущіе. Вотъ уже въ теченіе болѣе десяти лѣтъ въ большой семьѣ его давно начался разладъ; онъ то и дѣло «выдѣлялъ» то того, то другаго сына; всѣ эти «выдѣлы» шли съ длинными перекорами, косыми взглядами, упреками между всѣми членами семьи порознь и между всѣми ими и имъ. Наконецъ, на его глазахъ раздѣлившіеся братья расходились другъ съ другомъ врагами до того, что не хотѣли знать одинъ другаго, не помогали другъ другу; видѣлъ, какъ одни богатѣли, другіе бѣднѣли, доходили до нищенства, и онъ самъ уже не только ничѣмъ не могъ помочь, но даже *не имѣлъ права*, такъ какъ самъ имѣлъ уголъ только и жилъ на хлѣбахъ у самаго младшаго своего сына. За каждую лишнюю корку, которую онъ самъ съѣдалъ,—а не то что уносилъ къ «отдѣленнымъ» внучатамъ-нищимъ, ходившимъ въ кусочки,—онъ подвергался брани, попрекамъ молодой снохи. Наконецъ, самый авторитетъ просто человѣческой его личности,—и тотъ уже ставился ни во что: онъ былъ въ глазахъ семьи «старый дуракъ», «блаженненькій», въ глазахъ міра—«дѣдушка Окся», почти дурачекъ, юродивый, котораго ребятишки таскали сзади за полы кафтана.

Бывали минуты, когда дѣдъ, разсказывая мнѣ о своей настоящей жизни, плакалъ горькими слезами, сморкаясь постоянно въ подолъ своего дерюжнаго кафтанишка. И я надрывался вмѣстѣ съ нимъ, и меня обступали ужасъ и отчаяніе, горькія и безнадежныя сомнѣнія росли въ душѣ... Идешь къ другому старику—и опять тѣ же слезы, или же горой растущія волны горя, готовыя захлеснуть вотъ-вотъ сейчасъ всѣ эти несчастныя существованія. Но что всего изумительнѣе, вслѣдъ за дядей Оксей, глядишь, идетъ его старшій сынъ, мужикъ уже лѣтъ 50; у самого него есть внуки. Разговоришься съ нимъ, распечалишься, попрекнешь его дѣдомъ Оксей, а онъ—тотъ же Окся! Глядишь, а у него тоже на глазахъ чуть не слезы, тоже разъ-другой, смотришь, слазаетъ «укромно, въ сторонку» носомъ въ полу кафтана! Да что же это такое, Господи?..

И чувствуешь, что у самого навертываются слезы, къ горлу что-то подступаетъ... Но разъ только это ощутилъ, какъ уже почувствовалъ къ сердцу «приливъ» благодати. Что это такое?—спрашиваешь опять себя:—сентиментальность, предвзятыя иден, гуманничанье? Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчаешь тутъ-же себѣ... Но въ чемъ же причина его? Гдѣ она скрывается? Въ какихъ добле-

стяхъ окружающихъ, въ какихъ, наконецъ, формахъ, догмахъ религіозныхъ, общественныхъ?.. И опять эта деревня становится страшно близка тебѣ, чѣмъ-то влечетъ къ себѣ неудержимо... Да не въ этихъ-ли благодатныхъ слезахъ? Можетъ быть... Потому что, вскорѣ послѣ того увидишь дѣда Оксю, а онъ ужь—лучезаренъ, сидитъ у себя на заваленкѣ и весело тебѣ улыбается.

— Что, дѣдушка, и унывать пересталъ?

— Да что мнѣ унывать-то?—смѣется.—Вотъ у старшаго-то телочка прибыла... Ходилъ, смотрѣлъ!.. Я знающъ въ этомъ... Пришла за мной сноха-то: поди, дѣдушка, взглянь,—пущать ли на племя?... Славная телушка!... Богъ дастъ, животина выйдетъ барская!.. А мнѣ что унывать? Не унывать мнѣ надоть, а умирать, благословясь, что Господь допустилъ безъ большаго грѣха вѣкъ прожить, да эвоно ли какое племя пустить... Все, вѣдь, крестьяне! Не бойсь, лишняго нѣтъ, али ненужнаго... Всѣ въ пользу будутъ... Всѣ у Бога нужны...

— А горя-то, дѣдъ, сколько?... Самъ плакалъ...

— Ахъ, другъ-другъ,—закачалъ головой дѣдъ. — Плакалъ! Такъ ли еще мы плакали, такими ли слезами-то... Слезъ-то, другъ, никогда не переживешь... Свое время—свои слезы... Плакали! Такъ ли мы еще плакали...

И дѣдъ замолкалъ.

Вообще нужно сказать, что какъ ни близокъ былъ ко мнѣ дѣдъ Окся, какъ онъ ни привязался къ моей семьѣ, но, въ то время, я все еще далекъ былъ отъ него, да и для всей окружной палестины былъ человѣкъ новый, мало-знакомый. И онъ часто обрывалъ разговоръ или запутывалъ его разными присловьями и шуточками. Тогда еще даже самъ дѣдъ Окся наводилъ обо мнѣ справки у попа, у писаря... Ужь если такъ относился Окся, который меня *любилъ*, то о другихъ и говорить нечего. Нужны были очень благопріятныя условія, нужно нѣчто такое *счастливое*, — въ опредѣленіи чего я даже затрудняюсь и теперь,—чтобы установить между мной и обитателями окрестныхъ деревень тѣ по-истинѣ любовныя и душевныя отношенія, въ которыя я къ нимъ сталъ въ концѣ-концовъ.

Повторяю, то были, для нашего времени, условія необычайныя, счастливыя. И даже при этихъ счастливыхъ условіяхъ должно было пройти довольно продолжительное время, пока я могъ разсчитывать не только на любовныя, но просто искреннія отношенія.

Когда искренность эта уже нѣсколько установилась между мной и Оксей, онъ однажды сказалъ мнѣ «потихоньку»:

— Ждутъ... Народъ ждетъ...

— Что ждутъ?

— Правды ждутъ, милости...

— Такъ что же?

— То-то, молъ... Съ каждымъ годомъ народъ бойчѣе живетъ, время короче дѣлается...

— Какъ же такъ, дѣдушка?

— А такъ... Мы вотъ въ свое-то время сколько плакали? Не то что отцы,—и дѣды-то плакали, и прадѣды-то... А правда-то вонъ только когда объявилась!... Наткось, при шестомъ императорѣ... А то все цѣлый вѣкъ однѣми слезами плакали...

— Да, три вѣка.

— Три вѣка, да... вѣрно... три вѣка... А теперь ужь правота-то не сноситъ... Вотъ сколько теперь прошло съ воли-то?..

— 20 лѣтъ.

— Наткось—двадцать лѣтъ! Всего!

И дѣдъ засмѣялся самымъ добродушнымъ смѣхомъ, и смѣялся очень долго.

— Что же такое?

— То-то вотъ... какъ время-то укоротилось, ты и смотри!.. Двадцать лѣтъ, а ужь правота говоритъ. Вѣдь, бывало, не то что у нашихъ дѣдовъ, а у самихъ насъ правота-то на самой-то глуби только, ровно почничекъ, теплилась... Не то что кому стороннему объ ней запкнуться боялись, женѣ не говорили, подушкѣ,—и той боялись свою душу довѣрить... А теперь, вонъ—на улицѣ, всѣ, въ одинъ голосъ... Быть, говорятъ, въ скорости, правдѣ и милости... Потому, говорятъ, много въ народѣ неправды... А безъ правды и милости какъ жить народу?

— И что же, дѣйствительно, много неправды?..

— Много, вѣрно... Жизнь бойчѣе идетъ... Что прежде вѣками расло, теперь растетъ годами... И неправда бойчѣе растетъ... это отъ того... Такъ ужь и пойдетъ до конца міра!.. Все короче да короче... Да! Двадцать лѣтъ!... Всего! — повторялъ дѣдъ и смѣялся опять.

Однако, вернусь къ началу.

Жду слѣдующій день, — нѣтъ дѣда. На третій день, гляжу, идетъ его младшій сынъ, у котораго онъ живетъ.

— Пришелъ просить... Не откажите... на крестины... Оченно даже ужь и дѣдушка-то желаетъ...

— Это у тебя родился сынъ?

— Такъ точно... Ужь пожалуйста... Дѣдушка-то оченно желаетъ. Иди, говоритъ, самъ зови... Не все, говоритъ, мнѣ на побѣгушкахъ бѣгать... Я, говоритъ, буду гостей принимать, а ты зови... Пожалуйста, не откажите,—не то что проситъ, а такъ просто приглашаетъ меня молодой отецъ, весь розовый, сіяющій, въ новой красной рубахѣ, жилеткѣ, пиджакѣ и свѣтлыхъ сапогахъ.

— Хорошо, непремѣнно.

Прихожу. Избушка у дѣда маленькая, дряхлая. Тутъ же люлька виситъ, ребятишки ползаютъ, сидятъ какія-то женщины, два-три мужика, должно быть, гости. Самъ дѣдъ, причесанный, въ синемъ кафтанѣ ходитъ какъ-то особенно торжественно. (Оказалось, что это онъ тоже для пущей торжественности самъ не пошелъ звать меня). Однимъ словомъ, дѣдъ такого гонору набрался, что я даже не ожидалъ отъ него.

— Пришелъ!.. Ну, вотъ... Я, вѣдь, зналъ... Говорятъ: «не пойдетъ... Гдѣ ему къ тебѣ идти!.. Вѣдь *имъ* мужицкіе-то ребята, что котята...» Нѣтъ, я знаю... Ты мужицкому счастью не ворогъ...

И вдругъ дѣдъ исчезъ за дверь. Гляжу, всѣ кругомъ сіяютъ и добродушно-лукаво подсмѣиваются. Слышно, за дверью, въ свѣтелкѣ, съ кѣмъ-то дѣдъ споритъ:

— Дура! дура!—говоритъ онъ:—да ты чего боишься? Экая глупая!.. Да вѣдь глазъ глазу рознь... Вѣдь это ежели кому другому, а онъ...

— Не даетъ мать-то, ха, ха!—говорили около меня.—И то затаскалъ совсѣмъ внука-то!

Наконецъ, торжественно входитъ дѣдъ Окся, неся на корявыхъ рукахъ завернутаго въ клѣтчатое одѣяло новорожденнаго. Словно Симеонъ-Богопріимецъ! Лицо такое сдѣлалъ строгое, истово перекрестился и сказалъ: «Нну!.. Не думалъ, Николаичъ... А вотъ дожилъ!.. Слава тебѣ, Господи!.. Смотри, смотри сюда: видишь,—двухголовый?.. Точь въ точь, какъ вотъ онъ, отецъ его... Вылитый, капля въ каплю...»

— Ну, дай Богъ ему счастья!

— Слушай, Николаичъ,—замѣтилъ мнѣ дѣдъ:—ты это... бери въ сурьезъ... Въ этомъ для мужика много, много... Ты и мысли не имѣй въ шутку принять... Я это только тебѣ, потому знаю,—

тебѣ мужицкое счастье поперегъ не стоитъ... А другому, я бы не заикнулся.

— Вѣрю, вѣрю... Искренно говорю: дай Богъ ему!...

— Вотъ такъ же отецъ его у меня родился... Мы такъ съ женой и бабкой и ахнули: головища — во!.. Ну, говорю тогда, старуха, съ нимъ народу счастье народилось... Помяни мое слово, какъ я умру: быть ему вольнымъ!.. Вотъ смотри!..

Я посмотрѣлъ на молодаго, ликующаго отца, на окружающихъ: не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что это дѣйствительно все такъ совершилось.

— Ну, отцу — воля, а сыну что же еще будетъ?

— Ему? Правда и милость!— отчетливо выговорилъ дѣдъ.— Мнѣ ужь не жить... Мнѣ ужь этого не видать... А они доживутъ... Ему была воля, — показалъ онъ на молодаго отца, — а этому—умиренье!... Вотъ, доживете,—помянете мое слово... Ну, расти, расти, мальчуга!—поправляя старыми пальцами одѣяло, проговорилъ дѣдъ, и понесъ внука къ матери.

— Мнѣ ужь не удалось въ мирѣ пожить... Ну, будетъ, что и волю видѣлъ... А въ мирѣ ужь вы поживете,—сказалъ возвратившійся дѣдъ, утирая слезы.

— Объ чемъ молва говоритъ, то ужь будетъ... Это вѣрно... Молва даромъ не говоритъ,—замѣтилъ серьезно одинъ изъ гостей. И врядъ ли кто-нибудь изъ присутствующихъ сомнѣвался въ этомъ, не исключая и меня.

Дѣйствительно, нужно быть объятымъ «мужицкимъ духомъ», жить въ этой атмосферѣ, чтобы понять, почувствовать, до какой степени это общее настроеніе было реально, до какой степени былъ всезахватывающимъ этотъ романтическій порывъ. Все жило въ деревнѣ однимъ имъ: самое молодое и самое старое, самое бѣдное и самое богатое... Все, что не могло даже ни въ какомъ случаѣ раздѣлять общихъ упованій, — и то было захвачено въ этотъ порывъ. Дѣйствительно, «молва даромъ не говоритъ»: какъ ни были иногда нелѣпы формы, въ которыхъ она высказывалась, но подъ ними лежало столь опредѣленное и реальное содержаніе, столь общая и очевидная для всѣхъ жажда «умиротворенія», что въ этомъ не могли сомнѣваться люди, стоявшіе близко къ деревнѣ... И такъ вѣрилось тогда въ это дѣйствительно скорое пришествіе «правды и милости» для всѣхъ, потому что оно было такъ неотвратимо-нужно. Именно одной ея, этой

«правды» не доставало. Надъ народомъ пронеслось слово «личнаго» освобожденія изъ путъ рабства; оставалось одно, чтобы раздалась другая заповѣдь Христа: любите другъ друга!.. И эту заповѣдь «умиренія» народъ-общинникъ въ реальной формѣ не могъ иначе понять и представить, какъ въ формѣ *равненія*.

Да будетъ позволено мнѣ коснуться здѣсь этого, чрезвычайно важнаго, по моему, явленія въ нашей народной психологіи. По странному недоразумѣнію, вопросъ этотъ всегда оставался для литературы закрытымъ. А, между тѣмъ, выясненіе его было бы чрезвычайно поучительно. Мнѣ хотѣлось бы указать здѣсь на нѣкоторыя стороны этого вопроса, которыя, какъ мнѣ кажется, были поняты нѣсколько односторонне; по крайней мѣрѣ, относительно того періода, о которомъ я говорю.

Всегда и во всемъ, въ нашей исторіи, и особенно въ вопросахъ политическихъ, насъ не столько поучалъ, сколько пугалъ «примѣръ Западной Европы». Уже съ давнихъ временъ мы взяли себѣ въ политикѣ за правило каждому явленію нашей жизни подъискивать подходящую аналогію въ западно-европейской политической жизни. Это, само по себѣ, конечно, не представляло бы ничего иного, кромѣ хорошаго, еслибъ, однако, мы ограничивались здѣсь только удобствами сравнительнаго метода.

Къ сожалѣнію, у насъ всегда выходило такъ, что параллели и аналогіи мы тотчасъ же принимали за полное тождество. Въ до-петровскія времена, мы боялись «заразы» латынства и протестантизма; во времена Екатерины, мы вдругъ дали «задній ходъ», лишь во Франціи разразилась великая революція. То же самое мы повторили подъ давленіемъ Меттерниха при Александрѣ I, затѣмъ въ 30 и 48 году. И все это на основаніи того, что отождествляли нѣкоторыя самобытно-характерныя явленія собственной жизни съ аналогическими на Западѣ. Въ послѣднее время эта наклонность и привычка къ поверхностнымъ отождествленіямъ въ особенности сказывались въ вопросахъ экономическихъ. Положеніемъ 19 февраля установивъ въ высокой степени важное начало національной экономической политики, мы, однако, опять очень скоро сошли съ этого благаго пути, испуганные все тѣмъ же «жупеломъ» западно-европейскихъ аналогій. Романтическое настроеніе въ народѣ мы тотчасъ же отождествили съ воинствующимъ походомъ массъ противъ собственности на Западѣ. Но достаточно было только внимательнѣе вглядѣться въ руководящіе мотивы этого настроенія, — наконецъ, просто прислушаться хотя

бы только къ тому, до какой степени *мирно* и всюду, не скрываясь, не консприруя, толковали объ этомъ «равненіи» въ деревняхъ какъ сами крестьяне между собою, такъ и съ тѣми, которые могли бы считать себя обиженными этими бесѣдами, чтобы понять, до какой степени все это настроеніе было благономѣренно. *Въ общемъ* всѣ desiderata этого настроенія были до того скромны, что едва выходили изъ предѣловъ общинъ, и именно въ *общемъ,* потому что въ «равненіи» были заинтересованы не только экономически-обдѣленные, или голытьба, но именно всѣ, даже тѣ, которые считали себя вполнѣ довольными *надъломъ.* Примѣровъ тому мы знаемъ множество. Притомъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ касался личной, «сусѣдской» собственности, онъ рѣшался *совершенно* такъ же, какъ рѣшаются всѣ вопросы въ общинахъ, т. е. путемъ примиренія интересовъ до той степени, чтобы, въ концѣ-концовъ, получилось «единодушное согласіе». Значитъ, путемъ всевозможныхъ уступокъ и выработки такой формы, при которой не могло быть и рѣчи о прямомъ насиліи. Чаще всего приводилась, какъ наилучшая форма, выкупная операція земель государствомъ. А, главнымъ образомъ, это настроеніе было менѣе всего воинствующимъ «противъ собственности»; это было въ полномъ смыслѣ желаніе умиротворенія, «умиренія», упорядоченія жизни, сдвинутой такъ могуче освобожденіемъ съ давно укатанной колеи. Всмотрѣться должнымъ образомъ въ это намъ и помѣшало то, что мы увидали въ этомъ настроеніи вопросъ исключительно экономическій, чисто земельный, — что будто бы народъ ничего иного и не требовалъ, какъ только «чужой собственности». Но мы не съумѣли посмотрѣть на этотъ вопросъ съ другой, не менѣе важной, чѣмъ экономическая сторона, — именно со стороны «упорядоченія» всѣхъ сторонъ какъ экономической, такъ и правовой жизни. А этого-то именно народъ и жаждалъ, и ждалъ. Въ сущности, это настроеніе можно уподобить тому, какое бываетъ въ каждой общинѣ, гдѣ долго не было передѣла. Чрезполосица достигаетъ невѣроятной степени; веденіе правильнаго хозяйства для всѣхъ становится затруднительнымъ; вслѣдствіе наросшей неравномѣрности распредѣленія, въ общинѣ являются ссоры, недовольство; мирная, культурная жизнь дѣлается невозможной, замѣчается общее безпокойство, недружелюбіе, разыгрываются страсти, поднимаются низкіе, эгоистическія вожделѣнія. И вотъ, наконецъ, у большинства все больше и больше является стремленіе «ввести порядокъ», освѣжить общій

духъ, *поднять принципъ, возстановить нарушенную* правоту, возродить общее довольство, совѣтъ и любовь... Причемъ тутъ воинствующій походъ противъ чужой собственности? Въ общинахъ никогда этого почти не бываетъ. Если извѣстная собственность дѣйствительно является нужной общинѣ, то съ собственникомъ ея стараются войти во всевозможныя соглашенія, и лучше отдадутъ себя чуть не въ кабалу, чѣмъ покусятся на насильственную экспропріацію; если хотите, сдѣлаютъ одно: поставятъ въ очень неудобныя условія пользованія ею, но никогда не экспропріируютъ въ свою пользу. Примѣровъ этого мы, кажется, видѣли не мало.

Ничего больше, кромѣ желанія «порядка», общаго подъема принципа, общаго нравственнаго подъема путемъ поставленія всѣхъ узко-эгоистическихъ элементовъ въ положеніе, наименѣе способствующее вредить общимъ интересамъ и общему миру и совѣту.

А это желаніе «порядка» не только было вполнѣ естественно и понятно, но и вполнѣ законно. Такіе великіе историческіе перевороты, каково освобожденіе, не могутъ обходиться безъ чрезвычайныхъ жизненныхъ осложненій. Къ сожалѣнію, у насъ взглянули на этотъ фактъ слишкомъ прямолинейно, чтобы предвидѣть тѣ громадныя усложненія, которыя должны были явиться неизбѣжно въ самой народной психіи. Между тѣмъ, не предусмотрѣвъ этихъ явленій и даже не считая нужнымъ внимательнѣе вглядѣться въ нихъ и теперь, мы отнеслись къ нимъ скептически, подозрительно, приняли ихъ за явленія *враждебныя*... Мы даже безповоротно готовы были рѣшить, что «массы неблагодарны», что «не слѣдуетъ разнуздывать звѣря», что, наконецъ, народъ неспособенъ къ самостоятельной мирной культурѣ, къ самоуправленію, что онъ лишенъ какъ собственнаго ума, такъ и какихъ-либо нравственныхъ, руководящихъ принциповъ, что весь этотъ романтическій порывъ былъ не больше, какъ взрывомъ дикаго, невѣжественнаго, стихійнаго вожделѣнія.

Но въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ стихіенъ?

Не найдемъ ли мы, при внимательномъ анализѣ этого психосоціальнаго явленія,—не найдемъ ли въ немъ именно драгоцѣннаго залога порядка, свободы и мирнаго культурнаго развитія массъ, если только мы ихъ дѣйствительно желаемъ?

Въ отвѣтъ на это позволю себѣ повторить здѣсь вкратцѣ нѣкоторыя соображенія, высказанныя мною недавно.

Романтическое народное настроеніе, главнымъ образомъ вы-

званное эпохой освобожденія, сказалось прежде всего въ формѣ упованій «на правду и милость», которыя, по мнѣнію народа, *съ этого момента* уже обязательно должны были придти на помощь никому иному, какъ народу. Народъ все больше и больше проникался вѣрой, что «правда и милость» скажутся, и скажутся очень скоро. Скрываясь въ глубинѣ историческихъ нѣдръ, романтизмъ этотъ послѣдовательно, просто и ясно развился изъ принципа, положеннаго въ основу акта 19 февраля, которымъ санкціонировано за народомъ право на землю. При оцѣнкѣ этого явленія мы постоянно должны имѣть въ виду, что особые историко-этнографическія условія нашей родины сдѣлали то, что въ нашемъ народѣ утвердилось и укоренилось до извѣстной степени довольно ясное сознаніе правоты собственнаго существованія,—сознаніе того, что имъ однимъ держится государство: онъ единственный производитель предметовъ первой необходимости, единственный плательщикъ и наполнитель государственной казны, онъ безкорыстный защитникъ страны, умирающій на поляхъ битвъ. Все крѣпостное право свидѣтельствовало ясно, что это дѣйствительно такъ было, что все, что стояло выше народа, держалось имъ и на немъ. И въ этомъ сознаніи народомъ правоты была его великая нравственная сила. Вотъ, вѣроятно, почему онъ рѣдко высказывался *принципіально* противъ воинской и иныхъ государственныхъ повинностей.

Развитію же въ немъ сознанія этой правоты собственнаго существованія,—не прекращавшемуся даже при крѣпостномъ правѣ,—содѣйствовали, помимо другихъ важныхъ факторовъ, съ одной стороны, историческія традиціи до-крѣпостной земской жизни, земско-областной и земско-общинной, съ другой — полное отсутствіе самостоятельной энергіи у сословій, стоявшихъ выше его. Ни дворянство наше, ни купечество, ни священство, какъ извѣстно, и въ зародышѣ не создали изъ себя чего-либо похожаго на западный феодализмъ и буржуазію, обладавшія личной энергіей, которая въ нихъ развивала самостоятельное сознаніе личной правоты существованія и очень часто заставляла признавать эту правоту и самый народъ. У насъ ничего подобнаго не было. Дворянство и другія сословія могли, и то только въ исключительныхъ личностяхъ, выработать, благодаря своему привилегированному положенію, одну только правоту, это—правоту интеллигентности, и то въ значительной степени, въ нихъ самихъ, подорванную сознаніемъ, что она возрасла исключительно на почвѣ народной

эксплуатаціи,—притомъ, въ сферахъ, стоявшихъ вдали отъ народа; вслѣдствіе чего, къ этому тяжелому сознанію прибавилось сознаніе, что она можетъ быть «заподозрѣна» народомъ, что въ ней не можетъ быть довѣрія къ ней. Что касается несенія государственныхъ повинностей и налоговъ, то въ нихъ привилегированныя сословія, какъ извѣстно, не только не принимали никакого участія (личности — явленіе исключительное и ничего не объясняющее, также какъ и защищаемое славянофилами положеніе, что будто бы купечество и дворянство всегда отзывались на призывъ и пр. «въ великія годины»; то-то и есть, что только въ «великія годины», которыхъ, во-первыхъ, было немного; во-вторыхъ, эти годины были годинами самозащиты, когда говорилось: Sauve qui peut!), но то только и дѣлали, что всячески изыскивали пути отдѣлаться отъ этихъ повинностей и податей. На это тратили они всю ничтожную долю энергіи, какая могла въ нихъ найтись. Тѣ слои этихъ сословій, которые стояли ближе всего къ народу, не внесли въ его душу ни малѣйшаго сознанія о томъ, что они что-либо значатъ для государства. Вотъ почему, между прочимъ, народъ могъ сохранить, при крѣпостномъ правѣ, сознаніе правоты собственнаго существованія, которое и укрѣпляло въ немъ нравственную силу и вѣру въ будущее этой силы.

Народъ могъ мельчать подъ давленіемъ тяжелыхъ условій, могъ временно разлагаться нравственно, переживать тяжкіе нравственные кризисы, но сознаніе правоты до сихъ поръ еще не покидало его; оно носилось надъ нимъ постоянно и постоянно возвращало его къ самому себѣ, постоянно возстановляло въ немъ упадавшія нравственныя силы. Въ критическіе моменты нравственныхъ переломовъ онъ воплощалъ это сознаніе правоты въ разнообразныя религіозныя и общественныя формы: секты, возвраты къ «правотѣ» путемъ покаянія или бѣгства къ землѣ, наконецъ, сама артель община, семья,—все это крѣпилось на этомъ сознаніи правоты, и все это, въ свою очередь, служило для народа всегда средствомъ возстановленія попранной правоты. Не въ одномъ этнографическомъ элементѣ, какова «земля», не въ безсознательномъ стихійномъ началѣ лежатъ основы устойчивости народной, а именно въ этомъ, совершенно, конечно, сознательномъ факторѣ. Благодаря ему, хорошіе элементы, прирожденные нашему народу, могли найти прочность и устойчивость и получить *нравственно-сознательное обоснованіе*. Въ немъ получало нравственную силу и то зиждительное начало, которое вообще присуще

мирнымъ, культурнымъ массамъ; во имя его, это послѣднее никогда не направлялось только стихійно, покорное лишь низшимъ, зоологическимъ инстинктамъ, подобно инстинкту бобровъ и т. п. Это сознаніе правоты несло съ собою великое начало *равноправности* и *уваженія къ личности другаго,* какъ члена одной великой народной семьи, связанной одной общей правотой. Повторяю, на немъ, какъ на одномъ изъ важныхъ факторовъ, покоится религіозная мораль народа, формы его общежитія, его нравственныя гуманическая начала, и въ немъ же заключается та неугасающая вѣра народа въ лучшее будущее, наконецъ, тѣ романтическіе порывы, тѣ попытки отысканія свѣта и лучшихъ формъ жизни, которыя есть ничто иное, какъ возстановленіе попранной правоты.

Мы глубоко убѣждены, что какъ бы низко ни палъ народъ подъ гнетомъ тяжелыхъ условій, какъ бы далеко ни сбился онъ съ прямаго пути историческимъ ходомъ, какому бы крушенію ни подверглись его бытовыя формы и даже нравственныя основы,—онъ всегда найдетъ въ себѣ силы къ возстановленію попранной правоты, разъ будетъ въ немъ жить сознаніе ея *).

Если мы дѣйствительно желаемъ мирнаго и свободнаго культурнаго развитія, если мы дѣйствительно желаемъ видѣть свой народъ на высотѣ нравственнаго и умственнаго развитія, мы всѣми силами должны стремиться къ охраненію и поднятію въ немъ именно этого сознанія своей правоты,—сознанія, что онъ равноправный членъ великой семьи — государства. Пусть лучше *прямо* падутъ на него государственныя подати и повинности, чѣмъ *косвенно* возьмутъ на себя отвѣтственность за національное процвѣтаніе и могущество другіе, обративъ народъ въ безгласнаго, хотя бы и экономически сытаго, какъ лошадь, наемника. Тогда уже, вѣроятно, мы будемъ имѣть дѣло дѣйствительно со «стихіей».

Какъ разъ наканунѣ моего отъѣзда умеръ дѣдушка Окся. Онъ слегъ какъ-то сразу; дня за два до смерти, исповѣдался, пріобщился, потомъ послалъ внученка за мной: пожелалъ «проститься». Я тотчасъ же пошелъ. Дѣдъ лежалъ на лавкѣ, слегка покрытый старымъ полушубкомъ. Тутъ же, попрежнему, жизнь шла своимъ чередомъ: визжала люлька, въ печи стряпали, ребя-

*) Впослѣдствіи я надѣюсь сдѣлать попытку болѣе обстоятельнаго анализа этого элемента нашей народной психіи, въ связи съ другими, не менѣе существенными, а также и связи съ попытками подобнаго же рода, уже имѣющимися въ нашей литературѣ.

тишки возились около дѣда. Увидавъ меня, дѣдъ силился приподняться—и не могъ. Весь онъ осунулся сразу, руки дрожали и губы; на немъ была надѣта чистая рубаха, воротъ растегнутъ, виднѣлась бурая грудь, сухая, костистая, и мѣдный крестъ на грязномъ снуркѣ. Дѣдъ хотѣлъ что-то мнѣ сказать, но губы только безвучно трепетали. Когда я подошелъ, онъ поймалъ холодными, жесткими пальцами мою руку и пожалъ.

Въ это время вошли два другіе его сына и дочь съ внучатами. Дѣдъ закачалъ головой одобрительно.

— Болитъ у тебя что, дѣдушка?—спросилъ я.

— Нѣтъ, — проговорилъ онъ съ усиліемъ:—только.... все опало.... Только.... ровно плыветъ.... Ничего!...

И онъ поднялъ глаза къ потолку и перекрестился.

— Пришелъ... ты...—заговорилъ онъ.—Я ужь думалъ меня хуже нѣтъ... А вотъ Богъ меня... внучкомъ...

И дѣдъ улыбнулся, весь просіялъ, еще разъ перекрестился.

— Вотъ ему, дѣдушкѣ, и умирать-то легко... Насъ вотъ сколько вспоилъ, вскормилъ... Тоже не мало поусердствовалъ,—говоритъ старшій сынъ.—Вотъ оно и посылаетъ Господь легкую смерть... У него грѣховъ-то чать ужь нѣтъ... Какіе и были,—и тѣ Богъ простилъ давно... Да, тяжело жилъ, да легко умирать!.. Какъ-то намъ Богъ пошлетъ!

— Гдѣ ужь намъ,—подхватилъ другой сынъ и бабы:—грѣшники мы... Ссора у насъ только вездѣ, да брань, да суды...

— Дѣдушка,—крикнулъ на ухо дѣду Оксѣ старшій сынъ:—ты бы за насъ помолился... Богу-то... Помолись!... Можетъ, онъ и пошлетъ правду и милость...

И старикъ-сынъ отвернулся, утеръ слезы. Дѣдъ вдругъ закивалъ утвердительно головой и замахалъ рукой.

— Подай... младенца-то... Подай,—сказалъ онъ.

Сноха поднесла ему новорожденнаго. Онъ, не повертывая головы, дотронулся ему до головы рукой, и опять махнулъ, давая знакъ, чтобъ унесли.

— За Богомъ не пропадетъ... Правое дѣло...

Потомъ онъ опять сталъ искать мою руку, опять пожалъ ее слегка своими холодными пальцами.

— За дружбу... любилъ... не погнушался!.. Прощай... умру!..

— Полно, дѣдъ, еще увидимся,—сказалъ я.

Онъ закачалъ головой.

— Нѣтъ!... Пріѣдешь еще... приди... на могилку... Вспомяни...

— Да, вотъ они какъ съ бариномъ слюбились, — говорили кругомъ:—вся деревня дивилась, чего это баринъ въ старикѣ нашелъ?... У насъ вонъ и ребятишки-то надъ нимъ ужь смѣялись, а тутъ баринъ съ нимъ дружитъ... Ну, а онъ, вотъ, дѣдушка-то, можетъ всѣхъ насъ святѣе... Вотъ ему Господь-то какую легкую смерть посылаетъ!.. Въ радости умираетъ!... Пошли Богъ всякому...

Въ избу набрался еще народъ, какія-то старушки, ребятишки. Подъ эти рѣчи, я вышелъ почти незамѣтно. У воротъ тоже толпилась кучка народа и смотрѣла, вздыхая, зачѣмъ-то въ сѣни. Ребятишки ужь совсѣмъ назойливо просовывали въ окно даже головы.

— Вонъ и баринъ прошелъ... Должно, совсѣмъ отходитъ,— слышу я, говорятъ мнѣ вслѣдъ.

Вѣсть о рожденіи у Окси «счастливаго внука» и затѣмъ о томъ, что «самъ дѣдъ кончается», дѣйствительно быстро облетѣла всю деревню и приняла даже какой-то особый, таинственный смыслъ для крестьянъ... Но я чувствовалъ, что этотъ «смыслъ» уже не былъ чуждъ и для меня.

На утро я выѣхалъ изъ-за поймы.

II.

Скорбные листки.

Итакъ, прошло шесть лѣтъ, и вотъ я опять перебираюсь черезъ ту же пойму... Шесть лѣтъ всего, а, между тѣмъ, такой, кажется, ужасно длинный и томительный пройденъ путь... Кажется, цѣлая жизнь могла бы умѣститься въ этотъ короткій промежутокъ; да нѣтъ, даже не одна жизнь: его хватило бы на нѣсколько жизней.

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я живу опять въ той же деревнѣ, у тѣхъ же хозяевъ, и имѣю удовольствіе наблюдать изъ своихъ оконъ такую прекрасную картину. Напротивъ меня, въ избѣ, поселились супруги-врачи, только что обвѣнчавшіеся и кончившіе курсъ. Они пріѣхали на лѣто къ роднымъ, къ мѣстному священнику. Врачи-супруги были люди видимо хорошіе, простые и даже, можетъ быть, уже черезъ-чуръ усердные въ своей профессіи и внимательные къ мужицкому горю. Маленькой ложкой они усердно старались вычерпать цѣлое море. А море это было

столь велико, что, казалось, готово было совсѣмъ захлебнуть маленькую квартирку съ эскулапами.

Съ ранняго утра до поздняго вечера паціенты, пѣшіе и на подводахъ, буквально осаждали «доброхотовъ» врачей. Молодые эскулапы, рьяные и деликатные, считали даже святотатствомъ ввести въ какія-нибудь опредѣленныя границы назойливость этого деревенскаго горя. Какъ бы ни было, это была картина и грустная, и вмѣстѣ пріятная,—и я не разъ мысленно благословлялъ первые шаги юныхъ эскулаповъ.

Но не прошло еще и двухъ недѣль, какъ я самъ имѣлъ уже удовольствіе видѣть въ своей квартирѣ, если и не столькихъ, то все же довольно многочисленныхъ посѣтителей.

Вѣсть о моемъ прибытіи успѣла уже обойти всѣ окрестныя деревни и, благодаря одной случайности, какъ надо думать, съ черезъ-чуръ лестными для моей особы комментаріями... И вотъ въ мою сторону направился потокъ иного деревенскаго горя; ко мнѣ шло то, что требовало, жаждало, искало совѣта, ласки, участія, разъясненія тяжелыхъ недоумѣній, — шло какъ къ умственному человѣку, обязательно знающему, гдѣ и въ чемъ истинная правда.

Странное дѣло! Вопреки моимъ ожиданіямъ, я чувствовалъ, что это горе, вмѣсто того, чтобы отбиться отъ меня дальше, отступить, уйти въ себя, неожидано подошло ко мнѣ, сердечно, искренно, душевно развертывая передо мною свой скорбный свитокъ. Оказалось, что прежде оно было замкнутѣе, а теперь, напротивъ, какъ-будто даже съ особой уже поспѣшностію и откровенностію спѣшило излиться все, цѣликомъ; какъ-будто нарочно, назойливо било оно въ глаза.

Все это проходившее передо мною горе я часто, въ воображеніи, олицетворялъ въ образѣ дѣда Окси. Мнѣ иногда казалось, что это вотъ онъ пришелъ ко мнѣ, сѣлъ передо мной и, пожимая слегка своими холодными, жесткими пальцами мою руку, смотритъ мнѣ въ глаза съ такимъ недоумѣніемъ, съ такой скорбью и вмѣстѣ съ такой любовью.

— Какъ же это жить-то будетъ чернядь, а?—слышится мнѣ, спрашиваетъ онъ:—какъ-же она жить-то будетъ? безъ вѣры-то? Вотъ, посмотри...

И, чудится мнѣ, развертываетъ передъ мной старый дѣдъ длинный-длинный свитокъ скорбныхъ листовъ, а я подвожу имъ итоги, какъ сводитъ ихъ врачъ, группируя послѣ консультаціи.

Мнѣ припоминается вечеръ, когда я зашелъ къ молодымъ врачамъ-супругамъ. Они именно сводили «таблички» за мѣсяцъ своей деревенской практики, въ итоги которыхъ посвящали и меня. Мы разговорились, дѣлая смотръ цѣлой арміи деревенскихъ больныхъ, изображаемой скорбными листками: въ первую голову идутъ дѣти съ дизентеріей, худосочіемъ, затѣмъ вывихи, ушибы, костоломы и т. д. Но вдругъ я поражаюсь неожиданнымъ фактомъ: за одинъ мѣсяцъ было уже четверо душевно-больныхъ. Невольно при этомъ припомнились недавніе разговоры о случаяхъ самоубійствъ, бывшихъ въ окрестности за послѣднее время. Молодые эскулапы сообщили мнѣ, что это °/₀ градный и что у опытныхъ практиковъ въ деревняхъ констатированъ уже фактъ сильнаго увеличенія душевнобольныхъ и самоубійцъ (конечно, относительно). Сообщили мнѣ также, что наибольшій процентъ душевно-больныхъ стоитъ въ зависимости съ семейными непріятностями. Стали сводить итоги; причинами болѣзней, какъ и слѣдовало ожидать, сначала оказались экономическая нужда и условія труда, а затѣмъ семейныя непріятности, подъ которыми слѣдуетъ, кажется, разумѣть нѣчто болѣе объемистое, такъ какъ жизнь деревенской семьи не изолирована отъ общины. Попробовалъ и я свести итоги собственнымъ «паціентамъ». И, однако же, какая разница! У молодыхъ врачей все это выходило такъ скоро, просто: выставили цифры, сложили, раздѣлили, сопоставили,—и выводъ готовъ, между тѣмъ какъ передо мной проходили цѣлыя вереницы въ страшно хаотическимъ безпорядкѣ, поражающемъ своею сложностію, парадоксальностію и, кромѣ того, неуловимостію. Да, не легко уложить въ статистическія цифры это необъятно-сложное явленіе, не имѣя передъ собой какой-нибудь аріадниной нити. И это въ деревнѣ, въ той «простой» деревнѣ, гдѣ жизнь казалась такой несложной, немудреной, гдѣ все приводится къ одному убійственно-ординарному знаменателю, гдѣ вѣковая тишина, гдѣ одно терпѣніе и «смиреніе»... Чего бы, казалось, легче все это подвести подъ двѣ-три цифры и подписать общій знаменатель?... Въ сожалѣнію, это далеко не такъ легко.

Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь внимательно теперь въ вереницу деревенскаго люда, который приходилъ ко мнѣ за «умственнымъ совѣтомъ», я невольно поражаюсь тѣмъ фактомъ, что наибольшее число ихъ приходило ко мнѣ *такъ, вообще*, просто что-то сказать, объ чемъ-то послушать, объ чемъ-то поговорить... Ихъ гнало ко мнѣ одно, какое-то общее *безпокойство жизни*.

Приходитъ ко мнѣ мой давнишній знакомый, деревенскій сапожникъ, кстати сказать, живущій вполнѣ изолированною жизнію и мало интересующійся собственно крестьянскимъ хозяйствомъ.

Спрашиваешь, «что, Сидоръ Иванычъ, ты объ чемъ? Дѣло, что ли, какое съ кѣмъ?

— Да я такъ... Нѣтъ, дѣла-то большаго чтобы нѣтъ... А такъ...

— Что же такое?...

— Да такъ... Жить-то вотъ какъ будемъ... Неужь все такъ пойдетъ?..

— А что?

— Да что... Смотришь: ровно бы такъ-то жить зазорно... Неужь такъ ничего и не будетъ?

— А чего же тебѣ нужно?..

— Мнѣ-то ничего не нужно... А такъ, за людей какъ-будто безпокойно... Неужь такъ и конца не будетъ?—повторяетъ гость.

— Да чему конецъ-то?

— Да всему... безпокойству конецъ... Въ народѣ спокою нѣтъ... Куда ни взглянешь, вездѣ одно безпокойство, а настоящей жизни нѣтъ...

Да, это правда. И такіе вздохи о «безпокойствѣ жизни» проходятъ красной лентой черезъ всѣ разговоры, ими начинаютъ и кончаютъ и тѣ, которые пришли такъ, и тѣ, кто пришелъ «по настоящему дѣлу».

Насколько это общее сознаніе «безпокойства жизни» укрѣпилось въ народѣ и насколько онъ уже не удовлетворяется простой констатировкой этого факта, можетъ служить указаніемъ слѣдующій характерный разговоръ.

Какъ-то собрались у меня крестьяне, стали говорить о «безпокойствѣ жизни». Былъ тутъ и старообрядецъ. Слушалъ онъ, слушалъ, и, вѣроятно, найдя моментъ удобнымъ для поддержанія своихъ взглядовъ, сказалъ:

— То-то вотъ и есть... Давно сказано...

— Что сказано-то?—спросили его.

— А вотъ что: слушай, да ротъ-то не разѣвай.

И раскольникъ наизусть прочиталъ внятно и съ большимъ апломбомъ извѣстный стихъ:

Совѣсть въ мірѣ пропала,
Милосердіе на гвоздѣ виситъ,
Благодать на небо ушла и т. д.

Прочитавъ, раскольникъ ждалъ, что его стихъ произведетъ эффектъ. Такъ думалъ и я, судя по настроенію моихъ гостей. Но оказалось, что стихъ раскольничій привелъ моихъ собесѣдниковъ въ какое-то раздраженіе.

— Слыхали... Цѣлый вѣкъ только и знай, что болтаютъ одно!— заговорили всѣ разомъ.—Ты хоть бы что поновѣе придумалъ... А то затвердила сорока одну пѣсню, а толку не видно...

Очевидно, одними отрицательными положеніями уже не удовлетворяются, и, можетъ быть, именно потому, что это безпокойство за жизнь слишкомъ уже назрѣло. Теряешься даже, когда слышишь объ этомъ отъ лицъ, повидимому, совсѣмъ застрахованныхъ отъ этого безпокойства, отъ людей экономически обезпеченныхъ.

И вотъ еще вдумчивѣе, еще внимательнѣе стараешься проникнуть въ таинственную сѣть тѣхъ жалобъ и скорбей, которыя слышались отъ людей, уже приходившихъ не только *такъ*, поговорить, но «по настоящему дѣлу».

Какого же рода эти «настоящія дѣла» и какая другая красная нить связываетъ ихъ въ одно, понятное цѣлое? Эта другая красная нить,—помимо «общаго безпокойства жизни»,—дѣйствительно представляетъ нѣчто гнетущее: это *полное недовѣріе къ какому-либо дѣйствующему въ деревнѣ праву*. Нѣтъ такого ничтожнаго дѣла, въ справедливости рѣшенія котораго какой-либо общественной или юридической инстанціей ни сомнѣвались. Кассируютъ всякое рѣшеніе, начиная отъ урядника до волостнаго схода,—и аппелируютъ къ вашему здравому смыслу. И даже не потому, чтобы не было уже здѣсь совсѣмъ резолюцій справедливыхъ, а такъ, *по общему*, уже установившемуся недовѣрію ко всему, по установившейся традиціи о царствѣ «неправды». Повторяю, самое ничтожное дѣло, — лишь только у истца или отвѣтчика есть малѣйшая возможность къ кому-либо аппелировать,—проходитъ безъ конца множество инстанцій, законныхъ и незаконныхъ. И это явленіе столь общее, что ужь, конечно, нельзя же признать его результатомъ простой страсти къ сутяжничеству. А, между тѣмъ, жалобъ всевозможныхъ родовъ безчисленное количество, и самыхъ невѣроятныхъ, часто самыхъ нелѣпыхъ: это стало даже какой-то эпидеміей. Жалуются на мірской сходъ уряднику, писарю, старшинѣ, волостному сходу, въ крестьянское по дѣламъ присутствіе, непремѣнному члену, мировому судьѣ, становому, исправнику, губернатору, окружному суду, судебной палатѣ и сенату и, наконецъ, всякому умственному человѣку. И вы думаете, что, можетъ

быть, это потому, что ужь очень ужасенъ и безобразенъ, молъ, самый мірской сходъ? Ничуть не бывало. Въ свою очередь, берите любую изъ перечисленныхъ безконечныхъ инстанцій (а мы перечислили далеко не всѣ,—напр., духовенство, лѣсное вѣдомство, дорожное и пр.),—и вы увидите, что на нее жалуются всѣмъ прочимъ. На урядника— мірскому сходу, становому, исправнику, мировому судьѣ, губернатору, на старшину — волостному сходу, волостнымъ судьямъ, исправнику, губернатору и т. д., и т. д. И все это, говорю, не только законными и разумными путями, но и беззаконными: если не значится по закону на извѣстное лицо и его рѣшеніе апелляціи, идетъ въ дѣло доносъ «благородный» и неблагородный.

Одинъ исправникъ мнѣ жаловался, что онъ заваленъ бываетъ доносами въ каждый базарный день: доносятъ на всѣхъ и всѣ,— и дѣйствительно страждущіе и обремененные, и дѣйствительные негодяи и мерзавцы.

Изъ прошедшихъ передо мною явленій я выберу два или три, которыя могутъ служить образцомъ цѣлыхъ сотенъ подобнаго же рода.

Вотъ сынъ жалуется на отца и проситъ распутать его съ нимъ. Дѣло въ томъ, что сынъ хочетъ отдѣлиться, требуетъ выдѣла, но суровый и прижимистый старикъ не желаетъ этого. Сынъ передаетъ дѣло сначала на сходъ, потомъ въ волостной судъ. Но старикъ, зная очень хорошо, что надъ этими двумя самыми «бѣдными» и малосильными «правдами» стоятъ еще десять, сразу повертываетъ къ нимъ,—и идутъ въ ходъ какія-то «завѣщанія» съ засвидѣтельствованіемъ, какая-то «нерушимая» воля отца и пр. Сынъ, въ свою очередь, тянетъ еще выше. Судебныя инстанціи окончательно запутываются при полномъ невниманіи къ обычно-правовымъ воззрѣніямъ, признавая ихъ въ одномъ, отклоняя въ другомъ, поправляя другъ друга и отвергая... Въ виду такихъ «процессовъ», въ большинствѣ общинъ, какъ мнѣ извѣстно, сельскіе и сосѣдскіе сходы совершенно отказались принимать къ разсмотрѣнію дѣла подобнаго рода, и вообще семейныя. А, между тѣмъ, жизнь усложняется, не ждетъ и требуетъ выработки новыхъ приспособленій въ народно-правовыхъ воззрѣніяхъ. Но гдѣ же имъ выработаться? Борьба страстей, въ самомъ разгарѣ, толкаетъ хвататься за первое попавшееся средство, лишь бы оно давало какую-нибудь санкцію... А ихъ представляется вволю! И вотъ входятъ въ народный обиходъ какія-то «седьмыя»,

«четырнадцатыя» доли, наскоро стряпаются завѣщанія и пр. Волостные суды совершенно теряются и сбиты окончательно съ толку. «Хорошіе люди» рѣшительно отказываются служить въ судахъ, «по двѣнадцати правдамъ».

Но еще болѣе печальны примѣры неустойчивости въ области земли и вообще недвижимой собственности. Подъ давленіемъ экономической нужды и царящихъ надъ деревней «двѣнадцати правдъ», одна другую кассирующихъ, передѣлъ все больше и больше теряетъ свое практически-раціональное значеніе и дѣлается игрой «въ свалку и навалку душъ», при которой, на второй же день послѣ передѣла, только что уравненные надѣлы снова складываются въ прежнее statu quo, съ незначительными измѣненіями: надѣлы подбираются экономически-мощными хозяевами, иногда группирующими въ своихъ рукахъ до 8—10 надѣловъ, обрабатывать которые нанимаютъ батраковъ, между тѣмъ какъ сами хозяева этихъ надѣловъ уходятъ въ города, въ заработки или въ батраки на собственные надѣлы.

Мы можемъ указать въ особенности на большія села, которыя представляютъ характерные примѣры особаго рода землевладѣнія, именно «общинъ землевладѣльцевъ», а не «общинъ земледѣльцевъ». Въ этихъ селахъ фактически владѣютъ землей изъ 700 душъ всего 40 хозяевъ, которые берутъ на себя обработку всей надѣльной земли, нанимая на время лѣтнихъ работъ цѣлыя арміи батраковъ. Настоящій же, «*правовой*» хозяинъ земли ходитъ въ заработкахъ или просто по-міру... Вы совершенно поражаетесь, когда видите, что въ селѣ съ 500 — 700 душъ весь сельскій сходъ состоитъ только изъ 40 человѣкъ, да изъ нихъ *только* половина работаетъ сама, а прочіе—лавочники, кабатчики, кулаки, «хозяева», собственно же рабочая масса,— женщины, батраки и владѣльцы надѣловъ, ушедшіе въ заработки,—не принимаютъ тутъ никакого участія и на сходы не ходятъ. Вслѣдствіе всего этого весь хозяйственный инвентарь все больше сосредоточивается въ рукахъ незначительнаго меньшинства; большинство почти совсѣмъ перестаетъ его заводить и начинаетъ *жить на хлѣбахъ*, т. е. хозяинъ надѣла, уходящій на заработки, очень радъ, если взявшій обработать его надѣлъ дастъ хлѣба его женѣ и ребятишкамъ, чтобы не умереть съ голода до Рождества. Такова чисто экономическая сторона. Переходя теперь къ исключительно *правовой* сторонѣ дѣла, мы видимъ, что общинная земля давно уже фактически сдѣлалась предметомъ купли-продажи, благодаря са-

мому безцеремонному приложенію къ ней понятія *личной* или *товарищеской собственности*. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ она разсматривается во всѣхъ высшихъ городскихъ инстанціяхъ и по этому же взгляду составляются нотаріальные акты. Усадебныя мѣста уже сплошь разсматриваются какъ *личная* собственность домохозяина. Съ тѣхъ поръ, когда введенъ отводъ усадебныхъ мѣстъ *цѣпью*, т. е. обязательно для каждаго по 10 сажень, передѣлы усадебныхъ мѣстъ исчезли и принципъ *личной* собственности здѣсь уже заявленъ вполнѣ. Послѣдствія его для деревни громадны, въ развращающемъ смыслѣ. Я былъ свидѣтелемъ множества безконечныхъ тяжбъ между правомъ общины на усадебныя мѣста и *личнымъ*, въ особенности, когда послѣднее пріобрѣтено путемъ купчей лицомъ, непринадлежащимъ уже общинѣ. Эти тяжбы рѣшительно безконечны, такъ какъ однѣ инстанціи рѣшаютъ ихъ въ пользу общины, другія—въ пользу частныхъ лицъ. Не менѣе, если не болѣе, вноситъ смуты и взглядъ нотаріусовъ на сдѣлки, производимыя *общинами*, какъ на сдѣлки, производимыя въ формѣ *товариществъ*. Впрочемъ, распространяться объ этомъ не стоитъ, такъ какъ понятно само собой.

Чѣмъ дальше развивался передо мной этотъ скорбный свитокъ, тѣмъ рѣзче и рѣзче выступала третья красная нить: это—*страстная жажда «правды»*. Никогда еще «общинные идеалы» не выступали передо мной съ такой ясностью, никогда стремленіе къ общему упорядоченію жизни не высказывалось такъ страстно, какъ именно теперь, когда передо мной проходила грустная картина полнаго крушенія современной общины, когда дни ея уже были сочтены передо мной, когда обычно-правовыя воззрѣнія народа представляютъ уже фикцію и въ ихъ настоящемъ практическомъ примѣненіи почти совсѣмъ дискредитированы въ глазахъ народа.

— Какъ же жить-то теперь мы будемъ?—спрашивалъ меня Окся:—дѣлать-то что будемъ, дѣлать-то? И смотритъ онъ мнѣ вопрошающе въ глаза и жметъ холодными, сухими пальцами мнѣ руку. И холодъ этихъ пальцевъ передался мнѣ. Я чувствую одно, что что-то въ общей атмосферѣ «надтреснуло» и что-то медленно «перекатывается»...

Н. Златовратскій.

Новыя данныя о пребываніи Петра въ Парижѣ,

почерпнутыя изъ испанскихъ архивовъ. *).

Говоря о причинахъ, побудившихъ Петра поѣхать во Францію, профессоръ Брикнеръ, какъ мы полагаемъ, съ полнымъ основаніемъ утверждаетъ, что задачей Петра было не заключеніе одного торговаго договора, а вступленіе съ Франціей въ политическій союзъ въ интересахъ скорѣйшаго окончанія сѣверной войны. Къ тѣмъ даннымъ, которыя въ подтвержденіе этой мысли приводятся г. Брикнеромъ, я имѣю возможность прибавить еще слѣдующій интересный документъ. Союзница Россіи въ сѣверной войнѣ, Данія, хорошо сознавала тѣ причины, какія могли побудить Петра къ поѣздкѣ въ Парижъ. Опасаясь, что послѣдствіемъ будетъ разрывъ наступательнаго и оборонительнаго союза, заключеннаго съ нимъ Россіею, датское правительство уполномочило Ганса Джорджа-Вестфалена отклонить Петра отъ поѣздки или, по меньшей мѣрѣ, убѣдить его въ необходимости воздержаться отъ подписанія съ Франціей частнаго соглашенія. 24 апрѣля 1717 года, Вестфаленъ передалъ Петру меморандумъ, въ которомъ, между прочимъ, значилось, «что его величество король Даніи и Норвегіи вполнѣ увѣренъ въ томъ, что французскій дворъ не преминетъ обратиться къ Его Величеству Царю съ предложеніемъ посредническихъ услугъ и поведетъ съ нимъ рѣчь о мирѣ съ Швеціей. Какъ чрезвычайный посолъ съ полномочіемъ блюсти интересы датскаго двора, Вестфаленъ считаетъ своимъ долгомъ обратиться къ Царю съ почтительнѣйшею просьбой не соглашаться ни на какое предложеніе, которымъ его величество король датскій могъ бы остаться недовольнымъ».

---

*) Настоящая замѣтка вызвана статьями профессора Брикнера въ „Ж. М. Нар. Пр.“ за августъ и октябрь 1883 года.

Вестфаленъ хлопочетъ о скорѣйшемъ отвѣтѣ на этотъ меморандумъ. «Многіе изъ его соотечественниковъ, — говоритъ онъ, — не зная чистоты намѣреній Его Царскаго Величества, ничего не ожидаютъ добраго отъ поѣздки въ Парижъ. Онъ желалъ бы довести до свѣдѣнія уполномочившаго его двора, съ какою непреклонностью Царь стоитъ за продолженіе войны до тѣхъ поръ, пока шведы не принуждены будутъ удовольствоваться прежними своими естественными границами, а ихъ сосѣди не получатъ серьезныхъ гарантій противъ возможности новыхъ оскорбленій со стороны этой гордой, надменной и кровожадной націи» *).

О путешествіи Петра изъ Дюнкирхена въ Парижъ можно найти интересныя подробности какъ въ сборникѣ, изданномъ историческимъ обществомъ (т. 34), такъ и въ тѣхъ, донесеніяхъ французскихъ интендантовъ, которыя были найдены мною въ парижской публичной библіотекѣ и напечатаны въ *Русской Старинѣ* (том. 13., стр. 111 и 114).

Г. Брикнеръ, какъ мнѣ кажется, недостаточно воспользовался этимъ послѣднимъ источникомъ. Въ напечатанныхъ мною донесеніяхъ не мало подробностей, характеризующихъ самую личность Петра. Въ нихъ говорится о томъ, какъ Петръ старался избѣжать всякаго церемоніала, всякой торжественной встрѣчи, какъ докучали ему постояннымъ присутствіемъ при его особѣ французскіе администраторы и какъ, избѣгая ихъ общества, онъ спѣшилъ ночью роспить бутылку въ веселой компаніи музыкантовъ. О пребываніи Петра въ Парижѣ г. Брикнеръ, въ статьѣ, напечатанной имъ еще въ 1881 г. въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, повторяетъ безъ всякой критики все, что ни говорятъ объ этомъ французскіе мемуары. Оно и неудивительно, если принять во вниманіе скудость данныхъ, сообщаемыхъ на этотъ счетъ русскими источниками и невозможность поэтому критической провѣрки иноземныхъ свидѣтельствъ.

Къ ходячимъ свѣдѣніямъ о пребываніи Петра въ Парижѣ я въ состояніи прибавить нѣсколько новыхъ, значительно измѣняющихъ, а подчасъ и восполняющихъ прежнія. Совершенно случайно мнѣ удалось найти въ центральномъ испанскомъ архивѣ, помѣщающемся въ Альколо-Хенаресѣ, весьма интересное донесеніе или, лучше сказать, рядъ донесеній, сдѣланныхъ испанскому двору тайнымъ агентомъ, приставленнымъ къ Петру съ самаго

*) Я нашелъ это письмо въ копіи въ рукописи, хранящейся въ Британскомъ музеѣ и принадлежащей къ числу новыхъ его пріобрѣтеній. Она помѣчена № 28,155.

момента прибытія его въ Парижъ королемъ Филиппомъ V. Этимъ агентомъ былъ маркизъ де-Гримальдо. Причины, побудившія испанцевъ слѣдить съ такимъ интересомъ за каждымъ шагомъ Петра въ столицѣ Франціи, лежатъ, какъ я полагаю, въ слѣдующемъ: кардиналъ Альберони, стоявшій во главѣ испанской дипломатіи, затѣвалъ уже въ это время свой грандіозный проектъ возвратить Испаніи утраченныя ею владѣнія, одинаково въ Италіи и Нидерландахъ; для него было не безразлично, на чью сторону станетъ его будущій союзникъ, Петръ. Дружба между нимъ и Франціей казалась ему крайне нежелательной и опасной для интересовъ Испаніи. Отсюда вполнѣ понятна попытка узнать доподлинно все, что ни дѣлалось въ царской резиденціи. Отсюда и рѣшимость приставить къ Петру тайнаго агента, отъ котораго при случаѣ можно было бы и отказаться. Не одна Испанія позволила себѣ прибѣгнуть къ такому средству. То же сдѣлано было и саксонскимъ дворомъ. Сенъ-Симонъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ о нѣкоемъ Лоси, состоявшемъ въ саксонской дипломатической службѣ, который всюду слѣдовалъ за царемъ въ качествѣ лазутчика *).

Въ своихъ донесеніяхъ Гримальдо самъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ попалъ въ роль тайнаго агента при Петрѣ. 23 ноября 1716 года, русскій резидентъ увѣдомилъ его на счетъ прибытія царя въ Парижъ. Онъ обратился немедленно къ своему правительству съ просьбой дать ему инструкцію, какъ вести себя съ царственнымъ путешественникомъ. Депешей изъ Мадрита дано было знать, чтобы по пріѣздѣ царя въ Парижъ онъ употребилъ все стараніе къ тому, чтобы развѣдать мотивы, побудившіе Петра къ путешествію. Маркизъ де-Гримальдо долженъ былъ также дать отчетъ и о самомъ пріемѣ Петра французскими властями, обращая съ этою цѣлью свои ежедневныя донесенія на имя испанскаго посла, князя де-Халамара.

Та цѣль, съ которой написаны эти донесенія, и характеръ составившаго ихъ лица вполнѣ убѣждаютъ насъ въ томъ, что передаваемые въ нихъ факты сообщаются съ возможною точностью и притомъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ. Гримальдо неоднократно упоминаетъ о томъ, что тѣ или другія свѣдѣнія получены имъ или благодаря личному присутствію при особѣ Петра, или благодаря сообщеніямъ, сдѣланнымъ ему приставлен-

*) Mémoires, т. LX, стр. 254.

ными къ Петру придворными лицами и посѣщавшими царя посланниками.

Въ настоящей замѣткѣ я намѣренъ воспользоваться этими донесеніями для провѣрки тѣхъ данныхъ, какія сообщаются французскими мемуарами насчетъ пребыванія Петра въ Парижѣ. Все, несогласное въ этихъ мемуарахъ съ той, довольно сухой передачей фактовъ, какую мы находимъ въ испанскихъ донесеніяхъ, будетъ подвергнуто мною сомнѣнію.

Какъ испанскія донесенія, такъ и мемуары Бюва упоминаютъ о путешествіи Петра по Франціи подъ именемъ графа Петербургскаго. Но тогда какъ Бюва почему-то говоритъ о сопровожденіи его супругою Екатериной, депеши Гримальдо и напечатанныя недавно письма Василія Дмитріевича Олсуфьева, оберъ-гофмейстера Екатерины, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что царица, еще не вполнѣ оправившаяся отъ несчастныхъ родовъ (Павелъ Петровичъ родился въ Везелѣ 2 января 1717 г. и прожилъ всего три часа), не послѣдовала за мужемъ во Францію, а осталась въ Амстердамѣ, пребывая почти все время въ загородномъ домѣ русскаго агента Соловьева *).

Петръ прибылъ въ Парижъ 7 мая 1717 года, въ пятницу, часамъ къ 9 вечера, въ сопровожденіи маршала Тессе и маркиза де-Маньи, которые по порученію двора за 8 льё отъ города выѣхали къ нему на встрѣчу. Испанскій агентъ сообщаетъ о намѣреніи герцога Орлеанскаго привѣтствовать Петра лично при въѣздѣ его въ столицу около Портъ-Сенъ-Дени или, по меньшей мѣрѣ, поручить пріемъ его одному изъ принцевъ крови. Царственный гость самъ отклонилъ сдѣланное ему въ этомъ смыслѣ предложеніе, избѣгая торжественности публичной встрѣчи и стараясь укрыться отъ толпы, которая съ интересомъ поджидала его пріѣзда. Французское правительство рѣшило помѣстить Петра въ Луврѣ. Комнаты королевы, богато реставрированныя, отведены были для его резиденціи. Царя ожидала въ нихъ раскошная трапеза, сервированная на двухъ столахъ, съ 50-ю приборами каждый. Вся эта роскошь видимо не понравилась Петру. Онъ пробылъ въ Луврѣ не болѣе получаса и въ сопровожденіи приближенныхъ переѣхалъ въ отель маршала Ледигьера около Портъ-Сентъ-Антуанъ. Это помѣщеніе было предназначено для него на случай, если онъ не согласится остаться въ Луврѣ. При выборѣ его

*) „Русскій Архивъ“ 1883 года, № 5. Братья Олсуфьевы и ихъ переписка съ Меньшиковымъ, стр. 37.

французское правительство имѣло въ виду удовлетворить высказанному Петромъ желанію имѣть домъ съ видомъ на рѣку. Домъ маршала Ледигьера лежитъ не въ далекомъ разстояніи отъ Сены, вблизи арсенала. Отмѣчаю эту подробность, такъ какъ въ ней наглядно сказывается одна изъ цѣлей, преслѣдуемыхъ Петромъ въ его путешествіи. Отправляясь во Францію, онъ имѣлъ въ виду познакомиться, между прочимъ, и съ состояніемъ въ ней морскаго дѣла. Съ этой цѣлью, по всей вѣроятности, былъ избранъ имъ путь на Кале; она руководила имъ и при выборѣ квартиры въ Парижѣ. Ею же объясняется, правда, не выполненное имъ желаніе побывать въ Брестѣ, «въ которомъ,—какъ пишетъ его спутникъ, Матвѣй Олсуфьевъ,—французскій большой флотъ стоитъ» *).

По пріѣздѣ въ Парижъ, Петръ, отказываясь отъ дальнѣйшаго инкогнито, вступаетъ въ роль странствующаго монарха. Настаивая на строгомъ соблюденіи этикета, онъ воздерживается отъ всякаго рода осмотровъ и посѣщеній и выжидаетъ прибытія къ нему регента, герцога Орлеанскаго. Въ своемъ донесеніи Гримальдо сообщаетъ слѣдующія подробности объ этомъ посѣщеніи: едва Петръ узналъ о пріѣздѣ герцога, онъ поднялся ему на встрѣчу; сдѣлавши нѣсколько шаговъ въ направленіи къ главному входу, онъ остановился, не дошедши до него, и сталъ поджидать своего гостя. При встрѣчѣ царь и герцогъ нѣкоторое время продолжали говорить стоя, затѣмъ, подъ предлогомъ переговоровъ о дѣлахъ, съ заботливой торжественностью, какъ значится въ донесеніи, усѣлись въ кресла одинаковой величины, на значительномъ разстояніи отъ сопровождавшей ихъ свиты. Петръ и регентъ переговаривались между собою при посредствѣ переводчика. Гримальдо говоритъ по этому случаю, что царь обладаетъ слабыми познаніями въ нѣмецкомъ языкѣ, совершенно незнакомъ ни съ французскимъ, ни съ испанскимъ, италіанскимъ или латинскимъ и превосходно объясняется только на своемъ родномъ «славянскомъ» языкѣ. По увѣренію того же Гримальдо, собесѣдники послѣ кратковременнаго разговора встали совершенно довольные другъ другомъ и разстались самымъ дружественнымъ образомъ.

Царь, повидимому, не удовольствовался визитомъ регента и рѣшился приступить къ осмотру Парижа не раньше, какъ послѣ посѣщенія его королемъ.

Въ ожиданіи этого визита, приняты были необходимыя мѣры къ тому, чтобы сдѣлать Петру возможно пріятнымъ его пре-

*) „Русскій Архивъ“ 1883 г., № 5, стр. 3

бываніе въ Парижѣ и облегчить ему знакомство съ достопримѣчательностями французской столицы. Два раза въ день въ отелѣ Ледигьера накрывался столъ на 40 персонъ для завтрака и обѣда. За этимъ столомъ сидѣли одни приближенные царя. Французскіе же офицеры, а также весь служебный персоналъ обѣдали отдѣльно. Завѣдываніе кухнею было поручено одному изъ наиболѣе опытныхъ поваровъ Людовика XV, Вертону *). Герцогу Отенскому, въ верховномъ завѣдываніи котораго находились королевскіе дворцы, поручено было составить въ формѣ дневника описаніе достопримѣчательностей Парижа и его окрестностей и этотъ дневникъ приказано перевести на русскій языкъ, чтобы сдѣлать его доступнымъ для царственнаго гостя.

На третій день послѣ прибытія Петра въ Парижъ, послѣдовалъ ожидаемый визитъ короля. При этомъ визитѣ рѣшено было, по словамъ Гримальдо, держаться того же церемоніала, что и при посѣщеніи Людовикомъ XIV низложеннаго англичанами короля Якова II. Малютка-король прибылъ въ сопровожденіи маршала Вильроа и 50-ти гвардейцевъ, предшествуемый трубачами и барабанщиками. Царь спустился по лѣстницѣ къ самой каретѣ, обнялъ молодаго Людовика XV и, взявши его на руки, понесъ вверхъ по лѣстницѣ. *Журналъ регенства* прибавляетъ къ сказанному еще слѣдующія подробности: молодой король, повторяя затверженную имъ рѣчь, любезно, хотя и съ подобающей важностью, привѣтствовалъ царя съ его прибытіемъ во Францію. Въ отвѣтъ на это привѣтствіе царь отвѣчалъ, что, несмотря на разстояніе, отдѣляющее его владѣнія отъ Франціи, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи посѣтить эту страну, такъ какъ неоднократно слышалъ, что французское королевство всегда состояло подъ управленіемъ великихъ монарховъ, изъ ряда которыхъ особенно выдѣлялся покойный король, бывшій въ теченіе всей своей жизни «предметомъ всеобщаго восторга и удивленія». Насколько вѣрно переданы эти слова, мы рѣшить не беремся. Они сказаны были въ присутствіи значительнаго числа придворныхъ, которые могли передать ихъ составителю мемуаровъ, Бюва.

Находчивость, съ какою царь, по словамъ мемуаровъ, отвѣчалъ на сдѣланное ему привѣтствіе, вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что говоритъ намъ объ этой сторонѣ личнаго характера Петра Гримальдо. Предваряя испанскаго посла о необходимости съ осто-

*) Journal de la Régence (1715—1723), par Jean L. Buvat, стр. 263.—Mémoires de Duclos, стр. 314.

рожностью относиться къ тѣмъ слухамъ, какіе ходятъ насчетъ «смѣшныхъ эксцентричностей» этого «великаго монарха», испанскій агентъ, со словъ маршала Тессе, начальника приставленной къ Петру почетной стражи, маркиза де-Маньи и другихъ лицъ, сопровождавшихъ царя, признаетъ поведеніе послѣдняго вполнѣ отвѣчающимъ этикету — «разсудительнымъ, умѣреннымъ и осторожнымъ».

На слѣдующій день послѣ визита короля, Петръ, въ сопровожденіи русскаго посла князя Куракина, вице-канцлера Шафирова и Долгорукова, отправился въ Тюльери. Русскіе гости ѣхали въ королевскихъ каретахъ, предшествуемые скачущими впереди каретъ пятнадцатью гвардейцами и такимъ же числомъ личной стражи съ обнаженными шпагами. У входа въ Тюльери выстроена была въ рядъ дворцовая гвардія, которая при приближеніи Петра отдала ему королевскія почести. Молодой король ждалъ царя у подножія лѣстницы. Во время этого вторичнаго свиданія соблюденъ былъ въ строгости тотъ же церемоніалъ, что и при первомъ.

Не проходитъ и трехъ дней со времени прибытія царя, какъ Гримальдо уже представленъ ему. Вотъ что разсказываетъ онъ о своемъ свиданіи съ нимъ: «Въ послѣобѣденное время я рѣшился, наконецъ, сдѣлать визитъ царю, желая тѣмъ самымъ сообразоваться съ видами его величества короля испанскаго. Я тѣмъ легче рѣшился на этотъ шагъ, что, по собраннымъ мною слухамъ, большинство пословъ, аккредитованныхъ при парижскомъ дворѣ, ходатайствовали у царя объ аудіенціи и Петръ милостиво принялъ ихъ ходатайство. Въ половинѣ втораго, — продолжаетъ Гримальдо,—я отправился къ маршалу Тессе, который согласился сопровождать меня къ царю». Гримальдо говоритъ, что при свиданіи съ нимъ онъ произнесъ ему слѣдующее «краткое и почтительное привѣтствіе: «Слава о вашихъ великихъ дѣяніяхъ и военныхъ подвигахъ, несмотря на разстояніе, достигла до слуха его величества короля испанскаго и расположила его въ пользу *такого историческаго монарха*. Если бы его величество король получилъ чрезъ меня увѣдомленіе о желаніи царя посѣтить его дворъ, онъ несомнѣнно принялъ бы своего гостя съ любовью и должнымъ почетомъ». На эти слова Петръ отвѣчалъ выраженіями признательности, уваженія и привязанности къ испанскому королю. Гримальдо сообщаетъ, что въ то время, какъ царь отвѣчалъ на его привѣтствіе, съ нимъ случился довольно часто повторяющійся судорожный припадокъ. Сенъ-Симонъ говоритъ о подоб-

ныхъ припадкахъ и о томъ невѣрномъ объясненіи, какое давали ему современники, видѣвшіе въ немъ послѣдствіе яда, который былъ данъ Петру въ дѣтствѣ. Этотъ припадокъ заставилъ царя сократить аудіенцію, и онъ удалился въ свои покои, поручивъ Куракину проводить Гримальдо до дверей. Сообщая эти подробности, Гримальдо даетъ слѣдующую характеристику Куракину. По его словамъ, «это человѣкъ самаго изысканнаго обращенія, не сохраняющій ни малѣйшихъ слѣдовъ той невоспитанности и грубости, какая отличаетъ его соотечественниковъ».

Передавая съ чужихъ словъ разсказъ о посѣщеніи Петромъ принцевъ и принцессъ крови, а также объ осмотрѣ имъ публичныхъ зданій и дворцовъ, Гримальдо съ интересомъ останавливается на слѣдующихъ подробностяхъ: особенно продолжительно было посѣщеніе царемъ адмиралтейства, ботаническаго сада и обсерваторіи. Разъѣзжая по Парижу и его окрестностямъ, царь всегда держитъ при себѣ карандашъ, которымъ набрасываетъ на бумагу чертежъ всего, что покажется ему заслуживающимъ вниманія. Въ другомъ изъ своихъ донесеній Гримальдо прибавляетъ къ сказанному еще слѣдующія черты: съ удивительной обстоятельностью царь заноситъ въ записную книжку все достопримѣчательное. Нерѣдко онъ заходитъ въ магазины, чтобы справиться о цѣнахъ какъ сырыхъ продуктовъ, такъ и мануфактурныхъ издѣлій. Царь не дѣлаетъ большихъ затратъ и обнаруживаетъ во всемъ похвальную бережливость: его нарядъ самый простой, свита малочисленная. «При такихъ условіяхъ единственное невыгодное послѣдствіе его путешествія,—замѣчаетъ Гримальдо,—составляетъ продолжительное отсутствіе его внѣ отчизны. Оно тѣмъ опаснѣе, что наслѣдникъ не раздѣляетъ его взглядовъ и многіе изъ подданныхъ, какъ привязанные къ старинамъ порядкамъ, недовольны сдѣланными имъ нововведеніями».

Издержки, какія пребываніе царя причинило французскому правительству, были довольно значительны. Онѣ доходили до тысячи экю въ день, не говоря о чрезвычайныхъ расходахъ на устроенныя празднества въ его честь. Въ Парижѣ, по словамъ Гримальдо, разсказываютъ о царѣ анекдоты—намекъ на приписываемыя Петру любовныя похожденія и разгульныя пирушки.

«Я не рѣшаюсь передать ихъ вамъ,—пишетъ онъ въ своемъ донесеніи послу,—не потому только, что они унизительны для чести этого монарха, но и потому, что они баснословны и не заключаютъ въ себѣ ни слова правды». Такимъ образомъ, слѣдуя

испанскимъ депешамъ, можно признать не болѣе, какъ сплетнями тѣ многочисленные разсказы про распутство царя, которыми наполнены французскіе мемуары и которымъ Брикнеръ придаетъ, повидимому, серьезное значеніе *).

Донесенія Гримальдо представляютъ намъ также далеко не въ томъ свѣтѣ характеръ обращенія Петра съ принцами и принцессами крови, въ какомъ рисуютъ его, напримѣръ, мемуары Сенъ-Симона. Въ поведеніи царя Гримальдо не замѣтилъ той надменности, того ежечаснаго опасенія умалить свое достоинство, занять низшій противъ подобающаго рангъ, какой приписываютъ Петру французскіе мемуары. Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ Гримальдо о посѣщеніи царемъ герцогини Беррійской. Герцогиня пріѣхала въ Парижъ для свиданія съ Петромъ изъ своей лѣтней резиденціи и остановилась въ Люксембургскомъ дворцѣ. Со словъ лицъ, присутствовавшихъ при пріемѣ царя, Гримальдо разсказываетъ, что герцогиня вышла на встрѣчу своему гостю и, проводивши его въ свой кабинетъ, предложила ему занять въ немъ самое высокое кресло. Но Петръ отказался отъ этой чести и присѣлъ не раньше, какъ послѣ занятія этого кресла герцогиней.

Причиной назначенія Гримальдо тайнымъ агентомъ къ царю было, какъ мы видѣли, желаніе испанскаго правительства развѣдать мотивы, побудившіе Петра къ путешествію.

Гримальдо постоянно имѣетъ въ виду возложенную на него обязанность, употребляетъ всѣ старанія, чтобы проникнуть тайну переговоровъ Петра и его министровъ съ французскими властями, разспрашиваетъ объ этомъ кого можетъ и все же, въ концѣ-концовъ, не въ состояніи довести до свѣдѣнія своего двора ничего, кромѣ болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадокъ. «Изъ бесѣдъ съ французскими сановниками и дипломатами Швеціи, Пруссіи и Польши,—пишетъ онъ,—я пришелъ къ заключенію, что всѣ они придерживаются того взгляда, что путешествіе царя въ Парижъ вызвано политическими цѣлями. Я не раздѣляю этого мнѣнія: я полагаю, что ближайшей причиной путешествія было простое любопытство. Судя по тому интересу, съ которымъ Петръ изучаетъ все, имѣющее отношеніе къ наукамъ математическимъ, къ механикѣ и техникѣ, а также и къ изящнымъ искусствамъ, я полагаю, что ближайшее ознакомленіе съ ними въ интересахъ пересаженія ихъ на родину была главная, если не единственная цѣль его поѣздки».

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1881 г., мартъ, стр. 60.

«Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно,—продолжаетъ Гримальдо,—что Петръ и его министры имѣли не одну конференцію съ герцогомъ Орлеанскимъ, маршаломъ д'Юксель, президентомъ совѣта иностранныхъ дѣлъ, и аббатомъ Дюбуа, виновникомъ тройнаго союза, въ который недавно вошла Франція съ морскими державами—Англіей и Голландіей. Мнѣ извѣстно также изъ несомнѣнныхъ источниковъ, что въ ихъ бесѣдахъ рѣчь шла неоднократно о Швеціи». Гримальдо считаетъ довольно вѣроятнымъ, что предложеніе вступить въ соглашеніе по этому предмету вышло не отъ царя, а отъ регента. Петръ, повидимому, не имѣлъ въ виду искать французскаго посредничества. Если переговоры начались между обоими дворами, то лишь потому, что герцогъ Орлеанскій не пожелалъ упустить случая услужить своимъ союзникамъ, шведамъ, склонивъ царственнаго гостя къ миру съ ними. «Съ другой стороны, французскій дворъ не прочь,—говоритъ Гримальдо,—оказать на Петра нѣкоторое давленіе съ цѣлью побудить его къ болѣе дружественному отношенію къ Англіи. Новый союзъ съ этой державой—ближайшая къ тому причина. Франція, располагая Петра въ пользу англичанъ, надѣется доказать тѣмъ самымъ Георгу I, какія выгоды можетъ доставить ему недавно состоявшееся соглашеніе съ нею». Прибавимъ отъ себя, что тѣ новыя данныя, которыя приводятся г. Брикнеромъ на основаніи матеріаловъ, изданныхъ историческимъ обществомъ, вполнѣ подтверждаютъ эти догадки. Отношеніе къ Швеціи было дѣйствительно главнѣйшею темою бесѣдъ царя и его министровъ съ французскими дипломатами *). Переговоры эти не привели, въ концѣ-концовъ, ни къ чему, и причину этому указываетъ Гримальдо, говоря о томъ, что московскіе дипломаты ставятъ на первый планъ удержаніе царемъ почти всего завоеваннаго имъ у Швеціи. Соглашеніе съ этой послѣдней державой, полагаетъ испанскій агентъ, состоится не ранѣе и не иначе, какъ послѣ того, когда Швеція помирится съ мыслью потерять Лифляндію съ главнымъ ея городомъ Ригою. Русскіе, которыхъ онъ называетъ московитянами, не могутъ, по его мнѣнію, уступить шведамъ ни вновь построеннаго ими Петербурга, ни портовъ Ревеля и Нарвы. «Невообразимы,—говоритъ онъ,—тѣ затраты, какія понесены были Петромъ при основаніи Петербурга, который онъ сдѣлалъ столицей, какъ бы въ наказаніе Москвѣ за тѣ мятежи, жертвою которыхъ онъ едва не сдѣлался въ своей юности. Ревель же, который, повидимому, ошибочно стоитъ въ депешахъ вмѣсто Крон-

*) „Журн. Мин. Нар. Просв.," стр. 181 и слѣд.

штадта, служитъ какъ бы преддверіемъ къ Петербургу, подобно тому, какъ островъ Техель для Амстердама». Удержаніе обоихъ портовъ, Ревеля и Риги, полагаетъ онъ, необходимо для Россіи, такъ какъ они даютъ и доступъ къ морю, и дѣлаютъ возможными для нея торговыя сношенія съ Западомъ.

Съ другой стороны, для Франціи представляется еще та трудность войти въ союзъ съ царемъ, что, въ силу послѣдняго трактата съ Англіей, она заинтересована въ возвращеніи Георгу Бременскаго герцогства. Согласись русское правительство на уступку шведамъ Ливоніи и Лифляндіи, французамъ удалось бы, пожалуй, побудить ихъ (шведовъ) отказаться отъ названнаго герцогства въ пользу Англіи. При отказѣ же со стороны русскаго царя подобная комбинація представляется рѣшительно невозможной.

Высказывая справедливую догадку насчетъ неуспѣшности дипломатическихъ переговоровъ регента съ Петромъ, Гримальдо въ своихъ донесеніяхъ предсказываетъ, въ то же время, заключеніе въ ближайшемъ будущемъ торговаго трактата между Россіей и Франціей. «Французы,—говоритъ онъ,—желали бы вступить въ прямыя сношенія съ русскими купцами и обходиться безъ посредничества Англіи и Голландіи». Любопытно при этомъ, что Франція разсчитываетъ на вывозъ изъ Россіи тѣхъ же самыхъ продуктовъ, необходимость въ которыхъ вызвала еще во времена Елизаветы Тюдоръ торговые переговоры Англіи съ Россіей. Между ними на первомъ планѣ стоитъ пенька, безъ которой, какъ писали англійскіе дипломаты, флотъ ея величества не будетъ имѣть хорошихъ мачтъ, затѣмъ слѣдуютъ мѣха и строевой лѣсъ. Въ ряду предметовъ вывоза мы не встрѣчаемъ хлѣбнаго зерна—новое подтвержденіе тому, какъ поздно Россія становится житницей для Европы.

Первый торговый трактатъ съ Франціей былъ, какъ извѣстно, подписанъ Петромъ вскорѣ по возвращеніи его въ Россію. Этимъ и ограничились до поры до времени политическія послѣдствія его поѣздки во Францію. Пророческое предсказаніе, сдѣланное имъ насчетъ неизбѣжнаго упадка Швеціи, и необходимость для Франціи искать въ немъ союзника противъ возрастающаго могущества Австріи не были услышаны французскимъ правительствомъ. Внѣшняя политика Франціи приняла на время совершенно иное направленіе, благодаря заключенному ею всего нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ союзу съ сѣверными морскими державами, соперницами Россіи въ балтійской торговлѣ.

М. Ковалевскій.

Запросы и проявленія умственной жизни въ расколѣ.

Въ нашей литературѣ давно уже установились два вполнѣ опредѣленные, но діаметрально-противоположные между собою взгляда на значеніе раскола-старообрядчества съ точки зрѣнія культуры и прогресса. Одни изъ писателей (главнымъ образомъ, духовнаго званія и вѣдомства) съ давнихъ поръ привыкли видѣть въ расколѣ лишь «одну тупую любовь къ старинѣ, безсмысленную привязанность къ буквѣ; его считаютъ плодомъ невѣжества, противодѣйствіемъ просвѣщенію, борьбою окаменѣлаго обычая съ подвижною наукою».

Другіе, наоборотъ, признаютъ расколъ «крупнымъ явленіемъ народнаго умственнаго прогресса» и доказываютъ, что «въ нашей исторіи расколъ былъ едва ли не единственнымъ явленіемъ, когда русскій народъ,— не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ цѣлыхъ массахъ,—безъ руководства и побужденія со стороны власти или лицъ, стоящихъ на степени высшей по образованію, показалъ своеобразную дѣятельностьвъ области мысли и убѣжденія» (Н. И. Костомаровъ *).

Быть можетъ, оба эти мнѣнія нуждаются въ нѣкоторыхъ поправкахъ и оговоркахъ. Но мы не будемъ входить здѣсь въ разборъ и оцѣнку этихъ взглядовъ, такъ какъ цѣль нашей настоящей статьи нѣсколько иная. Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ новыхъ общественныхъ условій, созданныхъ всѣмъ ходомъ нашей жизни и расшевелившихъ народное сознаніе, въ средѣ русскаго старобрядчества все сильнѣе и замѣтнѣе пробиваются наружу и заявляютъ о себѣ запросы умственной, интеллектуальной жизни.

*) „Исторія раскола у раскольниковъ". „Вѣстникъ Европы" 1871 г., № 4, стр. 469.

Цѣль настоящаго очерка—вкратцѣ показать, до какой степени назрѣли эти потребности и какъ настоятельно необходимо немедленное же удовлетвореніе давно наболѣвшихъ нуждъ и запросовъ умственной, духовной жизни многочисленнаго класса русскихъ старообрядцевъ. И такъ, припомнимъ факты, которые такъ или иначе освѣщаютъ различныя стороны поставленнаго нами вопроса.

I.

Порывы къ свѣту.

Хотя мы и замѣтили, что, благодаря извѣстнымъ условіямъ, просвѣтительныя стремленія въ расколѣ съ особенною интензивностью сказались именно въ послѣднее время, тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ, однако, думать, что прошлая исторія раскола совершенно лишена всякихъ прогрессивныхъ задатковъ и стремленій. Отнюдь нѣтъ. Безъ всякаго преувеличенія, можно положительно утверждать, что въ старинной Руси раскольникъ являлся умственно гораздо развитѣе, осмысленнѣе православнаго.

Г. Костомаровъ прекрасно оттѣняетъ разницу въ умственномъ складѣ и направленіи, какая существовала между раскольникомъ и православнымъ прежняго времени. Въ старинной Руси—говоритъ онъ—грамота была вообще рѣдкостью,—раскольникъ же читалъ и пытался создать себѣ ученіе; «въ старинной Руси господствовало отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ,—раскольникъ любилъ мыслить, спорить; раскольникъ не успокоивалъ себя мыслью, что если приказано сверху такъ-то вѣрить, такъ-то молиться, то, стало быть, такъ и слѣдуетъ; раскольникъ хотѣлъ сдѣлать собственную совѣсть судьею приказанія; раскольникъ пытался самъ все провѣрить, изслѣдовать. Несправедливо осыпать его обвиненіями и глумиться надъ нимъ за то, что онъ, въ своихъ разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ, нерѣдко доходилъ до нелѣпости или обрывался на ребячествѣ; онъ былъ лишенъ всякаго образовательнаго руководства; онъ вступилъ на свой путь съ бременемъ предразсудковъ, которые приросли къ его существу; онъ долженъ былъ самъ расчищать этотъ путь орудіями, слишкомъ первобытными, встрѣчая трудности и спереди, и сбоковъ; ничто ему извнѣ не помогало; напротивъ, все ему препятствовало, все старалось попятить его назадъ. Какіе бы признаки заблужденія ни представлялись въ

расколѣ, все-таки, онъ соединялся съ побужденіями вырваться изъ мрака умственной неподвижности, со стремленіемъ русскаго народа къ самообразованію» *).

Эта характеристика культурнаго значенія раскола находитъ себѣ полное подтвержденіе въ фактахъ и событіяхъ почти всей исторической жизни русскаго старообрядчества. Отмѣтимъ здѣсь, въ самыхъ общихъ чертахъ, хотя немногіе изъ этихъ фактовъ, для доказательства, что стремленія къ свѣту, къ просвѣщенію издавна были присущи различнымъ группамъ русскаго раскола.

Еще въ то время, когда почти вся масса русскаго крестьянства коснѣла въ полномъ невѣжествѣ, мы уже находимъ въ расколѣ несомнѣнные признаки и проблески умственнаго развитія и просвѣщенія. Уже въ это время въ ихъ скитахъ можно было встрѣтить школы, въ которыхъ обучались грамотѣ старообрядческія дѣти обоего пола; въ скитахъ были свои учителя и учительницы, свои библіотеки **) и цѣлыя канцеляріи, въ которыхъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ переписывались разныя старообрядческія книги, тетради, рукописи и т. д.; составлялись стихи, сатиры, въ которыхъ осмѣивались тѣ или другіе пороки и смѣшныя стороны въ жизни старообрядчества ***), издавались аллегорическаго содержанія картины и проч. Всѣ эти произведенія старообрядческихъ писателей, во множествѣ циркулируя среди приверженцевъ раскола, неизбѣжно должны были будить спавшую до тѣхъ поръ мужицкую мысль.

Само собою понятно, что школы и учителя, какіе были въ это время у старообрядцевъ, не могли дать своимъ воспитанникамъ ничего, кромѣ простой элементарной грамотности. Но, вѣдь, и это уже не малая заслуга съ ихъ стороны, — особенно для тогдашняго времени. Затѣмъ необходимо имѣть въ виду, что въ средѣ старообрядчества уже въ то время выяснялось сознаніе о недостаточности подобныхъ школъ и постепенно назрѣвала мысль о необходимости болѣе широкаго, научнаго образованія.

Одинъ изъ писателей старообряческихъ, выгорѣцкій старецъ Андрей Борисовичъ, составлялъ даже проектъ основать въ Вы-

---

*) «Вѣстникъ Европы» 1871 г., № 4.

**) Напр., «Модный старообрядецъ»—сатира, написанная поморцами Скочковымъ и Андріаномъ Сергѣевымъ.

***) Какъ велики были эти библіотеки, можно между прочимъ, судить по слѣдующему факту: при разгромѣ Выговскихъ скитовъ, по свидѣтельству г. Майнова, «было сожжено около 3,000 рукописей». (*Историческій Вѣстникъ* 1880 г., № 11, стр. 542).

горѣціи *академію*, но эта мысль не осуществилась лишь потому, что вслѣдъ затѣмъ сильный пожаръ опустошилъ эту поморскую колонію.

Другой, еще болѣе извѣстный и талантливый старообрядческій писатель, Павелъ Любопытный, писалъ къ московскому поморскому пастырю Скочкову о необходимости учредить для юношества своей секты «образовательныя училища», «гдѣ бы преподаваема была *вся словесность наукъ*». Съ жаромъ доказывая пользу и необходимость подобныхъ училищъ, старообрядческій писатель восклицалъ: «Скоро бы появились у насъ божественные Платоны, Демосѳены и Ликурги! Тогда бы скоро церковь наша увѣнчана была покоемъ, множѣніемъ, и враги благочестія не смѣли-бъ насъ унижать и дѣлать непріятельскія насилія и вѣроломства».

Такая горячая вѣра въ силу и могущество науки можетъ сдѣлать честь не одному только самоучкѣ-мужику, какимъ въ сущности и былъ Павелъ Любопытный. Но этотъ «мужикъ», во всѣхъ своихъ многочисленныхъ писаніяхъ, остается вѣренъ своей любви къ наукѣ. Вездѣ онъ говоритъ съ большимъ и искреннимъ «сочувствіемъ о всякой мѣрѣ правительства, которая сколько-нибудь клонилась къ распространенію просвѣщенія въ народѣ» (*Исторія раскола у раскольниковъ*, стр. 518). Онъ скорбитъ и сокрушается по поводу замѣчаемой имъ «величайшей скудости въ ученыхъ мужахъ, которая была и есть въ нашей церкви», и постоянно твердитъ о томъ, «сколь есть нужно и необходимо церкви просвѣщеніе» *).

Мысли Любопытнаго о пользѣ просвѣщенія, о необходимости «образовательныхъ училищъ», гдѣ бы поморское юношество поучалось «словесности и всѣмъ наукамъ», отнюдь не являлись исключительными въ средѣ его современниковъ-поморцевъ. Напротивъ, весьма многіе изъ представителей тогдашняго старообрядчества вполнѣ раздѣляли мысли и стремленія Любопытнаго; таковы были, напримѣръ, архангельскій уроженецъ Крыловъ, наставникъ московскихъ поморцевъ Скочковъ, Адріанъ Сергѣевъ, Емельяновъ и друг.

При Императорѣ Александрѣ I, петербургскій поморскій пастырь, Ѳедоръ Петровичъ Бабушкинъ, и купецъ Мокій Ивановичъ Уцдозоровъ снова возбуждаютъ вопросъ объ учрежденіи старообрядческихъ училищъ. Они поручаютъ Любопытному написать

*) «Историческій словарь старовѣрческой церкви» Павла Любопытнаго. Москва, 1863 г. Изъ «Чтеній въ Им. Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ».

воззваніе къ поморской церкви, «дабы каждый членъ ея подалъ помощь ради спасительнаго заведенія для образованія юношества». Вскорѣ, дѣйствительно, на Малой Охтѣ было положено основаніе часовнѣ и при ней заведенію, которое предназначалось «въ покровъ бѣдности и образованію юношества ума и сердца». Къ сожалѣнію, какія-то неизвѣстныя причины помѣшали осуществиться этому предпріятію.

Чтобы дать представленіе о тѣхъ затрудненіяхъ и препятствіяхъ, которыя постоянно встрѣчали старообрядцы въ своихъ стремленіяхъ къ просвѣщенію и образованію, мы приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ извѣстной *Записки о расколѣ* графа Н. А. Орлова. «Раскольники,—пишетъ графъ,—живутъ своею, отдѣльною, замкнутою жизнью, и посторонній взоръ рѣдко проникаетъ въ нее. Это отчужденіе возбудило у многихъ мысль, что раскольники гнушаются обществомъ и ненавидятъ просвѣщеніе. Къ счастію, безусловнымъ порицателямъ раскола здѣсь можно отвѣчать фактами». И затѣмъ графъ Орловъ приводитъ слѣдующія данныя.

Въ 1832 году была закрыта въ Ригѣ единственная русская школа *) потому только, что ею управлялъ раскольникъ, и на томъ основаніи, что, по закону, раскольники не могутъ занимать общественныхъ должностей. Сироты, бывшіе въ рижской раскольнической школѣ, переведены въ рижскій баталіонъ военныхъ кантонистовъ.

Подобная же участь постигла московское раскольничье училище, закрытое въ 1835 году.

Въ 1839 году послѣдовало запрещеніе выдавать раскольникамъ свидѣтельства на право обученія дѣтей и, въ то же время, министру народнаго просвѣщенія предписано, при выдачѣ подобныхъ свидѣтельствъ, спрашивать просителей, къ какому вѣроисповѣданію они принадлежатъ.

Въ 1850 году рижскіе раскольники ходатайствовали, чрезъ князя Суворова, о дозволеніе ихъ дѣтямъ обучаться въ гимназіяхъ и университетахъ. Имъ было это дозволено *не иначе*, какъ по предварительномъ присоединеніи ихъ дѣтей къ православію, и предписано немедленно исключать ихъ изъ заведеній, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ религіознаго охлажденія. Раскольники от-

*) Сейчасъ мы увидимъ, что въ Ригѣ существовала не одна старообрядческая школа, а нѣсколько.

казались отъ просвѣщенія, предложеннаго имъ на подобныхъ условіяхъ.

«Вотъ факты,—замѣчаетъ по этому поводу графъ Орловъ,—достаточные въ глазахъ нашихъ для доказательства того, что не раскольники уклоняются отъ просвѣщенія, а что, наоборотъ, возможность учиться отнята у нихъ».

«Намъ, конечно, могутъ возразить,—замѣчаетъ онъ далѣе,—что примѣръ рижскихъ и московскихъ раскольниковъ еще не говоритъ ничего въ пользу ихъ массы, но намъ кажется, что даже масса ихъ расположена къ просвѣщенію едва ли не болѣе массы православныхъ, или—если даже и не расположена, то ни въ какомъ случаѣ не болѣе всего остальнаго народонаселенія имперіи» *).

Г. Лѣсковъ въ статьѣ своей *Иродова работа* сообщаетъ нѣкоторыя чрезвычайно любопытныя подробности по дѣлу о закрытіи рижскихъ раскольническихъ школъ. Между прочимъ, онъ приводитъ слѣдующую выписку изъ доклада, сдѣланнаго имъ по этому поводу, въ качествѣ чиновника министерства народнаго просвѣщенія:

«Школа, существовавшая (въ Ригѣ) при Гребенщиковскомъ заведеніи, и частныя (старообрядческія) школы закрыты, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, строго запрещено кому бы то ни было заниматься обученіемъ раскольническихъ дѣтей въ отдѣльномъ помѣщеніи. Правительство было успокоиваемо, что тринадцать тысячъ его русскихъ подданныхъ, поселенныхъ между нѣмцами, не имѣютъ ни одной русской школы и коснѣютъ въ чудовищномъ невѣжествѣ, въ срамъ и поношеніе русскаго имени. Во все время управленія Остзейскимъ краемъ князя Суворова въ Ригѣ не было ни одной русской школы, а въ смѣшанныя школы старовѣры не посылали своихъ дѣтей и учили ихъ кое-какъ по два, по три.

«Дѣти родителей достаточныхъ учились въ своихъ домахъ, а бѣдность, которую, по мѣстному выраженію, подбирали съ улицъ въ Гребенщиковскую школу, осталась на улицахъ русскаго предмѣстья, разсыпалась по рвамъ, мостамъ, кабакамъ и публичнымъ домамъ. Современно съ закрытіемъ школъ, въ винкерахъ русскаго форштата двѣнадцатилѣтнія и даже десятилѣтнія русскія дѣвочки начинаютъ заниматься проституціею; проѣздъ по форштату затрудняется массою ворующихъ мальчишекъ; дѣти устраиваютъ воровскія артели; полиція, подъ предводительствомъ полицей-

*) *Русская Старина* 1881 г., № 5.

мейстера Грина, дѣлаетъ на нихъ облавы; дѣтей ловятъ и записываютъ въ кантонисты»...

Авторъ статьи задается вопросомъ: «Не было ли въ терпимыхъ нѣмцами русскихъ раскольничьихъ школахъ чего-нибудь столько вреднаго, что ихъ надлежало уничтожить, несмотря на всѣ ужасы, которые отъ того послѣдовали? Ни мало! Изъ представленія рижскаго гражданскаго губернатора, г. фонъ-Фелькерзама, генералъ-губернатору, барону Палену, видно, что школы (старообрядческія) существовали даже «съ разрѣшенія директора училищъ» и что тамъ учили только «чтенію, письму, да ариѳметикѣ, и обученныхъ этому мальчиковъ пристраивали въ лавки къ торговцамъ или въ ученики къ ремесленникамъ, а изъ голосистыхъ формировали хоръ для молитвеннаго пѣнія».

Кажется, чего бы проще, чего позволительнѣе и чего полезнѣе? Однако же, это не такъ: школы были закрыты. «По какому именно поводу вздумали закрыть раскольничьи школы,—пишетъ г. Лѣсковъ, — я не нашелъ точныхъ свѣдѣній въ дѣлахъ рижскаго архива, но бывшій попечитель общины, Петръ Андреевичъ Пименовъ, говорилъ, что «общество стало *просить о расширеніи программы школы* и это было причиною къ ея закрытію» (*Историческій Вѣстникъ* 1882 г., № 4).

Впослѣдствіи рижскіе раскольники не разъ предпринимали ходатайства и «осмѣливались просить о благосклонномъ разрѣшеніи школъ». Нѣмецкіе ордпунгсгерихтеры поддерживали раскольниковъ въ этихъ ходатайствахъ и съ своей стороны доказывали «необходимость учрежденія особыхъ первоначальныхъ раскольническихъ школъ во всѣхъ обитаемыхъ раскольниками мѣстностяхъ», такъ какъ, по мнѣнію этихъ нѣмецкихъ учрежденій, «принуждать раскольниковъ силою отдавать дѣтей въ школы православныя—неудобно». «Но русское православное духовенство, — замѣчаетъ г. Лѣсковъ,—не раздѣляло этой нѣмецкой выдумки и находило, что принуждать—удобно».

Особенно сурово отнесся къ раскольничьимъ школамъ тогдашній архіепископъ рижскій, высокопреосвященный Платонъ. Онъ явно покровительствовалъ тѣмъ изъ священниковъ, которые обнаруживали непріязненное отношеніе къ раскольничьимъ школамъ. Въ числѣ такихъ священниковъ особенно выдавался своею дѣятельностью протоіерей о. Алексѣевъ. Онъ доносилъ преосвященному Платону, что «раскольники весьма желаютъ открывать у себя школы», а «при такомъ настроеніи весьма важно

было бы, если бы мѣстная земская полиція строго слѣдила, чтобы они самовольно не открывали школъ», а «чтобы побудить земскую полицію дѣйствовать такимъ образомъ», отецъ протоіерей рекомендовалъ способъ негласный. Онъ находилъ, что «довольно будетъ, если его свѣтлость г. генералъ-губернаторъ (кн. Суворовъ) выразитъ положительно свое желаніе объ этомъ исправникамъ».

Переходимъ затѣмъ къ болѣе близкому къ намъ времени.

II.

Право на образованіе.

Масса русскаго крестьянства обязана расколу своею грамотностью. «*Благодаря* относительной развитости крестьянства и *вліянію раскола*,—говоритъ П. С. Ефименко,—грамотность здѣсь (въ Архангельской губерніи) значительно привилась и даетъ утѣшительную пропорцію: одинъ грамотный на 17 человѣкъ сельскихъ жителей губерніи» (*Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи* П. С. Ефименко. Архангельскъ, 1869 г.). Извѣстный оффиціальный изслѣдователь раскола, г. Синицынъ, говоритъ, что у раскольниковъ 1 грамотный приходится на 3 человѣка неграмотныхъ *). Въ нѣкоторыхъ районахъ, заселенныхъ старообрядцами (напр., въ Гуслицахъ), грамотность составляетъ почти всеобщее достояніе. То же самое встрѣчаемъ мы и въ самыхъ глухихъ, въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи. Вотъ, напримѣръ, что недавно сообщали *Вятскія Губернскія Вѣдомости* о состояніи раскола въ Пинюжанской волости, Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи: «*Почти всѣ* (здѣшніе раскольники) умѣютъ читать и писать. На воспитаніе дѣтей и на ихъ образованіе обращается несравненно большее вниманіе, чѣмъ въ средѣ православной... Мальчикъ учится подъ руководствомъ отца, матери или наставника, какого-нибудь почтеннаго, сѣдовласаго старика, который уже бросилъ землю, сдалъ ее общинѣ или домашнимъ и посвятилъ остатокъ своихъ силъ обученію дѣтей грамотѣ и закону. Главные предметы обученія: часословъ, псалтирь и письмо. Въ послѣднее время стали учить «цифири» и *книгамъ гражданской печати*» (*Вятскія Губернскія Вѣдомости* 1883 г., № 6).

*) «Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ», г. Кельсіева, выпускъ IV, стр. 166.

«Русскій мужикъ въ расколѣ получалъ своего рода образованіе, выработалъ своего рода культуру, охотнѣе учился грамотѣ; кругозоръ его расширялся настолько, насколько могло этому содѣйствовать чтеніе священнаго писанія и разныхъ церковныхъ сочиненій, или даже слушаніе толковъ объ этихъ предметахъ. Какъ ни нелѣпы казаться могутъ намъ споры о сугубомъ аллилуіа или о восьмиконечномъ крестѣ, но они изощряли способность русскаго простолюдина: онъ мыслилъ, достигалъ того, что могъ обобщать понятія, дѣлать умозаключенія; такъ называемые соборы, на которыхъ раскольники собирались спорить о своихъ недоумѣніяхъ, пріучали ихъ къ обмѣну понятій, вырабатывали въ нихъ общительность, сообщали ихъ уму бѣглость и смышленность. Сфера церковная была для нихъ умственною гимнастикою; они получали въ ней подготовку къ тому, чтобы имѣть возможность удачно обратиться и къ другимъ сферамъ» *).

Къ сожалѣнію, всѣ условія общественной жизни раскольниковъ далеко не благопріятствовали такому «обращенію ихъ дѣятельности къ другимъ сферамъ». Напротивъ, вездѣ и повсюду они встрѣчали всевозможныя препоны и преграды. Что, напримѣръ, можетъ быть законнѣе стремленія къ образованію? Однако и здѣсь, въ этой, казалось бы, совершенно нейтральной области, раскольники до сихъ поръ сталкиваются съ непреоборимыми препятствіями.

Въ 1879 году *Новое Время* передавало, что «въ средѣ старообрядцевъ предпринимается вновь, возбуждавшееся уже неоднократно, но остававшееся до сихъ поръ безъ послѣдствій, ходатайство о разрѣшеніи устройства школы для дѣтей старообрядцевъ съ программою, приспособленною къ потребностямъ торговаго сословія». Что касается необходимыхъ для этой цѣли средствъ, то доставить ихъ выражали готовность нѣкоторые изъ представителей московскихъ и петербургскихъ старообрядцевъ. Со времени появленія этого извѣстія прошло четыре года, а о школѣ—ни слуху, ни духу. Несмотря на эти неудачи, раскольники не теряютъ, однако, надежды добиться права на образованіе для своихъ дѣтей.

«Глубоко сознавая необходимость ученія, мы просимъ разрѣшить намъ завести свои собственныя училища, гдѣ наши дѣти,

*) Н. И. Костомаровъ: «Исторія раскола у раскольниковъ». Вѣст. Европы» 1871 г., № 4.

укрѣпляясь въ вѣрѣ отцовъ своихъ и преданности царю, *изучали бы кромѣ того и другія науки*». Такъ писали въ 1881 году старообрядцы города Хволынска въ запискѣ, поданной ими сенатору И. И. Шамшину, ревизовавшему въ то время Саратовскую губернію. Но, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ ихъ голосъ не былъ услышанъ.

Будучи увѣрены, что рано или поздно за ними будетъ, наконецъ, признано право на образованіе, старообрядцы не остаются, однако, безъ школъ. Наоборотъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ они непремѣнно стараются устроить и поддержать свои училища. Мѣстныя власти иногда находятъ возможнымъ смотрѣть сквозь пальцы на существованіе и возникновеніе подобныхъ школъ.

Въ Москвѣ, у Тверской заставы, около 15-ти лѣтъ существовала, напримѣръ, небольшая старообрядческая школа, содержавшаяся на частныя средства любительницы просвѣщенія А. С—вой, которая сама занималась и преподаваніемъ. Почтенная труженица, поставившая себѣ задачею знакомить старообрядческихъ дѣтей, преимущественно бѣдныхъ, съ начатками грамотности, вела дѣло съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, тратя свои послѣднія средства на учебныя книги и пособія. За все время своей педагогической дѣятельности г-жа С—ва выпустила изъ своей мужской школы до трехсотъ воспитанниковъ. Хотя школа эта была открыта, выражаясь казеннымъ языкомъ, «безъ надлежащаго разрѣшенія», но почтенную основательницу школы никто не безпокоилъ, и она продолжала благое дѣло, принимая на воспитаніе дѣтей бѣдныхъ старообрядцевъ, такъ что жилище ея представляло, въ то же время, и школу, и пріютъ. Весною прошлаго 1882 года, во время пожара, случившагося въ той мѣстности, гдѣ находилась школа г-жи С—вой, вмѣстѣ съ другими постройками былъ истребленъ и школьный домикъ - пріютъ. Вслѣдствіе этого педагогическая дѣятельность г-жи С—вой должна была прекратиться: она не имѣла денежныхъ средствъ, чтобы возобновить дѣло. Но тутъ на помощь къ ней немедленно же является мѣстное старообрядческое общество и даетъ необходимыя средства на постройку новаго школьнаго домика. Священикъ Ямскаго старообрядческаго прихода, П. Ѳ. Лапшинъ, предоставилъ въ полную собственность г-жи С—вой довольно обширный участокъ земли, такъ что при школѣ будутъ разбиты садикъ и огородъ (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., №№ 16 и 190).

Въ приведенномъ случаѣ мѣстныя власти ничѣмъ не обнаружили своего вмѣшательства въ дѣло старообрядческой школы. Къ сожалѣнію, это бываетъ далеко не часто. Вотъ, напримѣръ, что случилось въ той же Москвѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Старообрядецъ И. И. Шебаевъ открылъ въ 1868 году училище для дѣтей старообрядцевъ. Училище помѣщалось на Покровкѣ, въ мѣстности, населенной старообрядцами; черезъ мѣсяцъ въ школѣ было уже 40 учениковъ, затѣмъ—80; тутъ были и мальчики, и дѣвочки. Учредитель школы пригласилъ на свой счетъ учителя и обставилъ школу всѣмъ необходимымъ. Высшая духовная власть въ Москвѣ ничего не имѣла противъ этого; все шло прекрасно, и школа съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе и болѣе завоевывала къ себѣ довѣріе въ средѣ старообрядческаго населенія.

Число учениковъ расло, такъ что черезъ годъ понадобилось другое, болѣе просторное помѣщеніе, что и было сдѣлано. Но тутъ вдругъ начались преслѣдованія. Никакія хлопоты не помогли; въ 1869 году, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, полиція предписала закрыть школу, иначе грозила закрыть силою. Пришлось, конечно, исполнить это требованіе; сотня учениковъ и учениць была разогнана; многія дѣти горько плакали, покидая школу, къ которой они успѣли привязаться.

Старообрядцы не только не могутъ имѣть своихъ школъ, своихъ учителей, но даже лишены права помѣщать дѣтей въ среднія и высшія учебныя заведенія. Это послѣднее ограниченіе является уже совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ.

Богатые, зажиточные старообрядцы относятся также вполнѣ сочувственно къ дѣлу народнаго образованія и не отказываются съ своей стороны жертвовать на это дѣло. Такъ, еще недавно сообщалось изъ Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, что «одной изъ лучшихъ школъ въ уѣздѣ» является фабричная школа, основанная по иниціативѣ извѣстнаго фабриканта - старообрядца Т. С. Морозова. «Успѣхамъ школы много содѣйствуетъ то, что она хорошо обезпечена въ матеріальномъ отношеніи и изобилуетъ различными учебными пособіями. Школьная библіотека вмѣщаетъ въ себѣ лучшія педагогическія сочиненія и всѣ выдающіяся изданія для дѣтскаго чтенія. Преподаватели школы, которымъ она платитъ хорошее содержаніе, втрое почти, чѣмъ въ земскихъ школахъ, также изъ лучшихъ, способныхъ педагоговъ» (*Русск. Вѣдом.* 1883 г., № 186). Въ 1880 году, въ селѣ Кудыкинѣ

(Покровскаго уѣзда) «открыто двухклассное училище, благодаря стараніямъ крестьянина Новикова, который принадлежа и сейчасъ къ старообрядчеству, сдѣлалъ доброе дѣло для мѣстнаго населенія, безъ различія религіозныхъ вѣроисповѣданій» (*Русск. Кур.* 1880 г., № 208). Далѣе мы еще не разъ встрѣтимся съ подобными примѣрами.

Стремясь получить право на устройство своихъ собственныхъ школъ, старообрядцы, въ то же время, едва ли не въ большой части случаевъ относятся безъ всякаго предубѣжденія къ существующимъ земскимъ и инымъ народнымъ училищамъ. Они не отказываются пользоваться этими школами и охотно посѣщаютъ ихъ. Въ Кемскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, дѣти безпоповцевъ въ большомъ количествѣ посѣщаютъ мѣстныя казенныя школы. Въ Бисерскомъ заводѣ (Пермской губерніи), по сообщенію учителя М. И. Вяткина, дѣти раскольниковъ обучаются въ мѣстной земской школѣ, учатся закону Божію, сдаютъ даже экзамены изъ этого предмета, кончаютъ курсъ, и, тѣмъ не менѣе, не покидаютъ раскола.

Изъ Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, сообщали, что существующая при мѣстномъ Старо-Преображенскомъ монастырѣ школа, со времени своего основанія, выпустила около 900 воспитанниковъ, двѣ трети изъ которыхъ принадлежатъ къ старообрядческимъ дѣтямъ не только ближайшихъ, но и отдаленныхъ селеній уѣзда. Особеннымъ довѣріемъ старообрядцевъ монастырская школа стала пользоваться съ того времени, какъ въ ней старообрядческимъ дѣтямъ предоставлено право обучаться по старопечатнымъ псалтирямъ и часовникамъ, какъ водится до сихъ поръ повсюду у старообрядцевъ. Помѣщеніе монастырской школы постепенно расширяется, но въ настоящее время въ школѣ нѣтъ уже свободныхъ мѣстъ, вслѣдствіе наплыва дѣтей со всѣхъ сторонъ (*Русскія Вѣдомости* 1880 г., №№ 84 и 102).

III.

Гуслицкія школы.

Гуслицкій край всегда считался зажиточнымъ, что доказывается и внѣшнимъ опрятнымъ видомъ крестьянскихъ построекъ, и вообще сноснымъ мужицкимъ хозяйствомъ. Зажиточность эта, какъ безошибочно можно замѣтить, находится въ тѣсной связи

почти *съ поголовною грамотностію* здѣшняго населенія. Нигдѣ, надо полагать, не распространена такъ грамотность, какъ въ Гуслицахъ, въ этой старообрядческой Палестинѣ. Въ пятидесяти слишкомъ селеніяхъ, составляющихъ гуслицкій округъ, жители неизмѣнно держатся старовѣрія, составляя основную, надежную паству старообрядческихъ архіереевъ, и грамотность среди здѣшняго старообрядческаго населенія является какъ будто родовымъ, неотъемлемымъ наслѣдствомъ (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 226).

Возникновеніе гуслицкихъ школъ относится къ временамъ глубокой старины. За долго до открытія земскихъ учрежденій, на которыхъ теперь лежитъ попеченіе о народномъ образованіи, въ Гуслицахъ существовалъ не одинъ десятокъ такъ называемыхъ «самородныхъ школъ», которыя разбросаны были по всѣмъ почти селеніямъ Гуслицъ. Основаніе этихъ «самородныхъ» разсадниковъ грамотности принадлежитъ исключительно старообрядцамъ, составляющимъ сплошное населеніе этого края (*Русскій Курьеръ* 1880 г., № 9).

Нельзя, конечно, сказать, чтобъ преподаваніе въ этихъ доморощенныхъ школахъ удовлетворяло хотя на половину современнымъ педагогическимъ требованіямъ; но, тѣмъ не менѣе, гуслицкія старообрядческія школы принесли, все-таки, громадную пользу, поддерживая въ теченіе двухъ слишкомъ вѣковъ грамотность въ мѣстномъ населеніи. Въ этихъ школахъ до настоящаго времени неизмѣнно преподавалось одно и то же—чтеніе по церковно-славянскимъ книгамъ, каллиграфія и, вдобавокъ, крюковое древне-церковное пѣніе,—словомъ, та самая «грамота», которою питалась древняя Русь.

Преподавателями въ гуслицкихъ старообрядческихъ школахъ состоятъ мѣстные грамотѣи и книжники, любители просвѣщенія, трудящіеся надъ этимъ дѣломъ, такъ сказать, изъ любви къ искусству. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ учителями являются дѣвушки-келейницы, удалившіяся отъ мірской жизни. Не мудрствуя лукаво, онѣ знакомятъ старообрядческихъ дѣтей просто съ грамотностью, съ механическимъ чтеніемъ, и не берутся даже разъяснять смыслъ прочитаннаго. Такое обученіе можно, пожалуй, назвать безтолковымъ, но, однако, отнюдь нельзя утверждать, чтобъ изъ него не выходило никакой пользы. Польза доказывается и промышленною предпріимчивостью здѣшняго населенія, и большимъ процентомъ здѣшнихъ грамотныхъ на сторонѣ, занимающихъ выдаю-

щіяся мѣста на фабрикахъ и по торговлѣ (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 226).

Притомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что старообрядческимъ педагогамъ пускаться въ объясненія съ воспитанниками было весьма рискованно и даже опасно. На подобную просвѣтительную дѣятельность полиція и православное духовенство смотрѣли обыкновенно какъ на пропаганду раскола; взгляды эти, къ сожалѣнію, не выдохлись еще и по сіе время. Застращиванія и непосильныя контрибуціи были дѣломъ обычнымъ; нерѣдко возникали и преслѣдованія, приводившія къ печальному исходу безкорыстныхъ тружениковъ просвѣщенія. Но, наперекоръ всѣмъ этимъ преслѣдованіямъ, старообрядческія школы оказались неискоренимыми; исторія этихъ скромныхъ разсадниковъ просвѣщенія изобилуетъ фактами, представляющими глубокій интересъ для всѣхъ, кого только занимаетъ историческая судьба русской народной мысли.

На ряду съ только что описанными «самородными» школами чисто примитивнаго устройства, у старообрядцевъ въ послѣднее время все чаще и чаще возникаютъ училища, правильно организованныя и прекрасно обставленныя въ педагогическомъ отношеніи. Къ числу такихъ школъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отнести училище, основанное старообрядцемъ Дмитріевымъ въ Покровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи.

Крестьянинъ деревни Зуевой, Кудыкинской волости, старообрядецъ Романъ Зиновьевичъ Дмитріевъ «открылъ въ сосѣдней деревнѣ Іоновой превосходную старообрядческую школу на 50 мальчиковъ. Обученіе въ школѣ безплатное. Дѣти принимаются безъ всякаго разбора: тутъ есть и дѣти старообрядцевъ, и дѣти православныхъ. Направленіе школы отличается полнѣйшею вѣротерпимостью, что доказываетъ разнообразный выборъ учебныхъ пособій, которыми въ изобиліи снабжена школа: вмѣстѣ со старинными псалтирями и часовниками, въ школѣ имѣются подобныя же книги новѣйшихъ изданій, равно какъ и учебники Ушинскаго, Паульсона и другихъ извѣстныхъ русскихъ педагоговъ» (*Порядокъ* 1881 г., № 220).

Едва успѣли открыть эту школу, какъ она уже оказалась переполненною учащимися. Вслѣдствіе этого основатель школы долженъ былъ перевести ее въ новое, болѣе обширное помѣщеніе. Преподаваніе въ школѣ было поручено учителю-старообрядцу изъ мѣстныхъ крестьянъ, которому г. Дмитріевымъ назначено жа-

лованье 25 рублей въ мѣсяцъ. Дѣти бѣднѣйшихъ старообрядцевъ находятъ для себя въ школѣ все готовое: книги, бумагу, перья, учебники и проч. Видное мѣсто въ обученіи занимаетъ каллиграфія. Желающимъ преподается древне-церковное пѣніе, съ которымъ основательно знакомъ преподаватель школы А. П. Гусевъ.

Мѣстное старообрядческое населеніе отнеслось къ предпріятію г. Дмитріева весьма сочувственно; богатые фабриканты-старообрядцы: В. Е. Морозовъ, Зимины и г-жа Морозова не мало содѣйствовали ему въ открытіи училища; сельскій староста деревни Іоновой предложилъ для школы собственный, очень просторный домъ. Попечитель школы, г. Дмитріевъ, не жалѣлъ съ своей стороны средствъ на дѣло образованія; онъ постоянно посѣщалъ школу и внимательно слѣдилъ за успѣхами въ ней.

«Отличные успѣхи школы сказались на первыхъ же порахъ» (*Порядокъ* 1881 г., № 220). Однако, несмотря на это, судьба школы отнюдь не могла считаться обезпеченной; напротивъ, все болѣе и болѣе расли слухи о томъ, что школѣ «почему-то угрожаетъ закрытіе». Мѣстная администрація обратила на школу особенное вниманіе. Произведено было тщательное дознаніе о возникновеніи школы, обревизованы учебныя старопечатныя старообрядческія, а также и старообрядческаго писанія книги, въ которыхъ ничего вреднаго и противозаконнаго, однако, не обнаружено. Надобно замѣтить, что старообрядческое общество деревни Кудыкиной, чтобъ оформить существованіе школы, основанной г. Дмитріевымъ, составило общественный приговоръ о необходимости имѣть училище, съ полнымъ обезпеченіемъ относительно его содержанія.

Но и это не помогло дѣлу. Волостное начальство не рѣшалось засвидѣтельствовать общественный приговоръ, находя какія-то препятствія. Затѣмъ приговоръ былъ представленъ въ уѣздный училищный совѣтъ, который, не находя, будто бы, «законнаго основанія», затруднился закрѣпить существованіе школы. Наконецъ, вся переписка о старообрядческой школѣ была препровождена въ министерство народнаго просвѣщенія, рѣшеніе котораго по этому вопросу намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Между тѣмъ, мѣстныя власти не оставляли въ покоѣ школу, и она, какъ сообщалось въ газетахъ, «подверглась опалѣ со стороны полиціи». Въ одинъ прекрасный день въ училище явился уѣздный исправникъ и лично произвелъ ревизію школы, опрашивалъ учителя, разсматривалъ учебники и т. п. Понятно, что

ничего «подозрительнаго» въ школѣ не оказалось (*Русскія Вѣдомости* 1881 г., №№ 267 и 307).

Школа г. Дмитріева не является одиночнымъ явленіемъ въ Покровскомъ уѣздѣ; напротивъ, можно указать нѣсколько подобныхъ старообрядческихъ школъ, возникшихъ въ самое послѣднее время въ этомъ районѣ. Въ числѣ этихъ школъ, по образцовому устройству, первое мѣсто слѣдуетъ отвести народной школѣ, основанной старообрядцемъ Жаровымъ въ селѣ Перникахъ, Покровскаго уѣзда; подробнѣе о ней мы скажемъ въ слѣдующей главѣ. Что же касается болѣе мелкихъ школъ, то онѣ постоянно возникаютъ среди старообрядческаго населенія.

Такъ, напримѣръ, еще недавно возникло старообрядческое училище въ селѣ Кабановѣ, Кудыкинской волости. Затѣмъ старообрядцы многолюдной деревни Губинской рѣшили также открыть у себя школу и, недолго думая, привели свое рѣшеніе въ исполненіе. Они выписали учителя изъ Гуслицъ, заарендовали удобное помѣщеніе для школы, и дѣло уже на ходу: «въ два-три дня набѣжало около двухъ десятковъ ребятишекъ».

Слѣдуетъ еще отмѣтить одну особенность гуслицкаго старообрядческаго района,—это именно существованіе въ немъ подвижныхъ школъ, бродячихъ учителей, кочующихъ изъ села въ село, изъ деревни въ деревню. Объ одномъ изъ такихъ учителей недавно сообщалось въ газетахъ. Крестьянинъ Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, Архипъ Карташевъ, проживавшій нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ и вернувшись на родину, взялся за преподаваніе грамоты крестьянскимъ дѣтямъ. Сперва онъ жилъ въ своей деревнѣ, потомъ перебрался въ сосѣдній Покровскій уѣздъ и провелъ зиму въ селеніи Язвищахъ, а затѣмъ перекочевалъ въ ближайшую деревню Губинскую. По окончаніи лѣтнихъ домашнихъ работъ, онъ снова намѣренъ вернуться въ Покровскій уѣздъ и заняться обученіемъ дѣтей въ Кудыкинѣ или Высокомъ (*Русск. Вѣдом.* 1883 г.). Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что всѣ упоминаемыя въ этомъ извѣстіи села и деревни являются главными центрами мѣстнаго раскола, а нѣкоторыя изъ нихъ населены почти исключительно одними старообрядцами.

IV.

Преграды и тормазы.

Учителя и руководители старообрядческихъ школъ ежеминутно должны были опасаться преслѣдованій со стороны полиціи

или духовенства за свою педагогическую дѣятельность, которая обыкновенно приравнивалась къ «распространенію раскола», къ «совращенію изъ православія» и т. п. А какъ тяжко подобныя обвиненія отражались на судьбѣ лицъ, подвергшихся имъ, можетъ показать слѣдующій случай.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1881 года, въ городѣ Глазовѣ, Вятской губерніи, въ засѣданіи временнаго отдѣленія вятскаго окружнаго суда, на скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ шестидесятилѣтній старецъ, «раскольническій монахъ поповской секты, австрійскаго согласія», Прокопій Соколовъ. Онъ обвинялся въ распространеніи раскола, которое выразилось въ томъ, что Соколовъ у себя въ квартирѣ «училъ дѣтей грамотѣ и религіи». По сообщенію корреспондента, старецъ этотъ проживалъ около Березовскихъ починковъ. Глушь безпросвѣтная: ни школъ, ни больницъ, ничего хоть сколько-нибудь напоминающаго о прикосновеніи цивилизаціи; населеніе состоитъ изъ пермяковъ и русскихъ, большинство которыхъ придерживается раскола. Расколъ здѣсь явился ранѣе православія; въ него обращены очень многіе изъ пермяковъ - язычниковъ. Если вѣрить корреспонденту, на судѣ даже не справились: чьихъ именно дѣтей обучалъ Соколовъ—православныхъ или раскольничьихъ. Соколовъ обвинялся въ совращеніи въ расколъ нѣсколькихъ человѣкъ, но ни одинъ изъ совращенныхъ не былъ представленъ на судъ; мало того, эти лица не были даже указаны какъ слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе, судъ вынесъ обвинительный приговоръ и Соколовъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Закавказскій край. За кулисами суда, на замѣчанія корреспондента по поводу приговора, одинъ изъ священниковъ съ довольнымъ видомъ воскликнулъ: «а все же таки обвинили!» (*Русскій Курьеръ* 1881 г., № 81).

Впрочемъ, гораздо чаще дѣла о раскольничьихъ школахъ и учителяхъ кончаются лишь тѣмъ, что школы закрываются, а учителя обязываются подпискою «впредь никого ничему не обучать».

Намъ извѣстенъ, напримѣръ, такой случай, имѣвшій мѣсто въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи. Въ Нижне-Сергинскомъ заводѣ поселился старообрядецъ, «крестьянинъ Михей Алексѣевичъ Поповъ, и началъ обучать грамотѣ ребятъ. Вскорѣ у него набралось до 20-ти учениковъ, которые охотно и правильно навѣщали эту импровизированную школу. Родители были какъ нельзя болѣе довольны учителями-волонтерами и все шло прекрасно. Но о школѣ узналъ мѣстный священникъ и настоялъ

на томъ, чтобы становой приставъ немедленно же запретилъ Попову обученіе дѣтей. Вслѣдствіе этого съ Попова была взята подписка, въ которой онъ обязывался «впредь отнюдь никого грамотѣ не обучать».

Иногда развязка подобныхъ дѣлъ осложняется еще установленіемъ болѣе или менѣе строгаго полицейскаго надзора за лицами, уличенными въ педагогическихъ наклонностяхъ. Приведемъ здѣсь содержаніе дѣла, найденнаго нами при занятіяхъ въ одномъ изъ уральскихъ архивовъ.

Екатеринбургскій миссіонеръ, протоіерей Николай Смирновъ, донесъ въ 1866 г., что крестьянинъ деревни Губернской, Кузнецкаго прихода, Екатеринбургскаго уѣзда, Николай Зотиковъ Фирсановъ «открылъ въ своемъ домѣ подъ своимъ руководствомъ обученіе восьми крестьянскихъ мальчиковъ по старопечатнымъ псалтирямъ съ раскольническимъ направленіемъ». При этомъ миссіонеръ пояснялъ, что въ Кузнецкомъ приходѣ «считается раскольниковъ всего три дома, въ которыхъ дѣтей мужскаго пола вовсе нѣтъ; а потому *должно полагать*, что крестьянинъ Фирсановъ обучаетъ дѣтей православныхъ родителей и, вмѣстѣ съ обученіемъ ихъ грамотѣ, посѣваетъ въ нихъ расколъ».

Духовная консисторія поручила миссіонеру «строго слѣдить за дѣйствіями Фирсанова и если окажется хотя малѣйшее уклоненіе изъ православія—немедленно донести объ этомъ». Въ то же время пермскій преосвященный архіепископъ Неофитъ счелъ долгомъ сообщить обо всемъ этомъ губернатору. Послѣдній предписалъ екатеринбургскому исправнику «произвести дознаніе о дѣйствіяхъ крестьянина Фирсанова и если донесеніе миссіонера подтвердится, тотчасъ же запретить ему заниматься обученіемъ дѣтей, въ чемъ и обязать его подпискою». Затѣмъ, независимо отъ сего, учредить за нимъ строгій надзоръ, чтобы онъ и впредь не могъ и т. д.

На это исправникъ донесъ, что обвиненіе вполнѣ подтвердилось; «свидѣтельства же на обученіе Фирсановъ никакого не имѣлъ и не имѣетъ», вслѣдствіе чего онъ «обязанъ подпискою, чтобы обученія дѣтей отнюдь не производить, а за дѣйствіями его учрежденъ строгій надзоръ».

Учебное вѣдомство также весьма неблагосклонно относится къ существованію старообрядческихъ школъ. Даже тѣ школы, которыя хотя и не заключаютъ въ себѣ ничего сектантскаго, но разъ онѣ основаны старообрядцемъ, то со стороны учебнаго вѣдомства встрѣчаютъ разныя затрудненія.

Старообрядецъ В. Я. Жаровъ въ 1880 году построилъ въ своемъ селѣ (Перники, Покровскаго уѣзда) превосходную школу, болѣе чѣмъ на сто учениковъ (мальчиковъ и дѣвочекъ), обставилъ ее большими удобствами въ гигіеническомъ отношеніи (при школѣ дворъ, огородъ и садъ) и снабдилъ различными учебными пособіями; земство прислало учителя, и дѣло пошло въ ходъ *). Но школа, къ сожалѣнію, существовала недолго: въ первыхъ же числахъ января она, по распоряженію покровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, была закрыта. Распоряженіе это сильно озадачило мѣстныхъ жителей. Оказалось, что закрытіе школы мотивировано тѣмъ, что крестьяне отказали въ уплатѣ добавочнаго содержанія учителю, въ размѣрѣ 50-ти рублей. Вышло недоразумѣніе, которое печально отразилось на школѣ. Крестьяне потому только не уплатили денегъ, что были вполнѣ увѣрены въ томъ, что основатель и попечитель школы, г. Жаровъ, все уплатилъ и уплатитъ самъ, безъ всякой помощи съ чьей бы то ни было стороны. Но такъ какъ все это случилось въ отсутствіе г. Жарова, то понятно, что онъ не могъ помочь дѣлу. «Если г. Жаровъ, — писали по этому поводу въ *Русск. Вѣд.*;—затратилъ на школу до 3-хъ тысячъ рублей, если онъ постоянно помогалъ училищамъ, то неужели онъ позволилъ бы закрыть свою школу изъ-за 50-ти рублей? Училищный совѣтъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ необыкновенную поспѣшность, не увѣдомивъ даже о своемъ рѣшеніи и попечителя школы» (*Русск. Вѣд.* 1883 г., № 34).

Отсюда намъ будетъ понятно, почему раскольничьи школы, существовавшія въ прежнее время всюду, гдѣ только были старообрядцы, теперь начинаютъ исчезать, приходить въ упадокъ. Еще недавно сообщалась въ газетахъ, что старообрядческія школы, существовавшія въ селеніяхъ: Бѣлнвѣ, Мисцовѣ, Заполицахъ, Слободищахъ и Завольномъ, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи, въ настоящее время совсѣмъ упали.

Между тѣмъ, польза, приносимая этими школами, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; имъ обязано населеніе Гуслицъ своею поголовною грамотностью. Отсутствіе вѣротерпимости и существованіе старыхъ, отжившихъ законовъ относительно раскола губительно отозвались на школахъ, все несчастіе и вина которыхъ состояла только въ томъ, что онѣ числились старообрядческими (*Русск. Вѣд.* 1883 г., январь).

*) «Голосъ» 1880 г., № 98.

Подобное отношеніе къ просвѣтительнымъ стремленіямъ старообрядчества является тѣмъ болѣе необъяснимымъ, что извѣстные оффиціальные отчеты по духовному вѣдомству изъ года въ годъ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, повторяютъ на тысячу ладовъ мысль о томъ, что «лучшее орудіе» въ борьбѣ съ сектантствомъ и «вѣрнѣйшее средство для искорененія раскола» есть образованіе народа.

Несмотря, однако, на всевозможныя неблагопріятныя условія, въ старообрядчествѣ крѣпко держится сознаніе о крайней, безотлагательной необходимости образованія. Въ собраніяхъ московскаго «старообрядческаго братства», отъ времени до времени, постоянно возбуждается вопросъ о необходимости старообрядческихъ школъ. Годъ тому назадъ, напримѣръ, членъ братства П. Я—въ «полагалъ обязанностію старообрядческаго общества просить правительство о дозволеніи старообрядцамъ имѣть собственныя школы, каковыми пользуются другіе иновѣрцы». Я—въ доказывалъ ненормальность такого порядка вещей, при которомъ старообрядцы вынуждены «производить обученіе своихъ дѣтей домашнимъ образомъ или же въ тайныхъ школахъ, такъ какъ имѣть открыто школы безъ надлежащаго дозволенія воспрещается вообще, о старообрядцахъ же и говорить нечего».

Другой членъ братства, Д—въ, предложилъ открыть школу при Рогожскомъ кладбищѣ, по поводу чего и предполагается хлопотать. Вообще собраніе единогласно признало неотложную нужду въ школахъ и стѣсненіе въ этомъ отношеніи нашло несправедливымъ (*Русск. Вѣд.* 1882 г., отъ 30 января).

V.

Типографіи.

Когда въ царствованіе Екатерины II послѣдовало разрѣшеніе открывать «вольныя типографіи», старообрядцы не замедлили воспользоваться этимъ правомъ и устроили цѣлый рядъ типографій — въ Вильнѣ, Острожскѣ, Новгородсѣверскѣ, въ посадѣ Клинцахъ, Черниговской губерніи, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Въ этихъ типографіяхъ старообрядцы печатали точныя копіи съ богослужебныхъ книгъ, изданныхъ при патріархѣ Іосифѣ, и снабжали этими книгами старообрядческія молельни, раскиданныя по всему пространству земли русской. Но это продолжалось недолго.

Императоръ Павелъ, подъ вліяніемъ страха, навѣяннаго французскою революціею, какъ извѣстно, издалъ въ 1797 году указъ, запрещавшій «партикулярныя типографіи», вслѣдствіе чего всѣ частныя, вольныя типографіи были немедленно и повсюду закрыты. Этой участи не избѣжали, конечно, и старообрядческія типографіи; всѣ онѣ были конфискованы. Несмотря, однако, на кратковременность своего существованія, онѣ успѣли издать значительное количество богослужебныхъ и иныхъ книгъ духовнаго содержанія, перепечатанныхъ съ древнѣйшихъ изданій.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по распоряженію правительства, клинцовская старообрядческая типографія была переведена въ Москву и передана въ вѣдѣніе московской Троицко-Введенской единовѣрческой церкви, что у Салтыкова (иначе Яузскаго) моста. Здѣсь типографія начала работать съ 1822 года. Печатались преимущественно богослужебныя книги дословно со старопечатныхъ и совершенно одинаковымъ съ ними шрифтомъ.

Спачала старообрядцы отнеслись весьма недовѣрчиво къ изданіямъ московской типографіи, «гнушались» ихъ и почти вовсе не покупали издаваемыхъ ею книгъ, подозрѣвая въ нихъ искаженіе стараго текста. Только вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ этому дѣлу со стороны лицъ, завѣдывавшихъ типографскимъ дѣломъ, убѣдило, наконецъ, старообрядцевъ въ безусловной вѣрности текста книгъ московскаго изданія съ книгами, тисненными при патріархѣ Іосифѣ. Тогда явился большой спросъ на книги и онѣ вошли въ употребленіе во многихъ старообрядческихъ молитвенныхъ домахъ. Московскіе книгопродавцы отправляли ихъ цѣлыми транспортами (*Голосъ* 1880 г., № 331).

Вслѣдствіе постояннаго спроса на старопечатныя книги, единовѣрческая типографія постепенно расширяла свою дѣятельность и, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ старообрядцевъ, произвольно возвышала цѣны на свои изданія. Старообрядцы по необходимости принуждены были мириться съ этимъ и платить за книги вдвое противъ прежняго. Благодаря типографіи, единовѣрческая Введенская церковь скопила громадный капиталъ, часть котораго шла, между прочимъ, на разныя благотворительныя дѣла. Такъ, напримѣръ, попечитель церкви, И. Н. Рыжковъ, устроилъ при церкви на доходы типографіи училище для бѣднѣйшихъ старообрядческихъ дѣтей и богадѣльню. Изъ тѣхъ же доходовъ почти ежегодно отдѣлялась значительная сумма на поддержаніе единовѣрческихъ церквей въ западномъ краѣ.

Непомѣрно дорогія цѣны, назначаемыя за книги единовѣрческою типографіею, заставили старообрядцевъ ходатайствовать о разрѣшеніи имъ открыть свои собственныя типографіи. Но всѣ ихъ хлопоты по этому поводу потерпѣли самое рѣшительное фіаско. Тогда они вынуждены были прибѣгнуть къ открытію тайныхъ, подпольныхъ типографій.

И вотъ мы видимъ, что какъ въ Москвѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ центрахъ старообрядчества заводятся тайныя типографіи и печатни, въ которыхъ изготовляются богослужебныя книги до-никоновской редакціи. Многія изъ этихъ типографій были обнаружены полиціей и владѣльцы ихъ подверглись аресту и суду. Въ 1868 году, 21 октября, была открыта въ Москвѣ хорошо устроенная тайная старообрядческая типографія. Въ 1880 г., московскій окружный судъ разсматривалъ дѣло о старообрядцѣ Овчинниковѣ, который также обвинялся въ устройствѣ тайной старообрядческой типографіи. Въ прошломъ 1882 году, *Русскимъ Вѣдомостямъ* сообщали изъ Балахны, Нижегородской губерніи, что въ деревнѣ Новинкахъ, Мысовской волости, въ домѣ старообрядца крестьянина Егора Михайлова была открыта тайная печатня раскольническихъ богослужебныхъ книгъ. Печатня Михайлова была замаскирована устройствомъ столярной и иконописной мастерской, и помѣщалась въ подвалѣ.

При всѣхъ этихъ арестахъ было несомнѣнно дознано, что ни въ одной изъ тайныхъ старообрядческихъ типографій «ничего вреднаго печатаемо не было», и вся дѣятельность ихъ ограничивалась лишь дословною перепечаткою книгъ, изданныхъ при первыхъ пяти московскихъ патріархахъ. И они дѣлали это настолько аккуратно, что даже духовныя консисторіи не могли отличить книгъ, вышедшихъ изъ нелегальныхъ старообрядческихъ типографій, отъ изданныхъ въ прежнее время въ дозволенныхъ правительствомъ типографіяхъ.

Тѣмъ не менѣе, «раскольническія богослужебныя книги» строго преслѣдовались; въ нашемъ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій до сихъ поръ находится такая статья: «запрещается печатать и продавать раскольническія богослужебныя книги; но дозволяется пріобрѣтать и продавать печатаемыя въ учрежденной особой типографіи въ Москвѣ богослужебныя книги, сходныя съ старопечатными» (53 ст.).

Мѣстныя власти строго слѣдили за точнымъ исполненіемъ этого закона; однако, старообрядцы находили тысячи путей и

средствъ такъ или иначе обойти эти стѣсненія. И вотъ мы видимъ, что синодъ то и дѣло жалуется на недостатокъ надзора и энергіи со стороны полиціи въ дѣлѣ преслѣдованія старообрядцевъ за распространяемыя ими книги.

Такъ, въ январѣ 1857 года, синодъ писалъ симбирскому просвященному: «Уставомъ о пред. и прес. прест. запрещается печатать и продавать раскольничьи богослужебныя книги, а привозимыя изъ-за границы велѣно конфисковать и отсылать въ св. синодъ; надзоръ же за непечатаніемъ въ типографіяхъ книгъ и сочиненій, цензурою недозволенныхъ, равно за необращеніемъ ихъ въ продажѣ въ книжныхъ лавкахъ и т. п.—возложенъ на полицію. Но, вопреки этому, происходитъ явная торговля на ярмаркахъ и въ лавкахъ раскольничьими иконами и книгами, а особенно на Нижегородской ярмаркѣ, куда пріѣзжаютъ раскольники одни для продажи, а другіе для покупокъ, и все это, равно и распространеніе между ними рукописныхъ книгъ, происходитъ безъ всякаго преслѣдованія» *).

Конечно, подобныя сѣтованія не проходили безслѣдно; послѣдствія ихъ обыкновенно сказывались на раскольникахъ самымъ ощутительнымъ образомъ.

VI.

Книжное дѣло въ расколѣ.

Въ 1874 году, въ городѣ Симбирскѣ, во время ярмарки, полиція произвела обыски въ книжныхъ лавкахъ Большакова, старообрядца Перевощикова и Хотякова, причемъ нашла нѣсколько богослужебныхъ книгъ собственно старообрядческой печати. На этихъ книгахъ значилось указаніе, что онѣ отпечатаны въ типографіи Почаевской лавры, гдѣ въ прошломъ столѣтіи дѣйствительно печатались старообрядческія книги.

Симбирская духовная консисторія, куда препровождены были арестованныя книги на разсмотрѣніе, признала ихъ безусловно «раскольничьими», несмотря на то, что большая часть конфискованныхъ книгъ принадлежала къ числу рѣдкихъ изданій старопечатной литературы, тисненныхъ во времена первыхъ пяти московскихъ патріарховъ. Съ отзывомъ духовной консисторіи согласилась и Почаевская лавра.

*) „Собраніе постановленій по расколу, состоявшихся по вѣдомству св. синода“. СПб., 1858.

Всѣхъ книгъ полиціей арестовано было слишкомъ на 10,000 р. Предварительное слѣдствіе по этому дѣлу тянулось цѣлыя пять лѣтъ. Изъ обвиняемыхъ на судъ явились лишь Большаковъ и Хватковъ; Перевощиковъ оказался умершимъ. На вопросъ предсѣдателя суда о виновности, подсудимые виновными себя не признали. Хватковъ объяснилъ, что онъ торговалъ книгами по порученію Большакова и въ сущность книгъ вникалъ очень мало.

Подсудимый Большаковъ (членъ и соревнователь различныхъ историческихъ и археологическихъ обществъ, коммисіонеръ Императорской публичной библіотеки и Румянцевскаго музея) объяснилъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ никакого преступленія не видитъ: онъ торговалъ, какъ торгуетъ и теперь книгами, хотя и безцензурнаго изданія, но, все-таки, дозволенными, употребляющимися не только въ старообрядческихъ молельняхъ, но и въ единовѣрческихъ церквахъ.

«Дѣло это,—сказалъ далѣе обвиняемый,—возникло по жалобѣ московской единовѣрческой типографіи, которой предоставлена монополія по изданію богослужебныхъ старообрядческихъ книгъ». Во время обыска и ареста полиція забирала все безъ разбора, и на протестъ подсудимаго, лишившагося въ этомъ случаѣ цѣлой половины своего достоянія, полицейскій чиновникъ Орловскій отвѣчалъ: «въ консисторіи разберутъ!»

Затѣмъ обвиняемый Большаковъ представилъ въ свое оправданіе то, что въ конфискованныхъ у него книгахъ ничего вреднаго, противозаконнаго нѣтъ, что онѣ состоятъ изъ молитвъ и церковнаго чинослуженія; что полиція, по незнакомству съ дѣломъ, арестовала у него весьма цѣнные экземпляры древнихъ изданій, чѣмъ нанесла ему крупные убытки. Далѣе на вопросы предсѣдателя суда Большаковъ высказалъ, что отобранныя у него книги дѣйствительно изданы безъ дозволенія цензуры; онѣ печатались въ разныхъ типографіяхъ и въ разное время, еще до существованія цензуры, возникшей лишь въ прошломъ столѣтіи; во многихъ книгахъ заглавные листы, за давностью времени, утрачены, почему трудно даже опредѣлить время ихъ выхода въ свѣтъ.

Симбирская духовная консисторія, обозвавъ всѣ книги огуломъ «раскольническими», впала, по словамъ подсудимаго, въ явную ошибку, такъ какъ въ числѣ конфискованныхъ книгъ было много такихъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ расколу, какъ, напримѣръ, «Уложеніе царя Алексѣя Михайловича», изданное въ 1649 году, и другія, выпущенныя до цензурнаго времени.

Однако, несмотря на все это, прокуроръ поддерживалъ обвиненіе и просилъ судъ примѣнить къ подсудимымъ 205-ю статью уложенія о наказаніяхъ, старопечатныя книги, не относящіяся до раскола, вродѣ «Уложенія царя Алексѣя Михайловича» и другія, возвратить подсудимымъ, а богослужебныя книги, употребляющіяся въ раскольническихъ молельняхъ, передать въ мѣстную консисторію.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, окружный судъ вынесъ слѣдующую резолюцію: виновныхъ въ распространеніи раскольническихъ богослужебныхъ книгъ—московскаго купца Большакова подвергнуть, на основаніи 205-й ст. улож. о наказ., денежному взысканію въ размѣрѣ 200 рублей, а въ случаѣ несостоятельности, тюремному заключенію на два мѣсяца; крестьянина Хваткова подвергнуть денежному взысканію въ 15 рублей или аресту на три дня.

Само собою понятно, что подсудимые никакъ не могли остаться довольны подобнымъ приговоромъ, и, главнымъ образомъ, потому, что судъ въ своемъ рѣшеніи совершенно игнорировалъ вопросъ о возвращеніи Большакову конфискованныхъ у него въ складѣ, вмѣстѣ съ мнимо-раскольничьими книгами, другихъ, весьма цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій.

Большаковъ обжаловалъ приговоръ симбирскаго суда и перенесъ дѣло въ казанскую судебную палату. Но и палата ограничилась лишь примѣненіемъ къ Большакову наказанія за распространеніе, посредствомъ продажи, раскольническихъ книгъ; что же касается просьбы обвиняемаго возвратить ему неправильно конфискованныя у него изданія, то палата также не постановила точнаго опредѣленія по этому пункту.

Тогда Большаковъ обратился со всеподданѣйшею просьбою къ Государю Императору. По Высочайшему повелѣнію, жалоба его передана была на разсмотрѣніе св. синода, которымъ опредѣлено: возвратить Большакову неправильно арестованныя у него книги, о чемъ и было предписано симбирской духовной консисторіи.

Не слѣдуетъ думать, что дѣло Большакова является исключительнымъ; напротивъ, подобнаго рода дѣла и по настоящее время то и дѣло возникаютъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Такъ, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, газетами было передано слѣдующее извѣстіе изъ города Ростова, Ярославской губерніи: «На-дняхъ, здѣшняя ярмарочная полиція произвела осмотръ книжной лавки П. В. Просвирина, изъ Иваново-Вознесенска, и

нашла у него богослужебныя книги, напечатанныя въ тайныхъ старообрядческихъ типографіяхъ. Весь книжный товаръ у Просвирина конфискованъ» (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 76).

Затѣмъ вскорѣ въ газетахъ появились слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія по поводу этого происшествія. Книгопродавецъ Просвининъ ежегодно посѣщалъ Ростовскую ярмарку и торговалъ все однѣми и тѣми же книгами, исключительно духовнаго содержанія и преимущественно богослужебными—старопечатными и новѣйшаго тисненія. Въ нынѣшнемъ году, едва только Просвининъ разобрался съ своимъ книжнымъ товаромъ, къ нему немедленно нагрянула полиція и арестовала книги, которыя свезены были въ полицейское управленіе.

Соборный священникъ, приглашенный разсмотрѣть конфискованныя книги, по незнакомству съ старопечатными изданіями, изготовляющимися въ московской единовѣрческой типографіи, далъ заключеніе, что это книги раскольническія. Тогда былъ составленъ актъ и дѣло передано судебному слѣдователю. Къ счастію Просвирина, прокурорскій надзоръ, усмотрѣвъ неосновательность привлеченія Просвирина къ слѣдствію, предписалъ дѣло прекратить. Однако, «конфискованныя книги препровождены въ ярославскую духовную консисторію и Просвининъ лишенъ почти всего достоянія» (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 81).

Нужно ли добавлять, что подобныя мѣры ни мало не достигаютъ своей цѣли? Изъ слѣдующей главы мы увидимъ, какое широкое распространеніе получила въ народѣ такъ называемая «раскольническая литература».

VII.

Раскольническая литература.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ антропологической выставки, бывшей въ Москвѣ въ 1879 году, былъ отдѣлъ поморскихъ старообрядческихъ народныхъ школъ. Здѣсь будетъ кстати привести описаніе этого отдѣла, сдѣланное въ свое время газетою *Голосъ*.

«Врядъ ли гдѣ-нибудь еще, кромѣ выставки, можно встрѣтить такое богатое собраніе старообрядческихъ рукописей поморскаго толка, распространеннаго среди раскольниковъ-безпоповцевъ, населяющихъ Архангельскую и Олонецкую губерніи. Между

книгами, которыя, замѣтьте, всѣ рукописныя, есть вполнѣ замѣчательныя какъ по содержанію, такъ и по превосходному выполненію «заставицъ», оригинальный рисунокъ которыхъ, своимъ изяществомъ и тонкостью отдѣлки, можетъ поспорить съ печатными книжными орнаментами нашего времени. Отчетливость письма-печати изумительна; она, случается, до того мелка, что ее можно сравнить съ самымъ мелкимъ петитомъ. Надо при этомъ имѣть въ виду, что поморскіе писатели — воспитанники своихъ народныхъ (старообрядческихъ) школъ, и что все здѣсь собранное есть произведеніе конца XVII и XVIII вѣковъ.

«Поморская раскольничья литература представлена тутъ, между прочимъ, слѣдующими экземплярами *списка. Поморскіе отвѣты на вопросы монаха Неофита*,—книга, какъ и многія другія, писанная Андреемъ Денисовымъ, портретъ котораго можно тутъ же встрѣтить въ числѣ поморянъ. Потомъ замѣчательны по миніатюрному письму: *Мечъ духовный*, *Поморскія святцы*, съ біографіями многихъ святыхъ, о которыхъ не упоминается въ четьи-минеяхъ и которые, слѣдовательно, признаются святыми только у поморянъ. Таковы, напримѣръ, Левкій на Рузѣ, память котораго празднуется 17 іюля, Варлаамъ Керецкій, Варнава Ветлужскій, Анна, кашинская княжна, и другіе,— всѣхъ до пятнадцати. Затѣмъ обращаютъ на себя вниманіе: поморская *Риторика съ образцами краснорѣчія*, собраніе привѣтствій, поздравленій и проч.,—книга, составленная разными настоятелями поморскихъ обителей и писанная въ женскомъ монастырѣ въ Лексѣ. Тутъ же можно встрѣтить нѣсколько свитковъ, по 60 аршинъ длины въ каждомъ; въ этихъ рукописныхъ свиткахъ, большею частью, изображены различныя сказанія объ антихристѣ, о перстосложеніи и проч. Между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе и коллекція рисунковъ духовнаго содержанія, черченныхъ рукою поморскихъ мастеровъ, затѣмъ изображеніе поморскихъ скитовъ: Лексинскаго и Выгорѣцкаго. По нимъ легко ознакомиться съ планами и характеромъ построекъ XVII вѣка. Далѣе идетъ *Родословное дерево* знаменитаго у поморцевъ Андрея Денисова; дерево указываетъ, что этотъ краснорѣчивый проповѣдникъ и знаменитый поморскій толковникъ былъ потомокъ князей Мышецкихъ. Изъ портретовъ поморянъ очень недуренъ и весьма интересенъ акварельный портретъ Павла Любопытнаго» (*Голосъ* 1879 г., № 126).

Среди сельскаго населенія Владимірской губерніи, въ разныхъ уѣздахъ, можно встрѣтить цѣлую массу старообрядцевъ, держа-

щихся различныхъ согласій и толковъ. «Особенно густо населены старообрядцы въ мѣстности, извѣстной подъ собирательнымъ именемъ «Патріаршины», граничащей съ Богородскимъ уѣздомъ, Московской губерніи. Преобладающимъ здѣсь является безпоповщинское ученіе, распространенное еще съ давняго времени. Изъ всѣхъ старообрядческихъ согласій, безпоповщинское (по увѣренію корреспондента *Порядка*) отличается наибольшею развитостью: наставники ихъ и руководители обладаютъ громадною начитанностью. Рукописная безпоповщинская литература заслуживаетъ особеннаго вниманія. Исключая вопросовъ о церковной іерархіи, отвергаемой безпоповцами, во всемъ остальномъ они держатся самыхъ здравыхъ христіанскихъ понятій и замѣтно прогрессируютъ» (*Порядокъ* 1881 г., № 220).

«Замѣчательнымъ явленіемъ въ здѣшней глуши,—писали изъ Покровскаго уѣзда, Владим. губ.,—служитъ рукописная раскольническая литература, которая процвѣтаетъ здѣсь издавна. Каждый безпоповщинскій начетчикъ и книжникъ непремѣнно что-нибудь напишетъ въ теченіе своей жизни. Въ настоящее время по рукамъ старообрядцевъ ходитъ новѣйшее сочиненіе начетчика Зыкова (изъ деревни Кабановой) о разногласіяхъ между старообрядчествомъ и православною церковію, написанное по поводу разглагольствія съ извѣстнымъ миссіонеромъ, о. Павломъ Прусскимъ» (*Русскій Курьеръ* 1880 г., № 159).

Сочиненіе Зыкова, судя по другому сообщенію той же газеты, возбудило большіе толки среди мѣстнаго безпоповщинскаго населенія. «Вышедшій предъ этимъ большой рукописный томъ сочиненій того же Зыкова разошелся очень быстро, несмотря на дороговизну—25 рублей за экземпляръ. Настоящій трудъ Зыкова, копированный во множествѣ экземпляровъ превосходнымъ, весьма отчетливымъ полууставомъ, объемомъ своимъ значительно менѣе перваго сочиненія. За то это послѣднее сочиненіе отличается, по отзывамъ старообрядческихъ начетчиковъ, другими достоинствами, доказывающими громадную начитанность автора, тщательно, какъ видно изъ самой рукописи, изучившаго старообрядческую литературу».

«Я имѣлъ случай познакомиться,—писалъ два года назадъ корреспондентъ газеты *Порядокъ*,—съ сочиненіемъ здѣшняго старообрядческаго писателя И. И. Зыкова, который выпустилъ уже два обширные тома и готовитъ въ настоящее время третій. Нужно замѣтить, что рукописныя сочиненія Зыкова, имѣющія преиму-

щественно полемической характеръ, отличаются яснымъ, толковымъ изложеніемъ и доказываютъ обширную начитанность автора, писаніями котораго руководствуются и поучаются не только мѣстные старообрядцы, но и жители другихъ, дальнихъ мѣстностей» (*Порядокъ* 1881 г., № 220).

Умершій два года назадъ московскій старообрядческій архіерей Антоній оставилъ послѣ себя обширную библіотеку, которая, согласно предсмертной волѣ покойнаго, была переведена изъ архіерейской резиденціи на Рогожское кладбище, гдѣ она должна быть открыта для всеобщаго пользованія старообрядцевъ. Книгохранилище Антонія, собранное имъ въ теченіе своего 30-ти-лѣтняго архіерейства, состоитъ преимущественно изъ дорогихъ старопечатныхъ изданій, составляющихъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость; между ними есть не мало замѣчательныхъ древнихъ рукописей, для пріобрѣтенія которыхъ покойный не жалѣлъ никакихъ средствъ. Для изслѣдователей старопечатной церковной литературы книжное собраніе Антонія незамѣнимо (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 125). Попечители Рогожскаго кладбища, З. А. Зеленовъ и К. А. Царскій, согласно мысли, высказанной Т. С. Морозовымъ, предполагаютъ приспособить для библіотеки особое удобное помѣщеніе, сдѣлать книжное собраніе Антонія общедоступнымъ для всѣхъ старообрядцевъ, особенно для лицъ, занимающихся изысканіями въ старопечатной литературѣ.

Изъ города Боровска, Калужской губерніи, недавно сообщалось *Русскимъ Вѣдомостямъ*, что «при тамошнемъ архіерейскомъ старообрядческомъ домѣ открыта небольшая библіотека, состоящая преимущественно изъ старопечатныхъ изданій и рукописей равно какъ и наиболѣе важныхъ сочиненій, относящихся къ исторіи церкви. Старообрядческій епископъ Ѳеодосій весьма охотно даетъ объясненія посѣтителямъ, являющимся за книжными справками».

Послѣ смерти умершаго недавно старообрядческаго писателя, автора *Окружнаго Посланія*, И. Е. Ксенова, также осталась обширная библіотека, состоящая преимущественно изъ цѣнныхъ старопечатныхъ изданій и древнихъ рукописей. Библіотека эта въ настоящее время разобрана старообрядческимъ епископомъ Сильвестромъ стародубскимъ. Часть книгъ поступитъ въ пользу Предтеченскаго сторообрядческаго монастыря, находящагося близъ Клинцовъ, гдѣ похороненъ покойный, а остальныя поступятъ въ

продажу. Многіе изъ почитателей покойнаго прислали свои предложенія, желая пріобрѣсти оставшіеся экземпляры изъ его книжнаго собранія (*Русскія Вѣдомости* 1883 г., № 99).

Кромѣ библіотеки, Ксеновъ отсавилъ послѣ себя не мало разнаго рода сочиненій въ рукописяхъ. «Болѣе замѣчательныя произведенія автора *Окружнаго Посланія* старообрядцы желали бы видѣть въ печати, но, при настоящихъ цензурныхъ условіяхъ, желаніе это не можетъ быть удовлетворено, судя по тому, что даже портретъ покойнаго съ его факсимиле не разрѣшенъ къ выпуску» (*Русскій Курьеръ* 1883 г., № 14).

Такимъ образомъ, старообрядческая литература до сихъ поръ принуждена обходиться безъ помощи печатнаго станка, до сихъ поръ по необходимости принуждена довольствоватьея *рукописью*. Почти всѣ попытки старообрядцевъ провести тѣ или другія свои изданія въ печать терпѣли полную неудачу. Читатели, вѣроятно, еще не забыли, какъ два года тому назадъ цензурный комитетъ, согласно опредѣленію св. синода, запретилъ къ обращенію отпечатанную въ Москвѣ книгу В. М. К—скаго *Историческія изслѣдованія, служащія къ оправданію старообрядцевъ*.

Въ послѣднее время среди старообрядцевъ начали все чаще и чаще встрѣчаться разнаго рода литографированныя произведенія. Очевидно, раскольники успѣли обзавестись своими литографіями. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній превосходно изданы, на великолѣпной бумагѣ; таково, напримѣръ, сочиненіе: *Апологія христіанъ-старообрядцевъ или разсмотрѣніе и опроверженіе обвиненій, возводимыхъ на старообрядчество духовногосподствующею литературой*. Сочиненіе это, написанное, кстати сказать, прекраснымъ литературнымъ языкомъ, заключаетъ въ себѣ обстоятельную, безпощадную и мѣстами весьма рѣзкую критику извѣстной брошюры г. Н. Субботина *О сущности и значеніи раскола въ Россіи*. «Апологія» эта принадлежитъ перу одного изъ самыхъ видныхъ и образованныхъ старообрядческихъ дѣятелей; она начинается словами: «Не пора ли и безправному старообрядчеству выступить со своею защитою отъ направленныхъ противъ него обвиненій?».

Что касается отношенія раскольниковъ къ свѣтской, «гражданской» печати, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что предубѣжденіе, существовавшее у нихъ въ прежнне время къ литературѣ, какъ къ «новшеству», нынѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезаетъ. По этому поводу одинъ изъ оффи-

ціальныхъ изслѣдователей экономическаго быта крестьянъ Покровскаго уѣзда, Владимір. губ., между прочимъ, пишетъ: «Многіе изъ раскольниковъ чутко слѣдятъ за событіями современной жизни, выписываютъ газеты, среди которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать, на ряду съ распространенными здѣсь *Русскими Вѣдомостями* и *Современными Извѣстіями*, и австрійскаго *Старообрядца*, и *Голосъ*, и *Страну* *).

VIII.

Газеты.

По нѣкоторымъ даннымъ слѣдуетъ думать, что мысль о необходимости имѣть свой собственный органъ печати давно уже живетъ въ передовой части русскаго старообрядчества. Профессоръ Н. Я. Аристовъ сообщаетъ по этому поводу весьма интересный эпизодъ изъ петербургской жизни своего друга Афанасія Прокопьевича Щапова, извѣстнаго изслѣдователя раскола.

Въ 1863 году, рижскіе купцы, «раскольники поморскаго согласія», отправили въ Петербургъ одного уполномоченнаго изъ своей среды, чтобы хлопотать о признаніи гражданскихъ браковъ. Этотъ уполномоченный счелъ своимъ долгомъ посѣтить Щапова, который жилъ въ это время въ Петербургѣ «Долго и задушевно бесѣдовали они между собою о положеніи русскихъ раскольниковъ». Затѣмъ купецъ «завелъ рѣчь о газетѣ раскольничьей, которой имъ не позволяютъ издавать въ Россіи»; при этомъ онъ сообщилъ, что теперь старообрядцы рѣшили издавать свою газету за границей, и тутъ же предложивъ Щапову: «не желаетъ ли онъ быть ея редакторомъ», за что обѣщалъ ему «полное обезпеченіе». Щаповъ отказался и дѣло съ газетою заглохло **).

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ австрійской Буковинѣ, въ Коломыи, началъ выходить *Старообрядецъ*, русская «газета церковно-научно-нравственная и экономическая». Отвѣтственнымъ редакторомъ состоитъ нѣкто Левъ Стадниченко, а издателемъ и вмѣстѣ фактическимъ редакторомъ—«инокъ Никола Чернышевъ». Газета выходитъ два раза въ мѣсяцъ—1 и 15 числа. Подписная цѣна на полученіе газеты, съ почтовою пересылкою на

*) «Промыслы Владимірской губ.», Выпускъ IV. Москва 1882 г. стр. 63.

**) «Афонасій Прокопьевичъ Щаповъ», соч. проф. Н. Я. Аристова. СПб., 1883 г., стр. 104.

годъ въ Австріи—4 гульдена, на полгода 2 гульдена и 50 крейцеровъ австрійской валюты; въ Россіи—5 рублей за годъ и 3 рубля за полгода. Каждый нумеръ *Старообрядца* снабженъ эпиграфомъ: «Аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ; аще ли добрѣ, что мя біеши?» (Еванг. отъ Іоанна).

Газета поставила себѣ цѣлью служить интересамъ русскаго старообрядчества, причемъ подробно выяснила свою программу въ двухъ первыхъ нумерахъ, въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ: «Причины появленія сей газеты и программа». При этомъ редакція заявляла, что она главнымъ образомъ ставитъ себѣ задачею «защищать правоту своей религіи» посредствомъ «неоспоримыхъ историческихъ доказательствъ» и ратовать о томъ, что «нѣсколько милліоновъ старообрядцевъ не имѣютъ свободы исповѣдывать свою религію въ ихъ отечествѣ, Россіи». (Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что газета начала выходить задолго до закона 3 мая 1883 года). На эти темы помѣщено въ газетѣ множество статей, представляющихъ огромный интересъ для всѣхъ, кого сколько-нибудь занимаетъ вопросъ о современномъ состояніи русскаго раскола.

Въ числѣ главныхъ цѣлей, которыя поставила себѣ редакція, видное мѣсто занимаетъ вопросъ объ образованіи старообрядчества. «Какъ не можетъ человѣкъ жить безъ хлѣба и воды, такъ не можно жить и безъ школъ общественныхъ, такихъ, въ которыхъ могъ бы научиться и сиротка, бѣдной вдовы сынокъ и дочка, не платя учителю ни гроша, божественному чтенію и писанію». Каждый разъ, какъ только касается газета вопроса о школахъ, она всегда называетъ ихъ «самыми полезнѣйшими, самыми необходимѣйшими для жизни человѣка заведеніями» и постоянно настаиваетъ на томъ, чтобы школы непремѣнно заводились «въ каждомъ старообрядческомъ обществѣ».

Кромѣ школъ, газета рекомендуетъ старообрядцамъ заводить «общественные банки», которые выдавали бы ссуды бѣднымъ людямъ за маленькіе проценты. Въ доказательство необходимости такихъ банковъ приводятся многочисленные факты экономической эксплуатаціи, которой подвергаются старообрядцы въ австрійскихъ странахъ со стороны евреевъ.

Другой вопросъ, занимающій редакцію,—это именно объединеніе всѣхъ разнообразныхъ развѣтвленій старообрядчества. «Такъ какъ старообрядцы,—говорится въ одной изъ передовыхъ статей,—раздѣлились на нѣсколько частей между собою, то мы будемъ пред-

ставлять имъ здѣсь это великое зло, вкоренившееся у нихъ. И будемъ совѣтывать, чтобы общими силами, по силѣ возможности, искоренять его, ибо оно страшный грѣхъ предъ Богомъ и людьми». Въ другой разъ газета замѣчаетъ: «Въ настоящее время всѣ народы Европы группируются между собою въ общества большія или малыя для учрежденія какого-нибудь полезнаго заведенія, такъ какъ, говоритъ пословица: «одинъ въ полѣ не воинъ»,—отчего они и счастливы и живутъ спокойно и богато». Пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, газета постоянно дѣлаетъ призывы о томъ, чтобы «всѣмъ старообрядцамъ, имѣющимъ архіерейство, безпоповцамъ, «тульскимъ» и прочимъ отдѣламъ соединиться въ одну вѣру, въ одну церковь и въ одно общество, такъ какъ намъ можно легко это сдѣлать, имѣя однѣ книги, одни обряды, однѣ причины, раздѣляющія насъ отъ господствующей въ Россіи церкви».

Старообрядецъ, какъ видно, внимательно слѣдитъ за русской періодической печатью и отмѣчаетъ все, что появляется въ ней по вопросу о расколѣ. Относясь съ сочувствіемъ ко всякому правдивому, безпристрастному изслѣдованію, газета, въ то же время, вступаетъ въ горячую полемику съ тѣми изъ органовъ печати, которые,—подобно, напримѣръ, *Московскимъ Вѣдомостямъ*,—«высказываютъ и утверждаютъ всѣмъ очевидную ложь относительно того, что старообрядцы, будто бы, во всемъ свободны».

Въ старообрядческой газетѣ можно встрѣтить корреспонденціи изъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ Россіи, Австріи, Молдавіи и проч. Въ первыхъ №№, напримѣръ, были помѣщены корреспонденціи: «съ Дона», изъ Москвы, изъ Суздаля, изъ Яссъ, изъ Богородскаго уѣзда, Московской губ., изъ Казани, изъ Галаца (Молдавіи), изъ Измаила, Бессарабской области, «Изъ Уральскихъ хребтовъ», изъ Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губ., «изъ провинціи», за подписью «крестьянинъ», и проч.

Русская печать, въ огромномъ большинствѣ своихъ органовъ, отнеслась съ полнымъ сочувствіемъ къ своему новому и оригинальному собрату и по достоинству оцѣнила его значеніе. Вотъ, напримѣръ, что писалъ *Церковно-Общественный Вѣстникъ* по поводу первыхъ №№ *Старообрядца*: «Подобнаго рода изданіе составляетъ насущную потребность не только для самаго старообрядчества, но и для его изслѣдователей и для органовъ администраціи церковной и гражданской и для общества. Для старообрядчества оно составляетъ центральный пунктъ, въ которомъ

сосредоточиваются его міровоззрѣнія и защищаются его нравственные и матеріальные интересы, и, въ то же время, оно служитъ объединяющимъ факторомъ, приводящимъ къ единству все разнообразіе старообрядческой мысли и жизни... Для администраціи—это необходимый источникъ для узнанія истинныхъ потребностей старообрядчества, цѣлей, которыхъ оно домогается въ государственной и общественной средѣ, и средствъ, какими оно думаетъ достигнуть искомыхъ имъ цѣлей. Нужно, наконецъ, подобное изданіе и для общества: изъ него общество узнаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, какіе жизненные интересы преслѣдуютъ представители старообрядчества... Вотъ почему появленіе старообрядческой газеты не должно остаться незамѣченнымъ, и мы съ своей стороны встрѣчаемъ ее съ искреннимъ радушіемъ» (*Церковно-Обществ. Вѣстникъ* 1879 г., № 15).

Какъ же отнеслись къ появленію газеты сами старообрядцы? Извѣстная, наименѣе развитая часть русскихъ старовѣровъ отнеслась довольно индиферентно къ этому предпріятію. «Молился бы лучше Богу»,—писали эти люди иноку-издателю.

Но за то болѣе развитая и образованная часть старообрядчества съ большимъ сочувствіемъ встрѣтила новый печатный органъ. Такъ, изъ Покровскаго уѣзда (Влад. губ.) сообщали, что безпоповцы селеній Кабанова, Іонова, Зуева и др. весьма сочувственно отнеслись къ появленію раскольнической газеты *Старообрядецъ*, несмотря на то, что она издается лицомъ вовсе не ихняго согласія. Такъ какъ издатель этой газеты, г. Чернышевъ, человѣкъ вовсе безъ средствъ, то безпоповцами собрана была довольно значительная сумма и отослана въ Коломыю, въ Австрійской Галиціи, гдѣ выходитъ помянутое изданіе» (*Русскія Вѣдомости* 1880 г., № 140).

Этотъ фактъ подтверждалъ также и корреспондентъ (*Русскаго Курьера*) изъ Покровскаго уѣзда. «Здѣшніе старообрядцы,—писалъ онъ,—весьма сочувственно отнеслись къ появленію раскольнической газеты *Старообрядецъ*, которая получается здѣсь многими изъ безпоповцевъ. Въ недавнее время между старообрядцами состоялась даже подписка въ пользу издателя помянутой газеты и собранная сумма отослана по принадлежности» (*Русскій Курьеръ* 1880 г., № 159).

Въ самомъ *Старообрядцѣ* было помѣщено много писемъ и заявленій отъ раскольниковъ, которые выражали свое сочувствіе дѣятельности издателя газеты и изъявляли готовность оказать ему

полное содѣйствіе. Приводимъ здѣсь маленькое извлеченіе изъ одного подобнаго письма, полученнаго г. Чернышевымъ изъ Херсонской губерніи: «Честнѣйшій въ иноцехъ, отецъ Никола! Первымъ долгомъ чувствительнѣйше имѣю честь поздравить васъ на поприщѣ богодухновенной, для всѣхъ старообрядцевъ утѣшительной газеты, которой начало и основаніе положилъ самъ Параклитъ святый. Она—защита и утѣшеніе русскаго народа, безвинно угнетеннаго и безмолвно молчащаго и по нынѣ многотерпѣливо переносящаго несчастную свою долю,—всѣ невзгоды, обиды, насмѣшки, клеветы и порицаніе «раскольникъ», нами не заслуженное. Дерзай, великій народолюбче! не унывай, мы всѣ готовы помогать, только скажи въ чемъ, мы не пожалѣемъ тлѣнныхъ денегъ, только не оставляй своего неоцѣненнаго для насъ труда» и т. д.

Въ заключеніе приведемъ написанные русскимъ старообрядцемъ къ издателю газеты и помѣщенные въ одномъ изъ № *Старообрядца* стихи, въ которыхъ также выражается сочувствіе направленію газеты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлается призывъ ко всѣмъ старообрядцамъ, чтобы они оставили, наконецъ, свой «постыдный разладъ» и сомкнулись бы въ одну дружную, сплоченную семью.

«Богъ въ помощь Вамъ, благодѣтелю нашъ,
Труды Ваши сіи вельми пользуютъ насъ.
Звукъ Вашего голоса извнѣ
Поставляетъ и насъ со всѣми наравнѣ.
Первый тамъ раздался онъ,
Страждущихъ защищаетъ онъ.
Радостно на душѣ стало,
Что такое времячко настало.
Вамъ сила Вышняго вдохнула благодать
Къ оборонѣ своего народа стать.
Кто-жь поднять былъ долженъ примиренья и свободы гласъ,
Какъ не старшій братъ у насъ?
. . . . . .
Поспѣшимте, братья старообрядцы,—
Вѣдь, между собою мы всѣ братцы,—
Сбросить постыдный нашъ разладъ,
Чему изъ насъ, сдается, каждый будетъ радъ.
. . . . . .
Стыдно, стыдно, братцы, цѣль имѣть одну,
А расходиться въ разныя стороны по одному.

Совокупно и въ совѣтѣ нужно быть,
Если хочемъ нашу цѣль осуществить!»

IX.

«Братства».

Настоящій очеркъ былъ бы не полонъ, если-бъ мы ничего не сказали о тѣхъ кружкахъ или «братствахъ», которыя возникаютъ въ послѣднее время въ средѣ старообрядцевъ и которые ставятъ себѣ цѣлью обсужденіе и выясненіе не только священнаго писанія, но и всякаго рода вопросовъ, относящихся до церкви, религіи и общественнаго положенія старообрядцевъ. Подобное «братство», лѣтъ 6 тому назадъ, возникло, между прочимъ, въ Москвѣ, подъ руководствомъ старообрядческаго священника Прокопія Лапшина.

Чаще всего въ собраніяхъ этого «братства» идутъ разсужденія и даже читаются цѣлые *рефераты* о различныхъ нуждахъ современнаго старообрядчества или же обсуждаются вопросы, касающіеся исторіи раскола, толкуется объ изданіи тѣхъ или другихъ матеріаловъ, относящихся до исторіи старовѣрія, разбираются выходящія вновь книги по расколу и т. д. Наконецъ, на этихъ собраніяхъ все чаще и чаще начинаютъ раздаваться рѣчи о необходимости «возрожденія старообрядчества и нравственнаго обновленія его».

На одномъ изъ подобныхъ собраній московскихъ старообрядческихъ дѣятелей, недавно, разсуждали, между прочимъ, относительно обнародованія манускриптовъ Павла Великодворскаго, оставшихся послѣ учрежденія австрійско-бѣлокриницкой митрополіи и находящихся въ настоящее время въ рукахъ одного изъ членовъ «братства». Присутствовавшій въ собраніи старообрядецъ Д—въ высказалъ, что нѣкоторые изъ миссіонеровъ господствующей церкви настоятельно требуютъ рукописи Великодворскаго для напечатанія въ видахъ разъясненія истины. Но удовлетворить это требованіе, по мнѣнію Д—ва, никакъ невозможно, по той причинѣ, что все то, что говорится въ нихъ въ пользу старообрядческой іерархіи, будетъ искажено.

Другой изъ членовъ собранія, А—нъ, высказалъ, что «всѣ важнѣйшіе документы, хранившіеся въ архивѣ бѣлокриницкой митрополіи, и такъ уже похищены; при помощи ихъ изданы

цѣлые томы и безчисленное множество брошюръ, направленныхъ противъ старообрядчества, но *правдиваго во всѣхъ этихъ изданіяхъ очень мало*. Поэтому, по мнѣнію А—на, предоставлять въ распоряженіе тѣснителей старообрядчества послѣднія важнѣйшія рукописи было бы крайне опрометчиво. «Когда поослабнутъ, современемъ, цензурныя стѣсненія,—сказалъ въ заключеніе А—нъ,—мы и сами постараемся ознакомить съ ними всѣхъ интересующихся» (*Русск. Вѣдом.*).

Въ другой разъ въ засѣданіи «братства» представлена была собранію только что вышедшая тогда книга извѣстнаго богослова Т. И. Филиппова: *Современные церковные вопросы*, причемъ были прочитаны изъ нея наиболѣе выдающіяся мѣста о несправедливомъ отношеніи господствующей церкви къ старообрядчеству. Собраніе признало полезнымъ рекомендовать трудъ г. Филиппова провинціальнымъ старообрядческимъ дѣятелямъ. Въ тотъ же разъ собраніе постановило: собрать всѣ матеріалы, относящіеся къ исторіи старообрядческой іерархіи, и поручить разработку ихъ старообрядческимъ писателямъ.

Но особенный интересъ представляетъ отчетъ о засѣданіи «братства», происходившемъ 13 декабря 1881 года. Въ началѣ членъ «братства» П. Я—въ прочелъ свой рефератъ «о гоненіяхъ на старообрядцевъ въ царствованія Петра I и Николая I». Заимствовавъ изъ обнародованныхъ архивныхъ матеріаловъ прискорбные факты различныхъ стѣсненій, которымъ подвергались старообрядцы, Я—въ сгруппировалъ собранныя имъ печальныя страницы исторіи русскаго старообрядчества въ небольшомъ сжатомъ очеркѣ. Нѣкоторые изъ фактовъ, приведенныхъ въ рефератѣ, казались даже невѣроятными, и трудно было бы вѣрить, еслибъ не имѣлись на это неоспоримыя доказательства.

Въ заключеніе Я—въ, указавъ на обширную коллекцію представленныхъ имъ въ собраніе такъ называемыхъ «противораскольническихъ сочиненій», которыми такъ богата наша духовная литература, Я— въ старался доказать, что «этими именно пристрастными писаніями, изложенными далеко не въ христіанскомъ духѣ, а въ духѣ злобы и ненависти къ старообрядчеству, и распространенъ расколъ на Руси».

Другой членъ «братства», И. А—нъ, говорилъ по вопросу о возвращеніи въ Россію заграничныхъ старообрядцевъ. Стѣсненія, направленныя противъ старообрядцевъ, привели къ тому, что многіе изъ ревнителей старины вынуждены были оста-

вить родную землю и переселиться въ басурманскія государства, гдѣ нашли нѣкоторое покровительство. «Для насъ утѣшительно то, по крайней мѣрѣ,—сказалъ, между прочимъ, А—нъ,—что наши братья и за предѣлами Земли Русской не утратили ни языка, ни обычаевъ, ни вообще русской самобытности». Затѣмъ А—нъ прочелъ въ собраніи нѣсколько писемъ заграничныхъ старообрядцевъ, въ которыхъ ясно высказывается ихъ стремленіе на родину, тоска по родной землѣ. По словамъ А—на, «еслибъ не было препятствій относительно религіозной свободы, то эмигранты-старообрядцы давно бы оставили чужбину и вернулись бы домой».

Заявленіе это вполнѣ подтвердилъ другой членъ братства, П—въ, который, между прочимъ, сообщилъ, что единичныя переселенія старообрядцевъ изъ-за границы въ Россію стали повторяться съ 60-хъ годовъ, какъ только у насъ начала обнаруживаться нѣкоторая вѣротерпимость по отношенію къ расколу. «Правительство,—сказалъ П—въ,—однимъ словомъ могло бы вернуть эмигрантовъ на родину, обезпечивъ лишь имъ, а вмѣстѣ съ ними и намъ, свободное отправленіе богослуженія и уравненіе нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ».

Затѣмъ въ собраніи выступилъ съ рѣчью г. Д—въ, указавшій на то, что «въ видахъ возрожденія старообрядчества и нравственнаго обновленія», архіерейскія старообрядческія кафедры слѣдуетъ замѣщать наиболѣе просвѣщенными іерархами, которые бы являлись всюду представителями старообрядчества, христіанскими пастырями въ полномъ смыслѣ слова, которые бы въ извѣстныхъ случаяхъ ходатайствовали за старообрядцевъ, защищали ихъ отъ полицейскихъ стѣсненій. «Пусть они будутъ достойными представителями 15-ти милліоннаго старообрядческаго міра,—сказалъ Д—въ,—а съ безграмотными пастырями мы далеко не уйдемъ».

Въ концѣ засѣданія членъ «братства» Е—въ обратилъ вниманіе собранія на переписку съ провинціальными старообрядческими дѣятелями, находя обмѣнъ мыслей и взглядовъ вообще полезнымъ, особенно въ виду разрозненности, господствующей среди старообрядцевъ. При этомъ были прочтены представленныя Е—вымъ собранію письма старообрядческихъ начетниковъ изъ Казани, Оренбурга, Саратова, Кіева, Клинцовъ и другихъ мѣстъ (*Русскія Вѣдомости* 1881 г., декабрь).

Въ заключеніе замѣтимъ, что кружки, сходные съ только что описаннымъ «братствомъ», кромѣ Москвы, можно встрѣтить

въ Казани, Хвалынкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Въ Казани, при одномъ изъ такихъ кружковъ, существуетъ даже весьма порядочная библіотечка, постоянно пополняющаяся всѣми изданіями и статьями, которыя имѣютъ хотя отдаленную связь съ вопросомъ о расколѣ.

Да не подумаетъ читатель, что подборомъ фактовъ въ извѣстномъ направленіи мы желаемъ во что бы то ни стало «разрисовать» старообрядчество, представить его исключительно прогрессивнымъ элементомъ въ русской народно-общественной средѣ. Совсѣмъ нѣтъ: мы далеки отъ подобнаго желанія, ибо прекрасно сознаемъ, что если средній раскольникъ дѣйствительно нѣсколько выше по развитію средняго мужика православнаго, то, все-таки, эта «высота» составляетъ еще черезъ-чуръ ничтожную ступеньку въ лѣстницѣ общечеловѣческаго развитія, чтобы можно было, основываясь на ней, выставлять старообрячество какимъ-то свѣточемъ прогресса и образованія. Мы хотѣли лишь обратить вниманіе на тѣ запросы и проявленія умственной жизни въ расколѣ, которые въ послѣднее время несомнѣнно сказываются въ немъ все сильнѣе, опредѣленнѣе, настойчивѣе и которые поэтому настоятельно нуждаются въ скорѣйшемъ, по возможности, удовлетвореніи.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ сдѣлано было нѣсколько попытокъ, клонившихся къ облегченію тяжелаго положенія русскаго старообрядчества. Въ числѣ этихъ попытокъ первое мѣсто принадлежитъ, безспорно, закону 3 мая 1883 года, «даровавшему раскольникамъ нѣкоторыя права гражданскія и по отправленію духовныхъ требъ». Но, къ сожалѣнію, и этотъ законъ проходитъ совершеннымъ молчаніемъ вопросъ объ удовлетвореніи давно и вполнѣ назрѣвшихъ потребностей умственной жизни раскола.

А. Пругавинъ.

КАИНОВО ПЛЕМЯ.

(Романъ).

I.

Золотая красавица.

— Еще поленту.... двѣ.... три.... заказывалъ на палубѣ парохода «Фениче» маленькій, необыкновенно бодрый старичекъ, выбритый и чистенькій, съ красною ленточкой въ петличкѣ плотно обтягивавшаго его чернаго сюртука, несмотря на то, что солнце сегодня пекло, обливая своими горячими лучами и черномазаго лакея, и двухъ прехорошенькихъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ за однимъ столикомъ съ нашимъ путешественникомъ. «А вамъ, Татьяна Борисовна?—обернулся онъ къ полной дамѣ, еще хорошо сохранившійся, несмотря на свои сорокъ лѣтъ.

— Я не могу... Мнѣ жарко!—Съ ея покраснѣвшаго отъ зноя лица при каждомъ движеніи осыпалась пудра. Еще красивые черные глаза смотрѣли устало. Завитые съ утра волосы давно уже распрямились и прилипли ко лбу.

— Еще бы вы, тетя, въ бархатъ вырядились!—засмѣялась золотая красавица. Иначе нельзя было и назвать эту чудную головку, словно сгибавшуюся подъ тяжестью золотыхъ волосъ. Большіе темно-синіе глаза подъ темными бровями горѣли веселостью, молодостью, счастьемъ; тонкія ноздри раздувались, какъ будто ей было мало воздуха, какъ будто грудь не могла надышаться на просторѣ этого чуднаго озера.—А по моему,—продолжала она,—церемонится нечего. Тутъ не дома, значитъ корсеты долой. Вотъ какъ я...

— Ужь не въ капотѣ ли еще выйти?

— Хотя бы и въ капотѣ. Мы, тетя, все равно, что на необитаемомъ островѣ...

— А люди кругомъ?

— Кто же изъ нихъ понимаетъ по-русски? Теперь можно во всю!

— Надя! —остановилъ ее отецъ.

— Ну, папа, молчи!... Ты тоже хорошъ. Точно въ свою контору собрался. Сюртукъ на всѣ пуговицы... Эта противная ленточка; лучше бы розу въ петличку... Та, по крайней мѣрѣ, хорошо пахнетъ... Вотъ посмотри: около насъ — итальянцы... Видишь, какъ они?

За столикомъ рядомъ сидѣло двое туристовъ. Одинъ изъ нихъ, замѣчательно красивый, съ горячими карими глазами и съ синевато-черною гривою волнистыхъ волосъ на головѣ невольно обращалъ на себя общіе вниманіе. На немъ была соломенная шляпа, поля которой, загнутыя спереди вверхъ, будто нарочно открывали это гордое лицо съ маленькими завившимися отъ природы усами и такою же бородкой. Рядомъ съ нимъ сильно-таки пожившій господинъ, тщательно одѣтый въ пеструю матерію. На обоихъ не было жилетовъ; ихъ, по мѣстному обычаю, замѣняли ярко красныя купальныя фуфайки. За то въ петличкахъ красовались маленькіе букеты цвѣтовъ.

— И какіе они молодцы оба!—словно про себя замѣтила Татьяна Борисовна.

— Смотрите! А если они понимаютъ?—замѣтилъ старикъ отецъ.

— Эти-то понимаютъ!—сорвалась Надя.—Развѣ ты не видишь типъ какой? У насъ, на сѣверѣ, такихъ нѣтъ.

Камерьеръ бѣгомъ черезъ всю палубу разлетѣлся къ столу, за которымъ сидѣли русскіе, и бросилъ на скатерть двѣ тарелки съ полентой. Пронизанные вилками, воробьи, какъ символъ страждущей невинности, лежали лапками кверху, свидѣтельствуя предъ небесами о кровожадности человѣческаго рода.

— А еще порція?

— Я попрошу синьора или синьоръ вынуть одну изъ вилокъ... У насъ не хватило ихъ для воробьевъ...

— Только-то! засмѣялась Надя. — Вотъ возьмите! И она быстро выхватила изъ своихъ волосъ длинную серебряную шпильку. Громадныя, густыя косы, какъ двѣ золотыхъ змѣи, глухо шурша, упали за спинку стула, оттянувъ назадъ эту горѣвшую румянцемъ молодую головку.

— Послушайте, Надя... можно ли?..—пришла въ ужасъ Татьяна Борисовна.

— У меня, тетя, вѣдь свои, — съ едва-едва замѣтною ироніей оправдывалась Надя, внезапно принимая смиренный видъ.

Татьяна Борисовна разомъ смолкла, недовольно поправляя свой шиньонъ.

— Что же вы?—обернулся къ кельнеру старикъ.

Тотъ стоялъ совсѣмъ оцѣпенѣлый. Косы Нади видимо озадачили его.

— Какая красавица! — едва-едва проговорилъ онъ.—Santa-Maria-Misericordia! спаси меня и всякаго вѣрующаго христіанина отъ такихъ глазъ!

Сидѣвшіе за столомъ невольно расхохотались. Не обращая на это вниманія, камерьеръ взялъ шпильку, съ религіознымъ благоговѣніемъ поцѣловалъ ее и медленно отправился на кухню.

— Ну, можно ли такъ шалить, Надя?—вмѣшалась молчавшая до сихъ поръ ея подруга. Это была совсѣмъ изъ другаго поля ягода. Она сидѣла выпрямившись, сложивъ руки на колѣняхъ, и вообще всею своею фигурой изображала самое безпощадное приличіе.

— Да! Вотъ бы ты съ Ксеніи брала примѣръ!—одобрялъ ее старикъ.

— Что мнѣ съ нее примѣръ брать? Она, вѣдь, себя въ Индію готовитъ.

— Куда, зачѣмъ?

— Въ индѣйскіе боги... Сядетъ на подушку, сложитъ ручки, да тысячу лѣтъ такъ и просидитъ, а передъ нею брамины будутъ жечь благоуханія, баядерки танцовать... Бѣлые слоны....

— Ну, довольно,—расхохоталась Ксенія, прерывая ее.

— Почему тебѣ бѣлые слоны не нравятся, Ксенія Истукановна?... Эге... вижу куда ты смотришь.

— Никуда не смотрю!—вспыхнула та.

— И на этого итальянца сосѣда не смотришь, нѣтъ? Вотъ и попалась! Да, вѣдь, и правда, можно засмотрѣться. Папа, поди познакомься съ нимъ!...

— Что ты, съ ума сошла?

— Голубчикъ, папочка, познакомься съ этимъ... ну, пожалуйста... я хочу... а то я сама познакомлюсь.

Двое путешественниковъ рядомъ обмѣнялись взглядами. И они сообразили, что дѣло идетъ о нихъ.

— Съ тобой влетишь!—недовольно отвернулся старикъ.— Богъ знаетъ, чему васъ въ этихъ заграничныхъ пансіонахъ учатъ!

— Закону Божію, математикѣ, исторіи, географіи, словесности...

— Довольно, довольно!...

— Рисованію, танцамъ, рукодѣлію, музыкѣ, — сыпала та точно бисеръ, мѣняясь улыбками съ Ксеніей.—Что же, тебѣ мало этого? Ну, зоологіи, ботаникѣ, французскому, нѣмецкому...

Отецъ заткнулъ уши. Надя успокоилась.

— Хоть бы вы, Татьяна Борисовна, прибрали ее къ рукамъ. Ни на что не похоже. Четыре мѣсяца какъ выскочила изъ клѣтки и—не угодно ли? Бѣсенокъ...

— А вотъ я за бѣсенка...

— Ну?

— Возьму да разцѣлую тебя... Сейчасъ, при всѣхъ... И Надя вскочила.

— Сумасшедшая, совсѣмъ сумасшедшая... Вонъ влюбленный камерьеръ твою поленту несетъ.

— Точно волхвъ съ дарами!

Камерьеръ дѣйствительно подвигался впередъ медленно, не отводя глазъ отъ Нади. На свое несчастье, онъ не замѣтилъ каната, лежавшаго на палубѣ, споткнулся объ него и разомъ легъ на земь къ ногамъ дѣвушки. Тарелка съ полентой и серебряная шпилька съ воробьями полетѣли за бортъ. Кругомъ послышался неудержимый хохотъ. Освирѣпѣвшій итальянецъ вскочилъ, бросился къ борту, невѣдомо къ кому адресовалъ добрую дюжину ругательствъ, проклялъ при этомъ случаѣ всѣхъ святыхъ и, кстати, словно мимоходомъ, задѣлъ чорта, ткнулъ каблукомъ канатъ и, не зная на кого ему обрушиться, стремглавъ спустился въ кухню, откуда сейчасъ же послышался его негодующій голосъ. Ему отвѣтили тамъ еще болѣе звучною бранью; до путешественниковъ донесся шумъ бравурнаго дуэта и минуту спустя лакей выскочилъ вверхъ весь красный, поправляя прическу и баки и посылая какого-то Антоніо прямо въ лапы къ самому Вельзевулу.

— За это и останешься безъ поленты! — укоризненно замѣтилъ старикъ.

— Во-первыхъ, за что это?... а, во вторыхъ, я хочу вовсе не поленты...

— А чего же?

— Замужъ!..

— Что такое?—привсталъ, точно не вѣря самому себѣ, отецъ.

— Вмѣсто поленты, замужъ хочу; вотъ за этого самого итальянца. Папаша, голубчикъ, посватай меня!

— Не обращайте на нее вниманія, Андрей Федоровичъ!—величественно отвернулась Татьяна Борисовна.

— А тетю выдай за его товарища. Онъ тоже еще красивый!.. Ему не больше сорока пяти...

— Пойду ли я! съ негодованіемъ отозвалась тетя, поправляя развившіеся волосы.

— А если онъ попроситъ, тетя милая, станетъ онъ передъ вами на колѣни, возьметъ за руку и начнетъ: звѣзда души моей, планета моего существованія? О ты, которая изъ дѣтства, внушила мнѣ священный жаръ...

Ксенія не выдержала, расхохоталась. Расхохотались и рядомъ сидѣвшіе итальянцы.

— Видишь ты, до чего довела? Всѣ смѣются надъ нами! —оборвалъ ее отецъ, смущенно поглядывавшій на сосѣдей.

— А тебѣ, папаша, стыдно?.. Знаешь почему стыдно?—не унималась она:—потому, что ты надѣлъ своего Владиміра въ петличку и важничаешь... А если бы у тебя вмѣсто противной ленточки цвѣты были, ты и самъ хохоталъ бы съ нами... Вотъ тебѣ!

Андрей Федоровичъ Столѣшниковъ—банкиръ изъ Петербурга, сдѣлавшійся милліонеромъ, только благодаря своей предпримчивости и коммерческой смѣтливости, еще помнилъ то время, когда онъ съ покойницей женой, отказывая себѣ во всемъ, перебивался гдѣ-то на высотѣ пятаго этажа въ одной изъ Подъяческихъ, желая дать блестящее воспитаніе единственной дочери своей, Надѣ. Ее отправили въ Дрезденъ, въ знаменитый пансіонъ Гернсаха, и она только весною выпорхнула изъ этой клѣтки, найдя давно овдовѣвшаго отца крупнымъ капиталистомъ и однимъ изъ законодателей петербургской биржи. Столѣшниковъ пригласилъ къ ней не то въ качествѣ дальней родственницы, не то компаніонки Татьяну Борисовну Синегубъ-Бровкину, эффектную даму, задиравшую носъ со всѣми по двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, ея мужъ былъ генералъ, хотя и интендантскій, тѣмъ не мѣнѣе превосходительный; во-вторыхъ, ея отецъ происходилъ по прямой линіи отъ того самаго достославнаго князя Оболдуй-Тараканова, который, два раза нещадно побитый батогами, бѣжалъ къ полякамъ, вмѣстѣ съ ними воевалъ противъ русскихъ, но, вы-

сѣченный плетьми какимъ-то Сапѣгой, вернулся опять въ Россію, гдѣ его вновь отодралъ Борисъ Годуновъ. Эти историческія воспоминанія давали Татьянѣ Борисовнѣ необычайный престижъ и она вообще любила поговорить о «страданіяхъ своихъ предковъ». Имъ дѣйствительно везло и Синегубъ-Бровкина вправѣ была гордиться этимъ. Второй, извѣстный въ исторіи, Оболдуй-Тараканов связалъ свое имя съ царствованіемъ Петра Великаго, который немогъ его встрѣтить, чтобы не отдуть знаменитою дубинкою, и, наконецъ, когда мудрому преобразователю Россіи надоѣло это, онъ для краткости взялъ да и повѣсилъ князя. Слѣдующій затѣмъ представитель великаго рода былъ въ числѣ шутовъ при Аннѣ Іоанновнѣ и употреблялся Бирономъ въ качествѣ послуха и доносчика. Этому удалось сохранить себѣ жизнь, но за то онъ поплатился ноздрями и близко ознакомился съ тундрами Сѣвера. Его потомокъ вновь прославился, попавшись во время севастопольской кампаніи въ геніальной попыткѣ продовольствовать солдатъ смѣсью песка и древесной коры, дабы, впушивъ имъ отвращеніе къ жизни, содѣлать христолюбивое воинство еще болѣе храбрымъ. Его не поняли и разжаловали въ солдаты. Синегубъ-Бровкина разсказывала эти эпизоды нѣсколько иначе, добившись до сихъ поръ только одного—названія «исторической дамы», которымъ ее окрестила Надя. Третья особа этого маленькаго кружка—Ксенія, подруга Столѣшниковой, была просто на просто Аксинья Капитоновна Бубнова. Ея мамаша,—кронштадтская мѣщанка Домна,—умерла давно, оставивъ дочку на попеченіе отца — тогда десятника Капитона Бубнова, а теперь милліонера и крупнаго заводчика. Нужно къ этому прибавить, что фамилія ея мамаши была совершенно отлична отъ отцовской и самъ отецъ оффиціально звалъ ее не дочерью, а воспитанницей. Она училась вмѣстѣ съ Надей, готовила себя для сцены, была помѣшана на сдержанности и приличіи и, несмотря на дрезденскій пансіонъ, въ глубинѣ души оставалась все тою же кронштадтской мѣщанкой.

Когда пароходъ двинулся, наконецъ, впередъ, Надя засмотрѣлась на окрестности и мало-по-малу угомонилась.

— Ну, что, мошка, устала языкомъ чесать?—взялъ ее за руку отецъ.

— Ради Бога!.. папочка, потише...

— Это почему?

— А если Татьяна Борисовна услышитъ тебя: «мошка, языкомъ чесать»? что она скажетъ?... Что скажутъ безчисленныя

тѣни Оболдуй-Тараканових, Синегубъ-Бровкиных?.. Ты только подумай.

Столѣшниковъ улыбнулся.

— Она, все-таки, почтенная дама... Ее въ Петербургѣ всѣ любятъ и уважаютъ,—наставительно проговорилъонъ.—Она у самого Сергѣя Сергѣевича Велинскаго чай разливаетъ.

— Который уже разъ ты говоришь о Велинскомъ? Что это такое?

— Не что, а кто... Я на биржѣ—генералъ, а онъ царь... Поняла?.. Онъ, душа моя, въ сорока милліонахъ,—съ нѣкоторымъ ужасомъ проговорилъ отецъ.

— Поняла. Что-нибудь вродѣ Далай-Ламы или Великаго Могола...

— Ну, вотъ ты всегда такъ! Онъ у насъ бываетъ. Изволь съ нимъ быть любезна...

— Съ нимъ разговаривая, становятся на колѣни, да?..

Столѣшниковъ отмахнулся и отошелъ прочъ съ Татьяной Борисовной. Дѣвушки остались однѣ.

— Какъ хорошо! Ксенія, посмотри...

Едва ли гдѣ-нибудь есть другое такое озеро, какъ Ди-Гуардо. Кто разъ побывалъ здѣсь, тотъ до конца жизни сохранитъ благодарное воспоминаніе объ этой величавой улыбкѣ, которою прощается Италія съ путешественниками, уѣзжающими въ туманы и холода своего далекаго края. Она, ревнуя, какъ будто хочетъ разъ на всегда запечатлѣть въ ихъ сердцахъ свой чудный образъ, чтобы потомъ уже никакая другая страна не могла остановить на себѣ ихъ влюбленнаго взгляда. Позади, на гребнѣ красивой горы, сбѣгалось въ одну группу Дезенцино; прямо передъ нашими путешественниками была безконечная панорама вершинъ, за которыми чудились снѣговые вѣнцы швейцарскихъ и тирольскихъ исполиновъ. Въ этой чудной рамкѣ струится совсѣмъ аквамариновое озеро, съ красными и желтыми парусами своихъ бателло, съ городками, задыхающимися въ своихъ старинныхъ стѣнахъ, какъ рыцарь, растолстѣвшій въ прежнихъ латахъ. Сады за садами... Изъ-за зеленыхъ облаковъ ихъ подымаются то суровыя, разъ на тысячу лѣтъ нахмурившіяся башни, то бѣлыя колокольни соборовъ съ стрѣльчатыми окнами; изъ ущелій между вершинами, чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе величавыми ползутъ облака, и точно трудно имъ оторваться отъ этихъ горъ: такъ и замираютъ между ними, лѣнясь подняться къ чи-

стому, дѣвственному сегодня небу. Вонъ длинный мысъ... На нѣсколько верстъ вдался онъ въ спокойныя воды озера съ юга, точно узкая тополевая роща... Изъ-за нея колосальная стѣна старой крѣпости... Еще какой-то замокъ съ мрачной романтической башней... Подъ конецъ мысъ вдругъ выростаетъ, горбится, словно хребетъ сказочнаго чудовища, и массами изорваннаго гранита рушится прямо въ изумрудную влагу. Тутъ стояла знаменитая когда-то вилла римскаго поэта Катулла - Сирміонъ, отъ которой и весь этотъ мысъ получилъ свое названіе. Всюду вершины, ущелья и замки, четыреугольныя зубчатыя башни, зубчатыя стѣны. Зелень точно ведетъ войну съ ними: подступитъ, обойметъ, старается задушить ихъ гущею своихъ вѣтвей, заползаетъ вверхъ, цѣпляясь за каждую скважину, бросаетъ свои губительныя петли на зубцы, цѣлыми снопами зеленой листвы заполоняетъ бойницы, а стѣны стоятъ себѣ да стоятъ, все больше и больше хмурясь на веселый блескъ воды, на горячее солнце, на безпечныя лица рыбаковъ, пользующихся каждымъ порывомъ вѣтра изъ темнаго ущелья, чтобы выкинуть точно священную орифламму—желтый парусъ своего граціознаго суденышка. Вотъ Лазиза — цѣлый городъ замковъ... Одинъ изъ нихъ выступилъ прямо въ воду. Теперь въ немъ тишина. Старуха со стѣны спустила внизъ ноги и жмурится на солнцѣ. Сквозь рѣшетку глядитъ въ воду черномазый мальчуганъ и радуется тому, что бѣлая рубаха матери упала съ бойницы и тихо колышется на спокойной влагѣ едва замѣтнаго прибоя. Ди-Гуарда тѣмъ и хороша, что ласковую прелесть Италіи, ея горячую нѣгу, ея солнце и колоритъ она соединяетъ съ суровымъ величіемъ швейцарскаго пейзажа. Можно тысячу разъ проѣхать по чудному простору этого озера, и всегда оно, какъ лицо любимой женщины, вашему очарованному взгляду будетъ открывать новыя и новыя красоты... Маленькій портъ. Видѣнъ городъ съ старой колокольней готическаго собора. Узкія, обставленныя средневѣковыми домами, улицы перепутываются между собою. Ступени ихъ съ высоты спускаются прямо въ воду, и опять между ними стѣны старыхъ замковъ. И эти города, и эти горы удивительно сжились между собою. Они къ лицу другъ другу. Точно и тѣ, и другія вмѣстѣ родились, вмѣстѣ выросли, вмѣстѣ отпраздновали свою молодость, вмѣстѣ и состарѣлись. Чизано, Бардолино, Гардо... Одни за другими... И съ ними борется зелень разрастающихся садовъ и отъ нихъ, обезсилѣвъ въ борьбѣ, отступаетъ она назадъ...

— Какъ хорошо, какъ хорошо!—повторяла словно въ забытьи Надя.

Ксенія слегка толкнула ее локтемъ. Дѣвушка очнулась: рядомъ съ нею стоялъ красавецъ-брюнетъ, которымъ она любовалась такъ неприлично, по мнѣнію ея отца.

— Заговори съ нимъ Ксенія. Ты, вѣдь, по-итальянски, какъ по-русски...

— Этого не слѣдуетъ дѣлать,—наставительно проговорила та.

— Жаль, что я не знаю... Я бы сейчасъ объяснилась ему въ любви...

— Съумасшедшая!

— Да, вѣдь, все равно, онъ ничего не понимаетъ...

Къ итальянцу, очевидно, были неравнодушны и другія дамы парохода «Фениче».

Нѣсколько нѣмокъ столпилось вокругъ. Ахи и охи слышались оттуда. Каждая изъ нихъ вслухъ восхищалась пейзажами, искоса поглядывая на красавца. Но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— Какъ я ненавижу этихъ нѣмокъ!—ревниво проговорила Надя.—Особенно берлинскихъ...

— Тутъ есть и вѣнскія... Между ними никакого сходства...

— Ну, какже. Вся и разница, что между гусями и утками... Съ перевалкой на громадныхъ лапахъ и кривобокія, это—берлинскія, а получше оперенныя, но того же семейства,—вѣнки...

Дивное Сирміоне съ его замкомъ, развалинами термъ, виллами и гротомъ Катулла, отошло назадъ. Маленькое бателло съ красными парусами скользнуло у самаго парохода точно яркая птичка, весело распустившая крылья въ тепломъ воздухѣ. По берегамъ выдвигались и прятались въ свои тополи каменныя деревушки. Близко, близко проходилъ пароходъ мимо; часто можно было замѣтить смуглыхъ красавицъ, выглядывавшихъ въ окна домовъ. Вся закутавшаяся туманомъ—вершина горы Бальбо; сверху бѣлою ниткою падаетъ рѣка Тезино; внизу она ярится и пыжится, точно желая смыть тѣснящіяся къ озеру дома. Шумитъ она какъ большая; ворвалась въ сквозныя ворота какой-то башни, на ея кровлю невѣдомо какъ забрался козелъ, и съ какою важностью стоитъ этотъ бородатый философъ, презрительно глядя точно съ каѳедры на толпу дѣвушекъ, смѣющихся надъ нимъ снизу... И вездѣ жизнь и движеніе, вездѣ блескъ, звуки и краски... Все словно торопится куда-то, точно

вотъ-вотъ сейчасъ уже не будетъ времени, нужно окончить быстро, быстро... Вонъ одна гора громадною скалою на озеро надвинулась и точно на минуту пріостановилась, чтобы только пароходъ прошелъ подъ нею, а тамъ она сейчасъ же рухнетъ внизъ въ спокойную лазурь. Еще далѣе отвѣсные утесы стали кругомъ, образуя арену. На ней весь какъ на ладони, будто изваянный изъ одного камня, городъ съ замкомъ графовъ де-Вероне... И все это мѣшается опять съ кипарисами, персиковыми деревьями, платанами и айвами... И чудится, что кругомъ съ этихъ скалъ тысячи невидимыхъ существъ любуются внизъ и на суету людnаго города и на задумчивое озеро подъ ними. Надъ водою колосальная ниша: мраморный святой оттуда благословляетъ плывущихъ мимо.

— Посмотри, какая прелесть!—крикнула, не выдержавъ, Надя.

Все время передъ тѣмъ шли дожди. Массы водопадовъ стремятся внизъ по скаламъ. Серебряныя струи и бѣлые каскады то и дѣло шумятъ по сторонамъ. Ляписъ-лазуревыя горы между ними; вѣтеръ оттуда напояетъ воздухъ запахомъ лимона. Цѣлыя рощи его выросли въ горячихъ долинахъ между горами.

— Какъ бы я дорого дала, чтобы узнать, какъ называется этотъ городъ,—показала Надя на громадный замокъ, весь затопленный волнами плюща. Только одна арка видна была ей изъподъ этого наводненія цѣпкой зелени. Точно старыя стѣны отъ солнца прячутся въ нее. Кругомъ дома группами. Улицы ступенями вверхъ бѣгутъ; кое-гдѣ по ступенямъ этимъ словно догоняя кого-то, шумитъ водопадъ...

— Что за чудесное мѣстечко!... Ксенія! спроси у этого красавца, по-итальянски, какъ онъ называется?

— Я вамъ могу отвѣтить по-русски,—неожиданно обернулся къ нимъ сосѣдъ.

— Что?—оторопѣла Надя, мгновенно покраснѣвъ до корней волосъ.

— Я вамъ по-русски скажу. Это—Торре!

— Ксенія.... Прыгнуть мнѣ за бортъ?.. А?.. Съ разбѣгу! Я прыгну, право прыгну...

Надя, впрочемъ, моментально овладѣла собою и, церемонно присѣвъ, проговорила съ уморительною серьезностью: Надежда Андреевна Столѣшникова...

— Леонтій Петровичъ Коротковскій!—поклонился «итальянецъ» въ свою очередь.

— И вы все слышали?

— Все!—невозмутимо отвѣтилъ тотъ, любуясь плохо скрываемымъ смущеніемъ дѣвушки.

— И это по вашему честно?

— Что же прикажете мнѣ дѣлать?

— Ксенія, скажи ему, что если бы я была его сестрою, я бы немедленно нарвала ему уши... Ахъ, да!... Ксенія Капитоновна Бубнова! Моя подруга... Готовится въ Патти — меньше не согласна.

— А вы куда готовитесь?

— Я... я...—затруднилась Надя.—Ксенія, куда я готовлюсь?... Я—никуда. Мнѣ и такъ хорошо. А вы кто-жь такіе будете?—у меня няня Савишна, всегда такъ незнакомыхъ спрашиваетъ.

— Я—художникъ.

— Меньше чего не согласны?

— То-есть какъ это?

— Такъ. Она вонъ въ Патти, а—вы въ Рафаэли, что ли?

— Нѣтъ,—усмѣхнулся онъ.—Съ меня и своего довольно...

— Что-жь это мы надѣлали съ вами! совсѣмъ по-дѣтски всполошилась Надя.—Что скажетъ Татьяна Борисовна... Что скажетъ папа!.. Ну ужь теперь отдѣлывайтесь сами. Давайте вашу руку... Вотъ такъ... Ведите меня къ отцу и объясняйте ему какъ сами знаете наше знакомство...

Андрей Федоровичъ совсѣмъ погрузился въ разрѣшеніе вопроса, какимъ образомъ конь Татьяны Борисовны такъ внезапно подобрался къ его королевѣ. Держа въ рукахъ пѣшку, онъ забылъ все на свѣтѣ, какъ вдругъ его привело въ себя восклицаніе Синегубъ-Бровкиной.

— Посмотрите... Ради Бога, посмотрите! — показала она ему на парочку, приближавшуюся къ нимъ.

Надя съ необыкновенною важностью, копируя самоё Татьяну Борисовну, шла подъ руку съ нѣсколько смущеннымъ Коротковскимъ.

— Надя, какъ тебѣ не стыдно!—встрѣтилъ ее отецъ.

— Чего мнѣ стыдиться, папа?

— Ты знакомишься съ каждымъ встрѣчнымъ итальянскимъ шарманщикомъ. Это чортъ знаетъ...

— Позволь папа представить тебѣ нашего извѣстнаго и проч. и проч. и проч. художника Леонтія Петровича Коротковскаго...

— Чего-съ?—оторопѣлъ Столѣшниковъ.

— Простите меня,—началъ было Коротковскій.

— Позвольте мнѣ просить прощенія... У Сергѣй Сергѣевича Велинскаго ваши картины?..

— Мои.

— Извините... Я такъ радъ... Это все она...—вдругъ заторопился Столѣшниковъ.—Это все она напутала... Видите ли, дрезденское воспитаніе... Не угодно ли?.. Въ какое положеніе поставила!..

— Татьяна Борисовна Сипегубъ-Бровкина, по матери Оболдуй-Тараканова... Вы Карамзина читали? — съ поддѣльною серьезностію спросила Надя.

— Нѣтъ.

— И Соловьева не читали: «Русскую Исторію»?

— Читалъ!—сконфузился Коротковскій.

— По глазамъ вижу, что врете...

— Надя!

— Оставь, папа, не мѣшай... Но вы не смущайтесь: я и сама не читала. Прочтите, тамъ о предкахъ Татьяны Борисовны много есть... Она «историческая дама»...

— Надежда...

— Я развѣ виновата папа, что князья Оболдуй-Таракановы...

— Оставь, говорю тебѣ...

Послѣ первыхъ минутъ замѣшательства, разговоръ живо завязался между новыми знакомыми. Коротковскій представилъ своего товарища, оказавшагося тоже русскимъ. Это былъ Черноморцевъ—прогорѣвшій отпрыскъ знатной и большой фамиліи, проживавшій гдѣ-то въ Пизѣ только благодаря дешевизнѣ этого города. Разорившійся баричъ не считалъ возможнымъ показываться въ Петербургѣ. Только теперь, сдѣлавъ кое-какія экономіи, Черноморцевъ возвращался въ лоно своего отечества съ цѣлію... поправить свои дѣла женитьбой на богатой невѣстѣ.

— Хоть на козѣ, только съ золотыми рогами!—говорилъ онъ Коротковскому.

II.

Шахъ королевѣ.

Черноморцевъ не терялъ времени.

Ему оставалось недолго. Сорокъ пять лѣтъ уже стукнуло; нужно было торопиться. Слѣдовало или въ эти два-три года

отыскать себѣ подходящую партію, или вовсе отказаться отъ выгодной женитьбы.

— Скажите пожалуйста, ваша племянница Столѣшникова, изъ какихъ она?.. Это не дочь банкира?...

— Да, у насъ,—подчеркнула Татьяна Борисовна,—у насъ въ Петербургѣ банкирская контора... И кромѣ того, у насъ очень много дѣла. Андрей Федоровичъ—человѣкъ предпріимчивый... Онъ изъ ничего милліонеромъ сталъ. У меня же было всегда свое состояніе,—какъ будто мимоходомъ уронила она.

— Вотъ какъ!... У Черноморцева даже засосало подъ ложечкой. — Я такъ много слышалъ... Дѣйствительно, припоминаю теперь.

— Мы отправляемъ лѣсъ за границу черезъ Архангельскій портъ...

— Это... это должно быть очень выгодно,—замиралъ разорившійся баричъ.

— Какъ сказать?—небрежно уронила Татьяна Борисовна.— Разумѣется, мы не такъ богаты, какъ нашъ другъ Велинскій.

— Вы его знаете, значитъ?—совсѣмъ уже глупо переспросилъ Черноморцевъ.

— Какъ же... я у него—почти хозяйка... онъ, вѣдь, холостъ, на всѣхъ вечерахъ распоряжаюсь.

«Да она еще совсѣмъ красавица!—соображалъ Черноморцевъ, окидывая жаднымъ взглядомъ округленныя формы Синегубъ-Бровкиной, которыя едва могъ сдержать въ должномъ повиновеніи стальной корсетъ.—И ростомъ взяла... Вотъ бы мнѣ!... Только надо подойти ловко...

— Я потому васъ разспрашиваю такъ подробно, что у меня у самого есть свободныя деньги. Не знаю только куда помѣстить ихъ,—окончательно справился онъ съ собою.—Такъ тысченокъ двѣсти... Онѣ теперь приносятъ мнѣ пять процентовъ, но этого ужасно мало...

«Какъ я не замѣтила прежде... онъ очень красивъ,—соображала Татьяна Борисовна,—и со средствами... хорошая партія!

— Эта дѣвченка, Богъ знаетъ, какъ ведетъ себя,—внезапно вспыхнула она.—Посмотрите, пожалуйста. Простите, я на минуту оставлю васъ,—обернулась она къ своему спутнику...

Надя съ Коротковскимъ, отойдя отъ всѣхъ въ сторону, безцеремонно разсѣлись на связкѣ каната въ носу парохода и любовались оттуда окрестностями озера.

— Надя, возможно ли это? Отецъ зоветъ васъ...

— Сейчасъ, тетя, сейчасъ... Она теперь будетъ надоѣдать намъ!—фамильярно шепнула она Леонтію Петровичу.

— Я займу ее.

— Пожалуйста!.. Это еще что!

— Не самъ!—улыбнулся Коротковскій,—я напущу на нее Черноморцева.

— А что онъ такое?

— Искатель богатыхъ невѣстъ.

— Отлично..: Пойдемте къ нему... пока тети нѣтъ.

Черноморцевъ соображалъ: жениться ли ему, или нѣтъ, когда подошла молодая парочка.

— Вы бесѣдовали съ тетей?—съ притворнымъ равнодушіемъ спросила его Надя.

— Да... Татьяна Борисовна—удивительная женщина!

— А что?

— Какъ она хороша еще!.. Какой умъ, какія манеры!

— И, прибавьте, какое богатство!

— Такъ она дѣйствительно богата?—неосторожно сорвалось у Черноморцева. — Впрочемъ, это самое послѣднее дѣло! Что такое богатство? Мишура,—меланхолически вздохнулъ онъ.—Для счастья не то нужно.

— Я васъ оставляю пока однихъ... мнѣ надо къ отцу...

И Надя отправилась въ каюту.

— Послушай, Викторъ,—перешелъ къ дѣлу Коротковскій.

— Ну?

— Куй желѣзо, пока горячо: баба-то богата какъ чортъ.

— Кого это вамъ угодно называть бабой?—обидѣлся Черноморцевъ.—Кого это вы сравниваете съ чортомъ?

— Да эту... старуху крашеную...

— Кто это—крашеная старуха?—уже совсѣмъ по-павлиньи распустилъ онъ свой хвостъ.

— Фу, дуракъ!.. Если хочешь, чтобъ я тебѣ помогалъ, такъ брось этотъ тонъ со мною.

— Видишь, Леонъ,—внезапно смирился Черноморцевъ,—мои дѣла такъ плохи, такъ запутаны...

— Что тебѣ необходимо жениться?. Ну, такъ не упускай: окончи до Вѣны, а въ Вѣнѣ зови къ себѣ шаферомъ.

— И она, вѣдь, вовсе не дурна еще: какой бюстъ, какія плечи!

— Да, дама рыхлая, что говорить. Вонъ она, вонъ она съ съ Надей... иди къ нимъ...

Надя тоже не теряла времени даромъ.

— Тетя, Черноморцевъ-то... совсѣмъ влюбился въ васъ?.. Только и разговору: какая красавица, какія манеры!...

— Что-жь? Онъ человѣкъ со вкусомъ... и смотритъ джентльменомъ.

— Знаете, тетя: Коротковскій говоритъ, что онъ богатъ,— лукавила Надя.

— До его состоянія мнѣ нѣтъ никакого дѣла!—величественно уронила она.—Вотъ, что,—разомъ перешла она въ другой тонъ.—Узнайте у этого художника, Надя, въ чемъ состояніе Черноморцева: въ деньгахъ или имѣніяхъ?

— Хорошо.

— Меня это мало интересуетъ, но, видите ли, всегда надо знать съ кѣмъ имѣешь дѣло.

— Татьяна Борисовна!—подошелъ въ эту минуту Черноморцевъ,—позвольте показать вамъ... тутъ одно чудное мѣсто...

— Ахъ, пожалуйста... я такъ люблю природу...

— Молодцомъ обстряпалъ!—смѣялся, уходя въ другую сторону, Коротковскій съ сіяющею Надей.

Озеро впереди узилось. Тяжело пыхтя, пароходъ пробѣгалъ мимо длинныхъ горныхъ мысовъ, далеко выступавшихъ въ спокойныя воды. Голубыми заливами вливались онѣ въ прихотливо изгибавшіяся ущелья. Рѣдкая зелень винограда, тяжелыя массы фиговыхъ деревьевъ и серебристый налетъ оливокъ то и дѣло мѣняли колоритъ берега... Опять бѣшеный водопадъ сорвался сверху и, разбившись въ бѣлое облако брызгъ, злится и клокочетъ въ немъ... Слѣдуя за нимъ до вершины, видишь, что эта вода стремится изъ вѣчнаго мрака, изъ самаго сердца горы, пробивъ себѣ сквозь его утесы нежданный выходъ. Не такъ ли и въ душѣ долго хоронится свѣтлая мысль, запасъ силъ и чувствъ — и только найдя выходъ, рвутся они на волю могучимъ потокомъ?.. Противъ маленькаго Кастелето, по другую сторону озера, неожиданно сбрасываетъ съ себя плащъ изъ оливковыхъ и лимонныхъ рощъ старинный Гариньяно. Берегъ все становится отвѣснѣе. Каменныя стѣны рушатся внизъ. Ближе къ Тиролю, дальше отъ Италіи и горы выше и грознѣе. Холодомъ вѣетъ отъ нихъ. Чувствуются Альпы. Тучи, словно слѣпыя, медленно, ощупью выползаютъ изъ ущелій, припадаютъ къ

водамъ озера и напоенныя уносятся дальше. Изъ одной тѣснины вырвался вѣтеръ, надулъ желтый парусъ маленькаго суденышка, чуть не въ самый пароходъ разогналъ его и съ дикимъ стономъ унесся въ противоположное ущелье — на ту сторону. Каменный островокъ, на немъ каменная башня... Блекнутъ краски дня... Зарево заката горитъ на снѣговыхъ вершинахъ Альпъ. Каменная башня съ каменнымъ островкомъ уже прячутся въ сумерки... Скоро трудно опредѣлить, гдѣ кончаются тучи, гдѣ начинаются снѣга. Вершины ли это горныя или облака, поднявшіяся къ ночи... И всѣ эти горы, утесы и тучи грозною, чудовищною массой повисли надъ Мальтезиной... Какое дивное мѣсто!...

Облокотясь на руку Коротковскаго, Надя заглядѣлась туда. Не оторваться! Такъ хорошо ей, такъ легко.

— Видите вы въ Мальтезинѣ старинную крѣпость?—показала она на угрюмыя, грандіозныя стѣны и башни.—Какая мрачная!

— Эта замокъ Шарлеманя...

— Карла великаго?—вспомнила она свои книжки.

— Да... Посмотрите какъ къ нему жмутся, точно испугались и просятъ защиты, дома этого красиваго городка...

— Я не знаю мѣста лучше...—прошептала она, отъ вечерняго холода прижимаясь ближе къ Коротковскому.

— А я... я не знаю лица красивѣе вашего,—съ страстнымъ шопотомъ наклонился къ ней художникъ.

Она молчала.

— Съ того самаго момента, какъ я васъ увидѣлъ... съ той самой минуты, какъ...

Ея лицо было такъ близко къ нему, точно дразнило его. Онъ чувствовалъ, что ея щеки горятъ теперь... Ишь какъ ходятъ тонкія розовыя ноздри!... Кровь ударила ему въ голову... «Э!.. будь, что будетъ»,—мелькнуло у него въ головѣ. Онъ крѣпко прижалъ къ себѣ локтемъ ея руку, наклонился и не успѣла дѣвушка понять, что онъ дѣлаетъ, какъ Коротковскій точно скользнулъ губами по ея лицу.

— Вы... вы съ ума сошли?!—разомъ вспыхнула Надя, вырывая свою руку.

— Простите... забылся... Я... люблю васъ!—совсѣмъ уже глупо оправдался онъ.

Надя была неузнаваема. Точно выросла. Она окинула его съ ногъ до головы негодующимъ взглядомъ.

— Прощайте!.. И не оглядываясь пошла къ своимъ.

Хорошо, что былъ уже вечеръ—никто не замѣтилъ. Въ синихъ сумеркахъ его—тонуло все. У Нади лицо горѣло. Кровь то что отхлынула отъ сердца. Мало воздуха. Въ вискахъ стучитъ Она остановилась у мачты и глубоко-глубоко задышала... Странное ощущеніе на лѣвой щекѣ, точно его губы еще касались ея... И какъ это дико — сама злиться, оскорблена вѣдь, старается себя увѣрить въ этомъ, а помимо ея воли что-то теплое, страстное, какая то ласка полная нѣги закрадывается въ ея душу... «Какія у него славныя губы... Что это я?.. Съума сошла, что ли?.. И какой смѣлый... Глаза какъ вспыхнули... Замѣчательно красивъ... Какая же я въ самомъ дѣлѣ подлая! Вѣдь онъ меня обидѣлъ. Такъ сейчасъ же руками и хватается. Къ какому обществу привыкъ онъ? За кого меня принялъ?.. И какъ сильно прижималъ мой локоть къ себѣ. Какая крѣпкая рука у него... И самъ онъ такой стройный!.. Въ сущности это даже пріятно—поцѣлуй этотъ»... Въ безпорядкѣ мѣшались въ ея головѣ обрывки фразъ и мыслей... Она зажмурилась... Его глаза, кажется ей, глядятъ на неё, безмолвно ласкаютъ... Еслибы онъ теперь подошелъ — она не нашла бы силы отогнать его... «Нѣтъ надо взять себя въ руки, а то что это за слабость»!..

И Надя рѣшительно пошла впередъ къ кормѣ, гдѣ какъ она знала, были Черноморцевъ съ Татьяной Борисовной.

Сумерки коротки на югѣ, вечеръ почти уже смѣнился ночью... Дѣвушка подвигалась впередъ чуть не ощупью, распугивая влюбленныя парочки... Всѣ эти вѣнскія гусыни и берлинскія утки были здѣсь со своими Карлами и Альфредами... Изъ угловъ слышался шопотъ, легкія вскрикиванія. Неосторожный поцѣлуй изрѣдка нарушалъ тишину, вызывая снисходительный смѣхъ...

«Что это, климатъ такой, что ли?»—улыбалась про себя Надя.

— Да гдѣ же это наши, однако?

И она остановилась какъ вкопанная.

На кормѣ парохода, Татьяна Борисовна и Черноморцевъ, казалось, забыли все на свѣтѣ. Предательскій фонарь, оставляя палубу въ тѣни, бросалъ на нихъ косой лучъ свѣта. Несчастные, не видя никого, воображали, что и ихъ также никто не замѣчаетъ. Жирная рука Синегубъ-Бровкиной покоилась въ рукѣ Черноморцева, который, наклонясь близко, близко, къ самому лицу генеральши, шепталъ что-то, какъ видно весьма ей пріятное, по-

тому что «историческая дама» даже зажмурилась, какъ котъ, котораго щекочутъ за ухомъ.

— Такъ!—наблюдала Надя.—Ну, ужь если они, такъ мнѣ и Богъ велѣлъ... Ого!...

Черноморцевъ одною рукою обхватилъ талію своей дамы, грудь которой поднималась какъ море въ бурю. Можно было бы услышать скрипѣніе стальныхъ пружинъ и китоваго уса, этой жалкой плотины корсета, едва сдерживавшей напоръ неукротимыхъ волнъ.

— Что я дѣлаю? Вѣдь, это значитъ подслушивать!.. И Надя пріостановилась.—Ужь очень смѣшно!—закончила она.—Тетя!—съ разбѣга наскочила дѣвушка на забывшуюся чету.

— Фу, сумасшедшая!—вскочила «историческая дама».

— Я, кажется, помѣшала вамъ,—извинилась дѣвушка.

— Нѣтъ, я разсказывалъ Татьянѣ Борисовнѣ о своихъ флорентійскихъ впечатлѣніяхъ.

— Да?...

— Чего вамъ нужно? Что вы кидаетесь съ стороны въ сторону?

— Милая тетя, не сердитесь. Я только хотѣла узнать, гдѣ папа.

— Они съ Ксеніей въ каютѣ играютъ въ шахматы.

— Ну, такъ я уйду отъ васъ. Оставлю однихъ,—подчеркнула Надя.—Только, тетя, я на ушко вамъ скажу кое-что...

Она отвела въ сторону Татьяну Борисовну.

— Фонарь... Видно все... Всѣ флорентійскія впечатлѣнія какъ на ладони!

И звонко расхохотавшись, дѣвушка исчезла въ темнотѣ. Черноморцевъ и Татьяна Борисовна пересѣли.

Надя искала недолго. Художникъ, мрачнѣе тучи, мѣрялъ шагами палубу, злясь и на себя, и на встрѣчавшихся ему матросовъ, и на горныя кручи, что смутными массами, едва различаемыя, выступали во мракѣ.

— М-сье Коротковскій!—послышалось за нимъ.

— Это вы, Надежда Андреевна... Вы не сердитесь? Вы прощаете меня?

— На одномъ условіи.

— Именно?

— Чтобы этого больше не повторялось. А то я, ей-Богу...

— Скажете папенькѣ?

— Нѣтъ. Своимъ судомъ—нарву вамъ уши.

— Цѣна подходящая!

— И прощусь съ вами навсегда.

— Вотъ на это я не согласенъ. Лучше ужь вести себя какъ слѣдуетъ... какъ Черноморцевъ, напримѣръ, съ вашею тетенькой.

Надя расхохоталась.

— Чего вы?

— Ну, такъ вести себя я вамъ не совѣтую. Особенно подъ фонаремъ!—подняла она голову на предательскій фонарь, скупо мерцавшій у мачты.

Вдали уже мелькали огоньки по черному берегу. Изъ мрака то и дѣло выступали скалистые острова, между которыми лавировалъ пароходъ. Еще четверть часа—и, залитая свѣтомъ фонарей, набережная Ривы вытянулась передъ нашими путешественниками.

— Какое чудное озеро, какая дивная прогулка! Я никогда ея не забуду!—мечтательно вздыхалъ Черноморцевъ, съ необыкновенно гордымъ видомъ ведя подъ руку Татьяну Борисовну къ трапу парохода.

— Надѣюсь...

— Мы остановимся въ одномъ отелѣ?

— Если вы этого хотите,—кокетничала «историческая дама».

Въ толпѣ совсѣмъ затерялись Надя и Коротковскій.

— Этого, я вамъ никогда, никогда не прощу!.. И не извиняйтесь!

— Я молчу...

— И не желаю васъ больше видѣть, никогда. Слышите-ли? Никогда!

— Слушаю-съ. Значитъ, я долженъ, согласно вашему приказанію, остаться на пароходѣ.

— Зачѣмъ?—остановилась дѣвушка.

— Да, вѣдь, я не смѣю васъ больше видѣть. Вы отправитесь въ Тріентъ, а я вернусь въ Дезенцино.

— Пожалуйста, не разсуждайте... Извольте въ одномъ съ нами отелѣ занять номеръ... Противный!

Андрей Федоровичъ уже былъ съ мѣшками и чемоданами на набережной.

— Надя! тебя давно отецъ ждетъ. Гдѣ ты пропадаешь?

— Я вотъ съ m-r Коротковскимъ. Ну, а вы, Ксенія Истукановна, все съ папашей въ шахматы играли?

— Что-жь дѣлать... У меня, вѣдь, не было такого партнера, какъ у тебя.

Надя прикусила язычекъ.

III.

Биржевой царь и его генералы.

Маленькій, полуитальянскій, полутирольскій городокъ весь былъ переполненъ путешественниками. Наши едва нашли мѣсто въ большомъ отелѣ del Sol и разбросались по разнымъ этажамъ его. Переодѣваясь къ ужину, Коротковскій и Черноморцевъ разоткровенничались.

— Мое дѣло въ шляпѣ! — торжествовалъ Викторъ Васильевичъ.—Конецъ собачьей жизни и шлянью по заграничнымъ дешевкамъ! Пора обзаводиться своимъ домкомъ.

— Развѣ клюнуло?

— Еще какъ! Ты знаешь, она совсѣмъ не стара?

— Однако!

— Увѣряю тебя. Я это даже и не по разсчету...

— Да не старайся невинность сохранить!—засмѣялся художникъ.—Я бы самъ непрочь... Только, разумѣется, не на такой руинѣ! Мнѣ развалины, правду говоря, надоѣли уже и въ картинахъ. За Столѣшниковой побольше денегъ, чѣмъ за твоимъ зашнурованнымъ бегемотомъ, да ничего не подѣлаешь. Не таковы у меня дѣла. А какъ она врѣзалась...

— Что же ты думаешь дѣлать?

— Побалуюсь малость. Ужь очень хороша. «Сердце красавицы, какъ вѣтерокъ полей — все въ ней измѣнчиво и все обманъ»!—запѣлъ онъ, невыносимо фальшивя, изъ Риголетто.—Я ужь началъ — ничего, ходитъ.

Одѣвшись въ черные сюртуки, пріятели поднялись наверхъ. Андрей Федоровичъ, экономическимъ способомъ прикрывъ свою лысину, для чего обыкновенно онъ дѣлалъ займы въ вискахъ и у шеи, побрившись съ щепетильностью банкира, отправляющагося на биржу, и написавъ какую-то очень нужную телеграмму въ Петербургъ, двинулся также въ общую залу. Тутъ его ждалъ пріятный сюрпризъ. Громадный, залитый огнями и украшенный букетами столъ былъ весь занятъ туристами. Англичане въ бѣлыхъ галстухахъ и англичанки, руки которыхъ, обре-

меченныя безчисленными браслетами, издавали звонъ конскихъ сбруй, глупо-торжественныя, деревянныя нѣмки, сидѣвшія прямо, точно боясь подавиться, болтливые французы, итальянцы, съ конца въ конецъ перекрикивавшіеся между собою, нѣсколько русскихъ, больше обращавшихъ вниманіе на свои блюда, чѣмъ на сосѣдей, и толстые тирольцы въ зеленыхъ курткахъ—казались какою-то этнографической выставкой. Зала отеля напоминала Ноевъ ковчегъ. Пробѣгая взглядомъ по столу, чтобы отыскать себѣ свободное мѣстечко, Столѣшниковъ вдругъ широко раскрылъ глаза и пріостановился. На лицѣ его выразилось самое искреннее изумленіе... «Онъ, точно онъ... Не можетъ быть ошибки»!—проговорилъ банкиръ, быстро направляясь къ верхнему концу. Только на полпути онъ замедлилъ шагъ. Не прилично-де милліонеру, какъ мальчику, кидаться на шею къ своимъ друзьямъ. На такъ называемомъ у насъ архіерейскомъ мѣстѣ стола сидѣлъ самъ великій магъ и волшебникъ, биржевой Зевсъ-громовержецъ, Сергѣй Сергѣевичъ Велинскій. «Онъ, онъ, невозможно подобное сходство!»—еще разъ повторилъ про себя Столѣшниковъ, всматриваясь въ украшенную длинными бакенами лошадиную профиль знаменитаго рѣшителя банковыхъ судебъ. Его цѣпкія, тонкія руки, его впалая грудь и высоко приподнятыя плечи...

— Андрей Федоровичъ! Откуда? — замѣтили и его въ свою очередь.

Пріятели разцѣловались, причемъ Столѣшниковъ, самъ милліонеръ, съ замѣтныхъ оттѣнкомъ почтительности едва коснулся щекою сухой и жесткой какъ подошва щеки Велинскаго.

— И Іосифъ Лазаревичъ здѣсь!—обрадовался Столѣшниковъ.

— Вотъ тебѣ, тотушка, и Семоновъ день!—восхитился въ свою очередь Іосифъ Лазаревичъ Минкинъ, тоже петербургскій банкиръ. Этотъ былъ похожъ на то, если бы къ громадному арбузу прикрѣпили маленькій билліардный шаръ съ выпученными какъ у рака глазами, а самый арбузъ поставили бы на тонкія и слабыя ножки.

— Збраведливы русски пословицъ скажитъ: горъ на горъ не взойдетъ, а чельвѣкъ на чельвѣкъ всегда съ большой удовольствій.

— Ну, замололъ!—удостоилъ улыбнуться Велинскій.

— Нѣтъ, я хорошо знай алле русски пословицъ... Когда я буль еще зовсѣмъ зеленый мальчикъ...

— Довольно, довольно, Іосифъ прекрасный!... Какъ вы, Андрей Федоровичъ, сюда попали?

— Я съ дочерью и съ ея подругой... Мы обратно въ Россію ѣхали, добрались до Вероны—дальше ни шагу. Наводненіе снесло всѣ мосты, смыло полотно желѣзной дороги. Сунулись на Венецію—та же исторія. Намъ и посовѣтовали поѣхать въ Дезенцино, а оттуда по озеру Ди-Гуардо на пароходѣ. Изъ Ривы на Тріентъ—въ экипажѣ, а въ Тріентѣ опять на чугунку.

— И мы тоже... Разчудесное дѣло!... Значитъ, артелью весь путь.

— На цѣлаго міръ—краснава смерть!—глубокомысленно замѣтилъ Іосифъ.

— Тутъ съ нами знакомый вамъ художникъ, Коротковскій.

— А!.. Леонтій!... какже у меня его картины... Славно, бестія, женское тѣло пишетъ... оно живетъ у него, дотронуться хочется.

— Вотъ и мои! Въ дверяхъ какъ разъ въ эту минуту показались переодѣвшіяся дамы.

Впереди рядомъ съ Черноморцевымъ шла величественная Татьяна Борисовна. Новый слой бѣлилъ и пудры покрывалъ ее лицо. «Ты получишь скоро должность смотрителя дворцовой штукатурки»!—шепнулъ Черноморцеву на ухо Коротковскій въ корридорѣ, замѣтивъ разрисованную историческую даму. Позади торопились дѣвушки, шествіе замыкалъ художникъ, любовавшійся какъ красиво колебался передъ нимъ тонкій станъ Нади и какъ при каждомъ ея движеніи сквозь плотно стянутое платье обрисовывались красивые и округленные рельефы молодаго тѣла.

— Надя... нашъ всесильный Сергѣй Сергѣевичъ Велинскій!.. Моя дочь...

Лошадиная профиль съ бакенами поднялась, Зевсъ дернулъ шеей вмѣсто поклона и опять занялъ прежнее мѣсто.

— Очарованъ... Какая она у васъ красавица!... На биржѣ бы по невозможному курсу пошла.

— Она въ котировку не поступитъ!—засмѣялся отецъ, польщенный туповатою любезностью Велинскаго.

— Ксенія Капитоновна Бубнова, будущая Патти!—продолжалъ шутить Андрей Федоровичъ.

— Ахъ, слышалъ!—Безцеремонная улыбка пробѣжала по лицу Сергѣй Сергѣевича.—Съ вашимъ отцомъ дѣла дѣлаемъ.

Ксенія вспыхнула и отошла въ сторону.

— Татьяна Борисовна!.. Вы какими судьбами? Коротковскій!— Ну, всѣ въ сборѣ. Чудесно. Радъ, очень радъ... Точно и не выѣзжалъ изъ Питера.

— Черноморцевъ!—разлетѣлся тотъ, стараясь всею своею особою выразить почтеніе.

— Хотя не слышалъ, но тоже радъ! Ничего противъ этого не имѣю,—кивнулъ Велинскій, не подавая руки.

Рука Черноморцева такъ и осталась на воздухѣ.

— Позволяйте мнѣ... Съ вашъ фатеръ тоже дѣла ведемъ.... И арбузъ, докатившись до Нади, выпучилъ на нее рачьи глаза, поморгалъ, поморгалъ, и вдругъ, нежданно поклонившись, чмокнулъ ее въ руку.

— И съ вашъ папаша тоже!—попробовалъ онъ сдѣлать свой голосъ нѣжнымъ, облизавъ вслѣдъ затѣмъ и руку Бубновой.

— Намъ бы гдѣ-нибудь отдѣльно столъ... Эй, кельнеръ!

Лакей съ физіономіей по крайнѣй мѣрѣ директора департамента точно по рельсамъ на гутаперчевыхъ шинахъ скользнулъ къ Велинскому и благоговѣйно наклонился, всею фигурою изображая страстное желаніе безотлогательно устремиться куда прикажутъ.

— Отдѣльный столъ! Сервируйте получше!

Директоръ департамента каждый звукъ ловилъ, точно это были не слова, а полумперіалы, бросаемые ему.

— Двѣ бутылки шампанскаго!

Получивъ приказаніе, кельнеръ съ выраженіемъ безграничнаго счастья на лицѣ отскочилъ назадъ и на тѣхъ же гутаперчевыхъ шинахъ по тѣмъ же рельсамъ беззвучно удалился въ другую комнату. Не прошло минуты, какъ столъ былъ сервированъ.

— Какая она у васъ красавица!—удивлялся опять Велинскій, любуясь Надей.—Въ нашемъ биржевомъ мірѣ такихъ еще не было.

Надю коробилъ его безцеремоный тонъ. Она посмотрѣла на отца, но у того въ лицѣ было то же выраженіе счастья и тордости, какое она только что замѣтила въ чертахъ говорившаго съ Велинскимъ лакея. Перевела взглядъ на Коротковскаго — красавецъ ловитъ каждый жестъ биржеваго царя и точно въ ротъ ему вскочить хочетъ. «Что это съ ними со всѣми! Какъ папа не похожъ на себя. Какой онъ маленькій сталъ и зачѣмъ онъ такъ горбится?... Что у него за юркость въ манерахъ появилась... И Коротковскій... Фу... какой скверный!»

— Да, Надежда Андреевна, мы и не знали, что у Столѣшникова такой бутонъ распускается.

Вѣдь, пошлость сказалъ, а всѣ кругомъ расхохотались угодливымъ, дробнымъ смѣхомъ, точно въ горлѣ его подленькій

смѣхъ этотъ маслицемъ смазали... Вонъ Іосифъ на нее такъ смотритъ, какъ будто и на ея лицѣ отразилось величіе Сергѣя Сергѣевича.

— Съ вами не безопасно встрѣчаться. Чего добраго, ликвидируешь все,—продолжалъ Велинскій въ томъ же родѣ.

«Чему они смѣются?»—недоумѣвала Надя, хмуря свои красиво очерченныя брови.

— А мы-то тутъ скучали... Вотъ спасибо Іосифу Прекрасному. Развлекалъ онъ меня.

Іосифъ Лазаревичъ поднялся и черезъ столъ поцѣловалъ Велинскаго въ плечо. Такъ и казалось: вотъ-вотъ арбузъ лопнетъ отъ натуги, но нѣтъ... Толстый бархатный жилетъ удержалъ... Поцѣловавъ Велинскаго, точно исполнивъ священный обрядъ, Минкинъ оглядѣлъ всѣхъ съ необыкновенною гордостью, какъ будто онъ неожиданно получилъ Владиміра, давшаго ему дворянство. Это было давнишнею мечтою Іосифа Лазаревича. Онъ не могъ спокойно смотрѣть на ленточку въ петличкѣ у Столѣшникова.

— Что это они всѣ?—продолжала изумляться Надя.

— Помилуйте,—шопотомъ пояснилъ ей Черноморцевъ... Да за такого человѣка только минуточку подержаться, такъ золото само къ рукамъ прилипнетъ...

— А вы... Хороши! Вамъ онъ руки не далъ.

— Самъ я виноватъ! — покраснѣлъ Черноморцевъ.—Разлетѣлся къ нему съ протянутой рукой. Нужно было подождать. Вы знаете, каковъ онъ? Не всякому еще министру руку подастъ... На западѣ Ротшильдъ, а у насъ — онъ. У него сначала заслужить надо!

— Вы-то что ему по собачьи въ глаза смотрите?—обернулась Надя въ другую сторону къ Коротковскому.—Жаль у васъ хвоста нѣтъ, то-то бы виляли теперь. Стыдитесь: художникъ, артистъ!

— А мои картины кто покупаетъ?.. Вы знаете, за Мессалину что онъ мнѣ отвалилъ въ прошломъ году?

— И знать не хочу. И какъ это все наивно? Никто не стѣсняется въ своемъ обожаніи.

Шампанское было розлито. Черноморцевъ сунулся прежде всѣхъ.

— За современаго креза, за средоточіе денежнаго обращ...— началъ онъ было.

— Погодите, погодите, любезнѣйшій... У насъ хозяинъ пер-

вый провозглашаетъ тостъ!—безцеремонно оборвалъ его Велинскій. Іосифъ Лазаревичъ зашикалъ и, покраснѣвъ совсѣмъ анаплексически, замахалъ руками на Черноморцева.

— Не въ свой дрожка не кладись! — торжественно проговорилъ онъ, когда Велинскій замолчалъ.

— Позвольте мнѣ, господа, поднять свой бокалъ,—началъ самъ Велинскій,—за то, что выше славы, могущества, денегъ; за то, что одинаково согрѣваетъ и сердце великаго гешефтмахера Іосифа Лазаревича, и душу юноши, подобнаго Коротковскому; за то, что какъ звѣзда свѣтитъ намъ съ высоты... За красоту, господа—и за художественное ея воплощеніе въ лицѣ Надежды Андреевны, дочери моего уважаемаго сотрудника и стараго друга Андрея Федоровича!

Столѣшниковъ, окончательно осчастливленный, всталъ, подошелъ къ дочери, обнялъ и шепнулъ ей на ухо:

— Сегодня, только сегодня я горжусь тобою... Ты на самого Сергѣя Сергѣевича произвела впечатлѣніе. А онъ — авторитетъ. Я счастливъ, вполнѣ счастливъ.

— Позволяйте мнѣ тоже имѣть свой словъ, — поднялся находчивый Іосифъ. — Я банкиръ, но имѣй чувствительный душа!... Я понимай, что такой красота... Глядить въ мой конторскій книгъ, я будетъ вамъ доказайть, что Іосифъ Минкинъ никогда не жалѣлъ свой гельдъ для красота... Позволяйтъ, обожательный Надежда Андреевна, пожелайть вамъ, чтобъ такой большой капиталъ скоро поподалъ въ хороши рука и умножался бы процентами... Я сказалъ свой словъ...

— Молодецъ Минкинъ! Браво,—расхохотался Сергѣй Сергѣевичъ. Ужасно странною казалась улыбка на этомъ лошадиномъ лицѣ. Ротъ съ громадными, выдавшимися впередъ зубами смѣялся, а глаза хранили свое холодное и высокомѣрное выраженіе.

Ужинъ кончился. Было еще рано.

— Что же, господа, пойдемъ пройдемся по Ривѣ,—предложилъ Велинскій.

Всѣ сорвались съ мѣстъ, точно этого только и ждали.

— Тебѣ подастъ руку Сергѣй Сергѣевичъ. Подожди его... шепнулъ Надѣ на ухо Столѣшниковъ.

— Не хочу, папа. Мнѣ онъ противенъ.

— Кто противенъ? Сергѣй Сергѣевичъ?—съ ужасомъ переспросилъ отецъ.

— Да онъ и все ваше лакейство, все ваше угодничество... Стыдись отецъ!

— Понимаешь ли ты, дѣвченка, что у него сорокъ милліоновъ? Если онъ захочетъ сегодня, завтра же я буду разоренъ.

Но она уже не слушала старика.

— Коротковскій, дайте мнѣ руку,—подозвала она художника.

— Вамъ, Надежда Андреевна, Сергѣй Сергѣевичъ, вѣроятно предложитъ...

— Я вамъ говорю, дайте мнѣ руку!—приказала она ему.

Коротковскій бросилъ умоляющій взглядъ на Велинскаго, точно призывая небеса въ свидѣтели своей невинности и, подавъ ей руку, повелъ, жалкій, жалкій, совсѣмъ пришибленный.

Луна была уже надъ Ривою. Вершины горъ всплывали въ серебристомъ мерцаніи. Озеро заснуло точно въ колыбели. Острова и скалы, окутанные туманомъ, посреди его водъ принимали самыя фантастическія очертанія. Гдѣ-то далеко - далеко по водѣ бѣжалъ огонекъ и слышалась на палубѣ бателло граціозная венеціанская пѣсня Vieni la barca e pronta!... Красивый баритонъ хваталъ за сердце.

— Черноморцевъ! Такъ, кажется, васъ зовутъ?... Подите сюда!... кивнулъ пальцемъ Велинскій, когда передъ его глазами Коротковскій съ Надеждой Андреевной ушли по набережной, туда, гдѣ начиналось подножіе сумрачной горы св. Стефана.

Черноморцевъ совсѣмъ по-собачьи подбѣжалъ къ нему.

— Давно это у нихъ?—показалъ Велинскій глазами.

Тотъ понялъ съ перваго слова.

— Утромъ только увидѣли другъ друга въ первый разъ. На палубѣ парохода «Фениче»...

— Ничего серьезнаго?—ронялъ Велинскій.

— Тѣшутся... Пустяки... Коротковскій говорилъ мнѣ, впрочемъ... И Черноморцевъ остановился.

— Что говорилъ?

— Будто она... влюблена въ него... Онъ, Сергѣй Сергѣевичъ, сегодня въ темнотѣ поцѣловалъ ее.

— Немудрено. Красивъ, каналья... Ну, да тутъ ничего не выйдетъ. Вотъ что. Вы ѣдете въ Петербургъ?

— Да.

— Вы другъ Коротковскаго?

— Да... То-есть нѣтъ... А, впрочемъ, какъ угодно вамъ... Мнѣ все равно дѣтей съ нимъ не крестить!

— Вамъ нужны будутъ дѣла въ Петербургѣ?

Черноморцеву, какъ за ужиномъ Минкину, захотѣлось поцѣловать въ плечо Велинскаго. Во время удержался только. Ограничился тѣмъ, что склонилъ покорно голову съ выраженіемъ смиренной Маріи, омывающей ноги Христу.

— Такъ вотъ что... Вы тамъ зайдете ко мнѣ, слышите?..

— Не знаю, чѣмъ заслужилъ... ваше великодушіе...

— Никакого великодушія. Я ничего даромъ не даю... Я покупаю. До тѣхъ поръ, по пути извольте сообщать мнѣ все, что будетъ между ними, слышите?

— Слушаюсь.

— Коротковскій болтливъ?

— Весь тутъ,—разжалъ ладонь Черноморцевъ.

— Скотина!.. Такъ смотрите же... Ну, теперь идите къ Татьянѣ Борисовнѣ... И помните...

Сергѣй Сергѣевичъ еще не встрѣчалъ ни одной женщины, которая произвела бы на него сразу столь сильное впечатлѣніе. Царь биржи до сихъ поръ былъ холостъ. Ему просто оказывалось некогда заниматься такими пустяками, какъ женская любовь. Но въ послѣднее время, бродя по раззолоченнымъ заламъ своего петербургскаго дома, онъ долго ломалъ голову, чего ему не достаетъ тутъ? Отчего всѣмъ у него такъ скучно и ему самому холодно среди этой роскоши и блеска... Думалъ, думалъ и только Капитонъ Бубновъ навелъ его на настоящее: «Знаешь, Сергѣй Сергѣевичъ, что я тебѣ скажу»...—Что?..—«Бабы тебѣ не хватаетъ здѣсь... Заведи себѣ настоящую бабу, да такую, чтобъ глаза у всѣхъ на затылокъ повыскакали... По твоимъ капиталамъ—это плевое дѣло... Чего хочешь—того просишь»! И Велинскій дѣйствительно понялъ, что этимъ мертвымъ гостиннымъ и заламъ не достаетъ красавицы, какъ не достаетъ души античной статуѣ, чтобы передъ ней склонилось во прахъ человѣчество. Поискалъ онъ эту душу въ Петербургѣ—тамъ ее не было. Доктора послали его лѣчиться въ Италію—и въ Италіи не оказывалось ничего подходящаго. Нужно же было случиться наводненію, судьбѣ—загнать его въ маленькій альпійскій городокъ, какую-то Риву, чтобы именно здѣсь наткнуться на эту золотую головку. Правда, ей нравится Коротковскій. Но этотъ ему не опасенъ. Еще лучше: пускай она обманется въ немъ. Велинскій старъ для нея и горячее сердце дѣвушки не забьется отвѣтнымъ чувствомъ въ его присутствіи. Пусть Коротковскій сначала разобьетъ его

и тогда Надѣ сладокъ покажется отдыхъ даже въ холодныхъ объятіяхъ Сергѣя Сергѣевича. Нужно только обставить это. Во всякомъ дѣлѣ—обстановка главное. Эта биржевая аксіома ко всему подходитъ. Какъ глубоко ошиблись бы наивные люди, которые вообразили бы Сергѣя Сергѣевича влюбленнымъ. Велинскій — и любовь. Такое сочетаніе заставило бы его самого отъ души расхохотаться. Сорокалѣтнее сердце биржевика давно высохло для подобнаго «глупаго» чувства. Онъ просто нашелъ то, что ему было надо, то, что онъ давно рѣшилъ помѣстить среди своей мебели. А разъ рѣшивъ, быстро, всегда какъ въ затруднительныхъ случаяхъ, въ разгарѣ коммерческаго ажіотажа, дѣлалъ онъ. Велинскій уже прямо пошелъ къ своей цѣли, памятуя, что время — деньги и даромъ его терять не слѣдуетъ никакъ. Да и когда же, царь этого міра, встрѣчалъ онъ отказъ? Прежде всего надо кончить съ отцемъ.

— Іосифъ Лазаревичъ!

Арбузъ на коротенькихъ ножкахъ, шедшій подъ руку со Столѣшниковымъ, подбѣжалъ къ Велинскому.

— Подай руку Ксеніи Капитоновнѣ. Видишь, она одна идетъ.

Минкинъ освободилъ Столѣшникова и перекатился къ Бубновой.

— Андрей Федоровичъ!—подозвалъ Велинскій.—Старые мы съ вами друзья и хорошо знаемъ другъ друга.

У банкира сердце ёкнуло. По тону чуялъ: дѣло въ серьезъ идетъ... «О чемъ это онъ»?—догадывался старикъ.

— Расположеніе свое я вамъ доказывалъ не разъ...

— Я, Сергѣй Сергѣевичъ, всегда это помню...

— Ради Бога. Я вовсе не для того, чтобы напоминать... Рука руку моетъ... А только я цѣню васъ душевно и хотѣлъ бы посовѣтоваться съ вами... Дурь въ голову на старости пришла... Говорятъ же, что бѣсъ въ ребро...

— У васъ-то сѣдины незамѣтно...

— Все равно. Вздумалъ я жениться. Какъ вы думаете?

Лицо Столѣшникова просвѣтлѣло.

— Хорошее дѣло.

— Ну, вотъ видите... На биржѣ жену не добудешь, надо поискать около знакомыхъ. Да что тутъ толковать обиняками—терпѣть не могу этой музыки. Лучше по нашему, по торговому обычаю. Прямо къ цѣли. Дочь свою отдашь за меня?—фамильярно перешелъ онъ на *ты*.

— То-есть... Видите... Я счастливъ... Очень счастливъ... Радъ... Столѣшниковъ даже всхлипнулъ... Только...

— Не бойтесь... Я не потребую, чтобы вы принуждали ее... Роговъ носить я вовсе не желаю. Не для того женюсь... Не для адъютантовъ!... Я для себя хочу... Я только тебѣ (опять перешелъ онъ на ты) поставлю такъ вопросъ: за меня ты или нѣтъ?

— Какъ же вамъ не стыдно! Развѣ это вопросъ?.. Да это для меня такая... такая честь... Помилуйте!

— Вотъ и чудесно. Значитъ, спѣлись. Я говорю: прямо всегда лучше! А пока пусть уходится; не мѣшайте ей... Помните наше правило: дайте бумагѣ хорошей подешевѣть, а тогда ее трахъ за хвостъ, бери въ руки и гони въ гору. Не такъ ли?

— Ужь вы, Сергѣй Сергѣевичъ, у насъ, извѣстно, Соломонъ премудрый.

— Ну, вотъ. Значитъ, до времени объ этомъ и толковать не станемъ. Ну, что ваши старгородскія акціи?

— Гну на пониженіе.

— Скупить хотите?

— Если Богъ поможетъ.

— Богъ тутъ не при чемъ. Онъ всегда за тѣхъ, кто помнитъ его заповѣдь: «не зѣвай»! Вѣдь ихъ на полмилліона у этого Кощея безсмертнаго, Кукина? Нужно ему шепнуть, чтобы онъ продавалъ скорѣе... Изъ редакторовъ кто вамъ знакомъ?

— Все тотъ же Тарасъ Левшинъ—свой человѣкъ. Прежде, помните, мѣняльную лавку держалъ, а теперь съ газетой возится.

— Ну, вотъ... Скажите ему, чтобъ онъ потревожнѣе слухи распускалъ, а я Кукина пугну.

— Боюсь какъ бы дорогѣ не повредить, слухами-то.

— Чудакъ человѣкъ! Когда всѣ акціи будутъ у васъ, а дорога выгодная... Дѣло стоитъ хорошо... Кто же вамъ помѣшаетъ потомъ взбить цѣну?.. Я, пожалуй,—у меня немного есть,—брошу на биржу и почемъ попало отдамъ. Послѣ сочтемся. Кто у васъ тамъ дѣйствуетъ?

— Ронтальской и Гольдмахеръ.

— Знаю ихъ!.. Зайцы бойкіе... Они-то знаютъ суть дѣла?

— Избави Боже.

— То-то... Особенно этотъ Ронтальскій... Очень уже юрокъ. Слышали вы какъ онъ женинными деньгами игралъ на биржѣ?

— Когда она все проигрывала, а онъ выигрывалъ.

— Центръ тяжести-то и перемѣстился—изъ одного кармана въ другой!—расхохотался Велинскій.—Потомъ онъ ее прогналъ, а самъ женился на молоденькой. У нихъ, у жидовъ, это легко дѣлается!

IV.

Женевьева изъ мѣняльной лавки.

Рива назадъ отошла, вся за скалы спряталась. Только уголокъ озера голубѣлъ — послѣднее «прости» Италіи. Скоро и эту чудную улыбку юга заслонили утесы. Альпы тѣснятся. Кругомъ какой-то хаосъ; будто природа здѣсь была остановлена въ самомъ разгарѣ своего своего творчества... Разлившіяся рѣки яро бѣгутъ по зеленымъ ущѣльямъ. Шумъ воды все время преслѣдуетъ нашихъ туристовъ. Мосты, перекинутые черезъ потоки, затоплены ими. Сады внизу залиты до верхушекъ деревьевъ и только черепичныя кровли болѣе высокихъ домовъ да колокольни тирольскихъ церквей плавають подъ неудержимо стремящимися волнами. Сѣрыя скалы, на сѣрыхъ скалахъ сѣрые замки. Сверху гремятъ водопады, точно имъ хочется и эти вѣковыя башни снести внизъ въ глухо клокочущія бездны. Дали то заволакиваетъ туманъ, то откуда-нибудь изъ ущелья вырвется, словно бѣшеный, вѣтеръ и разорветъ сѣрую пелену мглы. И видитъ тогда Надя красивые, башенные города, замкнувшіеся въ старыя стѣны. Вонъ выглянулъ такимъ образомъ Арко. Вонъ на мгновеніе показался изъ-подъ тумана Венцано и словно ему холодно стало: опять натянулъ на себя однообразный сѣрый покровъ. Скалы все растутъ и растутъ; горы тянутся выше и выше; глубже уходятъ бездны, оглушительнѣе ревутъ водопады... Мостъ повисъ надъ пропастью; за мостомъ долина видна. Въ долинѣ — старинный городъ, словно заснувшій подъ звонъ своихъ тысячелѣтнихъ соборовъ, въ тѣни не вѣсть когда построенныхъ башенъ, заснулъ съ своими домами, дворцами — и уже не просыпается больше.

— Что это? Что это?—словно въ забытьи повторяетъ Надя. Картина за картиной—некогда очнуться. Одна лучше другой.

— Тріентъ,—мягко улыбается ей Коротковскій.

Лошади едва идутъ. Трудно имъ тащить эту громадную колымагу, гдѣ помѣстились вмѣстѣ всѣ наши путешественники.

Дѣвушка точно сквозь сонъ слышитъ объясненія Велинскаго. Что ей за дѣло до того, что когда-то этотъ городъ назывался Tredentum, что весь этотъ, словно изъ одного куска мрамора высѣченный, замокъ извѣстенъ подъ именемъ Buon-Consiglio. Развѣ Коротковскій сталъ красивѣе, когда она узнала его фамилію? Ей довольно и того, что все кругомъ такъ дико, такъ живописно. Довольно того счастья, которое она читаетъ въ глазахъ Леонтія Петровича. И онъ сегодня ей нравится гораздо больше: не смотритъ въ глаза этому противному Велинскому. Два раза даже оборвалъ его, такъ что биржевой султанъ только высоко поднялъ брови и не нашелся что отвѣтить... Любитъ ли она художника? Сидя на скамьѣ въ пансіонѣ, она мечтала о такой минутѣ. По этимъ мечтамъ выходитъ, что теперь именно пора любить. Даже надо. Настоящее ли это чувство? А почему она знаетъ. Молодость тѣмъ и счастлива, что не анализируетъ, не копается въ душѣ. Тепло ей при немъ, хорошо, каждое прикосновеніе его руки обдаетъ жаромъ. Чего же еще?... И у нея какъ глаза горятъ... Румянецъ такъ и ходитъ подъ смуглою кожею щеки... Развѣ не довольно этого?

Ей даже аристократизмъ его нравится.

— Ненавижу мѣщанскихъ построекъ нынѣшняго вѣка?—говоритъ онъ.—Для меня нѣтъ ничего противнѣе Вѣны.

— Городъ пріятный!—замѣчаетъ Сергѣй Сергѣевичъ.

— Помилуйте, каждый домъ—Минкинымъ смотритъ. Такъ и отдаетъ все разбогатѣвшимъ буржуемъ. Нѣтъ,—среди руинъ, въ старыхъ облупившихся венеціанскихъ палаццо, въ мрачныхъ дворцахъ Флоренціи,—мы, старое дворянство, лучше себя чувствуемъ. Бархатная мантія прошлаго столѣтія, хоть ее черви проточили, все-таки красивѣе лакейскаго фрака.

Черноморцевъ загляпулъ ему въ глаза и обмѣнялся улыбкою съ Велинскимъ.

— Вы дворянинъ какой губерніи?

— Я?.. Рязанской!....

— Такъ...—съ чего-то засмѣялся биржевой тузъ.

— Вамъ, Сергѣй Сергѣевичъ, это должно быть понятно... Вѣдь вы по шестой книгѣ, кажется, числитесь, хотя и отдались биржѣ.

— Побольше шестой книги,—небрежно уронилъ Велинскій.— Мы изъ Гедиминовичей... Велинскіе всегда впереди были. Прежде, когда силу давала власть и происхожденіе, мы на верху горы

стояли... Ну, теперь деньги всѣмъ ворочаютъ; мы и на это согласны,—усмѣхнулся онъ.

Коротковскій съ завистью взглянулъ на лошадиную профиль своего сосѣда. Его бѣсило олимпійское спокойствіе милліонера.

— Хорошо имѣть много денегъ...

— Трудно!—цѣдитъ сквозь зубы Велинскій. — Нельзя же сидѣть на сундукахъ? Деньги, что ртуть, любятъ движеніе.

— И сколько добра можно сдѣлать.

— Сергѣй Сергѣевичъ не мало его дѣлаютъ,—вмѣшивается Черноморцевъ.—У него больше ста стипендіатовъ по разнымъ учебнымъ заведеніямъ.

— А вы почему знаете?—оборачивается къ нему пріятно удивленный тузъ.

— Слухомъ земля полнится. А больница ваша, а богадѣльня... А какіе пенсіоны вы даете своимъ...

— Ну, за это вамъ: и сюда, и сюда!—попробовалъ пошутить Коротковскій, показывая на шею и на грудь.

— У меня нѣтъ ни одного ордена... Я этихъ балаболокъ не признаю,—коротко отрѣзалъ Велинскій.

«Вотъ ты какой»!—посмотрѣла на него Столѣшникова, и тутъ же припомнила своего отца съ ленточкой въ петличкѣ.

Старинныя улицы Тріента разступились передъ ними. Направо и налѣво выдвигались мрачные соборы, отъ каждаго камня которыхъ вѣяло столѣтіями. Выцвѣтшія статуи святыхъ угрюмо смотрѣли на нихъ съ площадей. Точно нищій въ лохмотьяхъ, вдругъ на самомъ пути становилась пятисотлѣтняя башня, которую мѣстами залилъ плющъ своими зелеными волнами. Вонъ какая-то руина въ сторонѣ и не разобрать въ ней ничего... Въ почернѣвшихъ отъ старости камняхъ ея бассейновъ меланхолически звенѣли струи фонтановъ. Казалось, онѣ оплакивали далекое-далекое прошлое.

— Слава Богу, пріѣхали!—выскочилъ изъ коляски Андрей Федоровичъ передъ громаднымъ отелемъ, на площадку котораго выбѣжало до дюжины кельнеровъ.

Черноморцевъ съ величайшей осторожностію высадилъ Татьяну Борисовну, какъ какой-нибудь дорогой фарфоръ. Та повисла всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ у него на рукахъ и отблагодарила своего cavalier sirvente такою улыбкой, отъ которой поднялась цѣлая туча пудры. Черноморцевъ закашлялся даже.

Вечеромъ за табль д'отомъ собралось большое общество.

Тріентъ, также какъ и Рива, былъ переполненъ путешественниками. Наводненіе согнало ихъ сюда. Наши сѣли за отдѣльный столъ. Велинскаго знали и тутъ: ему прислуживалъ отдѣльный кельнеръ; самъ «директоръ» отеля во фракѣ и бѣломъ галстухѣ явился узнать: доволенъ ли важный гость помѣщеніемъ. Культъ золотаго тельца все яснѣе и яснѣе обрисовывался передъ Надей, со всѣмъ его безстыдствомъ и безцеремонностію. Она только радовалась за Коротковскаго. Подъ ея ли вліяніемъ, или по какимънибудь другимъ соображеніямъ, только онъ съ такимъ эффектомъ выдерживалъ сегодня свою независимость, что даже Черноморцевъ ротъ разинулъ.

Въ концѣ ужина, за которымъ всѣ пили болѣе обыкновеннаго, и потому языкъ развязался даже у Велинскаго, когда замороженное шампанское опять запискрилось въ стаканахъ, Коротковскій отодвинулъ свой.

— Что вы это?—удивился Велинскій.—За здоровье Надежды Андреевны.

— Я вышью краснаго вина. У меня еще есть оно.

— Одинъ стаканъ. Вѣдь вы любите Pommeri-sec?

— Мало ли что я люблю, да не могу.

— Почему?

— А потому, что отвѣтить вамъ тѣмъ же у меня средствъ нѣтъ... Такъ я ужь лучше своимъ дешевенькимъ ограничусь,— почти грубо оборвалъ онъ.

— Что за глупости,—сконфузился Сергѣй Сергѣевичъ. А у Нади даже глаза загорѣлись и она такимъ благодарнымъ взглядомъ окинула Коротковскаго, что тому такъ и захотѣлось разсцѣловать ее тутъ же. Впрочемъ, Надѣ въ этотъ разъ пришлось переходить отъ удивленія къ удивленію. Часовъ около десяти вечера въ залу вошла довольно-таки пожившая дама съ крупными брильянтами въ ушахъ. Вся она была въ черномъ. Велинскій подскочилъ къ ней и Надѣ въ первый разъ пришлось убѣдиться, что Сергѣй Сергѣевичъ умѣетъ кланяться, и кланяться очень низко. Вслѣдъ за ней слѣдовалъ отвратительный горбунъ еврейскаго типа, къ тому же еще хромавшій на одну ногу. Ему Велинскій только пожалъ руку, не удостоивъ поклономъ.

— Кто этово будетъ?—забезпокоился Минкинъ.

— Развѣ ты не знаешь?... Это баронесса Мишіельсъ съ мужемъ.

— Ахъ... Онъ самый... Великодушный, великій мадамъ Мишіельсъ...

Столѣшниковъ тоже заволновался и приподнялся, чтобы лучше разглядѣть вошедшую.

— Что она такое?... Почему, она великая?—заинтересовалась Надя.

— Видите ли,—началъ Велинскій. Какъ это ни странно: вино на него дѣйствовало и, обыкновенно молчаливый, подъ вліяніемъ шампанскаго онъ любилъ говорить.—Биржа—это цѣлое государство. Въ ней есть свои герои, свои героини. Баронесса Мишіельсъ, это—Женевьева, Жанна д'Аркъ биржи. Она и теперь хороша, но, что это было двадцать лѣтъ тому назадъ! Ослѣпляла. Покойный Максиміліанъ съ ума сходилъ по ней, эрцъ-герцогъ Альбрехтъ хотѣлъ развестись съ женою, чтобы на ней жениться, хотя она дочь простаго банкира. Прославилась она тѣмъ, что когда ея отецъ обанкротился, баронесса Мишіельсъ, тогда просто Эмма Клейнъ, пошла къ влюбленному въ нее главному кредитору жиду Мишіельсу, котораго вы видите рядомъ съ нею... и... ну, понятно... На другой день долги ея отца были заплачены, а черезъ недѣлю она стала мадамъ Мишіельсъ... Ея самопожертвованіе становится еще выше, если я прибавлю къ этому, что Анна Клейнъ была безумно увлечена тогда мадьяромъ Гайосомъ... Они сговорены были.

— Бѣдный. Что съ нимъ сталось?—невольно вырвалось у Нади.

— Вы не безпокойтесь. У насъ не стрѣляются, не отравляются отъ любви. Гайосъ теперь главноуправляющій у Мишіельса. Судьба, какъ видите, справедлива и вознаградила баронессу. Вмѣстѣ съ противнымъ мужемъ она удержала при себѣ любимаго человѣка.

— И это великодушно, и это честно, и это ваша Женевьева?

— А какже! Она спасла отца!..

— И... и...—покраснѣла Надя—и сохранила этого господина?

— Нужно же и ей утѣшиться,—безцеремонно расхохотался Велинскій.

— Хороша ваша нравственность... Хороши ваши герои и героини... Богъ знаетъ, господа, къ какимъ разговорамъ вы меня пріучили... Я сама болтаю всякій вздоръ съ вами.

— Надо привыкать... Нашъ кружокъ не щепетиленъ... Мы—реалисты въ этомъ отношеніи. Въ Петербургѣ услышите еще не то.

— А самъ мужъ ее, Мишіельсъ, развѣ не замѣчателенъ? Я припоминаю теперь о немъ,—вмѣшался Столѣшниковъ.

— Что такое?

— Какже, двадцать лѣтъ тому назадъ ему грозило банкротство; чтобы заплатить по векселямъ, онъ тайкомъ воспользовался кассою своего отца!...

— Чортъ знаетъ что!—возмутился Коротковскій.—Да, вѣдь, вы кражу проповѣдуете...

— Вексель для банкира, молодой человѣкъ, все. Въ немъ и мораль, и честь, и оправданіе... Дѣлай, что хочешь, но плати по векселямъ. Неуплаченный вексель—вѣчное пятно, неоткрывшаяся или недоказанная кража—ноль. Я не обманулъ никого на своемъ вѣку, поэтому имѣю право сказать: честь каждый понимаетъ по своему; на нее толкованій, пожалуй, болѣе, чѣмъ на апокалипсисъ. Ну, а документъ никакихъ варіантововъ и объясненій не допускаетъ. Онъ имѣетъ одно опредѣленное значеніе. У насъ нынче всѣхъ въ подлецы записали. Этакъ, вѣдь, и честныхъ людей нѣтъ. Помилуйте, до того дошли, что Струсберга мошенникомъ ославили!.. А что же онъ сдѣлалъ? Воспользовался только благопріятными обстоятельствами. У дураковъ было семь милліоновъ; онъ пріѣхалъ заплатилъ кому слѣдуетъ куртажъ, и взялъ эти деньги.

— Папа, что ты проповѣдуешь? — съ чувствомъ, близкимъ къ ужасу, всплеснула Надя.

— Дайте, —вмѣшался Велинскій,—вотъ хотя бы Минкину денегъ на честное слово, онъ вамъ не отдастъ ихъ.

— Не отдамъ!—спокойно отозвался Іосифъ прекрасный.

— Ну, а по векселю?

— Повѣшусь, а заплачу. Своему человѣку и по одинъ словъ отдамъ, ну, а чужому...

— Въ обществѣ смѣшеніе понятій страшное. Только на биржѣ у насъ мы разобрались и называемъ предметы ихъ настоящими именами. Мы не пугаемся словъ!.. Разумѣется, кража—подлость, но крупная цифра имѣетъ въ себѣ нѣчто особенное... Въ данномъ же случаѣ Мишіельсъ явился героемъ вексельнаго права. Брутъ убилъ Цезаря, Мишіельсъ разорилъ отца. Самъ я ни въ какомъ случаѣ не сдѣлалъ бы этаго, но нахожу оправданіе виновному. Нападали на Юханцева... Да помилуйте, мы всѣ вѣдь отчасти Юханцевы. Только въ другой формѣ, въ законной. Стоитъ ли же изъ-за одной формы спорить? (Велинскій чѣмъ больше пилъ, тѣмъ становился все многоглаголивѣе). Вы удивляетесь моей откровенности? Позвольте мнѣ пояснить вамъ при-

мѣромъ. Убійца одного человѣка преступникъ, ну, а Наполеонъ, убившій сотни тысячъ?... Такъ и въ этомъ дѣлѣ: укралъ грошъ—воръ, захватилъ чужой милліонъ и не попался—ловкій человѣкъ. Вы знаете ли какъ пошелъ въ ходъ Минкинъ... Разскажи-ка.

— Я отъ вашъ папенька,—обратился онъ къ Ксеніи,—свой карьеръ получалъ...

— Ну, вѣдь, ты станешь путаться въ русскихъ фразахъ... Капитону Бубнову сдали для постройки желѣзную дорогу. Іосифъ Минкинъ подобрался къ нему и убѣдилъ Бубнова выдать записку о томъ, что поставку шпалъ онъ сдаетъ ему, Іосифу Минкину... Такъ, вѣдь?

— Совершенно такъ,—съ удовольствіемъ кивалъ головою Минкинъ, точно онъ слушалъ какую-нибудь музыку.

— Получилъ Минкинъ запись и на другой же день является къ Бубнову. Такъ и такъ, сколько отступнаго? За что?—изумляется Капитонъ Гавриловичъ. А чтобы я вернулъ тебѣ запись обратно.—Какъ обратно, ты, вѣдь, мнѣ шпалы поставлять будешь?... — И не думаю... Что ты съ меня возьмешь? Самъ къ сроку дорогу не кончишь поэтому. Залоги потеряешь. Повертѣлся, повертѣлся Бубновъ, да и отвалилъ Минкину семьдесятъ пять тысячъ. Вѣрно?..

— Какъ по вексель!—разцвѣлъ восхищенный Минкинъ.

— А честное слово ваше?—вступился Коротковскій.

— Какой честный словъ!... Въ Россіи есть пятнядцать томъ сводъ законъ... Гдѣ о честный словъ сказанъ? Укажить мнѣ... Честный словъ! Вотъ столъ, свѣча, вотъ Ксеній Капитоновна, а гдѣ честный словъ?...

— Честное слово, это—фикція. Внѣ документа нѣтъ ничего. Для себя я считаю слово обязательнымъ, а другіе какъ хотятъ. Могій вмѣстити да вмѣститъ. Ну, а насчетъ документа—никакихъ разсужденій; онъ одинаково обязателенъ для всѣхъ,—подтвердилъ опять Столѣшниковъ.

— Мой вексель — вотъ мой честь! Я не понимай честь на словъ!.. Перомъ писалъ — не рубилъ топоръ! — съ глубокимъ убѣжденіемъ заключилъ Минкинъ.

— Ну, и міръ! Ну, правила!—широко раскрыла глаза Надя. Она была поражена ихъ спокойною откровенностію. Вѣрные служители бога воровъ—Меркурія не сочли даже нужнымъ стѣсняться. Зачѣмъ? Все это казалось имъ весьма естественнымъ. Ихъ кодексъ покоился на незыблемыхъ основаніяхъ.

— Да!—вдохновился Коротковскій.—Правила!.. Прежде тоже все это продѣлывали, да хоть не признавались. Цинизма не было. А нынче, словно подвигами какими, гордятся подлостью. Господи, да что же это!.. Дѣвушка отдается отвратительному горбуну и сохраняетъ при себѣ любовника—она Жанна д'Аркъ... Мерзавецъ обкрадываетъ своего отца, чтобы заплатить другому мерзавцу по векселю,—онъ чуть ли не герой... Голова кругомъ идетъ. Дышать стало нечѣмъ. Недолговѣчно царство ваше. Не такими идеалами живетъ человѣчество. Никогда не повѣрю въ будущее подобнаго порядка... Вамъ удалось пока все закупить... Все служитъ вамъ: и искусство, и наука, и печать... Но изъ-подъ спуда, снизу придутъ новыя силы и на лбахъ вашихъ выжгутъ позорныя клейма... Вы внесете въ исторію отрицательный примѣръ того...

— Ха-ха-ха!—искренно разсмѣялся Велинскій. — Вотъ не зналъ за вами, Коротковскій, такой способности... Ораторъ, настоящій ораторъ... И какъ говоритъ!...

— Ви знаете, молодой чельвѣкъ,—вступился Минкинъ.—Ходите къ намъ въ правленій... У насъ ви свой карьеръ получайтъ... Намъ для простой, добрый акціонеръ нужны такой луди!..

Надя безмолвно пожала руку Коротковскому.

— Нѣтъ, онъ хорошо говоритъ!—сентиментально похвалила и Татьяна Борисовна.—Вы такъ не умѣете!—уколола она Чѣрноморцева.

— Говоритъ-то хорошо, гдѣ только сядетъ...

— Законы разбойничьихъ вертеповъ гораздо нравственнѣе. Честь бандита—идеалъ, въ сравненіи съ вашей...

— Вотъ это хуже!—прервалъ брезгливо Сергѣй Сергѣевичъ.—До сихъ поръ вы говорили съ истиннымъ пафосомъ, а теперь уже навинчиваете себя, въ риторику ударились... Это портитъ впечатлѣніе...

— Нѣтъ, ви не говорите,—заступился Іосифъ Минкинъ.—Для нашъ акціонеръ и это хорошо...

Коротковскій бросилъ салфетку и вышелъ изъ-за стола, эффектно взбивъ себѣ волосы и мимоходомъ взглянувъ въ зеркало.

Надя въ эту минуту совсѣмъ примирилась съ нимъ... Вчерашняго дня какъ не бывало. Онъ чуть ли не пророкомъ явился ей среди этой пошлости и подлости. Велинскій наклонился къ Черноморцеву.

— Послушайте... Глядите въ оба... Она въ него теперь какъ въ Бога вѣруетъ.

— Слушаюсь.

— Напрасно вы... при дочкѣ-то,—замѣтилъ потомъ Столѣшниковъ.—Нужно бы по осторожнѣе. Ей все это ново, чуждо.

— Видите ли, Андрей Федоровичъ. Ложь мнѣ противна. Съ чего это я стану притворяться? Лишній трудъ. Надежда Андреевна должна меня знать такимъ, каковъ я въ дѣйствительности. Это Коротковскому пристало рядиться въ чужія перья... А ужь меня увольте... Я на всю жизнь хочу ее; слѣдовательно, чѣмъ лучше и вѣрнѣй она меня узнаетъ, тѣмъ легче будетъ потомъ спѣться.

А Коротковскій, выйдя изъ отеля, остановился на его террасѣ.

Что-то ему говорило, что Надя послѣдуетъ за нимъ, что она не останется тамъ, въ этомъ душномъ кружкѣ биржевыхъ тузовъ.

— Глупость я сдѣлалъ, или нѣтъ?—задумывался художникъ.—Поддался впечатлѣнію!

И онъ нервно прошелся по площадкѣ.

— Ну, на Велинскаго теперь разсчитывать нечего... Ни одной картины не купитъ... Впрочемъ, что же? Во Флоренціи я недаромъ познакомился съ княземъ Тагильскимъ... Ему всучу... Да что, впрочемъ, на мой вѣкъ хватитъ... Имя сдѣлано; теперь плюнь да размажь—покупщикъ найдется. Лишь бы фамилія была подписана...

А ночь была очаровательна.

За старой башней, которая казалась теперь еще громаднѣе, всходила луна. Контуры башни рѣзко очерчивались. Вся черная стояла она на просвѣтлѣвшемъ небѣ. Направо хмурились черныя горы. Съ колоколень древняго собора доносились глухіе удары колокола... Но ни они, ни шумъ рѣки подъ аркадами тяжелаго моста не могли заглушить величаваго ропота водопада, гдѣ то далеко-далеко падавшаго съ высоты въ глубокую пропасть.

— Это тамъ, должно быть!—взглянулъ на сѣверъ Коротковскій. И ему показалось, что въ лунномъ свѣтѣ онъ видитъ бѣлые каскады и серебряныя нити ринувшагося внизъ горнаго потока.

V.

Ночь любви.

Странное дѣло! Нѣсколько фразъ, сначала неискренно брошенныхъ, на удачу, точно очистили воздухъ вокругъ самого Корот-

ковскаго. Легче дышать. Ему себя стало стыдно. Передъ кѣмъ и ради чего онъ унижался, чему служилъ еще недавно? Всѣ эти козырные тузы теперь были ему противны. Откуда ни возьмись, нахлынули воспоминанія и передъ нимъ возникло словно въявь его свѣтлое прошлое. Казалось, онъ давно съ нимъ покончилъ, отошелъ отъ него въ сторону, забылъ и вдругъ опять оно мелькнуло въ памяти, вызвавъ горячій румянецъ на его щеки, невольно рождая въ груди тяжелый вздохъ. Онъ опять былъ тѣмъ же неизвѣстнымъ художникомъ, для котораго карьера, нажива, поклоненіе золотому тельцу, служеніе модѣ казались такъ ничтожны рядомъ съ вѣчными идеалами красоты и правды. Какъ ударъ молніи—эти воспоминанія. Ничего не видно въ безглазую, беззвѣздную ночь,—и вдругъ блеснула вверху огнистая струя и передъ вами мгновенно очертились темныя купы тучъ въ небесахъ съ зигзагомъ случайнаго просвѣта, бѣлый фасадъ какого-то дома, куполъ собора, вершина колокольни, сквозная тополь за старою стѣною, узкою щелью ложащаяся улица... Но мгновеніе прошло,—и опять все темно, только въ памяти еще блекнетъ этотъ неожиданный образъ.

— Да, нужно жить иначе... совсѣмъ иначе!—повторялъ онъ про себя.—И ради чего мы унижаемся передъ этою мелкіоровою знатью биржи? Развѣ не мы—артисты, художники, писатели—истинная соль земли? Аристократія таланта — чѣмъ она ниже аристократіи мѣняльныхъ лавокъ?... Сами себя мы измучили, исковеркали...

— Леонтій Петровичъ, вы здѣсь?—послышалось издали.

— Надя... Надежда Андреевна...

— Я ушла отъ нихъ... Вотъ люди!.. Когда ихъ слушаешь, точно надъ бездной висишь: ни надъ тобой, ни подъ тобой, ни по сторонамъ нѣтъ опоры... А имъ легко... Я не понимаю!... Сегодня вы—най-мальчикъ. Я люблю, т.-е. буду васъ любить такимъ... А если какъ вчера вечеромъ, такъ ужь лучше и не показывайтесь...

— Это не повторится.

— Нате вамъ за то.—И она прижала къ его губамъ свою маленькую, мягкую ручку.—Кушайте на здоровье...

— За вами не придутъ?

— Нѣтъ; я сказала имъ, чтобы не смѣли... Я, вѣдь, знаете вольница. Даже отца пріучила. У насъ въ пансіонѣ много американокъ было,—у нихъ заняла такіе пріемы. Ничьей власти надъ собою не признаю и никому не подчинюсь.

— Никогда?

— Никогда... Какъ хорошо тутъ... какая ночь теплая, ясная!.. Знаете что?.. Пойдемте туда, на тотъ мостъ, помните, по которому мы ѣхали сегодня?..

— Далеко... Васъ станутъ искать. Отецъ будетъ безпокоиться.

— Развѣ я дала ему право сомнѣваться во мнѣ?

И столько гордости прозвучало въ эту минуту въ голосѣ Нади, что Коротковскій мгновенно смолкъ. Гордость, это—броня женщины. Она часто спасаетъ ее отъ униженія. Побѣдить женщину — не значитъ только пріобрѣсти ея любовь, но и сломать ее гордость. Оно и понятно: въ любви женщина отдается, мужчина беретъ. Не потому ли для женщины это самопожертвованіе является священнодѣйствіемъ? Она хочетъ, чтобъ ею не только обладали, но въ эту же минуту и молились на нее. Грубость побѣдителя глубоко оскорбляетъ побѣжденнаго. Женщина поэтому никогда не проститъ, если любимый человѣкъ, переживъ экстазъ, смотритъ на нее равнодушнымъ взглядомъ.

«Какъ онъ смѣлъ, горячъ и энергиченъ»!—убѣждала себя Надя, идя подъ руку съ Коротковскимъ по мрачнымъ улицамъ средневѣковаго города. Она чисто по той же женской гордости надѣляла художника качествами, которыхъ тотъ вовсе не имѣлъ. Для мужчины, если онъ уже нравится женщинѣ, не надо ни ума, ни красоты, ни возвышеннаго характера. Она сама его снабдитъ всѣмъ этимъ; увѣритъ себя, что онъ уменъ, красивъ, съумѣетъ другимъ доказать тоже. Ея самолюбіе не допускаетъ и мысли, чтобы она увлеклась чѣмъ-нибудь обыденнымъ. Женщина, разъ она любитъ, способна найти прелесть въ кривомъ глазѣ и хромой ногѣ своего властелина. Его горбъ или лысина будутъ казаться ей особенными преимуществами, которыми онъ обладаетъ и которыхъ лишены другіе. Немудрено поэтому, что красавецъ Коротковскій казался Надѣ чуть ли не клядземъ всевозможныхъ физическихъ и духовныхъ совершенствъ.

Старые дома, съ выдвигавшимися впередъ верхними этажами, старые соборы, съ черными статуями святыхъ въ черныхъ нишахъ, старыя башни, съ волнами плюща, старыя стѣны,—все это то уходило въ мракъ, то словно выдвигалось, когда яркое сіяніе мѣсяца струилось на нихъ съ высоты. Тускло блеснули и спрятались опять расписныя стекла готической капеллы, на холодныхъ камняхъ которой когда-то плакалъ и бился Фридрихъ

Барбарола. На площадяхъ, гдѣ сонно рокотали меланхолическіе фонтаны, дома по одну сторону казались изваянными изъ матовыхъ глыбъ серебра, другіе чернѣли въ темнотѣ, откуда изрѣдка, словно чье-то налившееся кровью око, мелькалъ красный огонь изъ круглаго окна. Точно остріе ножа, прорѣзался сквозной лучъ въ бойницѣ угрюмаго замка. Мрачный силуэтъ его, казалось, былъ выхваченъ прямо изъ романтической легенды. Бѣлою полосою ложилась дорога между темными облаками тополей — городъ остался позади.

Городъ остался позади... Оглянувшись, Надя увидѣла кровли домовъ, стрѣльчатые колокольни соборовъ, вершины старыхъ башенъ словно плавающими въ цѣломъ морѣ задумчиваго свѣта. Ночь, завернувшись въ звѣздное покрывало, замедляла свой полетъ надъ ними, точно для того, чтобы налюбоваться на эту красивую молодую пару. Казалось, ей, грустной красавицѣ мрака, хотѣлось прислушаться къ согласному біенію ихъ сердецъ, укрыть счастливцевъ отъ цѣлаго свѣта, чтобы они могли вволю надышаться прохладою остывающихъ полей, нѣгою очарованной природы, молодостью, свободою и счастьемъ, которыя отниметъ яркій день, разгонитъ горячее солнце, вспугнутъ любопытные взгляды...

Городъ остался далеко позади... Теперь уже не видно его куполовъ и башенъ. Платаны, глубоко запустившіе свои корни въ горные склоны, заслонили Тріентъ. Изрѣдка доносится сюда унылый бой часовъ. Пускай бьютъ: ихъ некому считать здѣсь... Какое это красивое дерево—платанъ. Какъ оно хорошо и при свѣтѣ дня, и въ мерцаніи ночи. Оно всегда юно. На его молодой, бѣлой и свѣжей корѣ время безсильно провести свои морщины. Сотни лѣтъ проходятъ мимо. Сѣдины лишаевъ и густыя бороды мху старятъ могучіе дубы, а платаны стоятъ себѣ молодые и свѣжіе, какъ вчера, улыбаясь времени и радуясь каждому новому лѣту.

Теперь уже и боя часовъ не слышно. Теплая долина. Персиковыя деревья на ней. Густо напоенъ воздухъ ихъ возбуждающимъ ароматомъ. Точно тысячи благоуханныхъ устъ раскрылись и дышутъ прохладою южной ночи. Тысячи невидимыхъ кадилъ струятъ къ застоявшемуся посреди неба мѣсяцу свои благодарные фиміамы... И какъ хороши эти деревья! Какъ они разбрасываютъ свои листья и вѣтви во всѣ стороны, точно имъ хочется оторваться, уйти прочь, на свободу, отъ родного ствола! Такъ въ горячкѣ любви разметывается на своемъ знойномъ ложѣ

молодая женщина, мысленно призывая къ себѣ любимаго человѣка... А виноградъ что всползаетъ вверхъ по деревьямъ; точно кольца завившихся на бѣлой шейкѣ кудрей, лозы на свѣтлой корѣ. Днемъ замѣтно, что листья ихъ покраснѣли, но это не чахоточный румянецъ нашей осени... Нѣтъ, это полнота жизни, это ея соки пробиваются наружу; глядя на нихъ, такъ и кажется: изъ-подъ зубчиковъ листа вотъ-вотъ брызнетъ горячая кровь... Лоза—дѣйствительно женщина... Ей надо уцѣпиться за что-нибудь,—кого-нибудь обвить. И опьяняетъ она, какъ женщина... Вѣтеръ бѣжитъ по листвѣ винограда; влюбленный шопотъ слышится въ ней... Влюбленный шопотъ передается разметавшимся вѣтвямъ персиковаго дерева и точно зоветъ оно нашихъ путниковъ къ себѣ подъ свою ароматную тѣнь.

Долины за долинами, холмы за холмами... Все вверхъ и вверхъ поднимаются наши путники.

Ручьи уже шумно бѣгутъ по горнымъ щелямъ. Вонъ маленькій мостикъ перекинулся черезъ самое стремя бѣлаго потока... Надъ нимъ остановилась Надя. Слушаетъ его... Весело бѣсится вода, шумно радуется чему-то. Изъ чащи акацій, каждый листъ которыхъ теперь прижался къ листу, каждая вѣтка къ вѣткѣ, весь вытягиваясь, рвется вверхъ къ свѣту, къ ночному небу, къ ночнымъ звѣздамъ—стройный тополь... Тополь въ луну влюбленъ. Оттого, часто безлистный внизу, онъ уносится къ ней въ высоту, доростаетъ сколько можетъ и уже тамъ въ вольномъ просторѣ раскидываетъ все къ той же лунѣ свои словно вздрагивающія отъ страсти вѣтви...

— Хорошо тебѣ?—И Надѣ нисколько не странно, что ей уже говорятъ «ты». Она бы удивилась, если бы было иначе.

Вмѣсто отвѣта она жмется къ молодому художнику, заглядываетъ благодарно прямо въ его темные глаза.

— Мнѣ не хочется на сѣверъ... Здѣсь бы остаться съ тобою, уйдти отъ всѣхъ куда-нибудь далеко, далеко, въ самую глушь...

— Бѣжимъ!... трепетно шепчетъ она...—Бѣжимъ... Куда-нибудь, по голубому, теплому морю...

— Скоро у насъ будетъ снѣгъ... Туманы пойдутъ... Солнце спрячется за тучи... А тамъ вѣчно зеленыя пальмы все будутъ колыхаться надъ пѣвучими волнами. Безоблачное небо также обойметъ сожженную его поцѣлуями землю. Я, кажется, скоро заговорю стихами. Эта ночь, луна... Эти горы... Ахъ, Надя! Скорѣе, скорѣе бы...

— Что?

— Назвать тебя своею... Не прятаться... Не притворяться...

Она еще крѣпче прижалась къ нему; вотъ рука Коротковскаго обвила вокругъ ея стана. Сильная мужская рука, и Надя чувствуетъ, что вся дрожитъ подъ этою рукой, что и эти тополи, и эти горы, и эти утесы точно сдвигаются съ мѣстъ... а воздуха мало... грудь волнуется — дышать нечѣмъ... Горячая кровь такъ и льется подъ кожей... Жизни, жизни, простора!...

Ночь для нихъ раскрывала вѣнчики лучшихъ цвѣтовъ своихъ, ручьи пѣли имъ самыя звонкія пѣсни, деревья въ полуснѣ шептали ласковый привѣтъ, звѣзды съ высоты небесной глядѣли имъ прямо въ душу... А они все шли и шли впередъ.

Вонъ и тотъ большой каменный мостъ черезъ бездну. Направо гремитъ водопадъ, обдавая ихъ серебряною пылью. Могучая масса воды разбивается въ бѣлое облако. Точно какое-то чудовище жалуется и стонетъ тамъ, на днѣ пропасти, подъ этими ударами. По серединѣ мостъ упирается въ скалу... Будто игла, она поднялась снизу, словно для того, чтобы поддержать смѣлую каменную арку. Далеко-далеко подъ ногами клубится туманъ... И кажется Надѣ, что несутся они надъ этимъ туманомъ, несутся съ этими горами и рощами, съ этимъ водопадомъ... Отсюда опять видѣнъ Тріентъ. Вонъ онъ, словно утомясь, лѣниво прислонился къ откосамъ горъ въ долинѣ, по которой широкимъ изгибомъ струится и поблескиваетъ большая рѣка.

— Удивительно!—проговорила, наконецъ, Надя.

— Что?—Голосъ его звучитъ какъ-то нервно, возбужденно.— Что тебѣ моя дорогая?—А рука все крѣпче и крѣпче обвиваетъ ея станъ.

— Мы молчимъ — и ни на секунду не скучно.. И говорить не хочется.

— Когда любишь, молча понимаешь другъ друга... Можно молча разговаривать... молча передавать другъ другу впечатлѣнія. Не потому ли, что въ эти минуты одно и то же волнуетъ, радуетъ и мучитъ насъ?...

— Минуты, только минуты?—грустно проговорила дѣвушка...

— Въ этихъ минутахъ вся жизнь... Онѣ потомъ какъ солнце согрѣваютъ...

— Какой чудный запахъ! посмотрѣла внизъ Надя.—Что бы это могло быть?... Вотъ-вотъ тамъ. Посмотри... Какъ это красиво...

Въ одной изъ трещинъ скалы, подпиравшей мостъ, поднялось олеандровое дерево. Большія кисти красныхъ цвѣтовъ безстыдно подставляли лунному свѣту свои жадно раскрытыя, страстныя, алыя губы. Коротковскій взглянулъ внизъ. Почти отвѣсная поверхность утеса кое-гдѣ только чернѣла разщелинами.

— Была не была!

— Что?

— Сейчасъ я положу тебѣ на грудь эти цвѣты.

— Что ты... Я умру отъ страха... Я брошусь за тобою... Милый, дорогой мой?

Но было уже поздно.

Коротковскій живо перескочилъ черезъ парапетъ каменнаго моста, наклонился надъ бездной, смѣлымъ прыжкомъ миновалъ пространство между выступомъ, на которомъ стоялъ, и первою площадкою скалы... Только мелкой щебень съ глухимъ шумомъ сталъ осыпаться внизъ по гранитнымъ откосамъ.

— Ради Бога!... Назадъ!... Назадъ!—билась на верху Надя.

— Сейчасъ у тебя будутъ цвѣты, — весело послышалось снизу.

Онъ схватился руками за холодную горбину камня. Повисъ на ней... Внизу, далеко внизу струится туманъ, гремитъ водопадъ около. Брызги его серебрянной пылью ложаться на скалу. Мокрый камень скользокъ отъ нея. Ноги художника внизу ищутъ опоры. У Нади вся жизнь ушла въ глаза. Она теперь не живетъ, а только видитъ, смотритъ. Сердце замерло... Бьется или нѣтъ?... Словно чьи-то руки схватили за горло и душатъ... Крикнуть силъ нѣтъ... Да и какъ крикнуть!... Точно молнія, въ головѣ мысль: его испугаетъ крикъ... Слава Богу!.. Ноги его нашли опору...

— До цвѣтовъ недалеко уже!—слышится ей голосъ любимаго человѣка.

Онъ цѣпляется за каждую морщинку въ утесѣ. Вставитъ ногу носкомъ въ разщелину, а руками шаритъ за что опять ухватиться. И этотъ оглушающій водопадъ... Бѣлыя массы воды несутся около Коротковскаго. Вдругъ смоютъ внизъ?... Карнизъ встрѣтился... Коротковскій пошелъ по карнизу... Точно лѣсенка внизу... Будто ступени въ скалѣ къ самому олеандру... Вотъ онъ уже уцѣпился за стволъ дерева. Крѣпко уцѣпился... Должно быть, отдыхаетъ... Что это, свѣтъ мѣсяца, или онъ поблѣднѣлъ? Лицо совсѣмъ мертвое-мертвое. Только глаза у него горятъ. Какъ онъ

дышетъ тяжело. И время идетъ какъ медленно! Надѣ казалось, что сама упадетъ сейчасъ. Ногъ подъ собою не чувствуетъ, что-то, какъ облако, заволакиваетъ передъ нею дали... А мгновенія идутъ за мгновеніями—тихо-тихо. И каждое изъ этихъ мгновеній кажется вѣчностью!.. О, Господи!..

— Еще немножко, Надя, и цвѣты твои!—кричитъ Коротковскій снизу.

У нея уже нѣтъ силы отвѣтить ему; хотѣла сказать что-то да въ горлѣ только захрипѣло. Не отводя глазъ, смотритъ она. Вотъ онъ уцѣпился за вѣтви дерева. Ползетъ по нимъ къ цвѣтамъ. Повисъ на вѣтвяхъ. Дерево все книзу склонилось теперь... Вмѣстѣ съ деревомъ, какъ тяжелый плодъ на немъ, виситъ онъ надъ бездной. Ничего подъ нимъ. Ничего, кромѣ Бога и ангеловъ... Хватаясь руками все ближе и ближе къ верхушкѣ Коротковскій опускается ниже... Что, если олеандръ не выдержитъ, что, если корни слабо въ скалѣ сидятъ, оборвутся?... Надя закрываетъ глаза... Она чувствуетъ, что мостъ точно заколыхался подъ нею... Невольно она опускается на его каменныя плиты... Замерла... Ничего теперь ни въ ней, ни кругомъ...

Долго ли продолжался обморокъ, долго ли и какъ любимый человѣкъ всползалъ по этой каменной иглѣ,—она ничего не помнитъ. Надя очнулась потому, что Коротковскій подошелъ и прямо въ лицо ей брызнулъ холодными каплями, сохранившимися въ лепесткахъ цвѣтовъ. Онъ кладетъ ихъ на грудь дѣвушкѣ... Покрываетъ поцѣлуями ея губы... Она уже и не отбивается теперь... Только касается его лица... Точно хочетъ убѣдиться, что это не сонъ, не греза, что это дѣйствительно онъ воротился цѣлъ и невредимъ...

— Что же ты не поблагодаришь меня! Посмотри какъ ихъ румянецъ идетъ къ золоту твоихъ волосъ,—смѣется онъ, еще разъ медленно касаясь своими губами ея раскрытыхъ устъ.

Но вмѣсто благодарности Надя начинаетъ рыдать.

Коротковскій живо подхватываетъ ее на руки и какъ ребенка несетъ черезъ мостъ... Тамъ на концѣ его часовня... Въ темной нишѣ дѣва Марія съ ребенкомъ... Подъ нишей каменная скамья... Прямо сюда бьетъ своими лучами мѣсяцъ... Коротковскій тихо опускаетъ Надю на скамью и самъ становится на колѣни около.

— Зачѣмъ... Зачѣмъ ты это?... Развѣ можно пугать такъ?— только и шепчетъ она, едва успокоиваясь отъ рыданій.

Но онъ не даетъ ей говорить, не слушаетъ ее. Онъ цѣлуетъ ей лобъ, виски, щеки. Она не успѣваетъ отворачивать голову. Онъ гаситъ своими поцѣлуями упреки, вспыхивающіе у нея на губахъ. Его горячая щека жжетъ ее... Руки его жадно ищутъ ея рукъ... Вотъ онъ нашелъ ихъ и жметъ... Точно огонь палятъ онѣ... Вотъ онъ поднялъ ей голову—цѣлуетъ ей шею... Словно жаждующій въ спаленной солнцемъ пустынѣ къ источнику, приникаетъ онъ къ ней... Отыскалъ волоса, завившіяся подъ ея красивымъ затылкомъ; ихъ цѣлуетъ... Во влажную массу кось погружаетъ свое горящее лицо и, все-таки, не можетъ охладить его... Надя ничего не понимаетъ, но ей хорошо, хорошо. Его поцѣлуи, этотъ огненный дождь, согрѣваетъ ее, возвращаетъ ей жизнь. Смутно, какъ во снѣ, онъ говоритъ ей что-то. Ее самою всю охватило полымемъ... Страстный трепетъ бѣжитъ по ея тѣлу, какъ волны въ бурю... Руки Коротковскаго обвили дѣвушку... Жадные губы слились съ ея губами...

— Господи!... Что это?...

Кто это смотритъ на нее сверху? Кто здѣсь третій?

Она вскочила съ широко раскрытыми глазами, и во время...

Изъ глубины черной ниши, вся озаренная луною, смотрѣла на нее мраморная Мадонна съ мраморнымъ младенцемъ на рукахъ.

VI.

Аксюткины когти.

Когда Надя вернулась съ Коротковскимъ, казалось, въ отелѣ все спало.

Ни въ одномъ окнѣ огонька не было.

— До утра!—прощалась съ нимъ дѣвушка.

— До завтра.

— Ну, впередъ я ужь не буду такъ неосторожна съ тобой...

— Прости меня, забылся совсѣмъ... Да, вѣдь, ничего же дурнаго не вышло?

— Хорошо, что Мадонна спасла!—лукаво улыбнулась дѣвушка. Ахъ да... Милостивый государь!—словно опомнилась она.

— Что тебѣ?...

— На что это похоже?... Вѣдь, вы еще до сихъ поръ формально не изъяснились въ любви... Какой это порядокъ? Я во всѣхъ романахъ читала, что молодой и благородный кавалеръ становится на колѣни и... Станьте на колѣни!

— Ну, что за шалости, Надя!

— Я тебѣ говорю: стань на колѣни... Иначе завтра наединѣ не увидимся. Я хочу этого. Неужели такъ трудно?

Улыбаясь, Коротковскій опустился передъ нею.

— Вотъ, такъ... Въ эту сторону повернитесь... чтобы васъ видно было. Пусть луна удивляется, что это за дуракъ такой?!.. Не смѣйте подниматься ни подъ какимъ видомъ... Ну, теперь—изъясняйте ваши чувства... Не хотите?... Нѣтъ?... Ну, такъ стойте же... пока я не взойду наверхъ и не отворю окна... Стойте!.. Слышите?

— Глупости!

— А я вамъ говорю, что если вы этого для меня не сдѣлаете, такъ я васъ и знать не хочу... Это вамъ будетъ наказаніемъ.

— За что?

— За то, что чуть-чуть не случилось,—уже съ нѣкоторою злостью проговорила Надя, уходя за дверь.

«Что за глупое положеніе... Разнервничилась!... Стой теперь на колѣняхъ»...

— Коротковскій!

Тотъ мигомъ вскочилъ на ноги.

— Чего вы это на колѣняхъ торчите тутъ?—послышался сверху голосъ Велинскаго.—Я въ окно выглянулъ—и вижу... Глазамъ не повѣрилъ... На луну молитесь, что ли?

— Нѣтъ... Уронилъ золотой и ищу... «Глупая дѣвчонка», ворчалъ онъ про себя.

— То-то... Золотой!.. Спать идите... Гдѣ вы шлялись до сихъ поръ?

— Тріентъ осматривалъ при лунномъ свѣтѣ.

— Одинъ?

— Съ кѣмъ же еще?—спросилъ Коротковскій...

— Какъ съ кѣмъ? Со мной!—задорно откликнулась изъ другаго окна Надя.—Онъ вмѣстѣ со мною гулялъ по всему Тріенту...

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю!—процѣдилъ сквозь зубы Велинскій.

— И не только по Тріенту... мы на мостъ ходили...

— Какъ на мостъ?.. Ночью, въ эту пору, вдвоемъ, молодая дѣвушка и...

— Ха-ха-ха!... А какъ объ этомъ говоритъ «биржевая» мораль? Въ вексельномъ правѣ не найдется ли что-нибудь? Молодой дѣвушкѣ можно, или нельзя? Съ вами, напримѣръ, такъ

вѣрно можно, а съ Коротковскимъ нельзя... Не такъ ли? Ну, а вы по моему высочайшему повелѣнію стали бы на колѣни тамъ, на мокрыхъ ступеняхъ, или нѣтъ?...

— Такъ это вы его?—разсмѣялся Велинскій, совсѣмъ успокоенный.

— А вы какъ думали?

— Молодецъ, Надежда Андреевна!... Завтра Коротковскій съ насморкомъ.

— Ему за это и награда будетъ!...

— Какая?

— А ужь это не ваше дѣло... Это я одна знаю, да никому не скажу, — смѣялась Надя. — Прощайте, Леонтій Петровичъ, идите спать!...

— Слушаюсь!—съ комическою покорностію отозвался художникъ, уходя съ крыльца.

— Угнетенная невинность или поросенокъ въ мѣшкѣ! прошепталъ Велинскій.—Знаете что, Надежда Андреевна?... Бросьте вы эту исторію...

— Какую?

— А вотъ съ Коротковскимъ. Вамъ не то надо... Такая царственная красота, какъ ваша, нуждается во власти, въ силѣ, въ блескѣ... А эти «публичные мужчины»—артисты, не дадутъ вамъ ничего... При нихъ женщина нянька. Она стушевывается въ праздникъ и играетъ роль служанки въ будни... Вамъ надо быть женою человѣка, въ рукахъ котораго—все и который самъ служилъ бы вамъ всѣмъ.

— Не о себѣ ли вы это?

— А хотя бы о себѣ. Вступимъ въ договоръ.

— Какъ вы сказали?

— Я говорю: вступимъ въ договоръ,—спокойно повторилъ Велинскій.— Я — могущество, власть, сила... Вы — красота... Соединимся, вмѣстѣ мы цѣлый свѣтъ повернемъ...

— Что это, формально?

— Хотя бы.

— Изъ окна въ окно? И притомъ вы теперь въ халатѣ... Или по сему торжественному случаю фракъ надѣли?

— Такъ что-жь, что изъ окна?... Развѣ странно? Вамъ должно нравиться это... Помилуйте, внизу въ долинѣ подъ луннымъ свѣтомъ спитъ городъ... Въ небесахъ сверкаютъ звѣзды. Луна эта. Самая подходящая декорація.

— Для договора?

— Или для формальнаго предложенія...

— Ну, а вы станете на колѣни, какъ Коротовскій?

— Нѣтъ, не стану....

— Такъ я несогласна,—расхохоталась Надя.— Пусть могущество, власть, сила остаются сами по себѣ, а красота—сама по себѣ.

— Это не послѣднее ваше слово?

— Рѣшительное.

— А я вамъ говорю—нѣтъ... А что я говорю, то значитъ такъ и будетъ... Я никогда не ошибаюсь,—и вы, рано или поздно, а станете моею женой.

— Вы слышали, что говорилъ отецъ? Меня на биржѣ не котируютъ.

— Теперь весь міръ биржа... Цари биржи располагаютъ міромъ... Слушайте, Надежда Андреевна... Дѣятельность банкира—рискованное дѣло... Сегодняшній милліонеръ завтра можетъ оказаться на улицѣ. Это—азартная игра. Вашему отцу везетъ, но... Ни что не вѣчно подъ луною!... Кто это сказалъ?... Впрочемъ, все равно... Если вамъ,—и голосъ Велинскаго сталъ необыкновенно серьезенъ,—когда-нибудь нужно будетъ спасти честь отца, его состояніе... Если вамъ понадобится нѣсколько сотъ тысячъ, ну, милліонъ, что-ли, знайте—вы его найдете въ своей свадебной корзинкѣ... Слышите ли?... Я знаю, вы меня не любите, но вы полюбите ту жизнь, которую я дамъ... Да я и не понимаю, что такое любовь? Ни любви, ни зубной боли я никогда не испытывалъ... Такъ вотъ вы и знайте... Въ случаѣ, «чего не дай Боже», какъ пишутъ въ контрактахъ, я выручу и васъ, и вашего отца.

— Благодарю васъ... Чтобы ни случилось съ папа, а этого не будетъ.

— Почему?

— Потому что роль Женевьевы изъ мѣняльной лавки меня не соблазняетъ...

И она захлопнула окно.

Велинскій нисколько не обидѣлся.

— Что за странный типъ,—думалъ онъ,—и какія громадныя дѣла можно сдѣлать съ нею... Въ ней есть смѣлость, задоръ, независимость... Что-то очень мало чистоты... Нѣтъ этой дѣвственности, наивности; ну, да подобный товаръ нынче вообще рѣдокъ.

Да и какъ заглазно опредѣлить его? Невинность дѣвушки и честность банкира обнаруживаются только при ликвидаціи... А она будетъ моей женой. Ея отецъ на волканѣ. Онъ свое состояніе, капиталы вкладчиковъ,—все броситъ въ эту операцію. Тише поѣдешь—дальше пріѣдешь, какъ говоритъ Іосифъ прекрасный.— И Велинскій тоже затворилъ свое окно. Теперь отель точно опустилъ свои вѣки—шторы и заснулъ окончательно.

Надя, войдя къ себѣ, была очень удивлена.

Ксенія не спала. Она лежала съ широко раскрытыми глазами, закинувъ подъ голову свои красивыя руки. Бубнова смотрѣла прямо въ лицо яркому мѣсяцу, словно застоявшемуся передъ ея окномъ.

— Что ты?—съ участіемъ обратилась къ ней Столѣшникова.—Всегда какъ въ кровать, такъ и спишь.

— Такъ... Не спрашивай... Скверно... Надоѣло все... Захочу говорить, сама заговорю.

— Ну, Богъ съ тобой недотрога - царевна!.. Лежи!

Надя, выглянувъ въ окно, начала съ Велинскимъ уже описанную бесѣду. Ксенія не проронила ни одного слова.

— Слышала?—обратилась къ ней дѣвушка, запирая ставень.

— Слышала.

— Каковъ?

— Настоящій человѣкъ!.. Вотъ бы мнѣ такого, я бы не выпустила изъ рукъ.

— Не хочешь ли, сейчасъ ему сдѣлаю предложеніе отъ твоего имени,—расшалилась Надя, пріотворяя окно.

— Безъ глупостей... Ну, что твой Коротковскій, Подумай сама... Кислятина и ничего больше. Такъ себѣ, мазочка.

— Что такое?

— Мазочка, говорю. За мной въ Петербургѣ кадетъ одинъ ухаживалъ. Они хорошенькихъ товарищей мазочками называютъ. Вотъ и твой Коротковскій ничто иное... Какое же сравненіе съ Велинскимъ? Велинскій—царь и всѣхъ ихъ купить можетъ. Онъ это знаетъ и даетъ имъ настоящую цѣну... Ты наблюдала ли, какъ хорошо воспитанная собака съ хозяиномъ разговариваетъ?

— Что за чушь!

— Сдѣлай одолженіе... Дрожитъ, какъ будто присѣсть на заднія лапы хочетъ, и хвостъ зажметъ, точно его нѣтъ у нея... Ну, и они съ нимъ тоже повизгиваютъ...

— Аксютка, не дури! А то укушу тебя...

— Не совѣтую... Я сегодня взбѣсилась. Укусишь — сама взбѣсишься.

— Да чего ты зла такъ?

— Чему же прикажешь радоваться? Какое мое положеніе? Незаконная дочь Капитона Бубнова!... И что за подлая фамилія! Переносить ее не могу—Аксинья Капитоновна Бубнова, такъ и пахнетъ прачкой... Да это бы еще ничего, а ты скажи мнѣ кто я такое?... Ну?

Ксенія приподнялась на локоть.

— Ты что на меня смотришь?

— Какое у тебя характерное лицо... Блѣдное, блѣдное... Красивые, злые глаза и яркія, красныя губы!..

— Глупости!... За тобою ухаживаютъ всѣ... Собачка вѣрная — Коротковскій на мокрыя ступени склоняетъ колѣни. Прикажи—до утра будетъ сидѣть на заднихъ лапахъ и лаять... Велинскій къ твоимъ ногамъ свою корону складываетъ, въ ночномъ шлафрокѣ, при лунѣ, изъ окна въ окно въ любовые дуэты поетъ, хотя и своеобразно; даже Іосифъ прекрасный, на что жидъ, и тотъ сегодня, когда ты послѣ обѣда вымыла руки въ водѣ, взялъ и выпилъ эту воду, да еще причмокнулъ!... Даже Татьяна Борисовна,—и та нашла обожателя... Я одна, всегда одна. Знаютъ, что въ любовницы не пойду. А на незаконной дочери, на подкидышѣ какого-то Бубнова какъ же жениться? Еще дай мнѣ этотъ самый Капитонъ Бубновъ тысячъ двѣсти, ну сейчасъ увяжутся за хвостомъ. Явятся обожатели и женихи... А теперь... Вонъ Іосифъ прекрасный сегодня говоритъ: «Я бы для васъ десяти тысячъ не пожалѣлъ». Видишь, какъ дорого оцѣнилъ?... А въ обществѣ?.. «Вы знаете, это дочь Бубнова съ лѣвой стороны», да еще чья—Капитона Бубнова!... Позоръ какой!... Тебя принимаютъ вездѣ... А меня? Даже Доменика Станиславовна фонъ-Бушъ, у которой чуть не изъ тюремъ собираются, салонъ ея клубомъ червонныхъ валетовъ зовутъ, и та приглашаетъ меня, когда никого нѣтъ. Развѣ я всего этого не вижу, не знаю? Что-жь, я глупѣе, уродливѣе, бездарнѣе ихъ, что ли? За что же это, за что? Ты знаешь какъ я попала къ вамъ въ дрезденскій пансіонъ?... Узнали у m-me Сальви въ Петербургѣ, что я незаконная, и предложили убираться на всѣ четыре стороны... Что-жь прикажешь? Радоваться, что ли?...

Надя сѣла на ея кровать и обняла Ксенію.

— Ты добра ко мнѣ всегда была... Ты не разу не только не показала виду, кто я, но знаю, тебѣ и въ голову не приходило это... А другіе всѣ... И знай: умирать стану, зла тебѣ не сдѣлаю... А остальнымъ...

— Что остальнымъ?

Ксенія совсѣмъ приподнялась на постели и сѣла.

— Артисткой буду. Знаменитостью... Вся эта мразь за хвостомъ забѣгаетъ... Губить людей начну. Каждый поцѣлуй — чума, отрава... Перестрѣляются изъ-за меня, честь мнѣ подъ ноги кинутъ—растопчу ее... Счастье ихъ семей, имя, славу, богатства—все размечу по вѣтру... Вызову ихъ на позоръ, на преступленіе... Первая отвернусь отъ нихъ, выдамъ, если понадобится... Со сцены буду царицей—и не полюблю, никогда ни кого... Я имъ покажу Аксюткины когти!.. Въ живое мясо... Пусть изъ-подъ нихъ кровь течетъ... Насмѣюсь и натѣшусь... Съ дѣтства терпѣла—все вымещу... Погодите, запоютъ и мои птички.

— Ксенія, опомнись... Что ты говоришь?

— А, ты думаешь это сейчасъ только, разбитые нервы? Нѣтъ, Надя... Я въ себѣ эту злобу съ дѣтства воспитывала... съ тѣхъ поръ, какъ меня сторожа, да десятники подкидышемъ ругали... Каждый день приносилъ проценты на этотъ капиталъ... Онъ хорошо росъ, да и я словно сокровище какое сберегла его. Я тебѣ говорю: у меня есть чѣмъ расплатиться съ людьми... Не даромъ я Аксютка, Капитонова дочь... Погодите... Теперь скоро... Ты знаешь, что мой отецъ отвѣтилъ недавно?... Нужно мнѣ было у Маркези поучиться пѣть еще... Я къ нему обратилаеь, чтобы помогъ... Такъ онъ мнѣ и отписалъ: достаточно научена, и безъ того я на тебя какую прорву денегъ истратилъ... Можетъ быть, женюсь еще, такъ на законныхъ дѣтей понадобится. Такъ слово въ слово... Что-жь ихъ жалѣть?

— Ты гдѣ думаешь выступить?

— Въ Петербургѣ. Гдѣ же больше? Сразу сдѣлаю имя... Но только... Помни, Надя... Еще разъ повторяю тебѣ: на твоей дорогѣ я никогда не стану... Ни однимъ пальцемъ не поврежу тебѣ. Слышишь? Для тебя одной Аксюткины когти будутъ не страшны.

Долго еще послѣ того Ксенія лежала, глядя во мракъ безсонными глазами... И рисовалось ей въ этомъ мракѣ далекое сумрачное дѣтство... безъ свѣта, безъ ласки, безъ тепла,

Холодное, непріютное. Она еще разъ перебирала въ памяти всѣхъ, встрѣчавшихся ей... И все-то ненавистное, все враждебное... Не на комъ остановиться. Одна Надя...

Неслышимо Ксенія встала съ постели и босикомъ подошла къ Надѣ. Подъ простыней высоко подымалась красивая грудь дѣвушки. Покрывало не могло скрыть дивныхъ формъ ея тѣла.

— Красавица!.. Всѣмъ взяла! И Ксенія, наклонившись, поцѣловала ее въ губы.

Надя полуоткрыла глаза. Влажный взглядъ изъ-подъ рѣсницъ на мгновеніе остановился на Ксеніи. Но, должно быть, не ее увидѣла дѣвушка.

— Милый, хорошій, дорогой мой!—чуть слышно проговорила она, поворачиваясь и во снѣ пряча разгорѣвшееся лицо въ подушки.

В. И. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СИЛЬВЕКЪ.

Романъ Элизы Ожешковой.

(Переводъ съ польскаго).

Осенній день клонился къ вечеру. Между небомъ и пространствомъ бурыхъ полей висѣла мгла мелкаго дождя. Въ этой мглѣ слышался плачъ степнаго вѣтра и плескъ большой рѣки, бившейся о свои высокіе берега.

Если бы кто-нибудь помѣстился на одной изъ тучъ, тяжело ползущихъ подъ грязновато-сѣрымъ небомъ, и посмотрѣлъ бы внизъ, то его вниманіе привлекло бы три пункта различныхъ размѣровъ, но находящихся на одной линіи и въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга. Первымъ и большимъ былъ городъ, занимающій огромный кругъ земли и выбѣгающій изъ окружности нѣсколькими прямыми и кривыми отростками. Послѣднія напоминали руки гиганта, протянутыя не то съ мольбой, не то съ угрозой. Повитый густою пеленою дождя, какъ будто заключенный въ сосудъ изъ плохаго стекла, городъ точно стремился къ къ небу башнями костеловъ, точно сожалѣлъ объ одиночествѣ полей и заигрывалъ съ ними, подмигивая красноватыми огоньками жилищъ. Отъ круга, отъ вытянутыхъ рукъ долетали глухіе, хаотическіе звуки, въ которыхъ, если прислушаться внимательно, можно различить стукъ колесъ, звукъ музыки, лай псовъ, громкій хохотъ, прерванный крикъ, однимъ словомъ, вѣчно гремящій, сложный аккордъ городской жизни.

Другимъ пунктомъ было кладбище, широко расположившееся на высокомъ и обрывистомъ берегу рѣки, похожее во мракѣ на лѣсъ, наполненный толпою неясныхъ, сѣрыхъ или бѣлоснѣжныхъ, неподвижныхъ существъ. И здѣсь также не было тишины.

Ея почти не нарушали ни шопотъ вѣтра въ деревьяхъ, ни стукъ дождевыхъ капель о памятники, но за то изъ дома кладбищинскаго сторожа слышался говоръ нѣсколькихъ голосовъ и какой-то поющій, охрипшій голосъ. Домъ этотъ, приросшій къ каменной оградѣ кладбища, былъ скорѣе избушкой, чѣмъ домомъ. На низенькомъ, пожелтѣвшемъ отъ сырости и недосмотра фасадѣ, подъ провалившейся крышей виднѣлись три окна и одна дверь. Въ окнахъ горѣлъ красноватый огонь лучины; снаружи стояла у одного изъ оконъ узкая, влажная, полусгнившая скамья. Отголоски разговора и пѣсни летѣли изъ хаты съ одной стороны къ памятникамъ, съ другой — на болотистое, покрытое сухими стеблями, поле.

Третьимъ пунктомъ была женщина, приближающаяся къ кладбищу. Она шла медленно, съ большимъ трудомъ подвигаясь по крутому берегу рѣки. Откуда она шла? Отъ начала длиннаго пространства бурыхъ полей, что оканчивались у подножія еле замѣтныхъ лѣсовъ, горною лентою обрамляющихъ горизонтъ,—изъ самой глубины той мглы, что царила всюду, изъ какого-то неизвѣстнаго мѣста, откуда вырывался вѣтеръ, который, ударяя своими порывами въ ея плечи, казалось, выталкивалъ ее откуда-то, куда-то гналъ, за что-то преслѣдовалъ. Она шла одна. Ни предъ ней, ни за нею не было ни одной живой души. Вѣтеръ развѣвалъ полы ея одежды; когда въ воздухѣ наставало минутное затишье, она прислонялась къ придорожному дереву или пню, вѣроятно, для отдыха. Дошедши до кладбища, она осторожно и не смѣло подошла къ дому сторожа и сѣла у окна, на наружной лавкѣ. Красноватый огонь падалъ на нее отъ окна. Ея одежда, довольно приличная, была насквозь промочена дождемъ и густо залѣплена грязью, на головѣ и плечахъ большой чорный платокъ, отчасти закрывавшій и лицо, такъ что при скупомъ и мигающемъ свѣтѣ можно было замѣтить только пряди большихъ, черныхъ, безпорядочно спутанныхъ волосъ подъ смуглымъ лбомъ, да черные глаза. Усѣвшись, она положила на колѣни какой-то большой свертокъ, который держала прежде въ рукахъ.

Черезъ окно доносились отрывки разговоровъ и пѣсенъ. Какой-то мужской, тонкій и хриплый голосъ пѣлъ:

Смерть отъ Бога намъ дана...
Пусть же царствуетъ она!
У нея богата нива,—
Дастъ и мнѣ она на пиво!

Напѣвъ циническаго четверостишія отличался тѣмъ, что первые два стиха звучали плясовой мелодіей краковяка, а послѣдніе тянулись уныло и медленно, какъ погребальная церковная пѣснь.

Въ отвѣтъ послышался крикливый и сердитый женскій голосъ:

— Пиво! пиво! У него только и въ головѣ, что пиво! Веселье! хохотъ! пѣсни! Вотъ, погоди, узнаешь ты пиво, какъ тебя ксёндзъ-деканъ отъ «могилокъ» прогонитъ. Палкой тогда тебя, на церковную паперть! Въ молодости былъ лакеемъ, а умрешь церковнымъ нищимъ!

— Ну, ну!—отвѣчалъ голосъ, пѣвшій о смерти,—гдѣ бы ни умереть, только бы прожить повеселѣе! На паперти ли, въ золотыхъ ли палатахъ, смерть все найдетъ и схватитъ! Я—кладбищенскій сторожъ, тотъ—большой панъ; я человѣкъ простой, только и умѣю, что сторожить людской прахъ, тотъ ученый, считаетъ звѣзды на небѣ, а, все-таки, мы равны предъ Отцомъ Всемогущимъ. Аминь!

— Аминь!—повторилъ хоръ нѣсколькихъ голосовъ, а мужской голосъ, тонкій и хриплый, послышался вновь:

— Настя, дай кусочекъ колбасы! А? Дай колбасы на закуску послѣ пива. Ужь коли балъ, такъ балъ!

— Не нужно! не нужно! Пусть пани Лукàшова не безпокоится!—отозвались гости. Одинъ изъ нихъ продолжалъ:

— Мы, вѣдь, такъ себѣ, приходимъ сюда поболтать и освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ. Пана Лукàша слушать любо: точно изъ священной книги читаетъ!

Хозяйка изъ глубины избы, гдѣ, можетъ быть, розыскивала въ это время колбасу, отвѣчала нѣсколько успокоеннымъ, хотя все еще сердитымъ голосомъ:

— Я ничего не жалѣю для вѣжливыхъ людей, которые оказываютъ намъ свою любезность. Коли есть, сейчасъ подамъ. Ужь *онъ* меня пріучилъ къ этому; только, вотъ, о старости подумать страшно! Человѣкъ голый, какъ сейчасъ только родился на свѣтъ! *Онъ* что заработаетъ, то пропьетъ и прогуляетъ, а дальше что? Побираться придется?

Чѣмъ дольше она говорила, тѣмъ больше слышалось въ ея голосѣ раздраженіе, смѣшанное со слезами. Какая-то глиняная посудина, миска или тарелка, глухо стукнула о столъ, вѣроятно, поставленная сердитою рукой.

Тонкій мужской голосъ опять затянулъ:

— То и наше, что сегодня, Настя, то и наше, что сегодня! Время уходитъ, смерть приближается, вѣчность ожидаетъ! Человѣкъ, рожденный смертною матерью, не знаетъ ни дня, ни минуты своей кончины. Живъ сегодня — завтра тебя не будетъ. Положатъ тебя въ сырую землю, засыпятъ пескомъ глаза чего ты не видѣлъ, того и не увидишь, чего не съѣлъ, того и не съѣшь, чѣмъ не порадовался, тѣмъ и не порадуешься... До царства небеснаго дорога не близкая и ведетъ черезъ чистилище.

За этимъ вновь зазвучала пѣсня:

Эхъ, глубока могила эта,
Куда уходятъ всѣ со свѣта;
Въ ней лежа, грѣшный человѣкъ,
Не выпьешь водки ты во вѣкъ.

— Ха, ха, ха, ха, ха!—писклявымъ, но сердечнымъ смѣхомъ закончилъ поющій, а вслѣдъ за нимъ, точно зараженные его примѣромъ, засмѣялись и прочіе. Въ веселомъ хорѣ только голосъ женщины отсутствовалъ.

Обращала ли вниманіе женщина, сидящая на лавкѣ, снаружи, на всѣ эти разговоры, пѣсни и смѣхъ,—трудно было сказать.

Покрытое чернымъ платкомъ, ея лицо оставалось неподвижнымъ. Блестящіе глаза были устремлены въ одну точку сѣраго пространства. Въ неподвижномъ взглядѣ виднѣлось какое-то тупое отчаяніе, доходящее почти до безсмысленности. Съ выдающагося карниза крыши на ея одежду падали густыя, крупныя капли дождя, а она все сидѣла, не замѣчая этого и не стараясь укрыться. Два раза она вставала съ лавки, точно намѣреваясь идти, стояла нѣсколько времени, съ лицомъ, обращеннымъ къ городу, и вновь садилась.

А въ сторонѣ шумъ то усиливался, то стихалъ. По временамъ раздавался низкій, сердитый голосъ женщины и каждый разъ вслѣдъ за этимъ тонкій мужской голосъ протяжно, на манеръ монотонно читаемой молитвы, начиналъ трактовать о кратковременности человѣческой жизни на землѣ, о необходимости пользоваться, пока есть время, всѣми сладостями жизни, и кончилъ пѣсней съ веселымъ началомъ и погребальнымъ концомъ, гдѣ непзмѣнно фигурировали: смерть и пиво, могила и миска.

Наконецъ, двери сторожки отворились и гости начали одинъ за другимъ удаляться. Это были все простые люди, въ убогой одеждѣ, съ почернѣлыми лицами. Каждый на порогѣ благодарилъ за угощеніе, каждый, проходя мимо сидящей женщины, погляды-

валъ на нее съ равнодушнымъ любопытствомъ и уходилъ. Изъ открытыхъ дверей хозяинъ еще разъ крикнулъ на прощанье:

— Будьте живы и здоровы, потому что ваша смерть человѣку и дырявыхъ сапогъ не зачинитъ.—И онъ запѣлъ на мотивъ краковяка, а окончилъ монотоннымъ голосомъ молитвы:

Смерть отъ Бога намъ дана!
Пусть же властвуетъ она,
Пусть гремитъ своей трещеткой...

— Надъ золотыми палатами, надъ каменными дворцами, надъ полными шкатулками, надъ тѣми, что задираютъ носъ кверху, а передъ Тобой падаютъ во прахъ, да будетъ воля Господня, во вѣки вѣковъ, аминь!

Когда кощунство, страннымъ образомъ перемѣшанное съ молитвой, стихло, въ глубинѣ комнаты, на порогѣ появилась толстая и высокая женская фигура. Она осмотрѣлась кругомъ и крикнула:

— Что это? Сгинь, нечистая сила! Кто сидитъ здѣсь?

Женщина на лавкѣ обратила голову къ говорящей и, вставая, тихо и не смѣло проговорила:

— Простите... это я!..

— Кто я? какая я?—послышался гнѣвный вопросъ.—Бродяга какая-нибудь? Нищая, что ли, или злодѣйка, можетъ быть? Прости, Господи!.. Таскаться по ночамъ, сидѣть подъ чужими окнами...

— Присѣла отдохнуть,—отозвался тихій и несмѣлый голосъ.

— Отдохнуть! Какъ отдохнуть? Гдѣ отдохнуть? Подъ окнами! Можетъ быть, подслушивать и подглядывать! Ужь не Ежевичъ ли это прислалъ васъ сюда, чтобы вы все тутъ разнюхали, да потомъ летѣть къ ксендзу-декану со сплетнями: у Луканша, молъ, пьютъ, у Луканша ѣдятъ, у Луканша гуляютъ! Идите, идите, откуда пришли, и разсказывайте, что видѣли и слышали...

Женщина, теперь совершенно скрытая въ тѣни, проговорила:

— Я пришла издалека...

— Изъ далека, изъ далека! Отъ Ежевича, отъ врага нашего, отъ ябедника, изъ-подъ собора, изъ каменнаго переулка! Изъ далека! Откуда же это, напримѣръ?

Изъ тѣни послышался шопотъ:

— Изъ деревни...

Женщина у порога молчала. Она какъ-то вдругъ смолкла и вытягивала шею по направленію къ пришедшей, желая въ темнотѣ

разсмотрѣть ея лицо. Наконецъ, значительно уже тише и мягче она проговорила:

— Изъ деревни... А откуда, съ какой стороны?

— Изъ Таргова.

— Изъ Таргова? Не знаю. Не слыхала. Гдѣ это?

— Десять миль отсюда... за тѣми большими лѣсами...

— Да, за лѣсами...—въ раздумьи повторила хозяйка и прибавила:—десять миль... Ну, ну, порядочная даль! И что-жь, пѣшкомъ шли? Долго? Сколько дней?

— Пѣшкомъ... три дня. Не могу идти скоро...

— Гм... изъ деревни... за лѣсами... изъ деревни! Лучше бы вамъ въ хатѣ отдохнуть, чѣмъ здѣсь. Съ крыши льетъ... цѣлый божій день шелъ дождь. А? Переночевали бы у насъ? Ночь темная, всѣ скоро спать залягутъ... Если въ городъ придете, то хоть на улицѣ ночевать придется... Пойдемте въ хату.

Прохожая не двинулась съ мѣста. Она молчала.

— Ну, что же?—съ возрастающимъ нетерпѣніемъ повторила хозяйка,—что вы оглохли, что ли, или онѣмѣли? Я ей говорю, какъ человѣку, а она молчитъ, какъ столбъ. О, Матерь Божья! что за погода! Идемте въ хату.

Прохожая еще съ бо́льшею робостью прошептала:

— Благодарю васъ, пани... я переночевала бы... отчего бы нѣтъ? Измучена я, устала и... такъ холодно. Но... не знаю... у меня...

— Да иди же! Слышишь?—крикнула хозяйка, совершенно взбѣшонная.—Ночь такая, что собаки на дворъ не выгонишь, а она тутъ: благодарю васъ! не знаю!... Фокусы разные, церемоніи глупыя! Если сейчасъ не пойдешь, ей-Богу, побью, прогоню и дверь запру! Иди и пропадай! Ну, идешь или нѣтъ?

— Иду, иду,—быстро отвѣтила прохожая и вошла въ избу.

Хозяйка съ трескомъ затворила выходную дверь.

Изба съ двумя небольшими, глубоко сидящими окнами, освѣщалась пламенемъ лучины, догорающей въ щели глиняной печи. При дрожащемъ, красноватомъ огонькѣ всѣ вещи въ избѣ сливались въ одну неясную, безобразную массу. Тутъ были грубые, неотесанные стулья, деревянныя скамьи, хромые столы, латки, горшки, земледѣльческія и огородническія орудія. Черезъ открытую низкую дверь виднѣлась другая маленькая комната съ двумя широкими войлоками вмѣсто постелей и длиннымъ рядомъ образовъ и образковъ на стѣнѣ, въ разноцвѣтныхъ и золоченныхъ

рамкахъ. Предъ однимъ изъ нихъ, на самой серединѣ стѣны, на мѣдной цѣпочкѣ, слабо горѣла маленькая лампада. Въ первой комнатѣ было сыро, воздухъ отдавалъ затхлостью и жаромъ сильно натопленной печи, чадомъ отъ чего-то жаренаго и дымомъ табаку самаго плохаго сорта. Раздавалось храпѣніе кого-то спящаго. На скамьѣ, у стѣны, съ лицомъ, обращеннымъ къ потолку, и руками, заброшенными за голову, спалъ сухощавый, костлявый человѣкъ, въ выцвѣтшей одеждѣ безъ рукавовъ. Тонкія и длинныя руки его были покрыты рукавами толстой, сѣрой рубахи.

— Вотъ тебѣ!—входя въ избу, пробормотала хозяйка,—ужь и спитъ! И такъ всегда! Наѣстся, напьется, наговорится и храпитъ... а вся работа на моей шеѣ. Кто посуду послѣ него и его гулянокъ вымоетъ? Я. Кто всѣ вещи соберетъ, чтобы по пусту не портились? Я. Кто дровъ изъ сѣней на утро натаскаетъ? Я. Кто Ежевичу глаза выцарапаетъ за его проклятыя сплетни и интриги? Я. Кто передъ ксендзомъ-деканомъ выплачетъ и выклянчитъ, чтобы насъ отсюда не турнули? Я. Все я! А что мнѣ за это? Пока ничего, а подъ старость церковная паперть, и только! Лучше бы я свѣта бѣлаго не видала... чтобы только нищей не сдѣлаться...

То шепча, то ворча, то жалуясь такимъ образомъ, она ходила по комнаткѣ большими, тяжелыми шагами, собирала со стола и мыла глиняную посуду, тщательно собирая остатки кушанья и этирая фартукомъ крошки хлѣба и разлитое пиво.

— Что-жь ты стоишь у порога?—вдругъ обратилась она къ дверямъ.—Отчего не садишься? Можетъ быть, изба наша кажется черезъ-чуръ тѣсною, а лавка твердою?.. Поди, сядь... поговоримъ по-людски, а не то, ступай себѣ... Тутъ мертвецовъ не надо, и такъ ихъ довольно...

Она указала пальцемъ въ сторону кладбища.

Прохожая тихо приблизилась, сѣла на лавкѣ у печки и начала, молча, развертывать свертокъ, который все это время держала въ рукахъ. Хозяйка, какъ вкопанная, остановилась посерединѣ комнаты.

— Что это?—крикнула она.—Ребенокъ?

— Ребенокъ,—проговорила прохожая.

— Чей? Твой?

— Мой.

— Ага! Разверни его, а то, пожалуй, задохнется въ такомъ угарѣ.

Ребенокъ тихо заплакалъ.

— Сколько ему?—распрашивала хозяйка.

— Восемь мѣсяцевъ.

— Съ такой крошкой, въ такую пору пускаться въ дорогу... ну!—Стоя въ нѣсколькихъ шагахъ она пристально всматривалась въ лицо прибывшей.

— Вдова, что ли? Мужъ умеръ?—вновь спросила она.

— Нѣтъ,—послѣдовалъ краткій отвѣтъ.

— Что же? Бросилъ, можетъ быть, какой-нибудь подлецъ?

— Нѣтъ,—еще тише отвѣчала женщина.

— Нѣтъ и нѣтъ! Что же такое? Для чего же ты таскаешься по бѣлу свѣту одна, да еще съ ребенкомъ?

Она вдругъ замолчала и прекратила свои разспросы.

— Да, да, да...—догадалась она.

— Ну, что же? продолжала она ласково.—Что дѣлать? Всякое бываетъ на свѣтѣ. Не хорошо, точно не хорошо. Стыдъ и позоръ... Но ужь когда сдѣлалось, назадъ не вернешь. Іисусъ Христосъ сказалъ намъ: кто не видитъ грѣха за собой, пусть первый броситъ камень.

Въ этомъ замѣчаніи было много снисходительнаго великодушія, но любопытство превозмогало все: маленькіе глазки хозяйки, глубоко сидящіе въ глазныхъ впадинахъ, блеснули огонькомъ и заморгали. Она сѣла на лавку.

— Бѣдняга! кто ты такая? На паненку похожа... Платье когда-то было щегольское, только теперь загрязнилось и продралось, да и плащъ ничего... отъ холода не годится... и тонкій... Кто ты?

Прохожая, казалось, была тронута высказаннымъ сочувствіемъ. Ея черныя глаза, устремленные въ сѣренькіе глазки распрашивающей, походили въ это время на глаза смертельно раненой лани.

— Слугою была,—отвѣчала она немного громче:—гардеробною у покойницы пани, матери молодаго пана... Ребенкомъ взяли меня изъ хаты, любили, учили работать, одѣвали хорошо... Мнѣ было отлично.

Она умолкла.

— Ну, дальше-то, дальше!—настойчиво разспрашивала хозяйка.

Прохожая, укачивая ребенка и не спуская съ лица хозяйки страдальческаго взора, продолжала:

— Когда покойница пани скончалась, я цѣлый годъ пробыла при паннѣ Плацидѣ, родственницѣ пани, а такъ какъ панна Плацида вотъ ужь четыре года, какъ замужемъ, панъ построилъ въ лѣсу домикъ моему брату и сдѣлалъ его лѣсникомъ. Я жила у

брата: пьяница онъ и злой, невѣстка—простая крестьянка, но пана всѣ боялись и мнѣ было хорошо.

— Такъ чего-жь ты ушла отъ нихъ? Нужно было сидѣть въ хатѣ и работать съ родственниками.

— Выгнали.

— Кто выгналъ?

— Братъ.

— А за что онъ тебя выгналъ? Лѣнтяйка, вѣроятно?

— Нѣтъ. Только я ему была совсѣмъ безполезна. Жать не умѣю, огородовъ копать тоже, ни кушанья готовить, потомъ.... люди его за меня... преслѣдовали... и панъ пересталъ смотрѣть сквозь пальцы, какъ онъ деревья изъ господскаго лѣса продаетъ... Комиссаръ заявилъ ему, что прогонитъ его со службы, потому что онъ пьяница и воръ... Онъ тогда ко мнѣ придрался: «Розалія! такая-сякая! что мнѣ проку отъ тебя? Чего ты сидишь у меня на шеѣ и хлѣбъ ѣшь?» Ужь около года прошло съ того времени... я все выносила, терпѣла... Одинъ разъ онъ напился и такъ побилъ меня, что я начала кашлять и теперь еще все грудь болитъ и я все кашляю... А невѣстка говоритъ: «Иди ты отъ насъ! Онъ когда-нибудь тебя подъ пьяную руку совсѣмъ убьетъ и выйдетъ уголовщина». Я и пошла...

— Ну, ну!—сказала внимательно слушавшая хозяйка,—что на бѣломъ свѣтѣ-то дѣлается! Дурно ты сдѣлала, нечего ужь грѣха таить, дурно! Да и братецъ-то твой... чтобъ его!... какъ находилъ выгоду держать тебя, держалъ, а потомъ и выгналъ! Ну... Она колебалась минуту, но любопытство, наконецъ, превозмогло все.

— Ну, а... панъ-то?—тихо и надъ самымъ ухомъ Розаліи спросила она.

Вопросъ этотъ произвелъ необыкновенное дѣйствіе на молодую женщину. Она вся вздрогнула, точно отъ электрическаго удара, вскочила съ мѣста, положила на лавку уснувшее дитя и порывистымъ движеніемъ сорвала съ головы платокъ.

— А!—крикнула она:—чтобы ему каждая минута была горька также, какъ моя жизнь, чтобы онъ никогда не видѣлъ счастья! Пусть Господь Богъ не попомнитъ ему моей обиды! Пусть его счастье будетъ также велико, какъ мое несчастье! Пусть его собственное дитя пронзитъ ножомъ ему грудь! Пусть ангелы-хранители хранятъ его отъ такихъ мукъ, какъ мои! Чтобы ему каждая минута была также горька, какъ вся моя жизнь!

Слезы ручьями лились по ея разгорѣвшемуся лицу. Глаза ея горѣли, голосъ то дрожалъ страстью, то звучалъ горемъ и чувствомъ.

Хозяйка кивала головой на половину съ сочувствіемъ, на половину съ усмѣшкой.

— Ты съ ума сходишь, милая,—отозвалась она съ гнѣвною нотою въ голосѣ,—проклинаешь и благословляешь... ненавидишь и любишь... сама не знаешь, что говоришь! Но что же потомъ было, а?

Розалія опустила глаза въ землю.

— Женился.

Она нѣсколько успокоилась, сѣла на лавку и, укачивая на рукахъ ребенка, начала:

— Онъ, можетъ быть, и не женился бы, да люди начали болтать, что онъ въ связи съ одной сосѣдней панной. Кто-то ему это прямо въ глаза и брякнулъ... Вышла цѣлая исторія: онъ вызвалъ на дуэль того, кто о той паннѣ такія вещи говорилъ, и они стрѣлялись, отъ этого сплетни сдѣлались еще больше; онъ былъ раненъ въ руку, и какъ только выздоровѣлъ, присватался къ паннѣ и женился... Пану Сеницкому, своему большому пріятелю, онъ сказалъ: «Я не стерплю, чтобы черезъ меня женщина потеряла честь и уваженіе общества». Я тогда стояла подъ окномъ и слушала. Онъ ужь такой и есть, моя пани: добраго сердца и страшно гордый... и неудивительно, что взялъ панну и вознаградилъ ее за людскую клевету...

Анастазія слушала разсказъ съ улыбкой на блѣдныхъ, выдающихся губахъ. Маленькіе глазки ея горѣли гнѣвной ироніей.

— А тебя-то отчего же онъ не вознаградилъ?

Розалія съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— Это совсѣмъ другое дѣло,—протянула она.—Та барышня, какъ картина писаная, по-французски говоритъ, на фортепьянахъ играетъ... Какъ же мнѣ равняться съ ней?

Въ ея словахъ не было ни горечи, ни насмѣшки. Она говорила искренно.

Анастазія задумалась. Морщины на ея большомъ лбу двигались и образовывали складки при сильной мозговой работѣ.

— Такъ-то такъ; это правда,—черезъ минуту заговорила она.—Барыня... говоритъ по-французски... что намъ равняться? Однако, если бы мой Лукашъ не спалъ, а слушалъ... Онъ, видишь ли, лѣнивецъ и обжора (не пьяница, сохрани Боже! только пиво

пьетъ, а водки и ко рту не подноситъ, а что обжора, то обжора, и страшный лѣнивецъ, но умный, очень умный, такъ что люди ходятъ слушать, какъ онъ говоритъ)...: Такъ вотъ, если бы онъ не спалъ теперь, то непремѣнно сказалъ бы: «Я кладбищенскій сторожъ; тотъ большой панъ, а я человѣкъ простой, тотъ умный и звѣзды считаетъ... а всѣ мы равны предъ Отцомъ нашимъ Всемогущимъ».

Обѣ замолчали. Розалія отозвалась первая.

— Мнѣ бы только мальчика сбыть съ рукъ, тогда устроилась бы... къ мѣсту пошла.

— Въ городъ?

— Въ городъ ли, въ деревню ли,—все равно, но съ ребенкомъ тяжело... не возьметъ никто.

— Такъ вы оставьте ребенка у кого-нибудь на воспитаніи: будете платить за него, а сами служить.

— Да у кого оставить? Въ городѣ я никого не знаю.

Анастазія задумалась.

— Онъ окрещенъ?

— Какже! Въ Тарговскомъ приходѣ. Метрику я взяла съ собой; люди говорили, что безъ нея его никто не приметъ.

Она повернулась къ хозяйкѣ и обняла ея колѣни своими руками.

— Пани,—умоляла она,—отыщите мнѣ какое-нибудь мѣсто, хатку, гдѣ бы взяли ребенка и хоть немного подержали его. Я пойду въ службу и все свое жалованье отдавать буду, только оставлю себѣ на башмаки, да на тряпки какія-нибудь. Отыщите, ради Бога, порекомендуйте, помогите... сама я въ незнакомомъ городѣ, какъ въ лѣсу.

Анастазія долго молчала.

— Пускай,—заговорила она нерѣшительно,—мальчикъ у насъ останется. Дѣтей у насъ нѣтъ; мы живемъ только двое, здѣсь, въ этой кладбищенской дырѣ, точно волки; богатства у насъ нѣтъ, ой, нѣтъ! потому что какъ западетъ лишній грошъ въ нашу хату, *мой* его сейчасъ и проѣстъ...

Розалія схватила и горячо цѣловала ея руки. Однако, протекло много времени, прежде чѣмъ онѣ окончательно сговорились. Анастазія колебалась. Она хотѣла и не хотѣла, обѣщала и отказывала.

— Хорошо бы было имѣть какую-нибудь отраду въ нашемъ нищенскомъ житьѣ, а иногда и смѣхъ дѣтскій услыхать. Мы тутъ только и слышимъ, что трезвонъ, погребальныя пѣсни и

рыданія, только и видимъ, что могилы... оттого-то, можетъ быть, мой Лукáшъ такъ и любитъ веселиться... а моей утѣхою былъ бы этотъ мальчикъ... сама я бездѣтна.

Черезъ минуту, пристально глядя на Розалію, она спросила:

— А какъ ты намъ давать нечего не будешь? Пойдешь куда-нибудь на край свѣта — ищи вѣтра въ полѣ!... А намъ нечѣмъ лишній ротъ кормить, нечѣмъ, нечѣмъ...

Она сердилась; видно было, въ какой гнѣвъ придетъ она, если ребенка придется, дѣйствительно, кормить задаромъ. Розалія клялась сдержать слово и цѣловала ея руки.

Послѣ длиннаго разговора, Анастазія взяла въ руки спящаго ребенка и, глядя на него, заговорила:

— Всемогущей Господь—да будетъ воля Его!—не далъ мнѣ счастья... Я изъ шляхетскаго рода, шляхтянкой родилась... была когда-то здоровая дѣвка, за меня многіе сватались, и я вотъ только Лукáша полюбила... Почему? Богъ знаетъ! Побѣдилъ мое сердце умными своими рѣчами, а, можетъ быть, и чернымъ сюртукомъ, который носилъ, потому что былъ лакéемъ въ сосѣднемъ дворѣ. Противъ воли родителей и цѣлой семьи пошла я за него, а тутъ трахъ! и спáла на насъ кара Божья за непослушаніе. Мѣсто онъ потерялъ... потащились въ городъ. Въ городѣ, какъ въ городѣ... какъ былъ то на мѣстѣ, то безъ мѣста, а жить съ грошемъ на мостовой тяжко. Я тогда мыла, катала бѣлье, нанималась на самыя тяжкія работы, даже воду таскала ведрами, какъ случится. А тутъ, случилось разъ, онъ захворалъ, всталъ послѣ болѣзни, а службы нѣтъ... не нашелъ. Господа говорили, что онъ старъ, неказистъ. Когда онъ остался безъ мѣста, его сначала ни въ хатѣ не удержишь, ни къ работѣ не приспособишь... привыкъ жить на лакейскомъ хлѣбѣ. Тогда я и взяла его въ ежовыя рукавицы... бранила неустанно, била, если упрется... отправляла пилить дрова и копать огороды, и, ничего, по милости Божіей, не запилъ, а какъ былъ разумнымъ и тихимъ человѣкомъ, такъ и остался. Потомъ очистилось вотъ это мѣсто, «на могилкахъ». Хата, кусокъ огорода и кой-какія деньжонки отъ родственниковъ тѣхъ, что погребены здѣсь... Двѣнадцать лѣтъ сидимъ уже здѣсь, а кто знаетъ, долго ли удержимся еще? Злые люди интригуютъ, а въ особенности Ежевичъ зарится на это мѣсто. Ксендзъ-деканъ говоритъ, что непристойно и грѣшно, если у кладбищенскаго сторожа бываютъ шрушки. А мой безъ этого, какъ рыба безъ воды; какъ только заведется грошъ въ карманѣ, сейчасъ созоветъ гостей и

пируетъ... Что я съ ними сдѣлаю? Ужь и силъ нѣтъ кричать и бить-то его жаль! А какъ выгонять отсюда? Господи ты Боже мой! Прямёхонько на паперть и пойдемъ. Онъ слабый, хилый, ни къ какой работѣ неспособный, а мнѣ ужь пятьдесятъ съ лишнимъ стукнуло... И измучена же я! Ты думаешь, это ничего при покойникахъ жить?... Покойники-то своею смертью живыхъ заражаютъ... У обоихъ насъ здоровья на грошъ нѣту... Я какъ будто на видъ кажусь толстою и сильною, но ни въ рукахъ, ни въ ногахъ у меня ни капельки силы нѣту, а въ груди что-то такое, что часомъ еле дышу...

Она и вправду задыхалась отъ длинной рѣчи и должна была долго молчать, чтобы собраться съ силами. Опытный глазъ сразу увидалъ бы, что она страдаетъ астмой. Въ то же время, она была и болтлива. Отдохнувъ, она продолжала:

— И характеръ мой не тотъ, какъ прежде. Вмѣстѣ съ горемъ и злость въ душу вступила. Прежде, бывало, что бы ни случилось, все молчишь и сносишь, а когда хорошее что случится, то такъ смѣешься и распѣваешь, что отъ родительской хаты мой голосъ и на огородѣ, и въ полѣ былъ слышенъ... Ой, огороды, и поля, и лѣса шумящіе, и потокъ тотъ чистый, что плыветъ по зеленому лугу! Такъ между ними прошла молодость... старость проходитъ между могилами!...

Маленькіе ея глаза увлажнились, пухлыя, но болѣзненныя щеки задрожали, голова упала на грудь.

— Теперь я такая злая,—вновь заговорила она,—что въ злости готова человѣка убить. Что въ рукахъ держу, тѣмъ и пущу въ голову... Ужь я и раскаяваюсь въ этомъ и каждый день у Господа Бога прошу, чтобы онъ мнѣ послалъ терпѣніе и кротость. Нѣтъ и нѣтъ. Что-то вступило въ меня, и то не сразу. Вступало, вступало и завладѣло всею. А въ особенности нечистый смущаетъ меня, какъ подумаю, что́ со мной и Лука́шемъ будетъ, если насъ протурятъ отсюда... Нѣтъ, придется намъ прожить наши послѣдніе годы у паперти и умереть гдѣ-нибудь подъ заборомъ... Уфъ!

Она задрожала всѣмъ тѣломъ и, обхвативши обѣими руками голову, съ которой спадали въ безпорядкѣ сѣдѣющіе волосы, раскачивала изъ стороны въ сторону свою толстую, закутанную въ кафтанъ, фигуру.

На утро, о восходѣ солнца, въ жилищѣ кладбищенскаго сторожа не было уже пришедшей женщины. Едва наканунѣ начало разсвѣтать, она поднялась, поговорила минуту съ Анастазіей, оставила ей нѣсколько денегъ и, поцѣловавъ ея руку выбѣжала. Это была женщина лѣтъ двадцати съ чѣмъ-нибудь, красивая, съ цыганскимъ цвѣтомъ лица и черными, какъ ночь, глазами. Она шла къ городу, начинавшему пробуждаться, не такъ какъ вчера,—подъ бременемъ тяжести и медленно,—но быстро и смѣло. Было видно, что эта тяжесть спала съ нея, тяжесть непосильная, или, можетъ быть, нежелательная. Ни въ выраженіи лица, ни въ глазахъ ея уже не было ни стыда, ни тревоги. Только лобъ, покрытый слегка складками, свидѣтельствовалъ о прожитой, до сихъ поръ тлѣющей въ глубинѣ сердца горести. Но изъ-подъ этихъ развалинъ поднимались, очевидно, какія-то новыя надежды, жажда жизни, любопытство будущаго. Въ старательно вычищенной и кое-гдѣ украшенной пестрыми лоскутками одеждѣ, она скорѣе бѣжала, чѣмъ шла, и, наконецъ, вошла въ этотъ сосудъ изъ грязнаго стекла, гдѣ масса, составляющая городъ, начинала проясняться, говорить, стонать своими колоколами и блестѣть окнами, горящими пурпурами и золотомъ при лучахъ восходящаго солнца. Она вошла въ этотъ сосудъ и исчезла, какъ песчинка, увлеченная движеніемъ песочныхъ часовъ.

Въ то же самое время, Лукáшъ, кладбищенскій сторожъ, послѣ короткаго разговора съ женой, приблизился къ маленькому окошку, оправленному въ полусгнившую раму, развернулъ смятый листъ бумаги и не безъ труда, по складамъ, прочелъ:

«Лѣта 18... въ приходской тарговской церкви окрещенъ младенецъ мужскаго пола, рожденный отъ Розаліи Клиновой, крестьянки, и неизвѣстнаго отца. Имя ему дано Сильвестръ».

II.

Первая сцена, которую Сильвекъ впослѣдствіи ясно и обстоятельно помнилъ, была слѣдующая:

Въ одно весеннее утро онъ проснулся посреди кладбища на большой наклонной плитѣ бѣлаго мрамора. Босыя ноги опирались о выпуклые мраморные цвѣты, украшающіе памятникъ, а голова покоилась на таблицѣ съ эпитафіей. Разсвѣтало. Воздухъ былъ прозраченъ, блѣдно-синяго цвѣта. Сѣрыя кладбищенскія деревья и

бѣлые памятники были молчаливы и неподвижны. Только иногда, внизу, тихо всплескивала рѣка, да отъ времени до времени пробѣгалъ холодный вѣтеръ, всколыхивалъ вѣтки деревьевъ и утихалъ... все вновь возвращалось къ полной тишинѣ и неподвижности.

Холодъ разбудилъ Сильвека; онъ потянулся, зѣвнулъ и закинулъ полунагія руки за голову съ цѣлою копною черныхъ, кудрявыхъ волосъ. Съ поднятымъ къ небу лицомъ онъ слѣдилъ за маленькими облачками: вотъ изъ синеватыхъ они стали желтоватыми, вотъ слегка позлащенный дымъ началъ складываться въ различныя фигуры подъ сводомъ, все болѣе синѣющимъ. Его забавляла эта воздушная игра красокъ и линій; онъ присматривался внимательно и весело. По блѣднымъ, тонкимъ губамъ пробѣгала улыбка, маленькія босыя ноги выбивали тактъ на холодной и твердой мраморной плитѣ. Вдругъ, почти надъ самой его головой, пролетѣла сѣрая птичка, юркнула въ вѣтви плакучей березы, зашуршала ими и сѣла на одну изъ нихъ такъ, что молодые листья коснулись лба мальчика и облили его крупными каплями росы. Сильвекъ громко разсмѣялся. Въ ту же минуту, на краю горизонта выплылъ огромный огненный дискъ солнца. Цѣлый дождь раскаленныхъ искръ брызнулъ между кладбищенскими деревьями. По темнымъ могиламъ, по бѣлымъ памятникамъ поплыли золотыя и розовыя струйки, и цѣлая волна свѣта подкатилась къ подножію плакучихъ березъ, объяла мраморную плиту и лежащаго ребенка, который улыбался висящей надъ его головой на серебряной вѣткѣ птицѣ. Это была минута невыразимаго восторга для Сильвека. Прежде всего его иззябшіе отъ ночнаго холода и мрамора маленькіе члены насквозь проникались живительнымъ солнечнымъ теплomъ. Собственно говоря, ему ужь не въ первый разъ приходилось засыпать подъ открытымъ небомъ на каменной постели, но при какихъ условіяхъ происходило его пробужденіе, онъ до сихъ поръ не зналъ. У него еще не было яснаго воспоминанія о прошедшемъ. Теперь, въ первый разъ онъ почувствовалъ присутствіе тѣла, отогрѣвающагося послѣ долгаго холода, и почувствовалъ съ силою, свойственной страстной натурѣ. Онъ вытянулся во весь ростъ, протянулъ ноги за гирлянду мраморныхъ розъ, которая шла вѣнкомъ по краямъ плиты, и широко раскинулъ худыя, точно изъ темной бронзы, руки. Однако, кромѣ чисто физическаго наслажденія, онъ испытывалъ нѣчто другое, что́ было ему какъ будто знакомо раньше, но что́ только

теперь является для него сознательнымъ, что онъ могъ бы назвать, хотя вовсе не думалъ о названіи. Это былъ восторгъ, восхищеніе. Первая вибрація той струны, которою не каждый организмъ и не въ равной степени обладаетъ, началась въ моментъ, когда Сильвекъ наблюдалъ, какъ синяя предразсвѣтная мгла сгущается въ желтыя, золотистыя, пурпуровыя облачка. Теперь, при солнечномъ освѣщеніи, предъ нимъ развернулась картина съ громаднымъ количествомъ деталей,—картина, которую мать-природа рисуетъ во всякомъ уголкѣ своего царства. Кладбище являлось заколдованнымъ мѣстомъ, по края наполненнымъ прелестью и кипящимъ жизнью. Сильвекъ не различалъ подробностей картины и не останавливался ни на одной изъ нихъ. Онъ смотрѣлъ на все. Смотрѣлъ сначала съ улыбкой, потомъ со вниманіемъ; какъ другія дѣти въ его года забавляются блестящими погремушками, такъ онъ забавлялся прелестью природы. Глядя на плывущія надъ нимъ облака, онъ вытягивалъ руки кверху и на половину со смѣхомъ, на половину съ гнѣвомъ шепталъ: «Убѣгаютъ! убѣгаютъ! убѣгаютъ!» Самымъ тонкимъ чувствомъ его былъ слухъ. Когда въ первый разъ поверхъ глухаго шума утра всплыла и потекла грустная мелодія городскихъ колоколовъ, Сильвекъ вскочилъ, сѣлъ, оперся локтемъ о колѣно, положилъ голову на ладонь и началъ слушать. Плывущая по воздуху мелодія возбуждала въ его полунагой груди цѣлую гамму ощущеній, совершенно непонятныхъ, но наполнявшихъ его и болью, и восторгомъ. Въ этомъ чувствѣ опытный психологъ различилъ бы два элемента: грусти и гнѣва. Отчего Сильвекъ грустилъ, на что гнѣвался? Онъ самъ даже не зналъ, что груститъ и гнѣвается, а если бы догадался, то не съумѣлъ бы указать на причину своей грусти, на предметъ гнѣва. Но, все-таки, чувство, возбуждаемое въ немъ мелодіею колоколовъ, не было ничѣмъ инымъ, какъ только грустью и гнѣвомъ. Онъ заслушался, нахмурился и жалобно вздохнулъ: «Ой, Боже мой, Боже!» Но когда зазвонили сильнѣе, когда вѣтеръ подулъ въ сторону кладбища и ударилъ цѣлымъ летучимъ аккордомъ, Сильвекъ приподнялъ голову, сжалъ обѣ руки и, потрясая ими въ воздухѣ, крикнулъ: «А, чтобы васъ черти побрали, чтобы земля подъ вами разступилась! Провалиться бы вамъ!» Черныя брови его слились подъ бронзовымъ лбомъ, глаза метали искры.

Въ это время послышался крикъ громкій, гнѣвный. Кричала женщина.

— Сильвекъ! Сильвекъ! Сильвекъ!

Углубленный въ воздушную музыку, занятый своими наблюденіями, Сильвекъ не слыхалъ зова.

— Сильвекъ! Сильвекъ! Сильвекъ! —все раздавался крикъ. Вотъ онъ ближе и ближе, и, наконецъ, мальчикъ очутился въ твердыхъ и сильныхъ рукахъ, которыя стиснули его какъ желѣзные обручи и унесли съ мраморной плиты. Надъ его лицомъ наклонилось женское лицо, большое, желтое, съ маленькими, глубокими, блестящими злобою глазами. На морщинистый лобъ изъ-подъ грязнаго платка падала прядь сѣрыхъ волосъ. Ласковый шумъ деревьевъ и меланхолическая музыка колоколовъ заглушили въ ушахъ у Сильвека градъ бранн и рукательствъ.

— Молоко! молоко!—кричала женщина,—гдѣ молоко, что я вчера поставила въ горшкѣ за печкой? Вылакалъ его, воришка, негодяй, подкидышъ ты эдакій! До дна, до остатка, до капли вылакалъ молоко! А намъ теперь постную пищу ѣсть и даже и той приправы, что я на послѣдній грошъ купила, нѣту! Подожди! Вотъ только притащу тебя домой! Будетъ тебѣ молоко!

Ея пальцы впивались въ тѣло Сильвека, изъ задыхающейся груди вырывалась хриплое дыханіе, лицо горѣло. Несмотря на то, что она почти задыхалась, ребенка не выпускала и шла съ нимъ стежками кладбища, минуя могилы.

Въ избѣ горѣлъ огонь въ печкѣ; близъ нея лежала полѣнница неровно нарубленныхъ дровъ. Анастазія вошла въ избу, поставила Сильвека на земь и упала на скамью, тяжко и глубоко дыша. Не имѣя возможности нѣкоторое время ни дышать, ни двигаться, она свирѣпо поглядывала горящими глазами на мальчика, который присѣлъ на земь, подперъ подбородокъ ладонями и безсмысленно поглядывалъ на огонь. Женщина отдохнула немного, вскочила съ лавки, схватила Сильвека и поставила его на колѣни на полѣнницѣ.

— Стой,—крикнула она,—стой тутъ цѣлый день, до вечера! Встать не позволю и ѣсть не дамъ! Пусть тебѣ полѣнья ноги поломаютъ! Съ голоду пропади!

Сильвекъ покорился не вслѣдствіе сознанія своей вины, а изъ боязни, смѣшанной съ глухой злобой. Еслибъ Анастазія захотѣла его убить теперь, то онъ и тогда не сказалъ бы ни слова. Отворачивая голову, онъ упорно смотрѣлъ въ огонь; это его, наконецъ, начало занимать. Но дѣло продолжалось недолго. Шаткій пьедесталъ подъ ребенкомъ, облитымъ горячимъ свѣтомъ пламени, началъ расшатываться. Полѣнья раздвигались. Ничего

не говоря, не спуская глазъ съ огня, Сильвекъ старался сохранить равновѣсіе. Платье его было прорвано; острыя щепки безпрепятственно проникали въ тѣло. Вдругъ все рухнуло, полѣнья распались въ разныя стороны и Сильвекъ упалъ прямо лицомъ.

— О, чтобъ тебѣ сквозь землю провалиться,—крикнула Анастазія,—поднимайся сейчасъ и становись вновь!

Онъ поднялся и сталъ опять. Нѣсколько капель крови показалось на пораненномъ вискѣ. Его колѣни, опирающіяся на острый край полѣна, дрожали; на поблѣднѣвшемъ, понуромъ лицѣ виднѣлась мука. Подъ окнами дома раздались поспѣшныя шаги и въ избу вошелъ сухой и сгорбленный старикъ съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и остаткомъ рыжеватыхъ, съ просѣдью волосъ, торчащихъ на полу-лысой головѣ. Громко отпирая двери, онъ воскликнулъ:

— Съ покойникомъ, Настя, съ покойникомъ!

— Съ покойникомъ? А ты почемъ знаешь? Не врешь?

— Вотъ тебѣ на! А зачѣмъ бы я сталъ обманывать и тебя, и себя? Какъ ударили въ колоколъ, я побѣжалъ въ городъ и столкнулся съ Амброзомъ. Ночной сторожъ знаетъ все, что по волѣ Божіей дѣлалось съ людьми ночью. Умеръ кто-нибудь? спрашиваю.—А ты оглохъ, что ли? говоритъ. Слышишь звонятъ.—А гдѣ смерть прошла?—Склеповой улицей, говорятъ, зашла въ богатый каменный домъ и подкосила купца. Когда онъ кончался, я подъ его окнами заставилъ играть мою трещетку, а онъ, должно быть, думалъ, что это смерть надъ его ухомъ костями погромыхиваетъ! Ха, ха, ха!

Лукашъ долго и весело смѣялся остротѣ своего пріятеля, ночнаго сторожа.

— Да, будетъ пожива, Настя, будетъ... и хорошая! Покойный оставилъ жену и дѣтей, взрослыхъ уже. Посмотри только, какъ начнется рытье могилы, постановка памятника!... А безъ кладбищенскаго сторожа ничего не обойдется, ничего, ничего! Меня обо всемъ должны просить, потому что я тутъ господинъ... Это мое удѣльное царство, моя аренда, моя казна...

И старикъ, взявшись за бока, пустился въ плясъ и запѣлъ, притопывая дырявыми сапогами:

Смерть отъ Бога намъ дана!
Пусть же царствуетъ она,
Пусть гремитъ своей трещеткой...

Вдругъ его взоръ упалъ на ребенка, все остающагося въ прежнемъ положеніи. Лукашъ остановился и пересталъ пѣть

— А это что такое? За что ты его, Настя, поставила на колѣни? И на обрубкѣ! Ай, ай! отличная подушка! Такъ и кости поломать можно! Что ты надѣлалъ, бездѣльникъ? А? Можетъ быть, дерзко отвѣчалъ своей пріемной матери и благодѣтельницѣ, или, какъ намедни, повытаскалъ изъ печки картофель и съѣлъ? Ха, ха, ха! Ловкій изъ тебя выйдетъ плутъ!

— Смѣйся, смѣйся еще!—заворчала Анастазія, но ужь съ меньшимъ озлобленіемъ,—тебѣ все смѣхъ, а мнѣ только горе и заботы! Молоко выпилъ,—понимаешь ты?—все вытянулъ изъ крынки! Еще вчера выпилъ и убѣжалъ изъ хаты ночевать на могилкахъ. Неравно, когда-нибудь и околѣетъ тамъ, и намъ же его хоронить придется.

— Молоко выпилъ!—протяжно повторилъ Лукашъ, — а, а, молоко выпилъ изъ крынки! Значитъ укралъ, снова укралъ! Тогда картофель, вчера молоко! Нехорошо, очень нехорошо, Сильвекъ! Божья заповѣдь: не укради! Я, вѣдь, тебя научилъ 10-ти заповѣдямъ! Ну, въ наказаніе повтори ихъ! Азъ есмь Господь Богъ твой... Ну, говори дальше...

— Азъ есмь Господь Богъ твой и не будутъ тебѣ...—зачастилъ дрожащій, дѣтскій, тоненькій голосокъ. Отъ долгаго и неудобнаго стоянья, колѣни Сильвека почти онѣмѣли, щека, раненная щепкой, болѣла... Прежній стоицизмъ его началъ быстро таять, глаза наполнились слезами. Лукашъ съ скрещенными руками сталъ передъ нимъ и самымъ грознымъ тономъ, на какой только былъ способенъ его жидкій голосъ, повторялъ:

— Ну, говори дальше.

Сильвекъ читалъ десять заповѣдей такъ, какъ будто бы, вслѣдъ за окончаніемъ ихъ, долженъ придти конецъ его муки. На словахъ: не укради! Лукашъ остановилъ его.

— А! вотъ видишь, — не укради! Всемогущій Господь, Творецъ нашъ, сказалъ Моисею на Синайской горѣ: не укради! А ты укралъ молоко... Для чего ты укралъ? Почему согрѣшилъ?

Глаза ребенка сразу высохли и блеснули вовсе ужь не дѣтскимъ огнемъ.

— Я былъ голоденъ!—крикнулъ онъ.

Руки Лукаша, протянутыя, съ выразительнымъ жестомъ, упали, голова грустно опустилась на грудь. Онъ замолчалъ на минуту.

— Былъ голоденъ! Укралъ только потому, что былъ голоденъ! Настя, вѣдь, это резонно! Голодъ—вещь скверная... Когда брюхо пусто, то и въ голову начинаютъ залѣзать разныя дур-

ныя мысли... Я ужь это отлично знаю на практикѣ! Хо, хо! Боже мой! сколько разъ бывалъ я голоденъ во время своего земнаго странствованія.

— А, все-таки, воромъ не былъ, хотя и голодалъ,—отозвалась Анастазія, оставляя мѣшать въ горшкѣ. Лукашъ ничего не отвѣчалъ. Сѣдыя брови его нахмурились, глаза опустились внизъ, а клочекъ взъерошенныхъ волосъ теперь казался еще болѣе взъерошеннымъ. Долго молчалъ онъ, наконецъ, сразу поднялъ голову и выпрямился.

— Настя!—сказалъ онъ,—прости ты этому негодяю его вину! И остави намъ долги наши, яко же и мы... Пусть встанетъ себѣ и сядетъ по-человѣчески! Голоденъ былъ... ну, и укралъ.

Анастазія все это время возилась около печки со своими горшками. Перспектива ли хорошаго заработка благопріятно подѣйствовала на расположенія ея духа, или гнѣвъ ея излился въ первыя же минуты, она равнодушно взглянула въ сторону Сильвека и разрѣшила ему встать.

Сильвекъ тяжело поднялся, но тотчасъ же и опустился на земь, у печки. Пораненныя и наболѣвшія ноги не въ состояніи были удержать маленькаго туловища.

Анастазія налила двѣ миски крупяной каши съ картофелемъ и легкими признаками солонины, поставила ихъ на столъ, затѣмъ наполнила до верху меньшую миску и подсунула ее къ печкѣ, поближе къ Сильвеку.

Она принялась было за ложку, но потомъ обратилась къ мальчику, жадно поглощавшему неприхотливую пищу:

— Можетъ, тебѣ ещ еположить картофелю?... А?... Картофелю хочешь?

Не дожидаясь отвѣта, она встала, зачерпнула изъ горшка и выложила нѣсколько картофелинъ въ миску Сильвека.

— Коли есть, то и тебѣ даютъ,—пробормотала она,—а если всѣ голодаютъ, голодай и ты! Что тутъ много разговаривать! У насъ такъ: одинъ день всего много, другой — ничего нѣтъ! Я, что ли, тутъ виновата?

Она смочила холодной водой какую-то тряпочку и обмыла оцарапанную щеку Сильвека. И теперь, при ласковомъ, нѣжномъ прикосновеніи большой, грубой руки, мальчикъ оставался такимъ же равнодушнымъ, безучастнымъ, какъ и раньше, когда тѣ же самыя руки стискивали его, какъ клещами, и, наконецъ, бросили на кучу дровъ. Сильвекъ принялъ обычную свою позу, оперся

локтями на колѣна, закрылъ лицо ладонями и началъ покачиваться вправо и влѣво, иногда жалобно вздыхая: «ой, Боже ты мой, Боже!» Таково было первое ясное воспоминаніе Сильвека.

Въ то время ему было пять лѣтъ.

Вскорѣ произошло событіе, оставившее болѣе твердые слѣды въ его памяти.

То было въ снѣжный, зимній вечеръ, на другой день послѣ похоронъ одного богатаго жителя города.

У Лукаша были деньги; устраивался балъ. При свѣтѣ одной сальной свѣчки, горящей на столѣ, и яркаго огня въ печкѣ, на скамьяхъ и табуретахъ сидѣло нѣсколько мужчинъ, съ загорѣлыми лицами, въ оборванныхъ, грязныхъ одеждахъ; всѣ пили пиво и закусывали чернымъ хлѣбомъ и твердымъ сыромъ. У печки Анастазія, злая и печальная, какою бывала обыкновенно во время пиршествъ мужа, мѣсила муку на галушки и жарила солонину на таганѣ. За столомъ велась оживленная, но приличная бесѣда: у Лукаша люди ѣли и пили, но никогда не напивались. Этаго не дозволяло близкое присутствіе кладбища, всегда возбуждающаго нѣкоторый страхъ и уваженіе, не дозволяло самое положеніе кладбищенскаго сторожа, состоящаго подъ контролемъ церковныхъ властей, а прежде всего не допускала Анастазія, которая при одномъ намекѣ на водку обошлась бы и съ гостями, и съ мужемъ со свойственной ей безцеремонностью. Наконецъ, жители убогой части города, отдѣленной отъ кладбища только небольшимъ выгономъ, совершенно искренно утверждали, что посѣщаютъ кладбищенскаго сторожа не столько ради ожидающаго ихъ угощенія, сколько для удовольствія насладиться умными рѣчами хозяина. А Лукашъ порядочно изъѣздилъ на своемъ вѣку, много любопытныхъ вещей видѣлъ, умѣлъ пѣть пѣсни, и даже сочинять ихъ. Въ его замѣчаніяхъ, въ его пѣсняхъ было нѣчто, что льстило самолюбію и будило затаенныя стремленія такихъ людей, какъ угрюмый, бородатый Амброзъ, ночной сторожъ; старый и сѣдой Якубъ, бывшій плотникъ, нынѣ пильщикъ; блѣдный, высокій Антосекъ, работникъ огородника; Янекъ, каменщикъ, вѣчно сидящій безъ работы, и т. п. Въ городѣ съ ними всякое бывало, но тутъ они были трезвы и только отъ времени до времени какая-нибудь шутка или пѣсня хозяина вызывала залпы веселаго хохота.

Въ одну изъ такихъ-то минутъ общаго веселья, двери отворились и на порогѣ показался человѣкъ, никому изъ присут-

ствующихъ незнакомый. Это былъ низенькій, худой человѣчекъ, въ бараньемъ полушубкѣ, толстыхъ, высокихъ по колѣна сапогахъ и бараньей же шапкѣ. За плечами у него виднѣлась большая котомка, а въ рукахъ продолговатый футляръ, старательно закутанный въ клеенку.

— Покой этому дому!—сказалъ онъ на порогѣ.

Всѣ повернулись къ нему лицомъ.

— Покой простымъ и добрымъ людямъ, веселящимся въ невинности сердецъ своихъ!—прибавилъ еще пришедшій.

— Благодаримъ!—отвѣтили два голоса, а Лукашъ крикнулъ:

— Просимъ путника въ хату, просимъ! На дворѣ морозъ и вьюга. Войдите и отогрѣйтесь!

Анастазія, съ чумичкой въ рукѣ, пожирала глазами и пришельца, который, къ ея великому неудовольствію, увеличивалъ число тѣхъ, кого она называла «прихлебателями», и своего мужа, пригласившаго гостя.

— Благодарю васъ, гостепріимный и добрый человѣкъ,— отвѣтилъ путникъ, входя въ комнату,—я могъ бы пойти и въ городъ заночевать... но увидалъ веселый огонь въ вашихъ окнахъ, услыхалъ ваши веселые голоса и меня потянуло къ вамъ.

Онъ снялъ свою котомку, поставилъ на лавку продолговатый футляръ и, отряхнувъ съ себя снѣгъ, приблизился къ столу.

Трудно было сказать, молодъ ли онъ или старъ. Волосы его были свѣтлые, точно ленъ, высокій бѣлый лобъ изборожденъ сѣтью мелкихъ морщинокъ, глаза голубые, темносапфироваго цвѣта, съ невыразимо добрымъ, ласковымъ взглядомъ. Наконецъ, лицо, блѣдное, безъ признаковъ растительности, казалось и молодымъ, и старымъ въ одно и то же время.

— Я Ши́монъ Кенпа *), деревенскій учитель по призванію. Мнѣ нѣтъ надобности утаивать передъ кѣмъ-нибудь мое имя. Ничего дурнаго я никогда и никому не сдѣлалъ; напротивъ, стремлюсь, по мѣрѣ моихъ силъ, служить человѣчеству, въ особенности тѣмъ изъ его членовъ, которые проводятъ жизнь въ простотѣ, незнаніи и незаслуженныхъ мученіяхъ. Я люблю человѣчество, но преимущественно люблю униженныхъ, оскорбленныхъ и обиженныхъ. Люблю и васъ, братья мои, хотя въ первый разъ сталкиваюсь съ вами. Позвольте мнѣ присоединиться къ вашему кружку; я не замараю его ни словомъ, ни дѣломъ.

*) Въ данномъ случаѣ *H* въ фамиліи Кенпа произносится въ носъ, какъ французское n.

Всѣ присутствующіе слушали, разинувъ ротъ; даже Анастазія, и та что-то проворчала одобрительное.

Какъ говоритъ! Точно по книжкѣ читаетъ!

Вылѣзъ и Сильвекъ изъ какого-то темнаго угла, въ которомъ дотолѣ невидимо присутствовалъ, перешелъ въ другой уголъ, поближе къ столу, и жадно устремилъ свои черные, огненные, быстрые глаза на новаго гостя.

Лукашъ пришелъ въ полнѣйшій восторгъ. Появился новый человѣкъ—товарищъ по кружкѣ и по бесѣдѣ, и въ добавокъ человѣкъ разсудительный и краснорѣчивый. Гости раздѣляли вполнѣ чувство хозяина; умная рѣчь среди нихъ высоко цѣнилась.

Всѣ поспѣшно подвинулись и дали мѣсто вновь прибывшему. Тотъ сѣлъ, и хозяинъ, еле сдерживая свое любопытство, началъ его разспрашивать:

— Откуда Богъ несетъ? Издалека навѣрно?

— Нельзя сказать, чтобъ издалека; для меня, привыкшаго къ пѣшимъ путешествіямъ, пройти пятнадцать миль, оглядывая окружности, удивляясь всюду разсѣянными прелестями природы, заходя подъ скромныя кровли, чтобы подѣлиться съ простыми и добрыми людьми хлѣбомъ и бесѣдой—одно наслажденіе и наука. Да, наука, потому что, братья мои, учиться мы должны всѣ и всегда, учиться всему, а въ особенности любви, той взаимной любви, которая все понимаетъ, все прощаетъ, всѣмъ дѣлится и когда-нибудь обратитъ въ рай всю землю.

Онъ замолчалъ. Голубые глаза его засверкали, на губахъ появилась восторженная улыбка. Кто-то вздохнулъ глубоко и протяжно, какъ вздыхаютъ въ церкви послѣ цвѣтистой проповѣди ксендза. Лукашъ моргалъ отъ великаго удовольствія.

— Такъ-то такъ,—заговорилъ онъ,—когда-нибудь, можетъ быть, и лучше будетъ на свѣтѣ, а теперь нужно употреблять всѣ усилія, чтобы прогонять горе и тоску кружкой и веселой пѣсней. Когда Христосъ появится на облакахъ и раздѣлитъ людей на овецъ и козлищъ, кто знаетъ, куда мы попадемъ? Что сегодня, то наше.

— Козлища,—отвѣтилъ Кенна,—это богатые себялюбцы, люди съ затвердѣлыми сердцами, тѣ, которые не только ничего не дѣлаютъ для приближенія минуты воцаренія царства небеснаго на землѣ, но, напротивъ, еще отдаляютъ ее своими грѣхами и излишествами. Овцы, братья, мы, то-есть избранные и благословенные; это вы—трудящіеся въ потѣ лица своего, несущіе крестъ

свой со смиреніемъ; вы—съ чистыми сердцами, да я, который своимъ сердцемъ почувствовалъ, что великая минута будущаго близка и проповѣдую это малымъ, дабы они, узнавъ про то, съ умомъ бы шли къ нему на встрѣчу.

Онъ приложилъ руку къ сердцу. Лицо его сіяло гордой радостью. Слушатели были взволнованы потокомъ словъ, которыя казались имъ и привлекательными, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удивляли ихъ. Какъ бы для облегченія, Антосекъ, рабочій огородника, проведшій молодые годы въ деревнѣ, спросилъ:

— А каковъ урожай въ деревняхъ, панъ путникъ? Хороши ли зелени показались осенью? А то этою зимою хлѣбъ вздорожалъ. Говорятъ, что въ прошломъ году жито погнило подъ ранними снѣгами; какъ бы того же не случилось и въ нынѣшнемъ.

— Урожай, — отвѣтилъ Кеппа,—кажется, будетъ не такъ плохъ, какъ въ прошломъ году. Зелени были хороши, снѣгъ пошелъ во время, упалъ на замерзшую землю... и гдѣ хорошее хозяйство, тамъ и хлѣба будетъ вдосталь. Жаль только, что хозяйства-то не вездѣ хороши, дурныхъ даже больше, чѣмъ хорошихъ. Люди не покорили еще всѣхъ силъ природы, не овладѣли еще всѣми ея богатствами; наконецъ, обрабатывать поле — трудъ не легкій, хотя и онъ со временемъ будетъ снятъ съ людскихъ плечъ.

— Какъ!—воскликнулъ Лукашъ, который весь обратился въ слухъ,—какъ! Люди не будутъ обрабатывать землю? Ни пахать, ни сѣять, ни жать? Какъ же это... само собой...

— Не само собой, добрый человѣкъ, но при помощи машинъ, которыя будутъ придуманы сердцами, горящими любовью къ ближнимъ. Машины все будутъ дѣлать... начало мы уже видимъ, но конецъ далекъ еще, далекъ... При концѣ дѣла земной шаръ будетъ представлять видъ сада—нивы съ роскошными хлѣбами, деревья, гнущіяся подъ тяжестью плодовъ, цвѣты райской красоты и благоуханія... Пустынь, безплодныхъ песковъ, болотъ на всей поверхности земли не останется ни пяди. Нигдѣ не будетъ также ни жаровъ, ни морозовъ, ни снѣговъ, ни проливныхъ дождей и засухи, — надо всей землей воцарится вѣчное тепло, умѣряемое теплыми вѣтрами и живительною влагой чистыхъ, какъ кристалъ, источниковъ, которые серебристою сѣтью опояшутъ нивы, цвѣтники и бѣлыя фермы, — тихія пристанища любви, добродѣтели и покоя.

Теперь восторгъ слушателей достигъ высшаго предѣла. Передъ ихъ глазами разстилалась картина, сверкающая самыми привле-

кательными красками. Въ особенности имъ понравились бѣлые домики, стоящіе среди фруктовыхъ деревьевъ.

— Простите за безпокойство,—тихимъ и глубоко-почтительнымъ голосомъ спросилъ Амброзъ, ночной стражъ, — какъ же это... неужели все... машины могутъ сдѣлать?

— Все это, братья мои, совершитъ любовь, которая, поселившись въ сердцахъ людей, творитъ чудеса.

— Эхъ!—крякнулъ старый Якубъ,—еслибъ эта любовь поскорѣй поселилась въ людскія сердца! Тогда ужь ненужно было бы таскать пилу на старой спинѣ и по цѣлымъ днямъ торчать на площадяхъ въ ожиданіи работы. Но, панъ мой, Господь Іисусъ Христосъ давно уже завѣщалъ людямъ, чтобы они любили другъ друга, однако, они не слушаются... и что сдѣлаешь съ ними?

Путешественникъ выпрямился, глаза его засверкали.

— Что дѣлать?—крикнулъ онъ, — учить! проповѣдывать! умолять! взывать! согрѣвать остывшія сердца! будить сонныхъ! громить упрямыхъ!

Лукáшъ сіялъ. Злобная усмѣшка пробѣгала по его губамъ.

— Вотъ именно, вотъ!—закричалъ и онъ.—Громить, громить! Пусть ихъ смерть громитъ. Я всегда пою:

Смерть отъ Бога намъ дана!
Пусть же царствуетъ она,
Пусть громитъ своей трещеткой

тѣхъ, что задираютъ носы кверху, а передъ тобой падаютъ во прахъ, какъ слабыя творенія Всемогущаго, Которому подобаетъ хвала во вѣки вѣковъ. Аминь.

Анастазія поставила по серединѣ стола большую дымящуюся миску, всѣмъ роздала деревянныя ложки, а передъ Шимономъ Кенной поставила фаянсовую выщербленную тарелку.

— Возьмите себѣ изъ миски и кушайте,—предложила она. Гость вскочилъ съ мѣста, схватилъ обѣими руками толстую руку хозяйки и почтительно поцѣловалъ.

— О, Матерь Божія!—вскрикнула Анастазія,—что я святая икона или большая барыня, что вы мнѣ руки цѣлуете?

— Никогда,—отвѣтилъ Кенна, выпрямясь,—никогда голова моя покорно не преклонялась передъ сильными свѣта. Вашу руку я поцѣловалъ не потому, что вы большая барыня, а добрая и мудрая женщина, строго блюдущая чистоту домашняго очага.

Анастазія долго всматривалась въ него широко открытыми глазами, затѣмъ пошла къ «домашнему очагу», сплюнула и

тихо проговорила: «Господи Боже мой, вретъ какъ! А языкъ-то, точно цѣпъ, такъ и болтается! Сумасшедшій, что ли?..»

Кенпа тѣмъ временемъ оттолкнулъ свою фаянсовую тарелку и попросилъ позволенія хлѣбать изъ общей миски. Конечно, всѣ головы наклонились въ знакъ согласія, всѣ головы хоромъ заявили о своемъ удовольствіи.

— Мы сочтемъ это за честь,—важно прибавилъ Лукашъ.— Панъ Кенпа весьма ученый человѣкъ, и хотя всѣ равны предъ лицомъ Всемогущаго Отца...

— О, да!—съ энтузіазмомъ воскликнулъ Кенпа,—да! да! Всѣ мы равны между собою: простые и ученые, всѣ мы, братья, вышли изъ лона одной природы. Я ничѣмъ не хочу отличаться отъ моей братіи, ни головой возвышаться надъ нею, ни ѣсть съ роскошной посуды...

Богу только одному извѣстно, какъ мало походила выщербленная фаянсовая тарелка на символъ великолѣпія. Тѣмъ не менѣе, Кенпа отодвинулъ ее отъ себя и полѣзъ своею деревянною ложкой въ общую чашку. Всѣ ѣли и, какъ это бываетъ съ людьми, рѣдко утоляющими свой голодъ вкусной пищей, мало-помалу приходили въ лучшее расположеніе духа.

— Ну, и галушки пани Лукашовой... ну, галушки!—тономъ высокаго восхищенія проговорилъ Амброзъ.

— Моя покойница тоже хорошая хозяйка была, а, однако, ей такія галушки и во снѣ бы не приснились!—подтвердилъ старый Якубъ и, отирая ладонью длинные, сѣдые усы, со смѣхомъ добавилъ:—вотъ еслибъ каждый день такъ ѣсть, то можно сразу два сажня дровъ напилить.

— А если такой галушкой кого-нибудь въ лобъ угодить, то прямо на смерть убьешь! Ей-Богу!—еле проговорилъ полнымъ ртомъ Антосекъ.

Только одинъ Лукашъ не терялъ времени на пустые разговоры.

— Панъ Кенпа!—сказалъ онъ.—а когда наступитъ золотое время?

Онъ дожевалъ пищу и закончилъ:

— Когда машины будутъ все дѣлать за людей, а земля обратится въ райскій садъ?

Кенпа пересталъ ѣсть и отвѣчалъ:

— То время, добрый человѣкъ, наступитъ тогда, когда на землѣ будетъ больше людей любви, жертвы и отреченія, людей, которые, какъ я, все человѣчество носятъ въ своемъ сердцѣ.

— А какъ же сдѣлать, чтобы эти люди поскорѣй народились на свѣтъ?—нѣсколько шутливо и недовѣрчиво поинтересовался Якубъ.

Таинственная улыбка пробѣжала по устамъ Кенны.

— Нужно, чтобы мы всѣ работали для этого,—отвѣтилъ онъ.—Я работаю... Вотъ сколько лѣтъ я пишу сочиненіе, а когда окончу его, люди посмотрятъ на свѣтъ, на самихъ себя и на идеалы человѣчества, какъ слѣпые, которымъ открыли глаза. Мое сочиненіе сниметъ завѣсу съ ихъ глазъ, покажетъ что дѣлать они могутъ, а не дѣлаютъ, какія сокровища лежатъ у нихъ подъ руками и какъ они лѣниво протягиваютъ къ нимъ руки! Мое сочиненіе будетъ провозвѣстникомъ новой эры для свѣта...

Всѣ съ глубокимъ изумленіемъ смотрѣли на говорящаго: въ первый разъ имъ удалось видѣть воочію человѣка, пишущаго книжки.

— Панъ Кенна сочинитель, — въ видѣ объясненія сказалъ Лукашъ.—Какимъ же должны быть вы ученымъ! Я думаю, не одну тысячу книжекъ прочитали...

— Прочиталъ! Да, я много читалъ въ моей молодости, — сказалъ Кенна,—но теперь читаю только въ собственномъ сердцѣ и списываю то, что въ немъ написано.

— Ваше сердце! О, золотое то сердце, которое дѣлаетъ человѣка такимъ разумнымъ, что онъ и книжки писать можетъ!— восторженно воскликнулъ Лукашъ, и тутъ же прибавилъ:—а почему же вы не кушаете и ложку свою бросили? Или галушки вамъ не нравятся?

— Напротивъ, напротивъ,—поспѣшилъ гость,—онѣ черезъчуръ вкусны, чтобъ я имѣлъ право много съѣсть ихъ! Съ самаго ранняго дѣтства я рѣшилъ не потворствовать слабостямъ своего тѣла. Когда мнѣ что-нибудь очень нравилось, я или совсѣмъ не ѣлъ ничего, или ѣлъ очень мало, а аппетитъ удовлетворялъ чѣмъ попало... Да къ тому же теперь, благодаря вамъ, гостепріимные хозяева, я не голоденъ.

Онъ говорилъ неправду; иначе зачѣмъ бы ему такъ жадно посматривать на дымящуюся чашку, зачѣмъ глотать такіе большіе куски ржанаго хлѣба? Лукашъ еле вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Не ѣсть вкусной пищи, когда она стоитъ на столѣ, это, извините,—величайшая глупость! Во-первыхъ, потому, что она не всегда къ нашимъ услугамъ; во-вторыхъ, ею надо пользоваться... Ха ха, ха! Ну, хоть пивомъ запейте сухой хлѣбъ.

Кенпа отказался.

— Я ничего не пью хмѣльнаго и никогда не пилъ.

Удивленіе и уваженіе Лукаша, кажется, начинало переходить въ иронію.

— Ну, ну,—сказалъ онъ,—желалъ бы я, чтобъ съ вами не было того же, какъ съ тѣмъ, о которомъ, говорятъ, было написано на памятникѣ послѣ его смерти: «не наѣлся ты, не напился; если не будешь въ раю, — значитъ много глупостей надѣлалъ!» Ха, ха, ха!

Кенпа не отвѣчалъ. Съ момента, когда онъ упомянулъ о своемъ сочиненіи, онъ впалъ въ глубокую задумчивость. Наконецъ, онъ пробудился, обвелъ взоромъ вокругъ и спросилъ:

— Чѣмъ я заплачу вамъ, добрые люди, за ласковый пріемъ, за мѣсто у вашего стола, за хлѣбъ и за соль? Я обидѣлъ бы васъ, еслибъ, взамѣнъ этихъ даровъ, далъ бы вамъ деньги, которыхъ вы, вѣроятно, и не желаете...

— О, какъ еще желаемъ!—вполголоса отозвалась Анастазія, но Кенпа не слыхалъ ея голоса. Онъ всталъ и взялъ со скамейки свой футляръ.

— Отблагодарю васъ чѣмъ и какъ умѣю,—сказалъ онъ,— на минуту вознесу ваши души въ горнія сферы, укрѣплю ихъ высокими чувствами...

Онъ вытащилъ изъ футляра скрипку. Всѣ присутствующіе вскрикнули отъ радости. Музыку они любили не меньше пышныхъ фразъ.

— Ого!—сказалъ кто-то,—и книжки пишетъ, и играть умѣетъ!

— А также и старую обувь чинить! — шутливо добавилъ Кенпа.—Я этому ремеслу научился еще въ дѣтствѣ отъ отца... Покойникъ былъ хорошимъ сапожникомъ, но потомъ ему какъ-то не повезло, вотъ онъ и давалъ мнѣ только чинить старую обувь... Я тоже дитя народа, братья мои. Вы знаете уже, кто мой отецъ. Мать живетъ и до сихъ поръ, торгуетъ на Зеленомъ рынкѣ булками и зеленью.

— На Зеленомъ рынкѣ! Такъ вы родомъ изъ нашего города?

— Изъ вашего, дорогіе мои, изъ вашего! Только давно уже я тамъ не былъ.

Онъ повелъ смычкомъ по струнамъ. Всѣ примолкли, даже Анастазія прислонилась къ печкѣ съ скрещенными руками, ожидая чего-то.

Кенпа началъ играть. Сразу сильно ударилъ онъ по струнамъ

и вызвалъ цѣлый рой звуковъ, полу-веселыхъ, полу-печальныхъ, которые одно время перемѣшивались въ безпорядкѣ, плача и смѣясь, сталкивались, разъединялись для того, чтобъ потомъ потечь мѣрной чередой и соединиться въ одинъ, полный силы, гармоничный аккордъ. Изъ этого аккорда, точно нитка изъ клубка, начала выходить чудная мелодія. Сначала она напоминала вальсъ, одно изъ тѣхъ музыкальныхъ произведеній, что въ наше время гремятъ по всему свѣту сверху до низу,—отъ сводовъ великолѣпной концертной залы до грязнаго двора, наполненнаго пискливыми звуками скрипки бродячаго музыканта. Вскорѣ, однако, всѣмъ извѣстная, избитая мелодія уступила мѣсто импровизаціи играющаго, импровизаціи отчаянія, горести, куда иногда врывались то звуки бѣшеной радости, безумнаго, дикаго веселья, то вновь все расплывалось въ широкихъ, ласкающихъ модуляціяхъ. Тамъ вопли горести переплетались со вздохами какой-то безотчетной надежды, тамъ гремѣли удары грома и слышались рыданія, тамъ крики и стоны таяли и преобразовывались въ тихій, любовный шопотъ. То не было исполненіе великаго маэстро, знатока дѣла, виртуоза; опытные слушатели не были бы восхищены имъ, но, пожалуй, на минуту и они забылись бы. То была импровизація геніальнаго самоучки, неправильная, но увлекающая игра сумасшедшаго, который, можетъ быть, потому и не сдѣлался извѣстностью, что былъ сумасшедшимъ. Слушатели въ избѣ кладбищенскаго сторожа наклонили свои густо обросшія лица къ столу, покрытому крошками хлѣба и облитаго пивомъ. На столѣ стояла еще опорожненная миска и мерцала вставленная въ бутылку сальная свѣча. Дальше, въ красноватомъ освѣщеніи догорающей печки, рисовалась толстая, неуклюжая фигура Анастазіи; еще дальше, за низенькой дверью, въ сосѣдней комнатѣ мерцала слабымъ огонькомъ лампадка передъ святымъ образомъ; отъ темнаго угла,—отъ того угла, гдѣ когда-то, въ раскаяніи и тревогѣ, стояла мать Сильвека, плыли порывистые, соединяющіеся гдѣ-то въ безбрежной безконечности звуки.

Долго игралъ Кенна; наконецъ, бросилъ. Онъ остановился на половинѣ такта, опустилъ внизъ руку со смычкомъ и тяжело вздохнулъ отъ усталости. Прошло нѣсколько секундъ, а изъ присутствующихъ никто не проронилъ ни звука, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія: всѣ точно окаменѣли. Въ комнатѣ воцарилась тишина,—впрочемъ, нѣтъ: откуда-то неслись подавленныя рыданія. Кто это плакалъ? Правда, глаза Антосека и Анастазіи были

мокры, но они не плакали. Рыданія доносились снизу, точно изъ-подъ земли.

— Да воскреснетъ Богъ!—перекрестилась Анастазія.

— Исчезни, сгинь, нечистая сила!—вскрикнулъ, сплевывая, Лукашъ.—Вы пробудили умершихъ своею музыкою. Вотъ они теперь пролѣзли, подземнымъ проходомъ, сюда подъ полъ и плачутъ!

— Кто плачетъ?—переспросилъ Кенна, пробуждаясь отъ своего экстаза.—Кто тамъ плачетъ?—повторилъ онъ и побѣжалъ въ сторону, откуда слышались все болѣе и болѣе возрастающія рыданія. Онъ отодвинулъ скамью, оттолкнулъ столъ, наклонился, и когда выпрямился, присутствующіе увидали въ его объятіяхъ плачущаго Сильвека. Ребенокъ, съежившись въ углу, между стѣной и скамейкой, съ любопытствомъ прислушивался къ разговору за ужиномъ, а когда Кенна заигралъ, глаза Сильвека загорѣлись, какъ раскаленные уголья, потомъ наполнились слезами. Онъ оставилъ свое мѣсто, залѣзъ подъ столъ и тамъ окончательно разрыдался. Пойманный и вытащенный на свѣтъ Кенною, онъ вырывался изъ его объятій, стараясь высвободиться, и крѣпко прижималъ маленькія, худыя рученки къ заплаканному лицу.

— Посмотрите, господа!—кричала Анастазія,—это тотъ негодяй плакалъ тамъ подъ столомъ. Погоди, задамъ я тебѣ! Я взяла тебя къ себѣ, чтобъ мнѣ самой веселѣй было, а ты...

— Ты не дала ему галушекъ,—замѣтилъ Лукашъ,—оттого онъ и плачетъ.

Кенна, цѣлуя, прижалъ ребенка къ груди.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—вы ошибаетесь, добрые хозяева! Ребенокъ плакалъ не отъ голода, а отъ чувства. Моя музыка заставила звучать въ его груди какую-нибудь струну жалости или предчувствія. Звуки музыки представили его глазамъ какой-нибудь чудный, небесный образъ или, можетъ быть, неясною своею рѣчью повѣдали о будущихъ страданіяхъ и мукахъ... Я понимаю это, потому что въ дѣтствѣ самъ испытывалъ такія же впечатлѣнія... Очевидно, натура этого ребенка сходна съ моею — такая же пламенная, глубокая, избранная!...

Онъ сѣлъ на лавкѣ, посадилъ Сильвека на колѣни и ласково отнялъ его руки отъ лица.

— Какія прелестныя черты!—воскликнулъ онъ.—Какая правильность линій! Лицо это удивительно, удивительно напоминаетъ мнѣ какого-то знакомаго, скорѣе двухъ... Хозяйка, это вашъ ребенокъ?

Въ голосѣ Кенны слышалось нетерпѣливое любопытство. Анастазія, какъ всегда, при вопросѣ о происхожденіи Сильвека разразилась гнѣвомъ и жалобами.

— Мой ребенокъ! Мой ли это ребенокъ! Развѣ Всемогущій Господь далъ мнѣ эту радость и счастіе? Бездѣтна я, бездѣтна... А этотъ—подкидышъ, незаконнорожденный... Я взяла его отъ матери на воспитаніе года на два, на три. Она должна была платить за него... клялась, становилась на колѣни передъ образами, руки мнѣ цѣловала... Я смиловалась надъ этой потаскушкой—взяла, а она ушла, потуда ее и видѣли. Пропала, точно въ воду канула... Что-жь? Я на дворъ мальчишку не выкинула, на улицу не выгнала... воспитываю, кормлю, одѣваю, а все мнѣ радости отъ него никакой нѣтъ... Унылый какой-то, упрямый, хаты не любитъ, все по кладбищу таскается, да воруетъ!

Долго, долго она говорила еще на эту тему, все возвышая голосъ, хрипя и тяжко вздыхая. Одно и тоже въ ея рѣчи повторялось по многу разъ. Больше всего доставалось матери, которая взвалила на ея шею ребенка, а сама ушла и не показывается.

— А что будетъ съ нимъ?—продолжала она.—Мы съ Лукашемъ недолговѣчны, учить его намъ не на что, а сами мы не умѣемъ. Помремъ мы... а потомъ? Пойдетъ онъ побираться по міру и еще, сохрани Боже, разбойникомъ какимъ-нибудь сдѣлается... Несчастное твореніе, да и только!

Послѣднія слова она произнесла уже значительно мягче и, повернувшись лицомъ къ печкѣ, грустно покачала головой.

Кенна разсѣянно прислушивался къ рѣчамъ Анастазіи; онъ больше всматривался въ лицо Сильвека и повторялъ про себя безпрестанно:

— Удивительное сходство! удивительное, удивительное! Потомъ онъ внезапно просвѣтлѣлъ и съ глазами полными слезъ началъ цѣловать губы, лобъ и щеки ребенка.

— А!—прошепталъ онъ, вставая, — воспоминаніе... сонъ юности...

Гости тѣмъ временемъ начинали уже выходить изъ-за стола. Всѣ поочередно подходили къ Кеннѣ пожать его руку и поблагодарить за умную бесѣду, музыку и честь.

— Честь!—воспротивился Кенна, — о, нѣтъ, нѣтъ! Никогда этимъ словомъ, братья мои, не сквернite вашихъ чистыхъ устъ! Это слово людей богатыхъ и праздныхъ... О! я зналъ того, ко-

торый рисковалъ своею жизнью за честь женщины, а другую женщину погубилъ и повергъ въ бездну порока... Я братъ вамъ, равный вамъ, счастливъ уже тѣмъ, что вы меня полюбили, тѣмъ, что я могъ усладить хоть одну минуту вашей честной, трудовой жизни...

Понемногу всѣ разошлись.

— Переночуйте у насъ, панъ Кенна,—сказалъ Лукашъ.

— Если позволите.

— Только, какъ же... замялась Анастазія, — гдѣ же панъ Кенна спать будетъ? Развѣ мы съ Лукашемъ на лавкахъ, а...

— Ни за что!—закричалъ Кенна, — я ни за что не соглашусь, чтобы вы пожертвовали для меня своей постелью. Я сосну или здѣсь на скамейкѣ, или на полу; мнѣ ничего и не нужно: котомку подъ голову, а полушубкомъ покроюсь...

Анастазія, все-таки, принесла ему какую-то тощую, какъ блинъ, подушку и старую, суконную сермягу. Черезъ нѣсколько минутъ въ домѣ кладбищенскаго сторожа царилъ мракъ и тишина; только лампадка,—она днемъ и ночью горѣла передъ образомъ,—своимъ невѣрнымъ, мигающимъ свѣтомъ освѣщала комнату, въ которой раздавалось то громкое храпѣніе Лукаша, то тяжкій кашель Анастазіи. Кенна не спалъ. Въ полночь онъ всталъ со скамейки, тихо подошелъ къ печкѣ, гдѣ на полу спалъ Сильвекъ, и провелъ спичкой по стѣнѣ. Спичка вспыхнула и освѣтила мальчика, спящаго на вязанкѣ соломы и прикрытаго сѣрымъ полотняннымъ мѣшкомъ. Мальчикъ спалъ навзничь, съ разгорѣвшимися щеками, съ обнаженными руками, закинутыми надъ растрепанной головой. Спичка погасла. Все вновь погрузилось въ темноту.

— Ея ли это ребенокъ?—прошепталъ Кенна.—Неужели я нападу на ея слѣдъ!

Еле разсвѣтало, когда онъ вновь стоялъ надъ спящимъ Сильвекомъ. Въ старомъ домикѣ сторожа за ночь сдѣлалось очень холодно. Сильвекъ весь съежился въ комокъ отъ холода. При слабомъ свѣтѣ зимняго дня, на кускѣ сѣрой холстины, изъ-подъ которой выглядывала солома, онъ казался маленькимъ страдальцемъ.

— Хозяюшка!—обратился Кенна къ Анастазіи, которая въ это время, позѣвывая и кашляя, вошла въ комнату,—хозяюшка!—прибавилъ онъ тихимъ, умоляющимъ голосомъ,—скажите мнѣ, кто была мать этого ребенка? Какъ вы познакомились съ нею? Сколько времени прошло съ того дня?

Анастазія, застигнутая въ расплохъ, гнѣвно посмотрѣла на гостя и пошла къ печкѣ. По утрамъ она обыкновенно бывала не въ духѣ.

— Ахъ, да оставьте вы меня въ покоѣ съ подкидышемъ и его матерью! Охъ, ночью все мнѣ страшное снилось... Божье ли предзнаменованье, или еще что? Приснилось мнѣ, что будто мы съ Лукашемъ сидимъ на церковныхъ ступеняхъ и просимъ милостыню, а Ежевичъ со своей женой идутъ мимо насъ, смѣются... издѣваются... О, не дай Богъ дождаться этого!

Вся ея большая, грузная фигура вздрогнула отъ страха.

— Уфъ!—простонала она,—въ хатѣ точно въ могилѣ! Холодно! Она босою ногою толкнула спящаго Сильвека.

— Вставай-ка! будетъ спать! Тотъ лѣнивецъ спитъ (она указала на сосѣднюю комнату, откуда несся храпъ Лукаша) и не добудешься, и этотъ еще тутъ, подъ ногами, спать будетъ. Вставать сейчасъ! Натаскай дровъ, да воды принеси изъ сѣней... какъ всегда! Слышишь? Мальчикъ вскочилъ, протеръ глаза, сунулъ свой мѣшокъ за печку и выбѣжалъ въ сѣни. Анастазія подобрала солому, бросила ее въ печку и зажгла.

Комнату наполнялъ бѣлый свѣтъ, отражающійся отъ окрестныхъ снѣговъ. Огонь, разведенный въ печкѣ, весело потрескивалъ. Анастазія предъ печкой согрѣвала свои большія, желтыя, окоченѣвшія отъ холода руки, а Сильвекъ въ худыхъ холстинныхъ штанахъ и кафтанѣ безъ рукавовъ все ходилъ отъ двери къ печкѣ, и наоборотъ, таская воду и дрова. Каждый разъ, какъ отворялись двери, въ комнату врывался потокъ холоднаго воздуха, а намерзшія петли скрипѣли и визжали, какъ будто жалуясь на свою судьбу.

— О, добрая женщина, вы не знаете, какія воспоминанія пробудили во мнѣ черты этого ребенка и какое сожалѣніе... какую грѣшную, но, видитъ Богъ, непобѣдимую злобу я чувствую въ своей груди при взглядѣ на него! Да, всякій гнѣвъ, всякую ненависть я считаю за грѣхъ, за паденіе, отступленіе отъ идеаловъ добра и любви, къ которымъ я всю жизнь стремился и стремлюсь всей своею душою! Что же дѣлать, если я не въ силахъ? Богъ свидѣтель въ томъ, что я не могу позабыть, не простить...

Онъ схватился обѣими руками за свои волосы, такіе свѣтлые и мягкіе, и, угрюмо глядя въ землю, продолжалъ далѣе:

— Я думалъ, что онъ лучше многихъ, равныхъ ему, въ

томъ, что они называютъ рожденіемъ и положеніемъ въ свѣтѣ... Когда онъ призвалъ меня, когда я ознакомился съ нимъ, то полюбилъ его, полюбилъ искренно, горячо, какъ ребенокъ, никогда не подозрѣвающій измѣны... Прекрасный, влюбленный въ искусство, самъ художникъ, когда онъ дотрогивался до клавишей, мнѣ казалось, что онъ играетъ на моемъ сердцѣ! Картины, статуи, домъ его, точно храмъ искусства; онъ говорилъ, что любитъ людей...

Кенна горько засмѣялся и остановился на минуту.

— Онъ хотѣлъ просвѣщать народъ, искалъ сельскихъ учителей... Я узналъ о томъ... сталъ рядомъ съ нимъ... три года, три несчастливѣйшихъ года моей жизни прожилъ тамъ, работая, мечтая и заблуждаясь... О чемъ я мечталъ, великій Боже! точно мои мечты могли осуществиться! Я жаждалъ въ томъ бѣломъ домикѣ, который для меня сдѣлался святыней, гдѣ съ моихъ устъ лились въ непросвѣщенные дѣтскіе умы лучи истиннаго свѣта, зажить съ нею,—съ нею, которая была дочерью парода, также какъ я—его сыномъ, учителемъ и предводителемъ! И мнѣ хотѣлось взять свою долю личнаго счастія... Онъ зналъ о томъ... да я-то ничего не зналъ... три года не зналъ ничего... былъ слѣпъ... вдругъ я прозрѣлъ и, повѣрите ли, добрая женщина?—простилъ. Да, простилъ. Я пришелъ къ нему и сказалъ: возьми ее въ жены и сдѣлай ее счастливой! Я... удалюсь. Нѣтъ на свѣтѣ ничего такого, чѣмъ бы я не пожертвовалъ для счастья ея и твоего. Тогда... вы знаете, что онъ отвѣтилъ мнѣ? Онъ расхохотался и... приказалъ мнѣ выйти вонъ!

Онъ поднялъ голову и уставился въ глаза Анастазіи такимъ взоромъ, какъ будто бы призывалъ ее въ свидѣтели по страшному преступленію или умолялъ разъяснить непонятную для него тайну. Анастазія уже нѣсколько минутъ оставила свою работу и съ ножомъ въ одной рукѣ и картофелиной въ другой внимательно вслушивалась въ безсвязный разсказъ Кенны.

— Такъ значитъ,—проговорила она,—что вы полюбили нехорошую дѣвушку, которая предпочла богатаго пана... Какова она была собой?

— Охъ, она была прелестна! Высокая, стройная, волосы, какъ воронова крыло, глаза большіе, большіе... Смуглая, какъ цыганка... У этого ребенка и глаза ея, и цвѣтъ лица...

Анастазія тяжело поднялась съ мѣста.

— Сильвекъ!—крикнула она,—перебирай картофель.

Скоро она очутилась въ сосѣдней комнатѣ, отперла сундукъ и потомъ вернулась назадъ съ сверткомъ бумаги въ рукахъ, старательно завернутыми въ тряпичку.

— Можетъ быть, и та самая... Кто ее знаетъ?—сказала она. Прочтите это; тутъ ея имя и фамилія.

Кенпа схватилъ бумагу, развернулъ ее и жадно началъ читать. Кровь горячимъ потокомъ хлынула къ его лицу; онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ. Рыданій не было слышно, только слезы, какъ тяжелыя дождевыя капли, катились по его щекамъ и падали на одежду.

— Бѣдная! бѣдная!—шепталъ онъ, наклоняясь изъ стороны въ сторону,—роза моя! бѣдное дитя мое, оскверненное, загубленное!

Въ его слезахъ и шопотѣ было столько искренняго, невыносимаго горя, что Анастазія почтительно отошла къ печкѣ, а Сильвекъ устремилъ на плачущаго человѣка свои любопытные, задумчивые глаза. Онъ смутно догадывался, что рѣчь шла о немъ. Наконецъ, Кенпа пересталъ плакать и началъ съ лихорадочной поспѣшностью разспрашивать Анастазію: сколько лѣтъ тому назадъ она была здѣсь? что говорила? куда пошла? что намѣревалась дѣлать потомъ?

Анастазія могла сообщить очень немного; она и сама мало знала.

— Хотѣла пойти въ услуженіе и пошла навѣрное, а что съ ней сталось потомъ—развѣ я знаю? Я весь городъ исходила, а ее, все-таки, не нашла. Умерла, можетъ быть, совсѣмъ запуталась, а, можетъ быть, и замужъ вышла... тогда, конечно, срама своего передъ мужемъ и добрыми людьми показывать не захочетъ.

Кенпа позвалъ къ себѣ Сильвека, взялъ его на колѣни, осыпалъ его поцѣлуями и дрожащею рукою гладилъ по растрепанной головѣ. Анастазія ничего не имѣла противъ этихъ ласкъ. Она потихоньку приблизилась и тихо, съ затаеннымъ любопытствомъ спросила: «А онъ богатъ? очень богатъ?»

— Очень богатъ,—также тихо отвѣчалъ Кенпа,—имѣнія у него огромныя, лѣса вѣковые, дворецъ полонъ рѣдкихъ книгъ, картинъ, зеркалъ... рай, говорю вамъ, рай земной; а самъ онъ, въ томъ раю, какъ богъ—высокій, красивый и съ такой благородной, возвышенной наружностью. Лицо у него тоже смуглое, а руки бѣлыя, точно выточенныя изъ мрамора... Посмотрите—у ребенка рука тоже отцовская.

Онъ показалъ Анастазіи руку мальчика. Несмотря на загаръ, слѣды обжоговъ и шрамы, рука ребенка отличалась своею изящною формой.

Анастазія полусердито, полусаркастически улыбнулась.

— Это, значитъ,—задумчиво сказала она,—что папаша пользуется всѣми благами жизни, а на шею нашу, бѣдныхъ людей, свалилъ своего ребенка...

Кенна неожиданнымъ движеніемъ спихнулъ ребенка съ своихъ колѣнъ и обѣими руками схватился за голову.

— О, Боже!—воскликнулъ онъ,—изгони изъ моего сердца тотъ гнѣвъ и ту ненависть! О, Боже! дай мнѣ силы для борьбы съ тѣмъ врагомъ!

Борьба дѣйствительная, страстная борьба совершалась теперь въ человѣкѣ, который весь былъ доброта и простодушіе. Теперь, съ опущенными внизъ глазами, онъ шепталъ дрожащими губами:

— «И остави намъ долги наши, яко же мы оставляемъ должникомъ нашимъ»... О, великая молитва, проникни до глубины души моей! О, всепрощеніе, ты неразлучно съ любовью... я, слуга и апостолъ любви, долженъ просить! простить! простить!

Онъ упалъ на лавку, измученный, задыхающійся, отеръ потъ, выступившій на лбу, и проговорилъ подавленнымъ голосомъ:

— Не могу! Не могу забыть, не могу простить! Ненавижу его за нея, за себя, за это невинное существо, — ненавижу за то, что онъ первый влилъ въ меня тотъ разъѣдающій ядъ, осквернилъ мой духъ, сдѣлалъ то, что я не могу уже сказать о себѣ, что я—совершененъ!

Съ потемнѣвшими глазами, съ змѣиной улыбкой на блѣдныхъ устахъ, онъ снова притянулъ къ себѣ Сильвека и, обнявши его, зашепталъ ему:

— Слушай меня, мое дитя, и запомни, хорошо запомни то, что я скажу тебѣ. Ты обиженъ страшно, кроваво обиженъ однимъ изъ тѣхъ, что живутъ тамъ... высоко... Та убогая, холодная лачуга, гдѣ ты выросъ, лохмотья, что покрываютъ тебя, куски, которые тебѣ бросаютъ, вовсе не то, что тебѣ суждено судьбой. Все это только несправедливость по отношенію къ тебѣ... Слышишь? Лачуга, лохмотья, шрамы на твоихъ рукахъ, синяки, которыми тебя наградилъ кто-то, все горе, всѣ невзгоды, какія ты испытываешь, и даже преступленія, какія ты совершишь когда-нибудь, все это несправедливость! Ничто иное, какъ несправед-

ливость! Твое же мѣсто по праву — это роскошный дворецъ, теплый, свѣтлый, полный чудесной прелести, полный нѣги, ласкъ, поцѣлуевъ, счастья... Вотъ, что тебѣ принадлежало на этомъ свѣтѣ и что у тебя отняли! Ты долженъ быть паномъ, будешь нищимъ. Помни, что то вина одного изъ тѣхъ, что живутъ тамъ... высоко. Я не говорю тебѣ: прости! потому что и самъ не могу простить... Но я также не могу и мстить, и потому говорю тебѣ: отомсти! Будь мстителенъ за обиды свои и подобныхъ тебѣ! Ты и я разными дорогами будемъ вести человѣчество по дорогѣ къ совершенству и счастью; я—проповѣдуя любовь, ты—карая за содѣянное зло. Твое дѣло когда-нибудь заставить людей пробудиться отъ сна... Рости, чтобы отомстить!

Онъ выпустилъ изъ рукъ Сильвека и всталъ съ лицомъ полупомѣшаннаго. Анастазія, которая на половину не дослышала его поученій, съ удивленіемъ глядѣла на него, въ особенности, когда онъ прислонился горячимъ лбомъ къ обледенѣвшему стеклу. «Должно быть, рехнулся немного,—ворчала она надъ горшкомъ съ картофелемъ,—а, все-таки, то, что онъ шепталъ мальчишкѣ, дурно! Онъ ужь и безъ того хорошъ, и такъ похожъ на разбойника, а подчасъ такъ смотритъ, что какъ будто у него, прости Господи, въ глазахъ самъ нечистый съ головнёй сидитъ»!...

Въ комнату, потягиваясь и позѣвыя, вошелъ Лукашъ. Анастазія тотчасъ же набросилась на него, что онъ такъ долго валяется и не помогаетъ ей по хозяйству. Лукашъ, застигнутый въ расплохъ, разсыпался въ извиненіяхъ и своимъ тонкимъ, охрипшимъ голоскомъ напомнилъ о завтракѣ.

— На вотъ, подавись, если ужь ты такъ голоденъ!—крикнула женщина, со стукомъ ставя на столъ миску съ остатками вчерашнихъ галушекъ. Лукашъ жадно вылавливалъ ихъ деревянной ложкой.

— А, вотъ это отлично! Съѣмъ, съѣмъ и вчерашнія галушечки! Правда, онѣ холодныя, застыли, отвердѣли, не то ужь, что вчера было; но... брюхо не зеркало, что попадетъ туда, то все хорошо! Ха, ха, ха, ха! Панъ Кенпа, прошу къ завтраку! Прошу! Картофель сейчасъ будетъ готовъ... свѣжій, горячій, съ солониной...

Кенпа отвернулся отъ окна.

— Доброе утро,—сказалъ онъ,—благодарю, я не буду ѣсть...

Онъ ударилъ ладонью себя по лбу.

— Зачѣмъ я сказалъ ему это? Зачѣмъ отравилъ невинное

сердце?... О, какъ же я слабъ, какъ скоро сворачиваю съ прямой дороги!

Видно было, что совѣсть сильно угрызала его.

— Если позволите, —добавилъ онъ, —я возьму кусочекъ хлѣба, съѣмъ его на дорогѣ; мнѣ ужь пора идти, а времени мало... Будьте здоровы, добрые люди! Много горькаго, невыносимо горькаго узналъ я подъ вашей кровлей... Будьте здоровы!

— Что онъ городитъ?—тихонько спросилъ у жены Лукáшъ.

Анастазія нетерпѣливо пожала плечами. Кенпа стоялъ уже у порога съ котомкой за плечами и футляромъ со скрипкой въ рукахъ.

— Будьте здоровы, друзья мои,—повторилъ онъ сердечнымъ голосомъ, и вдругъ, принимая проповѣдническій тонъ, прибавилъ:— любите другъ друга, дѣлитесь вашимъ добромъ съ тѣмъ, кто бѣднѣе васъ, освѣщайте своей жизнью и примѣромъ дорогу къ счастью и совершенствованію человѣчества.

Когда двери затворились за нимъ, Лукáшъ приставилъ себѣ ко лбу указательный палецъ и устремилъ на жену полусочувственный, полунасмѣшливый взоръ.

— Ага!—утвердительно отвѣчала Анастазія.

— Жаль,—прибавилъ Лукáшъ,—онъ и ученый, и играетъ отлично, и вещи разныя хорошо разсказываетъ! Охъ, ужь хоть бы поскорѣй машины стали дѣлать все за людей, а земля превратилась бы въ райскій садъ! Ходи тогда себѣ по гладкимъ дорожкамъ, рви яблоки, да ѣшь ихъ. Не знаю только, что въ этомъ саду—будутъ ли сами по себѣ расти галушки съ солониной и зразы?

И онъ опять запѣлъ:

Смерть отъ Бога намъ дана!
Пусть же царствуетъ она,
Пусть коситъ безъ сожалѣнья,
И наполнитъ, безъ сомнѣнья,

мою миску зразами, галушками и всяческими явствами, созданными на радость и подкрѣпленіе грѣшнаго человѣка, вины котораго да отпуститъ Господь Всемогущій, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Анастазія молчала, но вдругъ схватила себя за голову.

— Ахъ, дура я!—захныкала она,—ахъ, я несчастная! И того умишка и памяти, что достались отъ Бога, и тѣхъ теперь не осталось! Охъ, и била бы же я себя, и волосы рвала бы, вотъ такъ!

Красная отъ гнѣва, какъ піонъ, она схватила себя за пряди сѣдыхъ волосъ, выбившихся изъ-подъ чепца, и немилосердно рвала ихъ. Лукáшъ, привыкшій къ подобнымъ явленіямъ, изрѣдка насмѣшливо посматривалъ на происходящее и спокойно жевалъ галушки.

— Что съ тобою, Настя?—пробормоталъ онъ, наконецъ.—Что ты, душечка, такъ себѣ жизнь отравляешь? Что сегодня, то...

Анастазія не слушала его. Изъ града ругательствъ и проклятій, которыми она осыпала себя, можно было отчасти догадаться, что она не выпытала у путешественника кто такой и гдѣ живетъ отецъ Сильвека. Можетъ быть, онъ наградилъ бы ихъ за присмотръ надъ ребенкомъ, а можетъ быть... можетъ быть, и Сильвеку далъ бы какое-нибудь воспитаніе и обезпечилъ бы его. А теперь, благодаря ея глупости и недогадливости, она лишилась справедливаго вознагражденія и—кто знаетъ? можетъ быть, хорошей пенсіи до самой смерти, а мальчику загородила дорогу къ счастью, за что ей на томъ свѣтѣ непремѣнно придется переносить вѣчныя мученія. Голосъ ея изъ гнѣвнаго перешелъ въ плаксивый тонъ; она перестала дергать себя за волосы и вмѣсто того залилась слезами и почти безъ дыханія упала на скамейку.

Лукáшъ, узнавшій такимъ образомъ, причину ея горя, презрительно махнулъ рукою.

— Э!—флегматически сказалъ онъ, — наплюй ты на это, Настя! Знаешь ли ты, кто таковъ этотъ, какъ и гдѣ онъ живетъ, не знаешь ли,—все одно, потому что если бы ты отправилась къ нему, онъ просто приказалъ бы своимъ лакеямъ вытолкать тебя вонъ. Онъ-то знаетъ ли? помнитъ? повѣрилъ бы тебѣ? Да еще и правда ли, что тебѣ тотъ говорилъ? А если и правда, то мало ли такихъ правдъ ходитъ по бѣлу свѣту? Кто имъ всѣмъ дастъ вѣру? О, о! зналъ я эти вещи, зналъ, какъ свои пять пальцевъ! Былъ лакеемъ, а потомъ долго таскался по свѣту. Вездѣ также точно творится, не иначе. Человѣкъ рожденъ грѣшною матерью, и самъ долженъ грѣшить. Коротокъ день его жизни на землѣ; вотъ онъ и стремится провести его въ радости и наслажденіи. Въ царство небесное приводитъ длинный, тернистый путь... отъ ада и адскихъ мученій да спасетъ всѣхъ насъ Господь. Аминь.

Анастазія все съ бóльшимъ и бóльшимъ вниманіемъ слушала замѣчанія мужа, и мало-по-малу успокоилась. Уваженіе ея къ мужу и краснорѣчію Лукáша было настолько велико, что это одно часто удерживало ее среди страшной вспышки гнѣва. Она

вспомнила о гречневой кашѣ; ей захотѣлось ѣсть. Черезъ четверть часа, сидя за столомъ вмѣстѣ съ мужемъ, она вполголоса разсказывала объ утренней сценѣ съ путешественникомъ.

— Однако же,—замѣтила она,—нехорошія рѣчи онъ ему тутъ говорилъ... о несправедливости, о мести... Пусть Господь самъ отомститъ... ребенку въ голову могутъ придти грѣшныя мысли.

— Э!—махнулъ рукою Лукáшъ,—развѣ онъ могъ понять? Однимъ ухомъ слушалъ, а въ другое выходило! Малъ еще и глупъ.

Да, Сильвекъ въ то время (ему было восемь лѣтъ) былъ малъ, но глупъ не былъ. Столь почитаемый умъ Лукáша не былъ въ состояніи видѣть, какая работа происходитъ въ маленькой головкѣ, какія мысли роятся тамъ. Во весь этотъ день Сильвекъ былъ точно пьяный. Помогая по хозяйству Анастазіи, онъ надѣлалъ массу ошибокъ, разливалъ воду изъ жбана, выпускалъ изъ рукъ посуду, сильно опаливши себѣ руку головней, даже не крикнулъ, только всматриваясь въ рану и подувая на нее, грозно хмурилъ брови. Наконецъ, когда все уже было окончено и Анастазія съ огромными очками на носу засѣла въ сосѣдней комнатѣ чинить бѣлье, а Лукáшъ потащился въ городъ, Сильвекъ, вмѣсто своей обычной прогулки на кладбище, усѣлся на земь, въ самый темный уголокъ избы, положилъ подбородокъ на ладони и задумался. Подъ вечеръ Анастазія заснула, опустивъ голову на разбросанные по столу лоскутья, во всѣмъ домѣ воцарилась тишина, нарушаемая только пѣсней сверчка да поскрипываніемъ деревьевъ за окнами домика. Смерклось. Зимнія сумерки еле просвѣтлились сквозь мелкія, зеленоватыя стекла, а у печки все также неподвижно сидѣла согнутая фигура мальчика. Въ глубинѣ души Сильвека совершался громаднѣйшій переворотъ; настала та минута, когда человѣкъ въ первый разъ выходитъ изъ потемокъ полусознательной жизни и начинаетъ познавать положеніе, въ какое поставила его судьба. Память мальчика Богъ не обидѣлъ; онъ хорошо запомнилъ все. Чуткій слухъ далъ ему возможность понять интонацію всякой фразы, малѣйшее колебаніе голоса. Воображеніе изъ каждаго слова творило образъ; цѣлая сложная картина возставала передъ его глазами. Все, когда-то слышанное, когда-то видѣнное, развивалось теперь въ одну длинную, длинную цѣпь. Трудно было сначала слабой мысли разобраться среди такого огромнаго матеріала, но первый шагъ сдѣланъ, дальше дѣло пойдетъ легче. Теперь онъ увидалъ причину вспышекъ злобы, которыя такъ скоро овладѣвали имъ. Онъ понялъ, что причины

эти—грязныя и душныя коморки, откуда онъ бѣжалъ при первой возможности, дни голода,—а ихъ было такъ много! кулаки Анастазіи,—онъ чувствовалъ ихъ тяжесть на всѣхъ членахъ своего маленькаго тѣла, смертельный холодъ памятниковъ, его обычной постели, и еще тотъ холодъ, не менѣе удручающій, котораго онъ и теперь еще не могъ понять и только характеризовывалъ такъ: «добраго слова никогда не скажутъ, не приголубятъ». И вотъ теперь передъ нимъ стала выясняться причина грусти, какую онъ испытывалъ, слушая унылую мелодію колоколовъ, жалобный свистъ вѣтра, монотонное потрескиваніе дровъ въ печкѣ и съ особенной силой вчера, благодаря скрипкѣ путешественника. Кромѣ того, онъ думалъ иногда и еще о разныхъ, очень пріятныхъ вещахъ; передъ глазами его мгла легкая, легкая, какая бываетъ лѣтомъ на лугахъ, сгущалась, росла... выростала въ цѣлый рядъ домовъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, такихъ высокихъ, что кровлей имъ служило голубое небо, а окнами—звѣзды. Вотъ раннія, утреннія облака тихо спускаются къ нему; онъ слышитъ въ воздухѣ музыку и пѣніе, точно отголосокъ тѣхъ печальныхъ пѣсенъ, съ какими погребальныя процессіи входятъ на кладбище, или той, которою старшая дочка кузнеца убаюкивала своего маленькаго брата. Теперь онъ уже зналъ, что плакалъ потому, что ему хотѣлось жить въ такомъ бѣломъ домѣ, гдѣ окна свѣтятся, какъ звѣзды, хотѣлось лежать на мягкой постели, слушать такія же серебристыя пѣсни, какими убаюкивали дѣтей кузнеца, или нѣтъ... еще лучше... тѣ, что слышались ему когда-то вдали, въ воздухѣ, подъ самымъ небомъ, въ вѣтвяхъ деревьевъ, среди шумящихъ листьевъ, насквозь пронизанныхъ золотистымъ, ласкающимъ свѣтомъ солнца. Онъ зналъ уже, что плакалъ, желая, чтобы кто-нибудь ласково улыбнулся ему, чтобы ему дали много, много блестящихъ игрушекъ и румяныхъ яблокъ... А яблоки!... Вчера путешественникъ долго говорилъ о поляхъ, съ волнующимся житомъ, и бѣлыхъ домикахъ, что стоятъ по серединѣ этихъ полей! Вокругъ домиковъ все деревья, осыпанныя яблоками, точно красною росою. «Кто живетъ въ этихъ домикахъ и ѣстъ эти яблоки»? спросилъ у себя Сильвекъ, и въ отвѣтъ ему послышался шепотъ Кенны: «помни, что та вина одного изъ тѣхъ, что живутъ тамъ». Такъ, значитъ, если бы не одинъ изъ тѣхъ, то онъ бы жилъ тамъ и ѣлъ тѣ яблоки... «А кто таковъ онъ... тотъ»? И, стискивая руки, Сильвекъ добавилъ: «Тотъ, что обидѣлъ»...

Дальше работа мысли Сильвека не могла идти.

Часы уплывали, подходила ночь. Въ окно хижины, тихой и темной, какъ могила, проникъ лучъ восходящаго мѣсяца, заигралъ на гнилыхъ рамахъ окна, и, спустившись по глиняному полу въ самую глубь комнаты, озарилъ своимъ блѣднымъ свѣтомъ ребенка, спящаго у печки. Опершись плечами къ заплеснѣвѣвшей стѣнѣ, покрытый рваными лохмотьями, Сильвекъ безсмысленно глядѣлъ въ пространство, иногда потрясая головой и шепча отъ времени до времени: «несправедливость! несправедливость! несправедливость»!.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Э. Литтре и позитивизмъ.

Г. Каро [1]).

(Переводъ съ французскаго).

Предисловіе автора. Великая смута, происходящая въ настоящее время въ области нравственнаго и религіознаго сознанія человѣчества, замѣтна даже для поверхностнаго наблюдателя. Принципы, которыми жило человѣчество въ прошломъ, которыми оно считаетъ возможнымъ жить въ настоящемъ, подвергаются сомнѣнію подъ напоромъ новыхъ идей, имѣющихъ претензію быть порожденіемъ позитивной науки. Мы полагаемъ, что своевременно будетъ изложить въ короткомъ и точномъ очеркѣ сужденіе о школѣ, служащей наиболѣе авторитетною выразительницею этихъ идей и пользующейся нѣкоторымъ обаяніемъ популярности во Франціи. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому, мы считаемъ долгомъ ближе изучить человѣка, резюмирующаго собою исторію этого ученія въ его торжествующей фазѣ, овладѣвшаго, благодаря своему характеру, выдающимся способностямъ и необыкновеннымъ талантамъ, симпатіями общества и въ значительной мѣрѣ склонившаго въ пользу философской школы сочувствіе, лично имъ вполнѣ заслуженное. Человѣкъ этотъ—г. Э. Литтре.

Мы разсмотримъ позитивизмъ въ этой послѣдней его формѣ, прослѣдимъ его по отвѣтамъ, даннымъ имъ весьма недавно въ разрѣшеніе задачъ, ежедневно возникающихъ изъ изученія духа и изъ опытовъ надъ жизнью человѣка. Мы естественно дойдемъ до вопроса о томъ, что ожидаетъ въ будущемъ эту философію, пользующуюся такимъ успѣхомъ въ настоящемъ. Ея побѣда, если вѣрить нѣкоторымъ громкимъ заявленіямъ, должна

[1]) M. Littré et le positivisme, par E. Caro. Paris, 1883.

быть окончательною (поскольку могутъ быть окончательными побѣды этого рода). Но тутъ-то и возникаютъ вопросы: будетъ ли ея необыкновенный успѣхъ на столько же продолжителенъ, насколько онъ, повидимому, блестящъ? Постоянны ли, неизмѣнны ли причины ея успѣха? Не объясняется ли это быстрое торжество политическими и соціальными условіями настоящаго времени? Въ особенности же мы остановимся на вопросѣ: суждено ли позитивизму, какъ системѣ, пережить двухъ человѣкъ, въ которыхъ онъ воплотился, г. Огюста Конта и г. Эмиля Литтре, и самые шансы его жизненности не стоятъ ли въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ его стройности и твердости, какъ доктрины? Это послужитъ поводомъ къ разсѣянію недоразумѣнія, повидимому, еще продолжающагося въ нѣкоторыхъ умахъ подъ вліяніемъ слова, которое перестало соотвѣтствовать понятію, имъ выражаемому. Я попытаюсь выяснить, что позитивистское движеніе,—размѣровъ и значенія котораго, какъ увидитъ читатель, я отнюдь не отрицаю,—привело, въ концѣ-концовъ, къ совокупности отрицаній, пріобрѣтающихъ тѣмъ бо́льшую силу и популярность, чѣмъ проще и радикальнѣе они кажутся, хотя связь ихъ съ позитивизмомъ, въ собственномъ смыслѣ слова, основывается на неопредѣленности выраженій, на недоразумѣніи, и сами эти отрицанія противорѣчатъ истинному духу позитивной философіи, — духу абсолютной нейтральности, если бы только нейтральность не была химерою въ философіи, какъ и въ политикѣ.

Какъ бы то ни было, вопросъ этотъ стоитъ серьезнаго разсмотрѣнія и обсу́жденія; онъ стоитъ въ связи съ великими задачами настоящаго времени. Отрицанія, исключенія цѣлаго ряда идей и вѣрованій создали капитальную проблему девятнадцатаго вѣка, представляющуюся мнѣ въ такой формѣ: можетъ ли позитивная наука, какъ предполагаютъ иные, своими собственными силами и одними своими знаніями создать новое міровоззрѣніе, создать всецѣло новую цивилизацію и передѣлать человѣчество по предположенному ею образцу? Если это возможно, то каково будетъ новое міровоззрѣніе? Каковы будутъ новая цивилизація и будущее человѣчество, обѣщаемыя намъ въ замѣну существующихъ и извѣстныхъ? Ради чего должны мы поступиться сокровищами нашихъ иллюзій, если намъ будетъ доказано, что сокровища эти мнимыя и что мы жили до сихъ поръ въ какомъ-то снѣ на яву, подъ очарованіемъ послѣдовательныхъ галлюцинацій.

Глава первая.

Эмиль Литтре.—Исторія его работъ и его идей.

I.

Очеркъ этотъ можно было бы озаглавить: *Литературная, политическая и философская исповѣдь г. Литтре.* Въ одномъ изъ наиболѣе любопытныхъ и наименѣе извѣстныхъ своихъ произведеній онъ самъ употребилъ это выраженіе для характеристики описанія послѣдовательнаго развитія своей мысли, тѣхъ колебаній, которыя она испытывала. Онъ любилъ писать объ этомъ, особливо въ послѣдніе годы жизни. Г. Литтре очень охотно самъ себя комментировалъ въ предисловіяхъ, въ примѣчаніяхъ, въ *causeries,* вставляемыхъ въ статьи, не имѣющія личнаго характера, въ разныхъ оправдательныхъ приложеніяхъ, сопровождающихъ бо̀льшую часть его произведеній. Мы задались мыслью собрать эти разсѣянные листки, какъ бы затерянные въ массѣ его трудовъ, мало замѣченные при ихъ выходѣ въ свѣтъ, отчасти забытые нынѣ. Для освѣщенія личности писателя и человѣка они цѣннѣе всякихъ объективныхъ этюдовъ, дѣлаемыхъ со стороны. На самомъ дѣлѣ, поразителенъ свѣтъ, проливаемый ими на интеллектуальную и нравственную жизнь г. Литтре, когда они собраны въ одно цѣлое. Разбросаны они болѣе или менѣе повсюду; открыть ихъ можно почти случайно въ его послѣднихъ произведеніяхъ и иногда тамъ, гдѣ всего менѣе ожидаешь. Собранные же и сопоставленные въ должной послѣдовательности, они являются настоящими мемуарами, чѣмъ-то вродѣ интереснѣйшей автобіографіи, полной личныхъ впечатлѣній; наиболѣе обильную жатву въ этомъ отношеніи мы находимъ во второмъ изданіи книги, озаглавленной: *Conservation, Revolution, Positivisme.* Тутъ г. Литтре даетъ полный просторъ своей откровенности. Въ книгѣ этой, вышедшей первымъ изданіемъ въ 1852 году, были собраны нѣкоторыя его статьи, печатавшіяся въ газетѣ *National.* Перечитывая ихъ для втораго изданія, авторъ увидалъ, что онъ по всѣмъ почти пунктамъ расходится съ тѣмъ, что имъ тогда было написано. Какъ быть съ этимъ? Не желая прикрывать своимъ именемъ идеи, которыхъ онъ уже не допускалъ, ни оставлять въ жертву послѣдующимъ полемикамъ книгу, оказывающуюся компрометирующимъ свидѣтелемъ для его новыхъ идей, онъ рѣшился просто перепечатать

старую книгу, обсуждая каждую ея главу при свѣтѣ своего обновленнаго разума и пріобрѣтеннаго опыта. Таковъ былъ найденный имъ выходъ. Съ одной стороны, этимъ способомъ онъ удовлетворялъ мужественное чувство личной солидарности, побуждавшее его не скрывать злополучныхъ страницъ; съ другой стороны, онъ самъ себя исправлялъ и каялся передъ обществомъ въ своихъ заблужденіяхъ.

Для исторіи умственнаго развитія извѣстнаго лица ничего не можетъ быть интереснѣе такого рода замѣчаній, приложенныхъ къ каждой статьѣ,—замѣчаній, написанныхъ съ неподражаемою наивностью и независимостью человѣкомъ, съумѣвшимъ отказаться отъ своихъ прежнихъ мнѣній и, что еще важнѣе, отъ самолюбія, самого себя оспаривающимъ, строго осуждающимъ собственныя заблужденія и ложныя сужденія, которыя его самого поражаютъ. Помимо источника драгоцѣнныхъ психологическихъ указаній, мы видимъ въ этомъ совершенно новое и не лишенное величія нравственное явленіе. Это исторія перемѣнчивости убѣжденій ума искренняго, имъ самимъ разсказанная. Передъ нами постепенно выступаетъ изображеніе человѣка, поразительно похожее, многократно ретушированное, передающее его выдающіяся черты, — обширную эрудицію, могучую рабочую силу, всеобъемлющую любознательность, безпокойную любовь къ истинѣ (*irrequietus amor*), въ ихъ сочетаніи съ нѣкоторою неустойчивостью убѣжденій, являющеюся, быть можетъ, ихъ необходимымъ послѣдствіемъ и характернымъ признакомъ. Одинъ блестящій писатель сказалъ разъ не безъ нѣкотораго оттѣнка грусти: «la contradiction est le signe de la verité» (противорѣчіе есть признакъ истины). Мы не пойдемъ такъ далеко, но готовы согласиться, что во многихъ случаяхъ оно есть признакъ искренности. Таковымъ оно, несомнѣнно, оказывается среди политическихъ грезъ и революцій въ области мысли, обуревающихъ наше время, но лишь въ томъ разѣ, когда очевидно, что оно не вызвано соображеніями личнаго честолюбія и выгоды. Полнѣйшее безкорыстіе нигдѣ такъ ясно не проявляется, какъ въ разсказахъ г. Литтре, передающаго намъ свою Одиссею среди современныхъ идей и страстей, стремящагося до послѣдняго дня жизни исправить свои заблужденія, заполнить пробѣлы въ своемъ умственномъ образованіи, достигнуть возможнаго совершенства въ жизни нравственной.

Слѣдуетъ еще добавить, что пользованіе этими личными свидѣтельствами, весьма недавними относительно, даетъ возмож-

ность попытать изслѣдованіе по многимъ новымъ пунктамъ, такъ какъ большинство произведеній, посвященныхъ г. Литтре, относится къ довольно далекому прошлому, когда еще преждевременно было бы вдаваться въ разборъ сложной общности его жизни, когда передъ главою позитивизма лежалъ длинный путь политическаго и интеллектуальнаго опыта, предстояло не мало разочарованій и было впереди много лѣтъ жизни, работы, страданій.

Припомнимъ послѣдовательный рядъ трудовъ, наполнившихъ собою его жизнь, являющихся какъ бы движущеюся картиною развитія его ума. Высокое нравственное наслажденіе находимъ мы для себя въ возможности отдать должную честь тѣмъ, чьихъ убѣжденій не раздѣляемъ. Философскій споръ не долженъ превращаться въ арену грубой борьбы и ожесточенныхъ взаимныхъ избіеній; такой споръ между честными людьми не можетъ выходить изъ области идей, подавшихъ поводъ къ разномыслію, и умалять взаимнаго уваженія спорящихъ. Исполненіе этого требованія очень легко, когда дѣло идетъ о такомъ человѣкѣ, какъ г. Литтре, въ лицѣ котораго мы имѣемъ возможность почтить высокій образецъ человѣческой природы, одинъ изъ тѣхъ типовъ, въ которыхъ наиболѣе рельефно выразились возвышенныя нравственныя достоинства, непререкаемая искренность и величайшія усилія дѣятельной, правильной и плодотворной мысли.

Собственно говоря, исторія жизни г. Литтре заключается въ его книгахъ; вся его жизнь такъ тѣсно связана съ его трудами, что выдѣлить ее можно лишь путемъ нѣкоторой абстракціи; вся она есть ничто иное, какъ непрерывный шестидесятилѣтній трудъ. Возникновеніе мысли объ извѣстномъ произведеніи, подготовительныя работы и изысканія, исполненіе самаго произведенія, обстоятельства, задерживающія или ускоряющія это исполненіе,—вотъ вся его исторія съ разнообразными измѣненіями, совершающимися въ его мысли, постоянно напряженно-дѣятельной и какъ бы самое себя контролирующей.

Г. Литтре развивался подъ вліяніемъ идей конвента. Отецъ его, служившій унтеръ-офицеромъ во флотѣ, принадлежалъ къ самой крайней партіи. Г. Литтре почиталъ за счастье, что молодой сержантъ былъ отправленъ въ 1790 году въ Индію и «тѣмъ былъ спасенъ отъ опаснаго участія въ неистовствахъ того времени». По этому поводу онъ передаетъ одинъ случай изъ воспоминаній. Экипажъ праздновалъ въ открытомъ морѣ годовщину взятія

Бастиліи; случилось такъ, что артиллеристъ заставилъ г. де-Вельеля, будущаго министра реставраціи, тогда же простаго офицера, плясать *рондо* вокругъ главной мачты подъ пѣсню, сочиненную молодымъ революціонеромъ. Позднѣе, вѣрный своимъ богамъ, отецъ Литтре часто говорилъ, что Робеспьеръ былъ оклеветанъ и что процессъ его долженъ подлежать пересмотру *). Семейныя связи вполнѣ соотвѣтствовали политическимъ убѣжденіямъ. Близкими людьми были: Ватаръ, печатавшій *Journal des communes libres*, заговорщики Арена, Чераки, Демервиль, нынѣ забытый философъ Секонъ (Second), авторъ книги *Сенситивизмъ*, и Делоръ, историкъ города Парижа. Эти два члена конвента, принадлежавшіе когда-то къ противоположнымъ партіямъ, сошлись въ общей ненависти къ новому правительству, несмотря на то, что одинъ изъ нихъ имѣлъ довольно уважительный поводъ не любить другаго. Г. Секонъ, монтаньяръ, вотировалъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ за смертный приговоръ г. Делору, и этотъ послѣдній едва избѣжалъ гильотины. При встрѣчѣ послѣ подобнаго недоразумѣнія обоюдная неловкость положенія весьма понятна. Неловкость эта была непродолжительна. Г. Делоръ откровенно высказалъ, что, одолѣй въ то время его партія, онъ не задумался бы точь въ точь такъ же распорядиться съ монтаньярами. Это правдивое заявленіе разсѣяло послѣднюю тѣнь холодности. Со стороны матери такія же связи, тѣ же традиціи. Дѣдъ, г. Іогано (Jhoannot), бумажный фабрикантъ и якобинецъ, былъ убитъ во время термидорской реакціи. Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на мать г. Литтре, Софію Іогано, было такъ сильно, что не изгладилось во всю жизнь. Это доказывается тѣмъ, что во время переворота 18 брюмера, среди всеобщаго молчанія, она громко и рѣзко укоряла въ Тюльерійскомъ саду одного депутата за то, что онъ, по ея мнѣнію, не достаточно энергично защищалъ собраніе. Сентъ-Бёвъ описалъ ее нижеслѣдующими живыми и яркими чертами: «То была античная женщина, одѣтая, по бо́льшей части, не какъ дама, а какъ служанка, постоянно занятая домашней работой, превосходная хозяйка, образцовая мать; при этомъ она была одарена возвышенною душею и чувствомъ справедливости, которое она должна была передать сыну, составлявшему ея гордость и самолюбіе. Онъ много унаслѣдовалъ отъ нея, какъ равно и отъ отца.

*) Conservation, Révolution, Positivisme, 2-e édition, p. 314.

Въ этой скромной и республиканской средѣ родился Эмиль Литтре 1 февраля 1801 года. Несмотря на свои политическія убѣжденія, его отецъ, не имѣвшій никакого состоянія, поступилъ на службу по финансовому управленію. Онъ былъ человѣкъ очень умный, замѣчательно способный къ труду, съ изъ ряда выходящею силою воли, безукоризненно честный. Среди тяжелыхъ жизненныхъ условій у него достало силъ достигнуть классическаго образованія, котораго въ юности ему дано не было; онъ выучился по-гречески и познакомился даже съ санскритскимъ языкомъ. Ко всему въ жизни онъ относился крайне серьезно. Будучи противникомъ религіозныхъ вѣрованій, къ насмѣшкамъ Вольтера и его послѣдователей онъ относился съ чувствомъ глубокаго отвращенія. Г. Литтре нашелъ въ бумагахъ отца замѣтку, доказывающую, что ему очень не по душѣ были глумленія XVIII в. надъ религіей; что, сдѣлавшись отцомъ семейства, онъ счелъ себя отвѣтственнымъ передъ дѣтьми за свои религіозныя убѣжденія, заново принялся за изученіе всѣхъ теологическихъ вопросовъ, но изученіе это не измѣнило его убѣжденій *).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, когда настало время, онъ заставилъ сыновей, Эмиля и Бартелеми, работать такъ же, какъ работалъ самъ. Въ домѣ царила строгость необыкновенная; каждый обязанъ былъ дѣлать свое дѣло безъ отдыха, почти не зная развлеченій. Это была своего рода свѣтская семинарія, въ которой самыя рекреаціи имѣли характеръ обученія и соревнованіе было доведено до крайнихъ предѣловъ. Эмиль Литтре былъ приходящимъ ученикомъ лицея Louis-le-Grand и товарищемъ Ежена Бурнуфа и Гашета. Въ концѣ каждаго года, подъ двойнымъ вліяніемъ личныхъ склонностей и строгости отца, онъ получалъ всѣ награды своего класса. Одинъ проницательный критикъ, г. Гардіа (Guardia), приписываетъ этому основательному ученію и школьнымъ успѣхамъ любовь г. Литтре къ классическимъ авторамъ и къ академическимъ почестямъ, имѣвшимъ для него особую привлекательность. Болѣе серьезную пользу принесла ему школа тѣмъ, что развила въ немъ страсть къ наукѣ и привычку къ занятіямъ; изъ нея онъ вынесъ очень солидныя и обширныя познанія въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, въ нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ, что было въ тѣ времена большою рѣдкостью, и, кромѣ того, ненасытную любознатель-

*) См. предисловіе къ книгѣ г. Ежена Ноэля; *Mémoires d'un imbécile*..

ность, основанную на убѣжденіи, что школьный курсъ есть не болѣе, какъ подготовка къ занятію наукою.

Позднѣе, въ своихъ наивно-пространныхъ воспоминаніяхъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ въ его книгахъ и даже въ чужихъ (въ видѣ предисловій) *), онъ всегда любилъ поговорить о своей семьѣ.

«Сравнивая себя съ отцомъ,—писалъ онъ,—и признавая все его превосходство надо мною, я часто сожалѣлъ о томъ, что житейскія обстоятельства сложились для него менѣе благопріятно, чѣмъ для меня. Что вышло изъ этого? Вышло то, что онъ состарѣлся, занимая мелкую должность, въ могилу сошелъ неизвѣстнымъ, хотя плавалъ по Индѣйскимъ морямъ не безъ кораблекрушеній и сражался съ англичанами. Тогда какъ нѣсколько произведеній, заслужившихъ одобреніе публики, открыли мнѣ двери академій, поставили меня на видное мѣсто среди людей моего времени».

Въ немъ въ высокой степени живо было чувство семейной солидарности; ему бы хотѣлось, чтобы всѣ семьи имѣли свои собственные архивы, общность которыхъ могла бы служить матеріаломъ для настоящей исторіи нравственной жизни народа. «Съ тѣхъ поръ, какъ лучшая философія научила меня высоко цѣнить традицію и охраненіе преданія, я не разъ сожалѣлъ о томъ, что со времени среднихъ вѣковъ буржуазныя семейства не подумали вести скромныхъ записокъ, въ которыя бы вносились всѣ выдѣляющіяся событія домашней жизни съ тѣмъ, чтобы хроники эти передавались изъ рода въ родъ до его угасанія. Какъ любопытны были бы тѣ изъ этихъ лѣтописей, которыя бы дошли до насъ! Сколько погибшихъ указаній, сколько потерянnаго опыта могло бы быть спасено ничтожною заботливостью, духомъ послѣдовательности!»

По выходѣ изъ школы передъ нимъ открылась жизнь во всей своей тревожащей неизвѣстности. «Жизнь,—говорилъ онъ въ откровенной бесѣдѣ послѣднихъ дней,—есть для нѣкоторыхъ завлекательный и блестящій романъ, для большинства же очень скромная повѣсть. Въ ранней молодости каждый ищетъ примѣненія своихъ знаній и способностей, занятій по силамъ и по характеру. Когда это найдено (если только удалось найти), человѣкъ устроивается, женится, работаетъ, испытываетъ удачи и неудачи, выпадаютъ на его долю кое-когда радости и много-

*) Revue de philosophie positive, mai—juin. 1880.

много слезъ; потомъ вдругъ, къ удивленію своему, онъ замѣчаетъ, что сталъ старъ, очень старъ, что жизнь прожита, и у него вырываются слова восьмидесятилѣтняго Вольтера: «Въ томъ золотомъ возрастѣ, когда мнѣ было семьдесятъ лѣтъ!»

Нѣкоторое время по выходѣ изъ школы г. Литтре былъ въ нерѣшительности относительно дальнѣйшаго примѣненія своихъ способностей. Онъ думалъ было поступить въ политехническую школу и, несомнѣнно, исполнилъ бы это намѣреніе, если бы не помѣшала тяжкая болѣзнь. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ состоялъ секретаремъ при графѣ Дарю, а затѣмъ рѣшительно отдался медицинѣ, но врачемъ-практикомъ никогда въ жизни не былъ.

«Я много писалъ о медицинѣ,—говоритъ онъ въ одномъ предисловіи *),—писалъ въ журналахъ, въ словаряхъ, монографію о холерѣ; десять лѣтъ я занимался въ госпиталяхъ, былъ усернымъ ученикомъ г. Рейера (Rayer) и не сдалъ ни одного экзамена, не получилъ никакого диплома и не имѣю званія доктора». Вотъ какъ онъ объясняетъ этотъ странный фактъ. Въ 1827 году онъ приготовился держать экзаменъ, когда смерть отца совершенно измѣнила его положеніе и вынудила его озаботиться не только обезпеченіемъ собственнаго существованія, но и содержаніемъ матери. Онъ рѣшился отказаться отъ карьеры врача и не рискнулъ пускаться въ врачебную практику въ Парижѣ, требовавшую большихъ затратъ на обстановку и сопряженную съ большимъ рискомъ. Онъ сталъ давать уроки, не отказываясь, впрочемъ, отъ занятій медициной. По врожденному упрямству ему не хотѣлось потерять плодовъ начатаго изученія, и онъ продолжалъ, въ качествѣ вольнаго слушателя, посѣщать клинику г. Рейера въ госпиталѣ Charité, гдѣ онъ близко сошелся съ выдающимися молодыми людьми, товарищами по курсу, гг. Мишонъ (Michon) и Наталисъ Гюлльо (Natalis Guillot). Впослѣдствіи онъ практиковалъ лишь случайно, подавая безплатно врачебную помощь крестьянамъ маленькаго села, близъ Мезонъ-Лафита, гдѣ онъ проводилъ лѣто. Интересно, въ какихъ скромныхъ выраженіяхъ онъ говоритъ о своей медицинской практикѣ:

«При постоянной осторожности въ лѣченіи я приносилъ, конечно, пользу крестьянамъ и получилъ за то лучшую изъ наградъ—ихъ признательность, выражавшуюся въ добромъ ко мнѣ расположеніи и, при случаѣ, въ оказываемыхъ мнѣ ими услу-

*) Médecine et Médecins, préface.

гахъ. На этой практикѣ я, между прочимъ, на себѣ испыталъ, какія волненія причиняетъ врачеваніе, когда въ важныхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти человѣка, медикъ не убѣжденъ ни въ вѣрности діагностики, ни въ правильности лѣченія; боязнь ошибки порождаетъ чувство, похожее на раскаяніе въ томъ, зачѣмъ взялся за дѣло безъ твердой увѣренности. Отвѣтственность врача и его власть надъ болѣзнью находятся въ полномъ несоотвѣтствіи; первая громадна, а вторая очень мала, и именно вслѣдствіе крайней ограниченности этой власти, возможность упущенія самой малой ея доли служитъ источникомъ самыхъ тревожныхъ опасеній».

Говоря о нравственномъ удовлетвореніи, испытанномъ имъ благодаря медицины, онъ доходитъ до краснорѣчія: «Ни на что въ мірѣ ни промѣняю я ту долю знанія, которую пріобрѣлъ когда-то упорнымъ трудомъ. Для человѣка, не боящагося отнестись сочувственно къ человѣческимъ немощамъ, въ какой бы формѣ онѣ ни предстали передъ нимъ—въ обезображенномъ ли на столѣ амфитеатра, или на госпитальной койкѣ, молящими о помощи въ страданіи и о спасеніи,—для такого человѣка немногія знанія могутъ сравниться съ врачебною наукою. Я входилъ въ соприкосновеніе со многими и различными областями знанія, и ни одна изъ нихъ не разочаровала меня въ медицинѣ, въ ея изслѣдованіяхъ и въ созерцаніи патологическихъ явленій, надъ которыми такъ трудно и такъ сладостно одержать побѣду *)».

Къ этому излюбленному предмету, оставшемуся до конца его любимымъ предметомъ среди самыхъ разнообразныхъ занятій, относятся многочисленные труды, обратившіе на него вниманіе публики, какъ на выдающагося представителя этой науки, и открывшіе ему двери медицинской академіи. Онъ долго работалъ надъ изданіемъ и переводомъ твореній Гиппократа, появлявшихся въ печати съ 1839 до 1861 года. Первый томъ произвелъ сильное волненіе въ ученомъ мірѣ, возвѣстивъ ему о появленіи настоящаго ученаго. Съ 1832 года г. Литтре издалъ множество произведеній, изъ которыхъ самымъ замѣтнымъ было *Le choléra oriental* (Восточная холера); съ 1837 до 1846 г. онъ издавалъ вмѣстѣ съ г. Дезеймери медицинскій журналъ *l'Expérience;* въ 1848 г. имъ переведена «Естественная исторія» Плинія Старшаго; въ 1851 г. «Руководство къ физіологіи»,

*) Предисловіе къ книгѣ г. Е. Ноэля: *Mémoires d'un imbécile.*

Мюллера; въ 1854 г. онъ работалъ въ сотрудничествѣ г. Шарля Робенъ надъ новымъ изданіемъ *Словаря медицины и хирургіи* Пьера Нистена. Его настоящею спеціальностью въ этой серіи работъ были: научная критика и исторія медицины; его введеніе къ Гиппократовымъ трактатамъ по истинѣ мастерское произведеніе. Хотя сущность текста не достигаетъ совершенства, комментаріи и примѣчанія не могутъ почитаться послѣднимъ словомъ науки, хотя кое-гдѣ встрѣчаются неясности и нѣкоторыя филологическія неточности, тѣмъ не менѣе, этотъ громадный трудъ составилъ эпоху въ наукѣ, и если со временемъ удастся кому-нибудь его превзойти, то не иначе, какъ пользуясь имъ же въ очень большой мѣрѣ. Въ физіологическихъ и медицинскихъ вопросахъ г. Литтре есть, по моему мнѣнію, скорѣе представитель историческаго изслѣдованія и свободной критики, чѣмъ интуиціи, представитель науки какъ эрудиціи, а не науки, ведущей къ открытіямъ. Большая часть ошибочныхъ сужденій о значеніи людей въ области спеціальныхъ знаній происходитъ отъ смѣшенія эрудиціи съ способностью дѣлать открытія. Г. Литтре обладалъ громадными знаніями; онъ работалъ больше, чѣмъ могъ бы работать человѣкъ заурядныхъ способностей, зналъ все, что нужно было знать для столь разнообразныхъ занятій; онъ совмѣстилъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для того, чтобы стать превосходнымъ историкомъ медицины, и по этой части оставилъ намъ не мало законченнаго, образцово изложеннаго и оцѣненнаго критикою; но изъ своего столь превознесеннаго метода онъ не извлекъ ни одного открытія. Знаменитое изданіе *Словаря* Нистена могло бы такъ же смѣло быть подписано послѣдователемъ Кабаниса, какъ и послѣдователемъ г. Огюста Конта, принимая, разумѣется, во вниманіе разницу времени и успѣхи, сдѣланные наукою. Словарь этотъ есть, конечно, произведеніе позитивной науки, свободной отъ какихъ бы то ни было мистическихъ вліяній или спиритуалическихъ соображеній; но онъ отнюдь не необходимый результатъ позитивизма. Нѣтъ ни одного научнаго открытія, которое стояло бы въ прямой связи съ импульсомъ, даннымъ Огюстомъ Контомъ или его доктриной. Я этимъ не хочу сказать, что никто изъ позитивистовъ не сдѣлалъ ни одного открытія въ области физіологическихъ и медицинскихъ знаній, а лишь ставлю вопросъ: не могли ли тѣ же открытія быть сдѣланы помимо вліянія позитивистской школы?

Г. Литтре былъ, между прочимъ, съ 1831 года сотрудни-

комъ газеты *National*, спеціально занятымъ переводами изъ иностранныхъ журналовъ. Эту невидную обязанность онъ исполнялъ въ теченіе трехъ лѣтъ до конца 1834 года, когда ему пришлось написать нѣсколько статеекъ научнаго содержанія въ отдѣлѣ, называемомъ на языкѣ журналистовъ *Variétés*. Одна изъ нихъ, появившаяся въ началѣ 1835 года, поразила Армана Карреля, сидѣвшаго въ то время въ тюрьмѣ Sainte-Pélagie, и онъ написалъ по этому поводу матери г. Литтре письмо, которое та хранила болѣе сорока лѣтъ въ портфелѣ и не хотѣла опубликовывать до тѣхъ поръ, пока не была закончена его карьера *). «Вамъ шлю я мой привѣтъ по поводу восхитительной статьи нашего Эмиля, напечатанной сегодня въ *National*. Я знаю, что удовольствіе, которое вамъ это доставитъ, для него всего дороже, и что похвалы, которыхъ его скромность не приняла бы отъ меня, переданныя черезъ ваше посредство, будутъ ему особенно пріятны сознаніемъ радости, доставленной матери. Передайте ему, что онъ выше всѣхъ насъ, что я не знаю въ Парижѣ человѣка, способнаго написать такую статью о Гершелѣ, какъ его статья, и краснѣю при воспоминаніи, что я былъ въ теченіе трехъ лѣтъ главнымъ редакторомъ журнала, въ которомъ онъ довольствовался положеніемъ, столь не соотвѣтствующимъ его знаніямъ и таланту, по меньшей мѣрѣ, равному этимъ знаніямъ. Высоту, до которой достигъ нашъ добрый и скромный Литтре невиднымъ и неустаннымъ трудомъ, я измѣряю лишь сознаніемъ собственнаго невѣденія по множеству предметовъ, о которыхъ онъ, какъ бы шутя, трактуетъ съ такою замѣчательною глубиною». Вотъ письмо, по истинѣ достойное благородной души писавшаго его и того, кому имъ воздавалась честь, кому указывалась блестящая будущность.

Въ это время (1835 г.) г. Литтре женился. Прежде, чѣмъ рѣшиться на женитьбу, онъ пережилъ періодъ тяжелой внутренней борьбы. Говорятъ, будто, подъ напоромъ самыхъ мрачныхъ мыслей, онъ колебался въ выборѣ между бракомъ, дальнимъ путешествіемъ и самоубійствомъ. Мать настояла на женитьбѣ и выбрала для него особу очень умную, съ преданной душой и къ тому же религіозную. «Родившаяся у него дочь,—говоритъ Сентъ-Бёвъ,—ставшая впослѣдствіи столь достойною своего отца, дѣльною помощницею въ его трудахъ, была воспитана въ вѣрѣ

*) Conservation, Révolution, Positivisme, Remarques, 2 édition, p. 201.

матери, т.-е. по христіански. Такъ этотъ философъ, одаренный настолько же нѣжнымъ сердцемъ, насколько былъ возвышенъ его умъ, понималъ вѣротерпимость и практиковалъ ее въ своей семьѣ. Онъ самъ воспитывалъ дочь и подобно тому, какъ уважалъ религіозныя убѣжденія своей жены, такъ же деликатно и нѣжно относился къ убѣжденіямъ дочери». Одинъ изъ его ближайшихъ друзей разсказывалъ нашему ученому товарищу, г. Бодри, какъ по достиженіи дочерью возраста, въ которомъ она могла вполнѣ понимать его, г. Литтре намѣревался изложить ей свои убѣжденія и дать возможность самой сдѣлать выборъ между мнѣніями отца и вѣрою матери; но когда настало время, онъ оставилъ эту мысль, боясь причинить тѣмъ горе женѣ.

Родственныя чувства были очень сильны у г. Литтре, и это проявлялось во всѣхъ важныхъ случаяхъ его жизни—въ 1838 г., когда онъ лишился брата, умершаго жертвою трупнаго зараженія; въ 1842 году, когда скончалась его мать. Лица, видѣвшія его отчаяніе, говорятъ, что онъ на цѣлые мѣсяцы впадалъ въ какое-то отупѣніе, не могъ ничемъ заниматься, не бралъ пера въ руки. Но рабочій человѣкъ не вправѣ надолго предаваться своей горести и въ томъ его спасеніе. Г. Литтре вынужденъ былъ приняться за дѣло; жизнь не ждала вокругъ него и не могла входить въ счеты со смертью. Упорная работа вывела его изъ опаснаго состоянія, которое, по словамъ близкихъ людей, могло окончиться самоубійствомъ или сумасшествіемъ.

Въ 1840 году онъ прочелъ произведенія Огюста Конта и увлекся его философіей. Вскорѣ потомъ онъ познакомился съ самимъ учителемъ и отдалъ свое перо на служеніе человѣку, просвѣтившему его новымъ свѣтомъ; въ этомъ направленіи онъ работалъ до тѣхъ поръ, пока между ними не возникъ разладъ и г. Литтре уклонился изъ-подъ непосредственнаго вліянія своего учителя. Но въ началѣ и въ теченіе многихъ годовъ г. Литтре былъ вѣрнымъ послѣдователемъ этого ученія и его провѣдникомъ даже на страницахъ *National*, «не потому,—говоритъ онъ,—чтобы главные редакторы раздѣляли ту же доктрину; между ними были послѣдователи очень различныхъ философскихъ школъ; но они предоставляли мнѣ полную свободу высказывать мои убѣжденія, какъ я хотѣлъ и не одинъ разъ, а всегда, когда я находилъ это удобнымъ». Такимъ образомъ съ 1844 года эта газета становится для него какъ бы открытою трибуною для распространенія этой философіи.

Мы еще возвратимся къ возникновенію и послѣдовательнымъ видоизмѣненіямъ позитивистской доктрины въ стойкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подвижномъ умѣ г. Литтре, а пока ограничимся указаніемъ на изданія, относящіяся къ этой категоріи его трудовъ: *Analyse raisonnée du cours de philosophie positive* 1845 годъ, *Application de la philosophie positive au gouvernement des sociétés* 1849 годъ, *Conservation, Révolution et Positivisme* 1852 г. Изданія эти представляютъ собою въ бо̀льшей своей части собранія статей, появившихся въ *National*. Въ 1859 году вышла книга *Paroles de philosophie positive*, въ 1863 году *Fragements de philosophie positive et de sociologie contemporaine*. Съ 1867 г. онъ основалъ и редактировалъ вмѣстѣ съ Вырубовымъ журналъ *Revue de philosophie positive* *), ставшій въ послѣдніе годы его жизни единственнымъ органомъ, проводившимъ его идеи.

Внушительный рядъ перечисленныхъ нами философскихъ трудовъ могъ бы наполнить собою долгую жизнь и удовлетворить энергическую дѣятельность. Но одновременно съ параллельными работами по исторіи медицины и по пропагандѣ позитивной философіи г. Литтре писалъ для *Journal des Savants*, для *Journal des Débats* и для *Revue des Deux Mondes* рядъ статей по совершенно иной отрасли знаній, этюды по исторіи и литературной критикѣ, по сравнительной филологіи и лингвистикѣ, составившіе нѣсколько томовъ «Исторіи французскаго языка» (*Histoire de la langue française*),—заглавіе слишкомъ громкое для сборника отрывочныхъ статей, что, впрочемъ, сознавалъ и самъ авторъ; въ 1875 году появились въ свѣтъ *Littérature et histoire, Les Barbares et le Moyen Age* и переводъ *Ada* Данта въ 1879 году, наконецъ, *Etudes et Glanures* въ 1880 году. Этими академическими работами онъ, самъ того не предвидя, былъ вовлеченъ въ изученіе стараго французскаго языка и сдѣлался впослѣдствіи великимъ знатокомъ и авторитетомъ по этой части. Въ 1839 г. онъ назначенъ членомъ академіи надписей и изящной литературы и вскорѣ потомъ избранъ на мѣсто г. Форіеля въ коммиссію, которой было поручено составленіе *Исторіи французской литературы*. Онъ взялся за это новое дѣло съ обычнымъ своимъ упрямствомъ, не знавшимъ никогда ни препятствій, ни усталости.

*) Около мѣсяца тому назадъ г. Вырубовъ заявилъ о прекращеніи этого журнала «въ виду равнодушія публики къ общимъ вопросамъ. Какъ писатели, такъ и читатели интересуются чѣмъ угодно, только не высшими научными вопросами».
Примѣч. переводч.

и почувствовалъ въ себѣ пробужденіе невидимыхъ до того времени влеченій, благодаря которымъ и благодаря своей желѣзной волѣ, онъ сдѣлался археологомъ языка, неотразимымъ свидѣтелемъ его преобразованій, первоклассным филологомъ, учителемъ и судьею. Изъ совокупности всѣхъ врожденныхъ и пріобрѣтенныхъ, поздно сказавшихся качествъ возникло великое твореніе *Словарь французскаго языка* (*Dictionnaire de la langue française*), монументальное творсніе, котораго одного было бы достаточно для того, чтобы прославить имя автора, и которое является не болѣе, какъ эпизодомъ его многосторонней дѣятельности, но эпизодомъ славно и торжественно ее завершающимъ. Г. Литтре долго готовился къ этому труду изученіемъ происхожденія и органическихъ видоизмѣненій французскаго языка. Убѣжденный, подобно своимъ предшественникамъ, Рейцару и Дицу, въ томъ, что образованіе средневѣковыхъ языковъ не составляетъ случайнаго продукта разложенія латинскаго языка, что ихъ преобразованія подчинены таинственнымъ, но логическимъ законамъ и представляются случайными лишь вслѣдствіе нашего незнанія,—г. Литтре принялся за дополненіе, или, вѣрнѣе, за продолженіе ихъ изысканій и открытій въ томъ же направленіи. Путемъ самыхъ тонкихъ аналогій онъ доискивается грамматическихъ правилъ, которыми обусловились преобразованія языка: онъ усердно занимается просодіей старыхъ французскихъ поэмъ, пытаясь въ словоударсніи уловить законы произношенія и черезъ нихъ добраться до этимологіи. Такимъ образомъ, ему удается опредѣлить способъ образованія промежуточныхъ нарѣчій, настолько ему знакомыхъ и оцѣненныхъ имъ, чтобы открыть въ нихъ черты природной силы и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходства передъ новыми языками, изъ нихъ выработавшимися путемъ сложнаго процесса. Только въ 1846 году, послѣ долгихъ колебаній, онъ счелъ себя въ достаточной мѣрѣ подготовленнымъ къ труду, взяться за который уже въ теченіе пяти лѣтъ его убѣждалъ человѣкъ, достойный занять подобающее ему мѣсто въ исторіи французской литературы XIX столѣтія. То былъ г. Гашетъ, школьный товарищъ г. Литтре, одинъ изъ знаменитыхъ книгопродавцевъ-издателей, одаренныхъ способностью угадывать таланты, выводить ихъ на свѣтъ Божій и становиться издателемъ не только книгъ, но и людей. Безъ его ободреній и упорныхъ настояній, безъ нѣкотораго насилія съ его стороны надъ чрезмѣрною, иногда слишкомъ робкою скромностью стараго

товарища *Словарь*, по всей вѣроятности, никогда бы не былъ оконченъ.

Чтобы составить себѣ понятіе о громадности этого произведенія и о размѣрахъ представляемаго имъ труда, слѣдуетъ прочесть разсказъ (*causeries*), написанный г. Литтре за годъ до смерти подъ заглавіемъ: *Какъ я написалъ мой словарь французскаго языка* *); имъ проливается новый свѣтъ на пріемы и методъ, принятые авторомъ, и, въ то же время, на подробности интимной его жизни, неразрывно связанной въ теченіе пятнадцати лѣтъ съ этимъ произведеніемъ. Въ этихъ *causeries* странно перемѣшаны очень ученыя объясненія, относящіяся къ предварительнымъ изысканіямъ, къ логическому построенію этого грандіознаго памятника, и подробности о дѣлахъ домашнихъ, о полученіяхъ денегъ авансомъ отъ издателя, о послѣдующихъ платежахъ, о неожиданныхъ барышахъ и затѣмъ выраженіе изумленія передъ необыкновеннымъ успѣхомъ изданія. Мы разберемъ нѣкоторыя страницы, дающія интересныя черты къ характеристикѣ г. Литтре. По прошествіи сорока лѣтъ, онъ самъ удивляется, что осмѣлился взяться за такое предпріятіе.

Mais quoi! rien ne remplit
Les vastes appétits d'un faiseur de conquêtes **).

«Посмотримъ, говоритъ онъ, что такое въ сущности мои *vastes appétits* (алчность). Я одаренъ однимъ изъ тѣхъ неугомонныхъ, безпокойныхъ умовъ, которымъ бы хотѣлось охватить разнообразныя области знанія и, по прекрасному выраженію Мольера, уяснить все—*obtenir des clartés de tout;* алчный на пріобрѣтенія и скупой на пріобрѣтенное, я не хотѣлъ ни съ чѣмъ разстаться. Такъ, взявшись уже за мой словарь, я продолжалъ работать надъ моимъ Гиппократомъ. О чемъ только я ни мечталъ? Если бы мнѣ не помѣшали старческая слабость и удручавшія ее болѣзни, я бы взялся съ нѣсколькими сотрудниками за всеобщую исторію, планъ которой уже былъ мною составленъ» ***). Первая мысль о словарѣ возникла въ 1841 году и, въ то же время, имъ былъ заключенъ договоръ съ издателемъ-книгопродавцемъ; но не-

*) «Comment j'ai fait mon dictionnaire de la langue française». Помѣченъ 1 марта 1880 г. и изданъ въ Études et Gravures.

**) «Но что же это? Ничѣмъ не можетъ быть удовлетворена громадная алчность побѣдителя».

***) На эту тему имъ прочитана лекція въ политехнической школѣ въ Бордо во время войны, 1 февраля 1871 года.

обходимо было закончить другія работы, и прошло еще нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ онъ могъ «ввести это новое дѣло въ рамки своихъ повседневныхъ занятій». Тѣмъ не менѣе, эти годы не были потерянным временемъ для будущаго изданія. «Извѣстно, что иногда во снѣ безсознательной работой мысли выясняется идея, занимавшая насъ наяву; такъ во время слишкомъ продолжительнаго сна моего проекта опредѣлились мои идеи». Съ общаго согласія съ г. Гашетомъ рѣшено было расширить первоначальный планъ и не ограничиваться *этимологическимъ* словаремъ, но прибавить къ его заглавію слово *историческій*. Такая мысль главнѣйшимъ образомъ занимала г. Литтре съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ со всѣхъ сторонъ обдумывать планъ предположеннаго труда. Онъ отнюдь не скрываетъ, что самая идея принадлежитъ не ему. Ея зародышъ встрѣчается еще у Вольтера, предлагавшаго, вмѣсто произвольныхъ примѣровъ, приводить фразы, заимствованныя у лучшихъ писателей. Жаненъ совѣтовалъ смѣло доходить до старо-французскаго языка, которымъ страстно увлекался самъ, и не бояться искать авторитетовъ въ его литературѣ.

Г. Литтре воспользовался идеей Вольтера и совѣтомъ Жанена и создалъ совершенно самостоятельный планъ, лично ему принадлежащій. Онъ первый взялся всецѣло подчинить словарь исторіи. Тѣмъ не менѣе, онъ не безъ колебаній принялъ окончательное предложеніе г. Гашета и потребовалъ двадцать четыре часа на размышленіе.

«Эти двадцать четыре часа я провелъ въ страшномъ волненіи, во всю ночь не сомкнулъ глазъ, мысленно взвѣшивая всю тяжесть дѣла, которое приходилось окончательно принять на себя. Въ жизни никогда еще такой реальной строгостью не звучалъ въ моемъ умѣ непреклонный стихъ Горація: *quid ferre recusant, quid valeant humeri*. Громадность труда, долженствовавшаго, какъ я предвидѣлъ, длиться до моей старости, и необходимость въ теченіе долгихъ лѣтъ такъ расположить его, чтобы онъ не мѣшалъ работамъ, дававшимъ мнѣ средства къ жизни, шли въ разрѣзъ съ моими стремленіями. Наконецъ, къ утру рѣшимость одержала верхъ. Мнѣ стало стыдно отступать назадъ. Соблазнъ осуществить выработанный мною планъ былъ такъ великъ, что я подписалъ договоръ». При чтеніи этого драматическаго разсказа о ночи ученаго невольно приходитъ въ умъ сравненіе съ Александромъ или Конде въ ночь, предшествовавшую рѣшительной битвѣ. И, на самомъ дѣлѣ, то была битва, которую предстояло дать

и выиграть человѣку, имѣющему, по справедливости, право называться «великимъ служителемъ французскаго языка».

Мы не можемъ входить въ безчисленныя подробности всего дѣла, излагаемыя намъ г-мъ Литтре съ неутомимою обязательностью. Мы ограничимся лишь нѣсколькими указаніями. Прежде всего необходимо было выбрать массу примѣровъ изъ классиковъ и изъ книгъ на старо-французскомъ языкѣ. Для этого потребовалась цѣлая мастерская. Въ распоряженіе г. Литтре было дано нѣсколько человѣкъ, обязанныхъ читать за него и дѣлать выписки подходящихъ фразъ на маленькихъ карточкахъ, съ тѣмъ словомъ въ заголовкѣ, къ которому слѣдуетъ прибрать примѣры. Г. Литтре тоже читалъ и дѣлалъ выборки изъ нѣкоторыхъ книгъ. Его указанія, инструкціи сотрудникамъ имѣли очень общій характеръ: собрать сколь можно больше примѣровъ на каждое слово, не опускать ни архаизмовъ, ни неологизмовъ, ни отступленій отъ грамматики, обращать вниманіе на употребленія словъ въ переносномъ или извращенномъ значеніи и отдавать предпочтеніе примѣрамъ, особенно интереснымъ по изяществу или по анекдоту, подавшему къ нимъ поводъ, или по историческому событію. По установленіи программы, мастерская пущена въ ходъ и заработала съ правильною и плодотворною методичностью. Всѣ карточки каждаго изъ подручныхъ сходились въ рукахъ главнаго начальника и слагались въ сборникъ положительныхъ указаній, обработанныхъ для уясненія грамматическаго употребленія *). Общее расположеніе каждой статьи такое: слово; произношеніе, спряженіе глагола, если въ немъ представляются какія-либо неправильности, опредѣленія значенія и разныхъ смысловъ, расположенныя систематически съ подкрѣпленіемъ примѣрами, заимствованными у писателей XVII, XVIII и XIX вѣковъ, примѣчанія, если къ таковымъ представляется поводъ, относительно правописанія, смысла, грамматическаго построенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обсужденіе синонимовъ; историческая часть состоитъ изъ собранія примѣровъ съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка, и, наконецъ, этимологія. Такимъ образомъ каждая отдѣльная статья представляетъ собою монографію слова, его исторію, его положеніе въ настоящемъ и въ прошедшемъ. Ничего подобнаго до того времени не существовало.

Планъ былъ превосходный, но онъ не сразу выяснился во всей своей полнотѣ передъ сознаніемъ автора, а опредѣлился лишь

*) Предисловіе къ словарю, стр. 6 и 36.

послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ и многихъ безплодныхъ уклоненій съ надлежащаго пути. Такая первоначальная неопредѣленность представляла первое серьезное затрудненіе. «Тотъ, кто взглянетъ на мои четыре тома, съ ихъ тысячами страницъ въ три колонки, пойметъ, конечно, что на все это потрачено много времени; но онъ никакъ не въ состояніи представить себѣ сколько еще времени безслѣдно ушло на тщетныя попытки, на передѣлки всего заново». Второе затрудненіе представляла необходимость ограничить выборъ примѣровъ. «При тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ я задумалъ мой словарь, я бы потерялся во времени и въ пространствѣ, если бы дозволилъ себѣ увлечься стремленіемъ къ полнотѣ по каждому изъ составлявшихъ его отдѣловъ. Необходимо было рѣшиться на многія жертвы и имѣть въ виду цѣлое, отказавшись отъ полной законченности частей. Я не имѣю поводовъ раскаиваться въ такой рѣшимости. Цѣлое появилось на свѣтъ, и это самое важное, такъ какъ во многихъ случаяхъ ему принадлежитъ господствующее значеніе надъ частями».

Печатаніе началось по настоянію издателя, правильно разсудившаго, что оно никогда не начнется, если дожидаться окончанія труда и одобренія его со стороны автора. Тутъ возникли новыя тревоги. Судя по положенію работъ, несчастный авторъ убѣдился, что скоро у него не хватитъ оригинала, и вслѣдствіе этого печатаніе пойдетъ такъ медленно, что ни онъ, ни издатель, оба люди уже не молодые, не доживутъ до его окончанія. Потеря для обоихъ была бы громадной, но для автора она, сверхъ того, была сопряжена съ большимъ нравственнымъ лишеніемъ. Онъ упалъ духомъ: предстояло либо отказаться совсѣмъ отъ словаря, либо поторопиться его изготовленіемъ и удовольствоваться произведеніемъ спѣшнымъ и незаконченнымъ. Г. Литтре пытался было утѣшиться тѣмъ, что его словарь, какой онъ ни выйдетъ, будетъ, все-таки, стоять далеко выше всѣхъ другихъ произведеній этого рода, и что этимъ можно удовлетвориться; онъ *льстилъ* самъ себѣ, старался самого себя увѣрить въ необходимости ограничиться меньшимъ и худшимъ, сознавая, что большее и лучшее было бы возможно. Искушеніе было громадно, но за то каково же и разочарованіе. Послѣ минутной слабости г. Литтре устыдился того, что считалъ отступничествомъ, и доблестно рѣшился не отступать ни на шагъ отъ предположеннаго плана. Но для его осуществленія необходимо было всю жизнь свою подчинить одной идеѣ, по часамъ распредѣлить на многіе годы свою работу и ра-

боты сотрудниковъ, не знать ни перерыва, ни отдыха, чтобы не отставать отъ типографіи. Г. Бажанъ, потомъ гг. Жюльенъ и Заммеръ, за ними Депра, Бадри, капитанъ Андре смѣняли другъ друга съ неутомимою ревностью. Окончательный просмотръ лежалъ на г. Литтре, но просматривать приходилось такую массу, что онъ не выдержалъ бы непосильнаго труда безъ двухъ помощниковъ—жены и дочери, работавшихъ подъ его наблюденіемъ и въ сферѣ его личной дѣятельности. Благодаря необыкновенной экономіи времени и силъ, достигнутой разумнымъ распредѣленіемъ труда, печатаніе, начавшееся въ послѣдней четверти 1859 года, было окончено въ 1872 году. Оно продолжалось болѣе тринадцати лѣтъ и ему предшествовали два года подготовительныхъ работъ.

Эти пятнадцать лѣтъ были годами истиннаго подвижничества. Съ восьми часовъ утра до обѣда, въ шесть часовъ, и съ семи часовъ вечера до трехъ утра,—такова мѣра ежедневнаго труда, посвященнаго словарю. Только на два часа въ послѣобѣденное время г. Литтре отрывался отъ него для необходимыхъ текущихъ занятій. Правильность этой жизни была нарушена политическими событіями—войною и коммуною. Г. Литтре принялъ всевозможныя мѣры къ сохраненію сокровища—мелкихъ лоскутковъ бумаги, карточекъ, въ которыхъ заключалась будущность его словаря. Онъ самъ передаетъ намъ Одиссею восьми ящиковъ, перенесенныхъ во время войны изъ подвала маленькаго домика въ Мениль-ле-Руа въ подвалы дома Гашетъ. Судя по предосторожностямъ, принятымъ г. Литтре къ ихъ сохранности, можно бы подумать, что въ этихъ ящикахъ заключено богатство банкира; въ нихъ дѣйствительно лежало богатство, только идеальное. Когда представилась возможность вернуться въ Парижъ, все оказалось въ цѣлости, «все спало мирнымъ сномъ, длившимся нѣсколько мѣсяцевъ, и, какъ въ волшебной сказкѣ Перро, все сразу пошло по прежнему». Несмотря на перемѣну въ жизни г. Литтре, сдѣлавшагося членомъ національнаго собранія, перерванный трудъ былъ оконченъ почти въ предположенный срокъ. Г. Литтре было пятдесятъ восемь лѣтъ, когда онъ передалъ въ типографію первый листъ оригинала; въ 1872 году, при окончаніи труда, ему исполнилось семдесятъ одинъ годъ. Блестящій успѣхъ былъ достойной наградою столькихъ волненій, столькихъ нравственныхъ и физическихъ усилій. Успѣхъ этотъ превзошелъ самыя горделивыя ожиданія автора. Французская литература обогатилась великимъ твореніемъ,

безъ котораго немыслимо обойтись ни одному писателю. Пройдетъ столѣтіе, по меньшей мѣрѣ, прежде чѣмъ кому-либо удастся превзойти его, каковы бы ни были несовершенства его частностей, исчезающія въ грандіозной стройности и красотѣ цѣлаго.

Съ наивнымъ удовольствіемъ высчитываетъ г. Литтре, что оригиналъ (безъ *дополненія*) составлялъ 415,636 листовъ, что просмотрѣно 2,200 корректурныхъ гранокъ, что если бы напечатать все въ одну колонку, длина ея составила бы 37,525¼ метровъ (около 37 верстъ). Онъ въ восторгѣ отъ великолѣпныхъ результатовъ, достигнутыхъ непрерывною работою безъ отдыха, безъ развлеченій. Одно обстоятельство, неважное, въ сущности, было для автора источникомъ неутѣшной скорби. «Мнѣ хотѣлось,—говоритъ онъ,—собрать за общей трапезой, поздравить моихъ сотрудниковъ, издателя и нѣкоторыхъ старыхъ друзей. Болѣзнь вынудила меня отказаться отъ сборищъ и обѣдовъ. Сперва я полагалъ, что отложить нашъ прощальный обѣдъ придется лишь на время; отложить пришлось навсегда. Время ничего не поправило, а только все ухудшило; эти строки я едва пишу слабою и больною рукою».

Продолжительный, неумолимый недугъ безвыходно заперъ г. Литтре въ его комнатѣ, почти приковалъ къ креслу, «подобно бѣдняку Скарону» *). Но Скаронъ не былъ врачемъ, и г. Литтре имѣлъ надъ нимъ то грустное преимущество, что могъ опредѣлить признаки и прогрессивный ходъ своей болѣзни. Странная идея пришла ему тогда въ голову, а именно: не есть ли его болѣзнь послѣдствіе образа жизни, который онъ велъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, посвященныхъ словарю? Онъ внимательно изслѣдуетъ всѣ признаки болѣзни, тщательно старается отдѣлить личныя поврежденія здоровья отъ наслѣдственнаго расположенія къ подагрѣ и заканчиваетъ любопытное изслѣдованіе наивнымъ восклицаніемъ: «Я признаю словарь рѣшительно невиновнымъ въ удручающихъ меня органическихъ поврежденіяхъ»! Онъ согласенъ быть больнымъ, даже тяжкою и неизлѣчимою болѣзнью, лишь бы никто не могъ обвинить въ томъ словарь. Все хорошо, или, по крайней мѣрѣ, сносно, лишь бы правъ былъ его словарь.

Рядъ почестей былъ наградою трудовой жизни, ненасытнаго стремленія къ знанію. «Мои труды,—говоритъ г. Литтре въ 1874 году,—награждены выше, чѣмъ я когда-либо могъ разсчитывать.

---

*) Littérature et Histoire, préface., p. 7.

Немногаго просилъ я у общества; оно дало мнѣ болѣе того, чего я ожидалъ и на что считалъ себя вправѣ. Я свидѣтельствую объ этомъ въ тѣ минуты, когда, достигнувши глубокой старости, уже ничего не ищу, ничего не преслѣдую» *). Онъ, по справедливости, гордился тѣмъ, что всѣ почести выпали на его долю по избранію. Еще молодымъ онъ выбранъ былъ, сорокъ лѣтъ назадъ, членомъ академіи надписей; *Journal des Savants* избралъ его своимъ сотрудникомъ; въ медицинской академіи онъ занялъ одно изъ мѣстъ, предоставляемыхъ этимъ учрежденіемъ лицамъ, не имѣющимъ степени доктора; французская академія, какъ бы сожалѣя о томъ, что отвергла его въ 1863 году, послѣ знаменитыхъ преній, воспользовалась окончаніемъ словаря и избрала автора своимъ членомъ. Наконецъ, пробывши нѣкоторое время депутатомъ, г. Литтре былъ избранъ пожизненнымъ сенаторомъ и, такимъ образомъ, удостоился всѣхъ почестей, доступныхъ для человѣка науки, причемъ никогда не поступился ни малѣйшею долею своей свободы въ пользу какой-либо власти или партіи. Онъ порѣшилъ разъ навсегда: «устроить свою жизнь такъ, чтобы не допустить возможности нареканій, строго ограничивши свое честолюбіе исключительно тѣмъ, что дается избраніемъ или общественнымъ мнѣніемъ». Онъ достигъ этого и тѣмъ самымъ оградилъ себя отъ недоброжелательствъ, возбуждаемыхъ его философскими мнѣніями, которыя безусловно закрывали для него нѣкоторыя карьеры. Оставаясь во все время второй имперіи въ абсолютной оппозиціи, г. Литтре на себѣ доказалъ, что въ нашей соціальной средѣ, помимо карьеры, всѣ желанія причинить вредъ оказываются не имѣющими никакого значенія въ области философіи и литературы. «Противъ меня были возбуждаемы такія полемики, которыми разсчитывали меня уничтожить, или, въ случаѣ упорства съ моей стороны, отклонить толпу и общественное мнѣніе отъ проклятаго человѣка. Чѣмъ же кончилось? Извѣстные и неизвѣстные друзья во Франціи и внѣ ея отнеслись съ презрѣніемъ къ этимъ выходкамъ или не обратили на нихъ никакого вниманія... И на самомъ дѣлѣ противники, разрозненные страстностью и преувеличеніями въ спорѣ, остаются другъ для друга недосягаемыми. Не лучше ли бы было оставить оскорбительные и недобросовѣстные политическіе пріемы» **)? При особенно рѣзкихъ нападкахъ и даже оскорбленіяхъ г. Литтре

*) Études et Glanures, p. 437.

**) Conservation, Revolution, Positivisme, Remarques, 2 éd., p. 46—49.

утѣшалъ себя такого рода размышленіями: «Читатели республиканскихъ журналовъ не читаютъ журналовъ монархическихъ и клерикальныхъ, и наоборотъ. Ни тѣ, ни другіе знать другъ друга не хотятъ, и въ результатѣ получается полное обоюдное незнаніе. Этимъ создается нѣчто похожее на то, что каждый говоритъ какъ бы самъ съ собою для собственнаго удовольствія. Говорятся вещи неправдивыя, неправдоподобныя, не имѣющія никакого вліянія и значенія; противникъ изображается въ искаженномъ видѣ единственно ради того, что пріятно видѣть его изуродованнымъ, и этимъ довольствуется большинство партіи... А такъ какъ люди противныхъ партій не читаютъ другъ друга и въ особенности другъ другу не вѣрятъ, то и выходитъ, что журналы противоположныхъ направленій не въ состояніи дескредитировать человѣка въ средѣ, ему сочувствующей и поддерживающей его» *).

Г. Литтре стремился все знать, все сдѣлать, или, по меньшей мѣрѣ, попытать; онъ былъ даже поэтомъ. Мы говоримъ это не потому, что онъ пробовалъ переводить «Адъ» Данта стихами на языкѣ XIV вѣка; это скорѣе tour de force эрудиціи, чѣмъ поэтическое вдохновеніе; но онъ не разъ пытался придать своей мысли ритмъ и стихотворную форму, напоминающую нѣсколько Ламартина. Этого рода опыты мы находимъ въ концѣ книги *Litterature et Histoire*. Въ этихъ стихахъ вылился избытокъ его чувствъ, возбужденныхъ нѣкоторыми возвышенными сюжетами. «Свѣтъ», «Звѣзды», «Старость», «Земля»,—вотъ чѣмъ вдохновлены эти пѣсни. Въ нихъ встрѣчаются смѣлыя строфы, прекрасные стихи, но общій тонъ не выдержанъ, все построеніе натянуто и тяжеловато. Поэтическія искушенія были, впрочемъ, очень скоропроходящи, и самъ г. Литтре не придавалъ никакого серьезнаго значенія своимъ стихотворнымъ произведеніямъ въ такомъ родѣ:

O terre, mon pays, monde parmi les mondes,
Tandis que je te suis dans les plaines profondes,
Il me prend un plaisir austère et pénétrant
A joindre mes destins aux tiens, dans la carrière
D'où tu viens en arrière,
Où tu vas en avant.

Въ ряду прозаическихъ произведеній, однимъ изъ наиболѣе обработанныхъ и могущихъ дать лучшее понятіе о писателѣ

*) Littérature et Histoire, préface, p. 7.

слѣдуетъ указать его *Рѣчь*, произнесенную въ 1875 году при вступленіи его во французскую академію. Это похвальное слово предшественнику, г. Вильмену, превосходно составлено. Г. Литтре относится къ сошедшему въ могилу академику менѣе строго, чѣмъ его собратія по филологіи, онъ превозноситъ краснорѣчіе профессора, тонко разбираетъ его значеніе въ литературѣ. Ни въ одномъ изъ своихъ произведеній г. Литтре не проявилъ въ такой мѣрѣ достоинствъ писателя, какъ въ академической рѣчи. Онъ достигъ въ ней такой же высоты, какой достигалъ мѣстами въ своей книгѣ *Варвары и средніе вѣка* и въ нѣкоторыхъ страницахъ своихъ философскихъ сочиненій.

Былъ ли онъ писателемъ по природѣ? Несомнѣнно, въ немъ были для того всѣ задатки: сознаніе силы и правды, умѣніе находить удачные, новые образы, стремленіе къ красотѣ, желаніе достигнуть совершенства. Но это самое стремленіе и это желаніе слишкомъ замѣтно проглядываютъ въ томъ, что онъ писалъ. Въ его манерѣ писать, несомнѣнно, видно честное отношеніе къ предмету и нѣкоторая неловкость. Первое побуждаетъ его представить все такимъ, каково оно есть въ дѣйствительности и каковымъ отражается въ его умѣ; неловкость заключается въ желаніи сказать слишкомъ многое, высказать все. Вслѣдствіе этого основная мысль какъ бы расплывается въ подробностяхъ, теряется въ предложеніяхъ вводныхъ и во всякихъ нагроможденіяхъ. Таковъ естественный результатъ безконечныхъ поправокъ, стремленія къ грамматической точности и психологической вѣрности, вставокъ и дополненій, чрезмѣрно удлиняющихъ и затемняющихъ предложеніе. Г. Литтре излишне хлопоталъ о полнотѣ въ ущербъ ясности, достигаемой не иначе, какъ путемъ постоянныхъ пожертвованій и урѣзокъ, которыхъ онъ не умѣлъ дѣлать. Ему не доставало чувства художественной мѣры. Несмотря на многія прекрасныя страницы, имъ написанныя, его нельзя назвать художникомъ. Онъ это самъ чувствовалъ. «Когда я пишу,—говорилъ онъ,—то бываю порою доволенъ написаннымъ. Но затѣмъ наступаетъ время сомнѣнія (le quart d'heure de Rabelais), потребность перечитывать, исправлять, передѣлывать въ корректурныхъ гранкахъ. Въ этой второй фазѣ я рѣшительно всѣмъ недоволенъ».

Тогда-то именно онъ и портилъ все, желая исправить и добиться лучшаго. Для иныхъ писателей этотъ второй моментъ есть время дѣйствительнаго усовершенствованія ихъ произведеній въ доступной для нихъ мѣрѣ; другіе же тутъ-то и уступаютъ не-

счастному искушенію дополнять и передѣлывать до безконечности. Извѣстно, сколько труда причиняла подобная слабость Бальзаку и какъ дорого она обходилась его издателямъ, доходившимъ съ нимъ до настоящихъ ссоръ. Чуть не насильно приходилось вырывать у него корректурные оттиски, которые онъ все исправлялъ и переправлялъ, требуя новыхъ оттисковъ, мучая типографію безконечной работой. Не доходя до той же крайности, г. Литтре страдалъ тѣмъ же недовѣріемъ къ себѣ. Вслѣдствіе этого его слогъ тяжелъ, фраза длинна, запутана, лишена живости и какъ бы нерѣшительна.

Коснемся послѣдней черты, дополняющей нравственный образъ г. Литтре. Былъ ли онъ человѣкъ скромный и въ какой мѣрѣ?— «Несомнѣнно,—отвѣчаетъ онъ самъ на этотъ вопросъ,—въ смыслѣ мнѣнія, какое я имѣю самъ о себѣ. Давно уже я самъ себя разбираю,—разбираю часто и серьезно,—и не думаю, чтобы передъ такимъ постоянно повторяющимся разборомъ могло во многихъ устоять высокое мнѣніе о себѣ. У меня, по крайней мѣрѣ, оно не устояло. Но если понимать скромность въ томъ смыслѣ, что человѣкъ не выставляется на видъ, не лѣзетъ впередъ, остается даже назади,—въ такомъ случаѣ я считаю нужнымъ сдѣлать оговорку: меня не скромность удерживала назади, а сознаніе недостаточности силъ, которыя я бы могъ противопоставить смутно предвидѣннымъ случайностямъ. Порою я бывалъ слишкомъ самонадѣянъ и теперь, когда мой словарь оконченъ, я нахожу, что много надо было имѣть смѣлости, чтобы взяться за него. На такого рода дѣла у меня всегда хватитъ смѣлости; во всемъ же остальномъ я могъ бы быть хорошимъ солдатомъ и не годился бы въ командиры» *). Эта внѣшняя робость мѣшала ему говорить въ собраніяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ; такъ же рѣдко слышался его голосъ въ академіяхъ. Г. Литтре самъ разсказываетъ, какъ по пятницамъ, день засѣданій академіи надписей и изящной словесности, которыя онъ навѣщалъ очень аккуратно, пока болѣзнь дозволяла,—онъ все время перелистывалъ Боссюэта и пріискивалъ въ немъ примѣры для словаря. Во французской академіи онъ появлялся только во дни выборовъ; онъ уже сильно недомогалъ съ самаго своего избранія въ эту академію и въ ней говорилъ очень рѣдко и лишь когда былъ вынуждаемъ высказать свое мнѣніе относительно опредѣленія или этимо-

*) Consevation, Révolution, Positivisme, 2 éd., p. 492.

логіи какого-либо слова для нескончаемаго академическаго словаря, за который общество академиковъ принимается вновь, какъ только онъ оконченъ, чтобы оставаться постоянно въ курсѣ измѣненій языка. Но за частымъ отсутствіемъ знаменитаго ученаго, его до нѣкоторой степени замѣнялъ его историческій словарь, никогда не сходившій со стола. Это было его записанное мнѣніе, къ которому обращались во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, который слушали всегда съ уваженіемъ. Такимъ образомъ г. Литтре, все-таки, принималъ большое и достойное участіе во всѣхъ преніяхъ, касавшихся обширной области языкознанія, навсегда неразрывно связанной съ его именемъ.

II.

Г. Литтре былъ скорѣе организаторомъ, чѣмъ изобрѣтателемъ. Самъ онъ, повидимому, того же мнѣнія о себѣ, что и высказано имъ въ послѣсловіи (эпилогѣ) одной изъ его книгъ: «Во мнѣ были способности, давшія мнѣ возможность выдвинуться и обратить на себя вниманіе; но онѣ высказались поздно за недостаткомъ подходящаго для нихъ примѣненія. Мой умъ не изъ быстро находчивыхъ въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ; не было человѣка безпомощнѣе меня передъ внезапными трудностями, если мнѣ не бывало дано времени ихъ изучить и къ нимъ приготовиться. Такимъ образомъ мнѣ пришлось очень долго учиться; но это было необходимо, и я бы считалъ себя теперь неблагодарнымъ, если бы сталъ на это жаловаться, какъ на потерю времени» *). Какимъ онъ былъ въ жизни интеллектуальной, такимъ же оставался и въ практической жизни. У него не было иниціативы идей; но разъ ему представлялась идея, хотя бы въ зародышномъ состояніи и въ неполномъ видѣ, онъ брался за нее съ свойственною ему одному силою, преслѣдовалъ ее съ послѣдовательностью, на которую только онъ и былъ способенъ, до тѣхъ поръ, пока не убѣждался, что идея эта не болѣе, какъ неполный призракъ истины. Тогда въ немъ возникала новая внутренняя работа; онъ пытался, съ своею обычною добросовѣстностью, *предостеречь* себя противъ собственныхъ интеллектуальныхъ привычекъ и побороть то, что называлъ «своею всестороннею неспособностью». Онъ глубоко чувствовалъ основной недостатокъ своего ума, заключавшійся въ томъ, что «ничего ему не давалось вдох-

*) Conservation, Révolution, Positivisme, 2 éd., p. 204.

новеніемъ и, такъ сказать, напередъ онъ вынужденъ былъ все пріобрѣтать дорого достающимся и многократно повтореннымъ опытомъ» *).

Этимъ объясняется исторія его убѣжденій. При тщательномъ изученіи ихъ послѣдовательности въ строго хронологическомъ порядкѣ, а не въ ихъ совокупности, вполнѣ выясняются различныя фазы, пройденныя г. Литтре въ политикѣ и въ философіи, тѣ промежуточные шаги, которые вели его отъ одной фазы къ другой, и прегрессивное развитіе его ума подъ одновременнымъ вліяніемъ опыта и мысли. Онъ въ самомъ себѣ осуществилъ законъ эволюціи, проявленія котораго въ человѣческихъ обществахъ имъ изучены съ такою любознательностью. И надо отдать ему полную справедливость въ томъ: перемѣны его убѣжденій никогда не обусловливались какими-либо низкими мотивами, недостойными истиннаго мыслителя. Къ величайшей чести его должно признать, что онъ всегда стремился къ свѣту, какъ бы тяжело и болѣзненно ни было ощущеніе этого свѣта. Г. Литтре принадлежитъ къ числу немногихъ людей, не ставящихъ свое «я» выше истины, своего самолюбія выше правды,—людей, дерзающихъ просто и смѣло произнести два крайне тяжелыхъ слова: «я ошибался».

Любопытно прослѣдить проявленіе такой добросовѣстности въ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ пользоваться его собственными указаніями и только ими одними. Самымъ выдающимся документомъ можетъ служить второе изданіе его книги: *Conservation, Révolution, Positivisme*, о которомъ мы уже упоминали. Въ этомъ изданіи мы находимъ драгоцѣннѣйшіе комментаріи, каждая глава снабжена интереснѣйшимъ *post-scriptum*, подвергнута безпощадной критикѣ и безчисленнымъ исправленіямъ, дающимъ возможность оцѣнить перемѣну въ образѣ мыслей автора, вызванную тридцатью годами опыта и работы мысли. Авторъ порою выставляетъ «обстоятельства, смягчающія» его прошлыя ошибки и заблужденія, но съ необыкновенною твердостью исправляетъ ихъ и отказывается отъ ошибочныхъ мнѣній. Мы ограничимся приведеніемъ лишь немногихъ выдающихся примѣровъ. 18 ноября 1850 года, подъ вліяніемъ идей Огюста Конта, г. Литтре написалъ нѣсколько странныхъ, утопическихъ страницъ *о мирѣ запада (la paix*

*) Études et Glanures, p. 425.

occidental). Въ нихъ онъ развиваетъ ту наивную мысль, что за прекращеніемъ всеобщей войны, охватившей Европу тридцать пять лѣтъ назадъ и въ виду тридцати - пятилѣтняго періода мира, есть много шансовъ полагать, что война уже никогда болѣе не вспыхнетъ. «Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ,—говоритъ онъ,—соціологія предвидитъ этотъ вѣчный миръ; она предвидѣла его до потрясеній 1830 года, до грозы, едва не разразившейся въ 1840 году, предвидѣла до февральскихъ событій 1848 года, и постоянно, вопреки самыхъ тревожныхъ признаковъ, событія подтверждали ея предвидѣніе. Равнымъ образомъ и теперь можно предсказать миръ для всей нашей переходной эпохи, за которою наступитъ новая эра западно - республиканской конфедераціи, долженствующая навсегда положить конецъ вооруженнымъ столкновеніямъ. Уже теперь установилась солидарность между націями; она еще болѣе окрѣпнетъ черезъ 10—15 лѣтъ. Нѣмцы, англичане, итальянцы, французы и испанцы научатся понимать другъ друга еще лучше, чѣмъ понимали въ 1848 году, и еще менѣе, чѣмъ тогда, будутъ склонны воевать другъ съ другомъ... Въ настоящее время мы видимъ въ Европѣ политическія побѣды и пораженія, время военныхъ пораженій миновало. Борьба ведется на Западѣ между партіями, а не между націями». Посмотримъ, что говоритъ г. Литтре въ 1878 году объ утопистѣ 1850 года: «Эти несчастныя страницы,—пишетъ онъ,—находятся въ вѣчномъ противорѣчіи съ только что пережитыми нами событіями. Даже теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, я скорблю о довѣрчивости, ихъ внушившей... Едва я успѣлъ сказать, поддавшись суетному воодушевленію, что Европа не увидитъ болѣе военныхъ погромовъ, имѣющихъ смѣниться политическими пораженіями, какъ разразился военный погромъ въ Крыму, затѣмъ Австрія побита въ Италіи, она же побита Пруссіей, Франція потерпѣла пораженія при Седанѣ и Мецѣ и еще недавно разгромлена Турція. Кончится ли на этомъ? Кто знаетъ! Съ самомнѣніемъ, которое теперь мнѣ самому кажется смѣшнымъ, я противопоставлялъ то, что я называю реальною политикою, предвидящею вѣчный миръ вопреки признаковъ противнаго, политикѣ, называемой мною вульгарною, выводящей на основаніи признаковъ заключенія о возможности войны или мира. Несостоятельность реальной политики была вполнѣ доказана, и еще разъ и столь полно восторжествовала вульгарная политика» *).

*) Conservation, Révolution, Positivisme, 2 éd., p. 480 et 483.

Къ этому г. Литтре гордо прибавляетъ: «Мнѣ хотѣлось непремѣнно самому напомнить объ этихъ страницахъ, чтобы докончить мою политическую и философскую исповѣдь. Я ошибался. Но кто же не ошибался? Но не это меня смущаетъ. Нѣтъ, меня смущаетъ увѣренность, съ которою я относился къ угрожающимъ явленіямъ, и въ особенности мое безразсудство, поведшее къ тому, что въ подкрѣпленіе вѣры въ соціологію мною выставлены предвидѣнія, долженствовавшія такъ скоро оказаться глубоко ошибочными». Онъ объясняетъ эти необыкновенныя заблужденія двумя причинами: первая причина личная—это абсолютная его вѣра въ непогрѣшимость сужденій г. Огюста Конта. Этому преобладающему вліянію онъ приписываетъ лелѣянныя имъ въ то время химеры о паденіи бонапартизма, объ упроченіи республики въ 1850 году, о необходимости отмѣны бюджетовъ исповѣданія и университета, объ оставленіи навсегда войны, о близости позитивнаго періода и о скоромъ наступленіи окончательнаго торжества доктрины, долженствующей управлять міромъ. Другая причина, которою онъ объяснялъ самонадѣянность своихъ несбывшихся пророчествъ, заключается въ смѣшеніи въ то время въ его умѣ понятій о предреканіяхъ соціологическихъ съ предвидѣніями такихъ наукъ, какъ астрономія. Въ пылу первыхъ увлеченій доктриною, ему представилось, что, подобно тому, какъ превосходство астрономіи доказывается массамъ ея придвидѣніемъ явленій въ пространствахъ небесныхъ, такъ же значеніе соціологіи можетъ быть утверждено предвидѣніемъ въ области политики извѣстныхъ явленій, ею подготовленныхъ и предусмотрѣнныхъ на томъ основаніи, что явленія эти самою соціологіей вызваны. Но впослѣдствіи онъ пришелъ къ соображенію, что чѣмъ проще наука, тѣмъ ея предвидѣнія обширнѣе и безошибочнѣе, и наоборотъ, чѣмъ наука сложнѣе, тѣмъ ограниченнѣе и сомнительнѣе ея предвидѣнія. Такова именно соціологія, сложнѣйшая изъ всѣхъ наукъ, а потому наименѣе способная предусматривать вдаль вслѣдствіе многочисленности и тонкости элементовъ, входящихъ въ ея разсчеты. Такимъ образомъ онъ дошелъ до установленія между двумя политиками: эмпирической, составляющей достояніе государственныхъ людей, дипломатовъ, министровъ, государей, представительныхъ собраній; эта политика, при помощи ближайшихъ опытовъ и иногда геніальныхъ вдохновеній, рѣшаетъ дѣла, управляетъ ходомъ событій и составляетъ предположенія о ихъ послѣдствіяхъ; другая политика—научная—не

имѣетъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время достаточныхъ средствъ предвидѣть событія и случайности, тѣмъ не менѣе, она указываетъ главнѣйшія теченія соціальнаго развитія, и, слѣдовательно, должна быть весьма принимаема въ соображеніе. При всемъ этомъ можно еще многое сказать противъ правильности ея предположеній и точности указываемыхъ ею теченій по отношенію къ отдаленному будущему. Г. Литтре не разъ повторяетъ это характеристическое признаніе. Въ силу вышесказаннаго онъ прямо отказывается отъ двусмысленной и мудреной роли позитивистскаго пророка, въ которой онъ потерпѣлъ такія крупныя неудачи. Онъ довольствуется собираніемъ возможно бо̀льшаго числа наблюденій, ихъ классификаціей, обсужденіемъ причинъ прошедшихъ событій и законовъ, ихъ обусловившихъ, онъ старается разобраться въ постоянно возрастающей сложности этихъ наблюденій и стремится подвести ихъ къ согласованію съ основными причинами. Тутъ онъ въ своей настоящей роли экспериментальнаго философа.

Съ тѣмъ же чистосердечіемъ, очень трогательнымъ въ старикѣ, заслужившемъ столь высокое уваженіе общества, г. Литтре разбиралъ одну за другой свои политическія иллюзіи, не щадя своего самолюбія и ничѣмъ не стѣсняясь. Около 1848 г., подъ опьяняющимъ дѣйствіемъ февральской революціи и подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него идеями г. Огюста Конта, онъ убѣждается въ томъ, что пережитые Франціей государственные перевороты предвѣщаютъ наступленіе новой эры и что міръ находится наканунѣ *позитивнаго* періода, когда, при философскомъ согласованіи знаній, всѣ общества обратятся къ *позитивизму*. Оставалось только подготовить переходъ отъ стараго къ новому. Главныя черты этой реформы, долженствовавшей привести насъ къ окончательному складу жизни, состояли въ возможномъ ограниченіи парламентской власти, низведеніемъ ея на рѣшеніе финансовыхъ вопросовъ, въ соразмѣрномъ ограниченіи всеобщей подачи голосовъ впредь до полной ея отмѣны съ наступленіемъ духовнаго образа правленія*), въ созданіи, наконецъ, центральной власти, составленной изъ трехъ верховныхъ сановниковъ, держащихъ въ своихъ рукахъ исполнительную власть и избираемыхъ исключительно населеніемъ города Парижа.

«Этимъ путемъ,—говорилъ г. Литтре,—пролетаріи непосредственно получатъ власть въ свои руки. Это необходимо для окончанія

*) См. *Рус. Мысль*, ноябрь 1883 г. «Религія позитивизма». Прим. перев.

долгой революціи Запада. Ради свободы позитивизмъ отмѣнитъ бюджеты вѣроисповѣданій и университетскій, откроетъ клубы и развяжетъ руки прессѣ; ради сохраненія порядка позитивизмъ предоставитъ преобладаніе Парижу, центральной власти и пролетаріямъ *). Парижъ всегда низвергалъ правительство и установлялъ на ихъ мѣсто новыя, и такъ всегда будетъ, пока Франція будетъ Франціей. Во всѣхъ нашихъ революціонныхъ перипетіяхъ силою вещей Парижу постоянно предоставлялось избраніе или признаніе правительства. Что же повелѣваетъ позитивная политика, какъ не признаніе этой неизбѣжности и ея упорядоченіе?... Парижъ, облеченный великою избирательною функціей, не замедлитъ ввѣрить власть рабочимъ, и въ этомъ онъ явится только осуществителемъ здоровыхъ тенденцій. Пролетаріатъ стремится къ власти, а такъ какъ прогрессивные инстинкты развиты въ немъ болѣе, чѣмъ въ другихъ классахъ, то онъ и достигнетъ власти при болѣе предпочтительныхъ интеллектуальныхъ условіяхъ» **). Управленіе Франціей, городомъ Парижемъ и верховенство пролетаріата, —въ этомъ заключалась вся программа г. Литтре. Онъ отстаивалъ не только права пролетаріата, что составляетъ сущность демократіи, но необходимость поставить его въ привилегированное положеніе, необходимость создать новую аристократію, аристократію на выворотъ, верховенство парижскаго рабочаго, произвольно и легально распоряжающагося судьбами Франціи.

То была идея г. Огюста Конта; но г. Литтре, которому было поручено отъ имени коммиссіи изложить ее передъ собраніемъ общества позитивистовъ, заявляетъ, тридцать лѣтъ спустя, что онъ всецѣло раздѣлялъ ее. «Я неохотно согласился напечатать эти странныя страницы, — писалъ онъ позднѣе,—иначе, какъ странными, я не могу ихъ назвать. Но передъ читателями я не желалъ скрыть всей глубины того, что я теперь считаю моими заблужденіями» ***). Онъ удивлялся даже, что противники не воспользовались противъ него этимъ документомъ во время полемики изъ-за его академической кандидатуры въ 1863 году. Онъ признаетъ, что съ ихъ стороны это былъ бы честный бой и что самъ онъ былъ бы поставленъ въ прискорбную необходимость отступиться отъ своихъ мнѣній въ крайне неудобный моментъ. Свободный отъ этого внѣшняго давленія, г. Литтре изложилъ

*) Conservation, Révolution, Positivisme, предисловіе къ 1-му изданію, выкинутое при второмъ изданіи.

**) Conserv., Rév., Posit., 1 éd., p. 23.

***) Conserv., Rév., Posit., 2 éd., p. 246.

полное отреченіе отъ этихъ мнѣній сперва въ книгѣ: *Огюстъ Контъ и позитивная философія*, потомъ въ *Fragments de philosophie positive* и, наконецъ, въ *Remarques*, написанныхъ въ 1878 году. Онъ передаетъ намъ, какъ событія разнесли до основанія всѣ эти гипотетическія построенія, подобно карточнымъ домикамъ; онъ превосходно выясняетъ, почему нѣкоторыя условія, присущія политической и соціальной жизни Франціи, превращаютъ эти измышленія Конта въ неосуществимую гипотезу. Онъ признаетъ, что всѣ эти измышленія основаны на трехъ крупныхъ фактическихъ ошибкахъ: первая—это мнѣніе, будто февральская революція привела къ положенію, называемому позитивистами «transition» (переходомъ), составляющему единственную ступень между теперешнимъ положеніемъ и окончательнымъ строемъ народной жизни. Вторая ошибка—вѣра въ пролетаріевъ, въ ихъ способность взять въ свои руки и удержать власть, къ чему они оказываются рѣшительно неспособными. На самомъ дѣлѣ, пролетаріи, какъ и заявилъ впослѣдствіи г. Литтре, не представляютъ собою всей полноты классовъ народа, они лишь одна изъ частей его во Франціи, по крайней мѣрѣ; другая часть, очень важная и болѣе многочисленная, состоитъ изъ крестьянства. Третья ошибка заключается въ неправильной оцѣнкѣ соціалистовъ, которыхъ г. Литтре принималъ тогда за полу-позитивистовъ, чѣмъ они отнюдь никогда не были *). Эти три фактическія ошибки, заключаетъ г. Литтре, отнимали всякую надежду на возможность осуществить проектъ революціоннаго и переходнаго правленія, не говоря уже о противодѣйствіи провинцій господству Парижа, буржуазныхъ классовъ преобладанію рабочихъ, крестьянскаго населенія системамъ соціалистическимъ или инымъ.

Вмѣстѣ съ осужденіемъ взгляда на преобладающую роль пролетаріата, разрушились всѣ иллюзіи того же рода, нѣкоторое время занимавшія умъ г. Литтре. Онъ сознался, наконецъ, что нѣтъ середины между гигантскою химерою непосредственнаго *самоправленія* народной массы, приводящаго къ анархіи или диктатурѣ, и чистою, простою формою парламентскаго режима. Онъ рѣшительно перешелъ на сторону послѣдняго и подъ конецъ жизни сталъ ревностнымъ его защитникомъ. Не разъ онъ развивалъ по этому поводу замѣчательныя соображенія. Дѣло въ томъ, что массы способны дать перевѣсъ чувствамъ и тенденціямъ, поддерживать и санкціонировать и совсѣмъ не способны управ-

*) Conservation, Révolution, Positivisme, p. 247, 248 et 327.

лять. Чѣмъ многочисленнѣе масса, тѣмъ менѣе она способна постановить какое-либо рѣшеніе въ дѣлѣ управленія государствомъ; у нея не достаетъ знаній, личныя занятія каждаго отнимаютъ у большинства много времени, интересы настолько разнообразны, что примирить ихъ не представляется возможности *). Предоставленіе правительственной власти непосредственно массѣ неминуемо стало бы источникомъ величайшихъ золъ; для избѣжанія этихъ золъ, для пользы дѣла необходимы посредники, то-есть, въ сущности, режимъ парламентскій, и таковой, будь онъ монархическій или республиканскій, оказывается наиболѣе приспособленнымъ къ настоящему положенію европейскихъ народовъ. Этотъ образъ правленія даетъ достаточныя гарантіи для поддержанія порядка, а равно для ненарушимости свободы, ибо онъ обусловливается свободою печати, преобладаніемъ общественнаго мнѣнія, возможностью гласнаго обсужденія, участіемъ большинства націи черезъ представителей въ управленіи дѣлами государственными и, наконецъ, онъ открываетъ путь къ послѣдующимъ реформамъ, указываемымъ политическимъ опытомъ и общимъ прогрессомъ.

Въ 1879 году г. Литтре въ очень любопытной статьѣ настоятельно указывалъ на крупную ошибку г. Конта, утверждавшаго, будто парламентскій режимъ есть продуктъ британскій, непригодный для переноски на иную почву **). Изъ быстраго обзора роста цивилизаціи на Западѣ, г. Литтре выводилъ совершенно противоположное заключеніе, а именно, что этотъ образъ правленія клонится въ теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія не къ упадку, а къ правильному развитію на континентѣ Европы. Не вездѣ одинаковый и представляющій собою различныя степени развитія, онъ сильнѣе на континентѣ, чѣмъ въ Англіи, но и тамъ, и здѣсь онъ не измѣняетъ своей характеристической особенности—обезпеченія гласности и свободы обсужденія, лучшихъ гарантій для всѣхъ и каждаго. Г. Литтре остался крѣпко убѣжденнымъ республиканцемъ, какимъ былъ въ теченіе многихъ долгихъ лѣтъ, но сдѣлался республиканцемъ-парламентаристомъ.

Такъ, мало-по-малу умудряемый повторяющимися опытами, правильнымъ мышленіемъ, одушевляемый безусловною правдивостью по отношенію къ своимъ убѣжденіямъ и событіямъ,

*) Remarques, p. 171 et 252.
**) Revue de philosophie positive, juillet-aout 1879, p. 140.

этотъ прогрессирующій умъ расширялся и освобождался изъ-подъ вліянія доктрины, возвышался и умиротворялся. Г. Литтре глубокими и тонкими штрихами очерчиваетъ исторію внутренней жизни ума, самоконтролирующагося, самонаказующагося и безостановочно совершенствующагося: «Очень долгая жизнь среди постоянныхъ страданій, правда, но съ головою, сохраняющею, какъ мнѣ кажется, полную ясность мысли, опять наводитъ меня на обсужденіе прошедшаго путемъ сравненія съ настоящимъ, не увлекаясь, впрочемъ, подобно старцу Горація, ни похвалами прошлому, ни критикой и осужденіемъ настоящаго. Я считаю особенно поучительнымъ для себя лично, по крайней мѣрѣ, оглянуться назадъ, лѣтъ за сорокъ или за пятдесятъ, и сообразить, что сталось, благодаря пережитымъ событіямъ, со всѣмъ тѣмъ, во что мы вѣрили, чего страшились, на что возлагали надежды. Мнѣ сдается, несмотря на увѣренія въ противномъ, что старикъ, не упорный, конечно, не менѣе молодаго способенъ *образумиться (est redressable)* и не можетъ оставаться постоянно вѣрнымъ предубѣжденіямъ, которыми увлекался и которымъ подчинялся когда-то. Я опять ставлю себя на точку зрѣнія позитивной философіи, какою я ее принималъ безъ всякаго ограниченія. Событія научили меня неизбѣжности ограниченій. Много ли найдется старыхъ революціонеровъ, старыхъ консерваторовъ, которые бы рѣшились, подобно мнѣ, старому позитивисту, принять на себя долю вины въ своихъ разочарованіяхъ, не сваливая ее всю цѣликомъ на обстоятельства *)».

Ограниченія, необходимости которыхъ его научили событія, выразились въ его все большемъ и большемъ удаленіи подъ старость отъ школы революціонеровъ, отъ ея историческихъ сужденій, ея правительственныхъ и политическихъ пріемовъ. Опредѣляя *революцію,* онъ говоритъ о ней, какъ о совокупности тенденцій, стремящихся насильственно разрушить прошедшее въ его вѣрованіяхъ и учрежденіяхъ. Ея источникъ онъ видитъ въ возрастающемъ конфликтѣ между позитивнымъ знаніемъ и теологическими вѣрованіями; ея опасность—въ анархическихъ тенденціяхъ, неизбѣжномъ результатѣ раціоналистическихъ воззрѣній, чисто субъективныхъ, не имѣющихъ поддержки въ опытѣ, умозаключеній, изъ которыхъ каждое имѣетъ настолько привлекательности, чтобы покорить себѣ нѣкоторое число умовъ, но ни одно

*) *Expérience rétrospective au sujet de notre plus récente histoire.*

не обладаетъ достаточною устойчивостью для подчиненія большинства, для полученія значенія закона *). Черезъ это *революція* вноситъ разложеніе въ общество и, въ то же время, рѣзко уничтожаетъ очарованіе поколѣній. Прошедшее ей ненавистно; она ведетъ противъ него ожесточенную борьбу. То и другое служитъ источникомъ величайшихъ ошибокъ и вопіющихъ несправедливостей. *Революція* изрекаетъ безусловное *отлученіе* противъ всего прошедшаго, объявляетъ его всецѣло негоднымъ и позорнымъ; она бы уничтожила его безслѣдно, если бы только могла; исторіи она знать не хочетъ. Въ умахъ просвѣщенныхъ эволюціонная доктрина все болѣе и болѣе вытѣсняетъ собою эту доктрину насилія. Она признаетъ за прошедшимъ его историческія права, объясняетъ основанія его бытія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отрицаетъ у революціи извѣстной доли законности, смотря по времени и по мѣсту. Медленно и логически, въ пространствѣ и во времени эволюціонная доктрина развертываетъ послѣдовательность идей и генерацій; она ничего не обрываетъ насильственно, она констатируетъ и слѣдитъ за движеніемъ логическаго и естественнаго прогресса, свойственнаго органической жизни общества; она не присвоиваетъ себѣ способности измѣнять въ свою пользу естественный ходъ вещей; она научно подчиняется управляющему имъ закону и лишь на условіи такого подчиненія считаетъ возможнымъ имъ пользоваться.

Изъ этой экспериментальной и умозрительной философіи легко вывести всѣ идеи и всѣ чувства, которымъ руководился г. Литтре при оцѣнкѣ современныхъ событій, которыми обусловливалась его ненависть къ вооруженному соціализму, его неоднократныя осужденія коммуны, его энергическое осужденіе всѣхъ видовъ политическаго убійства **). Противъ всѣхъ этихъ проявленій насилія его приговоръ безпощаденъ и онъ высказывалъ его, не стѣсняясь ничѣмъ. Подъ вліяніемъ этихъ идей онъ почиталъ политическимъ преступленіемъ всякую инсуррекцію, равно и всякій государственный переворотъ, ниспровергающій или пытающійся ниспровергнуть установленную власть съ тѣмъ, чтобы передать правленіе въ руки какого-либо человѣка или партіи. Это родъ преступленія, по его мнѣнію, есть самый тяжкій, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ современныхъ обществахъ. Отраженные толчки нанесеннаго имъ удара обрушиваются не только на частныхъ лицъ,

*) Remarques, p. 103.
**) Remarques, p. 453, 457 et suiv.

поражаемыхъ ради уничтоженія ихъ сопротивленія, но также на общественное благосостояніе, на положеніе международное, на взаимныя отношенія гражданъ, на общественную нравственность. Этотъ видъ преступленій заслуживаетъ особаго изученія, какъ болѣзненное, соціально-патологическое явленіе *). «Съ 1814 по 1871 годъ (до бордосскаго постановленія, признавшаго третью республику, какъ совершившійся фактъ, до версальскаго постановленія, признавшаго законность факта) исторія наша полна политическихъ преступленій; ихъ совершаютъ короли, императоры, люди изъ народа и подвергаются за то безпощадному приговору передъ судомъ соціологіи... Всѣ въ теченіе этихъ сорока семи лѣтъ, рѣшительно всѣ, легитимисты, республиканцы и имперіалисты, одинаково виновны и подлежать равному осужденію. Я сталъ бы презирать себя, если бы допустилъ какое-либо исключеніе въ пользу республиканской партіи на томъ основаніи, что самъ я республиканецъ, и если бы позволилъ себѣ одобрять такія дѣянія этой партіи, которыя я осуждаю у другихъ. Я не допускаю, чтобы дурное для однихъ могло быть хорошимъ для другихъ, ни оправданія средствъ ради конечной цѣли. Я всегда и безусловно на сторонѣ тѣхъ, кто рѣшительно отказывается отъ пути насилія; по отношенію же къ тѣмъ, кто отъ нихъ не отказывается, я сохраняю полное безпристрастіе, но только безпристрастіе, а не равнодушіе, такъ какъ съ глубочайшею сердечною скорбью присутствовалъ при многихъ перипетіяхъ нашей современной исторіи».

Тѣми же принципами объясняются отношеніе г. Литтре, какъ историка, къ христіанству и положеніе, принятое имъ въ качествѣ законодателя при торжественномъ случаѣ, когда онъ нашелъ, что власти погрѣшаютъ противъ либерализма и терпимости. Иногда люди передовой демократической партіи выражали удивленіе по поводу его благопріятныхъ для христіанства сужденій объ исторической роли этой религіи. Г. Литтре держался въ данномъ случаѣ очень простаго различія: какъ послѣдователь позитивнаго ученія, онъ принадлежалъ къ философской партіи и былъ противникомъ теологій, настаивалъ на ихъ несовмѣстимости, по его мнѣнію, съ новымъ міровоззрѣніемъ. Но какъ историкъ, онъ говорилъ и обязанъ былъ говорить совершенно иначе. Тогда онъ вспоминаетъ, что религіи стоятъ въ неразрывной связи съ

*) Révue de philosophie positive, juillet-août 1879.

развитіемъ человѣчества; что развитіе это не можетъ быть отдѣлено отъ вліяній на него религій, и что,—взвѣсивши все и превознося степень достигнутой нами цивилизаціи, — справедливость повелѣваетъ отдать должное постояннымъ и могущественнымъ сотрудницамъ, помогавшимъ цивилизаціи совершить ея дѣло. «Кто бы усмотрѣлъ въ этомъ новомъ положеніи противорѣчіе или отступничество съ моей стороны, тотъ доказалъ бы только узкость своего ума и всю тяжесть своихъ предразсудковъ» *).

Равнымъ образомъ не было бы ни практическимъ противорѣчіемъ, ни отступничествомъ отъ своихъ убѣжденій, если бы г. Литтре, сдѣлавшись государственнымъ человѣкомъ, призваннымъ вѣдать матеріальные и нравственные интересы нашихъ столь сложныхъ обществъ, призналъ бы своею непремѣнною политическою обязанностью предоставить теологіямъ (религіямъ) покровительство и независимость, обязательныя для государства по отношенію ко всѣмъ доктринамъ. Спеціально на эту тему написана даже очень любопытная статья, появившаяся одновременно въ *Revue de philosophie positive* и въ *Temps* въ 1879 году подъ заглавіемъ: *Le catholicisme selon le suffrage universel en France*. Статья эта произвела глубокое впечатлѣніе въ обоихъ лагеряхъ, въ той партіи, съ которою обыкновенно вотировалъ г. Литтре, и въ противной; первая была скандализирована громкою огласкою такого раскола, вторая—поражена такимъ безпристрастіемъ. Въ сущности же, г. Литтре оставался вѣренъ себѣ и своимъ убѣжденіямъ. Конечно, онъ не питалъ нѣжныхъ чувствъ ни къ клерикализму, ни къ іезуитамъ. Онъ считалъ одною изъ первѣйшихъ заботъ для современной политики—борьбу съ тѣмъ и съ другимъ; онъ опасался торжества ихъ доктринъ и довольно рѣзко излагалъ эти доктрины. Но на этотъ разъ для него дѣло шло не о доктринѣ, а о справедливости. Для отклоненія опасности ихъ торжества представлялись на выборъ двѣ системы: первая—предупредительная, дѣйствуетъ посредствомъ закона, установляя исключенія, поражая интердиктомъ ту или другую ассоціацію, то или другое обученіе; вторая — репрессивная, не считаетъ нужнымъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ и принимаетъ репрессивныя мѣры, когда представляется къ тому необходимость, но, ради соблюденія и защиты драгоцѣннѣйшихъ

*) Revue de philosophie positive, mars-avril 1880.

и національныхъ интересовъ, обращается къ сильно развитымъ и поддерживаемымъ свѣтскимъ учрежденіямъ *). Съ этой точки зрѣнія г. Литтре смотритъ на вопросъ и рѣшаетъ его съ необычайною твердостью принциповъ. При какихъ бы ни было обстоятельствахъ, онъ объявляетъ себя противникомъ предупредительной системы и исключительныхъ мѣръ. Въ данномъ случаѣ, т.-е. по отношенію къ свободѣ преподаванія, онъ считаетъ ихъ недостигающими цѣли и вредными, и приводитъ не-мало тому доказательствъ. По его мнѣнію, режимъ свободы не только несравненно дѣйствительнѣе вышеуказаннаго, но только одинъ и дѣйствителенъ при условіи постоянства, умѣренности и искусства. Въ видѣ возраженія приводятъ доводы о законности репрессалій. Неужели, говорятъ сторонники первой системы, должно быть терпимымъ относительно того, кто самъ не допускаетъ терпимости? Неужели можно предоставить свободу тому, кто отказываетъ въ ней другимъ? Г. Литтре, не колеблясь, отвѣчаетъ: Да. Съ давнихъ поръ люди свѣтскіе, сторонники новыхъ идей и учрежденій, превозносятъ свое нравственное превосходство надъ изобрѣтателями теологическихъ доктринъ; разумѣть, конечно, надо превосходство въ правосудіи и въ справедливости. Первымъ доказательствомъ служитъ именно терпимость по отношенію къ противникамъ. Эта терпимость есть вѣрнѣйшій залогъ побѣды. Слѣдовательно, должно дозволить іезуитамъ среди народа свободно составлять общины, враждебныя этому народу, вѣчно стремящіяся всякими способами уничтожить всѣ свѣтскія учрежденія? Эти враждебныя общины не прекратятъ своего существованія, будетъ или не будетъ у нихъ отнято право преподаванія. Поддерживающія ихъ религіозныя убѣжденія непоколебимы никакими мѣропріятіями; противопоставлять имъ слѣдуетъ тоже убѣжденіе, а въ таковыхъ нѣтъ недостатка. Кромѣ этого нѣтъ другихъ средствъ; опасность устранить нельзя, съ нею должно считаться, не преувеличивая ее и не умаляя. Къ тому же, разъ мы съумѣемъ стать выше предубѣжденій, ничего не можетъ быть полезнѣе постоянной угрозы и ея послѣдствія—выдержки, къ которой насъ вынуждаетъ опасная бдительность ожесточеннаго врага» **).

Такова сущность знаменитой декларації принциповъ, которая явилась какъ бы послѣднимъ словомъ г. Литтре въ сенатѣ. Природная робость, во всякомъ случаѣ, помѣшала бы ему прочесть эту рѣчь,

*) Revue de philosophie positive, septembre-octobre 1879.
**) Revue de philosophie positive, p. 239 et 242.

если бы онъ даже былъ здоровъ, и онъ изъ своего рабочаго кабинета адресовалъ ее своимъ друзьямъ и недругамъ. Она произвела необыкновенно сильное впечатлѣніе. По его мнѣнію, не правы были тѣ, кто видѣлъ въ этой рѣчи не простой протестъ во имя справедливости, равной для всѣхъ. На этомъ единственномъ пунктѣ г. Литтре разошелся съ своими политическими друзьями. Помимо этого, никакого существеннаго измѣненія въ его мнѣніяхъ не замѣчается; съ высоты позитивистскихъ понятій онъ съ прежнею строгостью осуждаетъ то, что называетъ «теологіями». Тѣмъ не менѣе, все это подало поводъ къ ошибочному пониманію его.

«Когда увидѣли, что на исторической почвѣ онъ стоитъ за католицизмъ среднихъ вѣковъ, тогда многимъ представилось будто въ глубинѣ души онъ питаетъ тайную привязанность къ похваляемой имъ доктринѣ; похвалы были, само собою, только относительныя. Равнымъ образомъ участіе, принятое имъ въ дебатахъ о публичномъ преподаваніи, нисколько не противорѣчило такому заключенію и даже казалось подтверждало его. Онъ явился тутъ рѣшительнымъ сторонникомъ политики, иначе относящейся къ католицизму, какъ религіи большинства націи, чѣмъ къ нему обыкновенно относятся республиканцы» *). Этого довольно было, чтобы внушить однимъ надежды и встревожить другихъ. Г. Литтре объявилъ и надежды, и тревоги совершенно безосновательными.

Чтобы ясно уразумѣть состояніе его духа и мысли въ эти дни, столь близкіе къ смерти, нужно прочесть нѣчто вродѣ философскаго завѣщанія, опубликованнаго въ 1880 г. подъ грустнымъ и серьезнымъ заглавіемъ: «Въ послѣдній разъ» (*Pour la derniére foi*). «Если есть вопросы,—говоритъ онъ,—возвратиться къ которымъ представляется нѣкоторый поводъ, то надо самому себѣ сознаться, что возвращаешься къ нимъ въ послѣдній разъ, когда дожилъ, какъ я, до восмидесятилѣтняго возраста съ изрядною тяжестью патологическихъ разстройствъ на плечахъ».

Г. Литтре припоминаетъ въ общихъ чертахъ кризисы своей философской жизни. Въ началѣ его вѣрованія были деистическія: Богъ, душа и безсмертіе. Эти вѣрованія онъ почерпнулъ въ окружавшей его средѣ безъ догматическаго ученія. Но уже въ ранней молодости онъ отказался отъ религіи натуральной и сталъ *отрицателемъ* (*négateur*) въ духѣ XVIII вѣка. «Много лѣтъ спустя, позитивная философія успокоила его колебанія и привела его къ

*) Revue de philosophie positive, mai—juin 1880.

новой точкѣ зрѣнія, признающей за «теологіями» значеніе историческаго продукта эволюціи человѣчества, убѣждающей насъ въ относительности нашихъ разумѣній и не допускающей ни утвержденія, ни отрицанія въ виду громадности неизвѣстнаго *). Г. Литтре заявляетъ, что съ тѣхъ поръ этотъ взглядъ его не измѣнился...

Съ спокойствіемъ и твердостью стоика встрѣтилъ онъ старость, пережилъ ее и смотрѣлъ на неизбѣжность смерти, неисчерпаемой темы размышленій и поученій моралистовъ. Но сами они расходятся во взглядахъ: одни вѣрятъ, что смерть есть переходъ къ новой жизни; другіе думаютъ, что ею всецѣло кончается существованіе человѣческой личности. Каковы бы ни были разномыслія и разногласія, всѣ покоряются ея неизбѣжности, одни съ вѣрою въ послѣдующую вѣчную жизнь, другіе съ вѣрою въ вѣчный покой **). Мысль о смерти не покидала Литтре въ послѣдніе годы жизни. Она вдохновляла его лучшія страницы, между прочимъ, нижеслѣдующія, сокращаемыя мною съ величайшимъ сожалѣніемъ: «Молодость мало думаетъ о смерти; но мысль о ней все чаще приходитъ на умъ по мѣрѣ приближенія старости. Доживши до пятидесяти лѣтъ, я оглянулся, чтобы сообразить, какая часть жизни прожита, и снова пустился въ путь, предполагая дожить до семидесяти лѣтъ. Этотъ довольно щедро мною самимъ себѣ назначенный періодъ давалъ возможность пока не особенно думать о смерти. Пришелъ и этотъ возрастъ, и прошелъ, и уже далеко онъ назади; конецъ съ каждымъ днемъ близится и своимъ я считаю лишь прожитой день. Въ старости Вольтеръ писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что видъ звѣзднаго неба наводитъ на думы о скоромъ концѣ для него этого зрѣлища, котораго онъ уже вѣчно не увидитъ. Подобно ему, съ мыслью о томъ, что, быть можетъ, это въ послѣдній разъ, люблю и я смотрѣть на яркія звѣзды, на зелень моего сада и на необъятный просторъ моря». Далѣе онъ разбираетъ различные роды смерти, какъ бы самъ готовясь къ концу: «Одни умираютъ покойно, для другихъ конецъ сопряженъ съ мучительными болями. Одинъ рано теряетъ сознаніе, другой до конца сохраняетъ ясность мысли. Одинъ до послѣдняго вздоха надѣется поправиться, другой чувствуетъ приближеніе конца; такъ моя мать за нѣсколько дней до смерти говорила, что пора идти къ своимъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать различныхъ, безчисленныхъ случайностей. Трудно

*) Revue de philosophie positive, octobre 1877 et mai 1880.
**) Remarques, p. 430.

заранѣе приготовиться къ послѣднимъ минутамъ: такъ въ нихъ все разнообразно и случайно! Давно уже я говорю себѣ самому и другимъ: «Всякій умираетъ какъ можетъ, а не какъ хочетъ. Въ смерти, какъ и въ жизни, царитъ случайность». Онъ замѣчаетъ, между прочемъ, что при конечномъ разсчетѣ съ жизнью характеръ играетъ болѣе важную роль, чѣмъ вѣрованія, и что приготовленія къ смерти должны быть различныя, сообразно характеру каждаго. Тѣмъ, кто безъ сожалѣнія и горя смотритъ на неизбѣжность конца, достаточно поддерживать въ себѣ эти чувства; тѣ же, кому онъ страшенъ и ненавистенъ, «должны стараться преодолѣвать себя самихъ, искать развлеченія въ привязанности близкихъ и въ занятіяхъ». Мы не знаемъ, въ какомъ изъ этихъ расположеній духа застала смерть г. Литтре. На томъ, что приведено нами, оканчиваются достовѣрныя, документальныя свѣдѣнія о его жизни. Какъ протекли послѣдніе дни благороднаго труженника? Это вопросъ, который, вѣроятно, разрѣшится когда-нибудь. Но пока онъ внѣ компетенціи нашего суда и единственнымъ отвѣтомъ съ нашей стороны можетъ быть только почтительное молчаніе.

Мы приняли на себя не легкою задачу передать, основываясь на показаніяхъ самого г. Литтре, его жизнь, всецѣло посвященную труду и мысли, исторію его почти безчисленныхъ работъ, внутреннюю и часто драматическую исторію его души. Каковы бы ни были разногласія съ такимъ человѣкомъ, все-таки, нельзя не питать глубокой симпатіи и полнаго уваженія къ его высокимъ нравственнымъ качествамъ, побуждавшимъ его не оставлять послѣ себя сознательно ни малѣйшаго зародыша заблужденій и употребить послѣдніе годы жизни на своего рода строгій судъ надъ самимъ собою не въ области дѣлъ, а въ области убѣжденій, причемъ онъ сознается въ томъ, что многократно впадалъ въ ошибки. Мы изучили человѣка по его собственнымъ указаніямъ, и если представленный нами портретъ вѣренъ, то наша въ этомъ случаѣ заслуга состоитъ лишь въ точной передачѣ образа, начертаннаго самимъ г. Литтре съ такою трогательною правдивостью.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФИЛИНЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ Фридриха Шпильгагена.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Часть первая.

Глава I.

Гансъ остановился мимоѣздомъ у постоялаго двора подъ вывѣскою «Zum König von Preussen», осмотрѣлъ только что присланную съ его фермы молочную корову, выслушалъ горячія выраженія благодарности молодой хозяйки, выпилъ, по усиленной просьбѣ Класа Венхака, стаканъ холоднаго пива и вышелъ на улицу, гдѣ работникъ держалъ его верховую лошадь. Класъ Венхакъ опередилъ гостя, взялъ поводъ изъ рукъ работника и хотѣлъ самъ помочь господину барону сѣсть въ сѣдло. Гансъ уже вложилъ было ногу въ стремя, но тотчасъ же опять опустилъ ее. По направленію къ деревенскому трактиру быстро несся маленькій ягдваген. Сидѣвшій въ немъ князь Прора увидѣлъ барона и приказалъ кучеру остановиться. Гансъ подошелъ къ экипажу.

— Добрый вечеръ, милѣйшій баронъ!—дружески протянулъ ему руку князь.—Какими судьбами вы такъ поздно здѣсь?

— По дѣлу, ваша свѣтлость.

— Я такъ только спросилъ потому, что самъ запоздалъ. Будете сегодня на праздникѣ въ Грибеницѣ?

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, не буду.

— Какъ нѣтъ? Да мнѣ не дальше, какъ полчаса тому назадъ, когда я ѣхалъ черезъ Грибеницъ, самъ графъ сказалъ, что будутъ и вашъ дѣдушка, и бабушка, и фрейленъ Герта.—Графъ при этомъ такъ лукаво подмигнулъ и такъ выразительно хлопнулъ по плечу своего долговязаго Акселя.—Да, нѣтъ... какъ же

это,—вы, глава фамиліи... Гм... гм... Скажите, милѣйшій, неужели вы въ самомъ дѣлѣ не будете?

Князь нагнулся и близко заглянулъ въ лицо молодаго человѣка. Легкая краска проступила на смуглыхъ щекахъ Ганса.

— Ну, ну, не сердитесь, мой дорогой,—сказалъ князь.—Я отнюдь не желалъ бы быть нескромнымъ. Гм... гм... Но, все-таки, вы позволите сказать объ этомъ княгинѣ? Т.-е. о томъ, что вы не будете? Быть можетъ, она то же не поѣдетъ въ такомъ случаѣ, и я тоже. Мы собственно только потому и располагали ѣхать, что были вполнѣ увѣрены... Впрочемъ, я васъ, кажется, задерживаю. До свиданія, даже до скораго свиданія. Мнѣ нужно поговорить съ вами объ очень важномъ дѣлѣ, надо же чѣмъ-нибудь покончить насчетъ лѣса. Вы побываете у меня или мнѣ заѣхать? Да ладно, у васъ дѣла больше, чѣмъ у меня; послѣ завтра я поѣду въ охотничій замокъ и заверну къ вамъ утромъ, въ одиннадцать. Adieu, милѣйшій баронъ, au revoir!

Князь еще разъ пожалъ руку молодому человѣку; экипажъ помчался дальше. Гансъ вернулся къ лошади, вложилъ опять ногу въ стремя и задумался. Класъ Венхакъ, прикрытый лошадью и незамѣченный княземъ, слышалъ весь разговоръ отъ слова до слова; полагая, что ему, мѣстному трактирщику, многое неизмѣримо болѣе извѣстно, чѣмъ князю, онъ очень охотно продолжилъ бы, по своему, прерванную бесѣду, но не посмѣлъ и сказалъ, чтобы только что-нибудь сказать:

— Я было забылъ, господинъ баронъ: вамъ сегодня было письмо съ нарочнымъ изъ Зундина. Если бы я зналъ, что вы сюда пожалуете, я бы его оставилъ; а то приказалъ на крѣпко старому Ниммо идти черезъ Ново-Проницъ. Тамъ на пути домой ваша милость его повстрѣчаете. А теперь вы изволите ѣхать на Старо-Проницъ лугами?

Баронъ мелькомъ, какъ бы безсознательно взглянулъ на Класа Венхака, потомъ устремилъ глаза опять куда-то вдаль, погруженный въ свою думу. Сомнѣваясь въ томъ, что баронъ разслышалъ сказанное, Класъ на всякій случай продолжалъ:

— Письмо, навѣрное, отъ Ливоніуса о пшеницѣ. То-есть адресъ написанъ не рукою Ливоніуса и печать не его. Но я знаю, какъ онъ хлопочетъ о пшеницѣ; ну, такъ вотъ если господинъ баронъ продастъ, тогда и другіе господа станутъ прод... Они только васъ и ждутъ. А цѣны ничего, недурныя, а пожалуй...

На этотъ разъ не могло быть сомнѣнія въ томъ, что баронъ не слыхалъ ни одного слова. Класъ Венхакъ обмѣнялся выразительнымъ взглядомъ съ женою, вышедшею изъ двери взглянуть, почему баронъ до сихъ поръ не уѣхалъ. По лицу и по движенію губъ молодой женщины можно было догадаться, что она хочетъ сказать: «Помолчи ты, пожалуйста, Класъ!»

У Класа у самого, впрочемъ, пропала охота разговаривать. Въ вечернемъ сумракѣ съ громкими криками пронеслась по направленію къ княжескому парку огромная стая воронъ. Лошадь подняла голову и заржала. Баронъ вздрогнулъ, точно проснулся отъ тяжелаго сна, поднялся на стремя и сѣлъ въ сѣдло. Класъ выпустилъ поводья, лошадь тронулась впередъ. Баронъ кинулъ разсѣянный взглядъ на молодыхъ хозяевъ деревенскаго трактира, поднесъ руку къ козырьку, но не отвѣтилъ на ихъ поклоны, а только крѣпче надвинулъ фуражку и исчезъ въ тѣни аллеи, ведущей къ княжескому парку. Класъ обратился къ женѣ:

— Ну, Лизхенъ, что скажешь? Сегодня онъ опять шутъ шутомъ. Неужели опять?—И трактирщикъ потеръ пальцемъ лобъ.

— Не говори ты такъ о нашемъ господинѣ,—живо перебила его Лизхенъ.

— Какой онъ намъ господинъ? Нашъ господинъ — князь!— сказалъ Класъ, засовывая руки въ карманы и прислоняясь къ притолкѣ.

— Потому, что мы князю аренду платимъ? Да, а кто далъ намъ средства платить эту аренду? Если бы не нашъ господинъ, баронъ, я бы до сихъ поръ жила у матери въ Зундинѣ.

Класъ, слегка посвистывая, облокотился на дверную ручку.

— Стыдно тебѣ, Класъ!—прибавила Лизхенъ.

Класъ снисходительно усмѣхнулся и засвисталъ громче.

— Да, стыдно, стыдно! Когда господинъ баронъ здѣсь, ты не знаешь, какъ угодить ему, а чуть онъ за дверь, ты же надъ нимъ насмѣхаешься, и даже сегодня, за добро, которое онъ только что сдѣлалъ...

— Это старую-то корову прислалъ!—перебилъ Класъ.—У него ихъ много.

— Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ долженъ былъ насъ награждать и лишь потому, что докторъ сказалъ, будто я не [illegible]ахъ буду сама кормить. Другой бы никто того же не сдѣ[illegible]повѣрь мнѣ.

За то твоя тетка его брата выкормила,—возразилъ Класъ.

— Такъ! За брата онъ обязанъ двадцать пять лѣтъ расплачиваться?

— Твоя же тетка всегда говорила, что онъ любилъ его, какъ зеницу ока.

— Да какъ бы онъ тамъ его ни любилъ, мы-то тутъ при чемъ?

— А при томъ, что ты теткина племянница.

— Класъ, Класъ! Грѣшно такъ говорить... Бога ты гнѣвишь и въ такое время, когда намъ такъ нужна его помощь.

Лизхенъ проговорила послѣднія слова, уже всхлипывая; по ея щекамъ катились слезинки.

— Ну, полно, полно, Лизхенъ, — началъ успокоивать ее Класъ.—Я ничего не хотѣлъ сказать дурнаго. Знаешь, я иногда такъ сболтну, не подумавши. Перестань, Лизхенъ, послушай лучше, что я тебѣ скажу. Я, вѣдь, знаю, почему нашъ господинъ баронъ былъ сейчасъ такой чудной. Его свѣтлость говорилъ съ нимъ про фрейленъ Герту и про молодаго господина фонъ-Грибеница,—понимаешь, Лизхенъ, про помолвку.

— Неужели вправду, Класъ?

Лизхенъ быстро отняла фартукъ отъ заплаканныхъ глазъ и устремила на мужа любопытный взглядъ. Класъ самодовольно усмѣхнулся, подошелъ къ женѣ, обнялъ ее (площадь была пуста и ихъ никто не могъ увидать) и сказалъ:

— Его свѣтлость спросилъ, будетъ ли онъ сегодня въ Грибеницѣ; баронъ отвѣтилъ: нѣтъ; тогда его свѣтлость спросилъ, неужели онъ въ самомъ дѣлѣ не поѣдетъ, и при этомъ такъ засмѣялся, будто хотѣлъ сказать: пустое, голубчикъ, пріѣдешь.

— Не поѣдетъ онъ,—живо перебила Лизхенъ.

— Это почему? Потому, что твоей теткѣ не угодно?

— Тетка ни хотѣть, ни не хотѣть ничего не можетъ. Онъ самъ слышать не хочетъ о замужствѣ фрейленъ Герты съ молодымъ графомъ.

— Что же, самъ, что ли, хочетъ на ней жениться?

Лизхенъ расхохоталась.

— Э!—воскликнула она,—господинъ баронъ никогда не женится, какъ ни жаль, что такой добрый и такой красивый баринъ... да, да, Класъ, сердись—не сердись, а красивый и молодой... всего тридцать лѣтъ.

— Такъ за кого же бы ей хотѣлось?—спросилъ Класъ.—Не за барона же Густава? Онъ никогда не вернется.

— Я тоже думаю,—сказала Лизхенъ, грустно качая головою.—Онъ такъ давно даже писать пересталъ, больше года. Говорятъ, онъ уѣхалъ въ Грецію, гдѣ теперь они дерутся съ турками, другъ другу головы рѣжутъ.

— Ну ее, Лизхенъ!—сказалъ Класъ.—Я готовъ объ закладъ побиться, что она, все-таки, выйдетъ за графа. У нея нѣтъ за душою ни талера и во всю жизнь не дождаться ей такой великолѣпной партіи. Хочешь биться объ закладъ, Лизхенъ?

— Нѣтъ, Класъ, не стану я объ закладъ биться про несчастье человѣка.

— Несчастье! Экія глупости! Куда же она дѣнется, когда умрутъ старые господа? А случиться это можетъ очень скоро. Не можетъ же она жить одна въ Старо-Проницѣ. Это, однако, что еще такое?

Изъ аллеи парка, со стороны Зундина, послышались звуки почтоваго рожка.

— Экстра-почта,—сказалъ Класъ.—Вотъ оказія-то! Ни одной лошаденки нѣтъ дома.

— Быть можетъ, они здѣсь останутся,—проговорила Лизхенъ.

— Въ іюнѣ-то? До іюля никогда ни души не пріѣзжаетъ.

— Или, можетъ быть, проѣдутъ прямо въ Грибеницъ? Полчаса еще пробѣгутъ и ихъ лошади.

— Прескверная исторія! Подлѣйшая исторія! — повторялъ Класъ, въ сильномъ волненіи снимая шапку и сильно почесывая голову. — Влетитъ мнѣ въ карманъ это содержаніе станціи! Развѣ обѣихъ караковыхъ...

Почтовая карета обогнула уголъ и направилась къ постоялому двору. Класъ хотѣлъ было уйдти въ домъ, но его придержала Лизхенъ.

— Такъ, такъ, спрячься... а я будь тутъ одна въ отвѣтѣ, въ моемъ-то положеніи! Если потребуютъ лошадей, можно дослать до мясника Дамица, принанять его пару рыжихъ. Только, вотъ увидишь, они останутся здѣсь.

— Прибраны ли комнаты наверху?

— Это уже мое дѣло... Класъ, ты совсѣмъ одурѣлъ! Помоги же господамъ выдти.

Класъ схватился за веревку колокола, возвѣщавшаго о пріѣздѣ посѣтителей, и звонилъ изо всей силы, хотя во всемъ дворѣ, кромѣ него, Лизхенъ и конюха Іохена, ни души не было. Іохенъ со двора услыхалъ почтовый рожокъ и поспѣшилъ выдти къ

воротамъ. Класъ бросилъ веревку и сбѣжалъ съ крыльца къ дверцѣ только что остановившейся почтовой кареты. Лизхенъ быстро оправляла фартукъ, чтобы пріѣзжіе господа не сразу могли замѣтить, въ какомъ она положеніи. Класъ взялся было за ручку каретной дверцы и чуть не опрокинулся навзничь,—дверца быстро распахнулась, показался мужчина и, не касаясь подножки, спрыгнулъ прямо на землю. Онъ тотчасъ же обратился къ особѣ, сидѣвшей въ каретѣ, и заговорилъ на неизвѣстномъ языкѣ. Въ дверцу выглянуло лицо, по которому озадаченный Класъ никакъ не могъ рѣшить: женщина сидитъ въ каретѣ или другой мужчина. Изъ-подъ ярко-краснаго платка, окутывавшаго голову, на него сверкнулъ огненный взглядъ черныхъ глазъ, мелькнули густыя черныя брови и опять исчезли въ глубинѣ кареты. Даже тогда, когда эта странная особа, осторожно спускаясь задомъ, вышла изъ экипажа, трактирщикъ оставался бы въ томъ же недоумѣніи относительно ея пола, если бы не разсмотрѣлъ въ ея рукахъ нѣчто, тщательно закутанное; это нѣчто было, очевидно, очень маленькое дитя. Лизхенъ тотчасъ же сообразила то же самое, быстро сошла съ крыльца и хотѣла взять ребенка изъ рукъ женщины, несшей кромѣ того еще большой узелъ. Недружелюбнымъ взглядомъ и рѣзкимъ жестомъ отклонила пріѣзжая услуги молодой хозяйки. Между тѣмъ, Лизхенъ не замѣтила, какъ изъ кареты вышла другая дама и, слегка опираясь на руку мужчины, очутилась передъ нею, точно изъ земли выросла. По крайней мѣрѣ, Лизхенъ была поражена не меньше, чѣмъ если бы дѣйствительно она выросла изъ земли: такой красоты она въ жизнь свою не видывала; она забыла даже сдѣлать обычный книксенъ. Несомнѣнно, такое же впечатлѣніе произвела дама и на Класа; онъ стоялъ, широко раскрывши глаза и разинувши ротъ, до тѣхъ поръ, пока улыбка дамы, веселый смѣхъ державшаго ее подъ руку мужчины и нѣсколько словъ, обмѣненныхъ ими на неизвѣстномъ языкѣ, не напомнили хозяевамъ трактира ихъ обязанности. Лизхенъ присѣла, Класъ снялъ шапку и отвѣсилъ нижайшій поклонъ; у обоихъ точно гора съ плечъ свалилась, когда пріѣзжій господинъ заговорилъ по-нѣмецки съ едва замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ и потребовалъ двѣ смежныхъ комнаты, а вещи приказалъ вынуть изъ экипажа и внести въ домъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ направился съ своею дамою къ крыльцу; за ними слѣдовала мрачная, черноглазая старуха съ ребенкомъ. Класъ бросился впередъ указывать дорогу, а Лизхенъ приказала Іохену

бѣжать, что есть мочи, въ садъ и звать какъ можно скорѣе Стину и Мину, развѣшивавшихъ тамъ бѣлье.

Глава II.

Черезъ четверть часа Класъ спѣшно накрывалъ столъ въ комнатѣ для почетныхъ гостей къ ужину знатнаго посѣтителя, пожелавшаго кушать внизу; Лизхенъ устроивала наверху помѣщеніе для дамъ и ребенка. Въ томъ, что пріѣзжій—знатный баринъ, не могло быть для Класа никакого сомнѣнія, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ его умная Лизхенъ подтвердила эту догадку многозначительнымъ кивкомъ. Класъ не зналъ, откуда онъ пріѣхалъ, но очевидно было, что издалека; а въ далекія путешествія отправляются, какъ всѣмъ извѣстно, одни очень важные господа. Къ тому же только важный баринъ могъ не отвѣтить на вопросъ, сколько ему угодно занять комнатъ, и захватить сразу весь верхъ, всѣ четыре комнаты, расположивши въ нихъ внесенныя вещи. Правда, вещей было не много, всего два сундука, и то небольшихъ, да съ полдюжины узловъ, завязанныхъ въ пестрые платки. Одинъ изъ узловъ развязался на лѣстницѣ и изъ него вывалилось разное чужеземное платье и всякая удивительная, невиданная мелочь. По всей вѣроятности, тамъ, откуда они пріѣхали, все это составляетъ обычную принадлежность знатныхъ господъ. Только откуда они? Баринъ, слава Богу, смотритъ добрымъ христіаниномъ и говоритъ по-христіански. Класъ не зналъ навѣрное: христіане русскіе, или нѣтъ, но пріѣзжій показался ему очень похожимъ на русскаго; самъ онъ ихъ не видывалъ, а лишь слыхалъ отъ знающихъ людей, что русскіе говорятъ на всѣхъ на свѣтѣ языкахъ и деньгамъ у нихъ счета нѣтъ.

Услыхавши шаги пріѣзжаго господина, Класъ поставилъ тарелку и поспѣшилъ къ нему на встрѣчу съ словами, что ужинъ сію минуту будетъ готовъ, что господинъ пожаловалъ нѣсколько раненько, такъ сказать, первымъ гостемъ, то-есть первымъ сезоннымъ гостемъ купанья. Обыкновенно же господа изъ Грюнвальда, Зундина или Ростока съѣзжаются только въ іюлѣ. Въ прошломъ году, во второмъ со времени устройства купанья, было уже шестьдесятъ посѣтителей, двадцатью больше, чѣмъ на первый годъ; въ нынѣшнемъ можно ожидать до сотни,—самъ его

свѣтлость говорилъ. Его свѣтлость очень заботится о лучшемъ устройствѣ купаній. Не угодно ли пожаловать кушать? Класъ поставилъ на столъ блюдо, поданное ему въ дверь Стиною. Господинъ, смотрѣвшій до тѣхъ поръ въ открытое окно, обернулся, прошелся по комнатѣ и остановился у стѣны, какъ бы разсматривая висѣвшія на ней двѣ литографіи. Класъ не замедлилъ объяснить, что это портреты его свѣтлости князя и ея свѣтлости княгини Прора, сдѣланные въ Парижѣ въ 1815 году, т.-е. двадцать лѣтъ тому назадъ, однимъ очень знаменитымъ художникомъ,—не литографіи, конечно, а настоящіе портреты въ натуральную величину, находящіеся въ замкѣ. Пріѣзжіе господа приходятъ въ восторгъ отъ этихъ портретовъ.

Пока Класъ все это разсказывалъ, незнакомецъ подошелъ еще разъ къ окну, далеко высунулся изъ него, потомъ выпрямился, встряхнулъ головой, направился было къ двери, но вернулся и сѣлъ къ столу, къ полному успокоенію Класа, уже начинавшаго опасаться, что простынетъ жаркое. Господинъ съѣлъ куска два, залпомъ опорожнилъ налитой трактирщикомъ стаканъ краснаго вина, налилъ еще, выпилъ и этотъ, побарабанилъ по столу пальцами и принялся за жареную телятину съ большимъ аппетитомъ, какъ показалось Класу. Лицо незнакомца прояснилось, и на этотъ разъ, вглядѣвшись пристальнѣе, Класъ нашелъ его очень молодымъ, совсѣмъ подъ пару его супругѣ, настолько юной, что трудно было повѣрить, что у нея уже есть ребенокъ. Привѣтливое выраженіе голубыхъ глазъ и улыбка незнакомца совершенно ободрили Класа и развязали ему языкъ. Началъ онъ съ разсказовъ о княжескомъ семействѣ, причемъ не преминулъ пустить заѣзжему барину пыль въ глаза необыкновеннымъ богатствомъ его свѣтлости. На это незнакомецъ опять какъ-то странно усмѣхнулся. А Класъ, между тѣмъ, уже говорилъ о себѣ самомъ, о томъ, какъ годъ тому назадъ, послѣ смерти стараго Нимmo, брата разносчика писемъ, онъ снялъ постоялый дворъ, трактиръ и почтовую станцію, за что и платитъ аренду князю, единственному владѣльцу земель, лѣсовъ и водъ княжества Прора. Онъ, Класъ, уроженецъ Зундина, не могъ бы, конечно, взяться за все это, если бы не его жена, которая хотя тоже изъ Зундина, но имѣетъ родныхъ и здѣсь, между прочимъ, вдовую тетку, уже давно завѣдующую хозяйствомъ въ одномъ изъ сосѣднихъ помѣстій. Господа очень любятъ тетку и дали ей въ займы денегъ; на эти деньги онъ, съ своей Лизхенъ, снялъ дворъ и содержаніе

почтовыхъ лошадей здѣсь въ Прорѣ. Класъ закончилъ извиненіемъ, что такъ много болтаетъ о вещахъ, мало интересныхъ для его милости. Класъ Венхакъ прибавилъ это потому, что незнакомецъ, слушавшій его до сихъ поръ очень внимательно, сталъ выказывать сперва слабые, а потомъ болѣе замѣтные признаки нетерпѣнія.

— Совсѣмъ напротивъ,—сказалъ онъ, наливши еще стаканъ вина и отпивши большой глотокъ.—Продолжайте, пожалуйста. На самомъ дѣлѣ это должно быть очень добрые господа, и ваша тетушка имѣетъ въ нихъ большую поддержку. Сыръ оставьте, кромѣ ничего ѣсть не буду. Да подайте-ка еще бутылку вина и, кстати, захватите стаканъ для себя. Безъ церемоніи.

Класъ покраснѣлъ до ушей отъ такой чести, не замедлилъ исполнить приказаніе важнаго пріѣзжаго господина и присѣлъ противъ него на край стула. Незнакомецъ налилъ ему полный стаканъ.

— Да, такъ какъ же фамилія господъ, у которыхъ живетъ ваша тетушка? Вы, кажется, ее не назвали?

Несмотря на свое смущеніе, Класъ замѣтилъ, однако, какъ бойко и чисто на этотъ разъ говорилъ по-нѣмецки его гость. Ему пришло въ голову, что онъ, можетъ быть, даже совсѣмъ не иностранецъ, а только женатъ на иностранкѣ. Но теперь ему было не время раздумывать и заставлять важнаго барина ждать отвѣта, притомъ же барина, только что сдѣлавшаго ему такую честь.

— Это баронъ фонъ-Пронъ изъ Старо-Проница,—сказалъ онъ.—Изъ Старо-Проница, въ четверть мили отсюда. Ему же принадлежитъ фольваркъ Ново-Проницъ, на полдорогѣ до помѣстья, расположеннаго на берегу моря. Господинъ баронъ живетъ на фольваркѣ.

— Это почему?—спросилъ гость.—То-есть я хочу сказать, почему же онъ не живетъ въ главномъ имѣньи?

— Онъ предоставилъ тамошній домъ старымъ господамъ; они тамъ и живутъ. Имѣніе все его, до послѣдней борозды, и досталось отъ его покойной метушки; кромѣ того, она оставила ему денегъ для выкупа всѣхъ имѣній, которыми здѣсь когда-то владѣлъ ихъ родъ.

— Вы упомянули про старыхъ господъ. Это что же за старики такіе, если, какъ вы говорите, его мать уже умерла?

— А старые господа—это его дѣдушка и бабушка; вѣрнѣе же только бабушка, такъ какъ она замужемъ за вторымъ му-

жемъ, за его превосходительствомъ господиномъ камергеромъ Линдбладъ. Господинъ камергеръ собственно шведъ родомъ и до 1815 года, когда мы отошли къ Пруссіи, онъ былъ шведскимъ посланникомъ въ Парижѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

— Какъ вы, однако, все обстоятельно знаете! Васъ пріятно послушать. Налейте-ка еще стаканчикъ себѣ и мнѣ тоже. Ну, а отецъ господина барона тоже умеръ?

Незнакомецъ откинулся на спинку стула и игралъ золотой зубочисткой. Подъ красноватымъ свѣтомъ зари трудно было рѣшить, что блеститъ ярче, золото или его бѣлые, гладкіе зубы. Класъ рѣшилъ, что ему рѣдко удавалось видѣть такого красиваго господина и, конечно, никогда въ жизни не встрѣчалось такого, съ которымъ было бы такъ пріятно побесѣдовать.

— Давнымъ давно умеръ,—поспѣшилъ онъ отвѣтить,—двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Я все это отлично знаю, такъ какъ моя Лизхенъ и тетушка только объ этомъ и разговариваютъ между собою. У тетушки тогда родилось дитя, у барыни тоже; только ребенокъ тетушки жилъ всего два дня, и барыня отдала ей кормить своего сына; сама она была очень слаба, а скоро совсѣмъ слегла съ испуга отъ смерти барина и тоже умерла. Господинъ баронъ, человѣкъ вообще довольно дикаго права, сломалъ себѣ шею на охотѣ какъ разъ въ тотъ день, когда его супруга въ первый разъ вышла изъ комнаты.

Незнакомецъ все еще сидѣлъ, откинувшись на спинку стула, но уже не игралъ зубочисткою. Онъ закрылъ глаза и сильно вздрогнулъ при послѣднихъ словахъ Класа.

— Какая грустная исторія!—сказалъ онъ.—Но, знаете, она меня крайне заинтересовала. Такъ дитя, бывшее тогда причиною смерти матери, это тотъ самый баронъ, о которомъ вы сейчасъ говорили?

— Нѣтъ, господинъ...—Класъ примолкъ было на минутку, чтобы дать возможность незнакомцу подсказать ему свое имя и титулъ, но, побуждаемый вопросительнымъ взглядомъ собесѣдника, вынужденъ былъ продолжать свой разсказъ:

— Нѣтъ, теперешній баронъ—старшій; въ то время ему было уже лѣтъ пять или шесть, такъ что теперь ему тридцать или около того. Это баронъ Гансъ.

— И вы говорите, что онъ такой добрый?

— Добрѣйшая душа; этого злѣйшій врагъ его не посмѣетъ отрицать; у него, впрочемъ, нѣтъ ни одного врага, такъ какъ

онъ никому въ мірѣ ничего дурнаго не сдѣлалъ, не то что человѣку, а даже животному. Хоть насъ взять съ Лизхенъ; онъ почти не зналъ насъ, а сколько сдѣлалъ для насъ добра,—я уже говорилъ вамъ объ этомъ,—и только ради тетки. За то Лизхенъ готова за него въ огонь и въ воду. Иной разъ такъ скажешь что-нибудь про него,—не во зло, конечно, а только, чтобы немножко подразнить Лизхенъ,—такъ и Боже упаси, что тутъ поднимется, особливо если назвать его такъ, какъ всѣ его здѣсь зовутъ.

— А какъ его всѣ зовутъ?

Класъ оглянулся на дверь и, понизивши голосъ, отвѣтилъ:

— Его зовутъ здѣсь филиномъ за то, что у него одинъ глазъ, т.-е. глазъ у него собственно два, только видитъ-то онъ всего однимъ, а другой даже не закрывается, какъ у филина. Такъ говорятъ иные; другіе говорятъ, будто его такъ прозвали, что онъ очень робокъ, не похожъ на другихъ господъ изъ благородныхъ и даже изъ купечества, отъ всѣхъ сторонится, дичится, какъ филинъ; а то болтаютъ, будто у него въ верхнемъ этажѣ не совсѣмъ все въ порядкѣ. Лизхенъ увѣряетъ, что это глупый вздоръ, и я тоже думаю; по крайней мѣрѣ, хозяйство онъ ведетъ отлично. Да оно и необходимо. Что касается остальныхъ фонъ-Проновъ, изъ нихъ ни одного путнаго не было, хотя бы начать съ меньшаго барона, его брата, Густава, такъ, вѣдь... Класъ оборвался на полсловѣ; въ открытое окно послышался топотъ конскихъ ногъ и шумъ быстро ѣдущаго экипажа. Пріѣзжій господинъ вскочилъ изъ-за стола и въ одинъ прыжокъ очутился у окна. Класъ послѣдовалъ за нимъ. Черезъ площадь во всю прыть промчалась карета, запряженная четверикомъ съ форрейторомъ, и быстро скрылась въ открытомъ полѣ.

— Это его свѣтлость,—пояснилъ Класъ, — и ея свѣтлость навѣрное тоже въ каретѣ. Его свѣтлость одинъ ѣздитъ всегда парой и въ открытомъ экипажѣ, даже въ гости.

— Что же сегодня, вечеръ, что ли, у кого?

Незнакомецъ продолжалъ стоять у окна. Класу смутно почудилось, что вопросъ этотъ прозвучалъ какъ-то странно; но почему бы пріѣзжему человѣку и не предложить такого вопроса, тѣмъ болѣе, когда всѣ эти разсказы доставляютъ ему, очевидно, большое удовольствіе? Къ тому же представлялся прекрасный случай показать гостю, какъ хорошо извѣстно Класу все, что дѣлается въ домахъ и въ семействахъ знатныхъ господъ всей округи.

— Балъ у графа Грибена въ Грибеницѣ,—отвѣтилъ онъ.— Богатѣйшій человѣкъ графъ, у него пропасть помѣстій здѣсь на Рюгинѣ и по ту сторону, въ Помераніи и въ Мекленбургѣ. Оттуда уже проѣхало нѣсколько господъ, а наше здѣшнее дворянство все тамъ будетъ. Сегодня, говорятъ, у нихъ помолвка ихъ единственнаго сына, молодаго графа Акселя, съ фрейленъ Гертой.

— Съ кѣмъ?—спросилъ незнакомецъ очень громко.

Класъ подумалъ, что онъ не разслыхалъ за шумомъ прибираемой со стола посуды, и повторилъ:

— Съ фрейленъ Гертой фонъ-Пронъ, съ нашей барышней, какъ ее называетъ моя Лизхенъ. Она живетъ тоже въ Проницѣ. Фрейленъ дальняя родственница здѣшнимъ господамъ, кузина какая-то барону Гансу, бѣдная, дочь ротмистра фонъ-Пронъ изъ Зундина. Самъ ротмистръ лѣтъ четырнадцать тому назадъ умеръ; говорятъ, пустой человѣкъ былъ. А жена его добрѣйшая женщина. Про нее намъ разсказывала тетка, жившая съ нею вмѣстѣ въ Проницѣ, когда она послѣ смерти мужа поступила компаньонкой къ старымъ господамъ. Грѣшно и стыдно ихъ превосходительствамъ, говоритъ тетушка, за то, какъ они ее тиранили... на смерть, говоритъ, замучили; всего года два пожила у нихъ и умерла. Она и похоронена здѣсь у церкви въ Прорѣ. Баронъ Гансъ, какъ вступилъ въ хозяйство, такъ поставилъ на ея могилѣ очень хорошій памятникъ.

Говоря это, Класъ успѣлъ убрать всю посуду и подошелъ къ столу, за который опять усѣлся его гость и наливалъ себѣ вина. При этомъ бутылка раза два сильно ударилась объ стаканъ и вино пролилось на скатерть.

— Такъ барышня хочетъ выдти замужъ за графа?

До сихъ поръ ясный голосъ пріѣзжаго прозвучалъ какъ-то глухо. Такіе переходы были хорошо знакомы трактирщику, и онъ уже разсчиталъ, что въ счетъ можно смѣло вписать лишнюю бутылочку. Весело потирая руки, онъ усѣлся противъ пріѣзжаго господина и заговорилъ:

— Хочетъ ли, нѣтъ ли,—объ этомъ говорятъ разно. Одни говорятъ да, другіе — нѣтъ, напримѣръ, наша тетушка. Ей это, конечно, должно быть лучше всѣхъ извѣстно, такъ какъ она знаетъ барышню съ четырехлѣтняго возраста. Только тетушка не можетъ быть настоящимъ судьею: сама нѣсколько заинтересована. Она, вѣдь, была кормилицей меньшаго барона, Густава,—

сорванца Густава, какъ его всегда звали,—была, такъ сказать, его второю матерью. Ну, вотъ, баронъ Густавъ и барышня полюбили другъ друга. Только барона произвели тутъ въ офицеры; онъ стоялъ съ полкомъ въ Грюнвальдѣ и столько долговъ надѣлалъ, что пришлось ему уѣхать. Потомъ баронъ Гансъ все выплатилъ до послѣдняго шиллинга, хотя пришлось заплатить страшно большую сумму; но въ то время не оставалось ничего дѣлать, какъ уѣхать куда-нибудь подальше. И вотъ три года неизвѣстно гдѣ онъ странствуетъ; вначалѣ изрѣдка присылалъ письма, а уже больше года нѣтъ отъ него ни вѣсточки, никто не знаетъ даже живъ ли онъ, умеръ ли. Послѣ этого ни одинъ благоразумный человѣкъ не можетъ повинить фрейленъ Герту, если она согласится выдти за графа. У нея нѣтъ за душою ни мѣдной монетки, и живетъ-то она такъ же, какъ старые господа, на счетъ барона Ганса; а графъ немногимъ бѣднѣе будетъ нашего князя. Только тутъ филинъ сидитъ, какъ говоритъ старый Нимmo; то-есть баронъ Гансъ не желаетъ этого. Онъ, по обыкновенію, ничего не говоритъ; но и старые господа, и фрейленъ очень хорошо знаютъ, что онъ не желаетъ этого брака. Сама тетушка говоритъ, и моя Лизхенъ тоже, и я говорю, особливо, послѣ того, что полчаса тому назадъ своими ушами слышалъ...

И Класъ разсказалъ, какъ баронъ Гансъ встрѣтился съ его свѣтлостью, какъ его свѣтлость спрашивалъ, поѣдетъ ли сегодня баронъ въ Грибеницъ, а баронъ Гансъ отвѣтилъ, что не поѣдетъ, и уѣхалъ въ Старо-Проницъ разсчитывать рабочихъ, какъ онъ это всегда дѣлаетъ по субботамъ. Разсчетъ продолжится съ часъ времени, и тогда уже поздно будетъ ѣхать въ гости, къ тому же ему нельзя будетъ уѣхать изъ дома, изъ Ново-Проница, такъ какъ тамъ онъ найдетъ письмо отъ консула Ливоніуса, крупнаго хлѣбнаго торговца. Дѣло же должно быть крайне спѣшное, потому что Ливоніусъ прислалъ письмо съ нарочнымъ. Ну, да въ здѣшней сторонѣ и съ нарочными письма не очень скоро доходятъ, и старый Ливоніусъ всю бы лысину себѣ изодралъ въ кровь, если бы зналъ, что его письмо и посейчасъ еще не прочитано.

Послѣднія слова Класъ говорилъ у буфетнаго шкафа, стараясь какъ можно осторожнѣе откупорить третью бутылку. Но пробка была забита слишкомъ крѣпко и громко хлопнула. «Вотъ и глупо вышло»,—подумалъ Класъ, такъ какъ въ тотъ же моментъ услыхалъ, что гость вскочилъ изъ-за стола. Черезъ секунду тяжелая рука опустилась на его плечо.

— Лошадь мнѣ... можно лошадь? или экипажъ... все равно, только скорѣе... въ Ново-Проницъ, сію минуту!

Класъ чуть не выронилъ бутылки. Но этотъ первый страхъ не можетъ даже сравниться съ тѣмъ, что онъ почувствовалъ, взглянувши на пріѣзжаго: это лицо, этотъ лобъ и глаза... точно черные глаза барона Ганса вдругъ какимъ-то чудомъ превратились въ голубые... къ тому же голосъ... «лошадей въ Ново-Проницъ»...

— Господи! Батюшки мои!—воскликнулъ Класъ.—Такъ вы, стало быть...

— Да, да, чучело вы, насилу-то сообразили! Убирайтесь скорѣе въ конюшню! Есть лошади?

— Есть, есть, господинъ.

— Не смѣйте произносить моего имени, не то я раздроблю вамъ голову! Слышали? Чтобы ни одна душа, ни даже жена ваша не знала до моего возвращенія... Поняли?

— Да, да, господинъ.

— Въ десять минутъ чтобы были лошади, а я пока наверху управлюсь. Человѣку, который меня повезетъ, скажите, что я ѣду въ охотничій замокъ. Это по той же дорогѣ. А тамъ я уже самъ распоряжусь. Черезъ десять минутъ. Маршъ!

Послѣднія слова онъ произнесъ уже на ходу, таща за собою Класа. Онъ бѣгомъ пустился по лѣстницѣ, а трактирщикъ еще потиралъ руку, на которой отпечатался каждый палецъ барона. Класъ вызвалъ Іохена и приказалъ какъ можно скорѣе запрягать караковыхъ, къ счастью, только что вернувшихся съ поля, а самъ принялся выдвигать изъ сарая голштинку. «Ну, человѣкъ! Ну, человѣкъ!—разсуждалъ онъ самъ съ собою.—Не даромъ его звали Густавомъ-сорванцемъ; должно быть, и года его не исправили. Тамъ, ишь, наверху какая оказія, а въ Проницѣ фрейленъ Герта! Вотъ исторія-то пойдетъ! И все передъ глазами Лизхенъ, а она и не воображаетъ... А я-то вотъ сразу все на свѣжую воду вывелъ, только видъ дѣлалъ, будто... Ну, погоди, Лизхенъ, попробуй ты мнѣ теперь сказать: молчи, Класъ! Ничего ты не знаешь, Класъ!.. Вотъ тебѣ и не знаешь... Іохенъ, готово, что ли?

— Иду, иду,—отвѣтилъ Іохенъ.

Ровно черезъ десять минутъ голштинка, запряженная парою караковыхъ, стояла уже у крыльца. Іохенъ сидѣлъ на козлахъ. Баронъ Густавъ вышелъ изъ дома въ темномъ плащѣ съ подня-

тымъ воротникомъ, почти совершенно скрывавшимъ его лицо. Надъ площадью неслась громадная стая воронъ по направленію къ княжескому парку, затемняя своею черною массою ярко горѣвшую на небѣ зорю. Баронъ Густавъ занесъ было ногу сѣсть въ экипажъ, пріостановился и, какъ показалось Класу, какимъ-то страннымъ взглядомъ провожалъ полетъ зловѣщихъ птицъ. Но вотъ стая промчалась, небо опять прояснилось; баронъ сдѣлалъ движеніе и проговорилъ что-то про себя. Класъ разслышалъ лишь слова: «Э! все глупости!»

Баронъ Густавъ однимъ прыжкомъ очутился въ экипажѣ и крикнулъ:

— Пошелъ и погоняй своихъ клячъ!

Голштинка быстро покатила по площади.

Глава III.

Въ то время, когда баронъ Гапсъ, въ тяжеломъ раздумьѣ ѣхалъ верхомъ изъ Проры, у подъѣзда барскаго дома въ Старо-Проницѣ стоялъ экипажъ, ожидая ихъ превосходительства и фрейленъ Герту, собиравшихся на балъ въ Грибеницъ. Кришанъ нетерпѣливо похлопывалъ длиннымъ бичемъ, сидя на высокихъ козлахъ. Вильгельмъ, стоявшій на террасѣ, прислонившись къ периламъ, сказалъ:

— Что, Кришанъ, не дѣйствуетъ? Хлопни-ка погромче.

— Все равно не подѣйствуетъ,—отвѣтилъ кучеръ.

— Ну, стало быть, подождемъ,—сказалъ Вильгельмъ.

— Извѣстно, подождемъ.

Кришанъ продолжалъ слегка хлопать бичемъ; Вильгельмъ сѣлъ на перила и сталъ болтать ногами.

— Кришанъ, ты сегодня принарядился,—сказалъ онъ.

— А ты-то,—замѣтилъ Кришанъ.

Вильгельмъ снялъ шляпу и передвинулъ немного напередъ большую кокарду.

— Особенными франтами мы оба не смотримъ,—сказалъ Вильгельмъ.—Не мѣшало бы снарядить насъ во все новое.

— Для нашихъ стариковъ хорошо и это.

— Для стариковъ! А для нашей барышни? А что ты думаешь, Кришанъ, выйдетъ у нихъ что-нибудь тамъ или нѣтъ?

— Почему мнѣ знать,—сказалъ Кришанъ.—А ты какъ думаешь?

Вильгельмъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, Кришанъ, я не думаю. Вчера мы опять пробыли у нихъ весь вечеръ. Старые господа играли въ бостонъ съ нашими стариками, а молодой графъ сидѣлъ около нихъ и только таялъ, украдкою посматривая на нашу фрейленъ, сидѣвшую съ вязаньемъ за другимъ столомъ. Старый графъ показалъ ему глазами, чтобы онъ шелъ къ фрейленъ. Онъ подсѣлъ къ ней и началъ было разговаривать. Поговорить онъ умѣетъ, только дѣло не пошло; она все смѣялась прямо ему въ глаза, потомъ встала и вышла вонъ.

Кришанъ, соскучившись, повидимому, долгимъ ожиданіемъ, поднялъ бичъ и такъ громко хлопнулъ, что лошади вздогнули и рванулись впередъ; дворовая собака, дремавшая въ сторонкѣ, вскочила на ноги и подняла отчаянный лай; огромная стая голубей взвилась съ сосѣдней крыши и, хлопая крыльями, принялась кружиться надъ дворомъ. Въ верхнемъ этажѣ, какъ разъ надъ подъѣздомъ, открылось окно, выглянула бѣлая голова и послышался сердитый, старческій голосъ:

— Что вы тутъ за шумъ подняли, болваны?

Окно опять захлопнулось.

— Что? Досталось?—сказалъ Вильгельмъ.

— Старая шведская обезьяна!—сорвалъ свою досаду Кришанъ, и оба разсмѣялись.

Закрывши окно, камергеръ все еще грозилъ сжатымъ кулакомъ въ сторону двора, хотя никто не могъ видѣть ни этого жеста, и ни слышать его старческой брани:

— Vile canaille! Les brutes, les... bah! la bêtise de se facher! ça agace les nerfs et... dérange le costume!

Онъ подошелъ къ большому зеркалу въ простѣнкѣ между оконъ и, близко всматриваясь, поправилъ два завитка бѣлаго парика, спускавшіеся на лобъ, разгладилъ затѣйливое жабо, длинныя, кружевныя манжеты, краснымъ фуляромъ обмахнулъ борты своего золотомъ расшитаго голубаго фрака и короткихъ черныхъ панталонъ; потомъ отступилъ шага на два, поднесъ къ глазамъ золотую лорнетку и долго самодовольно любовался своимъ отраженіемъ въ зеркалѣ. Старый дипломатъ охорашивался, отставлялъ то правую ногу, то лѣвую, закладывая то одну, то другую руку за бѣлый жилетъ. Наконецъ, подходящая поза была найдена; камергеръ слегка склонился, поднесъ къ губамъ концы пальцевъ и послалъ зеркалу воздушный поцѣлуй. Стуная осто-

рожными шажками, онъ направился черезъ залу и двѣ слѣдующія комнаты, остановился у затворенной двери и постучался. Извнутри послышалось: «Entrez!» Онъ вошелъ въ ту минуту, какъ его супруга вставала изъ-за туалетнаго столика ему навстрѣчу. Горничная, одѣвавшая старую барыню, собрала кое-какія вещи и исчезла за дверью, скрытою драпировкой.

— Charmant, magnifique!—сказалъ камергеръ и принялъ ту позу, которая такъ ему понравилась передъ зеркаломъ.

— Tournez, s'il vous plait! Vraiment ravissant, madame!

Старушка, улыбаясь, тихо перевернулась и стала опять лицомъ къ лицу съ своимъ супругомъ. Онъ слегка склонился впередъ, поднесъ къ губамъ концы пальцевъ и послалъ воздушный поцѣлуй супругѣ точь въ точь, какъ продѣлалъ за нѣсколько минутъ передъ зеркаломъ. Затѣмъ, съ влюбленнымъ выраженіемъ, онъ отвѣсилъ ей низкій поклонъ; она отвѣтила придворнымъ, низкимъ реверансомъ.

— Я счастлива,—сказала она тоже по-французски,—что все еще немножко нравлюсь своему супругу.

— Все еще!.. немножко!.. нравлюсь!.. Madame, если бы я не имѣлъ уже счастья быть вашимъ супругомъ... если бы вы, madame, были свободны, клянусь небомъ, именно въ эту минуту я бы дерзнулъ выразить мое искательство этой прелестной ручки.

— Льстецъ!...

— Повѣрьте, нѣтъ. Я не скажу вамъ, напримѣръ, что вы совершенство, или, вѣрнѣе, вы могли бы имъ стать, если бы дозволили мнѣ нѣсколько усилить румянецъ этихъ нѣжныхъ щечекъ.

— Я боялась, что мы пріѣдемъ слишкомъ рано, еще при дневномъ свѣтѣ.

— О, не бойтесь ничего, madame, и довѣрьтесь мнѣ; я съумѣю это сдѣлать лучше, чѣмъ ваша камеристка.

Онъ подвелъ старушку къ туалету, усадилъ ее и искусною рукою произвелъ предположенное усовершенствованіе красоты, потомъ оправилъ складки декольтированнаго лифа, брилліантовый аграфъ, которымъ были прикрѣплены страусовыя перья высокаго тока и, наконецъ, заявилъ, что недостаетъ только королевскаго салона для настоящаго тріумфа, подобающаго такой красотѣ и умѣнью одѣться. Старушка вздохнула.

— Другъ мой,—сказала она,—вы говорите о прекрасномъ прошломъ. Прошли дни Фонтенебло и Тріанона и не вернутся ни-

когда... И теперь моя душа далеко не въ радостномъ настроеніи. Совсѣмъ напротивъ. Меня томитъ какое-то предчувствіе, что не сбудутся наши надежды.

— Этого быть не можетъ!—воскликнулъ старый камергеръ.

— Однако, другъ мой, припомните, какъ она держала себя вчера вечеромъ, наканунѣ помолвки.

— Возмутительно!

— Какъ всегда, впрочемъ. И если сказать правду, другъ мой, то вѣдь она ни разу еще не выразила своего согласія. Все дѣло ограничивается пока желаніемъ съ нашей стороны, ожиданіемъ и надеждою со стороны графовъ Грибенъ.

— Но и положительнаго отказа она тоже не выражала.

— Она только не противорѣчила намъ, не возражала изъ вѣжливости.

— Позвольте вамъ замѣтить, madame, что, по мнѣ, чортъ ее возьми совсѣмъ такую вѣжливость.

Старикъ проговорилъ это чрезвычайно рѣзкимъ тономъ, совсѣмъ не гармонировавшимъ съ его искусственною, напускною манерою. Супруга замѣтно струсила.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите мнѣ этого,—продолжалъ онъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ маленькими, нервными шагами.—Слышать я этого не хочу... Это бѣситъ меня! Это было бы полнымъ разрушеніемъ всѣхъ плодовъ трехлѣтнихъ, необычайныхъ, неслыханныхъ усилій тончайшей дипломатіи! Припомните, вначалѣ ни графъ, ни графиня знать ничего не хотѣли объ этой партіи... припомните, что я сотни разъ терпѣливо сносилъ его сквернѣйшую игру въ карты, его нестерпимый голосъ, и все изъ-за того, чтобы расположить его въ пользу нашихъ плановъ. Чего же нужно этой дѣвушкѣ? Кого ей? Принца крови? Она должна бы на колѣняхъ благодарить насъ за то, что мы устроиваемъ ей такую партію послѣ того, какъ ее безвозвратно скомпрометировалъ ея возлюбленный...

— Олафъ, вѣдь онъ мой внукъ!—молящимъ голосомъ проговорила старуха.

— Тѣмъ хуже для васъ! Тѣмъ хуже... и вы скомпрометированы. Да нѣтъ... я понимаю въ чемъ тутъ дѣло. Согласитесь, что вы менѣе думаете объ этой дѣвушкѣ, которую я считаю достаточно благоразумною для того, чтобы, въ концѣ-концовъ, согласиться на это замужство,—вы не думаете даже о томъ негодяѣ, который, вѣроятно, никогда не вернется или явится бро-

дягою, отверженнымъ Богомъ и людьми... Вы думаете о его милости, господинѣ вашемъ старшемъ внукѣ, и о томъ, что устройствомъ этого брака мы можемъ навлечь на себя неудовольствіе его высокой милости.

— Не можемъ, а навлечемъ, другъ мой,—возразила старуха.—Онъ такъ любитъ брата, любитъ больше всего въ мірѣ, и употребитъ всѣ средства сберечь для него его невѣсту. А вѣдь онъ ея опекунъ.

— Такой же, какъ и нашъ!—воскликнулъ камергеръ.—То-есть баринъ, у котораго мы живемъ изъ милости! Неужели мнѣ еще разъ указывать вамъ несовмѣстность такихъ отношеній съ нашимъ достоинствомъ, и что мы должны попытать выдти изъ этого положенія во что бы ни стало? А выходъ намъ одинъ: устроить блестящее замужество для бездомной сироты, которую мы же изъ человѣколюбія пріютили въ этомъ домѣ, и тѣмъ заставить ее быть у насъ въ неоплатномъ долгу.

— Кто поручится,—возразила старуха, — что она захочетъ расплачиваться съ этимъ долгомъ? И будетъ ли еще она имѣть къ тому возможность? Вы знаете, Грибены, отецъ и сынъ, до гадости скупы. Про Ганса же можно говорить все, что угодно, но скупымъ его нельзя назвать. Онъ, правда, очень аккуратенъ, себя ограничиваетъ во всемъ, тогда какъ намъ...

—Онъ позволяетъ швырять деньги въ окошко! Договаривайте, madame, договаривайте!

Камергеръ уже не говорилъ, а кричалъ и топалъ ногами; вдругъ онъ со стономъ схватился обѣими руками за больную колѣнку. Перепуганная старуха подбѣжала поддержать его.

— Оставьте, madame!—отстранилъ онъ ее.—Я долженъ привыкать на старости лѣтъ обходиться безъ помощи.

— Дорогой другъ! дорогой другъ!—успокоивала она.—Я съ вами совершенно d'accord, во всемъ d'accord! Я желаю только того, чего вы хотите. Я высказала лишь опасенія, но, все-таки, не теряю надежды, что сегодня все устроится. Этотъ блестящій праздникъ польститъ дѣвочкѣ; онъ для нея устроенъ, она будетъ, такъ сказать, его царицею. Нашъ юный другъ достаточно нами подготовленъ, чтобы рѣшиться, наконецъ, сказать послѣднее слово. Мы воспользуемся благопріятною минутою и повернемъ дѣло такъ, чтобы превратить его въ fait accompli. Тогда и мой внукъ лишенъ будетъ возможности помѣшать этому браку. Немножко терпѣнія, мой другъ, немножко дипломатіи, въ которой

вы такой великій мастеръ, и вы увидите, мы возвратимся домой съ невѣстой. Намъ, однако, пора ѣхать; Герта, навѣрное, уже ждетъ насъ. Видите?

Показавшаяся въ дверяхъ горничная доложила, что барышня прислала узнать, готовы ли ихъ превосходительства. Старуха взяла подъ руку мужа съ тѣмъ, чтобы поддержать его; но въ присутствіи служанки онъ опять пріободрился и, несмотря на продолжающуюся боль въ колѣнкѣ, силился идти своею обычною танцмейстерскою походкою. Намекъ на его высокія дипломатическія способности возъимѣлъ свое обыкновенное дѣйствіе и разогналъ дурное расположеніе духа. Къ тому же онъ имѣлъ скрытыя отъ жены, крайне настоятельныя причины желать, чтобы все устроилось именно такъ, какъ было предположено. Онъ уже мысленно рисовалъ картину, какъ въ большомъ залѣ замка Грибеницъ онъ будетъ принимать поздравленія мужчинъ, съ княземъ Прора во главѣ, какъ въ то же время на другомъ концѣ залы его жена будетъ отвѣчать на привѣтствія дамъ. Радужныя мечты вызвали улыбку на его лицѣ; онъ нѣжно пожалъ поддерживающую его руку и окончательно просіялъ отъ знаменательнаго отвѣтнаго пожатія. Въ такомъ настроеніи духа они миновали пріемныя комнаты и уже подходили къ двери, ведущей въ сѣни и на лѣстницу; шедшая впереди горничная взялась было за ручку, но дверь распахнулась снаружи, и старики очутились лицомъ къ лицу съ барономъ Гансомъ.

Глава IV.

Появленіе внука, не показывавшаго глазъ по цѣлымъ недѣлямъ, и притомъ появленіе въ такую минуту привело старуху въ настоящій ужасъ. Ея испуганный взглядъ принялъ умоляющее выраженіе и, обращаясь къ мужу, какъ бы говорилъ: «Я предчувствовала это, но сдѣлать ничего не въ силахъ». Камергеръ въ смущеніи закашлялъ. Дѣло принимало крайне непріятный оборотъ. Онъ совсѣмъ не разсчитывалъ на серьезное вмѣшательство Ганса и былъ твердо увѣренъ, что по своей апатичной неповоротливости баронъ пропуститъ рѣшительный моментъ и вынужденъ будетъ принять совершившійся фактъ. Зачѣмъ онъ пожаловалъ? Требовать объясненія? Въ такомъ случаѣ надо придумать средство выпутаться изъ неловкаго положенія. Самое лучшее— отъ всего отпереться. Въ сущности, ничего окончательнаго и без-

поворотнаго еще, къ сожалѣнію, не произошло. А затѣмъ необходимо предпринять самыя энергическія мѣры и какъ можно скорѣе все обдѣлать.

Старики имѣли достаточно времени сообразить и обдумать неудобное положеніе, въ которое они попали такъ неожиданно. Гансъ все еще стоялъ на порогѣ, не двигаясь съ мѣста. Былъ ли онъ самъ смущенъ нечаянностью встрѣчи, или, по обыкновенію, не находилъ приличествующихъ случаю выраженій? Надо было этимъ воспользоваться и попытать увернуться. Камергеръ взялъ подъ руку жену и, увлекая ее за собою, двинулся прямо на Ганса со словами:

— Ага! милѣйшій баронъ! Пришли сами сказать, что экипажъ готовъ. Да, да... дамамъ сказать, дамамъ! Прекрасно! Въ самомъ дѣлѣ, давно пора ѣхать.

Онъ разсчитывалъ, что Гансъ посторонится отъ двери и пропуститъ ихъ. Но молодой человѣкъ, вмѣсто того, притворилъ дверь, поклонился, движеніемъ руки предложилъ старикамъ сѣсть и выслалъ изъ комнаты горничную. У старухи подкосились ноги отъ страха; она безсильно опустилась на кресло у круглаго стола среди залы. Она не помнила, какъ добралась до него. Камергеръ почувствовалъ новый приступъ сильнѣйшей боли въ колѣнѣ и тоже сѣлъ. Гансъ продолжалъ стоять на полдорогѣ между ними и дверью.

— Прошу извинить, что задержалъ,—сказалъ онъ.—Я получилъ извѣстіе... письмо получилъ съ нарочнымъ часъ тому назадъ. Я ѣздилъ утромъ въ Бергенъ по дѣлу и до сихъ поръ не былъ дома. Управляющій сейчасъ сюда привезъ его изъ Ново-Проница, такъ какъ зналъ, что я здѣсь. Письмо отъ Густава, бабушка.

Онъ проговорилъ это своимъ тихимъ, конфузливымъ голосомъ, не сводя съ бабки чернаго, не моргающаго глаза, вынулъ изъ кармана письмо, развернулъ и нетвердою рукою протянулъ старухѣ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и остановился. Бабушка не шевельнулась; только вѣеръ сильно дрожалъ въ ея рукѣ, затянутой въ перчатку, и сквозь румяны проступала сильная блѣдность на морщинистыхъ щекахъ. Гансу тяжело стало, стало жаль старухи, не смѣвшей при мужѣ выразить радости по случаю полученія вѣсти отъ внука, котораго уже начинали считать погибшимъ.

— Еще разъ прошу извиненія,—сказалъ Гансъ мягко.—Я самъ

такъ пораженъ. Я не понимаю, почему онъ не... впрочемъ, вы, быть можетъ, сами прочтете?...

Гансъ сдѣлалъ еще движеніе по направленію къ бабкѣ и опять остановился. Камергеръ поднялся съ мѣста и протянулъ руку, вѣжливо отстраняя барона.

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь, мы не хотимъ быть нескромными. Письмо не намъ адресовано. Вы обяжете насъ, если сообщите его содержаніе въ другое время... завтра, если вамъ угодно. Сегодня же, то-есть теперь, намъ необходимо, давно пора отправляться... Весьма вамъ благодарны! Весьма благодарны! Пойдемте, моя милая!

Послѣднія слова онъ проговорилъ по-французски съ такимъ выраженіемъ лица, что старуха тотчасъ же встала, хотя съ трудомъ держалась на ногахъ.

— И такъ до свиданья, до завтра,—продолжалъ камергеръ, дѣлая привѣтливыя движенія рукою.—Еще разъ благодарю, милѣйшій баронъ!

— Да, да, милый Гансъ, благодарю, благодарю, — едва выговаривала бабушка, прощаясь съ внукомъ движеніемъ вѣера.

Рука въ руку старики хотѣли пройти мимо Ганса. Теперь онъ стоялъ въ сторонѣ отъ двери. Его тревожный взглядъ обѣгалъ залу, какъ бы ища помощи, и останавливался на двухъ дверяхъ, ведущихъ во внутреннія комнаты. Вдругъ лицо его просіяло. Одна изъ дверей отворилась и вошла Герта, совсѣмъ одѣтая къ выѣзду. Она пріостановилась на мгновенье, однимъ взглядомъ окинула сцену и быстро вошла въ комнату.

— Простите, бабушка, Лизета опять задержала. Bon soir, excellence! Здравствуй, Гансъ! И ты съ нами? Ахъ, на тебѣ охотничьи сапоги! Стало быть, опять по дѣлу? Ну, дѣла послѣ, теперь не задерживай бабушку. Намъ давно пора ѣхать.

— Прошу тебя, прочти это письмо.

— Какое письмо?

— Вотъ.

Онъ подалъ ей письмо и вышелъ. Герта посмотрѣла ему вслѣдъ, пожимая плечами. Навѣрное опять какая-нибудь непріятность и ей предстоитъ ея обыкновенная роль посредницы между этимъ мечтателемъ и стариками, вѣчно ставящими его своими безумствами въ скверныя положенія. Письмо изъ Зундина, кажется, мужская рука... Можетъ подождать до завтра. Она хотѣла уже бросить письмо на столъ, не прочитавши; но, складывая раз-

вернутый листокъ, невольно взглянула на начальныя строки и прочла: «Милый Гансъ! Лучше поздно, чѣмъ никогда, и хотя поздно, а твой бродяга вернулся»...

Герта вздрогнула всѣмъ тѣломъ, точно отъ электрическаго удара. Она схватилась рукой за сердце, черезъ секунду оперлась ею на столъ и пробѣжала письмо. Возможно ли это? Правда ли? На минуту она замерла на мѣстѣ, потомъ вдругъ выпрямилась, положила письмо на столъ и, не спѣша, сняла кружевной платокъ, окутывавшій ея голову и шею, и сбросила съ плечъ шаль. Все это произошло крайне быстро, такъ что старики фонъ-Линдбладъ оставались еще на прежнемъ мѣстѣ, — бабушка въ боязливомъ ожиданіи, ея супругъ внѣ себя отъ изумленія и злости. Очевидно было, что дѣвушка намѣрена остаться дома. Камергеръ скорѣе прошипѣлъ, чѣмъ проговорилъ: «Sacré»!... выпустилъ руку жены и подошелъ къ Гертѣ.

— Смѣю льстить себя надеждою, mademoiselle,—заговорилъ онъ по-французски,—что вы не пожелаете лишить насъ удовольствія, на которое мы, — и не мы одни, — сегодня расчитывали?

Герта взглянула на дипломата. Старое лицо, умѣвшее всегда такъ сладко улыбаться, было искажено страхомъ и гнѣвомъ. Дѣвушка знала, насколько золъ и мстителенъ этотъ человѣкъ; она знала также, что ей придется сразу уничтожить его планъ, надъ осуществленіемъ котораго онъ неутомимо хлопоталъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Весьма возможно, что своимъ поступкомъ она давала ему нѣкоторое право быть ею недовольнымъ и выражать свое неудовольствіе; но она не привыкла къ такому тону и ни за старымъ камергеромъ, и ни за кѣмъ въ мірѣ не признавала права распоряжаться ею, вопреки ея желанію. Что и какъ будетъ дальше, она сама не знала, но твердо рѣшила дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

— Очень сожалѣю, — сказала она, — но Густавъ вернулся, онъ въ Прорѣ и проситъ Ганса пріѣхать за нимъ.

Она проговорила это крайне вѣжливо и совершенно спокойно, и даже разсмѣялась надъ тѣмъ, какъ испуганно отскочилъ отъ нея старикъ. Дѣло оказывалось хуже, чѣмъ онъ предполагалъ. Письмо еще туда-сюда, хотя лучше было бы, если бы никакого письма не получалось; но бродяга возвращается самъ, вернулся, въ Прорѣ и сегодня же вечеромъ будетъ здѣсь.

— Это ужасно! Это невозможно!—пробормоталъ старикъ.

— Это вѣрно,—сказала Герта,—онъ самъ пишетъ изъ Зун-

дина. Вотъ письмо, посмотрите сами, excellence. И не правда ли, милая, добрая бабушка, очень понятно и въ порядкѣ вещей мое... я хочу сказать наше желаніе—встрѣтить этого дурнаго человѣка? Это такъ естественно и прилично. Если мы поѣдемъ въ Грибеницъ теперь, именно въ ту минуту, когда узнали, что онъ вернулся и что Гансъ привезетъ его сюда, то это будетъ демонстраціей, которая насъ же свяжетъ, а я не желаю быть связанной даже по отношенію къ Густаву. Я не хочу дать ему замѣтить, насколько меня огорчало его долгое молчаніе. Онъ и безъ того былъ не въ мѣру гордъ и я не думаю, чтобы сталъ теперь скромнѣе.

Герта осталась довольна собою. Все это она высказала очень просто и непринужденно. Старики не могли не замѣтить, какъ болѣзненно билось ея сердце, какъ тяжело было у нея на душѣ. Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу. Госпожа фонъ-Линдбладъ, къ которой были обращены послѣднія слова, продолжала испуганно смотрѣть на мужа; камергеръ съ трудомъ овладѣлъ собою, собралъ всю свою привычную выдержку и заговорилъ хриплымъ голосомъ:

— Перестаньте ребячиться, прошу васъ, mademoiselle! Мы дали слово быть вечеромъ въ Грибеницѣ и сдержимъ свое слово, несмотря на то, угодно будетъ сюда пожаловать или не угодно молодому человѣку, поступившему съ нами въ высшей степени дурно. Вы должны ѣхать, mademoiselle, во-первыхъ, ради себя самой, если въ васъ есть хотя искра гордости и самолюбія, недостаткомъ которыхъ вы вообще не страдаете; во-вторыхъ, вы должны это сдѣлать для насъ, заступившихъ вамъ мѣсто родителей съ четырехлѣтняго вашего возраста и всегда желавшихъ вамъ добра; наконецъ, вы обязаны ѣхать ради нашихъ друзей, графовъ Грибеницъ, которымъ не только прискорбно будетъ, но и въ высшей степени оскорбительно, если невѣста ихъ сына не пріѣдетъ на праздникъ, устроенный единственно въ честь ея.

Въ продолженіе всей этой рѣчи ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ Герты; только при послѣднихъ словахъ потемнѣли ея глаза, губы на мгновеніе сжались.

— Вы ошибаетесь, excellence,—заговорила она тихо и отчетливо.—Я никогда не считала себя невѣстою графа Акселя и ни ему, никому другому не подала къ тому ни малѣйшаго повода. Вамъ я очень благодарна за сообщеніе того, какое значеніе придаютъ сегодняшнему балу. Если бы я даже хотѣла ѣхать, то теперь уже рѣшительно остаюсь дома.

Она взяла свои вещи со стола.

— Милая Герта! Дитя мое!—заговорила старуха умоляющимъ голосомъ.—Прошу тебя изъ любви ко мнѣ!...

— Не могу, бабушка,—отвѣтила Герта, подходя къ старухѣ и цѣлуя ея руку.—Теперь окончательно не могу.

Бабушка хотѣла что-то возразить, но мужъ перебилъ ее:

— А! Вы не можете? Теперь окончательно?... Прекрасно! Такъ теперь я вамъ скажу, что я могу и что я сдѣлаю. Сегодня же вечеромъ я объявлю графу, графинѣ, его свѣтлости князю, ея свѣтлости княгинѣ, объявлю всему обществу, что господинъ баронъ Густавъ фонъ-Пронъ сдѣлалъ намъ честь и опять пожаловалъ, и что его кузина, фрейленъ Герта фонъ-Пронъ, осталась дома, чтобы спросить этого господина, не удостоитъ ли онъ взять ее въ жены послѣ того, какъ въ теченіе трехъ лѣтъ, по его милости, она была посмѣшищемъ цѣлаго края?...

Крича и задыхаясь отъ бѣшенства, камергеръ близко подступилъ къ молодой дѣвушкѣ. Она не попятилась ни на волосъ, не сдѣлала ни одного движенія. Только нѣжный румянецъ на ея щекахъ смѣнился страшною блѣдностью, голубые глаза блестѣли почти чернымъ оттѣнкомъ и легкая, чуть замѣтная дрожъ голоса выдавали ея волненіе.

— Я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы бы все это сказали и сдѣлали, если бы смѣли. Но, слава Богу, ни сказать, ни сдѣлать вы ничего не смѣете,—проговорила она тихо, отчеканивая каждое слово.

— Вы полагаете?

— Вы знаете, о чемъ я говорю и... о комъ.

Намекъ былъ достаточно ясенъ и безъ сопровождавшаго его взгляда молодой дѣвушки на дверь, за которою только что исчезъ Гансъ. Старикъ отлично понималъ, о комъ и о чемъ идетъ рѣчь. Особенно невыносимо было ему это напоминаніе о зависимости отъ ненавистнаго барона именно въ эту минуту, когда онъ такъ надѣялся избавиться отъ нея и оказывался опять обреченнымъ ей подчиняться.

— А вотъ увидите!—прошипѣлъ онъ съ угрожающимъ жестомъ, схватилъ подъ руку чуть не падающую отъ страха жену и почти вытащилъ ее за собою изъ залы.

Дверь съ шумомъ захлопнулась. Герта глубоко вздохнула полною грудью, подбѣжала къ столу, схватила письмо Густава и прижала его къ губамъ.

— Милый! Дорогой мой! И я могла думать...

Она хотѣла еще разъ прочесть письмо; буквы прыгали и путались въ подступившихъ къ глазамъ слезахъ. Герта быстро отерла ихъ.

— Какія глупости!—прошептала она.—Какъ бы онъ сталъ смѣяться, если бы увидалъ!

Она сама усмѣхнулась короткимъ, отрывистымъ смѣхомъ и стала читать:

«Милый Гансъ! Лучше поздно, чѣмъ никогда, и хотя поздно, а твой бродяга вернулся. Пишу тебѣ изъ Зундина въ 9 часовъ вечера. Выѣду отсюда завтра въ полдень, чтобы дать время дойти письму до тебя; около семи часовъ буду въ Прорѣ, у стараго Ниммо, если Бахусъ еще не призвалъ къ себѣ этого вѣрнаго слугу. Во всякомъ случаѣ надѣюсь встрѣтить тебя на постояломъ дворѣ и поговорить въ тотъ же вечеръ. Больше писать некогда и охоты нѣтъ. Лучше поговоримъ лично.

«Густавъ».

Улыбка счастья исчезла съ лица молодой дѣвушки, письмо выскользнуло изъ рукъ. Пробѣгая письмо въ первый разъ, она поняла только, что онъ вернулся, что онъ здѣсь, и ничего больше. Теперь же—ни слова о ней, ни намека!... Такъ ли бы писалъ любящій человѣкъ, не разлюбившій? Можетъ быть, и вернулся лишь сказать, что разлюбилъ, что она свободна, можетъ располагать собою... Располагать! Выдти замужъ за самаго богатаго! Да, она можетъ...

Герта быстро схватила со стола свои вещи. Въ эту минуту изъ открытаго окна донесся топотъ лошадей и стукъ колесъ отъѣзжающаго экипажа.

Поздно!

Она подбѣжала къ окну. Экипажъ выѣзжалъ уже за ворота.

Поздно! Поздно!

Все пропало. А лишь нѣсколько минутъ тому назадъ ей стоило только протянуть руку и она могла блестящимъ образомъ отомстить измѣннику... если только правда, что онъ измѣнникъ! Но могло ли быть въ томъ сомнѣніе послѣ такого письма?

Со двора опять послышался шумъ, голоса. Къ подъѣзду подвели лошадь Ганса; онъ самъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, вскочилъ въ сѣдло и во всю прыть помчался по липовой аллеѣ.

Герта горько разсмѣялась. И это человѣкъ, на защиту котораго она такъ смѣло полагалась!... А онъ покинулъ ее одну въ

тяжелую минуту отвратительной борьбы съ злымъ старикомъ; покидаетъ опять, не сказавши даже «спасибо» за то, что она осталась, не выразивши ни однимъ словомъ ни участія, ни сочувствія, ни ободренія! Не много бы времени это отняло у него. Нѣтъ, ему некогда, ему необходимо мчаться сломя голову навстрѣчу возлюбленному братцу, сообщить, какъ можно скорѣе, что домъ и все къ его услугамъ, что его нетерпѣливо ждетъ невѣста, изнывая отъ любви, что она почтетъ за счастье, за неземное блаженство, если онъ соблаговолитъ взглянуть на нее милостивымъ окомъ!

Она отошла отъ окна и тревожно ходила взадъ и впередъ по залѣ. Въ комнатѣ между тѣмъ сгустился вечерній сумракъ, только въ открытое окно еще лился красноватый отблескъ яркой зари и озарялъ фигуру молодой дѣвушки какимъ-то фантастическимъ свѣтомъ, точно исходящимъ изъ нея самой; свѣтлымъ видѣніемъ отразилась она на темномъ фонѣ зеркала. Герта остановилась и долго, пристально всматривалась въ свое изображеніе; черту за чертою, линію за линіей разбирала она эту стройную фигуру отъ атласнаго башмачка, выглядывавшаго изъ-подъ бальнаго платья, до пышной розы въ темнорусыхъ, волнистыхъ волосахъ. Наконецъ, взглядъ ея остановился на глазахъ, смотрѣвшихъ на нее въ упоръ изъ зеркала, и эти глаза казались все больше и больше, все прекраснѣе и обворожительнѣе.

— Покинута!—проговорила она.—Нѣтъ! Такихъ не покидаютъ!... Она спокойно отвернулась отъ зеркала, собрала свои вещи и направилась къ двери въ корридоръ, ведущій къ ея комнатѣ. Въ эту минуту въ залу быстро вошла фрау Панкъ.

— Гертинька! Фрейленъ Гертинька! Дорогое дитя мое! Я всегда говорила, была увѣрена, что онъ вернется... Мой Густавъ! Я все знаю, онъ все сказалъ мнѣ. Какъ я благодарна вамъ, что вы не поѣхали съ старыми господами. Я приготовлю отличный ужинъ, а вы надѣньте голубое платье, знаете, то платье, въ которомъ онъ васъ видѣлъ въ послѣдній разъ.

Она обняла молодую дѣвушку и зарыдала. Герта высвободилась изъ ея объятій.

— Кто говорилъ тебѣ все это? Густавъ?

— Густинька? Да какъ же могъ онъ говорить со мною, когда онъ еще въ Прорѣ. Баронъ Гансъ говорилъ. Онъ сейчасъ заходилъ ко мнѣ въ кухню; онъ зналъ, какая это для меня радость. Теперь онъ поскакалъ за Густавомъ, привезетъ сюда на-

шего Густиньку! Господи, Господи! Неужели вы не рады, фрейленъ Гертинька?

— Поди и помоги мнѣ переодѣться,—сказала Герта.—А голубое платье пусть виситъ себѣ въ шкафу. Впрочемъ, можешь его взять себѣ.

Герта бросила свои вещи на руки фрау Панкъ и пошла впередъ.

— Черезъ три-то года и вотъ что!—шептала экономка, покачивая головою.—Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же она осталась? Да нѣтъ, вотъ дай имъ только свидѣться, опять обнять другъ друга... Гдѣ тамъ какому-нибудь графу противъ моего Густиньки!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВА.

Поэма Альфреда де-Мюссэ.

Друзья, пусть ива надо мной шумитъ,
Когда меня покинутъ жизни силы.
Ея вѣтвей люблю я грустный видъ,
Ея листы поблекшіе мнѣ милы,
И тѣнь ея собой не отягчитъ
Ту землю, гдѣ почію сномъ могилы...

I.

Въ толпѣ тревожное движенье...
Миссъ Смоленъ пѣсню начала...
Она съ собою принесла
Толпѣ восторгъ и вдохновенье;
Собранье шумное гостей
Умолкло вдругъ, внимая ей.
Она плѣняетъ всѣхъ собой;
На ликъ пѣвицы молодой
Всѣ взоры страстно устремились;
Она задумчива, блѣдна;
Небесъ лазурь и глубина
Въ прелестномъ взорѣ отразились.
Волнистый шелкъ ея кудрей,
Короной свѣтлою вѣнчаетъ
Ее чело; все манитъ къ ней,
Все къ ней невольно привлекаетъ.
Ее ласкаетъ, любитъ свѣтъ;
Вездѣ улыбку и привѣтъ
Она встрѣчаетъ, но во взорѣ
Невинной дѣвы видно горе...
На ней лежитъ тоски печать.
Кто тайны сердца можетъ знать?
На облака закатъ бросаетъ
Порою отблескъ огневой,

Съ трудомъ тотъ отблескъ мракъ ночной
Съ лазури неба прогоняетъ;
Такъ проливаетъ въ сердце радость
Ея улыбка и съ собой
Приноситъ счастье и покой
Ея плѣнительная сладость...
Краса лица и сердца младость
Мечты отрадныя дарятъ.
Ея очей глубокій взглядъ
Сердца плѣняетъ и тревожитъ;
Тотъ взглядъ никто забыть не можетъ...

Про иву, зеленую иву
Запѣла въ волненьи она...
Сначала лишь тихою грустью
Унылая пѣсня полна.
На блѣдномъ лицѣ Десдемоны
Читается скорбь и печаль;
Слезою затмилась улыбка;
Ей свѣтлаго прошлаго жаль...
Но все безотраднѣе горе...
Тоска все растетъ и растетъ;
Какъ будто прощаясь съ землею,
Она эту пѣсню поетъ.
Полна и страданья, и страсти,
Волшебная пѣсня неслась;
Пѣвица въ пылу вдохновенья
Ей всею душой отдалась.
Когда непогода бушуетъ,
Реветъ и клубится потокъ,
Кто знаетъ, куда понесется
Волнами гонимый челнокъ?
Порою подъ звуки напѣва
На память счастливые дни
Приходятъ; забытыя грезы
Въ душѣ пробуждаютъ они...
Забытыя думы.... Какъ призракъ
Прошедшее счастье встаетъ
И въ душу святые восторги,
Надежды отрадныя льетъ...

Все глубже тоска Дездемоны;
Все пѣсня грустнѣй и грустнѣй;
Уныло отъ горя и боли
Струится слеза изъ очей;
Какъ волны колеблятся струны,
Отъ муки сжимается грудь,
Бушуя реветъ непогода;
Убійца направился въ путь...
Въ ней силы слабѣютъ и гаснутъ;
Умчался плѣнительный сонъ;
Волшебную пѣсню смѣняетъ
Тяжелый, болѣзненный стонъ...
И вотъ умолкаетъ пѣвица
Отъ страха нѣма и блѣдна
И арфу, убита кручиной,
Въ объятьяхъ сжимаетъ она.

Подъ звуки страстнаго напѣва,
Внимая голосу любви,
Ты слезы льешь, младая дѣва.
Святыя слезы не таи...
Иной бы далъ и жизнь, и счастье,
Чтобы его холодный прахъ
Слезою теплаго участья
Почтила ты; въ твоихъ очахъ
Пускай, какъ жемчугъ драгоцѣнный,
Слеза сіяетъ и блеститъ...
Отдавшись пѣснѣ вдохновенной,
Въ душѣ больной тоска молчитъ;
Гармоніи пламенные звуки
Ее уносятъ въ свѣтлый край,
Гдѣ молкнетъ тяжкій голосъ муки,
Гдѣ скорби нѣтъ, гдѣ въ сердцѣ рай...
Языкъ любви, языкъ страданья,
Какъ сладко насъ плѣняешь ты!...
Даешь душѣ очарованье,
Рождаешь чудныя мечты.
Когда порой безсильно слово,
Когда поэзія молчитъ,

Твой голосъ пламенный звучитъ.
Ему душа внимать готова,
Исполненъ онъ волшебныхъ чаръ,
Имъ сердце сладостно согрѣто,
Онъ въ душу льетъ потоки свѣта,
И, принося блаженство въ даръ,
Звучитъ, таинственности полнъ,
Какъ листьевъ шумъ, какъ ропотъ волнъ...
Угасло пламенное пѣнье,
Послѣдній звукъ умолкъ съ тоской...
А все пѣвица отъ волненья
Съ трудомъ дышала; такъ порой,
Хоть пѣсня больше не звучитъ,
Гитара стонетъ и дрожитъ...
Толпа съ любовью созерцала
Пѣвицу; взоръ ея горѣлъ,
Ея лицо красой сіяло...
Кому достанется въ удѣлъ
Ея любви огонь мятежный?
Кто пробудить съумѣетъ страсть
Въ ея груди? Душою нѣжной
Кого она признаетъ власть?

. . . . . .

Среди толпы Тиберсъ стоялъ.
Онъ въ старомъ домѣ обиталъ
Близъ замка Смоленъ; съ давнихъ лѣтъ
Онъ гордыхъ Смоленовъ сосѣдъ.
Судьба съ нимъ обошлась сурово:
Съ нуждою горькой онъ знакомъ
И долженъ жить своимъ трудомъ;
Но онъ владѣетъ даромъ слова
И чуднымъ голосомъ. Свой взоръ
Миссъ Смоленъ на него склонила
Любви полна... Съ которыхъ поръ
Ихъ души страсть соединила?—
Никто отвѣтить бы не могъ.
Любовь святую видѣлъ Богъ,
Но про нее не знали люди...
Невольно вырвался изъ груди
У бѣдняка блаженства стонъ.

Надеждой свѣтлою согрѣтый,
Своей любовью увлеченъ,
«Меня ты любишь ли, Жоржета»?—
Ей прошепталъ украдкой онъ.

II.

Въ замкѣ отцовскомъ Тиберсъ обитаетъ.
Ночи онъ трепетно ждетъ:
Только стемнѣетъ—дрожа отъ волненья,
Онъ на свиданье пойдетъ...

Въ замкѣ старинномъ и время, и бѣдность
Грустный оставили слѣдъ...
Тяжкой рукою его подавило
Бремя промчавшихся лѣтъ.
Шумъ пированья, веселыя пѣсни
Въ залахъ пустыхъ не звучатъ.
Слуги исчезли; въ забытыхъ хоромахъ
Мракъ и молчанье царятъ...
Мракъ опустѣнья — убогая бѣдность,
Грустный и тягостный видъ!
Только въ одной изъ заброшенныхъ комнатъ
Лампа уныло горитъ.
Тамъ, гдѣ алхимикъ и денно, и нощно
Тайны природы искалъ,
Подлѣ молельни, тюрьмы или склепа
Бѣдный Тиберсъ обиталъ.
Кто намъ разскажетъ прошедшаго тайны?
Что тамъ скрывалося встарь,
Мы никогда не узнаемъ; съ могилой
Сходство имѣетъ алтарь.
Кто намъ разскажетъ, какъ гордый владѣлецъ
Въ годы прошедшіе жилъ,
Какъ онъ въ далекій походъ снаряжался,
Судъ и расправу чинилъ,
Какъ, увлекаясь завѣтной мечтою,
Думою тайной своей,
Блѣдный алхимикъ страдалъ и трудился
Въ мракѣ безсонныхъ ночей?

Молчатъ уныло мрачныя руины...
На нихъ лежитъ годовъ тяжелый слѣдъ...
Отъ роскоши давно минувшихъ лѣтъ
Лишь уцѣлѣли старыя картины.
Вотъ Рафаэля снятіе съ креста.
Какою мукой дышетъ ликъ Христа!
Убитая тяжелою тоскою,
Въ слезахъ стоитъ Его святая Мать,
Закрывъ лицо дрожащею рукою;
На ней лежитъ отчаянья печать...
Одна молитва дастъ ей утѣшенье;
Неизлѣчима боль сердечныхъ ранъ!
Вотъ кисти Жирико произведенье,
Здѣсь Тинторетъ, тамъ свѣтлый Тиціанъ...
Юдифь Аллори душу наполняетъ
Невольнымъ страхомъ; злобой дышетъ взоръ,
Ея лицо изъ рамки выступаетъ
И Олоферну шепчетъ приговоръ.
Все о быломъ хранитъ воспоминанье;
Лишь бюстъ Наполеона говоритъ
О новыхъ дняхъ; безсмертныя дѣянья
Завистливое время не затмитъ;
Пройдя изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ,
Въ сердцахъ людей ихъ слава не умретъ.
Въ убогой кельѣ царствуетъ наука;
Искусству въ ней воздвигнутъ храмъ святой;
Упорный трудъ даетъ душѣ покой
И свѣтлый миръ; въ ней умолкаетъ мука;
Даря восторгъ, бросая въ душу свѣтъ,
Богиня грезъ, богиня пѣснопѣнья
Страдальцу посылаетъ упоенье;
Надеждой онъ утѣшенъ и согрѣтъ...

Забывъ друзей и шумное веселье,
Одной мечтою свѣтлой вдохновленъ,
Тиберсъ свой вѣкъ влачилъ въ убогой кельѣ;
Никто не зналъ, зачѣмъ скрывался онъ.
Одной любви онъ вѣрилъ и служилъ;
Другихъ страстей душа его не знала.

Онъ жизнь свою наукѣ посвятилъ;
Она его манила и плѣняла.
Отдавшись ей, онъ горе забывалъ...
Въ туманѣ скрылись тихія долины;
Заката лучъ, алѣя, догоралъ
И золотилъ высокихъ горъ вершины;
На спящій міръ ложилась ночи тѣнь;
Зимою ночь смѣняетъ быстро день...
Сгущалась тьма; вечернее моленье
Окончено.... толпа домой спѣшитъ;
Лишь пѣсни звукъ, теряясь въ отдаленьи,
Порой о днѣ субботнемъ говоритъ.
Съ росою пало свѣтлое забвенье
На сонный міръ; все рѣже гулъ шаговъ;
Настало царство грезъ и сладкихъ сновъ...
Тиберсъ глядѣлъ съ слезой участья
На проходящихъ поселянъ;
Имъ никогда не свѣтитъ счастье,
Имъ тяжкій крестъ судьбою данъ!...
Ища денное пропитанье,
Они трудиться вѣкъ должны;
На скорбь и вѣчное страданье
Они судьбой обречены...
Глядя на нихъ съ тоской глубокой,
Тиберсъ печаль скрывать не могъ:
И онъ томился одиноко,
И онъ былъ бѣденъ и убогъ...

Бѣднякъ и поэтъ.

О, бѣдность! лучшія стремленья
И сердца лучшія мечты,
Не зная слезъ, ни сожалѣнья,
Рукой желѣзной давишь ты...
Года проходятъ за годами,
А все тоска сжимаетъ грудь;
Ты злая мачиха—слезами
Страдальца орошаешь путь...
Къ дверямъ могилы довременной
Его ведетъ твоя рука...

Онъ къ ней идетъ трудомъ согбенный,—
Ужасна доля бѣдняка!
Но безотраднѣй доля злая
Того, кто думъ вкушаетъ плодъ:
Минуты отдыха не зная,
Двойною жизнью онъ живетъ.
Своей мечтѣ отдавшись страстно,
Простился онъ съ отраднымъ сномъ;
Она стоитъ предъ нимъ всечасно,
Какъ ангелъ съ огненнымъ мечемъ.
Ее считая за святыню,
Онъ силы ей и жизнь даритъ;
Она-жь въ безмолвную пустыню
Больную душу превратитъ...
Раздался звонъ... Тиберсъ, душой смутясь,
Ему внималъ. «Насталъ молитвы часъ,
«Пусть за меня помолятся они»!—
Онъ молвилъ и исчезъ въ ночной тѣни.

Вечерняя звѣзда.

Когда земля внимаетъ гласу Бога
И человѣкъ почіетъ отъ труда,
Скажи, кому съ лазурнаго чертога
Киваешь ты, вечерняя звѣзда?
Все спитъ кругомъ; чуть слышно льются волны;
Утихла буря; нѣги полонъ лѣсъ;
Въ волшебный часъ, когда земля безмолвна,
Ты для кого блестишь среди небесъ?
На траурномъ плащѣ безмолвной ночи
Сіяешь ты сребристою слезой...
Своимъ лучемъ плѣняя сладко очи,
Куда стремишься ты во тьмѣ ночной?
Гдѣ прячется твой лучъ благословенный,
Когда заря румяная встаетъ?
Въ лѣсу-ль густомъ? иль словно перлъ безцѣнный,
Уходишь ты на дно шумящихъ водъ?...
Недолго насъ ты радуешь лучами;
Заря встаетъ, ты прячешься въ волнахъ...
Хоть краткій мигъ еще останься съ нами!
Звѣзда любви не меркни въ небесахъ!

III.

Въ звѣздахъ горѣлъ небесный сводъ;
Закатъ алѣлъ; кругомъ темнѣло;
Жоржета близъ шумящихъ водъ
Съ подругой милою сидѣла
И думы повѣряла ей....
«Люблю я блескъ ночныхъ лучей,
«Люблю смотрѣть среди тумана,
«Какъ у подножья скалъ сѣдыхъ
«Бушуютъ волны океана.
«Я часто здѣсь, глядя на нихъ,
«Сижу отрадныхъ думъ полна....
— Но ты взволнована, блѣдна,
Въ твоихъ очахъ сіяютъ слезы....
«Я безъ причины слезы лью;
«Въ душѣ восторгъ, а въ сердцѣ грезы..
— Уйдемъ отсюда.....
«Я люблю,
«Невольнымъ трепетомъ объята,
«Смотрѣть какъ гаснетъ лучъ заката...
«Куда спѣшишь?
— Твоя рука
Дрожитъ; ты хочешь скрыть тревогу
Своей души.
«Тебѣ тоска
«Не сушитъ грудь; одну дорогу
«Ты только знаешь въ жизни. Свѣтъ
«Передъ тобою чашу бѣдъ
«Не вылилъ; горя ты не знала,
«Хоть мы однихъ съ тобою лѣтъ.
Я путь иной себѣ избрала...
— Ты вся дрожишь; свою тоску
Повѣдай мнѣ...
«Передъ тобою
Скрываться дольше не могу;
Душа полна одной мечтою;
Какъ лучъ вечерній гасну я
И вѣкъ въ страданьи одинокомъ
Влачу уныло; жизнь моя

Течетъ хладѣющимъ потокомъ,
Но сердце полно свѣтлыхъ думъ,
И плескъ волны, и листьевъ шумъ
Мнѣ сладко шепчутъ про любовь;
Внимая голосу природы,
Ищу восторговъ и свободы,
Во мнѣ, пылая, льется кровь;
Я гасну—выслушай меня;
Въ тебѣ найду я утѣшенье;
Тебѣ одной открою я
Души тревожное волненье,
Мечты завѣтныя свои...
Я умираю отъ любви...
Какъ въ бурномъ морѣ пропадаетъ
Чуть слышно льющійся ручей,
Такъ въ этой страсти утопаетъ
Душа моя; отдавшись ей,
Я не могу сносить разлуки...
Къ сопротивленью воли нѣтъ;
Тебѣ открою сердца муки...
Будь мой Горацій, я—Гамлетъ.

IV.

Объятый сладкими мечтами,
Тиберсъ чуть слышными шагами
Дошелъ до замка, гдѣ съ отцомъ
Жила миссъ Смоленъ; все кругомъ
Молчало; замокъ лишь не спалъ;
Въ немъ яркій свѣтъ огни бросали.
И въ окнахъ тѣни промелькали.
Тиберсъ уныло прошепталъ:
«У нихъ веселое собранье.
«Она смѣется надо мной;
«Напрасно жду ее съ тоской—
«Она забыла про свиданье!
Тиберсъ, дрожа, взглянулъ въ окно.
«Урочный часъ прошелъ давно.
«Мнѣ за любовь обманъ наградой»...
Передъ иконами старикъ
Молился; миромъ и отрадой

Дышалъ благочестивый ликъ.
Старикъ стоялъ, склонивъ колѣна,
Своимъ семействомъ окруженъ,
Отъ всей души молился онъ.
Годовъ не вѣдая измѣны,
Надеждой свѣтлою согрѣтъ,
Онъ въ счастье вѣрилъ; горькихъ бѣдъ
Ему судьба не посылала.
Жена и дочь молились съ нимъ.
Словамъ отраднымъ и святымъ
Младая дѣва не внимала.
Тиберсъ, зачѣмъ смущаешь ты
Святой невинности обитель?
Уйди, коварный обольститель!
Тобой полны ея мечты;
Ты отнялъ дочь у старика;
Ея позора онъ не знаетъ,
Ее съ любовью осѣняетъ
Его дрожащая рука.
Она твоя; ея мечтами,
Ея душой ты завладѣлъ
И отъ нея, взмахнувъ крылами,
Хранитель свѣтлый улетѣлъ.
Она разстроена, блѣдна...
Горя отъ страсти и волненья,
Съ тоской нѣмою ждетъ она
Конецъ вечерняго моленья,
Чтобы увидѣться скорѣй
Съ Тиберсомъ; сердце шепчетъ ей:
«Онъ здѣсь; надѣясь и любя,
Давно любовникъ ждетъ тебя...
«Къ нему на сладкое свиданье
«Спѣши»! Глубокое молчанье
Объяло замокъ; онъ заснулъ;
Умолкъ шаговъ тяжелый гулъ...
Пока заря не заалѣла,
Спѣши—минуты дороги!...
Вдругъ дверь чуть слышно заскрипѣла,
И чьи-то робкіе шаги
Раздались....

Въ сердцѣ смутный страхъ,
Въ душѣ невольная тревога,
Когда темно и гласу Бога
Внимаетъ міръ. Въ ночныхъ тѣняхъ
Мелькаютъ призраки; видѣнья
Рисуетъ намъ воображенье.
Во время бури лѣсъ дрожитъ
И вѣтеръ злобно завываетъ;
Такъ ужасъ въ душу проникаетъ,
Когда земля, какъ гробъ, молчитъ...
Душа со страхомъ проситъ сна,
Когда въ природѣ мракъ и тишина.
Къ любовнику Жоржета подошла;
Насталъ волшебный мигъ желанной встрѣчи;
Вздымалась грудь ея, дрожали плечи.
Она его съ любовью обняла,
Сплелися руки въ пламенномъ пожатьи
И онъ, дрожа, упалъ въ ея объятья...

V.

Скажи, зачѣмъ, мой старый другъ,
Ты отъ меня скрываешь горе?
Тоска въ твоемъ померкшемъ взорѣ;
Какая скорбь, какой недугъ
Тебя гнететъ? Ты помолиться
Сегодня утромъ позабылъ;
Ты ходишь мраченъ и унылъ.
Со мною горемъ подѣлиться
Ты долженъ!
«Гдѣ же наша дочь»?
— Твоя печаль ее тревожитъ
И слезъ она скрывать не можетъ;
Скажи, зачѣмъ сегодня въ ночь
Ты вышелъ изъ дому какъ тать
И грозно мнѣ велѣлъ молчать,
Когда тебя я умоляла
Не выходить? Зима настала
И ночи холодны.... Открой
Свою печаль. Одной рѣкой
Счастливо наши дни текли;

Мы душу въ душу провели
Весь вѣкъ.
— Не мука давитъ грудь;
Я боленъ.
«Тщетно обмануть
«Меня ты хочешь; въ часъ ночной
Больнымъ не вышелъ бы изъ дома,
Твоя душа съ тоской знакома....
Зачѣмъ дрожащею рукой
За шпагу старую берешься?
Не уходи! Коль не вернешься,
Что станемъ дѣлать безъ тебя?
Ты—наше счастье и опора.
— Не плачь! домой приду я скоро...
Не бойся.... Гдѣ же дочь моя?

VI.

Луна блѣднѣетъ въ небесахъ;
Алѣютъ сѣрыхъ скалъ вершины;
Купаясь въ утреннихъ лучахъ,
Проснулись спящія долины.
Бѣлѣя, стелется туманъ;
Струятся волны аромата;
Въ одежду пурпура и злата
Облекся бурный океанъ;
Природу солнце освѣтило;
Насталъ молитвы чудный часъ...
Свѣтило дня! ты жизнь и сила
Земли; лучами грѣя насъ,
Ты правишь міромъ; предъ тобой
Безслѣдно грустною чредой
Проходятъ люди; мы живемъ
Лишь мигъ, но наша грудь согрѣта
Лучемъ божественнаго свѣта;
Пускай къ могилѣ мы идемъ
И жизнь волною быстротечной
Проносится; сіяя вѣчно,
Ты одинокъ, а намъ дана
Любовь; когда душа полна

Отрадныхъ грезъ и свѣтлыхъ думъ.
Намъ дѣла нѣтъ до тайнъ природы;
Насъ не тревожитъ грозный шумъ
Стихій; пускай проходятъ годы
И настаетъ кончины часъ:
Одна мечта плѣняетъ насъ...

Въ тотъ свѣтлый часъ, когда заря
Встаетъ надъ спящими полями
И свѣту новый день даря,
Сіяетъ алыми лучами,
Тиберсъ спѣшилъ въ свой бѣдный домъ.
Какъ гробъ молчало все кругомъ...
Вкушая сладкое забвенье,
Онъ шелъ въ раздумье погруженъ;
Какъ рѣдки чудныя мгновенья,
Когда лелѣетъ счастья сонъ,
Когда не давитъ жизни бремя,
Когда свободно дышетъ грудь:
Невольно думаешь, что время
Тогда на мигъ прервало путь...
Блаженствомъ душу наполняютъ
Восторги свѣтлые любви,
Какъ мысли радостно блуждаютъ,
Какой огонь горитъ въ крови!...
О, ночь! ты царство сладострастья,
Ты будишь сладкія мечты,
Даришь душѣ восторгъ и счастье...
О, ночь! зачѣмъ проходишь ты?
Съ тобой сравниться день не можетъ;
Ночная тѣнь—любви покровъ
Пройдетъ и мука сердце гложетъ,
И больше нѣтъ отрадныхъ сновъ...

Глядя съ тоской въ нѣмую даль,
Близъ шумныхъ волнъ сидитъ Жоржета.
Любовью грудь ея согрѣта;
Въ лицѣ читается печаль...
Тиберсъ, въ слезахъ разставшись съ ней,
Ушелъ неровными шагами.

Зачѣмъ влюбленными очами
Слѣдишь за нимъ? Уйди скорѣй!...
Проснулся вѣтръ; туманъ прибрежный
Пропитанъ сыростью и мглой;
Ты о быломъ съ любовью нѣжной
Воспоминай, спѣша домой!...
Тиберсъ къ себѣ вернулся поздно.
Его старикъ какой-то ждалъ
И, на него взирая грозно,
Ему со злобою сказалъ:
«Для насъ разсчета часъ насталъ».

VII.

Въ монастырѣ тревога и волненье...
Хоть ночь давно, никто не можетъ спать.
Монахини проходятъ какъ видѣнья;
То слышенъ шумный говоръ, то опять
Умолкнетъ все; какое-то несчастье
Грозитъ, вселяя въ душу смутный страхъ;
На лицахъ озабоченныхъ участье
Читается; молитвы на устахъ...
Въ обители нѣмое ожиданье...
Унылый крикъ,—страданья полный стонъ
Прервалъ на мигъ тяжелое молчанье.
Въ убогой кельѣ вдругъ раздался онъ,
Гдѣ на колѣняхъ женщины стояли
Передъ распятьемъ, плача и молясь...
Скажите, сестры скорби и печали,
О комъ мольбы? Которая изъ васъ
Кончаетъ вѣкъ, утраченный напрасно,
Прощается съ остаткомъ грустныхъ дней?
Вы ждете смерть вседневно и всечасно;
Съ улыбкою идя на встрѣчу къ ней,
Вы носите печальныя одежды;
Вамъ измѣнили сладкія надежды;
Отрадою не дышетъ ваша грудь;
Вамъ ни любовь невѣдома, ни злоба...
Къ стѣнамъ монастыря ужасенъ путь,
Но не далекъ отъ келіи до гроба...

Нѣмой тоски и мукъ полна,
Лежитъ отшельница младая
Въ борьбѣ неравной погибая,
Со смертью борется она...
Въ ней гаснетъ духъ, слабѣютъ силы;
Не можетъ крестъ она обнять;
Она зоветъ съ слезами мать;
Изъ груди рвется стонъ унылый.
Скажите, въ чемъ ее вина?
Что губитъ жизнь ее до срока?
Зачѣмъ, зачѣмъ, въ тоскѣ глубокой
Кончаетъ грустный вѣкъ она?
Съ тѣхъ поръ лишь два промчались дня,
Какъ въ монастырь старикъ суровый,
Молчанье гордое храня,
Ее привелъ для жизни новой.
Когда она святой обѣтъ
Произнесла покинуть свѣтъ,
Старикъ ушелъ, ее простя...
Ушелъ! а бѣдное дитя
Съ тѣхъ поръ лишилось чувствъ и силы,—
Предъ ней открылась дверь могилы...
Въ убогой кельѣ слышенъ плачъ.
Больная къ жизни не вернется...
Ее спасти не можетъ врачъ,
Молиться только остается...
Она рукой сжимаетъ грудь,
Склонясь безъ силы къ изголовью...
Она жила одной любовью;
Любовь могла-бъ ей жизнь вдохнуть;
Увы, ей сердце измѣнило,
Надежды лучъ въ душѣ губя!
Предъ ней холодная могила,
Она сойдетъ въ нее, любя...
Что сердце дѣвы молодой?
Надеждъ и грезъ веселый рой;
Она цвѣтетъ, благоухая,
Не зная скорби и тревогъ,
Среди семейства; мать и Богъ,
Любовь родныхъ, любовь святая,

Ея защита и оплотъ;
Она безъ нихъ не проживетъ;
Она нуждается въ опорѣ,
Какъ слабый плющъ; опоры нѣтъ
И ей на вѣкъ постынетъ свѣтъ,
Ее сразитъ тоска и горе;
За то, что, сердцу дань платя,
Любила сильно и глубоко,
Какъ Десдемона, жизнь до срока
Окончитъ бѣдное дитя.

*
* *

Иныя свѣтлыя созданья
Полны небесной красоты.
Они дарятъ очарованье,
Любовью дышатъ ихъ черты;
Они не созданы для муки;
Имъ не снести тоску разлуки.
Ихъ очернить не можетъ свѣтъ;
Когда предъ ними чаша бѣдъ,
Имъ измѣняетъ жизнь и сила:
Ихъ ждетъ вѣнецъ или могила...
Они для счастья рождены;
Имъ жизнь сулитъ восторгъ и радость;
Ихъ тѣшатъ сладостные сны,
Но злое горе губитъ младость
И смерть влечетъ ихъ за собой;
Такъ каждый вѣкъ кончаетъ свой.
Померкъ послѣдній лучъ надежды;
Судьбы свершился приговоръ!...
Потухъ ея тревожный взоръ;
Ей скоро смерть закроетъ вѣжды;
Тяжелыхъ думъ и мукъ полна,
Она въ борьбѣ изнемогаетъ;
Главу усталую она
На грудь безжизненно склоняетъ;
Но все она кого-то ждетъ
Съ невыразимою тоскою...
Для міра новый день встаетъ.
Заря блеснула надъ землею

И, озаряя блѣдный ликъ,
Къ больной веселый лучъ проникъ,
Надежду ей суля и счастье...
Природа вѣчною красой
Блеститъ, не вѣдая участья;
Что ей до горести людской?
Глядя на міра блескъ и шумъ,
Страдалецъ, полонъ горькихъ думъ,
Объятый горемъ, понимаетъ,
Что въ немъ безплодно льется кровь,
Что лишь пустыню наполняетъ
Его безумная любовь...

Надежда.

Когда въ страдальцѣ гаснетъ сила,
Когда предъ нимъ лежитъ могила
И онъ отчаяньемъ томимъ,
Свѣтла, какъ ангелъ безмятежный,
Одна надежда, съ страстью нѣжной
Еще склоняется надъ нимъ,
Съ его лица стирая слезы;
Она даритъ святыя грезы,
Предъ нимъ свои восторги льетъ,
Блеститъ въ его потухшемъ взорѣ
И, убаюкивая горе,
Въ далекій путь его ведетъ.

Одной любви своей внимая,
Кого-то дѣва молодая
Зоветъ съ глубокою тоской...
Но смерть влечетъ ее съ собой...
Вдругъ все померкло передъ ней;
Потухъ огонь ея очей...
Объята мракомъ вѣчной ночи,
Ужель она во цвѣтѣ лѣтъ
Покинула холодный свѣтъ
И навсегда закрыла очи?
Въ одежду инока одѣтъ,
Какъ алтарей святой служитель,

Въ то время въ мрачную обитель
Какой-то юноша спѣшитъ.
Его унылъ и мраченъ видъ...
Толпа даетъ ему дорогу,
И вотъ къ больной подходитъ онъ.
Скрывая тайную тревогу;
Ему отвѣтилъ слабый стонъ.
«Скажи, ты узнаешь ли друга»?—
Ее со страхомъ онъ спросилъ.
Увы, отъ скорби и недуга
Въ ней угасалъ остатокъ силъ...
Глаза безжизненно блуждали,
Вокругъ монахини стояли.
«Оставьте насъ»,—онъ имъ сказалъ,—
«Я опоздалъ, я опоздалъ»!
Ложилась тѣнь; лучи заката
Бросали отблескъ огневой...
Надежды нѣтъ; лицо больной,
Могильной блѣдностью объято,
Дышало смертью; крестъ упалъ
Изъ хладныхъ рукъ; кругомъ царило
Молчанье; юноша стоялъ
Предъ ней, и образъ сердцу милый
Съ любовью нѣжной созерцалъ...
Любви волшебными словами
Ей жизнь вдохнуть хотѣлъ бы онъ;
Просилъ съ горючими слезами,
Чтобъ на любви молящій стонъ
Она откликнулась; ей руки
Онъ страстно жалъ, но тщетно все.
Съ земною жизнью для нея
Насталъ тяжелый часъ разлуки.
Она должна покинуть свѣтъ;
Ужь смерть открыла ей объятья...
Въ немъ шевельнулися проклятья...
«Я опоздалъ—спасенья нѣтъ»!—
Онъ простоналъ, склоняясь ницъ,
Сраженный горемъ безъ границъ.
Кто испыталъ тоску и муку,
Тотъ знаетъ, какъ томится грудь,

Когда нельзя спасенья руку
Тому, кто гибнетъ, протянуть...
Въ нѣмое горе погруженъ,
Ты даже радъ услышать стонъ:
Щемящій боли крикъ унылый,
Все знакъ что не угасли силы...
Чтобъ только милую спасти,
Ты далъ бы жизнь, но безвозвратно
Погибло все, и еле внятно
Звучитъ послѣднее прости...
Когда любимыя черты
Обезображены кончиной,
Убитый горемъ и кручиной
Невольно понимаешь ты,
Что сердца чудная святыня
На вѣкъ погибла; что весь свѣтъ—
Одна безбрежная пустыня,
Гдѣ для страдальца счастья нѣтъ...

VIII.

Свершилось! Отданы кладбищу
Останки дѣвы молодой...
Никто къ послѣднему жилищу
Не проводилъ ее съ мольбой...
Ея отецъ убитъ тоской;
Его покинула опора
Преклонныхъ лѣтъ; недолго ждать,
За нею въ путь пойдетъ онъ скоро...
Монаха больше не видать;
Онъ скрылся. Спи, дитя несчастья!
Пускай никто съ слезой участья
Къ твоей могилѣ не придетъ—
Она цвѣтами зарастетъ;
Земля съ улыбкою безстрастья
Глядитъ на смерть своихъ дѣтей.
Ея эмблема—лютый змѣй,
Который самъ себя грызетъ...
Природа смертью лишь живетъ;
Она безмолвный мавзолей
Людскихъ желаній и страстей...

Дитя, по волѣ злаго рока
Ты краткій вѣкъ свершила свой;
Ты жизнь окончила до срока,
Какъ роза, смятая грозой...
Тебя одна мечта плѣняла,
Но рано слезы ты узнала,
Страданій горестную тьму.
Тебя покинули надежды
И ты на вѣкъ закрыла вѣжды.
Дитя! миръ праху твоему!...

IX.

Корабль на волнахъ океана
Качался; ночи часъ насталъ;
Среди прибрежнаго тумана
Шотландскій берегъ исчезалъ...
Нѣмой тоски и муки полный,
Одинъ на палубѣ сидѣлъ
Какой-то юноша; на волны
Съ нѣмою скорбью онъ глядѣлъ...
Въ немъ гасла жизнь, въ немъ гасла сила;
Недолго ждать ему конца;
И блѣдность мрачнаго лица
О близкой смерти говорила...
Онъ, умирая, сладко пѣлъ;
Звучала пѣсня Десдемоны;
Ея любви молящей стоны
Онъ въ пѣснѣ выплакать хотѣлъ.
Полны тоски и горькой муки,
Неслися пламенные звуки...
Но все пѣвецъ блѣднѣлъ и гасъ...
Онъ умиралъ отъ тяжкой раны;
Бросая въ волны слѣдъ багряный,
Струею кровь его лилась...

П. Козловъ.

Переселеніе крестьянъ Рязанской губерніи.

(Посвящается памяти А. И. Кошелева).

Предлагаемое изслѣдованіе основано на матеріалѣ, собранномъ при мѣстныхъ работахъ на югѣ Рязанской губ. въ 1882 и частію въ 1881 годахъ. Попутно съ собираніемъ данныхъ (по порученію рязанскаго губернскаго земства) объ общихъ хозяйственныхъ условіяхъ мѣстнаго населенія южныхъ уѣздовъ губерніи, мы старались собрать возможно полныя свѣдѣнія и о ходѣ переселенческаго движенія изъ нихъ. Въ концѣ 1882 года, мѣстныя статистическія работы рязанскаго земства на время прекратились; неизвѣстно было, когда онѣ вновь начнутся и будутъ ли приняты прежняя программа и прежніе пріемы изслѣдованія. Такимъ образомъ, подробная разработка крестьянскихъ переселеній изъ всей Рязанской губерніи можетъ затянуться на долгое время, а собранный нами матеріалъ могъ устарѣть и сдѣлаться несравнимымъ съ матеріаломъ по другимъ уѣздамъ. Эти соображенія и заставили насъ взяться за обработку данныхъ по переселенческому движенію изъ трехъ южныхъ уѣздовъ (Раненбургскаго, Данковскаго и Скопинскаго), не ожидая окончанія статистическаго изслѣдованія всей Рязанской губерніи.

Пріемы статистическихъ изслѣдованій при мѣстныхъ работахъ въ этихъ 3-хъ уѣздахъ были совершенно тѣ же, какъ и въ Рязанскомъ уѣздѣ *): запасшись необходимыми документальными выборками въ волостномъ правленіи и бросивъ въ немъ первый бѣглый взглядъ на общины-волости, мы объѣзжали всѣ селенія, производя на мѣстахъ перепись крестьянскихъ домохозяйствъ и знакомясь съ общими экономическими условіями цѣлой деревни и ея составныхъ частей—общинъ. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какъ добывались свѣдѣнія о выселившихся крестьянахъ; но сначала необходимо выяснить, какое понятіе соединяемъ мы съ словомъ *переселе-*

*) Пріемы эти выработаны практикою московскаго земскаго статистическаго бюро; подробнѣе о нихъ см. введеніе къ „Сборнику статистическихъ свѣдѣній по Рязанскому уѣзду“.

нецъ. Обыкновенно о размѣрѣ выселеній судятъ по числу ревизскихъ душъ, оффиціально *отчисленныхъ* по новому ихъ мѣсту жительства. Но, во-первыхъ, на такое перечисленіе новоселовъ необходимъ довольно значительный промежутокъ времени (по крайней мѣрѣ, годъ, два) и, слѣдовательно, указаннымъ способомъ не будутъ охвачены новѣйшіе случаи переселеній, да и по годамъ отчисленія трудно судить о годахъ выхода; во-вторыхъ, не разъ уже указывалось въ печати, что оффиціальныя перечисленія вообще не даютъ истиннаго понятія о размѣрахъ переселенческаго движенія, что масса окончательно выселившихся крестьянъ живетъ по паспортамъ, не отчисляясь отъ своихъ родныхъ селеній. Г. Ядринцевъ, напримѣръ, опредѣляя число перечисленныхъ въ Алтайскій горный округъ съ 1875 года въ 8,000 душъ, говоритъ *): «Но это далеко не даетъ понятія обо всемъ притокѣ переселенцевъ: *множество лицъ живутъ по паспортамъ* въ селеніяхъ до переселенія; другіе же переселяются самовольно и даже не могутъ быть открыты». Онъ же говоритъ въ своемъ трудѣ «Сибирь, какъ колонія» (стр. 152): «Когда начинается перечисленіе, для переселенца наступаетъ переходное состояніе, тянущееся иногда года; мы имѣли случай видѣть людей, *живущихъ по 12 лѣтъ и болѣе по паспортамъ* безъ перечисленія, точно также, какъ и людей *лѣтъ по 11 хлопочущихъ о перечисленіи* и находящихся въ переходномъ состояніи». Мы увидимъ, какъ много крестьянъ нашего района изслѣдованія, распродавъ все свое движимое и недвижимое имущество на родинѣ, живутъ съ своими семьями вдали отъ нея лѣтъ по 10—20 и даже больше и все еще не перечислены по мѣсту новаго жительства. Понятно, мы не могли принять за признакъ переселенца его оффиціальное отчисленіе отъ роднаго селенія; напротивъ, по указаннымъ причинамъ, мы на этотъ признакъ вовсе не обращаемъ вниманія, *считая переселенцемъ всякаго, кто окончательно порвалъ хозяйственную связь съ своимъ роднымъ селеніемъ и ушелъ съ семьей устраиваться на новыя мѣста*; такимъ образомъ, къ числу переселенцевъ отнесены нами и тѣ крестьяне, которые въ самый годъ нашего изслѣдованія распродали все свое имущество и ушли съ своими семьями въ Томскую и другія губерніи. Тутъ можетъ представиться, повидимому, весьма вѣское возраженіе: считая переселенцами и не отчисленныхъ, даже не дошедшихъ еще до мѣста поселенія, мы включаемъ въ число ихъ и такія семьи, которыя могутъ снова вернуться на родину. Но мы увидимъ, что случаи возвращенія въ нашихъ уѣздахъ составляютъ незначительный % всѣхъ выселеній, а, слѣдовательно, и предъидущее возраженіе теряетъ практическое значеніе; кромѣ того, для главной цѣли нашего изслѣдованія—изученія причинъ движенія — необходимо было зарегистрировать и неудачныя попытки

*) „Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ", въ Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества, кн. II за 1880 годъ, стр. 114.

къ выселенію, такъ какъ и эти семьи уходили съ родины подъ давленіемъ общихъ условій, которыя мы желаемъ уяснить.

Подворная перепись велась нами не только наличному населенію, но мы старались и ушедшихъ «на самару»—«самарцевъ» (такъ зовутъ переселенцевъ крестьяне) проводить чрезъ ея графы. Перепись производилась въ порядкѣ дворовъ селенія; когда доходила очередь до самарца, записывался и онъ, и разузнавалось о его хозяйственномъ достаткѣ *въ моментъ выселенія*. Переселенецъ обыкновенно только продажею всего своего имущества получаетъ возможность идти въ далекую сторону съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ; домъ, часть скота (или и весь скотъ), одежда, домашняя утварь, а иногда и земля продаются кому-либо изъ односельцевъ, который, по мѣткому выраженію крестьянъ, «*отпускаетъ* на самару». Вотъ этотъ-то отпускавшій на самару извѣстнаго переселенца или кто-либо изъ его сосѣдей даютъ не только точные отвѣты о немъ на всѣ вопросы переписи, но и нѣкоторыя указанія на причины того или иного состоянія его хозяйства, на то, чѣмъ вызвано его рѣшеніе идти въ далекую сторону, какъ шелъ онъ въ пути и пр. Но чѣмъ раньше ушелъ переселенецъ, тѣмъ труднѣе было получать отвѣты о немъ; иногда не только невозможно было узнать, напримѣръ, о количествѣ скота у него передъ выходомъ, но и показаніямъ о размѣрахъ его семьи и даже о годѣ его выхода слѣдовало придавать лишь приблизительное значеніе; могли даже случаться пропуски цѣлыхъ переселенческихъ семей. Для избѣжанія такихъ пропусковъ мы практиковали слѣдующій пріемъ. Въ переписи противъ каждаго домохозяина (какъ наличнаго, такъ и переселенца) всегда обозначалось число душевыхъ надѣловъ («душъ»), отведенныхъ въ его пользованіе обществомъ; сумма этихъ душъ *по всѣмъ дворамъ* общины должна равняться числу единицъ, на которыя она разверстываетъ надѣльную землю; а общее число единицъ разверстки крестьяне всегда знаютъ. По окончаніи переписи мы дѣлали указанную провѣрку, и очень часто (а въ крупныхъ селахъ всегда) оказывалось, что въ нашей переписи не хватаетъ нѣсколькихъ, а иногда и нѣсколькихъ десятковъ «душъ»; ясно, что произошелъ пропускъ нѣкотораго числа домохозяевъ; начиналось разыскиваніе ихъ, пока не пополнялся недочетъ въ единицахъ разверстки. Изрѣдка въ числѣ опущенныхъ дворовъ попадались и наличные крестьяне, живущіе гдѣ-нибудь «на отшибѣ», «не въ линію» и почему-либо не присутствовавшіе на сходѣ; но въ большинствѣ случаевъ это были сходческіе дворы давнихъ лѣтъ. Несмотря на то, что крестьяне были всегда до мелочей точны въ отыскиваніи «пропавшихъ душъ», и съ большой охотой помогали намъ въ этомъ, но такая работа занимала много времени и утомляла обѣ стороны. Чтобы сократить ее, чтобы пропуски самарцевъ во время самой переписи были возможно рѣже, мы всегда строго различали «души» каждаго домохозяина, данныя ему общиной отъ тѣхъ, которыя онъ арендовалъ у своихъ общественниковъ, выясняя, не принадлежатъ ли послѣднія кому-либо изъ ушедшихъ на переселеніе.

Сочетаніе указанныхъ пріемовъ дѣлало почти невозможными пропуски не только наличныхъ домохозяевъ, но и «самарцевъ».

Въ числѣ прочаго матеріала, добытаго при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, слѣдуетъ упомянуть о письмахъ переселенцевъ. Такъ какъ и ими придется пользоваться при уясненіи причинъ и послѣдствій переселенческаго движенія, то необходимо сказать нѣсколько словъ о степени ихъ достовѣрности. Письма самарцевъ, за немногими исключеніями, написаны или ими самими, или кѣмъ-либо другимъ—малограмотнымъ, такъ что нерѣдко разобрать ихъ бывало довольно трудно, достать ихъ тоже не легко: въ большинствѣ случаевъ ихъ тщательно берегутъ и очень боятся, чтобы кто-нибудь не затерялъ ихъ, такъ что письма приходилось переписывать на мѣстахъ, тотчасъ же возвращая оригиналъ ихъ владѣльцу. Случалось, впрочемъ, что и сами крестьяне приносили письма главнымъ образомъ потому, что не все разобрали,—рады показать грамотѣю: авось, доберется! Иногда цѣлый сходъ просилъ пречесть письмо и во время чтенія слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ; нѣкоторые вставляли свои замѣчанія, позволявшія судить объ отношеніи ихъ къ автору письма, о степени довѣрія къ нему и о ихъ взглядахъ на переселеніе, о ихъ чаяніяхъ и надеждахъ на этотъ исходъ. Конечно, письма представляютъ собой весьма цѣнный матеріалъ, знакомя съ способами передвиженія, съ тѣмъ краемъ, куда попадаетъ переселенецъ, и съ его первыми шагами на новомъ мѣстѣ, но пользоваться ими нужно съ большой осмотрительностью; сами крестьяне, какъ увидимъ дальше, далеко не удовлетворяются одними письмами, чтобы извѣдать тотъ край, куда они такъ стремятся въ послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ, весьма естественно, что многіе, «желая къ себѣ родныхъ», рисуютъ край переселенія и свое собственное положеніе болѣе свѣтлыми красками, чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Чтобы оцѣнить письма, какъ матеріалъ, чтобы видѣть степень ихъ достовѣрности, воспользуемся разсказами одного изъ вернувшихся домой изъ Томской губерніи—главнаго мѣста стремленія переселенцевъ.

Почти всѣ письма самарцевъ рисуютъ Бійскій округъ, Томской губерніи, въ очень заманчивыхъ краскахъ; между тѣмъ, въ село Зенкино (Раненбургскаго уѣзда) приходили извѣстія оттуда, хотя и одобрявшія тамошнія мѣста, но сильно сдерживавшія потокъ переселенцевъ. Эти письма шли отъ Емельяна Катасонова, тоже зенкинца, выселившагося въ Бійскій округъ. Емельянъ считается односельцами «мужикомъ правдивымъ»; ему вѣрили, и переселенія изъ Зенкина на время стали тише. Скоро (по чисто семейнымъ обстоятельствамъ) вернулся и самъ Катасоновъ. Онъ разсказывалъ, что мѣста въ Томской губерніи дѣйствительно хороши, но что необходимы средства для перваго обзаведенія: нужно на первый разъ не менѣе 100—150 рублей, чтобы стать хозяиномъ, чтобы «соху осилить». Онъ говорилъ, что многіе изъ ушедшихъ не стали полными хозяевами, хотя и имѣютъ 1—2 лошади (какъ увидимъ, необходимо для этого не менѣе 3-хъ лошадей), что они работаютъ по людямъ, что въ письмахъ они часто рисуютъ

свое положеніе въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ на дѣлѣ, «желая къ себѣ родныхъ», и пр. То же говорили и другіе вернувшіеся переселенцы и ходоки, ходившіе на развѣдку новыхъ мѣстъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они (какъ и Емельянъ Катасоновъ) утверждали, что бѣднякъ въ Бійскомъ округѣ голодать не будетъ, что и бѣдный, но хорошій работникъ черезъ два-три года можетъ стать на ноги, вполнѣ обзавестись хозяйствомъ, что человѣку «со средствами» (очень умѣренными, какъ уже было замѣчено) не трудно «соху осилить». Такимъ образомъ и вернувшіеся изъ Томской губерніи разсказывали о ней почти то же, что было въ письмахъ оттуда; ихъ разсказы «окоротили» лишь хозяевъ средняго достатка, которые не въ силахъ сбить рублей 300, чтобы за дорожными издержками принести на новыя мѣста рублей 150, а, между тѣмъ, дома жили еще сносно. Сказаннаго достаточно, чтобы по достоинству оцѣнить содержимое переселенческихъ писемъ, чтобы при нѣкоторой осторожности можно было ими пользоваться.

I.

Исторія переселеній; ихъ размѣры и направленіе.

Историческія указанія на выселенія изъ бывшихъ государственныхъ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ.—Крестьяне Скопинскаго уѣзда, принадлежавшіе къ вѣдомству государственнаго коннозаводства.—Историческія указанія на выселенія изъ Скопинскаго уѣзда. — Размѣры переселеній съ 1859—82-й годъ: поуѣздный, поволостной и поразрядный.—Измѣненія размѣровъ переселенческаго движенія во времени въ разныхъ уѣздахъ и разрядахъ крестьянъ.—Процентныя отношенія переселенцевъ къ наличнымъ крестьянамъ *мѣстности выселенія*.—Пообщинные проценты выселеній.—Направленія переселеній и ихъ измѣненія во времени въ каждомъ изъ уѣздовъ.—Трудность перемѣны направленія для крестьянъ.—Зависимость направленія движенія отъ разряда крестьянъ.

Если земство и администрація обратили вниманіе на переселенческое движеніе въ Рязанской губерніи лишь въ 1881 г., то это объясняется главнымъ образомъ особенно усиленнымъ переселенческимъ потокомъ отсюда весной этого года. На самомъ же дѣлѣ переселеніе крестьянъ изъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи—явленіе далеко не новое. Прослѣдимъ его исторію, насколько то позволятъ матеріалы, добытые мѣстными изслѣдованіями. Разумѣется, до 1861 г. добровольныя переселенія могли происходить только изъ среды бывшихъ государственныхъ крестьянъ; крестьяне, бывшіе помѣщичьи, прикрѣпленные къ землѣ, лишенные права передвиженія, лишь вновь пріобрѣтя это право, начинаютъ примыкать къ переселенческому движенію. Понятно, что и наши матеріалы по исторіи переселеній касаются по преимуществу крестьянъ, бывшихъ государственныхъ.

Государственные крестьяне въ Скопинскомъ уѣздѣ составляютъ почти $^3/_4$ (71%) всего его крестьянскаго населенія, въ Раненбургскомъ уѣздѣ—ихъ 40%, а въ Данковскомъ—36%. Какъ увидимъ дальше, характеръ

переселенческаго движенія въ Скопинскомъ уѣздѣ значительно иной, чѣмъ въ двухъ остальныхъ, а потому и его исторію удобнѣе прослѣдить отдѣльно. Обратимся сначала къ исторіи движенія въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ.

Въ Раненбургскомъ уѣздѣ почти всѣ бывшіе государственные крестьяне, а въ Данковскомъ значительная часть ихъ составляли нѣкогда особый видъ служилаго сословія (однодворцы, четвертные владѣльцы), получавшаго за свою сторожевую службу не деньгами, а землей. Получивъ въ свое пользованіе обширныя пространства прекраснаго чернозема Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ, они стали исключительно земледѣльцами. Земли у нихъ было вволю: «каждый пахалъ, сколько хотѣлъ, и косилъ, сколько могъ», что и до настоящаго времени составляетъ ихъ идеалъ и влечетъ за тысячи верстъ на «вольныя земли». Для нѣкоторыхъ селеній этихъ уѣздовъ, повидимому, пора такого приволья не такъ давно миновала: во время мѣстныхъ изслѣдованій нерѣдко приходилось слышать отъ крестьянъ, что и у нихъ еще на памяти стариковъ была своя «самара» *), были «вольныя земли».

Насколько удалось выяснить при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, начало переселеній въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ отходитъ къ первымъ годамъ текущаго столѣтія. Въ то время многія изъ селеній государственныхъ крестьянъ не имѣли еще вполнѣ устойчиваго вида; внутри ихъ земельныхъ владѣній происходили передвиженія. Даже и до сихъ поръ нѣкоторыя села государственныхъ крестьянъ (съ сильно растянутымъ надѣломъ) выдѣляютъ изъ себя часть домохозяевъ на болѣе отдаленные участки своихъ угодій. Такъ, въ Раненбургскомъ уѣздѣ село Ломовое выдѣлило изъ себя нѣсколько выселковъ. Дальняя часть надѣла села Кривополянья и теперь еще отходитъ отъ него на 15 верстъ; на одномъ изъ отдаленныхъ краевъ этого надѣла недавно поселилось нѣсколько семей кривополянцевъ; онѣ, вѣроятно, послужатъ ядромъ для новыхъ выселокъ изъ этого большаго села (5,616 душъ обоего пола), уже давшаго начало двумъ значительнымъ поселкамъ: Чечорѣ (теперь 476 душъ обоего пола) и Новополянью (883 души обоего пола). Новополянцы такъ разсказываютъ о происхожденіи своего села. Лѣтъ 70 назадъ, одна семья изъ Кривополянья поселилась на отдаленной части (за 11 верстъ) своей душевой земли; мѣсто для поселка было выбрано удачно; начали перебираться сюда и другіе дворы; такимъ образомъ образовался поселокъ дворовъ въ 30, составлявшій все еще одну общину съ Кривополяньемъ. При введеніи владѣнныхъ записей, за Новополяньемъ была замежована часть ихъ общаго надѣла, и оно стало самостоятельной общиной. Чечора вышла изъ Кривополянья го-

*) Съ этимъ именемъ у мѣстныхъ крестьянъ соединяется представленіе о полномъ земельномъ просторѣ, такъ какъ первоначальныя передвиженія шли въ Самарскую губернію, гдѣ первые переселенцы встрѣчали земли „вволю“. Отсюда и названіе переселенца—„самарецъ“.

раздо раньше Новополянья; тогда выселились 42 души на отдаленную часть своей земли,—«на степь».

Такого рода переселенія крестьянъ въ предѣлахъ ихъ земельныхъ владѣній происходили въ началѣ этого столѣтія и въ Данковскомъ уѣздѣ. Деревня Зашево (Жахово, по мѣстному), состоящая теперь изъ 804 душъ обоего пола, образовалась лѣтъ 70—80 назадъ изъ выселенцевъ селъ Звѣрева и Орловки, и до сихъ поръ жаховцы различаютъ въ своей деревнѣ два порядка—орловскій и звѣревскій. Надѣлъ, принадлежащій теперь Жахову, былъ тогда частью владѣній Звѣрева и Орловки, частью отдаленной и отбитой чужими землями. Звѣрево и Орловка, составляя въ то время одну общину, владѣли всѣми своими землями чрезполосно; въ чрезполосномъ же владѣніи находилась и эта отдаленная часть пашни и мелколѣсья. Сначала на эту землю мало обращали вниманія, но возраставшее населеніе все болѣе и болѣе придавало ей цѣну, такъ что, наконецъ, неудобство обработки такихъ удаленныхъ земель заставляло звѣревцевъ и орловцевъ въ первыхъ годахъ столѣтія высадить туда нѣкоторую долю своего населенія. Хотя и метали жребій, кому идти, но выселились на новое мѣсто преимущественно бѣдняки, такъ какъ зажиточные хозяева «откупались», давая въ помощь идущимъ за нихъ переселенцамъ до 10 р. на душу. Такимъ-то образомъ на мѣстѣ теперешняго Жахова и образовались два порядка—по 30 дворовъ въ каждомъ—звѣревскій и орловскій. Земля была здѣсь плохо обработана и неудобрена, почему нѣсколько лѣтъ продолжалось прежнее чрезполосное пользованіе всѣми землями общины: жаховцы пахали близъ Звѣрева и Орловки; звѣревцы и орловцы имѣли участки вблизи новаго поселка. Когда земля подъ Жаховымъ была нѣсколько унавожена и часть новной земли (изъ подъ кустовъ) поднята, сравнявшись по качеству съ остальной землей, каждое селеніе стало пахать ближайшую къ нему землю, получивъ ее на свою долю пропорціонально количеству душъ въ немъ; образовались сначала двѣ общины (Зашево съ одной стороны, Звѣрево съ Орловкой—съ другой), а лѣтъ 25 назадъ Звѣрево и Орловка тоже составили двѣ самостоятельныя земельныя единицы.

О происхожденіи пригородной (при Данковѣ) Козацкой слободы и села Требунокъ сохраняется у крестьянъ такое преданіе. Въ давнія времена съ низовьевъ Дона пришли 12 козацкихъ семей и заняли землю, принадлежащую теперь Козацкой слободѣ и Требункамъ. Захвативъ массу земель, раскинувшихся верстъ на 15 въ діаметрѣ, пришельцы поселились на одномъ изъ краевъ этого участка, на берегу рѣки Дона. Долгое время они и ихъ потомки жили вмѣстѣ, пользуясь землей на захватномъ правѣ. Ростъ населенія заставилъ почувствовать «стѣсненіе въ землѣ»; новыхъ участковъ захватывать было не откуда,—и часть семей Козацкой слободы образовала верстъ за 7 отъ нея новый поселокъ, разросшійся теперь въ большое село Требунки (2,028 душъ обоего пола). Границы земельныхъ

владѣній обѣихъ общинъ были установлены на основаніи прежнихъ захватовъ и до сихъ поръ сохраняютъ крайне неправильную форму.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какимъ земельнымъ просторомъ пользовались въ началѣ столѣтія государственные крестьяне Ранепбургскаго Данковскаго уѣздовъ и насколько еще они непрочно осѣли на мѣстахъ своей осѣдлости. Понятно, что и представленіе тогдашняго крестьянина о «стѣсненіи въ землѣ» было значительно иное, чѣмъ въ настоящее время; во всякомъ случаѣ эта относительная тѣснота въ землѣ уже и тогда вызывала переселенія государственныхъ крестьянъ въ Самарскую, Уфимскую Оренбургскую губерніи. Изъ села Требунокъ, сосѣдняго съ нимъ села Бигильдина (Сурки тожь), изъ селъ Малинокъ (Кудрявской волости) и Долгаго выселенія въ указанныя 3 губерніи то отдѣльными семьями, то значительными партіями начались очень давно, такъ что «самые древніе старики не запомнятъ» ихъ начала. Въ Суркахъ старики говорили намъ, что, по разсказамъ ихъ отцовъ, въ Самарскую и Уфимскую губерніи вышло такъ много народу, что въ настоящее время они могли бы образовать такіе же Сурки (въ Суркахъ теперь 2,307 душъ обоего пола). Въ селѣ Долгомъ теперь 1,365 душъ обоего пола, а, по словамъ стариковъ, переселенія изъ него издавна приняли такіе размѣры, что изъ его выселенцевъ должно бы образоваться значительно большее село, чѣмъ нынѣшнее Долгое. Всѣ эти переселенцы шли безъ всякой правительственной помощи, хотя нѣкоторые и «охлопатывали» себѣ казенные участки на мѣстахъ поселенія, а другіе покупали землю у «татаръ» (киргизовъ?) или приселялись къ существовавшимъ обществамъ. Лѣтъ 60 назадъ вышли значительныя партіи переселенцевъ въ Самарскую губернію изъ селъ Звѣрева, Орловки и уже образовавшагося тогда Жахова. По разсказамъ орловцевъ, изъ ихъ села ушло въ то время до 150 душъ и всѣ онѣ поселились на «охлопотанномъ казенномъ участкѣ».

Въ Ранепбургскомъ уѣздѣ переселеніе началось съ одной изъ самыхъ южныхъ его волостей—Путятинской. Изъ села Путятина уже лѣтъ 70 назадъ были посланы ходоки на розыски «вольныхъ земель»; въ Самарской губерніи они нашли удобное для поселенія мѣсто и вывели за собой до 100 душъ. Лѣтъ 60 назадъ, въ селѣ Ратчинѣ (Путятинской волости) происходило размежеваніе земель сосѣднихъ землевладѣльцевъ съ крестьянскими; отъ ратчинцевъ, по ихъ словамъ, отошелъ тогда значительный участокъ земли, — и «полсела» вышло въ Саратовскую губернію, образовавъ тамъ поселокъ Рычки, не меньшій Ратчина. Около того же времени происходили выселенія въ Самарскую и Уфимскую губерніи изъ ближнихъ селъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ: Истобнаго (Колыбельской волости), Юсова (Крючковской волости) и Ломоваго. Изъ Юсова вышло тогда 5 семей, изъ Истобнаго—10, а Ломовскіе «ссадчики» (ходоки) повели за собой около 30 семей. Въ селѣ Истобномъ намъ говорили, что указанныя 10 семей ушли изъ него, «почувствовавъ стѣсненіе въ землѣ». Интересно,

что тогда считалось стѣснительнымъ? Въ числѣ выселившихся истобенцевъ были двѣ семьи Калашниковыхъ. Про ихъ уходъ разсказываютъ такъ. Всѣхъ дворовъ Калашниковыхъ, состоявшихъ въ близкомъ родствѣ, было 4 съ 13 душами мужескаго пола; въ ихъ владѣніи было 52 десятины пашни. Собрались Калашниковы на совѣщаніе и порѣшили, что отъ такой тѣсноты два двора должны идти на вольныя земли, снабдили выселяющихся деньгами (до 1,000 р. ассигнац.), и тѣ ушли неизвѣстно куда.

Всѣ перечисленные до сихъ поръ случаи выселеній происходили по личной иниціативѣ крестьянъ, безъ всякой сторонней помощи; только нѣкоторымъ изъ переселившихся, какъ было указано, удавалось выхлопотать себѣ уже по приходѣ на мѣсто казенные участки для поселенія. Скоро правительство обратило вниманіе на эти передвиженія и, повидимому, захотѣло урегулировать ихъ, направивъ переселенцевъ въ опредѣленныя мѣста. Такъ, лѣтъ 50 назадъ, по разсказамъ крестьянъ Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ, былъ «кличъ отъ правительства», вызовъ «на вольныя земли». Впрочемъ, и на этотъ разъ, повидимому, правительство не давало матеріальной поддержи переселенцамъ: только было разрѣшено послать развѣдчиковъ для выбора мѣстъ переселенія. На вызовъ правительства потянулись переселенцы изъ большихъ селъ Раненбургскаго уѣзда: Зенкина, Кривополянья, Истобнаго, изъ дер. Чечоры и др., а также изъ села Телепнева (Покровское тожь) Данковскаго уѣзда. Въ Раненбургскомъ уѣздѣ первыми откликнулись на зовъ правительства кривополянскіе выходцы — чечорцы. Чечора къ этому времени уже разрослась въ большую деревню и выдѣлила изъ себя двухъ «ссадчиковъ», братьевъ Харитона и Ивана Медвѣдевыхъ, отправившихся на розыски «вольныхъ земель». Медвѣдевы нашли подходящее для поселенія мѣсто въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, при рѣкѣ Самарѣ. Ссадчики набрали изъ окрестныхъ деревень до 300 душъ, желавшихъ идти на новыя мѣста, и, перечисливъ ихъ въ казенной палатѣ, повели за собой. Образовавшаяся такимъ образомъ въ Бузулукскомъ уѣздѣ деревня назвалась по имени ссадчиковъ Медвѣдевкой. Теперь уже туда никого не принимаютъ («своихъ стало много»), и деревня превратилась въ большое село съ церковью.

Въ то же самое время, по зову правительства были посланы два ссадчика и изъ села Телепнева, Данковскаго уѣзда; они тоже отыскали мѣсто для поселенія, въ Бузулукскомъ уѣздѣ и вывели за собой до половины своего села (въ Телепневѣ тогда было только 100 дворовъ). Поселокъ, образованный переселенцами, разросся теперь въ большое село Ефремово (по имени одного изъ ссадчиковъ); «кабы не болѣзни, было бы оно не меньше Телепнева!»—говорили намъ крестьяне. Дѣло въ томъ, что хотя выбранныя мѣста и оказались очень плодородными, но болотистые берега озера, близъ котораго расположились новоселы, породили массу заболѣваній злокачественными лихорадками. «Всѣ члены нѣмѣли,—разсказывали телепневцы:—затрясется, къ примѣру, борода да такъ и обвиснетъ безсильная. Много

народу перемерло». Теперь озеро осушено, и лихорадки прекратились. Ефремовцы до сихъ поръ не теряютъ связи съ своимъ роднымъ селомъ: у нихъ въ Телепневѣ есть родичи, къ которымъ они заходятъ, идя на поклоненіе кіевской и соловецкой святынямъ. «Если бы въ ту пору не вышло полсела, — заключили свой разсказъ телепневцы,—плохо бы намъ пришлось теперь: земля бы страхъ раздробилась, самая малость ея пришлась бы на душу».

Лѣтъ за 35 назадъ шли выселенія преимущественно изъ Данковскаго уѣзда; они происходили не только по вызову казны, но и съ ея матеріальной поддержкой изъ слѣдующихъ селъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ: Бигильдина (30 семей), Требунокъ (20 семей), Ярославовъ (60 душъ), Теплаго (40 душъ), Малинокъ (4 семьи) и пр. Эти выселенія шли въ Самарскую, Уфимскую и Томскую губерніи. Въ то же самое время, рядомъ съ семьями, идущими на счетъ казны, шли самостоятельныя выселенія; напримѣръ, изъ выселенцевъ села Ярославовъ не всѣ 60 душъ получили пособіе; нѣкоторые изъ нихъ не только на свой счетъ совершили путь, но и на новыхъ мѣстахъ селились не на казенныхъ земляхъ, а на участкахъ, пріобрѣтенныхъ ими у «татаръ» Уфимской губерніи. Изъ Березовки (Еропкинской волости, Данковскаго уѣзда) вышло около того же времени 27 душъ въ Самарскую губернію на свой счетъ; по своей же иниціативѣ выселилось тогда 5 семей въ Урюпинскую станицу изъ села Топокъ, Раненбургскаго уѣзда.

Лѣтъ 25 назадъ (около времени X-й ревизіи), снова идетъ рядъ переселеній съ пособіемъ отъ правительства. На этотъ разъ движеніе было направлено главнымъ образомъ въ Таврическую губернію (Бердянскій уѣздъ), въ Тобольскую и частію въ Самарскую (Бугурусланскій уѣздъ). Изъ села Бигильдина вышло тогда до 25 семей въ Тобольскую и Таврическую губерніи, изъ Требунокъ—туда же до 13 семей, изъ Жахова и Орловки направлялись въ Бугурусланскій уѣздъ и Тобольскую губернію мелкія партіи, изъ Звѣрева въ Таврическую и Самарскую губерніи вышло до 70 душъ, изъ Делихова (Путятинской волости, Раненбургскаго уѣзда) ушло около 7 семей въ Бердянскій уѣздъ и пр. И на этотъ разъ рядомъ съ правительственными выселеніями шли изъ тѣхъ же и сосѣднихъ селъ самостоятельные «самарцы». Такъ, напримѣръ, около этого времени вышли изъ села Зепкина, Раненбургскаго уѣзда, до 7 семей самостоятельныхъ переселенцевъ въ Оренбургскую губернію, изъ села Колыбельскаго ушло тогда же до 10 бѣднѣйшихъ семей, а около 1860 года ушли изъ села Демкина въ Томскую губернію 10 семей средняго достатка и даже зажиточныхъ.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ переселеній съ пособіемъ казны (въ концѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ) выходили, по словамъ крестьянъ, все больше «мелкомѣстныя» (бѣднѣйшія) семьи; онѣ получали отъ правительства пособіе на дорогу, получали право пасти свой скотъ на всѣхъ встрѣчныхъ

пастбищахъ, а по приходѣ на мѣсто — трехлѣтнюю льготу отъ податей и нѣкоторую сумму денегъ для первоначальнаго обзаведенія.

Вотъ тѣ данныя по исторіи переселенческаго движенія до X-й ревизіи, какія удалось добыть при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ. Они, конечно, крайне неполны; по нимъ нельзя судить объ истинныхъ размѣрахъ движенія, но и они даютъ право утверждать: что переселенія до X-й ревизіи дѣйствительно происходили только среди крестьянъ бывшихъ государственныхъ; что начало переселенческаго движенія должно быть отнесено, по крайней мѣрѣ, къ первымъ годамъ настоящаго столѣтія; что первое время движеніе происходило по иниціативѣ крестьянъ, безъ всякой сторонней помощи, и что только впослѣдствіи правительство пробовало его урегулировать, по вполнѣ овладѣть движеніемъ оно или не считало нужнымъ, или не могло, такъ какъ, на ряду съ переселеніями правительственными, шли «самовольныя» выселенія крестьянъ.

До X-й ревизіи переселеніе направлялось главнымъ образомъ въ губерніи Европейской Россіи: Самарскую, Оренбургскую, Уфимскую, Саратовскую, Ставропольскую, Землю Войска Донскаго, Таврическую и только отчасти — въ Тобольскую и Томскую; въ настоящее же время главная масса переселенцевъ изъ Данковскаго и Раненбургскаго уѣздовъ направляется въ Томскую губернію и преимущественно въ Бійскій округъ ея. Привольныя мѣста Томской губерніи, повидимому, были раньше и обстоятельнѣе извѣстны переселенцамъ изъ сосѣдней Тамбовской губерніи; отъ нихъ-то раненбургскіе крестьяне и узнали о сибирскомъ просторѣ. Правда, еще въ концѣ 40-хъ годовъ пошли по вызову правительства въ Томскую губернію нѣсколько десятковъ семей изъ Сурковъ и Требунокъ, но тогда это мѣсто переселеній почему-то не привилось; томское направленіе прочно установилось лишь съ 60-хъ и даже съ 70-хъ годовъ *). Первые переселенцы (о которыхъ хорошо помнятъ крестьяне), пошедшіе въ Томскую губернію, были упомянутыя 10 семей демкинцевъ (ушли около 1860 года); опѣ пошли по слѣдамъ переселенцевъ изъ Тамбовской губерніи. Около 1874 года вышло въ Томскую губернію нѣсколько семей изъ Зенкина по зову односельца, попавшаго туда изъ Оренбургской губерніи, благодаря своему родственнику, тоже тамбовцу. Про начало переселеній въ Томскую губернію изъ Данковскаго уѣзда разсказываютъ такъ. Государственный крестьянинъ села Никольскаго (Долговской волости) Арбузовъ — хорошій плотникъ — отправился на заработки сначала въ Оренбургской губернію, а затѣмъ перешелъ въ Томскую. Тамошнія мѣста ему понравились, и онъ (около 1875 года)

*) Дѣйствительно, г. Ядринцевъ говоритъ, что свободное переселеніе изъ губерній Европейской Россіи въ Алтай началось съ 1864 года; но и до тѣхъ поръ свободной колонизаціи были доступны двѣ волости: въ Бійскомъ округѣ — Смоленская (куда, по нашимъ матеріаламъ, и вышли нѣкоторыя семьи Раненбургскаго уѣзда) и Подонинская — въ Кузнецкомъ. См. „Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества“, кн. II (1880 г.), стр. 113.

сталъ звать (письмами) своихъ односельцевъ на вольныя земли. Хотя всѣ знавшіе Арбузова считали его человѣкомъ, достойнымъ довѣрія, но все же опасались вѣрить его письмамъ и, несмотря на ихъ заманчивыя описанія томскихъ приволій, никто не рѣшался идти по нимъ за тысячи верстъ. Нѣкоторые даже думали, что это письма не его, что онъ гдѣ-то запропалъ и отписали предполагаемому лже-Арбузову, вызывая его вернуться на родину и, если такъ хорошо въ Сибири, забрать туда свою семью и устно разсказать то, что онъ передавалъ письменно. Арбузовъ дѣйствительно вернулся и вмѣстѣ съ семьей поѣхалъ въ Томскую губернію; съ нимъ пошли изъ села Никольскаго нѣсколько домохозяевъ, письмами подтвердившихъ разсказы Арбузова о сибирскомъ просторѣ. Тогда еще вышло нѣсколько семей ужь не только изъ Никольскаго, а и изъ Сурковъ (пошли родственники); въ 1881 г. уже очень многіе изъ этихъ и окрестныхъ селеній направились въ Томскую губернію.

Переселенческое движеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ началось на другой же годъ по освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. Такъ, напримѣръ, изъ Подкидышева и Горлачевки (Зміевской волости, Данковскаго уѣзда) въ 1862 году по нѣсколько семей распродали все свое имущество и ушли «на низы», т.-е. въ Землю Войска Донскаго. Въ 1863 году бывшіе помѣщичьи крестьяне Сергіево-Шереметьевской волости, Раненбургскаго уѣзда, двинулись массой въ 630 ревизскихъ душъ въ Ставропольскую губернію. Это движеніе замѣчательно своей необдуманностью и тяжелыми послѣдствіями для переселенцевъ; сами крестьяне такъ объясняли причину его: «открылась воля; можно было идти на всѣ четыре стороны,—и пошли, кто куда, счастья искать». Еще во время крѣпостнаго права нѣкоторые крестьяне Шереметьевской волости ходили въ Ставропольскую губернію пильщиками и гуртовщиками. Привольное житье тѣхъ мѣстъ имъ нравилось всегда, а когда при введеніи уставныхъ грамотъ имъ показалось, что они «землею обижены», что получаютъ не то, чего ожидали,—они отказались отъ надѣла, распродали имущество и пошли въ Ставропольскую губернію. Такимъ образомъ вышли тогда изъ селъ Сергіево-Шереметьевскаго, Ново-Сергіевскаго и деревни Конюховки до 630 душъ. Въ Ставропольскую губернію они попали въ неурожайный годъ; многіе перемерли и переболѣли лихорадками, а въ особенности были напуганы обязательностью перехода «въ козачій окладъ». Хотя впослѣдствіи путемъ административной переписки и было, кажется, выяснено, что перечислены въ козаки будутъ только желающіе, но пока шла переписка—шереметьевцы массами стали возвращаться на родину, такъ что въ Ставропольской губерніи осталось не болѣе 30 семей. Хотя, повидимому, земля была нарѣзана и уходившимъ на переселеніе шереметьевцамъ, но общества утверждали, что на нихъ земли не дано, что они вовсе отказались отъ нея при уходѣ въ Ставрополь,—и на этихъ основаніяхъ возвратившіеся «ставропольцы» не только не получили пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій отъ своихъ обществъ, но даже

должны платить имъ за право пастьбы скота по общественному пару и жнивью рубля по 2 съ двора. Это дѣлаетъ положеніе вернувшихся «ставропольцевъ» крайне тяжелымъ: кой-кто изъ нихъ успѣлъ обзавестись скотомъ и ведетъ запашку на съемной землѣ, но большинство разбрелось по сторонамъ, а нѣкоторые снова пытаются устроиться въ Ставропольской губерніи.

Иногда цѣлыя вотчины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ охватывало стремленіе уйти на самару; но такіе порывы были настолько еще незрѣлы, необдуманны, что оказывалось достаточнымъ вмѣшательства администраціи и даже просто сельскаго священника, чтобы охладить порывъ и даже совершенно остановить движеніе, крайне еще непривычное для помѣщичьихъ крестьянъ. Крестьяне-собственники села Хрущева (бывшіе г. Хомякова) около 1876 года надумали было идти на самару; уже ходоковъ выбрали, да—по ихъ разсказамъ—священникъ отговорилъ,—«больно ясную притчу сказалъ: сходи, говоритъ, на толчею *) да послушай; толкачъ, и тотъ твердитъ: «какъ тутъ, такъ и тамъ! какъ тутъ, такъ и тамъ!» Ну, и не пошли: можетъ, и впрямь—вездѣ худое найдется». Приведу еще примѣръ. Той же волости крестьяне деревни Хорошовки хотѣли выселиться всей вотчиной (и другія деревни присоединялись къ нимъ) около 1867 г. Тогда былъ «кличъ на вольныя земли по всему Данковскому уѣзду»; мировой посредникъ чрезъ старшину объявилъ имъ о вызовѣ въ Оренбургскую, Тобольскую и Томскую губерніи; были выбраны 8 ходоковъ и отправлены въ Рязань къ губернатору. Губернаторъ велѣлъ имъ подать письменную просьбу, въ которой бы были изложены причины, заставляющія ихъ выселяться. Просьба была подана; хорошовцы указали на недостатокъ воды въ ихъ деревнѣ, а, главное, на очень тяжелую барщину при тогдашнемъ управляющемъ ихъ помѣщика. Имъ объявили, что выселяться они могутъ, но не всѣ, а лишь 10-й человѣкъ, 9 же должны непремѣнно остаться на мѣстѣ—«храмы блюсти». «Коли всѣ уйдете,—говорилъ, по ихъ разсказамъ, губернаторъ,—храмы Божьи запустѣютъ; на вашемъ мѣстѣ тоже сдѣлается самара,—и начальству придется вызывать сюда кого ни то, чтобы заселить ее». Переселеніе не состоялась, но барщина съ тѣхъ поръ стала легче, а чрезъ 3 года они перешли на оброкъ.

Вообще въ первые годы переселенческое движеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ отличалось значительно меньшею стройностью и обдуманностью; у нихъ было больше неудачныхъ случаевъ переселеній, чѣмъ въ установившемся уже движеніи изъ селъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Но слухи о новыхъ земляхъ отъ крестьянъ государственныхъ стали все больше проникать и къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ; иногда они уже и отъ себя высылаютъ ходоковъ для осмотра новыхъ земель, и хотя выселенія отъ нихъ до сихъ поръ происходятъ въ менѣе значительныхъ размѣрахъ,

*) На мельницу.

но весьма возможно, что бывшіе помѣщичьи крестьяне скоро станутъ такими же участниками этого движенія, какъ и крестьяне, бывшіе государственные; впрочемъ, еще и теперь есть цѣлыя волости бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Данковскаго и Раненбургскаго уѣздовъ, куда слухъ о новыхъ земляхъ только что начинаетъ проникать и откуда поэтому не вышло «на самару» ни одной семьи.

Приведу примѣръ того, какъ исподволь назрѣвала мысль о переселеніи у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

«Въ былое время,—разсказывали намъ крестьяне сельца Пителина (Крючковской волости, Раненбургскаго уѣзда),—здѣсь было лучше всякой самары. Хотя земля у насъ была издавна дѣленая, все же годовъ 70 назадъ ее приходилось больше 7 десятинъ на душу (тягло?), годовъ 50 назадъ—больше 5 десятинъ; лѣсу—сколько хочешь; луга—степь безконечная. Хлѣба было невпроворотъ: въ 1812 году, когда француза въ полонъ брали, скирды гнили... А, между тѣмъ, народу все стало прибавляться,—стали землей утѣсняться, но все еще хорошо было, можно было жить. Даже недавно, при нарѣзкѣ земли, когда часть ея къ барину отошла, жить-перебиваться все же была возможность. Барская земля, что за надѣломъ осталась, пошла тогда по разнымъ рукамъ, но больше все у мѣщанъ Полякова да Малахова была; они сдавали ее по 7—9 р. за десятину. Правда, это было не то, что раньше,—когда десятина сдавалась по 5 р., да и десятины-то были шальныя,—но по понѣшнему времени и то вспомянешь. Но вотъ купилъ эту барскую землю купецъ Кунинъ; сталъ онъ сдавать ее много дороже, рублей по 18—20 за десятину, да, къ тому же, сдачу сокращать началъ, а на себя запашку увеличилъ. Къ тому времени, какъ земля по нарѣзкѣ отошла отъ насъ, крестьянство наше и то ужь маленько поопустилось: земли стало меньше; лѣсъ былъ сведенъ барином; тошки не стало; начали рожь косить пониже; соломка пошла на тошку, урожаи—на убыль. Повышеніе аренды подъѣло крестьянство еще больше... Не стало нашей самары; только старики вспоминаютъ о ней. Года три назадъ (около 1878 года) пошли слухи про новую самару—сибирскую; слухи эти шли изъ Чечоръ, Зенкина, Кривополянья, Каликина *); говорили, будто люди въ Сибирь идутъ и что тамъ самара не хуже той, что у насъ была. Дальше да больше. Пошли слухи со всѣхъ сторонъ; разно говорили, а все чаще—хвалили сибирскую сторону, говорили, что стоитъ идти туда. Бывало, на базарѣ одинъ демкинскій мужикъ какъ начнетъ про сибирскую самару разсказывать (онъ нарочно ходилъ туда, а потомъ съ семьей въ Бійскій уѣздъ выписался), такъ вокругъ него толпа на полверсты стоитъ; самъ-то онъ высокій, здоровый, выше всей толпы, да еще на телѣгу взберется и кричитъ, что есть мочи,—самару расписываетъ... Думали, думали,—и стали нашихъ 13 семей сбираться въ Томскую губернію».

*) Все селенія бывшихъ государственныхъ крестьянъ Раненбургскаго уѣзда, а Каликино—Тамбовской губерніи.

Чтобы сталъ яснѣе историческій ходъ переселенческаго движенія изъ Скопинскаго уѣзда, необходимо упомянуть объ особенностяхъ въ условіяхъ жизни бывшихъ государственныхъ крестьянъ его западной части. 30 большихъ селъ, изъ которыхъ въ настоящее время образовано семь западныхъ волостей уѣзда, составляли до 30-хъ годовъ нашего столѣтія одну громадную волость, принадлежавшую къ вѣдомству государственнаго коннозаводства. Неподалеку отъ Скопина, близъ селъ Стараго-Кельца и Журавинокъ было два казенныхъ завода и окружное коннозаводское управленіе. Кромѣ установленнаго оброка, крестьяне этихъ 30 селъ обязаны были отбывать нѣкоторыя натуральныя повинности: они поставляли для заводовъ конюховъ, производили уборку сѣна съ заводскихъ луговъ, чистку конюшень, зимой расчищали снѣгъ, возили дрова и пр. Сверхъ того, крестьяне должны были поставлять въ достаточномъ количествѣ солому для подстилки лошадямъ, а, въ случаѣ недостатка корма, и сѣно. Подчиняясь департаменту государственнаго коннозаводства, мѣстный управляющій (всегда изъ военныхъ) почти настолько же полновластно управлялъ этой громадной волостью, какъ бывшіе помѣщики—своими вотчинами: онъ не только собиралъ оброкъ, отсылалъ его непосредственно въ департаментъ, не только наблюдалъ за исполненіемъ натуральныхъ повинностей, но чинилъ судъ и расправу. Такія громадныя права управляющаго, его удаленность отъ центра (а, слѣдовательно, почти полная безконтрольность) порождали много злоупотребленій властью. До сихъ поръ среди коннозаводскихъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда живы воспоминанія о выматываніи, розгахъ и иныхъ крутыхъ мѣрахъ при собираніи оброка; называютъ даже фамилію знаменитаго своей жестокостью управляющаго, требовавшаго такихъ натуральныхъ повинностей въ свою пользу, на которыя рѣдко претендовали самые жестокіе помѣщики. А, между тѣмъ, при окружномъ коннозаводскомъ управленіи былъ цѣлый штатъ чиновниковъ, кромѣ управляющаго: два его помощника, ассесоръ, казначей, бухгалтеръ, землемѣръ и нѣсколько писарей; злоупотребленія исходили и отъ нихъ. Понятно, что положеніе бывшихъ коннозаводскихъ крестьянъ весьма близко подходило къ положенію бывшихъ крѣпостныхъ. Обязательныя отношенія къ коннозаводскому управленію окончились около 1836 года, когда и самые заводы были перенесены на югъ, въ болѣе просторную Харьковскую губернію (близъ Бѣловодска).

Въ остальной части Скопинскаго уѣзда преобладали бывшіе помѣщичьи крестьяне; бывшихъ государственныхъ тамъ было около 40%. Хотя крестьяне государственнаго коннозаводства и имѣли право ухода на сторонніе заработки, хотя имъ и выдавались безпрепятственно паспорта (если были выполнены денежныя и натуральныя повинности), но все же окончательно порвать съ своей родиной, распродавъ имущество и поселившись съ семьями на новыхъ мѣстахъ, имъ было настолько же невозможно, какъ и бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ. И дѣйствительно, въ нашихъ матеріалахъ самые ранніе случаи выселеній изъ коннозаводскихъ волостей

не отходятъ далѣе 40-хъ годовъ; переселенія изъ бывшихъ помѣщичьихъ, конечно, начались лишь послѣ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости; самыя же раннія выселенія могли происходить (и дѣйствительно происходили) изъ разряда бывшихъ государственныхъ крестьянъ восточной половины уѣзда. Въ нашихъ матеріалахъ имѣются указанія на выселенія раньше 40-хъ годовъ изъ селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ Курбатовской, Корневской, Измайловской и Маклаковской волостей, лежащихъ въ восточной части уѣзда.

Еще въ первыхъ годахъ столѣтія (лѣтъ 80 назадъ) выселилось нѣсколько семей въ Оренбургскую губернію изъ села Большаго Подовечья, Курбатовской волости. Съ тѣхъ поръ до 30-хъ годовъ у насъ есть указаніе лишь на одинъ случай выселенія: около 1820 года (въ «голодный годъ») ушла въ Саратовскую губернію половина села Маклакова. Въ 30-хъ годахъ переселенцы направлялись тоже преимущественно въ Саратовскую губернію: изъ Бакланова (Маклаковской волости) и изъ Полотебнаго (Курбатовской) вышло туда по нѣсколько семей, а другое село той же волости—Дехтярка—выслало $^1/_2$ своего населенія; крестьяне хорошо помнятъ, что въ 30-хъ годахъ посылались предварительно въ Саратовскую губернію «ссадчики» для осмотра мѣстъ будущаго поселенія. Въ 30-хъ же годахъ изъ Чулковскихъ выселокъ (Корневской волости) ушло 5 семей въ Землю Войска Донскаго, но (хотя нѣкоторыя изъ нихъ и устроились полнымъ хозяйствомъ) всѣ онѣ живутъ и до сихъ поръ, по паспортамъ, не отчисляясь отъ своей родной деревни, такъ что даже при дѣлежѣ земли въ 1881 году и имъ нарѣзали землю по числу ихъ мужскихъ душъ. Въ 40-хъ годахъ ходили на развѣдку въ Саратовскую, Самарскую, Уфимскую и Оренбургскую губерніи, и затѣмъ вышло туда по нѣсколько семей изъ селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ Курбатовской волости (изъ Большаго и Малаго Подовечья, Дехтярки и Борщовки), да изъ Спасскаго, Измайловской волости, выселилось тогда около 50 душъ въ Саратовскую губернію. Всѣ перименованные до сихъ поръ случаи выселеній происходили по иниціативѣ крестьянъ, безъ матеріальной поддержки правительства и даже, повидимому, безъ его вызова и указаній; очевидно, что менѣе значительныя выселенія изъ Скопинскаго уѣзда (сравнительно съ двумя болѣе южными) почти до самой X-й ревизіи не обращали на себя вниманія администраціи.

Около 1856 г. «кличъ на вольныя земли» дошелъ и до Скопинскаго уѣзда; на него отозвались государственные крестьяне Курбатовской волости: ушло нѣсколько душъ изъ Малаго Подовечья, около 10 душъ изъ Большаго Подовечья и изъ Дехтярки—до 50 душъ; всѣ шли въ Самарскую губернію «по манифесту»: правительство, по словамъ крестьянъ, давало помощь на проходку, дозволяло пасти коней на большихъ дорогахъ, а по прибытіи на мѣсто поселенія отпускало для перваго обзаведенія по 140 р. ассигнаціями на двухъ работниковъ и по 39 сотенныхъ десятинъ (въ $100 \times 40 = 4{,}000$ кв. саженъ каждая). Въ то же время выселялись семьи и на

свой страхъ, безъ казеннаго пособія: вышло нѣсколько семей изъ деревни Полотебнаго и, вѣроятно, изъ деревни Ермолина, Полянской волости, такъ какъ оттуда пошелъ тогда въ Самарскую губернію главный ссадчикъ. Около 1860 года была новая «выкличка» въ Самарскую губернію, но на этотъ разъ, повидимому, матеріальной поддержки со стороны правительства не было. По этому вызову вышло въ Самарскую губернію до 25 душъ изъ Дехтярки, около 11 семей изъ Гулынокъ и Есакова (Курбатовской же волости), изъ Ермолина (Полянской волости) до 70 душъ и нѣсколько семей бывшихъ государственныхъ крестьянъ изъ Лѣтова, Яблоневской волости. Совершенно самостоятельно (хотя и въ томъ же 1860 году и въ Самарскую же губернію) вышло 7 семей изъ Чулковскихъ выселокъ.

Какъ уже замѣчено, отхожіе заработки могли развиваться среди конно-заводскихъ крестьянъ и до прекращенія ихъ обязательныхъ отношеній къ заводскому управленію. Заработки эти носили по бо́льшей части земледѣльческій характеръ (иногда и ремесленный — шерстобиты), а самый выходъ направлялся почти исключительно въ степныя губерніи южной Россіи и Кавказа. Населеніе росло; земельныя условія становились все болѣе и болѣе стѣснительными, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, развивался и отходъ на сторону; уже въ 40-хъ годахъ нѣкоторые работники, по нѣсколько лѣтъ живя въ степи, стали переводить къ себѣ свои семьи, распродавать свое имущество, окончательно поселяясь въ мѣстахъ своихъ заработковъ; большинство такихъ семей и до настоящаго времени не перечислено въ свое новое мѣстожительство, а живутъ по паспортамъ, получаемымъ съ родины, съ которой они имѣютъ очень мало общаго во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Число такихъ «сходцевъ» (какъ зовутъ ихъ мѣстные крестьяне) все увеличивалось; въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ оно достигло весьма значительной цифры и затѣмъ начало слабѣть все сильнѣе и сильнѣе, окончательно уступивъ свое мѣсто восточному направленію выселеній къ концу 70-хъ годовъ. «Сходцы въ степь», «степняки» — почти исключительная принадлежность Скопинскаго уѣзда, а въ немъ—крестьянъ, принадлежавшихъ до 1836 г. къ вѣдомству государственнаго коннозаводства; въ другихъ разрядахъ крестьянъ и въ другихъ уѣздахъ это направленіе выселеній встрѣчается значительно рѣже.

Извѣстія о просторѣ Томской губерніи проникли въ Скопинскій уѣздъ очень поздно—въ концѣ 70-хъ годовъ: частью изъ сосѣдняго Епифанскаго уѣзда, Тульской губерніи, но, главное, изъ Раненбургскаго уѣзда. Осенью 1882 года зажиточный крестьянинъ села Хворощевки (Затворинской волости) повелъ за собой до 10 семей въ Томскую губернію; но большая часть изъ нихъ осѣла въ Троицкомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, и только нѣкоторыя ушли дальше. Особенно сильный толчекъ движенію въ Томскую губернію изъ Скопинскаго уѣзда былъ данъ весной 1882 года бывшимъ старостой Чулковскихъ выселокъ Петромъ Ивановымъ. Этотъ зажиточный, даже богатый крестьянинъ, прослышавъ отъ своихъ знакомыхъ Раненбург-

скаго уѣзда объ изобиліи Томской губерніи, пошелъ лично убѣдиться въ справедливости слуховъ. Мѣста полюбились, — и Петръ Ивановъ вернулся на родину, чтобы окончательно перебраться въ Томскую губернію, забравъ семью и распродавъ имущество. Разсказы этого умнаго и хозяйственнаго мужика о сибирскомъ просторѣ и въ особенности его рѣшимость идти въ такую даль отъ здѣшняго хорошаго житья произвели сильное впечатлѣніе; не только родные, но и посторонніе стали просить Петра Иванова взять съ собой ихъ или хоть ихъ развѣдчиковъ. Онъ повелъ въ Сибирь не одинъ десятокъ семей изъ Чулковскихъ выселокъ и другихъ селеній, — иныхъ даромъ, съ другихъ бралъ по 40 р. съ ревизской души «за показъ мѣста». Эти переселенцы хорошо устроились въ Бійскомъ округѣ, Томской губерніи, хвалятъ мѣста и зовутъ къ себѣ своихъ земляковъ.

Переселенческое движеніе изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда еще очень мало развито (всѣхъ переселенческихъ семей вышло не болѣе 80); есть нѣсколько указаній, что оно началось тотчасъ по освобожденіи отъ крѣпостной зависимости въ Саратовскую губернію (изъ Кумина, Маклаковской волости) и на Кавказъ (изъ Лыкова хутора, Боровской волости); въ настоящее время и до этого разряда крестьянъ проникла вѣсть о Томской губерніи (частью отъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда, частью изъ сосѣдняго Ряжскаго уѣзда), и число переселенцевъ изъ нихъ тоже растетъ.

Познакомясь съ ходомъ переселенческаго движенія до X-й ревизіи во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ изслѣдованнаго района, посмотримъ на размѣры движенія послѣ нея до 1882 года включительно. Въ теченіе этого времени (почти четверти столѣтія) изъ всѣхъ 3-хъ уѣздовъ выселилось до 3,661 семьи съ 22,438 душами обоего пола, что составитъ около 6% всего наличнаго населенія этихъ уѣздовъ вмѣстѣ съ переселенцами *). По отдѣльнымъ уѣздамъ этотъ процентъ колеблется около той же цифры:

Всѣхъ выселившихся:

	Семей.	Душъ обоего пола.	Наличн. душъ обоего пола.	% выселеній.
Въ Раненбургскомъ уѣздѣ .	1,595	9,887	134,099	7
» Данковскомъ уѣздѣ. . .	881	5,807	98,224	6
» Скопинскомъ » . . .	1,185	6,747	143,124	5
Итого . .	3,661	22,438	375,447	6

*) Не только здѣсь, но и въ послѣдующемъ изложеніи подобныя процентныя отношенія выведены не къ наличнымъ цифровымъ даннымъ разсматриваемыхъ районовъ, а *къ наличнымъ+однородныя данныя выселившихся изъ нихъ крестьянъ*; такимъ образомъ процентныя отношенія получаются болѣе соотвѣтствующими дѣйствительнымъ, тѣмъ болѣе, что главныя массы переселенцевъ падаютъ на послѣдніе годы изслѣдуемаго періода.

То-есть по относительному размѣру переселеній со времени X-й ревизіи Скопинскій уѣздъ занимаетъ послѣднее мѣсто: въ немъ этимъ путемъ выбыла $^1/_{90}$ часть населенія; Раненбургскій же уѣздъ и по абсолютнымъ, и по относительнымъ цифрамъ выселенія стоитъ на первомъ мѣстѣ, хотя и не особенно обогналъ въ этомъ отношеніи Данковскій и Скопинскій уѣзды.

Но если цѣлыя поуѣздныя территоріи со времени X-й ревизіи выпустили изъ среды себя почти одинаковыя относительныя количества переселенцевъ, то для разныхъ районовъ каждаго уѣзда проценты переселеній весьма различны; такъ, напримѣръ, изъ нѣкоторыхъ волостей переселеній не было вовсе, тогда какъ въ двухъ изъ нихъ убавилось путемъ переселеній болѣе $^1/_5$ части всего населенія. Приведу всѣ волости каждаго изъ уѣздовъ, располагая ихъ по убывающему проценту выселеній; волости разбиты по этимъ процентамъ на естественныя группы.

Раненбургскій уѣздъ.

I-я группа.

	Душъ обоего пола. Наличныхъ	Выселившихся.	%
1. Колыбельская	6,205	1,683	21
2. Путятинская	8,254	1,567	16
3. Зенкинская	5,493	984	15
Итого по 1, 2 и 3-й	19,952	4,234	18

II-я группа.

4. Головищиская	4,089	742	15
5. Ломовская	6,694	982	13
6. Гагинская	4,568	389	8
7. Никольская	4,680	353	7
8. Троицкая	4,624	266	5
9. Дубовская	7,884	385	5
10. Кривополянская	6,499	333	5
11. Крючковская	6,092	341	5
Итого по 4—11-й	45,130	3, 791	8

III-я группа.

12. Сергіево-Шереметьевская	5,189	255	5
13. Вѣдновская	5,438	247	4
14. Просѣчинская	3,972	167	4
15. Пителинская	6,687	206	3
16. Нарышкинская	6,034	145	2
17. Зимаровская	6,872	107	2
18. Старо-Кленская	5,626	57	1
19. Солнцевская	4,010	22	1

	Душъ обоего пола. Наличныхъ.	Выселившихся.	%
20. Екимецкая	4,430	29	1
21. Ново-Тишевская	6,819	60	1
22. Корповская	3,151	35	1
23. Ивановская	5,174	23	0,4
24. Снѣжетковская	4,086	5	0,4
Итого по 12—24-й	65,488	1,358	2
IV-я группа.			
25. Салтыковская	3,529	502	13

Приведенныя цифры по Раненбургскому уѣзду свидѣтельствуютъ о громадной неравномѣрности выселеній изъ разныхъ его волостей: изъ первыхъ четырехъ вышло на переселеніе больше, чѣмъ изъ остальныхъ 21-й; изъ Снѣжетковской волости за весь разсматриваемый періодъ выселилось только 5 душъ обоего пола, тогда какъ изъ Колыбельской 1,683 души. Первая группа, состоящая изъ 3-хъ волостей, дала движенію 4,234 души обоего пола, т.-е. 18% своего населенія; изъ Салтыковской волости, выдѣленной въ самостоятельную группу (IV-ю), ушло 13% населенія; въ 8 волостяхъ II-й группы убыло путемъ переселенія 8% душъ обоего пола, а переселенцы остальныхъ 13-ти волостей (III-я группа) составляютъ лишь 2% общаго ихъ населенія. О причинахъ такой неравномѣрности выселеній будетъ сказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ настоящаго изслѣдованія; здѣсь лишь обратимъ вниманіе на географическое положеніе приведенныхъ группъ волостей.

Салтыковская волость лежитъ на сѣверѣ Раненбургскаго уѣзда и переселенческое движеніе изъ нея стоитъ какъ бы внѣ связи съ переселеніями остальной части уѣзда. Остальныя 3 группы волостей расположены сплошными районами; только Карповская волость по своему географическому положенію находится между волостями второй группы, а по % выселеній отнесена къ третьей. Три волости I-й группы занимаютъ самую южную часть уѣзда, граничащую съ Тамбовской губерніей; волости II-й группы идутъ по направленію на сѣверо-западъ отъ I-й (только Дубовская примыкаетъ къ ней съ востока); 13 же волостей III-й группы занимаютъ сѣверо-восточную часть Раненбургскаго уѣзда.

Данковскій уѣздъ.

	Душъ обоего пола. Наличныхъ.	Выселившихся.	%
I-я группа.			
1. Бигильдинская	4,635	1,211	21
II-я группа.			
2. Долговская	4,975	882	15
3. Ягодновская	4,321	597	12
4. Кудрявская	4,372	437	9

	Душъ обоего пола: Наличныхъ.	Выселившихся	%
5. Зміевская	5.178	421	8
6. Кочуровская	5,878	468	7
7. Мураевинская	5,730	248	4
Итого по 2-й—7-й	30,453	3,053	9
III-я группа.			
8. Тепловская	5,413	462	7
9. Самодуровская	4,511	214	5
10. Знаменская	5,153	229	4
11. Одоевская	6,027	96	2
12. Богословская	5,876	123	2
12. Хрущовская	5,803	136	2
14. Спѣшневская	3,070	60	2
15. Лошаковская	4,274	102	2
16. Хитровская	5,448	47	1
17. Баловневская	3,519	37	1
18. Еропкинская	5,210	29	1
19. Ивановская	4,048	—	0
20. Острокаменская	4.784	5	0,1
Итого по 8-й—20-й	63,136	1,540	2

И здѣсь, въ Данковскомъ уѣздѣ, видна та же громадная неравномѣрность выселенія изъ разныхъ районовъ его: изъ 7-ми первыхъ волостей ушло почти втрое болѣе переселенцевъ, чѣмъ изъ всѣхъ остальныхъ 13-ти; тогда какъ изъ Ивановской волости нѣтъ ни одного переселенца, изъ Бигильдинской ушло 1,211 душъ, т.-е. больше пятой части всего населенія волости. Бигильдинская волость образуетъ самостоятельную (I-ю) группу съ 21% переселенцевъ; 6 волостей II-й группы выдѣлили изъ себя 9% переселенцевъ, а 13 остальныхъ волостей (III-я группа) дали только 2% ихъ.

Семь волостей I-й и II-й группъ, т.-е. мѣстность съ наибольшимъ количествомъ переселеній, занимаетъ сѣверо-восточный уголъ Данковскаго уѣзда; Бигильдинская волость (21%) лежитъ на югѣ этой переселенческой мѣстности, примыкающей къ западной части Раненбургскаго и къ южной—Скопинскаго уѣздовъ.

Скопинскій уѣздъ.

I-я группа.

	Душъ обоего пола: Наличныхъ.	Выселившихся.	%
1. Чуриковская	10,790	1,128	9
2. Казинская	11,449	962	8
3. Павелецкая	10,860	971	8

	Душъ обоего пола. Наличныхъ.	Выселившихся.	—
4. Чернавская	12,045	1,000	8
5. Затворнинская	11,163	748	6
6. Горловская	8;296	398	5
7. Князевская	11,209	315	3
Итого по 1-й—7-й	75,812	5,522	7
II-я группа.			
8. Полянская	7,622	443	5
9. Корневская	10,704	314	3
10. Маклаковская	5,341	102	2
11. Яблоневская	5,593	133	2
12. Боровская	8,809	66	1
13. Вослебская	6,056	36	1
14. Курбатовская	9,625	114	1
15. Измайловская	7,658	7	0,1
16. Сергіевская	5,904	5	0,1
Итого по 8-й—16-й	67,312	1,220	2

Семь волостей I-й группы занимаютъ сплошное пространство на западѣ Скопинскаго уѣзда; изъ нихъ выселилось 5,522 души, т.-е. въ $4^1/_2$ раза больше, чѣмъ изъ остальныхъ 9-ти восточныхъ волостей, откуда вышло 1,220 душъ: по процентнымъ отношеніямъ выселеніе изъ западныхъ волостей въ $3^1/_2$ раза превышаетъ выселенія восточныхъ. Если же разсматривать выселенія изъ отдѣльныхъ волостей, то въ Скопинскомъ уѣздѣ нѣтъ той громадной разницы въ ихъ относительныхъ размѣрахъ, какъ въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ: наибольшій % выселеній (изъ Чуриковской волости) не достигаетъ 10; это главнымъ образомъ зависитъ отъ значительнаго размѣра западныхъ волостей, такъ какъ абсолютныя цифры переселеній и въ Скопинскомъ уѣздѣ подвержены значительнымъ колебаніямъ: отъ 5-ти переселенцевъ Сергіевской волости до 1,128—Чуриковской.

Слѣдующая таблица поможетъ однимъ взглядомъ окинуть неодинаковость выселеній изъ всѣхъ волостей разсматриваемыхъ 3-хъ уѣздовъ. Всѣхъ волостей 61; изъ нихъ:

Съ 1 % переселенцевъ и менѣе . . . . . 17 волостей
» 5 % » » » до 1 % вкл. 24 волости
» 9 % » » » до 6 % » 11 волостей
» 16 % » » » до 12 % » 7 »
» 21 % » » » . . . . . 2 волости.

Только изъ $^1/_3$ всѣхъ волостей (изъ 20-ти) путемъ переселеній убыло болѣе чѣмъ по $^1/_{20}$ ихъ населенія и только изъ 9-ти—болѣе чѣмъ по $^1/_{10}$,

а изъ 16-ти волостей выселенія только что начинаются, изъ одной же не ушло на вольныя земли ни одного человѣка.

Если неравномѣрность распространенія переселенческаго движенія ясна на такихъ крупныхъ единицахъ, какъ волость, то, разсматривая число общинъ, вовлеченныхъ въ движеніе, мы окончательно убѣдимся въ этомъ. Во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ—947 общинъ; изъ нихъ со времени X-й ревизіи приняли участіе въ переселенческомъ движеніи только 330, т.-е. немного больше $^1/_3$ (34%); по отдѣльнымъ уѣздамъ этотъ % нѣсколько колеблется: наибольшій % общинъ, вовлеченныхъ въ движеніе, даетъ Раненбургскій уѣздъ (42%), наименьшій—Скопинскій (29%). Абсолютныя и относительныя цифры для каждаго уѣзда видны изъ слѣдующей таблицы:

	Число общинъ:		
	Всѣхъ.	Съ переселенцами послѣ X-й ревизіи.	%
Раненбургскій уѣздъ	330	143	42
Данковскій »	313	100	32
Скопинскій »	294	87	29.

Говоря о размѣрахъ переселенческаго движенія во всѣхъ 3-хъ разсматриваемыхъ уѣздахъ, мы не обращали вниманія на разряды крестьянъ; теперь опредѣлимъ долю участія въ движеніи каждаго изъ нихъ. Всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне войдутъ въ одинъ разрядъ, а категорію бывшихъ государственныхъ необходимо разбить на два подразряда: душевыхъ и четвертныхъ, такъ какъ они весьма различны по своимъ относительнымъ цифрамъ переселенцевъ. Бывшіе государственные душевые (какъ и бывшіе помѣщичьи) владѣютъ всей своей надѣльной землей на общинномъ правѣ, тогда какъ большая часть надѣла бывшихъ государственныхъ четвертныхъ крестьянъ состоитъ въ наслѣдственномъ владѣніи отдѣльныхъ домохозяевъ; душевые крестьяне, какъ извѣстно, не могутъ продавать своей надѣльной земли; четвертные—предъ уходомъ на переселеніе ее продаютъ, что дѣлаетъ для нихъ передвиженіе въ далекую сторону болѣе легкимъ. Для удобства читателя нелишне здѣсь же замѣтить, что степень зажиточности крестьянъ въ разсматриваемомъ районѣ стоитъ въ прямой связи съ размѣромъ ихъ земледѣлія: наибольшій размѣръ надѣла у четвертныхъ крестьянъ,—они и всѣхъ зажиточнѣе; всѣхъ бѣднѣе и малоземельнѣе — бывшіе помѣщичьи; бывшіе государственные душевые составляютъ средину. При дальнѣйшемъ изложеніи все сейчасъ сказанное будетъ подтверждено цифровыми данными.

Всѣхъ переселенцевъ обоего пола въ разсматриваемыхъ 3-хъ уѣздахъ, какъ мы видѣли уже, 22,438; изъ нихъ на долю бывшихъ государственныхъ крестьянъ падаетъ 15,712 душъ, а на долю бывшихъ помѣщичьихъ—6,726, т.-е. абсолютное число переселенцевъ бывшіе государственные крестьяне выдѣлили почти въ $2^1/_3$ раза больше, чѣмъ бывшіе помѣщичьи.

Это преобладаніе абсолютнаго числа переселенцевъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ проходитъ чрезъ всѣ уѣзды, хотя оно далеко не одинаково въ каждомъ изъ нихъ:

Переселенцевъ обоего пола съ X-й ревизіи:

	У быв. госуд.	У быв. помѣщ.
Въ Раненбургскомъ уѣздѣ	6,061	3,826
Въ Данковскомъ уѣздѣ	3,387	2,420
Въ Скопинскомъ уѣздѣ.	6,264	479

Принявъ за 10 число переселенцевъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ каждаго уѣзда, мы получимъ слѣдующія цифры для переселенцевъ изъ бывшихъ государственныхъ:

Въ Раненбургскомъ уѣздѣ.	16
Въ Данковскомъ уѣздѣ	14
Въ Скопинскомъ уѣздѣ	130

Но эти цифры еще не даютъ полнаго представленія о долѣ участія въ переселенческомъ движеніи каждой категоріи крестьянъ; необходимо обратить вниманіе на отношеніе общаго числа выселенцевъ къ наличному населенію каждаго разряда.

Мы уже знаемъ, что по всему району изслѣдованія вышло на переселеніе 6% всего населенія; для отдѣльныхъ же разрядовъ крестьянъ этотъ процентъ значительно колеблется:

Во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ:

		душъ обоего пола: Наличныхъ.	Переселенц.	% выселившихся.
Быв. госуд.	Душевые.	160,726	11,143	7
	Четвертные	30,753	4,569	13
	И тѣ и другіе	191,479	15,712	8
Бывшіе помѣщичьи		183,968	6,726	4

Хотя бывшіе государственные четвертные крестьяне и даютъ абсолютное число переселенцевъ меньше, чѣмъ каждый изъ остальныхъ разрядовъ, но относительное участіе въ переселенческомъ движеніи этой категоріи крестьянъ наибольшее: тогда какъ бывшіе государственные душевые крестьяне выдѣлили изъ себя около $^1/_{14}$ своего населенія, а бывшіе помѣщичьи только $^1/_{25}$, четвертные крестьяне отдали движенію около $^1/_8$ доли всѣхъ душъ обоего пола своего разряда. Мы знаемъ уже, что абсолютное число переселенцевъ изъ всѣхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ $2^1/_3$ раза больше, чѣмъ изъ разряда бывшихъ помѣщичьихъ; теперь же видимъ, что и проценты переселеній этихъ разрядовъ крестьянъ находятся почти въ томъ же отношеніи (8:4=2:1).

Разсматривая относительныя величины выселеній по отдѣльнымъ уѣздамъ, мы легко замѣтимъ, что они слѣдуютъ тому же закону: наименьшій про-

центъ выселеній даетъ разрядъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, наибольшій—разрядъ бывшихъ государственныхъ четвертныхъ. Скопинскій уѣздъ представляетъ нѣкоторое уклоненіе: въ немъ первое мѣсто по проценту выселеній занимаетъ категорія бывшихъ государственныхъ душевыхъ, а государственные четвертные отходятъ на второе; въ этомъ же уѣздѣ замѣтно особенное преобладаніе выселеній изъ разряда бывшихъ государственныхъ крестьянъ: процентъ его въ 6 разъ больше процента выселеній изъ категоріи бывшихъ помѣщичьихъ. Сказанное легко провѣрить на слѣдующей таблицѣ:

		душъ обоего пола:		%
Раненбургскій уѣздъ.		Наличныхъ.	Переселенц.	выселеній.
Быв. госуд.	Душевые.	42,297	3,930	8
	Четвертные	11,188	2,131	16
	И тѣ и другіе	53,485	6,061	10
Бывшіе помѣщичьи		80,614	3,826	5
Данковскій уѣздъ.				
Быв. госуд.	Душевые.	19,817	1,141	5
	Четвертные	14,920	2,246	13
	И тѣ и другіе	34,737	3,387	9
Бывшіе помѣщичьи		63,487	2,420	4
Скопинскій уѣздъ				
Быв. госуд.	Душевые.	98,612	6,072	6
	Четвертные	4,645	192	4
	И тѣ и другіе	103,257	6,264	6
Бывшіе помѣщичьи		39,867	479	1

До сихъ поръ говорилось о размѣрахъ всего вообще переселенческаго движенія, происшедшаго въ разсматриваемомъ районѣ съ X-й ревизіи; теперь обратимъ вниманіе на то, какъ измѣнялись эти размѣры во времени. При мѣстныхъ изслѣдованіяхъ намъ удалось совершенно точно получать годъ выхода переселенцевъ, начиная съ 1877 года; хотя переселенцы начала 70-хъ годовъ довольно часто значатся въ нашихъ матеріалахъ съ точнымъ годомъ выхода, но ужь и здѣсь много такихъ отмѣтокъ: «ушелъ лѣтъ 10 назадъ», «на самару вышелъ въ 1875 или 1874 году» и пр.; чѣмъ ближе подходимъ къ году ревизіи, тѣмъ меньше точности и въ отмѣткахъ годовъ выселенія; ясно только, что такой-то домохозяинъ ушелъ послѣ ревизіи и значится въ ревизіонныхъ спискахъ. Такое свойство матеріала заставляетъ насъ разсматривать размѣры переселеній въ два періода: съ X-й ревизіи по 1876 годъ и съ 1877—82 г. включительно. Только въ послѣднемъ періодѣ возможно разсматривать размѣры переселеній погодно.

Выше были переведены цифры переселенцевъ со времени X-й ревизіи: по всѣмъ 3-мъ уѣздамъ вышло за это время 3,661 семья съ 22,438 душами обоего пола; изъ нихъ въ первыя 18 лѣтъ (т.-е. съ 1859 по 1876 годъ)

ушло 1,537 семей съ 9,246 *) душами обоего пола, а остальныя 13,192 души (въ 2,124 семьяхъ) переселились въ послѣднія 6 лѣтъ (съ 1877—82 г.); такимъ образомъ, въ послѣдній, гораздо меньшій періодъ произошло $^3/_5$ (59%) всѣхъ переселеній, выселяясь среднимъ числомъ ежегодно по 2,199 человѣкъ, тогда какъ среднее годовое выселеніе въ теченіе 18-ти лѣтъ, слѣдовавшихъ непосредственно за ревизіей, давало 514 душъ или было слишкомъ въ 4 раза слабѣе переселеній 6-ти послѣднихъ лѣтъ. Впрочемъ, отдѣльные уѣзды сильно отличаются другъ отъ друга въ этомъ отношеніи: тогда какъ въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ въ 6 послѣднихъ лѣтъ выселилось въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ въ предшествующіе 18, въ Скопинскомъ уѣздѣ съ 1877 года ушло лишь 20% всѣхъ переселенцевъ, остальные 80% ихъ выселились раньше. Это яснѣе видно изъ нижеслѣдующей таблицы, гдѣ показано число семей и душъ обоего пола, ушедшихъ на переселеніе до и послѣ 1877 года изъ каждаго уѣзда.

Раненбургскій уѣздъ.		До 1877 г.	Съ 1877—82 г.	Итого.
Число переселенческихъ семей		268	1,327	1,595
Въ нихъ переселенцевъ обоего пола.	Число . . .	1,688	8,199	9,887
	%	17	83	100
Данковскій уѣздъ.				
Число переселенческихъ семей		324	557	881
Въ нихъ переселенцевъ обоего пола.	Число . . .	2,171	3,636	5,807
	%	37	63	100
Скопинскій уѣздъ.				
Число переселенческихъ семей		945	240	1,185
Въ нихъ переселенцевъ обоего пола.	Число . . .	5,386	1,357	6,747
	%	80	20	100

Слѣдующая табличка, показывая средніа годовыя величины переселеній, наглядніе представитъ измѣненія размѣровъ переселенческаго движенія въ каждомъ уѣздѣ въ оба разсматриваемые періода:

	Среднее годовое выселеніе.	
	Съ 1859—76 годъ.	Съ 1877—82 годъ.
Раненбургскаго уѣзда	94 души об. п.	1,366 души об. п.
Данковскаго уѣзда.	121 » » »	606 » » »
Скопинскаго уѣзда.	299 » » »	226 » » »

*) При указанномъ (въ предисловіи) способѣ изслѣдованія, о размѣрѣ семьи переселенцевъ, ушедшихъ до 1877 г., часто нельзя было узнать, почему эта цифра только *приблизительная*: она получалась помноженіемъ числа переселеческихъ семей до 1877 г. на средній размѣръ переселенческой семьи каждаго уѣзда; а послѣднія данныя получены изъ точныхъ свѣдѣній о переселенцахъ съ 1877 года. Хотя число переселенцевъ обоего пола, вышедшихъ съ 1859 — 76 годъ и не вполнѣ точно, но оно даетъ болѣе сравнимыя процентныя отношенія къ наличному населенію, не завися отъ измѣнчиваго во времени размѣра семьи.

Ясно, что за послѣднее время роли Раненбургскаго и Скопинскаго уѣздовъ измѣнились: Раненбургскій уѣздъ по размѣрамъ переселеній изъ него стоитъ теперь во главѣ движенія, изъ Скопинскаго же выходитъ наименьшее число переселенцевъ, тогда какъ до 1877 г. онъ давалъ ихъ ежегодно больше не только каждаго изъ двухъ остальныхъ, но и обоихъ ихъ вмѣстѣ. Это произошло отъ того, что среднее годовое выселеніе шести послѣднихъ лѣтъ въ Раненбургскомъ уѣздѣ возросло въ 14 разъ, въ Данковскомъ хотя и возросло, но значительно тише (въ 5 разъ), въ Скопинскомъ же оно стало менѣе, чѣмъ въ первыя 18 лѣтъ послѣ ревизіи.

Въ высшей степени интересно прослѣдить, какъ измѣняются во времени размѣры переселеній у различныхъ разрядовъ крестьянъ. Слѣдующая таблица даетъ необходимыя для этого абсолютныя величины:

		душъ обоего пола.			
		Раненб. у.	Данк. у.	Скоп. у.	По 3-мъ у
Бывшіе государственные крестьяне, выселившіеся	до 1877 г.	800	1,253	5,170	7,223
	съ 1877—82 г.	5,261	2,134	1,094	8,489
Бывшіе помѣщичьи крестьяне, выселившіеся	до 1877 г.	888	918	216	2,023
	съ 1877—82 г.	2,938	1,502	263	4,703

Чтобъ яснѣе представить зависимость размѣровъ переселеній отъ времени и разряда крестьянъ, выведемъ изъ предъидущей таблицы средніе годовые размѣры переселенія для каждаго разсматриваемаго періода выселеній и для каждой категоріи крестьянъ:

Среднее годовое выселеніе.

		Съ 1859—76 г.	Съ 1877—82 г.	Во сколько разъ оно увеличилось или умньшилось.
Раненбург. уѣздъ.	Быв. госуд. крест.	44 души об. п.	877 душъ об. п.	+ 19
	Быв. помѣщичьи .	49 » » »	490 » » »	+ 10
Данковскій уѣздъ.	Быв. госуд. крест.	70 » » »	356 » » »	+ 5
	Быв. помѣщичьи .	51 » » »	250 » » »	+ 5
Скопинскій уѣздъ.	Быв. госуд. крест.	287 » » »	182 » » »	— 1,6
	Быв помѣщичьи .	12 » » »	44 » » »	+ 3,7
По-всѣмъ 3-мъ уѣздамъ.	Быв. госуд. крест.	401 » » »	1,415 » » »	+ 3,5
	Быв. помѣщичьи .	112 » » »	784 » » »	+ 7

Мы видимъ, что констатированное выше возрастаніе размѣровъ переселенческаго движенія за послѣднія 6 лѣтъ въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ произошло какъ у бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и у бывшихъ государственныхъ крестьянъ; въ Скопинскомъ же уѣздѣ среднее годовое выселеніе крестьянъ государственныхъ стало въ $1^1/_2$ раза меньше, но и здѣсь оно болѣе чѣмъ утроилось у категоріи бывшихъ помѣщичьихъ. Цифры послѣдняго вертикальнаго столбца даютъ наглядное представленіе о быстротѣ роста переселенческаго движенія; мы видимъ изъ нихъ, что

въ Раненбургскомъ уѣздѣ возрастаніе переселенческаго движенія у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ идетъ почти вдвое медленнѣе, чѣмъ у государственныхъ; въ Данковскомъ уѣздѣ ростъ этого движенія происходитъ одинаково быстро въ обоихъ разрядахъ; о Скопинскомъ уѣздѣ было сказано раньше *).

Обратимся теперь къ ежегоднымъ размѣрамъ переселенческаго движенія за послѣднія 6 лѣтъ. Здѣсь мы имѣемъ совершенно точныя цифры, хотя для переселеній 1882 г. въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ онѣ неполны: главныя массы переселенцевъ уходятъ въ маѣ, а изслѣдованія Раненбургскаго уѣзда производились въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1882 г.; двѣ волости Данковскаго уѣзда были изслѣдованы еще въ 1881 г., но за то въ остальныхъ волостяхъ уѣзда зарегистрованы почти всѣ его переселенческія семьи, такъ какъ изслѣдованія велись май и іюнь 1882 г.; данныя по Скопинскому уѣзду совершенно полны и для 1882 года; въ немъ мѣстныя изслѣдованія производились осенью 1882 года.

Переселенческихъ семей.	Изъ Раненбургскаго уѣзда.		Изъ Данковскаго уѣзда.		Изъ Скопинскаго уѣзда.		ИТОГО.	
	Число.	%	Число.	%	Число.	%		
Въ 1877 году	81	6	30	5	5	2	111	5
„ 1878 „	56	4	18	3	7	3	81	4
„ 1879 „	66	5	16	3	17	7	99	5
„ 1880 „	227	17	42	7	26	11	295	14
„ 1881 „	894	68	407	75	59	24	1,360	64
„ 1882 „	3	0	44	7	126	53	173	8
Итого . .	1,327	100	557	100	240	100	2,124	100

*) Необходимо замѣтить, что изъ цифръ этого столбца для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ нельзя дѣлать вывода объ вдвое бо́льшемъ (чѣмъ у бывшихъ государственныхъ) ростѣ средней годовой цифры переселеній у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: это зависитъ, такъ сказать, отъ игры среднихъ цифръ и становится яснымъ при внимательномъ просмотрѣ абсолютныхъ данныхъ по Скопинскому уѣзду, гдѣ переселенія бывшихъ государственныхъ крестьянъ особенно сильно преобладали въ ранній изъ разсматриваемыхъ періодовъ, а выселенія бывшихъ помѣщичьихъ вообще незначительны.

Во всѣхъ трехъ уѣздахъ вмѣстѣ наибольшая масса переселенцевъ приходится на 1881 годъ: въ этомъ году вышли почти $^2/_3$ (64%) всѣхъ переселенческихъ семей съ 1877 года; въ Данковскомъ же уѣздѣ на этотъ годъ падетъ $^3/_4$ переселенцевъ шести послѣднихъ лѣтъ; только въ Скопинскомъ уѣздѣ годомъ наиболѣе сильнаго движенія былъ 1882 годъ, когда ушло изъ него больше $^1/_2$ (53%) переселенцевъ послѣдняго періода. Вообще въ Скопинскомъ уѣздѣ замѣчается почти совершенно точное ежегодное удвоеніе числа переселенческихъ семей; это зависитъ отъ того, что давній (южный) потокъ переселеній изъ него почти прекратился, а въ послѣдніе годы движеніе приняло восточное, повидимому, болѣе удачное направленіе.

Въ слѣдующей таблицѣ даны ежегодные размѣры движенія по разрядамъ крестьянъ для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

Переселенческихъ семей.

		1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.	Итого.
У быв. госуд. крестьянъ.	Число.	39	46	65	159	914	108	1,331
	%	3	3	5	12	69	8	100
У быв. помѣщичьихъ.	Число.	77	35	34	136	446	65	793
	%	10	4	4	17	57	8	100

Мы видимъ, что для обоихъ разрядовъ крестьянъ всѣхъ трехъ уѣздовъ вмѣстѣ годомъ наибольшихъ выселеній былъ 1881 годъ, но у бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ этомъ году вышелъ особенно большой % переселенцевъ (69%).

Разсматривая ежегодныя поразрядныя выселенія изъ каждаго уѣзда, замѣтимъ, что оба разряда крестьянъ въ этомъ отношеніи весьма несущественно отличаются другъ отъ друга; это ясно изъ таблицы:

Переселенческихъ семей.		1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г	1882 г	Итого.
Раненбургскаго уѣзда.								
Бывшихъ государственныхъ.	Число . .	20	30	42	108	629	—	829
	% . . .	2	4	5	13	76	—	100
Бывшихъ помѣщичьихъ.	Число . .	61	26	24	119	265	3	498
	% . . .	12	5	5	24	53	1	100
Данковскаго уѣзда.								
Бывшихъ государственныхъ.	Число . .	14	9	9	29	237	7	305
	% . . .	5	3	3	10	77	2	100
Бывшихъ помѣщичьихъ.	Число . .	16	9	7	13	170	37	252
	% . . .	6	4	2	5	68	15	100

Переселенческихъ семей.		1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.	Итого.
Скопинскаго уѣзда.								
Бывшихъ государственныхъ.	Число . .	5	7	14	22	48	101	197
	% . . .	3	4	7	11	24	51	100
Бывшихъ помѣщичьихъ.	Число . .	—	—	3	4	11	25	43
	% . . .	—	—	7	9	26	58	100

Ежегодныя переселенія обоихъ разрядовъ крестьянъ каждаго уѣзда слѣдуютъ почти тѣмъ же измѣненіемъ, какія указаны выше для цѣлыхъ уѣздовъ.

Разсмотрѣніе процентныхъ отношеній всѣхъ переселенцевъ *со времени X-й ревизіи* къ населенію разныхъ разрядовъ крестьянъ привело насъ къ выводу, что бывшіе государственные крестьяне выдѣлили изъ себя вдвое бо̀льшія относительныя количества переселенцевъ, чѣмъ бывшіе помѣщичьи, и что государственные четвертные крестьяне выслали на новыя мѣста наиболѣе крупную долю своего населенія. Слѣдующая таблица показываетъ, что и въ послѣдній шестилѣтній періодъ (съ 1877—82 г.) отношеніе разрядовъ крестьянъ къ размѣрамъ выселеній изъ нихъ осталось то же. Таблица даетъ % % переселенцевъ шести послѣднихъ лѣтъ каждаго разряда крестьянъ къ его наличному населенію; необходимыя для того абсолютныя величины были приведены раньше.

		Раненб. уѣздъ.	Данков. уѣздъ.	Скопин. уѣздъ.	По всѣмъ 3-мъ у.
Быв. государств. крестьяне.	Душевые.	8	3	1	3
	Четвертные. . . .	14	10	2	10
	И тѣ и другіе . . .	9	6	1	4
Бывшіе помѣщичьи.		4	2	0,6	2

Слѣдовательно, въ послѣднее шестилѣтіе, какъ и во всѣ 24 года, протекшее съ X-й ревизіи, % выселенія бывшихъ государственныхъ крестьянъ вдвое больше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ. Но какъ здѣсь, такъ и раньше мы брали процентныя отношенія переселенцевъ къ населенію *всего* разряда или къ общему числу жителей, населяющихъ *всю* территорію волости, уѣзда. Поразрядные проценты выселеній значительно измѣнятся, если при выводѣ ихъ станемъ брать во вниманіе только *мѣстности выселеній*, разумѣя подъ ними всѣ общины, вовлеченныя въ движеніе; тогда мы увидимъ, что въ мѣстностяхъ, уже захваченныхъ движеніемъ, помѣщичьи крестьяне далеко не такъ сильно отстаютъ отъ государственныхъ по своему проценту выселеній, а въ Скопинскомъ уѣздѣ даже значительно ихъ опередили.

		Душъ обоего пола. Въ мѣстности выселенія.	У переселенцевъ (съ 1877 г.)	% выселеній.
Раненбургскій уѣздъ.	Быв. государствен.	49,476	5,261	10
	Быв. помѣщичьи. .	34,495	2,938	8
Данковскій уѣздъ.	Быв. государствен.	24,645	2,134	8
	Быв. помѣщичьи. .	18,607	1,502	7
Скопинскій уѣздъ.	Быв. государствен.	66,942	1,094	2
	Быв. помѣщичьи. .	3,267	263	7

Изъ сравненія этой и предыдущей табличекъ становится яснымъ, что изъ очень большаго числа общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ переселенческое движеніе еще вовсе не начиналось, тогда какъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ вовлеченъ въ движеніе значительно большій % общинъ. И дѣйствительно, объ этомъ непосредственно свидѣтельствуютъ слѣдующія цифровыя данныя. Въ послѣднее шестилѣтіе изъ всѣхъ 947 общимъ 3-хъ уѣздовъ приняли участіе въ движеніи только 261 или немного болѣе ¼ (28%); по отдѣльнымъ разрядамъ эти цифры распредѣлятся такъ:

Всѣхъ общинъ бывш. госуд. крестьянъ.	178	56%
» » » » » вовлеченныхъ въ движеніе. . . .	100	
Всѣхъ общинъ бывшихъ помѣщичьихъ	769	21%
» » » » вовлеченныхъ въ движеніе. . . .	161	

Тогда какъ почти ⅕ (79%) всѣхъ общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ не выпустили изъ среды себя ни одного переселенца, у крестьянъ бывшихъ государственныхъ больше ½ (56%) ихъ знакомы съ переселенческимъ движеніемъ чрезъ своихъ однообщественниковъ. Такое неодинаковое отношеніе къ движенію обѣихъ категорій крестьянъ еще рѣзче выступаетъ въ предѣлахъ площадей отдѣльныхъ уѣздовъ:

		Число общинъ. Всѣхъ.	Гдѣ есть переселенцы (съ 1877 г.)	% переселенч. общинъ.	% выселеній съ 77 г. ко всему числу жителей.
Раненбургскій уѣздъ.	Быв. государственные	52	37	71	9
	Быв. помѣщичьи	288	88	30	4
	Всего по уѣзду	340	125	37	6
Данковскій уѣздъ.	Быв. государственные	39	26	67	6
	Быв. помѣщичьи .	274	58	21	2
	Всего по уѣзду .	313	84	23	4
Скопинскій уѣздъ.	Быв. государственные	87	37	43	1
	Быв. помѣщичьи .	207	15	7	0,5
	Всего по уѣзду .	294	52	18	0,1

Процентныя отношенія двухъ послѣднихъ вертикальныхъ рядовъ указываютъ на прямую связь размѣровъ движенія (выраженныхъ крайнимъ вертикальнымъ рядомъ процентовъ) съ пространствомъ, имъ охваченнымъ (средній рядъ % %): измѣненія цифръ обоихъ рядовъ вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ другу,—% выселеній болѣе въ томъ уѣздѣ или разрядѣ уѣзда, гдѣ большій % общинъ вовлеченъ въ движеніе.

Чтобы покончить съ вопросомъ о размѣрахъ переселенческаго движенія, познакомимся съ пообщинными процентами выселеній за послѣдній изъ разсматриваемыхъ періодовъ, такъ какъ только для него мы имѣемъ достаточно полныя данныя. Мы увидимъ, что неравномѣрность выселеній изъ отдѣльныхъ общинъ значительно больше констатированной выше неравномѣрности ихъ изъ волостей и поволостныхъ районовъ. Это необходимо имѣть въ виду, чтобы судить о послѣдствіяхъ переселенческаго движенія для остающихся членовъ общины. Напримѣръ: для общинъ, откуда вышло не больше $^1/_{20}$ ихъ населенія (а такихъ $^1/_2$), результаты движенія почти незамѣтны, тогда какъ для $^1/_{10}$ всѣхъ участвующихъ въ движеніи общинъ, выдѣлившихъ изъ себя болѣе $^1/_3$ доли своихъ членовъ, оно не можетъ не имѣть значенія хотя бы въ томъ отношеніи, что количество земли на каждое домохозяйство замѣтно возрастетъ, если только земля переселенцевъ не выйдетъ изъ общины.

Теперь разобьемъ всѣ общины, участвующія въ движеніи послѣдняго періода (261 община), на группы по проценту выселенія изъ нихъ:

Общины, изъ которыхъ происходили выселенія съ 1877—82 г.	Раненб. уѣзда.		Данковс уѣзда.		Скопин. уѣзда.		Итого.	
	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%
Общинъ съ 1 и менѣе % переселенцевъ	12	10	12	14	24	45	48	18
„ отъ 1 до 5% включ. „	40	32	28	33	14	27	82	32
„ „ 5% — 10% „ „	35	28	20	24	4	8	59	23
„ „ 10% — 20% „ „	22	18	16	19	6	12	44	17
„ сверхъ 20% „ „	16	12	8	10	4	8	28	10
Итого переселенческихъ общинъ	125	100	84	100	52	100	261	100

Таблица показываетъ, что больше, чѣмъ $^1/_4$ (27%) общинъ всѣхъ 3-хъ уѣздовъ, участвующихъ въ движеніи съ 1877 г., выдѣлили изъ себя свыше $^1/_{10}$ доли своего населенія; $^1/_2$ ихъ дала движенію не болѣе $^1/_{20}$ своихъ наличныхъ членовъ; изъ остальной $^1/_4$ общинъ (изъ 23%) ушло на переселеніе отъ $^1/_{20}$ — $^1/_{16}$ душъ обоего пола. Почти тѣ же процентныя отношенія различныхъ группъ переселенческихъ общинъ въ Раненбургскомъ и

Данковскомъ уѣздахъ; въ Скопинскомъ же особенно большой % общинъ съ незначительнымъ размѣромъ выселеній въ послѣднія 6 лѣтъ: почти ¾ (72%) ихъ выдѣлили не болѣе 1/20, а 45% не болѣе 1/100 своего населенія.

Разряды крестьянъ оказываютъ замѣтное вліяніе на разсматриваемыя процентныя отношенія: для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ относительныхъ, и въ абсолютныхъ величинахъ занимаютъ первое мѣсто по % выпущенныхъ ими переселенцевъ; сказанное въ особенности относится къ Скопинскому уѣзду. Слѣдующая таблица убѣждаетъ насъ въ этомъ цифрами:

Общины.			Съ 1 менѣе % пересел.	Отъ 1 до 5 % пересел.	Отъ 5 до 10% пересел.	Отъ 10 до 20% пересел.	верхъ 20 % пересел.	Итого всѣхъ переселенческихъ.
Раненбурск. уѣзда.	Быв. государственныхъ.	Число.	4	10	10	8	5	37
		%	11	27	27	22	13	100
	Быв. помѣщичьихъ . . .	Число.	8	30	25	14	11	88
		%	10	34	28	16	12	100
Данковскаго уѣзда.	Быв. государственныхъ.	Число.	6	6	6	4	4	26
		%	23	23	23	15,7	15,5	100
	Быв. помѣщичьихъ . . .	Число.	6	22	14	12	4	58
		%	10	38	24	21	7	100
Скопинскаго уѣзда.	Быв. государственныхъ.	Число.	22	12	1	1	1	37
		%	59	32	3	3	3	100
	Быв. помѣщичьихъ . . .	Число.	2	2	3	5	3	15
		%	13,1	13,3	20	33,3	20	100
По 3-мъ уѣздамъ.	Быв. государственныхъ.	Число.	32	28	17	13	10	100
		%	32	28	17	13	10	100
	Быв. помѣщичьихъ . . .	Число.	16	54	42	31	18	161
		%	10	34	26	19	11	100

Мы видѣли, что въ 28 общинахъ въ теченіе послѣдняго шестилѣтія выселилось болѣе $^1/_5$ ихъ населенія; 8 изъ нихъ выдѣлило болѣе, чѣмъ по 30% душъ обоего пола; если же добавить, что одна изъ восьми отдала движенію слишкомъ $^1/_2$ своего населенія (53%), да еще одна вышла въ полномъ составѣ, то можетъ явиться представленіе о какомъ-то массовомъ движеніи изъ нѣкоторыхъ частей разсматриваемаго района. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ: всѣ упомянутыя 9 общинъ крайне мелки и довольно было, напр., одной изъ нихъ выдѣлить на вольныя мѣста лишь 1 семью въ 8 душъ обоего пола, чтобы % выселенія изъ нея сталъ равнымъ 53-мъ. Слѣдующая таблица, вмѣщающая данныя о наличныхъ размѣрахъ всѣхъ этихъ 9 общинъ и о числѣ выселенцевъ изъ нихъ, устранитъ упомянутое недоразумѣніе:

		душъ обоего пола:		%
		Наличныхъ.	Пересел. съ 1877 г.	выселеній.
1. С. Вѣдное б. госуд. душевые	Дан. у. Скоп. у. Раненбургск. у.	7	8	53
2. Мураевинскіе выселки Федоровой		16	15	48
3. » » Карцевой.		63	41	39
4. Кузовлево Вагина		70	39	36
5. С. Истобное Богданова.		86	47	35
6. С-цо Пупки б. госуд. четвертные		37	24	39
7. Новиково Трухачева		11	6	35
8. Орловка.		56	30	35
9. Бигильдино госуд., б. Григорова		—	39	100

Болѣе подробныя данныя о размѣрахъ переселенческихъ партій въ моментъ ихъ выхода изъ родныхъ селеній, а также о попыткахъ къ массовымъ переселеніямъ будетъ сказано далѣе, когда пойдетъ рѣчь о самомъ процессѣ передвиженія и о сборахъ къ нему.

Теперь познакомимся *съ направленіями движенія*, какія приняли переселенцы изслѣдованнаго нами района. Въ послѣдующихъ таблицахъ всѣ данныя сгруппированы по тѣмъ же двумъ періодамъ, по которымъ мы разсматривали свѣдѣнія о размѣрахъ переселеній; болѣе дробная, погодная группировка была бы возможна лишь для послѣднихъ шести лѣтъ, но и въ ней нѣтъ существенной необходимости, такъ какъ въ послѣднее время (съ 70-хъ годовъ) направленіе ясно опредѣлилось и оставалось почти безъ измѣненія. Свѣдѣнія о направленіи переселеній, добытыя нашими мѣстными изслѣдованіями, довольно полны, что даетъ возможность дѣлать то или иное заключеніе въ предѣлахъ разсматриваемаго района: всѣхъ семей выселилось съ X-й ревизіи 3,661, а въ нашихъ матеріалахъ имѣются данныя о направленіи, принятомъ 3,503 семьями, т.-е. о 96%; причемъ изъ 158 переселенческихъ дворовъ, направленія которыхъ мы не знаемъ, 143 приходятся на болѣе отдаленный періодъ (съ 1859—76 г.), что и понятно.

Слѣдующія цифровыя данныя покажутъ намъ число семей каждаго уѣзда, принявшихъ то или иное направленіе въ оба разсматриваемые періода движенія:

Число семей, ушедшихъ на переселеніе.	Въ Томскую губернію.	Въ Тобольскую губернію.	Въ Уфимскую губернію.	Въ Оренбургскую губер.	Въ Землю Войска Донск.	На Кавказъ.	Въ Самарскую губернію.	Въ Тамбовскую губерн.	Въ Таврическую, Харьковскую и Воронежск. губ.	„Въ степь“.	Въ Москов., Петербург., Владимірскую и пр. губ.	Въ Скопинскій уѣздъ.	Въ другіе уѣз. Ряз. губ.	И Т О Г О.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
Раненбургскаго уѣзда.														
До 1877 г.	42	5	4	24	35	69	67	19	—	—	3	—	—	268
Съ 1877—82 г.	1.161	9	89	41	12	12	1	1	—	—	1	–	–	1.327
Итого .	1.203	14	93	65	47	81	68	20	—	—	4	—	–	1.595
Данковскаго уѣзда.														
До 1877 г.	5	5	14	32	58	2	44	2	5	9	1	—	—	217
Съ 1877—82 г.	439	1	5	43	18	2	29	—	—	—	3	—	—	540
Итого . .	484	6	19	75	76	4	73	2	5	9	4	–	-	757
Скопинскаго уѣзда.														
До 1877 г.	14	4	21	42	153	124	83	15	20	356	13	45	19	909
Съ 1877—82 г.	101	15	20	12	15	55	—	2	—	20	—	2	—	242
Итого . . .	115	19	41	54	168	179	83	17	20	376	13	47	19	1.151
Во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ.														
До 1877 г.	101	14	39	98	246	195	194	36	25	365	17	45	19	1.394
Съ 1877—82 г. . . .	1.701	25	114	96	45	69	30	3	—	20	4	2	—	2.109
Итого . . .	1.802	39	153	194	291	264	224	39	25	385	21	47	19	3.503

Нелишне замѣтить, что цифры этой таблицы указываютъ лишь то направленіе, какое принимаютъ переселенцы по выходѣ съ своей родины; впрочемъ, онѣ очень близки къ дѣйствительному распредѣленію ихъ на но-

выхъ мѣстахъ, хотя, напримѣръ, бѣдняки, направляясь въ Бійскій округъ, нерѣдко задерживаются въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ на время и даже навсегда. Если удавалось узнать, что нѣкоторыя семьи во время пути по какимъ-либо причинамъ измѣнили свое направленіе, мы дѣлали необходимыя поправки. Въ таблицѣ есть графа крайне неопредѣленная: «въ степь»; уже изъ историческаго обзора движенія извѣстно, что подъ именемъ «степняковъ» крестьяне Скопинскаго уѣзда разумѣютъ своихъ выходцевъ, осѣвшихъ въ степныхъ и низовыхъ губерніяхъ Европейской Россіи, а также въ Ставропольской губерніи и Кубанской области Кавказа; поэтому, соединяя графы предъидущей таблицы (для избѣжанія дробности цифръ) въ болѣе общія рубрики, семьи «степняковъ» необходимо присоединить къ семьямъ графъ отъ 5—9 включительно; двѣ губерніи Сибири тоже соединимъ въ одной общей графѣ; такъ же поступимъ съ Уфимской и Оренбургской губерніями, лежащими рядомъ и недавно только раздѣленными; семьи, ушедшія изъ своихъ селеній въ Скопинскій и другіе уѣзды Рязанской губерніи, помѣстимъ тоже въ одну рубрику. Сдѣлавъ все это, мы получимъ слѣдующія данныя для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

Семей выселившихся:	Съ 1859—76 г. Число	%	Съ 1877—82 г. Число	%	Съ 1859—82 г. Число	%
Въ Томскую и Тобольскую губ.	115	8	1,726	81,4	1,841	53
Въ Уфимскую и Оренбургскую губ.	137	10	210	10,2	347	10
Въ степныя и низовыя губ.						
Европ. Россіи и на Кавказъ . .	1,061	76	167	8,1	1,228	34,6
Въ промышленныя губерніи. . .	17	1	4	0,2	21	0,6
Внутри Рязанской губерніи . . .	64	5	2	0,1	66	1,8
Итого . .	1,394	100	2,109	100	3,503	100

То, что мы видѣли мелькомъ въ историческомъ обзорѣ движенія, теперь наглядно подтверждаютъ цифры этой таблицы.

Господствующимъ направленіемъ переселенческаго движенія со времени X-й ревизіи суть переселенія въ Сибирь и притомъ почти исключительно въ Томскую губернію: въ Сибирь ушло больше ½ (53%) всѣхъ переселенцевъ; затѣмъ слѣдуютъ степныя и низовыя губерніи Европейской Россіи съ Кавказомъ: больше ⅓ (34,6%) переселенцевъ ушло туда. Но эти господствующія направленія рѣзко помѣнялись своими ролями въ два разсматриваемые періода: до 1877 г. переселеніе въ Томскую губернію только что начиналось (оно дало 8% всѣхъ переселенцевъ за 18 лѣтъ); въ послѣднее шестилѣтіе Сибирь приняла въ себя больше ⅘ (81,4%) всѣхъ переселенческихъ семей этого періода. «Степняки» же съ 1877 — 82 годъ составляютъ только 8%, переселеній, тогда какъ въ ранній періодъ ихъ было болѣе ¾ всѣхъ выходцевъ (76%).

Оренбургско-уфимское направленіе сохранило свое относительное значеніе въ оба періода, составляя 1/10 долю всего движенія.

Выходцы внутри Рязанской губерніи и въ губерніи промышленной полосы составляютъ незначительный %; въ послѣднее шестилѣтіе число ихъ совершенно ничтожно (6 семей).

Тѣ же явленія ясно выразились и въ каждомъ отдѣльномъ уѣздѣ, но далеко не въ одинаковой степени. Посмотримъ на таблицу.

Семей выселившихся:		Въ Томск. и Тобольск.	Въ Уфим. и Оренбур.	«Въ степь».	Въ промышленныя губ.	Внутри Рязанской губерніи.	Итого.
Изъ Раненбургскаго уѣзда.							
Съ 1859—77 г.	Число	47	28	190	3	—	268
	%	18	10	71	1	0	100
Съ 1877—82 г.	Число	1,170	130	26	1	—	1,327
	%	88	10	2	0,1	0	100
Съ 1859—82 г.	Число	1,217	158	216	4	—	1,595
	%	76	10	14	0	0	100
Изъ Данковскаго уѣзда.							
Съ 1859—77 г.	Число	50	46	120	1	—	217
	%	23	21,3	55	0,5	0	100
Съ 1877—82 г.	Число	440	48	49	3	—	540
	%	81	9	9	1	0	100
Съ 1859—82 г.	Число	490	94	169	4	—	757
	%	65	12	22	1	0	100
Изъ Скопинскаго уѣзда.							
Съ 1859—77 г.	Число	18	63	751	13	64	909
	%	2	7	83	1	7	100
Съ 1877—82 г.	Число	116	32	92	—	2	242
	%	48	13	38	0	1	100
Съ 1859—82 г.	Число	134	95	843	13	66	1,151
	%	12	8	73	1	6	100

Мы видимъ, что только Скопинскій уѣздъ отступаетъ отъ намѣченныхъ среднихъ основаній въ направленіи движенія для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ: въ немъ для всего 24-хъ лѣтняго періода переселеніе «въ степь» является преобладающимъ и хотя оно значительно сократилось за послѣднія 6 лѣтъ, уступивъ первое мѣсто переселеніямъ въ Сибирь, но все же держится въ немъ прочнѣе, чѣмъ въ двухъ остальныхъ уѣздахъ. Выселенія внутри губерніи происходили исключительно изъ Скопинскаго уѣзда, составляя за весь періодъ со времени X-й ревизіи 6% всѣхъ его «сходцевъ». Въ Данковскомъ и особенно въ Раненбургскомъ уѣздѣ переселенцы въ Сибирь получили въ послѣднее шестилѣтіе громадный перевѣсъ; въ Ранен-

бургскомъ уѣздѣ ихъ до $^9/_{10}$ (88%) всѣхъ «самарцевъ», такъ что самое выраженіе «самарцы» смѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выраженіемъ: «томенцы», т.-е. переселяющіеся въ Томскую губернію. Вообще въ послѣднее время *южное* направленіе переселеній окончательно уступаетъ мѣсто *восточному:* если къ сибирскимъ губерніямъ присоединить и Оренбургскую съ Уфимской, то за послѣднее шестилѣтіе вышли сюда болѣе $^9/_{10}$ (91%) всѣхъ переселенцевъ изслѣдуемаго района.

Эти перемѣны въ направленіи движенія совершаются крайне осмотрительно и даются крестьянину нелегко; толкаемый необходимостью оставлять свои родныя поля, онъ крѣпко держится разъ отысканнаго его родичами и земляками направленія, такъ какъ о другомъ или не слыхалъ вовсе, или и есть слухи, да силы нѣтъ провѣрить ихъ. Часто приходится крестьянину горько платиться за такую непроизвольную косность. Вотъ, напримѣръ, какимъ тяжелымъ опытомъ пришлось убѣдиться въ непригодности для переселеній Самарской губерніи, и притомъ этотъ опытъ послужилъ лишь самимъ пострадавшимъ, ихъ односельцамъ, да самому незначительному, ближайшему къ нимъ району.

Изъ историческаго очерка движенія мы знаемъ, что издавна нѣкоторыя селенія Данковскаго уѣзда посылали своихъ сходцевъ въ Самарскую губернію; мы знаемъ, что изъ села Телепнева (на югѣ уѣзда) выходили «на самару» еще въ 50-хъ годахъ, что изъ сосѣднихъ съ нимъ селъ Зашева, Звѣрева и Орловки около того же времени шли переселенія въ Самарскую губернію; были переселенія туда же изъ этихъ селъ и позже, переселенія болѣе или менѣе удачныя. Но вотъ уже около 1870 г. попытка теленневцевъ выселиться въ Самарскую губернію окончилась неудачей. «Ссадчики» пошли зимой, облюбовали мѣсто («По насту все хорошо!»—говорилъ одинъ изъ ссадчиковъ), но когда они повели за собой лѣтомъ до 20 семей, многимъ показалось невозможнымъ устроиться на новомъ мѣстѣ,—и они вернулись, на этотъ разъ благополучно, «съ деньгами», благодаря встрѣтившимся въ тѣхъ мѣстностяхъ хорошимъ заработкамъ.

Въ 1876 году снова потянулись въ Самарскую губернію изъ Звѣрева, Орловки и Зашева больше 30 семей на 60 подводахъ; но изъ нихъ только 3 семьи остались на новомъ мѣстѣ, остальныя вернулись. Возвращеніе было тяжелое: на обратномъ пути всѣ переболѣли лихорадкой; нѣкоторые умерли, а дошедшіе домой не имѣли и здѣсь пристанища. Вотъ кое-что изъ разсказовъ одной женщины (изъ Зашева), особенно пострадавшей отъ этой крайне неудачной попытки къ переселенію. Пошла она въ семьѣ изъ 11 человѣкъ на 2-хъ лошадяхъ съ 20 рублями, пошла по зову отправлявшагося туда зажиточнаго родственника изъ Орловки. По приходѣ на мѣсто, у ея семьи не было силы нанять квартиры (пока тянулись переговоры о пріемкѣ) и они провели нѣсколько дней въ повозкахъ на выгонѣ. Переговоры съ разными обществами окончились неудачно: тамъ, гдѣ земля понравилась, гдѣ были и лѣсъ, и вода,—пріемка дорога, а въ другихъ мѣ-

стахъ — земля оказалась неподходящей. Рѣшили вернуться назадъ; тутъ-то они и вытерпѣли страшныя лишенія. Сначала поработали, сбились съ силами и тронулись въ путь. Въ ихъ семьѣ было 2 работника, 2 работницы, остальные семеро—мелочь да старики. Вскорѣ по выѣздѣ, вся семья заболѣла жестокой лихорадкой; умеръ одинъ работникъ; умерла старуха. Лошадь пала,—пришлось остановиться и еще поработать. Справили плохую лошаденку (за 5 р. ее продали, придя домой) и пошли дальше. Ѣхали одни, всѣ больные; вошь напала; не разъ ночевали въ полѣ, а разъ пришлось провести ночь въ своихъ телѣгахъ среди небольшой рѣчки: лошади стали, а изъ нихъ никто не могъ выйти изъ телѣги,—лихорадка измучила всѣхъ; такъ и простояли, пока отдохнувшія лошади не надумали ихъ вывезти изъ воды. Больными вернулись домой; въ жилую избу никто не принималъ, боясь заразы; нашлась въ селѣ пустая изба; въ ней спачала и помѣстились; потомъ выжили 2 года на квартирѣ, пока не поставили своей избенки. Остальныя изъ возвратившихся семей дошли до своихъ селъ тоже измученными и разорившимися; ихъ примѣръ и разсказы остановили движеніе въ Самарскую губ. изъ окрестныхъ селеній, а такъ какъ вѣсть о томскомъ просторѣ только еще начинаетъ проникать къ нимъ, то и вообще переселенческое движеніе съ юга Данковскаго уѣзда почти прекратилось.

Оканчивая вопросъ о направленіи крестьянскихъ переселеній въ изслѣдуемой мѣстности Рязанской губерніи, обратимъ еще вниманіе на зависимость его отъ разрядовъ крестьянъ; слѣдующая таблица выясняетъ эту связь для всего 24-хъ лѣтняго періода движенія (съ X-й ревизіи):

Семей, выселившихся съ 1859—82 г.		Въ Сибирь.	Въ Уфимск. и Оренбур губ.	«Въ степь».	Въ промышл. губер.	Внутри Рязанской губерніи.	Итого.
Изъ Раненбурскаго уѣзда:							
У быв. государ.	Число	805	54	93	4	—	956
	%	84	6	9,6	0,4	—	100
У быв. помѣщ.	Число	412	104	123	—	—	639
	%	64	16	20	—	—	100
Изъ Данковскаго уѣзда:							
У быв. государ.	Число	285	18	108	3	—	414
	%	69	4	26	1	—	100
У быв. помѣщ.	Число	205	76	61	1	—	343
	%	60	22	18	0	—	100
Изъ Скопинскаго уѣзда:							
У быв. государ.	Число	109	74	829	8	62	1,076
	%	10	7	76	1	6	100
У быв. помѣщ.	Число	25	21	20	5	4	75
	%	33	28	27	7	5	100

Бывшіе помѣщичьи крестьяне Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ дали нѣсколько меньшій % переселеній въ отдаленныя губерніи Сибири, чѣмъ крестьяне бывшіе государственные.

% уфимскихъ и оренбургскихъ выходцевъ наглядно подтверждаютъ намѣченный раньше фактъ, что менѣе обезпеченные помѣщичьи крестьяне, не осиливая пути въ Сибирь, осѣдаютъ по дорогѣ въ болѣе близкомъ Оренбургскомъ краѣ: у нихъ переселенія туда даютъ значительно большій %, чѣмъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

Вслѣдствіе громаднаго преобладанія переселеній «въ степь» у бывшихъ государственныхъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда, % его сибирскихъ сходцевъ преобладаетъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Изъ 66 семей, выселившихся изъ Скопинскаго уѣзда въ предѣлы губерніи, 62 приходятся на долю бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

Не слѣдуетъ думать, что направленіе переселеній находится въ большой зависимости отъ степени достатка крестьянъ; въ нашемъ районѣ эта причина играетъ далеко не главную роль, на что указываетъ и малая разница поразрядныхъ процентовъ выселеній въ разныя мѣста; все зависитъ преимущественно отъ условій, какія ждутъ новоселовъ на новыхъ мѣстахъ: чѣмъ они лучше, чѣмъ легче устроиться тамъ, тѣмъ сильнѣе стремленіе по тому направленію. Это особенно ясно на движеніи послѣдняго шестилѣтія (преднамѣренномъ, а не случайномъ), когда не только бывшіе государственные, но и бывшіе помѣщичьи крестьяне устремились въ далекую Сибирь, проходя мимо менѣе благопріятныхъ для поселенія Самарской, Уфимской и Оренбургской губерній. Поэтому-то причины выбора переселенцами томскаго направленія станутъ яснѣе впослѣдствіи, когда познакомимся съ условіями разныхъ мѣстъ поселенія.

При историческомъ обзорѣ переселенческаго движенія мы видѣли, что въ Шереметьевской волости, Раненбургскаго уѣзда, и въ западной части Скопинскаго на выборъ направленія оказывали существенное вліяніе отхожіе заработки крестьянъ въ мѣста, обильныя землей, но теперь даже и для Скопинскаго уѣзда пора такого вліянія миновала: низовыя и степныя губерніи Европ. Россіи и Кавказа уже не представляютъ прежняго простора, такъ что даже и отходъ туда значительно сократился, смѣнившись болѣе выгодными торфяными заработками въ сѣверныхъ губерніяхъ, о переселеніи въ которыя не можетъ быть и рѣчи.

В. Григорьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскія книги.

Народная жизнь на Сѣверѣ. *С. А. Приклонскаго.* Москва, 1884.

Подъ этимъ заглавіемъ авторъ выпустилъ сборникъ статей, которыя, въ сокращенномъ видѣ, печатались въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, въ концѣ 1879 и началѣ 1880 гг. Статьи г. Приклонскаго *(письма объ Олонецкой губерніи)* въ свое время обратили на себя вниманіе жизненностью содержанія и литературными достоинствами изложенія. Напрасно, поэтому, г. Приклонскій оговаривается, что издаетъ книгу *отъ бездѣлья;* его книга не будетъ лишнею при нынѣшнемъ *небываломъ литературномъ оскудѣніи*. Сквозь рубище этого заявленія станутъ, пожалуй, разглядывать нѣкую гордыню. *Народная жизнь на Сѣверѣ*—хорошая книга. Статьи *Русскихъ Вѣдомостей* отчасти не производили достаточно сильнаго впечатлѣнія, потому что долго тянулись въ газетѣ. Наконецъ, книга разсчитана на все образованное русское общество, а не на однихъ читателей уважаемой московской газеты. Если прибавить къ сказанному, что послѣдняя глава книги—*Народная школа и рабочая жизнь* появляется въ печати впервые, то станетъ совершенно понятенъ интересъ къ сочиненію г. Приклонскаго.

Скажемъ нѣсколько словъ именно о послѣдней главѣ книги.

Въ крестьянской средѣ на нашемъ Сѣверѣ, замѣчаетъ г. Приклонскій, ясно обозначились два слоя—культурный и некультурный, сельскіе богачи и рабочая масса. Глубокая разница между этими двумя слоями сказывается, между прочимъ, и въ дѣлѣ народнаго образованія. Авторъ обращается къ фактамъ, которые подмѣчены сельскими священниками, дьяконами, волостными писарями и деревенскими учителями, «которые близко стоятъ къ народу и отнюдь не могутъ быть заподозрѣны въ какихъ-либо предвзятыхъ тенденціяхъ» *). Не подвергая сомнѣнію точности свѣдѣній, которыми поль-

*) Г. Приклонскій пользуется статьями *Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей*.

зовался г. Приклонскій, замѣтимъ, однако, что въ отношеніи духовенства къ земской начальной школѣ можно предположить и нѣкоторую тенденціозность. Очень недавно мы пережили походъ противъ земской школы подъ знаменемъ школы церковно-приходской. Конечно, этотъ походъ, къ счастію неудачный, предпринятъ былъ не сельскимъ духовенствомъ, но сочувствіемъ болѣе или менѣе значительной части этого духовенства онъ не могъ не пользоваться.

«Всѣ наблюдатели сельской жизни,—говоритъ г. Приклонскій,—почти единогласно утверждаютъ, что крестьянское рабочее населеніе безучастно, а отчасти даже враждебно относится къ народной школѣ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ ея существованія. Напротивъ, сельскіе богачи дѣятельно заботятся о распространеніи школьнаго образованія, своимъ вліяніемъ на крестьянъ стараются сломить ихъ противодѣйствіе школѣ и дѣлаютъ значительныя денежныя пожертвованія на школьныя нужды». Одинъ изъ учителей Повѣнецкаго уѣзда, г. Миролюбовъ, такъ описываетъ отношеніе къ школѣ мѣстныхъ крестьянъ: «Къ сожалѣнію, ихъ полудикій образъ жизни, борьба съ лишеніями и бѣдностью, крайнее невѣжество не скоро даютъ имъ понять всю важность толковой грамотности. Въ нихъ не замѣчается, точно, ни отвращенія, ни ненависти къ обученію дѣтей и къ училищу, ни усердія и готовности быть на пользу и за училище. За то въ средѣ ихъ есть не мало ходалыхъ людей, которые съумѣли бы разумно оцѣнить заслуги училища и учителей, но прирожденная имъ самою природою черствость, дикость нрава и затаенная ненависть ко всему новому не только не дозволяютъ имъ повліять однимъ словомъ на меньшихъ своихъ собратовъ и тѣмъ дать обильный (?) толчекъ училищу въ трудномъ дѣлѣ просвѣщенія корелъ, но, кажется, напротивъ, они едва удерживаютъ себя отъ порывовъ противъ училища». Въ крестьянскихъ толкахъ о школьномъ образованіи, говоритъ г. Приклонскій, очень часто слышится полнѣйшее непониманіе практической пользы его, а иногда—весьма основательныя указанія на плохую постановку школьнаго дѣла, отчего школьныя занятія становятся пустою тратою времени. Г. Приклонскій указываетъ, съ другой стороны, на то важное и прискорбное обстоятельство, что жизнь крестьянина «до такой степени вся поглощена безконечнымъ трудомъ изъ-за куска хлѣба, что онъ не въ силахъ ничего удѣлить на школу и не можетъ отпустить дѣтей въ училище безъ ущерба для своего пищенскаго хозяйства». Большое затрудненіе въ посѣщеніи школъ происходитъ и отъ того, что въ Олонецкой губерніи деревни малолюдны (три, пять, много десять дворовъ) и разбросаны среди сплошнаго лѣса, на дальнихъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Послѣдствія всего этого крайне печальны. «Крестьянскія дѣти изъ домашней среды выносятъ такъ мало словъ и понятій и до такой степени непривычны къ быстрому и правильному мышленію, что школьный учитель, одновременно съ обученіемъ грамотѣ, долженъ развивать въ нихъ мышленіе, объяснять незнакомыя имъ понятія и учить новымъ, непонятнымъ имъ словамъ».

Школа вноситъ въ крестьянскую жизнь новыя мысли, новыя свѣдѣнія; она перерабатываетъ міровоззрѣніе сельскаго населенія. Одни привѣтствуютъ школу съ восторженною радостью, другіе видятъ въ школѣ только вредъ. «Представителями перваго взгляда являются сельскіе богачи, а противниками школьнаго вліянія—рабочая бѣднота». Школа, говоритъ далѣе уважаемый авторъ, «развиваетъ въ крестьянинѣ человѣческую личность, которая въ рабочей семьѣ совершенно подавлена безпрекословнымъ подчиненіемъ власти большака». Г. Приклонскій настаиваетъ на всеобщемъ и равномѣрномъ распространеніи образованія. «Конечно,—прибавляетъ онъ,—нечего и думать о возможности этимъ путемъ рѣшить рабочій вопросъ. Но, съ другой стороны, всѣ попытки къ разрѣшенію этого вопроса останутся безъ успѣха, пока образованіе не распространится въ рабочей средѣ, хотя бы настолько, чтобы самый низшій образовательный уровень, въ видѣ начальнаго школьнаго образованія, сдѣлался достояніемъ всѣхъ, безъ исключенія, работниковъ». Соглашаясь вполнѣ съ этою мыслью, мы не находимъ возможнымъ согласиться съ другимъ требованіемъ г. Приклонскаго. По его мнѣнію, необходимо изъять начальную школу изъ вѣдѣнія земства, освободить послѣднее отъ расходовъ на народное образованіе. «Земство можетъ имѣть,—говоритъ г. Приклонскій,—только мѣстный контроль надъ народными школами, но самыя школы непремѣнно должны находиться въ рукахъ правительства». Для насъ представляется затруднительнымъ допустить контроль части надъ цѣлымъ, земства надъ государствомъ. Кромѣ того, желаніе почтеннаго автора, чтобы начальное образованіе «во всемъ государствѣ было строго подчинено одной и той же системѣ, такъ, чтобы оно повсемѣстно давало народу однообразный *minimum* культурнаго развитія», кажется намъ или не совсѣмъ точно формулированнымъ, или нарушающимъ важное педагогическое требованіе. Школа, даже начальная, дающая тотъ *minimum* развитія, о которомъ говоритъ г. Приклонскій, должна до извѣстной степени приспособляться къ этнографическимъ и другимъ мѣстнымъ особенностямъ. Мы стоимъ поэтому за земскую школу подъ контролемъ государства, но требуемъ содѣйствія государства для всеобщаго и равномѣрнаго созданія школъ въ имперіи. Самъ г. Приклонскій признаетъ заслуги земства въ дѣлѣ развитія народнаго образованія. Онъ говоритъ, что земство дало этому дѣлу рѣшительный и быстрый толчекъ.

Въ заключеніе укажемъ на нѣкоторую, думается намъ, несправедливость почтеннаго автора, который выставляетъ дворянъ врагами народнаго образованія. Во многихъ земскихъ собраніяхъ, гдѣ большинство принадлежитъ дворянамъ, мѣры для развитія начальныхъ училищъ находятъ постоянную и твердую поддержку. Въ этомъ отношеніи дворянство, если не лучше, то, во всякомъ случаѣ, не хуже духовенства или купечества.

Читатель найдетъ въ книгѣ г. Приклонскаго много интересныхъ фактовъ и соображеній.

Основанія классификаціи государствъ въ связи съ общимъ ученіемъ о классификаціи. *Н. Звѣрева*. Москва, 1883.

Методологическое изслѣдованіе г. Звѣрева было представлено имъ въ юридическій факультетъ московскаго университета, какъ магистерская диссертація. Написана эта книга замѣчательно живымъ, простымъ и яснымъ языкомъ, и поэтому можетъ разсчитывать на довольно обширный кругъ читателей. Въ первой части своего сочиненія авторъ говоритъ о психологическихъ данныхъ логики, о сопоставленіи и сравненіи, о значеніи классификаціи, какъ пріема изученія, и т. д. Г. Звѣревъ опирается въ своемъ изслѣдованіи, главнымъ образомъ, на труды Бена, Спенсера, Д. С. Милля и на нѣмецкихъ писателей сходнаго направленія. Эти главы читаются съ большимъ интересомъ, хотя нѣкоторые изъ второстепенныхъ выводовъ автора и представляются нѣсколько односторонними. Вторая часть книги посвящена тщательному разбору многочисленныхъ попытокъ классифицировать государства. Эту спеціальную работу авторъ предназначаетъ, само собою разумѣется, ученой критикѣ, но многія страницы и здѣсь отличаются доступностью и поучительностью для образованнаго человѣка вообще. Г. Звѣревъ принимаетъ аристотелевское дѣленіе формъ государственнаго устройства, комбинируя его съ классификаціей Канта. Въ основу дѣленія авторъ кладетъ кантовскій признакъ: государства бываютъ простыя или сложныя, смотря потому, раздѣлена ли верховная власть между составными органами, или нѣтъ. И простыя, и сложныя государства подраздѣляются уже, по Аристотелю, на монархію, аристократію и демократію. Г. Звѣрева можно упрекнуть за преимущественно формально-логическую обработку предмета. Конечно, авторъ воленъ ставить себѣ какую угодно цѣль, но и читатель имѣетъ свои права. Намъ кажется, что для нѣкоторыхъ дѣйствительно существующихъ государствъ классификація уважаемаго ученаго будетъ прокрустовымъ ложемъ. Намъ непонятно, напримѣръ, зачисленіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ сложныя государства, куда они должны попасть по классификаціи г. Звѣрева. Существованіе всеобщей подачи голосовъ, въ нашихъ глазахъ, обусловливаетъ принадлежность великой заатлантической республики къ чистой демократіи, такъ какъ всѣ органы власти вытекаютъ изъ единаго источника—народной воли. Тѣмъ не менѣе, въ Соединенныхъ Штатахъ судъ отдѣленъ отъ законодательной власти, которая, до извѣстной степени, распредѣлена между конгрессомъ, сенатомъ и президентомъ, а исполнительная находится въ подчиненномъ положеніи относительно двухъ первыхъ. Г. Звѣревъ можетъ возразить, что онъ имѣлъ въ виду лишь классификацію, какъ предварительный пріемъ изученія; но противъ этого можно привести слѣдующее соображеніе: Нужно ли въ настоящее время такое размѣщеніе государствъ, которое составляетъ, какъ справедливо утверждаетъ почтенный авторъ, лишь начало работы? Неужели вопросъ о государствѣ до сихъ поръ не вышелъ изъ такого состоянія? Неужели еще не установлено въ наукѣ самое *понятіе* государства? А, между

тѣмъ, такое утвержденіе составляетъ главный аргументъ г. Звѣрева въ возраженіяхъ Форлендеру и другимъ писателямъ. Мы придаемъ, наоборотъ, особенно важное значеніе именно попыткамъ классифицировать государства по ступенямъ развитія. Для насъ, поэтому, Родбертусъ, о которомъ не пришлось упомянуть г. Звѣреву, неизмѣримо важнѣе цѣлой дюжины нѣмецкихъ писателей, пересаживавшихъ государства съ одного мѣста на другое. Родбертусъ указываетъ на то, что въ основѣ древнихъ государствъ лежало рабство. Сюда относятся теократическія, кастовыя государства, сатрапія персовъ и полисъ грековъ. Въ новое время являются церковныя, сословныя и представительныя государства. Человѣкъ пересталъ быть собственностью управляющей группы, какъ было, напримѣръ, въ Аѳинахъ; затѣмъ земля подвергается подобному же измѣненію, а также орудія труда (въ будущемъ). Мы не станемъ защищать классификацію Родбертуса; но въ основѣ его взгляда лежитъ вѣрная и плодотворная мысль.

Г. Звѣреву самому тѣсно въ рамкахъ его темы. Государства распредѣляетъ онъ по возрастающей или убывающей силѣ государственной власти. «Здѣсь,—говоритъ уважаемый авторъ,—мы наблюдаемъ борьбу двухъ основныхъ принциповъ общежитія: личной свободы и порядка». Проектируемая г. Звѣревымъ классификація можетъ, по его словамъ, привести къ важнымъ выводамъ; но въ такомъ случаѣ она уже не первоначальный пріемъ размѣщенія, облегчающій начало научной работы, а то, что Вундтъ называетъ *генетическою классификаціею*, въ противоположность *описательной* (*Wundt*: Logik, II; Methodenlehre, 42, 45—51). Замѣтимъ мимоходомъ, что, на нашъ взглядъ, противопоставленіе свободы порядку не представляется правильнымъ. Свободѣ противоположна необходимость, въ государствѣ личной свободѣ гражданина противоположна власть цѣлаго, авторитетъ. Отъ признанія гражданской свободы порядокъ не уменьшается, а только механическое, рабское подчиненіе замѣняется разумнымъ соглашеніемъ, добровольнымъ подчиненіемъ высшимъ началамъ общежитія.

Въ этой библіографической замѣткѣ мы указали лишь на часть богатой содержаніемъ книги г. Звѣрева. Его изслѣдованіе вызоветъ, по всей вѣроятности, критическія статьи спеціалистовъ, такъ какъ оно составляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу научную литературу. Стройность изложенія и по истинѣ изящная отчетливость работы заслуживаютъ особенной похвалы.

Наша новѣйшая литература объ экономическомъ состояніи Россіи. *Д. И.* Москва, 1883.

Эта небольшая брошюра составлена изъ статей, которыя печатались въ газетѣ *Русь*. Понятно, поэтому, что въ ней мы встрѣчаемъ шаблонныя вылазки противъ либерализма и нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній въ защиту народныхъ интересовъ. Г. Д. И. разбираетъ сочиненія гг. Шаврова, Новосельскаго, Менделѣева и Данилевскаго и придаетъ этимъ сочиненіямъ, на нашъ взглядъ, преувеличенное значеніе. Авторъ является рѣшительнымъ

сторонникомъ покровительственной системы. Однако, защита высокаго *національнаго* тарифа сопровождается въ брошюрѣ многознаменательными оговорками. Необходимо *разумное* развитіе новыхъ отраслей производства путемъ покровительственной системы (15); говоря о докладѣ проф. Менделѣева, г. Д. И. признаетъ, что главную мысль этого доклада «составляетъ измѣненіе условій образованія въ Россіи». Г. Данилевскій также «вполнѣ увѣренъ, что одно возвышеніе тарифа неспособно вызвать производство въ самой Россіи всѣхъ предметовъ, которые нынѣ ввозятся». Затѣмъ г. Д. И., вмѣстѣ съ г. Менделѣевымъ, признаетъ, что теперь «самое покровительство промышленности, раздробленное у насъ между многими вѣдомствами, обращается въ покровительство отдѣльнымъ лицамъ и отдѣльнымъ заводамъ, что скорѣе возбуждаетъ не предпріимчивость, а искательство, и потому не успѣваетъ ничего сдѣлать въ общемъ интересѣ». Эти замѣчанія — горькая правда, но какъ же послѣ этого патетически нападать на либераловъ, которые возстаютъ противъ современнаго покровительства всѣмъ хищнымъ стремленіямъ и закоренѣлой, невѣжественной косности нашихъ крупныхъ капиталистовъ?

Г. Д. И. стоитъ за государственныя желѣзныя дороги; но за пріобрѣтеніе рельсовыхъ путей государствомъ высказываются давно и настойчиво и русскіе либералы. Напрасно только авторъ замѣчаетъ, что «въ дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ *статья* г. Головачова послужила важнымъ подспорьемъ г. Шаврову». Г. Головачовъ написалъ обширное изслѣдованіе и длинный рядъ въ высшей степени замѣчательныхъ статей по вопросамъ желѣзно-дорожнаго хозяйства. «Освободивъ ее (одну изъ статей г. Головачова),—продолжаетъ г. Д. И.,—отъ вреднаго нароста либерально-космополитическихъ разсужденій, г. Шавровъ правильно воспользовался здоровымъ основаніемъ статьи». Либерально-космополитическій наростъ принадлежитъ, разумѣется, къ излюбленнымъ словесамъ, которыя должны не вразумлять, а оглушать. Вотъ какъ, между прочимъ, *правильно* пользуется г. Шавровъ здоровымъ *основаніемъ* статьи г. Головачова. Онъ предполагаетъ построить желѣзную дорогу на азіатскій Востокъ. «Стоимость постройки не превыситъ 45 т. на версту. Подъ построенныя дороги можно выпустить облигаціи, которыя, кромѣ самой дороги, будутъ обезпечиваться еще полосою земли вдоль дороги, по 5-ти верстъ въ каждую сторону: это будетъ болѣе 10 тысячъ десятинъ на каждую версту. Употребивъ эту землю на водвореніе поселенцевъ (что, добавимъ, не мало облегчитъ эксплуатацію дороги), можно будетъ путемъ весьма умѣреннаго обложенія однимъ этимъ доходомъ обезпечить исправное поступленіе процентовъ по облигаціямъ. Подобное примѣненіе къ намъ американскихъ порядковъ достойно полнаго вниманія». Да проститъ намъ почтенный авторъ, но шавровская дорога сильно напоминаетъ маниловскій мостъ. Эта дорога будетъ, надо думать, не короче 1,000 верстъ. Прилегающей къ ней по проекту земли окажется десять милліоновъ десятинъ. Дадимъ переселенцу по 20 десятинъ, предположимъ, что его семья состоитъ только изъ

четырехъ человѣкъ (мужъ, жена, двое дѣтей); окажется, что для *правильнаго* пользованія основаніемъ статьи г. Головачова надо вытянуть вдоль шавровской дороги два милліона населенія изъ такъ мало населенной Европейской Россіи. Нечего говорить о другихъ затрудненіяхъ для осуществленія этого американскаго предпріятія. Отступленіе отъ самобытнаго жестоко наказуется.

Г. Д. И. нѣсколько колеблется въ вопросѣ о нашемъ кредитномъ рублѣ, но высказывается за «созданіе той почвы, на которой твердо можно строить улучшеніе нашего рубля». Постройка эта, по справедливому замѣчанію автора, дѣло не легкое, требующее серьезнаго знанія производительныхъ силъ страны, а теперь «въ извѣстныхъ кругахъ опять оживилась вѣра въ силу и всеисцѣляющее значеніе циркуляра и предписанія» (53).

Г. Д. И. возстаетъ противъ «поверхностнаго образованія и его эпидемическаго распространенія по Россіи». Но кто же защищаетъ поверхностное образованіе?

Въ заключеніе два замѣчанія. Либералы, дѣйствительно, считаютъ (и съ полнымъ основаніемъ) выигрышные займы безнравственнымъ поощреніемъ игры въ счастье. Государство разрѣшаетъ, и то съ трудомъ, лотереи въ пользу безпріютныхъ дѣтей и неисцѣлимыхъ больныхъ. Зачѣмъ оно устроиваетъ такую же лотерею и для себя? Наконецъ, на стр. 66 своей интересной брошюры г. Д. И. говоритъ слѣдующее: «Дѣлая многое, что было необходимо и неизбѣжно (рѣчь идетъ о великихъ реформахъ Александра II), кстати измѣнили многое, что надлежало сохранить, позабыли оградить многое, что, будучи легкомысленно заброшено, потребуетъ не мало времени для своего возстановленія. Такъ, напримѣръ, признавъ совершенно правильно необходимость освобожденія крестьянъ съ землею, забыли охранить многія учрежденія крѣпостнаго строя, которыя служили на пользу самихъ крестьянъ (хлѣбные магазины, больницы, школы, кредитныя учрежденія, установленные порядки для огражденія отъ пожаровъ и пр.)». Любопытно было бы знать, какія это школы и больницы для крестьянъ существовали при позорной памяти крѣпостномъ правѣ?

Исторія XIX вѣка до 18 брюмера. *Мишле.* Томъ II. (Переводъ подъ редакціей М. Цебриковой).

Русская литература очень бѣдна оригинальными и переводными сочиненіями по исторіи текущаго столѣтія. Нельзя поэтому не привѣтствовать изданія г-жи Цебриковой, которое знакомитъ насъ съ однимъ изъ произведеній великаго французскаго историка. Симпатія къ книгѣ, переведенной М. К. Цебриковою, еще усиливается тѣмъ, что прибыль съ нея назначена на такое честное и благотворное дѣло, какъ поддержка высшихъ женскихъ курсовъ.

Въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ говоритъ Мишле о судѣ исторіи. «Проклятіе—посмертная мука, которую налагаетъ ужасъ, внушаемый человѣче-

ству; этотъ адъ исторіи страшенъ и для тирановъ, потому что они не щадятъ ничего для охраненія своей памяти и для обмана потомства». Мишле считаетъ обязанностью историка, которую онъ никогда не терялъ изъ виду,—воздавать каждому должное, творить историческій судъ надъ великими и малыми міра. Правосудіе исторіи «соединяетъ тѣхъ, которые жили въ разное время, вознаграждаетъ многихъ, которые появились только на мгновеніе для того, чтобы исчезнуть. Всѣ они живутъ теперь съ нами, и мы чувствуемъ, что мы имъ родные, друзья. Такъ создается одна семья, одинъ градъ, общій для мертвыхъ и живыхъ». Въ теченіе своей долгой дѣятельности, Мишле старался представлять правдивую оцѣнку прославленныхъ руководителей государственной жизни, изъ которыхъ многіе оказывались достойными глубокаго презрѣнія; великій историкъ, съ другой стороны, напоминалъ о забытыхъ геройхъ, объ истинныхъ вождяхъ человѣчества, которые боролись и гибли за справедливость и свободу.

Мишле пламенно любитъ свою прекрасную родину. Онъ говоритъ, что, подъ вліяніемъ первой французской республики, «все западное человѣчество потребовало правъ своихъ и сочло себя способнымъ управлять само собою и повиноваться законамъ разума, такимъ, какими ихъ провозгласилъ восемнадцатый вѣкъ. Тогда Франція пережила прекрасное мгновеніе великодушія, чудесный порывъ мужественнаго братства. Никогда еще она не доходила такъ близко до великой поэтической мечты своей — *освобожденія міра*, до идеала человѣчества, совершеннолѣтняго подъ республиканской формой». Но Мишле стремится къ безпристрастію, говоря о другихъ народахъ. Историкъ долженъ входить въ идеи чужаго народа, брать въ разсчетъ его преданія и естественное увлеченіе страстныхъ минутъ.

Достоинство и недостатки Мишле, какъ историка, извѣстны русскому образованному обществу. *Исторія XIX вѣка до 18 брюмера* прочтется съ большимъ интересомъ многочисленнымъ кругомъ читателей.

Жизнь и счастье. *Изслѣдованіе Владиміра Баранова.* Спб., 1884.

Подъ этимъ заманчивымъ заглавіемъ вышла брошюра, повергнувшая насъ въ сильное недоумѣніе. Авторъ прислалъ ее въ редакцію, и я обязанъ поэтому дать о ней отзывъ. Никому не посовѣтую читать это «изслѣдованіе», которое, несмотря на свою краткость, возбуждаетъ большую скуку. Г. Барановъ заявляетъ въ предисловіи, что онъ прочелъ въ Лондонѣ, по-англійски, лекціи о жизни и счастьи. Эти лекціи «обратили вниманіе публики настолько, что автора просили издать ихъ отдѣльной брошюрой». Изъ отзывовъ печати г. Барановъ можетъ теперь убѣдиться, что надъ нимъ неделикатно подшутили. Нашъ соотечественникъ полагаетъ, что, «безъ всякаго сомнѣнія, русская публика отнесется снисходительно къ одному изъ первыхъ опытовъ русской мысли двигаться не въ хвостѣ европейской, а предложить самостоятельную формулировку вопросовъ, всегда интересовавшихъ человѣчество». Къ сожалѣнію, ни малѣйшихъ признаковъ

самостоятельнаго мышленія, въ сколько-нибудь серьезномъ смыслѣ этого слова, мы не нашли въ мнимомъ изслѣдованіи г. Баранова. Особенность русскаго духа, говоритъ авторъ,—«пригвождать къ жизни широчайшее отвлеченіе, мѣшала русскому уму завоевать себѣ направляющее начало въ средѣ европейской цивилизаціи». Прекрасно, допустимъ, что это маловразумительное утвержденіе справедливо; но какимъ же образомъ авторъ видитъ *ту же мысль* въ утвержденіи иностранцевъ, что русскіе «задаются такими всеобъемлющими задачами, разрѣшить которыя подъ силу только поколѣніямъ»? Какое же это пригвожденіе къ жизни широчайшаго отвлеченія? Невозможно подвергать разбору странное произведеніе г. Баранова, утверждающаго, что «божество и камень,—вотъ два предѣла человѣческаго счастья». Книжка, къ сожалѣнію, издана очень изящно.

В. Гольцевъ.

Иностранныя книги.

Вопросъ о народномъ образованіи во Франціи. (*Jean Macé et la fondation de la ligue de l'enseignement.* Dessoye; *Essai des droits et des devoirs de la famille et de l'état en matière d'enseignement et d'éducation.* Abbé Jn. Crozat; *L'éducation des enfants aux E'tats Unis.* Marie Loizillon).

Какъ извѣстно читателямъ, во Франціи, послѣ паденія второй имперіи, происходитъ обширное и глубокое движеніе въ организаціи народнаго образованія. Правительство республики осуществляетъ много въ высшей степени благодѣтельныхъ преобразованій. Частный починъ, сильно стѣсненный при Наполеонѣ III, получаетъ быстрое развитіе, благодаря новымъ условіямъ политической и общественной жизни. Между различными направленіями въ педагогіи, между сторонниками свѣтскихъ школъ и защитниками школъ, руководимыхъ духовенствомъ, происходитъ оживленный споръ, который переходитъ нерѣдко въ страстное, ожесточенное нападеніе. Въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ вопросы народнаго образованія обсуждаются знаменитѣйшими людьми Франціи, и пренія народныхъ представителей, въ свою очередь, возбуждаютъ критику и сочувствіе въ различныхъ слояхъ французскаго общества. То, что происходитъ на нашихъ глазахъ во Франціи, имѣетъ міровое значеніе, и слѣдить за ходомъ дѣла народнаго образованія въ этой странѣ является поэтому обязанностью для русскаго публициста.

Три названныя въ заглавіи сочиненія представляютъ значительный интересъ. Остановимся сначала на книгѣ Дессуа: *Жанъ Масе и основаніе союза образованія.* Знаменитый историкъ, Анри Мартенъ *), говоритъ въ коротенькомъ предисловіи къ этому изданію, что за Жаномъ Масе по всей справедливости должна быть признана заслуга учрежденія и распространенія великаго союза. Вотъ, въ краткихъ чертахъ, кто такой Масе и что сдѣлано имъ и его сотрудниками для распространенія просвѣщенія во Франціи.

*) Онъ скончался въ декабрѣ прошлаго года.

Русскіе читатели знаютъ основателя *Союза образованія* по написанной имъ *Исторіи кусочка хлѣба*. Онъ выступилъ на литературное поприще въ 1848 году брошюрою: *Письма національнаго гвардейца къ своему сосѣду*. Ему было тогда 32 года, и до этого времени Масе совсѣмъ не занимался политическими вопросами. Въ твердыхъ и ясныхъ выраженіяхъ, *Письма національнаго гвардейца* говорили о необходимости расширенія избирательнаго права и политической свободы. Вслѣдъ затѣмъ Масе напечаталъ другую брошюру: *Доблести республиканца*. Восторженнымъ надеждамъ молодаго писателя, какъ и надеждамъ всѣхъ честнѣйшихъ и даровитѣйшихъ французовъ той эпохи, не суждено было осуществиться. Предательскій переворотъ, совершонный Наполеономъ, показалъ, какъ недостаточно подготовлено было французское общество къ пользованію тѣми учрежденіями, къ воплощенію тѣхъ идей, на служеніе которымъ выступилъ Жанъ Масе. Послѣ переворота, Масе удалился преподавателемъ пансіона для дѣвочекъ въ маленькое мѣстечко Эльзаса *(Beblenheim)*. Въ то время, говоритъ Дессуа, когда деспотизмъ все болѣе и болѣе тяготѣлъ надъ Франціей, заграждая уста каждому свободному голосу, Жанъ Масе находилъ возможное утѣшеніе въ прекрасномъ и святомъ дѣлѣ воспитанія. Въ эти годы имъ было написано нѣсколько сочиненій для дѣтскаго чтенія, которыя справедливо занимаютъ почетное мѣсто среди лучшихъ сочиненій подобнаго рода, не только французскихъ, но и вообще европейскихъ. Масе умѣлъ соединить строгую точность научныхъ свѣдѣній съ необыкновенною простотою и живостью изложенія.

Хорошо понимая, говоритъ Дессуа, что, въ интересахъ пропаганды, личный починъ имѣетъ значеніе по стольку, по скольку распространены свѣдѣнія о немъ, Масе не пренебрегалъ случаями, когда онъ могъ объяснить свой образъ дѣйствія, представить новыя данныя о ходѣ дѣла, которому отданы были его силы. Въ книгахъ, въ многочисленныхъ статьяхъ, неутомимый труженикъ какъ бы говорилъ читателямъ: я сдѣлалъ то-то и то-то; я—простой учитель въ пансіонѣ для дѣвочекъ, въ маленькой деревушкѣ; неужели вы не сдѣлаете того же? Въ 1865 году вышелъ сборникъ статей Масе подъ очень удачнымъ заглавіемъ: *Мораль въ дѣйствіи, движеніе пропаганды умственнаго развитія въ Эльзасѣ*. О политикѣ въ сочиненіяхъ Масе тогда не упоминалось, а императорское правительство и не допустило бы говорить объ этомъ. Но вожди нравственнаго возрожденія французскаго народа ясно понимали, что въ человѣкѣ, въ которомъ сегодня вы пробудили интересъ къ знанію и чувство собственнаго достоинства, завтра пробудится *гражданинъ*.

Въ концѣ 1862 года Жанъ Масе положилъ начало народной библіотекѣ въ Бебленгеймѣ. Къ январю 1865 года въ ней считалось уже 1,345 томовъ. Добрый примѣръ вызвалъ счастливое подражаніе, хотя и не сразу. Въ этомъ же году, благодаря содѣйствію одного изъ крупнѣйшихъ фабрикантовъ Эльзаса, Энгель-Дольфюса, Масе учреждаетъ *Общество сельскихъ*

библіотекъ Верхняю Рейна. Задачами новаго общества были поставлены пропаганда общинныхъ библіотекъ, возбужденіе частнаго почина и поддержка этого послѣдняго. Предсѣдателемъ общества былъ избранъ извѣстный патріотъ, Жанъ Дольфюсъ, секретаремъ—Масе.

Дѣло пошло на ладъ. Однако, несмотря на тщательное исключеніе изъ области обсужденія и дѣятельности общества политическихъ и религіозныхъ вопросовъ, духовенство подняло тревогу, и съ церковныхъ каѳедръ нерѣдко раздавались проклятія противъ Масе и его товарищей. Священникъ въ Кинцхэймѣ, открыто, въ церкви, назвалъ Масе убійцею душъ, и на вопросъ смущеннаго этимъ мера, чѣмъ же плохи книги, распространяемыя обществомъ народныхъ библіотекъ, священникъ не безъ основанія возразилъ, что эти-то не плохи, но тотъ, кто ихъ прочтетъ, станетъ читать и другія. Тѣмъ не менѣе, число народныхъ библіотекъ все увеличивалось. Общество повсюду стремилось вызвать сознаніе необходимости этихъ библіотекъ и приходило на помощь усиліямъ мѣстныхъ жителей основать въ той или другой деревушкѣ общедоступную читальню. Въ 1866 году число общинныхъ библіотекъ департамента Верхняго Рейна было уже 83.

Около этого времени въ Бельгіи образовался *Союзъ образованія (Ligue de l'Enseignement)*, чтобы противодѣйствовать нетерпимости католическаго духовенства, которое захватило въ свои руки народное образованіе. Жанъ Масе записался въ число членовъ союза. Разставаясь съ своими бельгійскими товарищами послѣ годичнаго собранія общества въ Льежѣ, знаменитый педагогъ, восхищенный успѣхами дѣла, заявилъ о своемъ намѣреніи основать подобный союзъ и во Франціи. Ему отвѣтили улыбками: въ наполеоновской Франціи, которая боялась и душила свободную мысль, учрежденіе лиги образованія должно было встрѣтить непобѣдимыя затрудненія. Жанъ Масе рѣшилъ поставить на своемъ. Въ октябрѣ 1866 года онъ напечаталъ воззваніе къ французскому обществу (въ *Opinion nationale*). Разсказавши о бельгійскомъ союзѣ, онъ спрашивалъ, почему же нельзя создать такой союзъ и во Франціи? Не скрывая препятствій для благаго дѣла, которыя заключались въ тогдашней политической организаціи, Масе призывалъ, однако, къ бодрой работѣ въ предѣлахъ возможнаго. Черезъ два дня послѣ обнародованія воззванія, явились три подписчика, имена которыхъ должно занести въ исторію образованія во Франціи. Это были: Антуанъ Мами, желѣзнодорожный кондукторъ, Жанъ Пти, каменщикъ, Лярмье, городовой. Послѣдній лишалъ *союзъ* оппозиціоннаго правительству характера.

Число сторонниковъ росло, движеніе усиливалось. Жанъ Масе энергично настаивалъ на развитіи личнаго почина, на децентрализаціи дѣла, на устраненіи стѣснительной опеки и регламентаціи. Черезъ годъ онъ могъ уже возвѣстить созывъ въ Парижѣ общаго собранія представителей провинціальныхъ отдѣленій или кружковъ союза. Правительство долго не давало разрѣшенія, и собраніе пришлось отложить. По счастью, министромъ народнаго образованія былъ тогда Дюрюи, который хотѣлъ освободить жен-

скія учебныя заведенія отъ гнетущаго вліянія духовенства. Это вызвало протесты и проклятія, гдѣ участь министра раздѣляла и лига, основанная Масе. Само собою разумѣется, что правительство не могло поэтому отнестись къ лигѣ съ особенною враждебностью, а сочувствіе къ ней со стороны общества быстро возрастало. Идея, замѣчаетъ Дессуа, завоевывала Францію. Жанъ Масе твердо поставилъ лигѣ великую, религіозную, какъ онъ выражается, цѣль: она должна стремиться къ справедливому распредѣленію среди людей знаній, къ развитію просвѣщеннаго братства. Лига переступила Средиземное море, и ея кружки появились въ Алжиріи. Въ началѣ 1870 года число кружковъ было 59, число членовъ—17,850. Движеніе распространилось и на другія страны.

Дессуа посвящаетъ особую главу парижскому кружку лиги, который получилъ выдающееся значеніе, благодаря трудамъ и энергіи Эммануила Воше (Emmanuel Vauchez). Этотъ кружокъ пріобрѣлъ руководящее вліяніе въ провинціи. Отмѣтимъ, что однимъ изъ первыхъ его членовъ былъ знаменитый Сенъ-Бевъ.

Лига становилась силою и возбуждала яростное негодованіе враговъ. Воше получалъ письма, въ которыхъ не щадились крѣпкія выраженія. Одно изъ подобныхъ писемъ было напечатано и вызвало горячее сочувствіе газетъ, преданныхъ католическимъ интересамъ. *Univers* прямо заявляла, что невѣжество во сто разъ разъ предпочтительнѣе того свѣта, который зажигали Жанъ Масе и его сотрудники. Нападенія клерикаловъ и реакціонеровъ усиливали сочувствіе лучшей части общества къ лигѣ и ея руководителямъ. Пожертвованія умножались, число членовъ въ кружкахъ увеличивалось. Но расло, конечно, и раздраженіе въ рядахъ католическаго духовенства и его слѣпыхъ сторонниковъ. Въ департаментѣ Верхней Марны, напримѣръ, произошелъ слѣдующій случай. Одна изъ мѣстныхъ учительницъ (въ Жуанвиллѣ) вызвала за свою плодотворную дѣятельность особенную благодарность лиги. Парижскій кружокъ прислалъ Клемансъ Мюньеро награду, а на торжество раздачи наградъ пріѣхалъ одинъ изъ вице-президентовъ кружка, Фламмаріонъ. На другой день жуанвильскій кюрэ произнесъ съ церковной каѳедры громовую рѣчь противъ лиги, Жана Масе и госпожи Мюньеро и грозилъ отлученіемъ тѣхъ дѣтей, которыя будутъ посѣщать нечестивыя школы, гдѣ стремятся освободить женщину изъ-подъ вліянія духовенства. «Останемся, братья,—заключилъ ораторъ,—вѣрными нашимъ старымъ преданіямъ католической церкви; пусть всѣ истинно вѣрующіе, соединенные милостью, пребудутъ въ подчиненіи у духовныхъ пастырей». Для либеральной печати этотъ случай послужилъ новымъ поводомъ для разъясненія великаго значенія лиги, умѣренности, терпимости, талантовъ и энергіи ея руководителей.

Въ мартѣ 1870 г. въ Страсбургѣ началось движеніе въ пользу безплатнаго и всеобщаго начальнаго образованія. Здѣсь былъ учрежденъ комитетъ, и, благодаря лигѣ, къ 15 іюля этого года было собрано 350,000 подписей

на петеціи, которую предполагали представить въ законодательный корпусъ. Но вспыхнула война, вызванная династическими интересами Наполеона III и политическими стремленіями кн. Бисмарка. Несчастной странѣ было не до заботъ объ образованіи. Лига стала хлопотать о раненыхъ. Воше пошелъ добровольцемъ въ солдаты, и его примѣру послѣдовали многіе другіе члены лиги.

Война разрушила часть того, что было уже сдѣлано. Бебленхеймъ отошелъ къ Германіи и, такимъ образомъ отъ, Франціи была отнята деревушка, откуда раздался впервый призывъ Жана Масе. Кружки лиги въ Эльзасѣ и Лотарингіи должны были разорвать связь съ любимымъ отечествомъ. Новое движеніе началось съ Парижа, и на первое мѣсто выдвигается дѣятельность Эммануила Воше. Рѣшено было возобновить дѣло, поднятое въ Страсбургѣ. Въ октябрѣ 1871 года съ этою цѣлью по всѣмъ кружкамъ былъ разосланъ циркуляръ отъ парижскаго кружка, гдѣ возвѣщался новый *крестовый походъ противъ невѣжества.* Подписные листы были озаглавлены слѣдующимъ образомъ: Mouvement national du sou contre l'ignorance. Pétition en faveur de l'instruction obligatoire et gratuite pour les enfants des deux sexes.

Противъ этого движенія въ пользу безплатнаго и обязательнаго обученія дѣтей обоего пола съ непримиримымъ ожесточеніемъ возстало, конечно, католическое духовенство. Въ числѣ другихъ средствъ борьбы, послѣднее прибѣгло также къ петиціи, для которой подписи собирались тайно, чтобы дѣйствительныя побужденія духовенства не подверглись разоблаченію республиканской печати. Но *Siècle* добыла этотъ любопытный документъ и безъ труда доказала, что за фразами о семьѣ, свободѣ и т. п. скрывается твердое намѣреніе эксплуатировать въ свою пользу невѣжество населенія вообще и женщинъ въ особенности. Съ той и другой стороны напрягались усилія за или противъ безплатности, обязательности и свѣтскости образованія. 19 іюня 1872 года Жанъ Масе, во главѣ депутаціи, представилъ національному собранію петицію, покрытую болѣе, чѣмъ 800,000 подписей. Эти подписи были собраны только въ семь съ половиною мѣсяцевъ. Къ январю 1873 года прибавилось еще нѣсколько десятковъ тысячъ сторонниковъ требованій лиги, и общее число голосовъ, поданныхъ въ странѣ за эти требованія, достигло 917,267. Если сюда присоединить имена участвовавшихъ въ страсбургской петиціи (многіе изъ нихъ уже не подписывались на новыхъ листахъ), то за лигою стояло много болѣе милліона лицъ. Но реакціонное большинство версальскаго собранія не допустило доклада объ этой исполинской петиціи. Жанъ Масе работалъ безъ устали. Онъ писалъ статью за статьей, разъѣзжалъ по Франціи, устраивая публичныя лекціи и бесѣды, поддерживая энергію однихъ, пробуждая интересъ къ дѣлу у другихъ. Ему приходилось возражать на множество нападеній, внутреняя несостоятельность которыхъ скрывалась подъ удачною внѣшностью, иногда за ловкою фразою, за остроумнымъ выраженіемъ. Надо было считаться и съ такимъ мнѣніемъ, по которому «наивное невѣжество во сто кратъ пред-

почтительнѣе полуобразованія». Жанъ Масе долженъ былъ доказывать, что начальное образованіе необходимо для всѣхъ, что оно служитъ орудіемъ для пріобрѣтенія дальнѣйшихъ знаній и большаго развитія, что никто не въ правѣ лишать ребенка этого образованія, наверстать которое въ зрѣлые годы будетъ уже, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, дѣломъ невозможнымъ. Эммануилъ Воше не уступалъ Жану Масе въ энергіи и горячности отношенія къ святому дѣлу образованія народныхъ массъ. Благодаря Воше, было основано много военныхъ библіотекъ, гдѣ можно было найти и лучшихъ французскихъ писателей, и много доступно написанныхъ научныхъ сочиненій. Само собою разумѣется, что эти библіотеки основывались съ разрѣшенія военныхъ министровъ республики.

Реакція, усилившаяся при Макъ-Магонѣ, вступила въ открытую борьбу съ союзомъ народнаго образованія. Мы не будемъ слѣдить за этою борьбою, въ которой побѣда осталась на сторонѣ лиги, такъ какъ могущественное общественное движеніе въ скоромъ времени опрокинуло Макъ-Магона и нанесло тяжкое пораженіе клерикаламъ и монархистамъ. Извѣстно, какая важная роль выпала въ этомъ движеніи на долю Леона Гамбетты. Великій государственный человѣкъ принималъ самое живое участіе въ дѣлѣ, ради котораго основана была *лига образованія*. Его рѣчь на торжественномъ засѣданіи общаго собранія лиги произвела глубокое впечатлѣніе во всей Франціи. «Вы утверждаете,—говорилъ Гамбетта, обращаясь къ основателямъ лиги,—что обученіе не имѣетъ ничего общаго съ политикой. О, позвольте мнѣ сказать, отъ вашего имени, что обращаться къ еще не пробужденнымъ умамъ, что обращаться къ еще спящему духу, идти къ невѣдающимъ, имъ приносить свѣтъ, имъ сообщать сознаніе собственныхъ правъ и обязанностей,—все это политика, и самая лучшая политика. Выйдемъ изъ городовъ, пойдемъ по деревни,—воскликнулъ Гамбетта,—внесемъ туда свѣтъ книгой, газетой, лекціей, библіотекой! Всякій разъ, когда пренебрегаютъ умственными способностями человѣка, страну обкрадываютъ; ее, быть можетъ, лишаютъ сокровища. Нѣтъ задачи, соціальной или политической, которую можно разрѣшить безъ помощи образованія и воспитанія народныхъ массъ, имѣя въ виду *порядокъ въ прогрессѣ*».

Въ послѣдніе годы лига образованія переустроилась. Она составляетъ теперь федерацію провинціальныхъ республиканскихъ обществъ, во главѣ которыхъ стоитъ генеральный совѣтъ. Президентомъ совѣта избранъ Жанъ Масе *), а въ числѣ тридцати членовъ находится нѣсколько женщинъ (г-жи Карно, Доріанъ, Жаваль). Въ іюнѣ 1883 года въ составъ федераціи входило 598 обществъ. Такъ какъ каждый департаментъ, вносящій въ общій фондъ лиги 500 франковъ ежегодно, имѣетъ право избирать депутата въ генеральный совѣтъ, то число членовъ послѣдняго возросло до 45. Жюль Ферри, бывшій министръ народнаго образованія и министръ-президентъ въ

*) Ему теперь 68 лѣтъ.

настоящее время, открыто признаетъ, что онъ многимъ обязанъ въ дѣлѣ преобразованія французскихъ школъ Жану Масе и *лишь образованія*.

Жанъ Масе до сихъ поръ состоитъ учителемъ въ пансіонѣ для дѣвочекъ въ Монтье (Montbiers, Aisne). Здѣсь воспитываются дочери республиканцевъ. «Какъ не говорить этимъ дѣтямъ,—восклицаетъ Масе, возражая на упреки,—объ отечествѣ, о политикѣ? Вѣдь эти дѣвочки будутъ впослѣдствіи матерями и имъ придется воспитывать честныхъ и мужественныхъ гражданъ». Къ счастію, и въ этомъ отношеніи во Франціи, послѣ паденія имперіи, совершается благодѣтельное измѣненіе и, въ значительной степени, вслѣдствіе усилій лиги, основанной Жаномъ Масе. Республиканское правительство поняло, какъ важно, насколько необходимо освободить женщину изъ-подъ власти католическаго духовенства, которое повинуется велѣніямъ непогрѣшимаго папы. Въ нашихъ рукахъ книжка, которая представляетъ небывалое во Франціи явленіе: это отчетъ г-жи Маріи Луазильонъ, генеральной инспектрисы женскихъ школъ (Ecoles Maternelles), которую министерство народнаго образованія посылало для изученія дѣтскихъ садовъ и вообще школьнаго дѣла въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Отчетъ составленъ такъ умѣло, съ такою любовью къ дѣлу и добросовѣстностью, что сдѣлалъ бы честь самому выдающемуся педагогу. Въ *Русской Мысли* были напечатаны обстоятельныя статьи, посвященныя народному образованію въ великой Сѣверо-американской республикѣ, и я не буду приводить интересныхъ данныхъ, которыя заключаются въ отчетѣ г-жи Луазильонъ.

Въ виду успѣховъ истиннаго просвѣщенія, католическое духовенство напрягаетъ всѣ усилія, чтобы удержать за собою руководящее значеніе въ воспитаніи молодыхъ поколѣній. Путемъ пропаганды, отлученій и проклятій, путемъ ученыхъ изслѣдованій, католицизмъ старается вновь укрѣпиться на почвѣ, которая, къ счастью, ускользаетъ понемногу изъ-подъ его ногъ. Къ числу любопытнѣйшихъ попытокъ борьбы съ наукою научными, до извѣстной степени, пріемами, относится сочиненіе аббата Кроза: *Права и обязанности семьи и государства въ дѣлѣ обученія и воспитанія*. Эта книга (въ рукописи) заслужила награду въ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ. Ученый аббатъ коварно прибавилъ въ печати *дополнительный этюдъ* о правахъ и обязанностяхъ церкви въ педагогическомъ отношеніи. Само собою разумѣется, что, по мнѣнію Кроза, католическая церковь одна и исключительно владѣетъ истиною, что она признается вполнѣ независимою, стоящею выше государства и тѣмъ болѣе отдѣльнаго лица. Она соединяетъ въ своей сверхъестественной природѣ двойную миссію семьи и государства. На политическомъ значеніи римско-католической церкви Кроза энергически настаиваетъ. Государство въ дѣлѣ доктрины обязано подчиняться, по словамъ аббата, этой церкви (L'Etat est soumis doctrinalement au pouvoir intellectuel de l'Eglise). Этого,—негодуетъ Кроза,—не могутъ понять юристы и либералы, и этого, прибавимъ мы, никогда не допуститъ просвѣщенный наукою человѣческій разумъ. Современное государство не

станетъ въ положеніе вассала папскаго престола, какъ того требуетъ авторъ. Церковь, утверждаетъ онъ, имѣетъ право запрещать и предписывать государству въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Читая эту книгу, которая выгодно выдѣляется по своимъ качествамъ изъ ряда сочиненій, написанныхъ въ защиту притязаній католической церкви, убѣждаешься, какъ велика еще опасность, грозящая свободѣ и просвѣщенію отъ этой могущественной организаціи. Становятся понятными опасенія Гамбетты, его неутомимая борьба съ клерикализмомъ и та ожесточенная ненависть, которую встрѣчаетъ въ значительной части французскаго общества реформаторская дѣятельность Жюля Ферри и Поля Бера. Но, повидимому, дѣло народнаго образованія уже получило во Франціи правильную постановку. Женщина ускользаетъ отъ вліянія католическаго духовенства, ея умственный горизонтъ расширяется и она начинаетъ вполнѣ сознательно относиться къ великимъ вопросамъ, волнующимъ современное человѣчество. А то общество, гдѣ женщина понимаетъ святость гражданскаго долга и требуетъ отъ каждаго исполненія своей обязанности, по всей справедливости можетъ считаться обществомъ, которое стоитъ на пути прочнаго и плодотворнаго развитія.

Аббатъ Кроза возстаетъ противъ того воззрѣнія, по которому бракъ составляетъ свободный договоръ. Онъ утверждаетъ, что семья вполнѣ независима отъ государства, что она имѣетъ свои права, вытекающія изъ того, что освященіе брачному союзу даетъ церковь. Кроза вооружается противъ всемогущества государства во имя разума, естественнаго закона и общаго блага. Во имя этихъ-то началъ аббатъ отвергаетъ обязанность государства обезпечить всѣмъ начальное образованіе, и эта мнимая защита личной свободы католическимъ священникомъ служитъ наглядным примѣромъ злоупотребленія и разумомъ, и общимъ благомъ. Государство не имѣетъ права налагать свою тяжелую руку на свободу совѣсти и мысли, на свободу воспитанія; оно не имѣетъ права навязывать дѣтямъ религіозныхъ убѣжденій, такъ какъ область вѣры есть область церкви и семьи. Но доставить дѣтямъ начальное образованіе есть основная обязанность государства, его прямой долгъ по отношенію къ гражданамъ.

В. Гольцевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Съ какимъ чувствомъ мы встрѣтили истекшій годъ. — Что онъ принесъ намъ и какая существуетъ разница въ настроеніи нашемъ тогда и теперь.—Толки о золотой рентѣ и нашъ взглядъ на этотъ заемъ.—Значеніе мѣропріятій, принимаемыхъ для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля.

Еще одинъ годъ канулъ въ Лету въ такой моментъ исторической жизни русскаго народа, когда для него имѣетъ большое значеніе не только цѣлый годъ, но каждый день, и потому намъ не мѣшаетъ оглянуться нѣсколько назадъ и посмотрѣть, какъ употреблено это золотое для насъ время и чѣмъ подарилъ насъ истекшій годъ.

Золотой онъ для насъ не потому, что онъ принесъ намъ какія-либо блага, а въ томъ лишь смыслѣ, въ какомъ англичане говорятъ вообще, что *время есть деньги,* а такія деньги, какъ мы думаемъ, въ настоящее время должны для насъ имѣть особое значеніе въ виду того положенія, въ которое вступила наша жизнь. Встрѣчая истекшій годъ, мы назвали переживаемый нами моментъ переходнымъ временемъ на слѣдующемъ основаніи. «Послѣ лихорадочныхъ реформъ,—говорили мы,—вызванныхъ предшествовавшимъ застоемъ, прошло уже болѣе десятилѣтія, въ которое опытъ могъ показать какъ достоинство, такъ и недостатки ихъ, и намъ предстоитъ не только пересмотръ почти всѣхъ отдѣльныхъ законоположеній и обобщеніе ихъ между собою, но и упраздненіе въ нашемъ дореформенномъ законодательствѣ всего, что такъ или иначе мѣшало осуществленію тѣхъ принциповъ, которые введены вновь въ нашу общественную жизнь. Необходимость подобнаго пересмотра сознана уже правительствомъ и съ этою цѣлью образованы коммиссіи не только для пересмотра всѣхъ положеній мѣстнаго управленія, но и для начертанія новаго уголовнаго и гражданскаго законодательства, регулирующаго не только отношенія мѣстнаго населенія къ правительству, но даже бытовую сторону гражданъ между собою. Сравнивая предстоящую для рѣшенія задачу настоящаго времени съ той, которая предстояла эпохѣ шестидесятыхъ годовъ, мы думаемъ, что настоящая задача много труднѣе и требуетъ гораздо большей

осмотрительности, чѣмъ та, которую мы пережили. Мы не хотимъ этимъ умалить задачу дѣятелей шестидесятыхъ годовъ; напротивъ, мы думаемъ, что реформировать крѣпостную Россію и ввести въ нее новыя начала, выработанныя цивилизаціей, было дѣломъ не легкимъ. Но тогда можно было остановиться на нѣкоторыхъ болѣе рельефныхъ уродливостяхъ дореформеннаго быта и постараться по возможности исправить ихъ или сгладить. Нашъ дореформенный бытъ представлялся до такой степени уродливымъ, что всякое улучшеніе, какъ бы оно слабо ни было, имѣло громадное практическое значеніе и встрѣчалось сочувственно. Ошибки и промахи, недостатокъ обобщеній, непослѣдовательность и даже слишкомъ прозрачныя уступки порядкамъ добраго стараго времени были неизбѣжны и легко извинялись въ надеждѣ, что практическій опытъ поведетъ къ устраненію недостатковъ и къ пополненію пробѣловъ. Такое настроеніе общества было тѣмъ болѣе естественно, что значеніе сдѣланныхъ ошибокъ и промаховъ и въ особенности размѣры вредныхъ послѣдствій, возникшихъ отсюда, въ то время не могли быть ясно сознаваемы не только массою общества, но и передовыми дѣятелями. Всѣ вѣрили въ наступленіе эпохи нашего возрожденія и потому все представлялось въ розовомъ свѣтѣ.

Теперь не то. Теперь общество, умудренное опытомъ, знаетъ, что не все то золото, что блеститъ: оно успѣло наглядно изучить процессъ замѣны старыхъ порядковъ новыми и понимаетъ всѣ трудности, которыя при этомъ возникаютъ. Вслѣдствіе этого въ настоящую минуту общество способно относиться критически къ тѣмъ законодательнымъ актамъ, которые должны послѣдовать въ недалекомъ будущемъ. Съ другой стороны, этими проектами должно быть достигнуто обобщеніе нашего разноприпиннаго законодательства и устраненіе тѣхъ недостатковъ и пробѣловъ, вслѣдствіе которыхъ частію были парализованы благодѣтельныя послѣдствія произведенныхъ реформъ, частію же получались результаты, совершенно противуположные тѣмъ, которыхъ ожидали. Поэтому настоящимъ дѣятелямъ, призваннымъ къ начертанію новыхъ проектовъ, въ видахъ правильной критической оцѣнки существующаго порядка вещей, необходимо владѣть не только послѣднимъ словомъ научнаго знанія, но и значительнымъ запасомъ практическихъ свѣдѣній о самомъ характерѣ нашихъ экономическихъ, юридическихъ и соціальныхъ отношеній, сложившихся большею частію внѣ всякаго вліянія законодательства, и въ особенности имъ необходимо изучить тѣ послѣдствія и перемѣны въ условіяхъ народнаго быта, которыя вызваны политикою послѣдняго двадцатилѣтія. Насколько люди, призванные обновить условія нашей жизни, будутъ стоять въ уровень съ подобною задачей,—это мы увидимъ впослѣдствіи, но не можемъ не замѣтить, что всякій ошибочный шагъ въ настоящее время отзовется на народной жизни болѣе чувствительнымъ образомъ, нежели въ періодъ первоначальныхъ реформъ, на томъ основаніи, что онъ будетъ, такъ сказать, закрѣпленіемъ уже сдѣланныхъ ошибокъ, создастъ болѣе твердую почву

подъ ногами тѣхъ людей, которые пользуются подобными ошибками, и поколеблетъ въ обществѣ надежду на возможность устраненія неблагопріятныхъ условій въ нашей жизни. Вотъ почему мы называемъ настоящее время *переходнымъ* и настоящій законодательный періодъ *болѣе труднымъ* въ сравненіи съ періодомъ шестидесятыхъ годовъ». Въ виду такого значенія переживаемаго нами времени и въ виду тѣхъ жизненныхъ фактовъ, по которымъ нашъ сатирикъ приходитъ къ заключенію, что въ обществѣ исчезаетъ стыдъ и на сцену безъ всякой застѣнчивости выступаютъ хищники не только въ лицѣ Макшеевыхъ и Бушей съ ихъ братіею, но даже въ лицѣ Перфильевыхъ,—нельзя не дорожить временемъ. Наши старые бюрократическіе порядки, даже обновленные отчасти реформами прежняго царствованія, слишкомъ узки и формальны, чтобъ быть въ состояніи удерживать хищническіе элементы русской широкой натуры на той широкой колеѣ экономическаго развитія, на которую вдвинуто наше отечество за послѣднія 25 лѣтъ. Если въ русской жизни встрѣчаются такіе факты, какіе обнаружились на послѣднемъ, къ сожалѣнію, прерванномъ интендантскомъ процессѣ,—факты, о которыхъ свидѣтельствовалъ генералъ-контролеръ дѣйствовавшей арміи; если, говоримъ мы, въ виду этихъ фактовъ, не только обвиняемый г. Россицкій, но даже призванный въ качествѣ свидѣтеля, бывшій главный интендантъ арміи г. Аренсъ, безъ всякой застѣнчивости, притомъ публично и гласно рѣшаются свидѣтельствовать о безукоризненной дѣятельности товарищества, принявшаго на себя продовольствіе арміи; если извѣстная перемѣна вѣяній въ высшихъ сферахъ имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что всѣ низменные инстинкты извѣстной части нашего общества, прятавшіеся до той поры въ своихъ конурахъ, смѣло подняли голову и огласили воздухъ обвиненіями въ неблагонадежности все честное и патріотическое; если такіе возгласы проникли даже въ крестьянскую среду и она была до такой степени напугана распространеніемъ сплетни и доноса, что слова «*поглядывай*, *посматривай*» сдѣлались въ этой средѣ почти лозунгомъ при появленіи человѣка интеллигентнаго, то ясно, что въ нашемъ быту не все обстоитъ благополучно и что терять золотое время нельзя. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ мы и назвали истекшій годъ *золотымъ временемъ*.

Посмотримъ же, что было сдѣлано для устраненія такого положенія дѣлъ въ теченіе истекшаго года.

Что касается хищничества, то противъ этого недуга русскаго общества состоялось только одно распоряженіе о томъ, что директорами городскихъ общественныхъ банковъ не могутъ быть лица, участвующія въ городскомъ управленіи. Все остальное остается по прежнему, если не считать нѣсколькихъ уголовныхъ процессовъ противъ казенныхъ хищниковъ. Но, какъ извѣстно, карательная система не удерживаетъ негодяевъ отъ преступленій этого рода: соблазнъ и шансы на безнаказанность такъ велики, что уголовная отвѣтственность вовсе не страшна, тѣмъ болѣе, что ловкій воръ

находитъ полную возможность сохранить при себѣ бо́льшую часть украденнаго и отправляется въ мѣста отдаленныя, какъ медвѣдь дѣдушки Крылова въ берлогу, и «*лапу съ медомъ тамъ сосетъ*». Такія кары не пугаютъ казнокрадовъ и они живутъ себѣ припѣваючи даже въ мѣстахъ отдаленныхъ. Въ этомъ отношеніи нужны мѣры предупредительныя, которыя создавали бы положительную невозможность воровать. Но такъ какъ подобные результаты создаются только коренными реформами управленія и отвѣтственностію лицъ, стоящихъ во главѣ управленій, то въ теченіе истекшаго года противъ подобнаго зла не могло быть принято такихъ мѣръ.

Относительно нашего экономическаго положенія, дѣйствительно, прошлый годъ былъ не потерянным годомъ Въ этомъ отношеніи были приняты двѣ мѣры, имѣющія существенное значеніе, а именно приведено въ исполненіе рѣшенное еще въ прошломъ году учрежденіе крестьянскаго земельнаго банка и частію совершенно сложена, а частію уменьшена подушная подать. Дѣятельность новаго кредитнаго учрежденія, несмотря на недавнее его открытіе, начинаетъ приносить полезные результаты. Хотя для правильной ея оцѣнки мы не имѣемъ оффиціальныхъ данныхъ, но, судя по слухамъ, проникшимъ въ печать, можно предполагать, что практика банка становится на правильную дорогу и въ значительной степени устранитъ тѣ опасенія, которыя могли возникать изъ неопредѣленности положеній, которыми установлены функціи банка. Будемъ надѣяться, что лица, поставленныя во главѣ этого учрежденія, признаютъ полную необходимость гласности своихъ оборотовъ и будутъ сообщать публикѣ періодически свѣдѣнія объ этихъ оборотахъ, такъ какъ всякое кредитное учрежденіе нуждается въ довѣріи общества, а тѣмъ болѣе такое, какимъ является крестьянскій поземельный банкъ. Мы говоримъ это на томъ основаніи, что размѣръ оборотовъ и, слѣдовательно, и успѣхъ дѣятельности банка будетъ всегда зависѣть отъ того кредита, которымъ будутъ пользоваться облигаціи этого учрежденія въ цѣлой массѣ общества, а не въ средѣ капиталистовъ и биржевыхъ воротилъ. Разсчитывать на поддержку этихъ людей банкъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Они оперируютъ преимущественно тѣми бумагами, которыя представляютъ возможность спекуляціи на курсѣ, между тѣмъ какъ облигаціи банка не могутъ и не должны представлять шансовъ для спекуляціи, а могутъ служить только средствомъ для помѣщенія сбереженій той части общества, которая далека отъ всякой биржевой игры. Кромѣ того, рыцари спекуляціи, какъ представители капитализма, по своимъ принципамъ должны чуждаться этой бумаги и не могутъ сочувствовать ея назначенію, имѣющему въ виду обезпеченіе хозяйственной самостоятельности рабочаго люда, такъ какъ такое обезпеченіе далеко не совпадаетъ съ интересами этой группы людей. На этомъ основаніи мы убѣждены въ томъ, что операціи крестьянскаго поземельнаго банка въ интересахъ самого дѣла должны подлежать полной гласности для того, чтобы масса публики, имѣющая возможность дѣлать сбереженія, могла вполнѣ ознакомиться

съ практикою банка и предъявить спросъ на облигаціи этого кредитнаго учрежденія. Въ виду этихъ соображеній, мы думаемъ, что лица, стоящія главѣ банка, сдѣлаютъ все возможное въ этомъ отношеніи и не замедлятъ дать печати возможность говорить о дѣятельности новаго учрежденія на основаніи положительныхъ данныхъ.

Другой мѣрой на этомъ пути, какъ мы сказали, было сложеніе подушной подати съ нѣкоторыхъ категорій крестьянъ и уменьшеніе ея съ другихъ. Въ свое время мы говорили довольно подробно объ этомъ мѣропріятіи, указали, что оно далеко превысило размѣры облегченія, сдѣланнаго въ предъидущемъ году, но серьезно пожалѣли, что оно совпало съ увеличеніемъ акциза на вино, чѣмъ должны парализоваться хорошіе результаты этой мѣры. Характеръ нашего бюджета отъ подобной замѣны прямаго налога косвеннымъ на предметъ общенароднаго потребленія нисколько не измѣнился, между тѣмъ какъ именно въ измѣненіи самаго характера бюджета и нуждается наше отечество. Центръ тяжести его по прежнему опирается на классъ народа, менѣе всего обезпеченный въ имущественномъ отношеніи, тогда какъ справедливость и интересъ государственнаго казначейства требуютъ, чтобъ каждая реформа переносила его постепенно на классы болѣе состоятельные, чего можно достигнуть только установленіемъ подоходнаго налога, а отнюдь не возвышеніемъ акциза съ вина.

Наше экономическое положеніе страдаетъ также и вслѣдствіе отсутствія заграничнаго спроса на хлѣбъ. Въ теченіе всей навигаціи настоящаго года изъ всѣхъ портовыхъ городовъ сообщалось о скопленіи въ складахъ значительнаго запаса хлѣбныхъ грузовъ и постепенномъ паденіи цѣнъ, такъ что въ теченіе осени подвозъ ихъ значительно ослабѣлъ. Цѣны на пшеницу—этотъ важнѣйшій предметъ нашего отпуска—упали въ сравненіи съ прошлогодними болѣе чѣмъ на два рубля, а между тѣмъ, и по этимъ цѣнамъ требованіе не увеличивается, что, несомнѣнно, должно отзываться на пониженіи стоимости нашего рубля. Прямою причиной отсутствія спроса является, разумѣется, конкуренція Америки, которая пользуется всѣми усовершенствованіями перевозки, нагрузки и выгрузки и потому гораздо менѣе теряетъ на непроизводительныхъ тратахъ и накладныхъ расходахъ; но сваливать весь неуспѣхъ нашей внѣшней торговли на одно это обстоятельство никакъ нельзя. Цѣны въ Америкѣ въ послѣдніе годы понизились отнюдь не настолько, чтобъ можно было ограничиться указаніемъ этой одной причины. Очевидно, что одной изъ причинъ этого упадка служитъ и наша внутренняя политика. Мы неоднократно повторяли, что, ограничивая ввозъ заграничныхъ товаровъ, мы тѣмъ самымъ необходимо ограничиваемъ и вывозъ собственныхъ продуктовъ. Это—conditio sine qua non. Между тѣмъ, у насъ одновременно дѣйствуютъ три причины, ограничивающія потребленіе заграничныхъ продуктовъ. Разсмотримъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности: *во-первыхъ*, возвышеніе государственнаго бюджета должно было необходимо повліять въ этомъ отношеніи, такъ какъ плательщики налоговъ даже при сохраненіи

своихъ прежнихъ доходовъ должны были по необходимости ограничить свое потребленіе и, разумѣется, что такое ограниченіе должно было отразиться прежде всего на предметахъ заграничнаго ввоза, т.-е. они должны были или вовсе отказаться отъ потребленія этихъ продуктовъ, или удовлетвориться продуктами внутренняго приготовленія, хотя и низшаго достоинства, но болѣе дешевыми, или, наконецъ, уменьшить количество потребляемыхъ заграничныхъ товаровъ. Излишнія средства, поступающія въ государственное казначейство, не съ неба же къ намъ упали, а взяты изъ средствъ потребителей, у которыхъ вслѣдствіе этого оказалось ихъ меньше для всѣхъ другихъ тратъ, а, слѣдовательно, и для покупки заграничныхъ товаровъ; *во-вторыхъ*, паденіе курса кредитнаго рубля должно было имѣть также большое значеніе. Самое наибольшее количество заграничныхъ товаровъ потреблялось, разумѣется, среднимъ классомъ населенія, къ которому принадлежатъ люди, состоящіе на государственной и частной службѣ, получающіе извѣстные оклады, опредѣленные въ кредитной валютѣ; сюда же относятся люди, живущіе пенсіями, арендными и другими доходами, опредѣленными заранѣе на продолжительный срокъ. Доходы этихъ людей нисколько не повысились, между тѣмъ какъ всѣ предметы потребленія и въ особенности заграничные сильно вздорожали, что необходимо должно было вызвать ограниченіе потребленія вообще и предметовъ заграничнаго ввоза въ особенности. Наконецъ, *въ-третьихъ*, самая главная причина сокращенія потребленія заграничныхъ продуктовъ состоитъ въ нашей покровительственной системѣ, которая въ особенности усилилась въ послѣдніе годы; сюда относятся слѣдующія мѣры: золотая пошлина, обложенія машинъ, установленіе правила для нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ о пріобрѣтеніи подвижнаго состава внутренняго производства, выдачи премій, казенные заказы подвижнаго состава, рельсовъ и скрѣпленій, общее возвышеніе таможенныхъ сборовъ на 10% и частное возвышеніе ихъ съ нѣкоторыхъ предметовъ, послѣдовавшее въ прошломъ году. Всѣ эти мѣры необходимо должны были повліять на ограниченіе нашего ввоза. Но какъ извѣстно всякому изъ ежедневнаго опыта, никто не уступитъ другому принадлежащіе ему товары, не получивъ взамѣнъ ихъ эквивалента этихъ товаровъ. Какіе же эквиваленты мы могли получить, еслибъ нашъ отпускъ продолжался въ прежнихъ размѣрахъ при ограниченіи ввоза? Золото? Но оно составляетъ предметъ нашего вывоза и не имѣетъ обращенія на внутреннемъ рынкѣ вслѣдствіе его переполненія бумажными деньгами. Процентныя бумаги? Но, какъ извѣстно, Россія не настолько богата, чтобъ могла снабжать заграничные рынки своими капиталами или уплачивать въ значительномъ размѣрѣ капиталы, занятые ею на заграничныхъ рынкахъ. Приливъ нѣкоторой части нашихъ фондовъ въ кредитной валютѣ на нашъ рынокъ очень скоро переполнилъ его и повелъ къ пониженію цѣнности и нашихъ фондовъ, и нашей валюты. Заграничные же товары, вслѣдствіе высокой пошлины и паденія цѣнности кредитнаго рубля, становятся просто недоступными для русскаго покупателя. Естественно, что при такихъ усло-

віяхъ международныя сдѣлки должны ослабѣть и заграничные торговцы, не имѣя возможности продавать намъ свои товары, не могутъ и купить нашихъ товаровъ, пока цѣны послѣднихъ не упадутъ настолько, что разница въ ихъ цѣнѣ у насъ и за границею не покроетъ пошлинъ, установленныхъ у насъ на привозные товары, т.-е. пока барышъ отъ покупки предметовъ нашего вывоза не дастъ возможности продать заграничный товаръ съ убыткомъ на всю сумму установленныхъ пошлинъ. Тогда международныя сдѣлки опять становятся возможными, а таможенныя пошлины въ окончательномъ результатѣ падаютъ на предметы нашего вывоза и оплачиваются производителями русскаго хлѣба. Вмѣсто покровительства народному труду, является подрываніе его въ отрасли промышленности, наиболѣе распространенной въ нашемъ отечествѣ. Такое переложеніе таможенныхъ пошлинъ съ предметовъ ввоза на предметы вывоза въ особенности удобно у насъ вслѣдствіе того механизма, который установился въ нашей международной торговлѣ. Извѣстно, что наши конторы, занимающіяся экспортомъ, отнюдь не капиталисты, а только коммиссіонеры заграничныхъ фирмъ, которыя кредитуютъ ихъ только товарами. Если такой коммиссіонеръ можетъ продать заграничный товаръ въ Россіи, то онъ получаетъ его въ кредитъ и, получивъ коносаментъ, можетъ дисконтировать его въ любомъ банкѣ, а затѣмъ купить русскій хлѣбъ для отправки за границу; если-жъ такой возможности ему не представляется, то онъ не воспользуется заграничнымъ кредитомъ и, слѣдовательно, не купитъ и русскаго хлѣба. Ясно, что онъ долженъ выжидать такихъ низкихъ цѣнъ на русскій хлѣбъ, при которыхъ онъ могъ бы вознаградить себя за потерю въ цѣнѣ заграничнаго товара при ея пониженіи, для того чтобъ сдѣлать его доступнымъ для русскаго покупателя. Такимъ образомъ страдаетъ и нашъ производитель хлѣба отъ пониженія цѣны, и фабрикантъ отъ конкуренціи заграничнаго продукта.

Наши доморощенные экономисты и представители фабричнаго производства кричатъ въ подобныхъ случахъ о коварствѣ заграничныхъ производителей, которые, какъ они думаютъ, понижаютъ цѣну своихъ товаровъ для того, чтобъ убить нашу внутреннюю производительность, а затѣмъ наводнить нашъ рынокъ своими произведеніями по возвышеннымъ цѣнамъ. Но подобная тенденція была бы слишкомъ опрометчива и рискованна, чтобъ люди со смысломъ могли на нее рѣшиться. Кто можетъ поручиться за то, что снабженіе нашего рынка останется за тѣмъ, кто жертвовалъ своимъ капиталомъ для того, чтобъ убить нашу промышленность? Подобное предположеніе слишкомъ нелѣпо и его могутъ дѣлать только наши доморощенные экономисты, ничего не видящіе далѣе своего носа и не понимающіе, что подобное явленіе есть прямое и необходимое слѣдствіе торговаго механизма, перелагающаго, при извѣстныхъ условіяхъ, таможенныя пошлины съ предметовъ ввоза на предметы вывоза.

И такъ, три причины одновременно вліяютъ на ограниченіе ввоза къ намъ заграничныхъ таваровъ и, слѣдовательно, на ограниченіе вывоза нашего

хлѣба. Что ограниченіе вывоза должно послѣдовать именно въ продуктахъ нашего производства, а не въ вывозѣ золота или процентныхъ бумагъ, то это ясно изъ того, что золото на нашемъ рынкѣ не имѣетъ никакого обращенія и представляетъ собою товаръ, наиболѣе удобный для вывоза, а процентныя бумаги могутъ идти на заграничные рынки только тогда, когда существуетъ возможность оплатить ихъ товарами заграничнаго производства, т.-е. при возрастаніи, а не при сокращеніи ввоза. Ясно, что сокращеніе должно послѣдовать въ вывозѣ хлѣба, какъ главнаго предмета нашего отпуска, и ведетъ къ пониженію цѣнъ; усиленіе нашего вывоза можетъ быть слѣдствіемъ значительнаго ихъ паденія. Отсюда должно возникнуть такое положеніе, что мы будемъ отпускать за меньшее количество заграничныхъ товаровъ большее количество своихъ произведеній. Таково послѣдствіе покровительственной системы, всегда подрывающей экономическое положеніе той страны, къ которой она примѣняется.

Впрочемъ, у нашихъ доморощенныхъ экономистовъ въ видѣ возраженія готовъ всегда примѣръ Америки, которая постоянно расширяетъ свой вывозъ и не только отбиваетъ у насъ европейскій хлѣбный рынокъ, но и вызываетъ своимъ дешевымъ хлѣбомъ сельско-хозяйственный кризисъ въ самой Англіи, оставаясь при довольно строгомъ покровительственномъ тарифѣ. Мы на это можемъ сказать, что Сѣверо-Американскіе штаты достигаютъ подобныхъ результатовъ не потому, что держатся покровительственной системы, но вопреки ей и могутъ легко выносить подобную систему вслѣдствіе другихъ въ ней существующихъ условій. Такъ, Америка, имѣетъ ничтожную армію и тратитъ на нее далеко не то, что тратитъ Россія; затѣмъ страна эта издерживаетъ на народное образованіе въ десять разъ болѣе, чѣмъ Россія, а это такой производительный расходъ, который возвращается ей сторицею, вслѣдствіе пріобрѣтаемаго народомъ умѣнья пользоваться знаніемъ и силами природы. Кромѣ того Соединенные Штаты съ окончаніемъ войны тотчасъ приступили къ уплатѣ долговъ, сдѣланныхъ во время войны, и возвращаютъ промышленности капиталы сотнями милліоновъ долларовъ, между тѣмъ какъ у насъ всѣ сбереженія поглощаются займами государственнаго казначейства. При такихъ условіяхъ Соединенные Штаты могутъ себѣ позволить роскошь дорого стоющей системы покровительства внутренняго производства. Но даже и тамъ противъ этой системы начинаютъ возвышаться голоса, въ особенности въ штатахъ съ земледѣльческимъ характеромъ, которые, подобно Россіи, могутъ только нести потери отъ подобной политики: оплачивая монополію и привилегіи промышленныхъ штатовъ, сами они не могутъ пользоваться никакимъ покровительствомъ, никакой охраной. Если покровительственная система до сихъ поръ держится въ этой странѣ, то это только потому, что законодательная власть послѣ войны остается въ рукахъ побѣдителей, т.-е. представителей промышленныхъ штатовъ, поддерживаемыхъ негритянскимъ населеніемъ южныхъ штатовъ. Большинство это въ настоящее время начинаетъ колебаться и

недалеко уже то время, когда будетъ положенъ конецъ этой политикѣ. Вотъ нашъ отвѣтъ гг. протекціонистамъ.

Всего болѣе, разумѣется, интересуетъ наше общество реформа административная. Такой интересъ поддерживается въ обществѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что несостоятельность существующихъ порядковъ сознана самимъ правительствомъ и по этому поводу имѣются не только заявленія высшихъ правительственныхъ лицъ, но и существуетъ Высочайше утвержденная коммиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, которой поручено составленіе новаго положенія о мѣстномъ управленіи. Къ сожалѣнію, о дѣятельности этой коммиссіи въ теченіе настоящаго года не было никакихъ положительныхъ извѣстій, если не считать тѣхъ слуховъ, которые проникали въ общество и въ печать и которые кажутся намъ до того несообразными, что рѣшительно не хочется вѣрить ихъ справедливости, о чѣмъ мы говорили въ послѣдней книжкѣ нашего журнала и прибавить къ тому въ настоящую минуту ничего не можемъ. Одно мы можемъ сказать нашимъ читателямъ, и то по слухамъ. Говорятъ, что въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* будетъ напечатанъ проектъ кахановской коммиссіи. Насколько подобный слухъ справедливъ и скоро ли осуществится, мы не знаемъ, а потому остается ожидать и надѣяться...

Въ сферѣ судебнаго вѣдомства въ теченіе настоящаго года совершилось важное событіе: судебные уставы въ полномъ объемѣ введены въ сѣверо-западномъ краѣ. Нельзя не порадоваться этому давно ожидаемому событію, такъ какъ въ цѣломъ обширномъ краѣ старый дореформенный порядокъ вещей уступаетъ мѣсто новому правовому порядку. Будемъ надѣяться, что вновь назначенныя на судебныя должности лица вполнѣ поймутъ все значеніе первыхъ шаговъ своей дѣятельности и станутъ въ уровень съ той высокой задачей, къ разрѣшенію которой они призваны. Мы тѣмъ болѣе вправѣ разсчитывать на такой результатъ, что, судя по слухамъ, министерство юстиціи было крайне разборчиво въ выборѣ кандидатовъ на замѣщеніе этихъ должностей. Въ обществѣ говорятъ, что число желающихъ поступить на эти должности было весьма значительно и что люди, зарекомендовавшіе себя своей дѣятельностію и безукоризненной честностію, въ продолженіе многихъ лѣтъ не могли получить назначенія, между тѣмъ какъ служащіе сравнительно недавно и даже не получившіе юридическаго образованія были назначаемы. Если такой слухъ справедливъ, то, конечно, только *особыя способности* могли дать этимъ лицамъ въ глазахъ министерства право на занятіе вновь открывшихся должностей и потому мы вправѣ разсчитывать, что судъ въ сѣверо-западномъ краѣ будетъ держать высоко свое знамя и вполнѣ оправдаетъ выборъ министерства. Если же, паче чаянія, этого не случится, то министерство юстиціи будетъ нравственно отвѣтственнымъ за нарушеніе тѣхъ статей судебныхъ уставовъ, которыми опредѣляются права на занятіе извѣстныхъ судебныхъ должностей. Впрочемъ, введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій въ сѣверо-западномъ краѣ при всей

его неоспоримой важности имѣетъ только мѣстное, а отнюдь не общее значеніе. Съ этой послѣдней точки зрѣнія можно только пожалѣть, что примѣненіе судебныхъ уставовъ идетъ у насъ такъ медленно и что, несмотря на предположеніе ввести ихъ повсемѣстно въ теченіе 5 лѣтъ, прошло уже 19 лѣтъ со времени ихъ изданія, а они введены далеко не вездѣ.

По части народнаго образованія истекшій годъ ознаменовался однимъ явленіемъ. Такъ долго изготовлявшійся и пересматривавшійся проектъ университетскаго устава получилъ, наконецъ, окончательную редакцію въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и былъ внесенъ въ государственный совѣтъ. Мы, конечно, не знаемъ его содержанія, такъ какъ этотъ проектъ закона, несмотря на громадное его общественное значеніе, не былъ опубликованъ заранѣе, какъ это принято дѣлать по другимъ вѣдомствамъ, даже въ случаяхъ, гораздо менѣе важныхъ. Поэтому какъ общество, такъ и печать были лишены возможности разсмотрѣть его подробно и высказать о немъ свое мнѣніе, тогда какъ подобный законъ затрогиваетъ всего болѣе интересы самого общества и притомъ интересы не матеріальные, а умственные и нравственные, что гораздо важнѣе. Понятно, что при такомъ значеніи проекта закона и при томъ интересѣ, съ которымъ относилось къ нему общество, онъ не могъ оставаться секретомъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ. Очень скоро стало извѣстнымъ, что новый уставъ задается главнымъ образомъ политическими и дисциплинарными цѣлями; цѣли же научныя отходятъ въ немъ на второй планъ. Само собою разумѣется, что при дѣйствіи такого устава наука и ея преподаваніе будутъ далеко не свободны; между тѣмъ, этотъ принципъ составляетъ основу нынѣшней цивилизаціи и во всей Европѣ считается безспорнымъ.

По счастію, разсмотрѣніе новаго университетскаго устава затянулось въ департаментѣ государственнаго совѣта и, какъ говорятъ, встрѣчаетъ сильныхъ противниковъ, а поэтому есть надежда, что не пройдетъ въ общемъ собраніи вовсе.

Обращаясь теперь къ земской жизни, мы встрѣчаемся здѣсь съ фактами, далеко не утѣшительными. Въ теченіе текущаго года во многихъ губерніяхъ измѣнился составъ гласныхъ и, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ такое измѣненіе представляется явленіемъ отнюдь не радостнаго свойства. Дѣло въ томъ, что люди добросовѣстные и преданные земскому дѣлу сходятъ со сцены и мѣста ихъ занимаютъ люди, для которыхъ земская служба есть достиженіе личныхъ цѣлей, а не общественныхъ. Мы не называемъ никого, но не можемъ не замѣтить, что гоненія на статистику, ходатайства объ обезпеченіи исполненія договоровъ личнаго найма и подобные пріемы вовсе не говорятъ въ пользу новыхъ дѣятелей. По всему видно, что эгоистическіе интересы, прежде скрываемые, теперь поднимаютъ голову и рвутся наружу, и невольно приходится вмѣстѣ съ нашимъ сатирикомъ спросить: *отчего прежде былъ стыдъ, а теперь его нѣтъ?* Въ самомъ дѣлѣ, отчего нашимъ землевладѣльцамъ оказалось недостаточною гарантіею

исполненія договоровъ личнаго найма та экономическая зависимость рабочаго люда, въ которой онъ нынѣ находится, и имъ сдѣлались необходимы даже уголовныя кары за неисполненіе сдѣлокъ, несмотря на ничтожность задѣльной платы? Если подобные вопросы становятся предметомъ обсужденія въ земскихъ собраніяхъ, несмотря на то, что они вовсе не относятся къ предметамъ ихъ вѣдомства, то не ясно ли, что эгоистическіе интересы въ нихъ берутъ верхъ и низменные элементы общества поднимаютъ голову...

Въ послѣдней книжкѣ нашего журнала мы не имѣли возможности высказать нашего взгляда о послѣднихъ финансовыхъ операціяхъ правительства по недостатку времени, оставшемуся въ нашемъ распоряженіи, и теперь думаемъ пополнить этотъ пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что одна изъ этихъ операцій, а именно выпускъ золотой ренты, вызвала не только различные толки объ этой мѣрѣ въ русскихъ и заграничныхъ газетахъ, но даже полемику между различными органами нашей печати. Въ виду этого мы считаемъ не лишнимъ представить читателю болѣе обстоятельную оцѣнку этой мѣры въ связи съ предъидущими мѣропріятіями нашего финансоваго управленія.

Начало этихъ мѣропріятій должно отнести къ 1 января 1881 года, когда состоялся Высочайшій указъ о постепенной въ 8 лѣтъ уплатѣ государственному банку долга государственнаго казначейства за кредитные билеты, временно выпущенные въ обращеніе на покрытіе расходовъ военнаго времени, съ тѣмъ, чтобы государственный банкъ могъ приступить къ постепенному изъятію кредитныхъ билетовъ изъ обращенія и уничтоженію ихъ. По нашему крайнему убѣжденію, это мѣропріятіе не выдерживало строгой критики. Мы думаемъ, что прежде всякихъ мѣропріятій слѣдовало бы разрѣшить безповоротно вопросъ: куда мы идемъ? Имѣется ли въ виду полное возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля, допускается ли возможность его девальваціи или, наконецъ, избирается средній путь, т.-е. возвышеніе цѣнности кредитнаго рубля лишь до извѣстной степени и затѣмъ девальвація его? Такое категорическое рѣшеніе требовалось потому, что всякое правительство въ подобныхъ операціяхъ по необходимости должно опираться на кредитъ, создаваемый не одностороннимъ распоряженіемъ, а тѣмъ одобреніемъ, которое встрѣчаетъ такое распоряженіе на денежномъ рынкѣ. На этомъ основаніи не только упомянутое категорическое рѣшеніе, но и подробный планъ подлежащихъ операцій, которыми предполагается достигнуть цѣли, должны быть заранѣе извѣстны всему обществу, такъ какъ, съ одной стороны, ясное пониманіе цѣли ожидаемыхъ мѣропріятій устраняетъ всякую возможность недоразумѣній и вслѣдствіе этого значительно облегчаетъ условія кредитныхъ операцій, а съ другой—означенныя мѣропріятія не застаютъ общество въ расплохъ и тѣмъ не создаютъ на денежномъ рынкѣ внезапныхъ и неожиданныхъ пертурбацій, отъ которыхъ

одни находятъ возможность получать незаслуженныя выгоды, другіе же несутъ невозвратимыя потери. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ кредитныя операціи, совершаемыя правительствомъ во сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ, всегда имѣютъ большое вліяніе на экономическое положеніе народа, а тѣмъ болѣе такія крупныя событія, какъ операція возстановленія или упроченія курса денежной валюты, послѣдствія которой не могутъ быть безразличны для частныхъ лицъ, и поэтому послѣднія имѣютъ полное право ожидать, что они будутъ заблаговременно поставлены въ извѣстность о предполагаемыхъ мѣропріятіяхъ. Мы говоримъ это на томъ основаніи, что неизвѣстность въ этомъ отношеніи естественно должна задерживать всякую предпріимчивость: при настоящихъ условіяхъ всякая сдѣлка, заключенная на нѣсколько лѣтъ, при повышеніи курса нашей валюты и, слѣдовательно, при паденіи существующихъ цѣнъ, необходимо должна принести громадный убытокъ для одной стороны и такой же выигрышъ—для другой. По этому мы думаемъ,что опубликованіе подробнаго плана предполагаемыхъ мѣропріятій обязательно для финансоваго управленія не только въ интересахъ риска, но и въ силу тѣхъ нравственныхъ мотивовъ, отъ которыхъ несвободны даже и частныя лица, если ихъ интересы затрогиваютъ интересы другихъ лицъ.

Теперь представляется вопросъ: насколько же намъ извѣстны будущія мѣропріятія въ видахъ упроченія курса нашей валюты? Мы знаемъ, что указомъ 1 января 1881 года было повелѣно уплачивать государственному банку въ теченіе 8 лѣтъ ежегодно по 50 мил. руб. въ видахъ снабженія его средствами для изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія и уничтоженія ихъ. Согласно съ этимъ повелѣніемъ, государственный банкъ съ того же времени приступилъ къ этому изъятію и, по уплатѣ ему со стороны государственнаго казначейства 117 мил. рублей, довелъ свою кассовую наличность къ 1 апрѣля 1883 года одними кредитными билетами до 195 мил. руб. Тѣмъ не менѣе, до сего времени не было приступлено къ уничтоженію ихъ, такъ какъ въ указѣ 1 января 1881 года моментъ этого уничтоженія не опредѣленъ, а прямо сказано, что оно должно быть сдѣлано по мѣрѣ возможности. Такимъ образомъ, самое главное, что нужно было знать обществу,—а именно, когда послѣдуетъ уничтоженіе кредитныхъ билетовъ,—это-то и осталось неизвѣстнымъ, и денежный рынокъ постоянно могъ ожидать, что изъятые изъ обращенія кредитные билеты вновь появятся на рынкѣ, тѣмъ болѣе, что министерство финансовъ, повидимому, само раздѣляло это мнѣніе, не находя возможности приступить къ этому уничтоженію. Министръ финансовъ въ своемъ всеподданѣйшемъ докладѣ при представленіи государственной росписи на 1883 годъ даже указывалъ на необходимость осторожности въ этомъ отношеніи на выгоду, которую можетъ получить государственный банкъ отъ расширенія ссудной операціи вообще и ссудъ землевладѣльцамъ въ особенности. Возможность появленія на рынкѣ уже изъятыхъ изъ обращенія

кредитныхъ билетовъ не заставила себя ожидать, такъ какъ въ теченіе нынѣшняго лѣта, къ 1 октября сего года, наличность кассы государственнаго банка сократилась кредитными билетами на 64 мил. рублей. Само собою разумѣется, что такого рода неизвѣстность и колебанія въ исполненіи предположеннаго сокращенія бумажно-денежнаго обращенія не могли содѣйствовать упроченію нашего кредита на заграничныхъ биржахъ, вслѣдствіе чего курсъ нашихъ бумагъ, писанныхъ на кредитную валюту, понизился и начался переходъ ихъ на нашъ рынокъ, что не осталось безъ вліянія на паденіе курса нашей валюты, такъ какъ наши банки платили за нихъ кредитными билетами. Рядомъ съ этими фактами произошли и другія явленія, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи, но объ нихъ мы будемъ говорить ниже, а теперь обратимся къ разсмотрѣнію срока, опредѣленнаго для изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія.

Такой срокъ опредѣленъ въ 8 лѣтъ. Прежде всего замѣтимъ, что это предположеніе было бы понятнымъ, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ были опредѣлены безповоротно всѣ подробности погашенія безпроцентнаго долга, предусмотрѣны нужды государственнаго казначейства и средства къ ихъ удовлетворенію, а также тѣ послѣдствія, которыя могли возникать отъ постепеннаго изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Въ такомъ ли положеніи находилось наше финансовое управленіе въ концѣ 1880 года, чтобъ не только предусмотрѣть всѣ эти обстоятельства, но получить утвержденіе подобной программы и выполнить ее въ дѣйствительности? Смѣло можно отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно и доказательства тому на лицо: государственная роспись обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ на 1881 годъ въ концѣ 1880 года сведена была съ незначительнымъ дефицитомъ въ 4 мил., между тѣмъ, по отчету государственнаго контроля, этотъ дефицитъ оказался въ 81 мил. руб. Если такимъ образомъ въ концѣ 1880 года не могъ быть предусмотрѣнъ дефицитъ въ 78 милліоновъ рублей, предстоявшій на слѣдующій годъ, то спрашивается, какимъ образомъ могъ быть предусмотрѣнъ планъ погашенія 400 милліоннаго долга въ теченіе 8 лѣтъ? Если случайности могутъ у насъ имѣть такое значеніе, что расходы государственнаго казначейства возрастаютъ на такую цифру, то дѣлать предположенія на 8 лѣтъ по меньшей мѣрѣ рискованно. Обстоятельства могутъ уничтожить всякую для этого возможность или сложиться такъ, что отъ подобныхъ жертвъ не будетъ никакихъ ощутительныхъ послѣдствій. Такъ, со времени изданія указа прошло уже три года, государственное казначейство уплатило банку 117 мил. и готовится къ уплатѣ еще 50 мил. рублей, а результатовъ этой жертвы мы не видимъ: курсъ нашей валюты не только не улучшается, но постоянно падаетъ, и на чемъ остановится такое паденіе, мы положительно не знаемъ.

На этомъ основаніи мы позволимъ себѣ замѣтить, что срокъ, предположенный для погашенія долга за кредитные билеты, едва ли оправдывался съ точки зрѣнія тѣхъ условій, въ которыхъ находились въ то время какъ финансовое управленіе, такъ и положеніе государственныхъ финансовъ, тѣмъ

болѣе, что такая отсрочка возстановленія цѣнности кредитнаго рубля обходилась правительству гораздо дороже, чѣмъ одновременный заемъ въ четыреста милліоновъ металлическихъ рублей.

Намъ, можетъ быть, замѣтятъ, что такой заемъ былъ въ то время невозможенъ, но мы позволимъ себѣ въ этомъ усомниться. Мы думаемъ, что если Франція послѣ нанесеннаго ей погрома могла заключить заемъ въ 5 милліардовъ франковъ для уплаты контрибуціи, то для Россіи отнюдь не былъ невозможенъ заемъ въ три раза меньшій для того, чтобъ возстановить цѣнность своей валюты и тѣмъ поднять стоимость своихъ доходовъ въ 600,000 мил. рублей, по крайнѣй мѣрѣ, на 25%. Положимъ, что такой заемъ обошелся бы Россіи даже въ 6½%, а съ погашеніемъ даже 7%, т.-е. прибавился бы расходъ въ 28 мил. рублей металлическихъ; но, вѣдь, тогда правительство въ однихъ заграничныхъ платежахъ по своимъ займамъ выигрывало бы болѣе 40 мил. рублей и вся сумма операціонныхъ расходовъ правительства понизилась бы, по меньшей мѣрѣ, на 25%, затѣмъ уменьшилась бы и приплата по гарантіи акцій и облигацій, выпущенныхъ обществами желѣзныхъ дорогъ въ металлической валютѣ.

Выгода такого займа была бы очевидна для каждаго заграничнаго капиталиста, тѣмъ болѣе, что такой заемъ упрочивалъ наше финансовое положеніе, и сомнѣваться въ томъ, что Россія, избавляясь отъ излишества бумажныхъ денегъ—этой язвы, убивающей нашъ кредитъ,—нашла бы средства для уплаты 28 мил. мет. рублей, конечно, никто не могъ. Само собою разумѣется, что, въ видахъ большаго успѣха операцій, одновременно съ ней необходимо слѣдовало найти и спеціальный источникъ для покрытія этого расхода и въ то время такой источникъ уже былъ въ виду: проектъ подоходнаго налога былъ тогда уже составленъ, все общество ожидало его утвержденія и, конечно, не почувствовало бы его бремени, еслибъ онъ послужилъ для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля. По разсчету же коммиссіи, составлявшей проектъ, подоходный налогъ могъ дать болѣе 40 мил. рублей, не касаясь поземельныхъ доходовъ, а вмѣстѣ съ ними могъ быть доведенъ отъ 60—70 мил. рублей.

Къ сожалѣнію, такой энергичный образъ дѣйствій почему-то считается у насъ невозможнымъ и мы, дѣйствуя ничтожными средствами, приносимъ съ теченіемъ времени гораздо болѣе жертвъ, нисколько не подвигаясь къ намѣченной цѣли. Такъ, нашъ бюджетъ достигъ уже цифры 750 мил. рублей; въ прошломъ 1882 году мы сдѣлали заемъ въ 100 мил. рублей, а въ настоящемъ выпустили 10 мая краткосрочныхъ обязательствъ на 20 мил. рублей *) и, по недостатку доходовъ, 10 ноября должны были ихъ замѣнить новымъ выпускомъ также 20 мил.; затѣмъ послѣдовалъ новый

*) Цѣль выпуска такихъ обязательствъ состоитъ въ томъ, чтобъ снабдить казначейство средствами на то время, когда производство расходовъ идетъ впереди поступленія доходовъ; поэтому они должны бы подлежать погашенію изъ текущихъ доходовъ.

выпускъ билетовъ государственнаго казначейства на 24 мил. рублей; наконецъ, выпущена золотая 6% рента на 50 мил. металлическихъ, что составитъ 82 мил. кредитныхъ. Несмотря на всѣ эти жертвы, нашъ курсъ не только не улучшился, но продолжаетъ падать. Очень можетъ быть, что суммы, подлежащія къ переводу на платежъ за золотую ренту, нѣсколько поддержатъ курсъ нашей валюты на зимніе мѣсяцы, но очень немудрено, что подобные взносы будутъ оплачены продажей на нашъ рынокъ облигацій восточныхъ займовъ, даже съ значительнымъ пониженіемъ ихъ настоящей цѣны, такъ какъ эти послѣднія бумаги гораздо менѣе выгодны, чѣмъ золотая рента. Тогда нашъ курсъ не только не повысится, но можетъ даже упасть, хотя бы вся сумма золотой ренты перешла на заграничные рынки. Такой результатъ очень понятенъ, если принять въ соображеніе, что наши долги сдѣланы не съ производительною цѣлью и теперешніе займы идутъ исключительно на уплату процентовъ, вслѣдствіе чего мы платимъ сложные проценты и при такомъ порядкѣ вещей возрастаніе долга идетъ по геометрической прогрессіи, удваиваясь въ очень небольшое число лѣтъ. При такой перспективѣ разсчитывать на возстановленіе курса нашей валюты трудно.

Но, кромѣ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, есть еще одно, роняющее курсъ нашей валюты въ сильной степени. Мы имѣемъ въ виду обращеніе въ публикѣ купоновъ процентныхъ бумагъ будущихъ, еще не наступившихъ сроковъ. Выгодность подобной аферы очевидна для всякаго, и капиталисты не пренебрегаютъ ею, хотя бы со скидкою нѣсколькихъ процентовъ. Обычай производить платежи досрочными купонами такъ распространился, что завелась особая торговля ими, и лица, не брезгующія подобными пріемами, нарочно покупаютъ ихъ въ мѣняльныхъ лавкахъ при наступленіи срочныхъ платежей, заявляя при этомъ, что иныхъ средствъ для уплаты въ виду не имѣется. Получатель, нуждающійся въ средствахъ, волей-неволей долженъ согласиться на подобную сдѣлку, тѣмъ болѣе, что сбытъ подобныхъ денежныхъ знаковъ возможенъ при самой незначительной скидкѣ. Само собою разумѣется, что получившій такія деньги старается по возможности сбывать ихъ по номинальной цѣнѣ. Застой въ торговлѣ въ значительной степени благопріятствуетъ подобному сбыту и такимъ образомъ въ послѣднее время обращеніе этихъ новыхъ денежныхъ знаковъ получило очень широкое распространеніе. Нерѣдко случается встрѣтить купоны, отрѣзанные даже за три и четыре года впередъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что правительство платитъ въ годъ до 200 мил. руб. процентовъ, что, по всей вѣроятности, половина государственныхъ фондовъ находится на нашемъ рынкѣ, что отрѣзываются купоны не только отъ государственныхъ фондовъ или гарантированныхъ правительствомъ облигацій, но и отъ облигацій городскихъ кредитныхъ обществъ и даже отъ закладныхъ листовъ частныхъ поземельныхъ банковъ, то легко себѣ представить какое громадное количество новыхъ денежныхъ знаковъ явилось у насъ въ обращеніи. Смѣло

можно утверждать, что сокращеніе денежнаго обращенія, котораго достигъ государственный банкъ со времени появленія указа 1 января 1881 года, не могло имѣть никакого вліянія на курсъ нашей валюты: изъятые имъ около 150 мил. руб. до 1 апрѣля 1883 года, безъ всякаго сомнѣнія, съ избыткомъ были пополнены на денежномъ рынкѣ изъ указаннаго нами источника. Вслѣдствіе этого подобное медленное изъятіе не производило замѣтнаго вліянія на нашемъ рынкѣ и не могло произвести его даже въ томъ случаѣ, еслибъ эти кредитные билеты были вовсе уничтожены; оставаясь же въ кассѣ государственнаго банка, они могли явиться вновь на рынкѣ, что отчасти и случилось, а, слѣдовательно, необходимо должны были дѣйствовать понижающимъ образомъ на стоимость нашей валюты.

Это появленіе купоновъ въ качествѣ новыхъ денежныхъ знаковъ на нашемъ рынкѣ обращаетъ на себя вниманіе именно потому, что служитъ новымъ доказательствомъ ошибочности той политики, которая предполагаетъ улучшить систему нашего денежнаго обращенія путемъ палліативныхъ мѣропріятій, разсрочивая ихъ на 8 лѣтъ. Спекуляція всегда найдетъ средства парализовать эти мѣропріятія и приспособиться къ возникающимъ обстоятельствамъ для того, чтобъ не только поддержать цѣны на всѣ предметы потребленія, до которой они дошли, но и возвышать ихъ по возможности; или, что все равно, держать стоимость нашей валюты на низкомъ уровнѣ. Весь интересъ спекуляціи состоитъ именно въ этомъ, тогда какъ возвышеніе курса нашей валюты можетъ выразиться только въ паденіи цѣнъ на товары. Отсюда прямо видно, какъ ошибоченъ тотъ взглядъ, который опасается уничтоженіемъ кредитныхъ билетовъ стѣснить денежное обращеніе, и какое глубокое противорѣчіе заключается между стремленіемъ поднять курсъ нашей валюты и опасеніемъ стѣснить денежный рынокъ. Мы, напротивъ, думаемъ, что даже значительнымъ сокращеніемъ количества кредитныхъ билетовъ, совершенно необходимое для поднятія ихъ курса, стѣсненіе денежнаго рынка достигнуто не будетъ, на томъ простомъ основаніи, что у насъ, помимо купоновъ, имѣется громадный запасъ денежныхъ знаковъ въ билетахъ государственнаго казначейства (серіяхъ), которыхъ выпущено въ прежнее время на 216 мил. руб. и которые, вслѣдствіе избытка кредитныхъ билетовъ, нынѣ не обращаются на рынкѣ, но могутъ явиться на немъ при первомъ стѣсненіи. Къ этому запасу въ настоящую минуту прибавлено еще 24 мил. и, какъ указано въ мотивахъ этой мѣры, она принимается во избѣжаніе стѣсненія рынка въ виду предстоящаго сокращенія количества кредитныхъ билетовъ. Не замѣняется ли, такимъ образомъ, уничтожаемое худшимъ, такъ какъ денежные знаки, приносящіе проценты, вреднѣе безпроцентныхъ?

Намъ могутъ возразить, что если люди прибѣгаютъ, для удовлетворенія своихъ платежей, къ такимъ средствамъ, какъ уплата досрочными купонами и если эти купоны встрѣчаютъ удобную почву для своего обращенія, то это прямо указываетъ на недостатокъ денежныхъ знаковъ и необходимость

пополнить этотъ недостатокъ. Но мы позволимъ себѣ предложить вопросъ: неужели люди, выражающіе подобное мнѣніе, вовсе не знакомы съ исторіею денежнаго обращенія? Неужели они никогда не слыхали, что въ странахъ съ исключительно бумажнымъ денежнымъ обращеніемъ всегда чувствуется недостатокъ въ деньгахъ, какое бы количество ихъ ни было выпущено въ обращеніе? Такъ было во Франціи при господствѣ системы Ло и во время первой республики, такъ было въ Австріи въ первой половинѣ настоящаго вѣка, такъ было и у насъ послѣ крымской войны и теперь повторяется то же явленіе. Дѣло въ томъ, что увеличеніе денежнаго обращенія необходимо вызываетъ возвышеніе цѣнъ, такъ какъ въ цѣнахъ выражается отношеніе между количествомъ товаровъ и количествомъ денежныхъ знаковъ, находящихся на рынкѣ. Съ возвышеніемъ же цѣнъ усиливается производство, вызванное не спросомъ потребителей, а кажущеюся выгодою дѣла. Но прежнее равновѣсіе между количествомъ денегъ и товаровъ возстановляется путемъ возвышенія цѣнъ или, лучше сказать, путемъ паденія цѣнности денегъ. Появленіе новаго количества товаровъ на рынкѣ, вызванное искусственно возвышеніемъ цѣнъ, вновь нарушаетъ это равновѣсіе и раздается крикъ: денегъ нѣтъ! При существованіи металлическаго денежнаго обращенія, подобные возгласы невозможны: всякій знаетъ, что золото или серебро изъ пальца не высосешь и что количество денежныхъ знаковъ увеличить нѣтъ возможности. Вслѣдствіе этого, если равновѣсіе между количествомъ товаровъ и денежныхъ знаковъ нарушается увеличеніемъ количества первыхъ, то товарныя цѣны падаютъ и равновѣсіе возстановляется вновь; спекуляція же ищетъ возможности приспособиться къ новымъ пониженнымъ цѣнамъ и сократить издержки производства путемъ различныхъ улучшеній. Совсѣмъ другое бываетъ при исключительно бумажномъ денежномъ обращеніи. При этихъ искусственно созданныхъ условіяхъ денежнаго рынка, конечно, никто не хочетъ и думать о естественныхъ послѣдствіяхъ такого порядка и всѣ ожидаютъ, что положеніе дѣлъ можетъ быть улучшено также искусственными мѣрами. Никому и въ голову не приходитъ, что на всю сумму бумажныхъ денегъ, вновь выпущенныхъ въ обращеніе, потребны дѣйствительныя цѣнности, а въ замѣнъ ихъ поступили цѣнности фиктивныя, которыя съ паденіемъ цѣнности денегъ исчезли, и что страна сдѣлалась бѣднѣе на всю сумму этихъ цѣнностей. Подобныхъ соображеній никто знать не хочетъ; пониженіе цѣнъ и приспособленіе къ нимъ путемъ улучшеній въ производствѣ считается немыслимымъ, а вслѣдствіе этого вся забота сосредоточивается на поддержаніи существующихъ цѣнъ и на требованіи новаго выпуска бумажныхъ денегъ. Если подобныя требованія удовлетворяются, то снова повторяется прежняя исторія, узелъ затягивается все болѣе и болѣе, а развязка его становится все труднѣе и труднѣе. Довольно припомнить исторію нашихъ бумажныхъ денегъ, чтобъ убѣдиться въ томъ, что никакое ихъ количество не можетъ удовлетворить рынокъ. Ихъ выпускъ есть своего рода наркозъ, съ которымъ организмъ

свыкается очень скоро и требуетъ для извѣстнаго дѣйствія все бо́льшаго и бо́льшаго количества наркотическаго вещества. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда вредъ излишняго количества бумажныхъ денегъ вполнѣ сознанъ и даже считается необходимымъ изъятіе ихъ изъ обращенія, крики объ отсутствіи денегъ и требованія новаго ихъ выпуска не остаются безъ вреднаго вліянія, вызывая извѣстную осторожность,—совершенно излишнюю въ этомъ случаѣ,—осторожность, которая, дѣйствуя полумѣрами, ведетъ только къ напраснымъ тратамъ, нисколько не приближая къ намѣченной цѣли, въ особенности когда спекуляція имѣетъ возможность прибѣгать къ такимъ средствамъ пополненія денежныхъ знаковъ, какъ отрѣзка досрочныхъ купоновъ процентныхъ бумагъ. Мы уже не говоримъ ни о билетахъ государственнаго казначейства, составляющихъ запасъ вполнѣ законныхъ денежныхъ знаковъ, ни о фальшивыхъ кредитныхъ билетахъ, которыхъ также нельзя игнорировать и которые иногда могутъ очень долго оставаться въ обращеніи.

Но какое средство, скажетъ читатель, остановитъ обращеніе досрочныхъ купоновъ въ обществѣ, если люди соглашаются ихъ брать вмѣсто денегъ? Запретить этого невозможно, такъ какъ подобныя сдѣлки совершаются добровольно. Недавно, прибавитъ онъ, послѣдовало воспрещеніе платить купонами рабочимъ; но, какъ извѣстно, такое запрещеніе не имѣло никакого значенія, такъ какъ платящій купонами всегда можетъ обставить дѣло такъ, чтобы отрицать фактъ подобнаго платежа. Мы, конечно, не будемъ утверждать, что можно воспретить подобную расплату, но нельзя отрицать, что возможность подобнаго порядка создается тѣми условіями, въ которыя у насъ поставлены оплата срочныхъ купоновъ и пріемъ процентныхъ бумагъ въ залогъ какъ въ государственномъ, такъ и въ частныхъ банкахъ. Купоны оплачиваются у насъ въ кассахъ министерства финансовъ и государственнаго банка при ихъ предъявленіи отдѣльно отъ облигацій. Конечно, отрѣзка купоновъ раньше наступленія сроковъ платежа не могла бы имѣть мѣста, еслибъ подобнаго правила не существовало и еслибъ платежъ по купонамъ производился лишь въ томъ случаѣ, когда они предъявлены въ кассу вмѣстѣ съ бумагами. Но мы готовы согласиться, что такой порядокъ вещей былъ бы затруднителенъ не только для кассъ, но и для владѣльцевъ облигацій, и создавалъ бы возможность для кассировъ злоупотреблять подобнымъ порядкомъ оплаты. Но затѣмъ можно безъ всякихъ затрудненій установить правило, что при залогѣ бумагъ какъ въ государственномъ, такъ и частныхъ банкахъ, а также при представленіи ихъ въ залогъ по подрядамъ и поставкамъ во всѣ правительственныя учрежденія купоны, которымъ сроки еще не наступили, должны находиться при бумагахъ, иначе послѣднія не должны приниматься въ залогъ. Мы увѣрены, что такое правило разомъ бы уничтожило всякую попытку пользоваться стоимостью досрочныхъ купоновъ, между тѣмъ, какъ настоящій порядокъ вещей, при которомъ лишь удерживается изъ назначенной ссуды стоимость

куноновъ, даетъ право думать, что подобное пользованіе нисколько не предосудительно и тѣмъ поощряетъ его.

Мы указываемъ на необходимость принять нѣкоторыя мѣры противъ этого зла на томъ основаніи, что оно парализуетъ всѣ усилія нашего финансоваго управленія—сколько-нибудь улучшить курсъ нашей валюты. Чтобъ судить о дѣйствительномъ значеніи этого зла, необходимо вспомнить, что правительство выплачиваетъ по купонамъ до ста милліоновъ рублей ежегодно внутри государства, а такъ какъ пишущему эти строки случалось видѣть въ ходу купоны за два и за три года впередъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что ихъ обращается на рынкѣ не менѣе какъ на 100 мил. рублей. Оставлять безъ вниманія такую цифру новыхъ незаконныхъ денежныхъ знаковъ никакъ бы не слѣдовало, между тѣмъ какъ та осторожность, съ которой у насъ готовятся приступить къ уничтоженію кредитныхъ билетовъ, свидѣтельствуетъ, что какъ это обстоятельство, такъ и запасъ билетовъ государственнаго казначейства, которые могутъ также сдѣлаться платежными знаками, вовсе не принимаются въ соображеніе.

Также не принимается, повидимому, въ соображеніе и то количество кредитныхъ билетовъ, которое находится на заграничныхъ рынкахъ и которое во всякое время можетъ служить для пониженія ихъ курса. Еслибъ положеніе нашего рынка могло внушать опасеніе, что уничтоженіе значительнаго количества кредитныхъ билетовъ породитъ затрудненіе, то, конечно, не могло бы имѣть мѣсто такое явленіе, какъ предложеніе на продажу нашихъ кредитныхъ билетовъ не только въ Берлинѣ, но въ Амстердамѣ и Лондонѣ. Всѣ эти билеты легко могутъ явиться въ петербургскихъ банкахъ при малѣйшемъ повышеніи ихъ курса; стало быть, опасаться недостатка денежныхъ знаковъ, когда курсъ ихъ падаетъ, невозможно, и намъ скорѣе угрожаетъ не недостатокъ ихъ, а избытокъ.

Повидимому, все это очень просто и ясно, и не замѣчать этого, конечно, наше финансовое управленіе не можетъ. Мы убѣждены, что оно лучше нашего понимаетъ дѣйствительное положеніе рынка, тѣмъ болѣе, что отсутствіе заграничнаго спроса на предметы нашего отпуска и полный застой въ торговлѣ, жалобы на который раздаются со всѣхъ сторонъ, не могутъ вызвать усиленнаго спроса на деньги. Чѣмъ же объяснить ту осторожность, о которой говорятъ газеты и которая заставила ограничить сумму кредитныхъ билетовъ, назначенную къ уничтоженію 30 мил. рублей, несмотря на то, что государственный банкъ находилъ, что въ кассахъ имѣется до 80 мил. излишнихъ кредитныхъ билетовъ и что изъ нихъ можетъ быть безъ неудобства уничтожено до 40 мил.? Намъ кажется, что въ виду двухлѣтняго опыта и нынѣшняго положенія рынка, можно не только согласиться съ государственнымъ банкомъ, что въ его кассахъ есть до 80 мил. рублей излишнихъ кредитныхъ билетовъ, но можно думать, что ихъ есть даже 100 мил.; а если они излишни, то, конечно, могутъ быть уничтожены и нѣтъ надобности ограничивать это количество ни 40, ни 30 милліонами.

Изъ всего, что нами высказано выше, втдно, что мотивомъ для такого рѣшенія не могли быть условія денежнаго рынка и если, какъ говорятъ газеты, такое рѣшеніе дѣйствительно состоялось, то его надо искать въ финансовомъ положеніи государственнаго казначейства. Въ самомъ дѣлѣ, отношеніе государственныхъ доходовъ къ расходамъ таковы, что безъ содѣйствія кредита обойтись какъ въ текущемъ, такъ и въ будущемъ году, едва ли возможно, и условія выпуска золотой ренты не настолько выгодны, чтобъ можно было разсчитывать на легкое осуществленіе заграничныхъ займовъ. Всякій же внутренній заемъ отнимаетъ у русской промышленности капиталы, въ которыхъ она не можетъ не нуждаться. Ясно, что посреди такихъ условій необходимо было оставить въ кассахъ государственнаго банка извѣстныя средства, которыя въ крайнемъ случаѣ могли бы служить воспособленіемъ къ средствамъ государственнаго казначейства, въ замѣнъ которыхъ банкъ можетъ получить какія-либо новыя обязательства государственнаго казначейства. Конечно, эта мѣра поведетъ за собою увеличеніе бумажнаго денежнаго обращенія на рынкѣ, но, вѣдь, мы говоримъ только о крайнемъ случаѣ, когда условія денежныхъ рынковъ не позволятъ прибѣгнуть къ другой операціи.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о новомъ выпускѣ билетовъ государственнаго казначейства (серій) на 24 милліона рублей, о чемъ мы упомянули выше лишь мимоходомъ. Съ перваго взгляда заемъ въ этой формѣ представляется очень выгоднымъ для государственнаго казначейства, такъ какъ онъ оплачивается $4^1/_3\%$; но если принять въ соображеніе, что билеты эти принимаются во всѣ платежи государственному казначейству, т.-е. имѣютъ ту же самую гарантію, какъ и кредитные билеты, и служатъ. слѣдовательно, такимъ же платежнымъ средствомъ, то нельзя не согласиться, что они имѣютъ на рынкѣ совершенно одинаковое значеніе и могутъ вызывать одинаковыя послѣдствія съ бумажными деньгами, несмотря на то, что государственное казначейство платитъ за нихъ проценты. На этомъ основаніи билеты эти могутъ считаться наиболѣе вреднымъ видомъ выпуска бумажныхъ денегъ. Такое значеніе этихъ денежныхъ знаковъ давно уже было сознано въ нашихъ правительственныхъ сферахъ и къ увеличенію ихъ количества правительство давно уже перестало прибѣгать. Если же и дѣлались новые выпуски, то только для замѣны прежнихъ, въ виду положительной невозможности приступить къ погашенію этого долга. Нельзя отрицать, что бумаги эти въ послѣдніе годы очень рѣдко попадаются въ обращеніи, но это объясняется тѣмъ, что масса кредитныхъ билетовъ вытѣсняетъ ихъ съ рынка, такъ какъ гораздо выгоднѣе хранить денежный знакъ, приносящій $4^1/_3$ процента, чѣмъ вносить въ банкъ на текущій счетъ или хранить безпроцентныя бумажныя деньги. Но при сокращеніи бумажнаго денежнаго обращенія серіи не замедлятъ появиться на рынкѣ, будутъ играть одинаковую роль съ кредитными билетами и поэтому, разумѣется. никакого стѣсненія денежнаго рынка не произойдетъ, а, слѣдовательно, не

можетъ быть и пониженія товарныхъ цѣнъ, т.-е. возвышенія курса нашей валюты, до тѣхъ поръ, пока сокращеніе бумажнаго денежнаго обращенія не превзойдетъ количества выпущенныхъ билетовъ государственнаго казначейства. Вотъ почему при всѣхъ предположеніяхъ объ урегулированіи нашего денежнаго обращенія и о консолидаціи нашего безпроцентнаго долга вмѣстѣ съ количествомъ бумажныхъ денегъ принималось въ соображеніе и количество выпущенныхъ въ обращеніе серій, какъ подлежащее также консолидаціи, безъ которой всѣ заботы о сокращеніи бумажныхъ денегъ не могутъ привести къ достиженію намѣченной цѣли. Само собою разумѣется, что разрѣшеніе вопроса о времени этой консолидаціи нельзя рѣшить теоретически, а слѣдуетъ представить это рѣшеніе указанію практическаго опыта. Мы думаемъ, что въ настоящую минуту вся забота финансоваго управленія,—если только оно серьезно стремится къ возстановленію стоимости нашей валюты,—должно быть сосредоточено на сокращеніи количества кредитныхъ билетовъ; но появленіе въ обращеніи билетовъ государственнаго казначейства будетъ достаточнымъ признакомъ, что моментъ консолидаціи этого долга наступилъ. Тогда для правительства выгоднѣе будетъ погашать процентныя бумажныя деньги, чѣмъ безпроцентныя, а результатъ для денежнаго рынка будетъ одинъ и тотъ же.

При такомъ значеніи билетовъ государственнаго казначейства мы были немало удивлены, что финансовое управленіе для увеличенія своихъ рессурсовъ вновь прибѣгаетъ къ такому крайнему средству, которое давно уже было признано вреднымъ и парализующимъ дѣйствіе тѣхъ мѣропріятій, которыя направлены на возстановленіе стоимости кредитнаго рубля. Изъ этого факта мы можемъ вывести только одно заключеніе, что въ данное время возстановленіе цѣнности нашей валюты считается невозможнымъ, хотя, съ другой стороны, заемъ въ металлической валютѣ и указываетъ на существующее стремленіе къ подобной цѣли.

То же слѣдуетъ сказать и о краткосрочныхъ четырехъ-процентныхъ обязательствахъ государственнаго казначейства. Бумаги эти, конечно, не служатъ платежнымъ знакомъ, но онѣ, въ виду низкаго ихъ процента, не покупаются и публикой, а всецѣло поступаютъ въ государственный банкъ, увеличивая счетъ процентныхъ бумагъ, принадлежащихъ банку, а потому представляютъ только замаскированный выпускъ банкомъ кредитныхъ билетовъ за счетъ государственнаго казначейства, что также не можетъ содѣйствовать повышенію курса нашей валюты, а, напротивъ, имѣетъ совершенно обратное дѣйствіе.

Предпосылая все сказанное до сихъ поръ обсужденію новаго металлическаго займа, мы имѣли въ виду показать, при какихъ условіяхъ должна была совершиться эта операція. Условія эти, какъ оказывается, далеко не были благопріятны и нашъ кредитъ на заграничныхъ рынкахъ вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, а также въ виду различныхъ политическихъ соображеній, оказывался далеко не въ авантажѣ. Поэтому нисколько не-

удивительно, что министерство финансовъ, имѣя передъ собою безусловную необходимость найти средства для уплаты 50 мил. руб. государственному банку и покрыть нѣкоторые желѣзнодорожные расходы, было вынуждено предложить капиталистамъ особенно выгодныя для нихъ условія: оно не имѣло возможности ни выжидать болѣе благопріятной минуты, ни рисковать неудачей, тѣмъ болѣе, что при прошлогоднемъ займѣ наши банки и банкиры, оставившіе весь заемъ за собою, не только не имѣли никакой выгоды, но, повидимому, потерпѣли убытки, а такія обстоятельства могутъ до извѣстной степени умѣрить то *чувство патріотизма*, которымъ,—какъ говорила тогдашняя городская молва,—они были увлечены въ прошлому году.

Теперь мы обратимся къ тѣмъ возраженіямъ, которыя были сдѣланы въ литературѣ противъ золотой ренты, и посмотримъ насколько они были основательны.

Прежде всего послышались упреки въ томъ, что рента выпущена въ металлической, а не кредитной валютѣ. Но намъ кажется, что простая логика требовала этого. Если въ правительственныхъ сферахъ остается какая-либо надежда на возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля, то оно по необходимости должно было выпустить заемъ въ металлической валютѣ, такъ какъ, выпуская въ кредитной, оно получало бы дешевые кредитные билеты, а принуждено было бы платить проценты или, въ случаѣ необходимости, возвращать капиталъ дорогими деньгами, что было бы совершенно невыгодно и несправедливо. Затѣмъ, еслибъ правительство выпустило заемъ въ кредитной валютѣ, то этимъ оно подрывало бы свои средства для изъятія бумажныхъ денегъ изъ обращенія и тѣмъ заявило бы, что оно само не разсчитываетъ на возможность возстановленія цѣнности кредитнаго рубля. На этомъ основаніи мы думаемъ, что всѣ займы, совершонные со времени заключенія мира въ кредитной валютѣ, были значительною ошибкой. Будь они въ металлической, правительство могло бы значительную ихъ часть употребить на изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія и курсъ нашей валюты былъ бы теперь много выше, чѣмъ въ настоящую минуту. На этомъ основаніи заемъ въ металлической валютѣ былъ мѣрою вполнѣ раціональною.

Затѣмъ было высказано, что финансовое управленіе назначило слишкомъ низкую цѣну облигацій этого займа при такомъ высокомъ процентѣ, а именно при полной оплатѣ 96½%. Такой упрекъ едва ли имѣетъ свои основанія. По всей вѣроятности, финансовое управленіе имѣло предварительные переговоры съ банкирами и установило такой курсъ и такой процентъ, выгоднѣе которыхъ на заграничныхъ рынкахъ нельзя было достигнуть по условіямъ нашего финансоваго положенія. Нельзя конечно отрицать, что при сравненіи биржевыхъ цѣнъ на различные наши займы какъ на Петербургской, такъ и на Берлинской, съ выпускной цѣной золотой ренты, цѣны послѣдней кажутся чрезвычайно низкими. Такъ, наши пятипроцентные восточные займы стояли до подписки 92%, а поэтому 6% заемъ по этому

разсчету долженъ былъ стоить 110 руб. Нашъ 6% заемъ прежнихъ лѣтъ стоялъ на биржѣ 113 руб. Но отъ того, что новый заемъ выпущенъ въ металлической валютѣ, цѣна облигацій могла только выиграть, а не потерять. Наши консолидированныя 5% облигаціи дѣйствительно стоятъ нѣсколько ниже какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Петербургѣ, а именно 85%, и по сравненію съ этой цѣной золотая рента должна стоить 102%; но этотъ курсъ объясняется низкой цѣной, по которой облигаціи выпускались въ прежнее время, такъ какъ это обстоятельство сохраняетъ на долго свое значеніе. Еслибы выпускная цѣна не имѣла значенія, то въ виду такого курса консолидированныхъ облигацій наши восточные займы не могли бы стоять такъ высоко. Кромѣ того наши4% облигаціи Николаевской желѣзной дороги на Берлинской биржѣ стояли 77%, а 4% консолидированныя облигаціи послѣдняго выпуска 72%. По сравненію съ этими бумагами золотая рента должна бы стоить 115% и 108% Намъ могутъ замѣтить, что здѣсь имѣетъ значеніе премія, получаемая при погашеніи, которое производится по номинальной цѣнѣ, тогда какъ выпускъ бываетъ по болѣе низкой; но разница въ этомъ случаѣ не можетъ быть такъ значительна. Ежегодный шансъ выпаденія въ тиражъ такъ незначителенъ, что онъ можетъ цѣниться не болѣе, какъ въ два или три процента на стоимость бумаги. Если мы возьмемъ цѣну нашихъ бумагъ, о которыхъ мы говорили, на Петербургской и Берлинской биржахъ и оцѣнимъ премію на 4% облигаціи даже въ три процента, то оказывается, что средняя цѣна 6% бумаги составится изъ четырехъ цѣнъ: 110, 102, 111 и 105, т.-е. будетъ равна 107%. Мы понимаемъ, что подписчики должны имѣть выгоду противъ средней биржевой цѣны, иначе они не согласятся принять условій подписки, но такая выгода не должна же превышать 4—5%. Такимъ образомъ казалось бы, что по этимъ весьма выгоднымъ для капиталистовъ условіямъ 6% золотая рента могла быть выпущена по 102 при полной оплатѣ, между тѣмъ какъ цѣна ей была назначена 96½%, т.-е. на 5½% ниже. Все это, конечно, совершенно вѣрно, но если предварительные переговоры, безъ которыхъ не можетъ состояться никакой заемъ, не представляли возможности установить эти условія, то отсюда можно заключить, что кредитъ нашъ на заграничномъ рынкѣ со времени послѣднихъ заграничныхъ займовъ до извѣстной степени пошатнулся и потому потребовались болѣе выгодныя условія, чтобъ привлечь капиталистовъ къ подпискѣ. Но, скажутъ намъ, вѣдь, находятся же капиталисты, которые платятъ указанныя выше цѣны на бумаги, прежде выпущенныя. Подобныя возраженія могутъ быть сдѣланы людьми, не вникавшими въ дѣло. На обыкновенныя биржевыя цѣны имѣетъ большое вліяніе та публика, которая помѣщаетъ въ бумагахъ свои сбереженія; она въ своихъ привычкахъ довольно постоянна и продолжаетъ покупать тѣ бумаги, къ которымъ привыкла, хотя бы обстоятельства до нѣкоторой степени измѣнились. При подпискѣ же необходимо нужно имѣть въ виду совсѣмъ другихъ людей, которые покупаютъ бумаги не для

помѣщенія въ нихъ своихъ сбереженій, а для перепродажи. Только эти люди имѣютъ всегда готовыя средства для того, чтобъ обезпечить подписку, и безъ нихъ ничего не подѣлаешь. Между тѣмъ, эти люди имѣютъ смѣкалку и знаютъ гдѣ раки зимуютъ, а потому при извѣстныхъ обстоятельствахъ, т.-е. при извѣстной необходимости въ ихъ содѣйствіи, условія диктуются не финансовымъ управленіемъ, а этими подписныхъ дѣлъ мастерами, въ особенности, если заемъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, не можетъ быть отсроченъ, что для подобныхъ господъ, конечно, не могло быть секретомъ. На этомъ основаніи мы никакъ не можемъ ставить въ вину финансовому управленію невыгодность условій займа, такъ какъ эти условія опредѣляются фактическимъ положеніемъ дѣлъ данной минуты.

Утверждали также, что высокій процентъ, назначенный по займу, будетъ имѣть послѣдствіемъ пониженіе всѣхъ другихъ нашихъ бумагъ, обращающихся на заграничныхъ биржахъ, и вслѣдствіе этого явится невыгоднымъ для Россіи прецедентомъ при будущихъ русскихъ займахъ, что если до сихъ поръ онъ не вызвалъ значительнаго пониженія, то это только вслѣдствіе незначительныхъ размѣровъ займа. Что касается высоты процента, то мы думаемъ, что гораздо правильнѣе назначать такой процентъ, который допускалъ бы возможность реализаціи бумагъ по цѣнѣ номинальной или близко къ ней подходящей, чѣмъ понижая его, вмѣстѣ съ тѣмъ понижать и выпускную цѣну бумагъ, напрасно увеличивая такимъ образомъ номинальную цифру долга и премію по выходящимъ въ тиражъ бумагамъ. Эта послѣдняя система займовъ создаетъ ничѣмъ не заслуженный барышъ для капиталистовъ, вызываетъ ажіотажъ и является переложеніемъ бремени настоящаго поколѣнія на будущее, на что мы едва ли имѣемъ право, такъ какъ не можемъ знать, въ какихъ обстоятельствахъ оно будетъ находиться. Относительно же возможности пониженія нашихъ цѣнностей, выпущенныхъ на условіяхъ болѣе благопріятныхъ, и невыгодности подобнаго прецедента для дальнѣйшихъ русскихъ займовъ, неизбѣжность которыхъ отрицать никто не будетъ, то, конечно, надо согласиться, что только ограниченность размѣровъ займа не вызвала до сихъ поръ значительнаго пониженія курса нашихъ бумагъ, но нѣкоторое пониженіе дѣйствительно существуетъ и вызывается, конечно, желаніемъ замѣнить менѣе выгодную болѣе выгодной бумагой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя оспаривать и того предположенія, что послѣ настоящаго займа, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, болѣе выгодныя условія для нашего займа не только стали невозможными, но что нѣтъ ничего мудренаго, если эти условія сдѣлаются менѣе благопріятными и командиры денежнаго рынка возвысятъ свои требованія. Если же это будетъ такъ, то каждый новый заемъ для уплаты государственному банку остальныхъ 250 милліоновъ (на что у насъ не имѣется въ виду никакихъ другихъ источниковъ, помимо займовъ) будетъ сопровождаться болѣе невыгодными для государственнаго казначейства послѣдствіями и можетъ даже остановить исполненіе плана, разсчитаннаго на восемь лѣтъ впередъ.

Вотъ это-то послѣднее обстоятельство, въ особенности при какихъ-нибудь международныхъ осложненіяхъ, возможность которыхъ въ ближайшемъ будущемъ отрицать никакъ нельзя, представляетъ новое доказательство, почему мы не можемъ признать планъ погашенія безпроцентнаго долга государственному банку правильнымъ: случайныя обстоятельства, которыхъ предусмотрѣть положительно невозможно, могутъ помѣшать его исполненію.

По нашему крайнему разумѣнію, такое погашеніе гораздо вѣрнѣе могло быть исполнено при одновременномъ займѣ въ металлической валютѣ всей необходимой для этого суммы. Для достиженія подобной цѣли даже болѣе выгодныя для капиталистовъ условія займа, чѣмъ золотая рента, не могли быть обременительны для Россіи, въ виду тѣхъ выгодъ, которыхъ можно было ожидать отъ возстановленія цѣнности кредитнаго рубля. Но даже неудача подобной операціи и невозможность разомъ помѣстить на денежномъ рынкѣ такого значительнаго количества облигацій не повлекла бы за собою такихъ послѣдствій, какихъ можно ожидать въ случаѣ невозможности дальнѣйшаго погашенія долга по принятому нынѣ порядку: при неудачѣ операціи одновременнаго займа положеніе дѣлъ осталось бы въ прежнемъ видѣ и не было бы принесено никакихъ частичныхъ и притомъ напрасныхъ жертвъ. Тогда бы пришлось прибѣгнуть къ девальваціи, какъ къ послѣднему средству; но очень немудрено, что и теперь намъ придется прибѣгнуть къ этому средству для упроченія нашей валюты, но только послѣ принесенныхъ жертвъ и, слѣдовательно, при условіяхъ менѣе благопріятныхъ, чѣмъ въ первомъ случаѣ.

Въ заключеніе намъ остается сдѣлать одно замѣчаніе по поводу той осторожности, съ которой наше финансовое управленіе приступаетъ къ уничтоженію кредитныхъ билетовъ. Если, говоря выше о причинахъ этой осторожности и считая этой причиной финансовое положеніе государственнаго казначейства, мы ошибались, если дѣйствительнымъ мотивомъ такой осторожности были дѣйствительно опасенія стѣснить обороты государственнаго банка и тѣмъ самымъ обороты его кліентовъ, то позволительно остановиться на вопросѣ, что важнѣе: прекращеніе ли того ненормальнаго порядка вещей, который вызывается низкимъ курсомъ нашей валюты и отъ котораго терпитъ убытки цѣлая Россія, или временное стѣсненіе денежнаго рынка, отъ котораго пострадаютъ одни капиталисты, умѣвшіе въ послѣдніе годы наживать милліоны вслѣдствіе обилія денежныхъ знаковъ и паденія ихъ цѣнности? Мы думаемъ, что стѣсненіе оборотовъ государственнаго банка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и денежнаго рынка, какихъ бы размѣровъ оно ни достигало, можетъ затрогивать лишь интересы той кучки людей, представителемъ интересовъ которой служитъ государственный банкъ, т.-е. того класса, который, не производя ничего, обогащается на счетъ производителя и потребителя. Сколько бы ни потерялъ этотъ классъ людей, онъ потерялъ бы лишь то, что умѣлъ нажить въ послѣднее время, и русскій народъ по-

ложительно не почувствовалъ бы никакого стѣсненія отъ подобныхъ потерь; между тѣмъ какъ настоящій порядокъ вещей отзывается на всѣхъ классахъ народа и преимущественно на плательщикахъ податей вслѣдствіе возрастанія государственнаго бюджета и увеличенія налоговъ. Какимъ же образомъ, спросили мы, можно ставить въ какое-нибудь сравненіе интересы цѣлой массы русскаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнаго казначейства съ интересами незначительной кучки людей, которая группируется около государственнаго банка, и интересы которой могутъ пострадать отъ стѣсненія денежнаго рынка? Смѣло отвѣчаемъ на этотъ вопросъ, что эти послѣдніе интересы въ данномъ случаѣ не заслуживаютъ такого вниманія. Между тѣмъ, люди, не раздѣляющіе нашего взгляда и опасающіе стѣснить денежный рынокъ, не замѣчаютъ того, что они, охраняя отъ замѣтныхъ потерь эту кучку людей, вызываютъ незримыя потери для милліоновъ населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ потери для государственнаго казначейства, такъ какъ быстрое возстановленіе цѣнности кредитнаго рубля могло бы упрочить наше финансовое положеніе и избавило бы отъ тѣхъ частичныхъ жертвъ, принесеніе которыхъ можетъ оказаться совершенно напраснымъ.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

О дѣятельности Благотворительнаго общества при Старо-Екатерининскомъ отдѣленіи больницы чернорабочихъ въ Москвѣ.

1-го декабря текущаго года происходило открытіе дѣйствій Благотворительнаго Общества при Старо-Екатерининскомъ отдѣленіи больницы чернорабочихъ. Общество это, имѣющее въ настоящее время болѣе 70 членовъ, фактически существуетъ уже три года и имѣетъ пріютъ, въ помѣщеніи коего (Селезневская улица, домъ Игнатова, близъ Сущевской части) и происходило первое общее собраніе. Изъ устава этого Общества видно, что цѣль его заключается въ слѣдующемъ:

1) оказывать всякаго рода помощь бѣднымъ, находящимся въ Старо-Екатерининской больницѣ и выходящимъ изъ нея, а равно и ихъ семействамъ;

2) снабжать выздоровѣвшихъ больныхъ одеждою и самымъ необходимымъ для существованія на первое время по выходѣ изъ больницы;

3) снабжать нуждающихся необходимыми для нихъ медицинскими приспособленіями (костылями, бандажами и т. д.).

4) содержать дѣтей тѣхъ родителей, которые, поступая въ больницу, не могутъ оставить ихъ на чье-либо попеченіе;

5) помѣщать этихъ дѣтей, въ случаѣ надобности, въ какія-нибудь заведенія;

6) сверхъ того, если позволятъ средства, учреждать при пріютѣ особыя постоянныя отдѣленія для тѣхъ выходящихъ изъ больницы, которые по слабости, по старости или инымъ уважительнымъ причинамъ окажутся совершенно уже неспособными прокормить себя работой, а равно и для тѣхъ дѣтей, которыхъ не удастся помѣстить въ какое-либо заведеніе *(§ 1 устава Общества)*.

Изложенное говоритъ само за себя. Излишне распространяться насколько, при такой цѣли, дѣятельность этого Общества можетъ быть благотворна. Учредительницы этого Общества начали дѣло съ крайне скудными средствами,—въ ихъ распоряженіи было всего 500 рублей. Дѣло встрѣ-

тило сочувствіе во многихъ. Частная благотворительность поддержала его, дала возможность еще, до оффиціальнаго открытія дѣйствій Общества, вести его почти три года, основать и содержать пріютъ. Пріютъ этотъ въ настоящее время имѣетъ три отдѣленія: мужское, женское и дѣтское. Чрезъ него по 1 ноября текущаго года прошло 452 человѣка (297 мужчинъ, 85 женщинъ и 70 дѣтей), кромѣ того, Общество оказало пособіе еще 15 человѣкамъ, не бывшимъ въ пріютѣ. Одежды и обуви роздано 843 штуки. Изъ числа бывшихъ въ пріютѣ 6 человѣкъ взрослыхъ размѣщены въ другія благотворительныя заведенія и пристроено 22 дѣтей.

Пріютъ устроенъ весьма просто, скромно, безъ всякой не подобающей въ такомъ дѣлѣ роскоши. Пріемъ желающихъ поступить въ пріютъ происходитъ по указанію больничнаго доктора, безъ всякихъ формальностей. Въ пріютѣ они безпрепятственно остаются до тѣхъ поръ, пока совершенно не окрѣпнутъ силами и не найдутъ себѣ подходящаго труда. Никакой обязательной работы на нихъ не лежитъ и днемъ они свободно могутъ уходить для пріисканія себѣ мѣста. Имѣющимъ просроченные паспорты или адресные билеты таковые выправляются на счетъ пріюта; желающихъ уѣхать на родину отправляютъ въ сопровожденіи прислуги на вокзалъ, гдѣ имъ покупаютъ билетъ и даютъ на дорогу деньги, соразмѣряя количество ихъ по времени, которое требуется провести въ дорогѣ; нуждающимся выдается и одежда, соотвѣтствующая времени года, и вообще все необходимое.

Что касается дѣтей, то болѣе взрослыя изъ нихъ, во время пребыванія въ пріютѣ, обучаются грамотѣ или какимъ-нибудь рукодѣліямъ, а затѣмъ или возвращаются родителямъ, въ случаѣ желанія послѣднихъ, или же, какъ выше сказано, помѣщаются въ какія-либо учебныя или ремесленныя заведенія.

Служебный персоналъ пріюта состоитъ изъ двухъ прислугъ и надзирательницы, на обязанности которой, кромѣ наблюденія за чистотою и порядкомъ въ пріютѣ, лежитъ еще закупка провизіи и раздача призрѣваемымъ пищи.

Въ случаѣ заболѣванія кого-либо изъ находящихся въ пріютѣ, ихъ или тотчасъ же отправляютъ обратно въ больницу, или, если родъ болѣзни ихъ не требуетъ лѣченія въ больницѣ, они, оставаясь въ пріютѣ, пользуются совѣтами больничныхъ докторовъ и уходомъ нѣкоторыхъ изъ фельдшерицъ.

На содержаніе пріюта и на пособіе призрѣваемымъ израсходовано:

въ 1881 году	2,397	р.	71 к.
» 1882 »	2,706	»	69 ».
» 1883 » (по 1 ноября)	2,411	»	96 »
Всего . . .	7,516	р.	36 к.

На 1 ноября у общества оставался капиталъ въ 8,807 р. 52 к.

Какъ ни утѣшительны результаты дѣятельности этого учрежденія, тѣмъ не менѣе существованіе его далеко нельзя считать обезпеченнымъ. Насущная нужда Общества—имѣть собственный домъ для помѣщенія пріюта. Въ хорошія помѣщенія домохозяева не пускаютъ пріюта, имѣющаго дѣло съ больницей, и приходится доброму дѣлу ютиться въ плохомъ, нездоровомъ и неудобномъ жилищѣ. Да и помимо этого, для самаго существованія пріюта, для дальнѣйшаго развитія дѣятельности Общества собранныхъ средствъ недостаточно.

Позволяемъ себѣ думать, что въ насъ, русскихъ людяхъ, не оскудѣлъ еще духъ христіанской любви къ ближнему и между нами найдется достаточно теплыхъ сердецъ, готовыхъ откликнуться на нужды несчастныхъ, облегчить участь безпріютныхъ, холодныхъ и голодныхъ, сохранить многимъ изъ нихъ жизнь, и призрѣвъ осиротѣвшихъ дѣтей, дать имъ возможность сдѣлаться впослѣдствіи честными труженниками.

Пожертвованія принимаются деньгами, вещами, бѣльемъ, старымъ платьемъ, припасами и проч.

Лица, желающія жертвовать, могутъ обращаться:

къ предсѣдательницѣ правленія Общества Варварѣ Сергѣевнѣ Ершовой, Гагаринскій переулокъ, домъ кн. Оболенской;

къ завѣдующей пріютомъ княжнѣ Маріи Александровнѣ Ливенъ, Грузинская площадь, д. Дмитріева;

къ казначею общества Александру Ивановичу Барановскому, на Арбатѣ, въ домѣ Сабашниковыхъ;

къ секретарю Общества Платону Алексѣевичу Богданову, Сытинскій переулокъ, домъ Житарева

или въ пріютъ Общества, Селезневская улица, домъ Игнатова, близъ Сущевской части.

Членами Общества могутъ быть совершеннолѣтнія лица обоего пола, платящія на нужды Общества не менѣе пяти рублей въ годъ; для поступленія въ члены ничего иного не требуется, кромѣ уплаты этого взноса.—

ОПЕЧАТКИ

въ декабрьской книгѣ 1883 г. въ статьѣ И. И. Дитятина «Къ исторіи земскихъ соборовъ».

Страница.	*Строка.*	*Напеч.*	*Слѣд. читать.*
89	19 сверху	нельзя заключить	нельзя не заключить
89	30 и 31 св.	между тѣмъ, и въ другихъ отвѣтахъ	между тѣмъ и другимъ отвѣтами
95	11 сверху	бродятъ мести дворъ	бродятъ межъ дворъ
102	19 »	молчанье	мотчанье
105	3 »	Ниданію	Нижній-Новгородъ

Стр.

XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Съ какимъ чувствомъ мы встрѣтили истекающій годъ. — Что онъ принесъ намъ и какая существуетъ разница въ настроеніи нашемъ тогда и теперь.— Толки о золотой рентѣ и нашъ взглядъ на этотъ заемъ.—Значеніе мѣропріятій, принимаемыхъ для востановленія цѣнности кредитнаго рубля 57

Приложеніе: МАКБЕТЪ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. В. Шекспира. Пер. **С. А. Юрьева** . . . . . 1—32

О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ нумеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные—недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію, съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и **съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена тою конторой.** По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ *11* до *4-хъ* часовъ, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ **исключительно** въ помѣщеніи редакціи, гдѣ въ принятіи оныхъ выдаются установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставленныя рукописи должны быть четко переписаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія разсчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію. **Гонораръ уплачивается только за статьи, вышедшія въ свѣтъ. Деньги выдаются черезъ пять дней по выходѣ книги. Авансы не выдаются. Отдѣльные оттиски статей дѣлаются не иначе, какъ по заявленію желанія на то авторовъ и на ихъ счетъ.**

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *одного* до *четырехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка. **Относительно же присылаемыхъ въ редакцію и непринятыхъ ею для помѣщенія въ журналѣ стихотвореній редакція не въ какую переписку не входитъ, еслибы даже на то прилагались марки**

Принимаемыя для помѣщенія въ журналѣ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

КНИГАМИ ОТЪ 25 ДО 30 ЛИСТОВЪ.

Открыта подписка на 1884 годъ

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.
Безъ доставки	15 р.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 р.
Съ пересылкой въ другіе города	17 р.
За границу	19 р.

Лицамъ, подписывающимся въ конторѣ журнала, допускается разсрочка.

При подпискѣ: безъ доставки	5 р.	Остальные по 5 р. къ Апрѣлю и къ Іюлю.
съ доставкою въ Москвѣ	6 р.	
» пересылкою въ др. города	7 р.	
за границу	9 р.	

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЙ УСТУПКОЙ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—**въ Москвѣ Леонтьевскій пер., 21;** въ отдѣленіи конторы—**на Петровкѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій,** при конторѣ объявленій Н. Н. Печковской; въ магазинѣ канцелярскихъ принадлежностей И. Н. Кушнерева и К°, **на Никольской улицѣ, домъ Чижовыхъ; въ Петербургѣ**—въ отдѣленіи конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, **на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви; и въ Кіевѣ**—при конторѣ типографіи И. Н. Кушнерева и К°, **Елисаветинская улица, домъ Михельсона.**

Гг. иногороднихъ просятъ высылать деньги исключительно *въ контору*.

За подписку въ другихъ мѣстахъ редакція не отвѣчаетъ.

Контора открыта ежедневно отъ 11 часовъ утра до 4 часовъ дня.

Редакторъ С. А. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.